PR 28
C 23 61

28
23
PA28
C-23

ЗАПИСКИ
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XLIV. 1.

PA
28
C-23

СБОРНИКЪ ВЕЛИКОРУССКИХЪ СКАЗОКЪ

АРХИВА
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Выпускъ I.

ИЗДАЛЪ

А. М. Смирновъ.

413

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Россійской Академіи Н
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1917.

Напечатано по распоряженію Русскаго Географическаго Общества, подъ наблюденіемъ Предсѣдателя Сказочной Комиссіи, Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи д. чл. С. Ѳ. Ольденбурга и Товарища Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи д. чл. А. А. Шахматова.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
53780

Текстъ напечатанъ въ типографіи А. В. Орлова, В. О. Средній пр. 6.
Нотное, предисловіе и обложка — въ типографіи Россійской Академіи Наукъ.

Отъ Сказочной Комиссіи.

Обстоятельства военнаго времени задержали выходъ настоящаго изданія, въ которомъ предположено было выпустить въ свѣтъ всѣ до сихъ поръ неизданныя великорусскія сказки изъ Архива Русскаго Географическаго Общества; тяжелыя типографскія условія, почти налагающія запретъ на печатаніе научныхъ трудовъ, естественно выпускаемыхъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, не даютъ возможности напечатать уже готовыя въ рукописи части настоящаго труда, содержащія, во-первыхъ, введеніе, гдѣ подробно изложены начала, положенныя въ основаніе изданія, и гдѣ дано описаніе использованныхъ рукописей Архива съ указаніями, почему изъ нихъ не извлечены нѣкоторыя сказки, во-вторыхъ — подробный предметный указатель, составленный по плану, принятому уже въ другихъ изданіяхъ Сказочной Комиссіи, а именно въ Пермскомъ и Вятскомъ сборникахъ Д. К. Зеленина.

Находя желательнымъ скорѣйшее появленіе въ свѣтъ уже напечатаннаго нѣкоторое время тому назадъ текста сказокъ, расположенныхъ по губерніямъ, порядокъ слѣдованія которыхъ сообразованъ въ общихъ чертахъ съ областнымъ дѣленіемъ, принятымъ въ нѣкоторыхъ географическихъ изданіяхъ, Сказочная Комиссія рѣшила издать его въ двухъ выпускахъ, отнеся

введеніе и указатель къ третьему выпуску (примѣрно въ 10 печатныхъ листовъ), который будетъ выпущенъ въ свѣтъ по минованіи переживаемыхъ въ настоящее время типографскихъ затрудненій.

Работа по изданію сборника великорусскихъ сказокъ принадлежитъ А. М. Смирнову.

Типографскія затрудненія задерживаютъ выходъ въ свѣтъ и издаваемаго Отдѣленіемъ Русскаго Языка и Словесности Россійской Академіи Наукъ Орловскаго сборника сказокъ І. Ѳ. Калинникова, собранныхъ по почину Сказочной Комиссіи, которая по недостатку средствъ была лишена возможности ихъ печатать, такъ что исключительно благодаря отзывчивости Академіи этотъ сборникъ увидитъ свѣтъ.

Тѣ-же типографскія затрудненія мѣшаютъ изданію еще трехъ сборниковъ, собранныхъ по порученію Сказочной Комиссіи, по выработанному ею плану и лежащихъ въ рукописи уже нѣсколько лѣтъ въ распоряженіи Комиссіи: Тамбовскаго сборника Н. Ѳ. Познанскаго, Вологодскаго Сборника М. Б. Едемскаго и Псковскаго Сборника Н. Г. Козырева. Та-же причина не позволяетъ Комиссіи напечатать обширный сказочный матеріалъ по малорусскимъ сказкамъ, собранный И. Я. Рудченко и принадлежащій теперь Россійской Академіи Наукъ, которая, вмѣстѣ съ наслѣдникомъ собирателя, П. И. Рудченко предоставила изданіе этого цѣннаго собранія сказокъ Сказочной Комиссіи.

Архангельская губернія.

1. О Иванѣ Царевичѣ и о Царь-Дѣвицѣ.

Не въ которомъ царсвѣ, не въ которомъ государсвѣ былъ-жилъ царь Картаусъ. У его было три сынка. Царь ослѣпъ и сталъ кликать, кто бы сходилъ за тридеветь земель, за тридеветь морей, досталъ бы сладкихъ молодяжныхъ яблоковъ и животворной воды. „— Я бы, говоритъ, поправился."

Двоё старшихъ сынковъ говорятъ ему: „Тятинька и маминька, зачѣмъ вамъ животы тратить, мы и сами сходимъ."

Вотъ дѣтушки его и отправились за тридеветь земель и за тридеветь морей. Шли они долго ли, коротко ли,—я сказываю скоро, они идутъ по своему успѣху. Дошли они до Невъ-рѣки. Невъ-рѣка широка и глубока. Вотъ они давай черезъ эту рѣку мостъ мостить. День мостятъ, а ночь придётъ, и унесётъ.

Вотъ и третей сынокъ въ возрастѣ сталъ, повостряе сталъ. Изъ училища бѣжалъ и у бабушки-задворёнки стеколышко розбилъ. „Вотъ, говоритъ, у тебя было два брата и околёнки не розбили, а ушли за тридеветь земель и за тридеветь морей, и теперь ходятъ, а ты вотъ околёнку розбилъ."

Онъ пришолъ домой, этотъ сынокъ, и говоритъ отцу и матери: „тятенька и маменька, у меня было два брацца, „а гдѣ они?" Отецъ сказалъ: „Они ушли за тридеветь земель и за тридеветь морей за сладкими молодяжными яблоками и за животворной водой."—„Тятинька и маминька, я тоже поѣду за тридеветь морей и за тридеветь земель."—„Что-ты, говорятъ, доброхотъ, ты малолѣтенъ, куда ты поѣдёшь!" „—Нѣтъ, поѣду, говоритъ, спустите—поѣду, и не спустите—поѣду." Сказалъ и вышелъ по конюшнямъ себѣ добраго коня искать. Ходитъ онъ по городу по пришпекту. Встрѣ-

чается ёму старуха „Что ты, Иванушка, не веселъ, головушку повѣсилъ ниже могучихъ плечъ?“—„Прочь, старая чертовка! На долонь посажу, другой прижму, одна грязь останется.“ Старуха убѣжала, забѣжала вперёдъ и говоритъ ему: „Что ты, Иванушко, не веселъ, буйну голову повѣсилъ ниже могучихъ плечъ!“ —„Ахъ ты, старая чертовка! На долонь посажу, другой прижму, одна грязь останется.“ Старуха опять убѣжала, забѣжала вперёдъ и говоритъ ему: „Что ты, Иванушко, не веселъ, буйну головушку повѣсилъ ниже могучихъ плечъ?“—„Прочь, старая чертовка! На долонь посажу, другой прижму, одна грязь останется.“

— Ладно, сказала она, схватишься, Иванъ Царевичъ: стары люди много знаютъ.

— А полно, бабушка, воротись.

— Вотъ что я скажу тебѣ, доброхотъ: выйди въ чистое поле, въ чистомъ полѣ стоитъ дубъ; а если ты его своротишь, достанешь добраго коня. Онъ поблагодарилъ бабушку, сунулъ ей въ карманъ и пустился въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ видитъ дубъ. Ударилъ его наотпáшку, и дубъ палъ и разлетѣлся на мелкіе черешки. Вдругъ конь, который стоялъ за трема дверями желѣзными, сталъ ломать двери. Двери разломались, конь выскочилъ и прямо скочилъ на плечи Ивану Царевичу. Иванъ-Царевичъ ударилъ коня наотпáшку и говоритъ: „Ахъ ты, конь, травяной мѣшокъ, ешшо я на тебѣ не ѣздилъ, а ты на меня заѣздилъ!“

Вотъ онъ загонилъ его въ етотъ погребъ, взялъ узьдицу тесмяную и сѣделышко церькасько, накладывалъ на коня и подтягалъ на 12 подпругъ шеклóвыхъ, не для ради красы-басы, а ради богатырьской крѣпости. Зашолъ въ погребъ и набралъ себѣ доспѣхи богатырскіе, копьё, саблю, мечь-кладенецъ, все обралъ, што было, поѣхалъ въ цистомъ поли розгуливацца на этомъ кони. Ѣздилъ съ утра и до вечера, розгуливался. Ѣдетъ онъ домой къ отцу и матери, коня вáже къ паратному крыльцу; привязалъ коня къ золотому кольцу и прибѣжалъ къ отцу-матери и говоритъ:

—„Тятенька и маменька, благословите меня: я отправляюсь въ путь-дороженьку, куда путь надлежитъ. Ѣдетъ онъ близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли,—подъѣзжаетъ до Невъ-рѣки, а братья его мостъ мостятъ. А онъ братьямъ

не сказался и назадъ на кони воротился за 12 поприщевъ. Онъ бьетъ коня по крутымъ ребрамъ; началъ конь осержáться, отъ земли отдѣляться, выше лѣсу стоячаго, выше облака ходячаго, черезъ Невъ-рѣку перескочилъ и копытомъ не задѣлъ. Ѣдетъ онъ близко ли, далеко, низко ли высоко, я сказываю скоро,—онъ ѣдетъ по своему успѣху, доѣзжаетъ до Бабки-Задворенки. Видитъ—стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, на пѣтуховой головки. Онъ и говоритъ: „Избушка, остойся, голубушка, остойся! Къ лѣсу глазами, ко мнѣ воротáми, чтобы мнѣ зайти и выйти.“

Заходитъ въ фатерку, видитъ—сидитъ Баба-Яга.

— Фу, фу! руського духа пахнетъ. Далечо ли, доброхотъ, путь держишь?

— Что ты, бабушка, говоритъ, не напоила, не накормила, а спрашиваешь. Если бы ты напоила, накормила и спать уложила, тогда я бы тебѣ разсказалъ. Бабка его накормила и спрашиватъ опять.

— Далечо-ли вы поѣхали, далечо-ли путь держите?

— За тридеветь земель, за тридеветь морей за сладкими молодяжными яблуками и за живой и за мертвой водой.

— Охъ, доброхотъ, много, я слышала, проѣхало разныхъ богатырей, а назадъ никого нѣтъ.

Поутру онъ хотѣлъ ѣхать, а бабушка завела коня въ конюшню и дала ему крылатого коня.

Вотъ онъ отправился опять путемъ-дорогою. Ѣдетъ онъ близко-ли-далеко, низко-ли-высоко,—я сказываю скоро, онъ ѣдетъ по своему успѣху,—и доѣхалъ опять до такой избушки на курьихъ ножкахъ, на пѣтуховой головки и говоритъ:

— „Избушка, остойся! Голубушка, остойся! Къ лѣсу глазами, ко мнѣ воротами, чтобы мнѣ зайти и выйти. Приходитъ въ фатерку. Бабка сидитъ и спрашиватъ:

— Далечо ли ѣдешь?

— А онъ отвѣтилъ:

— Эхъ, бабушка, не напоила, не накормила, а спрашиваешь!

Бабка его накормила.

— Эхъ, если бы ты, бабка, не накормила меня, я бы отрубилъ тебѣ голову.

Вотъ онъ ночь проспалъ, поутру всталъ, а бабка выводитъ ему трехкрылатаго коня, а того оставлятъ у себя.

— Вотъ, поѣзжай, доброхотъ! Послѣдняя фатерка до городу будетъ.

Ѣдетъ онъ близко-ли-далеко на трехкрылатомъ кони и опять подъѣзжаетъ къ такой избушки на курьихъ ножкахъ, на пѣтуховой головки.

— Избушка, остойся! Голубушка, остойся! Къ лѣсу глазами, ко мнѣ воротами, чтобы мнѣ зайти и выйти. Заходитъ въ фатерку, видитъ—сидитъ бабка.

— Далечо ли, молодецъ, поѣхалъ, далечо ли путь дёржишь!

— Эхъ ты, бабушка, накорми-ко сперьва, а потомъ и спрашивай.

Бабка его накормила, а онъ ей росказалъ:

— Ѣду я за тридеветь морей, за тридеветь земель за сладкими молодяжными яблуками и за животворной водой.

— Охъ, доброхотъ, много туда ѣхало разныхъ богатырей, а ни одинъ оттуда не вернулся. Всѣ-то головушки ихни на тычинушкахъ, а только одна тычинка стоитъ порозна,—не твоей ли головушки быть? Вотъ онъ ночь проспалъ, поутру сталъ, а бабка ему выводитъ четырехкрылатого коня. Ѣдетъ онъ близко-ли-далеко, низко-ли-высоко,—я сказываю скоро, онъ ѣдетъ по своему успѣху. Подъѣзжаетъ къ городу и началъ коня бить по крутымъ ребрамъ. Конь его сталъ разсержаться, отъ земли отдѣляться, выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго. Подъѣхалъ къ этому городу, конь перескочилъ черезъ тынъ, не задѣлъ его не хвостомъ, не копытомъ, опущался въ сады Царь-Дѣвицы. Вотъ онъ и началъ въ этихъ садахъ ходить, яблуки щипать, въ корманы прятать; въ колоццы начерпалъ живой воды, налилъ по скляночкамъ живой воды и мертвой.

Вотъ онъ ходилъ и гулялъ въ этихъ садахъ, вернулся къ коню и говоритъ:

— Хоть я въ садахъ гулялъ, да Царь-Дѣвицы не видалъ. Прибѣжалъ въ ейны покои, а она спитъ богатырьскимъ сномъ, развалялась, раскидалась. А онъ ей и поцѣловалъ и вышолъ оттуль, пришолъ и роздумался:

— Вотъ, говоритъ, ничего ей худого не сдѣлалъ!

Воротился, а та спитъ богатырьскимъ сномъ. Вотъ онъ и сдѣлалъ худо и вышелъ отъ ей и пришолъ къ коню. Хочетъ на коня садицца, а конь ему говоритъ человѣчьимъ языкомъ:

— Иванъ-Царевичъ! не перенести мнѣ тебя! сходи, обдайся холодной водой.

Онъ сходилъ, обдался, пришолъ къ коню и садился на своего добраго коня. Началъ его разглаживать и бить по крутымъ ребрамъ, и началъ конь его рассержацца, отъ земли отдѣляцца, черезъ этотъ тынъ скочилъ, задѣлъ копытомъ лѣвой ноги за струны. Струнами этима былъ тынъ обнесенъ. Струны запѣли, колокола забречали, стукотокъ пошолъ по всему городу. Царь-Дѣвица скочила ото сна,— что—эко подѣлалось,—и скомандовала:

— Эхъ вы, дѣвицы, удалы палени́цы! Какой, говоритъ, невѣжа былъ, воду пилъ дай колоцца не закрылъ. Скочите прямо на коней въ погону.

Вотъ въ погону за имъ гонятся. А Иванъ-Царевичъ доскакалъ до первой бабки. Бабка стогъ соломы зажгала, а фатеру грязью закидала, коня ему замѣнила трехкрылатымъ.

Поленицы пріѣхали и спрашиваютъ:

— Давно ли рыцарь проѣхалъ.?

А Бабка говоритъ имъ:

— Проѣхалъ . . . да отъ его лица хвостъ соломы загорѣлся, а конь копы́тамъ, гляди, мою фатеру грязью забросалъ. Не повѣрила дѣвица, удалая поленица.

— Впередъ пошолъ! командуетъ своему войску.

А Иванъ-Царевичъ доѣхалъ до другой бабки. Та сдѣлала то же само, зажгала солому, фатерку грязью закидала, дала ему крылатаго коня, а трехкрылатаго отобрала.

Доѣзжаютъ паленицы до этой бабки и спрашиваютъ:

— Не видали ли тутъ рыцарь проѣхалъ?

— Проѣхалъ, говоритъ, недавно, да вамъ съ нимъ дѣлать нечего. Отъ его лица пламя пышетъ, отъ коня грязь кругомъ летитъ.

Эти дѣвицы поѣхали дальше.

Иванъ-Царевичъ доскакалъ до третьей бабки; бабка фатерку грязью вымазала, зажгала сѣно, отняла у его крылатаго коня. Теперь молодецъ на своего коня попалъ. Ѣдетъ онъ близко-ли-далёко, низко-ли-высоко, — слышитъ онъ: погона близко! Пущатъ калену стрѣлу имъ навстрѣчу. Калена стрѣла летитъ, вырываетъ ровы по 12 саженъ. А Царь-Дѣвица все камандуетъ впередъ.

Дѣлать Ивану-Царевичу нечего. Увидалъ онъ плиту огромну, выкатилъ ею на дорогу и надписалъ на каменю: „Если не можете по-одинкѣ поднять плиту, то не гнайтесь“.

Царь-Дѣвица доѣхала и увидѣла подпись. „Ну, дѣвицы, удалые поленицы, слѣзайте съ коня и подымайте камень.“

Тѣ слѣзли, но ничего не могли сдѣлать. „Ну теперь надо ѣхать назадъ,“ говоритъ Царь-Дѣвица.

А Иванъ-Царевичъ подъѣзжаетъ къ Невъ-рѣки. Началъ онъ бить коня по крутымъ ребрамъ, конь сталъ разсержаться, отъ земли отдѣляться выше лѣсу стоячаго, нижоблака ходячаго, черезъ Невъ-рѣку перескочилъ, копытомъ не задѣлъ.

А братья всё мостъ мостятъ. „Браццы, говоритъ Иванъ-Царевичъ, покараульте моего коня: я усну.“ Уснулъ онъ богатырьскимъ сномъ, а братья кое-какъ его саблю подняли и ему голову перерѣзали и въ Невъ-рѣку спустили, и онъ поплылъ. А они поѣхали домой къ отцу и матери. Пришли и яблуки подали царю. Онъ помазалъ глаза и увидѣлъ. Серѣдняго сына царь женилъ.

Плыветъ Иванъ-Царевичъ по Невъ-рѣки, доплываетъ до такого государства, въ которомъ трёхглавая змія выходила изъ озера и людей поѣдала. У царя уже людей не стало, по жеребью стали ходить. Выпалъ жеребій царской дочери на съѣденье итти. Повезли дробанты её въ фатерку, гдѣ змѣй ѣлъ. Привезли, и сидитъ она раненько, покуда змѣя не вышла. Пошла она на берегъ погулять,—видитъ тѣло, стала она тѣла грàбать, къ бережку прйтащила и стала по корманамъ искать. Нашла въ корманѣ скляночку съ живой и мертвой водой. Брызнула изъ этой скляночки, онъ дрыгнулъ, изъ другой брызнула,—онъ сталъ.

— Фу, говоритъ, какъ долго спалъ, ничего не слыхалъ.

— Вѣкъ, говоритъ, ты спалъ бы, кабы не я.

— Какъ, говоритъ, вѣкъ спалъ? Гдѣ мои братья, гдѣ мой конь?

— Я не знай, твоихъ братьёвъ не видала и коня твоего не видала.

— А ты зачѣмъ здѣсь?

— А такъ и такъ: я сюда привезена на съѣденье.

— Ну, какъ ты меня оживила, такъ и будешь жива.

Крикнулъ коня, конь явился.

Вотъ и пошли въ фатерку; заставилъ онъ дѣвушку въ головѣ вшей искать. Говоритъ: „Я долго ѣздилъ, такъ завелися.“ Положилъ онъ ей голову на колѣни и захрапѣлъ богатырьскимъ сномъ.

Вдругъ выходитъ чудѝще о трёхъ головищахъ.

— О! говоритъ, царь, видно, богатъ сталъ: двѣ головы человѣчьихъ, а третья лошадиная!

Дѣвушка никакъ не могла розбудить Ивана-Царевича, стала колоть его булавками, голосомъ заревѣла. Слеза канула ему на лицо, и онъ проснулся.

— Охъ, говоритъ, какъ долго спалъ!

Онъ скочилъ на своего коня, разъѣхался и чудѝщу три головы отнесъ. Эти головы закопалъ въ яму да и плиту накатилъ.

Дробанты пріѣхали изъ городу косьё убирать. А царевичъ опять заставилъ дѣвушку вшей искать и заснулъ. Она его давай будить, никакъ розбудить не могла. Дробанты заскочили въ избу, схватили его саблю и кое-какъ горло перерѣзали. Взяли его и бросили въ болото. А сами начали стращать дѣвушку саблей: „Скажи, говорятъ, что мы тебя спасли.“ Дѣвушка испугалась и согласилась. Они повели её домой къ отцу и матери. Отецъ и мать обрадѣли. „Кто, говорятъ, тебя спасъ?“ Она сказала: „Дробанты.“ „Ну, говорятъ, дакъ тебя взамужъ за одного дробанта выдаёмъ.“

Вотъ её просватали; три дня сроку осталось ей гулять. Набрала она нянёкъ и кухарокъ и пошла на болото розыскать Ивана-Царевича. Кухарки и няньки на бѳлоти прирвали всѣ платья. Ходятъ день и другой, а тѣ всю её пругали по-заочью. На третей день набрели они на то болото, и нашла она тѣло, и зобиходила его какъ слѣдуетъ. Онъ дрыгнулъ и прыгнулъ.

— Фу, говоритъ, какъ долго спалъ!

— Ты, говоритъ, долго спалъ бы!

Она спросила его:

— Деньги у тебя есь?

— Нѣтъ?

Она ему дала.

— На, говоритъ, деньги, пойди въ городъ и просись музыкантамъ въ товарищи.

Вотъ онъ пошелъ, нашелъ музыку и просится къ имъ, Они взяли его въ товарищи и на другой день пошли въ поѣзжой столъ. Двѣнаццать отчитали, а тринаццатаго— „Поди съ Богомъ!“ Онъ началъ деньги по сторонамъ розбрасывать. Музыканты подошли къ дворцу; царскіе слуги отсчитали двѣнадцать, и его впустили, а тринаццатаго откинули.

Вотъ сидитъ публика за столомъ. Невѣста приказала играть первой ширинги. Перва ширинга отыграла.

— Татенька и маменька! позвольте по стокану музыкантамъ.

Выпили за ейно здоровье, и та ширинга отошла прочь.

Вотъ и другая ширинга заиграла, такъ хорошо, что гости и не знаютъ, что такое стало!

— Татенька и маменька! позвольте по стокану музыкантамъ.

Тѣ выпили, а Иванъ-Царевичъ взялъ стоканъ въ перчатку.

— Зачѣмъ ты не снимашь перчатки?

— Перстъ болёнъ.

Она взяла и сдернула перчатку, и закрычала:

— Татенька и маменька! Вотъ кто меня отъ смерти спасъ!

Дробанты заскакали: „Какъ такъ? Какъ такъ?“

— Давай, говоритъ Иванъ-Царевичъ, поѣдемъ на то мѣсто, гдѣ головы.

Гдѣ намъ, говорятъ, нàскори натти.

Поѣхали къ морю. Тотъ приступатъ: „Гдѣ головы, гдѣ головы?“ Дробанты не могли натти, а онъ нашёлъ и приказалъ отворотить плиту. Тѣ не могутъ и вѣтру подпустить, а гдѣ имъ отворотить плиту.

А онъ взялъ носокъ подъ камень, да какъ повернетъ,— сколько лѣсу приломалъ!

— Ну, говоритъ, полѣзайте въ яму, выкидывайте головы.

А тѣ боятся.

Сейчасъ поѣхали во дворецъ. Жениха посадили на ворота, разстрѣлили, а товарища его къ жеребцу привязали. на полё спустили; изъ его песокъ сдѣлался.

А молодцу царь говоритъ:

— На мою дочь, женись!

А тотъ отказывается, говоритъ: „Сначала съѣзжу къ отцу и матери, возьму благословенье!“

Погостилъ долго ли, коротко ли, и поѣхалъ домой. Вотъ и пріѣзжаетъ. Дома въ своемъ государствѣ закатаны ворота, всѣ закрѣпилися. Заскочилъ онъ къ одной бабушки-задворенки.

— Что тутъ дѣлается?

— Охъ ты, доброхотъ! Тутъ два брата ходили за живой и мертвой водой, что-то набѣдокурили съ Царь-Дѣвицей,— дакъ та подступатъ, говоритъ: „Подайте мнѣ виноватого.“

Ночку онъ ночовалъ у бабушки-задворенки, не показывался домой. Поутру пришолъ, разломилъ всѣ ворота и скрылся.

А у Царь-Дѣвицы мостова выслана сукнами, по одну сторону краснымъ сукномъ, по другу желтымъ. Вотъ она выкликаетъ: „Оддай мнѣ, царь Картаусъ, виноватого, а то я всё царство побью, поплѣню, головнёй покачу.“

— Вотъ, большой сынокъ, поди: ты виноватъ! сказалъ царь.

Старшой сынокъ пошолъ потихонько, чтобы сукна не замарать.

Увидѣли дѣтушки,—а у ей были двойни, и говорятъ:

— Вонъ идетъ нашъ тятенька!

А она имъ говоритъ:

— Это не вашъ тятенька, а вашъ дядюшка: проводите по хорошому.

Тѣ по камышовки взяли и побѣжали, и сказали.

— Дядюшка! не тебя зовутъ, дакъ ты не ходи! и начали его бить. А онъ только плечи поворачиваетъ. Пошолъ средней и лѣпится на карапъ. Увидѣли дѣтушки и спрашиваютъ у маминьки:

— А что его встрѣтить или проводитъ?

— Проводить.

Напотчевали камышовками и этого.

Дѣлать нечего: откуль взялся Иванушка и говоритъ салдатамъ: „Пройду, дакъ сукно забирайте, кому што попало.“ Пошолъ, а салдаты забираютъ.

— А что это нашъ тятинька? спрашиваютъ дѣточки.

— Да, доброхоты, это вашъ тятинька.

— Встрѣтить или проводить?

— А какъ знаете: воля ваша.

Тѣ побѣжали, брали его за руки и хотѣли проводить. А онъ схватилъ ихъ за волосы, одного въ одну руку, другого въ другу, и несетъ на карапъ. Принесъ, а Царь-Дѣвица ему въ ноги. А онъ ей назадъ говоритъ:

— Не ты виновата, а я самъ виноватъ.

Вотъ вышли на гору да-й веселымъ пиркомъ и за свадебку. Свадьба прошла, а меньшого женилъ на той-тамъ, котору спасъ отъ смерти. Прошли свадьбы, Иванъ-Царевичъ уѣхалъ съ Царь-Дѣвицей въ ейно царство. Я тамъ былъ, медъ пиво пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало. Сказка вся, больше врать нельзя.

Онежскій уѣздъ, Шелековскій приходъ Савинской волости. Зап. отъ крестьянина Ѳедора Васильевича Огаркова 84 лѣтъ (онъ же „Ѳедорейко"). Лѣто 1912 г.

---

2. Приключенія двухъ стариковъ.

[Чудо чудное—диво дивное.]

Жили старикъ со старухой. Старуха и говоритъ:

— Старикъ! марду пусти въ езъ, не попадётъ ли кака рыбинка.

На утро, какъ только колоколъ къ заутрени, старикъ побѣжалъ къ мардѣ. Вдругъ ему попала щука большая-пребольшая. Старикъ и обрадѣлъ:

— Намъ со старухой завтро на обѣдъ или паужинъ хороша ѣда будетъ.

Взялъ щуку, очистилъ и говоритъ:

— Вотъ, старуха, голову—на лàтку, а хвостъ на другую: а середку въ рыбникъ.

Послѣ того пришёлъ старикъ отъ обѣдни и говоритъ:

— Давай, старуха, обѣдать стамъ, неси голову на латки. Старуха принесла латку съ головой. Старикъ побрёлъ ложкой—одна уха, а рыбы нѣтъ.

— Ты, говоритъ, старуха, не видала ли рыбы?

— Нѣтъ, говоритъ старуха, не вынимала.

— Ну, тащи другую латку съ хвостомъ, неужоли хвостъ тоже ушолъ изъ латки?

Старуха и другу притащила—хвоста нѣтъ.

— Ну, старуха, неси рыбникъ, неужоли и изъ рыбника ушла?

Старуха и рыбникъ принесла, корку разломала—середки нѣтъ.

Старикъ корки поѣлъ, ушки похлебалъ, а рыбы не видалъ, какова́ была, и изъ стола вышелъ.

— Ну, старуха, говоритъ, пойду въ люди разсказывать, како́ чудо случилось у меня.

Вотъ онъ пришолъ на Беричово ли, Маркомусы, я не видѣлъ,—тутъ старикъ со старухой тоже сидятъ обѣдаютъ.

— Хлѣбъ да соль, говоритъ, добрые люди.

— Хлѣба кушать, добрый человѣкъ, заходи съ дороги. Старикъ и зашолъ въ фатеру.

Вотъ сидятъ за столомъ, обѣдаютъ, старикъ и разсказалъ про щуку, какъ было дѣло.

— Вотъ я раньше, говоритъ другой старикъ, женился; жонка любить не стала. Вдругъ хватила ухватъ, а меня обернула кобелёмъ, возила меня, возила, ажно опристала; сѣла на лавку отдыхать, вижу, а двери заложила на крючокъ, мнѣ вытти нельзя. Отдохнула, опять меня возить стала, а я голову пехнулъ подъ лавку,а по . . . . думаю, дуй. Опять до того довозила, что сѣла на лавку отдыхать. Вдругъ мнѣ придумалось, не могу ли отворить крючка. Прискочилъ на заднія лапы, а передними крючокъ отшолкнулъ. Я впроходную, и она за мной впроходную. Я на сарай, и она за мной на сарай. Я во дворъ, и она за мной во дворъ. На мое счасье подворотня во двори не ставлена была, я выскочилъ на улицу. Тутъ на улицы набѣжали собаки и начали меня нещадно рвать. Охти-мнѣченько! Кое-какъ отъ собакъ я на заполёкъ урвался, махнулъ въ лѣсъ и по лѣсу бѣжу, бѣжу, не знаю, близко ли, далеко ли, истощалъ; вижу падину, а ись не могу. На одной полянки, вижу, пастухъ ходитъ съ коровами. Вотъ пастухъ меня къ собѣ манитъ, а я не смѣю близко подойти. „Бить, думаю, будетъ, дакъ опять бѣда.“ Пастухъ кое-какъ меня къ собѣ поближе сманилъ. Я съѣлъ у его кусочки отъ паужны и наѣлся. Пастухъ побѣжалъ въ деревню себѣ за паужной. „Надо, говоритъ, соби поись, а то всё кобеля скормилъ.“ Пастухъ ушелъ, а я улегся подлѣ пестеря спать. Пастухъ пришолъ съ другой паужной

и началъ мнѣ давать, а я не беру, потому что слыхалъ отъ старыхъ людей: много наѣшься съ голоду, такъ пропадёшь. Вотъ солнышко не рано стало, я пошелъ у пастуха забирать коровъ, а пастухъ идетъ да посвистываетъ. Вотъ всѣхъ забралъ. Погонили коровъ. Пастухъ посвистываетъ, а я все гоню. Пригонили въ деревню всего скота. Пастухъ пошолъ ужинать и меня беретъ съ собой ужинать. Пастухъ заходитъ въ фатеру и меня манитъ въ фатеру, а я итти не смѣю. Пастухъ занесъ меня въ фатеру, и я повалился подъ порогъ, лёгъ на виникъ и гляжу, не бранятся ли хозява, не глядятъ ли на меня. Вижу, хозява не браня. А пастухъ манитъ меня ко столу. Я кое-какъ ползункомъ пошолъ и приползъ, а пастухъ кусочки и поддаиватъ. Пастухъ поужиналъ, и я пошелъ съ пастухомъ. Прихожу на фатеру, гдѣ пастухъ живётъ. Пастухъ повалился спать, и я у ёго въ ногахъ. Вотъ пастухъ проспалъ ночь и пошелъ завтрокать и меня манитъ завтрокать. Пошолъ пастухъ скота выгонять, а я подгонять. Онъ выпушшатъ, а я подгоняю. Пастухъ и въ лѣсъ не пошолъ Вотъ ходитъ кобель, и пасетъ много дёнъ, а пастухъ ходитъ, приноситъ ему паужинъ; кобель одинъ живетъ со скотомъ. Такъ этотъ пастухъ пасетъ всё лѣто. Одинъ хресьянинъ побился объ закладъ съ пастухомъ, по сотни рублей въ залоги положили,— что кобель одинъ пасетъ. Хресьянинъ сказалъ:

— Сегодня ты не ходи, а пусь кобель пойдетъ.

Пошелъ я въ лѣсъ со скотомъ. Вотъ приходитъ волкъ и сичасъ и въ стадо. Вотъ съ этимъ волкомъ схватился кобель драться. Съ утра и до вечера дралисе, и никоторой никотораго перемогчи не можомъ: сила наравни. Этотъ кобель и подумалъ: „Ахти мнѣ, скотъ далеко разошолся, не собрать мнѣ будетъ всю ночь.“ И до того разсердился, что я началъ такъ волка терзать, что волкъ ничего не сможетъ сдѣлать. Повалися—хоть домертва грызи!

Вотъ я побѣжалъ отъ волка скота собирать. Всѣхъ коровъ собралъ до единой скотинки, ночью въ потемкахъ ужъ гоню въ деревню, а хресьяне всѣ стоятъ въ улицы.

— Нѣтъ, говорятъ, добра! ночь на двори, волкъ всю скотину придавилъ.

Вдругъ я пригоняю скота домой. Хресьяне говорятъ:

— Вотъ мои идутъ!

— И мои идутъ!

Всѣхъ и пригонилъ до единой скотинки, никого не придавилъ волкъ.

Вотъ пошла слава про этого кобеля широко и далеко.

— Есь, говорятъ, кобель, что одинъ пасетъ скота сколько годовъ.

Вотъ въ одномъ городи завсе покража сдѣлалась: воръ ходилъ, всѣ лавки подламывалъ. Одного купца пòслали за кобелемъ къ пастуху.

— Что, говорятъ, запроситъ, то и давай за кобеля. Этотъ купецъ и отправился на тройки къ пастуху кобеля покупать. Вотъ и спрашиватъ у пастуха:

— Продай ты кобеля!

Пастухъ его не продаё.

— Что угодно бери, а тольки продай.

Пастухъ запросилъ триста рублей, а купецъ и деньги подалъ за кобеля.

Я вижу, меня купецъ купилъ, а я бросился ему нà груди. Купецъ немножко на затылокъ не улетѣлъ. Посадилъ онъ меня въ повозку. Мнѣ въ повозки не сидится, я прыгнулъ туда, гдѣ кучера сидятъ, выстроился на бесёдку. Эхъ! везутъ меня, а шерсь на мнѣ такъ и разступается: отъѣлся въ пастухахъ-то. Привезли меня въ этотъ городъ, гдѣ была покража. Тутъ крешшоны увидали, что кобеля привезли. Кто несё булку, кто сайку,—я ничего не беру. А кто принесё на торелочки закусочку—то слизну.

Въ гостиномъ двору мнѣ буточку состроили и меня на цѣпь посадили. Настала ночь, тольки собаки полаиваютъ, караульны покрыкиваютъ. А какъ глухая полночь—собаки замолкли, и караульни не крычатъ; всеравно, какъ нигдѣ никого нѣтъ. Вотъ, я слышу, идетъ по пришпекту по панели, какъ сѣнàя куча катитъ. И вдругъ эта сѣнàя куча прикатила прямо къ моей лавки. Колѣнкомъ уперлась и двери выломила. Вижу, самолýчшій товаръ набираё и кладётъ въ тюкъ. И набрала этого товару самолучшаго, сколько унести могла, и выходитъ изъ лавочки съ товаромъ. Я гляжу и думаю, какъ нать захватить, какъ бы цѣпи хватили. Съ буточки соскочилъ да какъ захватилъ сѣнýю кучу съ товаромъ, едва и живую спустилъ; кое-какъ отъ меня уплелась. А я на товаръ повалился и лежу, чтобы товара не унесли дальше.

Вдругъ глухая полночь прошла, и собаки залаяли, и караульны запокрыкивали. Утренняя заря пришла, обходъ идетъ лавки осматривать. Увидали—лавка по́ла.

— Вотъ, говорятъ (слышу я), триста рублей дали за кобеля, а лавка подломлёна.

Пришли и увидѣли меня съ товаромъ; вынули товаръ изъ-подъ меня и понесли въ лавку. Насколько тыщъ товару украдено, сами и опредѣлить не могли, оцѣнщиковъ приводили.

Сняли меня съ цѣпи и повели по домамъ обѣдомъ кормить. Тутъ мнѣ несутъ опять булки, сайки, а я этого не беру, тольки закусочки съ торелки слизну — да-й.

Живу въ этомъ городи долго ли, коротко ли. Пошла слава про этого кобеля далеко и широко. Дошло дѣло до самого царя. Царь посылаетъ одного енерала.

— „Купи у купцовъ кобеля; что запросятъ, то и давай.“

А если на деньги не согласятся, то далъ такѝ письмо, что и такъ везите. (Царско слово, братъ!).

Инералъ эту записку показалъ имъ. Говоритъ:

— Если за деньги не продаите, такъ и такъ увезу.

Купцы говорятъ:

— Что, робята, чѣмъ безъ денегъ, такъ лучше за деньги. И согласились съ енерала взеть пятьсотъ рублей денегъ. Вотъ я сичасъ нà груди бросѝлся енералу. Енералъ немножко на затылокъ не улетѣлъ, экій брюханъ. Онъ меня посадилъ въ корету, а мнѣ въ корети не сидится. Я выскочилъ туда, гдѣ кучера, фалеторы, запятники,—туда мнѣ и мѣсто. Хорошо мнѣ, любопытно, везутъ меня на шестерки.

Вдругъ вижу—везутъ меня въ Питенбурхъ, да-й къ царю. Охъ, я тутъ-то и испугался, трухнулъ. Царь услыхалъ,—кобеля привезли, выскочилъ кобеля встрѣчать. Встрѣтилъ и повелъ меня въ полаты и садилъ за столъ: кормить кобеля надоть съ дорожки. Мнѣ принесли кушанья, ложечку, вилочку, и самъ государь сѣлъ со мной. Угостились по-хорошинькому. Вдругъ царицы надоть родить въ ту ночь: тяжолà была царица. Мнѣ устроили буточку въ колидори, застали меня въ буточку у дверей у самыхъ, гдѣ царица рождать будетъ младѐня. Въ колидори салдатъ настановили, салдатъ подлѣ салдата, ружье подлѣ ружья; только брякотокъ идетъ, какъ ружья побрякиваютъ, съ руки на руку

ихъ перекидываютъ. Настала глуха полночь—вдругъ какъ кислымъ облило, стоятъ всѣ какъ вкопаны, какъ всѣ онѣмѣли, заспали. Вдругъ я слышу—брякнуло кольцо у парадного крыльца, а у царицы въ то время родился младень. Гляжу—поднимается предревня старуха и по колидору идетъ. Подошла къ двери, гдѣ царица родила, колѣнкомъ уперла въ двери, дверь выломила, взяла младеня и понесла. Тольки до меня донесла, какъ я выскочилъ изъ будки, да-й этого младеня у ей изъ рукъ какъ выхватилъ и положилъ къ себѣ въ буточку, а эту старуху потянулъ по колидору за ноги. Тольки головой старуха пошшолкиваетъ по лѣсницамъ. Проволокъ её на паратно крыльцо и выкинулъ на пришпектъ, а самъ побѣжалъ ко младеню. Взялъ я этого младеня на лапки и покачиваю на лапкахъ на переднихъ.

Вдругъ глуха полночь прошла, няньки и кухарки всѣ проспались, и всѣ заревѣли: младень украденъ, никто ораулить не могъ.

— Нать, говорятъ, царя будить.

Розбудили царя. Царь хватилъ саблю и побѣжалъ отрубить кобелю голову. А кобель этого младеня высунулъ изъ будки и покачиватъ его на лапкахъ. Царь увидалъ младеня, выхватилъ у кобеля изъ лапъ, подалъ нянькамъ-кухаркамъ и не знаетъ, кобеля цѣловать или младеня,—обрадѣлъ, значитъ.

Повёлъ онъ меня къ собѣ въ бѣлокаменны палаты, напоилъ, накормилъ; повалился отдыхать, и я повалился. Выспались,—младеня крестить надо. На крестинахъ веселились всѣ енералы, всѣ думны министры, всѣ напивались, всѣ наѣдались.

— Что, енералы, думны министры, царь сказалъ, что съ этимъ кобелемъ будёмъ дѣлать, какъ вы думаете?

Кто скажетъ: „Чиномъ наградить.“ А кто скажетъ:

— „А кто его слушать будё?“ Новой опять обсказыватъ: „Деньгамъ наградить.“ А новой опять говоритъ: „Какъ онъ будетъ носить деньги и расходовать?“

Царь потомъ и сказалъ:

— Вотъ что, господа енералы и думны министры, вотъ что я выдумалъ: надо позолотить кобеля.

А я и подумалъ:

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
537809

— Вотъ бѣда-то: шерсть мою опалятъ, безъ шерсти что я стану дѣлать?

Царь говоритъ:

— Привести золотарей!

Вотъ и золотарей привели.

— Воть что, господа, закрычалъ царь, кобеля нать золотить, а ни одной шерстинки не пошевелить и золотыма литерàмъ подписать, что царской кобель идетъ и чтобы, гдѣ бы онъ не бѣжалъ, всякій ему шапку сымалъ, господа или простонародье,—все равно.

Тутъ меня òддало.

Пошли царски дѣти гулять, и я пошелъ съ има гулять. Эхъ, по пришпехту бѣжу впереди, а всѣ шапки такъ и схватываютъ, какъ меня увидаютъ, эхъ, любо мнѣ!

Много ли, мало ли я бѣгалъ, любовался собой, что мнѣ шапки сдергиваютъ,—и вдругъ пошли царскіи дѣти въ Лѣтній садь гулять, и я пошолъ съ има гулять. Хожу въ саду и гуляю. Вдругъ пришло въ голову сходить къ молодухи, не полюбитъ ли меня золотого. Вотъ я изъ саду вымахнулъ. Прибѣгаю домой,—окошка-то у насъ низеньки, погляди-ко (показыватъ старику),—лапки выкинулъ на окошко и гляжу, что хозяйка дѣлатъ. Печь разсыпалась у хозяйки, а хозяйка блины пекётъ, а другъ спитъ на постели. Стѣнь-то въ фатерѣ заходила, она обернулась, увидала меня и закричала:

— Э, говоритъ, тебя вызолотили, другъ! Былъ ты кобелёмъ, сдѣлайся воробьемъ. И вдругъ я сдѣлался такимъ воробьишкомъ заморнымъ. Вылетѣлъ на улицу, а други воробьи какъ стали меня клевать, только перьё летитъ. Вотъ урвался я и полетѣлъ впередъ. Лечу и вижу: у одного хресьянина выстроёно гумно ново, а въ этомъ гумни овса нагребёнъ ворохъ. Ворота, вижу, полы и тутъ воробьишко ходитъ такой трухàвой, поклюиватъ. Я посвоился къ нему и двоемъ мы похаживали и поклюивали.

Хресьянинъ пришолъ, гумёшко заперъ,—а намъ и вылетѣть нельзя,—и давай насъ имать. Ималъ да былъ, а тотъ воробьишко куда-то сунулся подъ тёсъ и улетѣлъ, а меня мужикъ и поймалъ, да-й за пазуху. Я дрожу ли у его за пазухой, ли нѣтъ. Онъ меня за пазухой домой и понесъ. Приноситъ домой и говоритъ:

— Я, мама, зятя поималъ!

— Поималъ, доброхотъ? кидай въ печь! закричала матка.

А старикъ закричалъ съ постели:

— Ахъ, ты, стара чертовка, ты не помнишь, какъ сынъ ходилъ волкомъ въ стадо коровъ давить, а онъ бы могъ бы его до смерти загрызть, да не загрызъ, а спустилъ; а я, стара чертовка, ходилъ въ гостиномъ ряду воровать, онъ тоже могъ меня до смерти загрызть, да не загрызъ; а ты-то, стара чертовка, у царя ходила дѣтей воровать, онъ тебя могъ загрызть до смерти, а онъ только выбросилъ тебя на пришпектъ.

Старикъ бросилъ меня объ полъ и сказалъ:

— Былъ ты воробьёмъ, а сдѣлайся молоццомъ.

И оборотился я въ молоцца.

— Пеки, говоритъ старикъ, стара чертовка, блины, а ты, говоритъ сыну, бѣги за виномъ.

Тотъ сбѣгалъ, принесъ вино; старуха напекла блиновъ, стали зятя угощать. Угощались да были, четверть выпили. Старикъ и говоритъ:

— Ну, полно, зять: ты настранствовался, довольно тебѣ теперь. Вотъ тебѣ узда. Придешь домой—твоя хозяйка спитъ съ другомъ на постели. Она спитъ у стѣны, а тотъ на краю. Какъ ты придешь, такъ хлопни наотпашку и скажи: „Былъ ты молоццомъ, а сдѣлайся жеребцомъ, была ты молодица, а сдѣлайся кобылица,“ и у тебя пара вороныхъ коней будетъ. А какъ захошь, такъ отверни, скажи. „Была ты кобылица, сдѣлайся молодица, былъ ты жеребецъ, сдѣлайся молодецъ,“ и они опять люди будутъ.

Такъ я и сдѣлалъ. Вотъ видишь, у меня у дверей вырублено дерево: нать было вырубить, кони не вошли, какъ изъ избы выпроводили.

Сталъ я ѣздить на коняхъ и сталъ возить брёвна со всѣмà вершинами и сучьями. Днёмъ возилъ, а ночью подвязывалъ, чтобы корму какого не захватили. И до того доѣздилъ, что порозны дровни не стали волочить. Я сожалѣлся и хлопнулъ наотпашку коней и сказалъ:

— Былъ ты жеребецъ, а сдѣлайся молодецъ!

Тотъ какъ сдѣлался молодцомъ такъ и удралъ, дай Богъ ноги: статъ ли при „самóмъ“ сидѣть?

— Была ты кобылица, а сдѣлайся молодица! и ту наотпашку дернулъ.

Стала она попрежному молодицей. И теперь вотъ со старухой живу, и она кряду сидитъ.

Какъ было, такъ было, все тебѣ росказалъ. Поди ты домой со своимъ росказомъ: мой росказъ, братъ, почишше!

Запис. отъ Ѳ. В. Огаркова. Онежскій у. 1912 г.

---

3. Злая невѣстка

Въ одномъ городѣ жилъ купецъ именитой, большой. Этотъ купецъ и померъ, осталась у его дочка и сынокъ. И жена послѣ его недолго пожила и стала наказывать передъ смертью:

— Ты, доченька, стань начальствовать, а ты, сынокъ, слушайся, куда тебя сестрица не пошлетъ.

И старушка тоже померла, онѣ остались однѣ. Вотъ сестра и говоритъ брату:

— Ты, брателко, поѣзжай въ иностранну землю торговать.

— Хорошо, говоритъ, сестрица.

Отправился въ иностранну землю. Торговалъ долго ли, коротко ли, поторговалъ хорошо, вернулся домой.

— Что-то, брателко, говоритъ сестра, я соскучилась, надоѣло мнѣ распоряжаться, женись-ко лучче.

Онъ не хотѣлъ, а она напёрла на него и женила брателка. Вотъ они жили, я не знаю, сколько лѣтъ, сколько зимъ,

Сестра и говоритъ брату:

— „Брателко, поѣзжай-ко ты въ иностранну землю торговать.

— Давай, говоритъ, сестрица, можно.

Вотъ и отправился опять въ иностранну землю торговать.

Молодуха глядитъ и думатъ сама-собѣ.

— Что такò значитъ, сестра распоряжается имъ?

Вдругъ потомъ хозяйка заколола кобеля и написала письмо мужу въ иностранну землю, что твоя сестра ошалѣла, заколола самолуччаго кобеля.

Иванушко получилъ письмо, прочиталъ.

— Собаки, говоритъ, собачья и честь!

Не пожалѣлъ, значитъ, кобеля. Такъ и живётъ, торгуё

А хозяйки отписалъ, что собака, такъ собачья и честь, не бѣда, что заколотъ.

Хозяйка опять выдумала, заколола самолучшу корову и опять письмо ёму тарабанила, что сестра ошалѣла и зарѣзала самолучшу корову.

Онъ письмо получилъ отъ хозяйки.

— Корова недорого и стоитъ! говоритъ, и отписалъ это хозяйки.

Вотъ эта хозяйка осталась беременна и принесла младеня мальчика и въ люлькѣ качаетъ. А мужу отписала, что сестра мальчика заколола.

Вотъ онъ это письмо получилъ отъ хозяюшки, что мальчикъ заколотъ. Недосугъ ему больше торговать, отправился въ свой городъ. Пріѣхалъ домой, ничего не разговаривалъ, беретъ топоръ за поясъ.

— Ну, сестрица, говоритъ, пойдемъ за мной.

Сестра послушала его и пошла съ имъ. Пришли въ лѣсъ, увидѣли пень большой, широкой, преогромной.

— Ну, сестрица, говоритъ, клади руки на пень!

Сестра положила руки, онъ топоромъ тяпнулъ, руки покатилися по-за-пню и въ лягу укатились. Самъ онъ пошолъ домой, сёстра осталась и ревитъ, не знаетъ, какъ достать руки изъ ляги.

Вдруъ одна рука прикатилась къ берегу. Она козёнками забрела въ воду, дакъ и рука приросла у ней. Рука-то приросла, дакъ она той достала и другую руку. Оба руки сдѣлались у ей, и пошла она по лѣсу шататься и до того по лѣсу дошаталась, что у ней все прирвалось, нагой стала. Вотъ она ходила да была,—охвотничьи собаки набѣжали на ей и готовы съѣсь. Она залѣзла на сучья дерева и тамъ и сидитъ. Охвотникъ пріѣхалъ. Глядитъ—человѣкъ сидитъ на деревѣ.

— Если, говоритъ, крешшоной—соходи, а не крешшоной—пуля въ бокъ.

— Нѣтъ, говоритъ, я крешшона.

— Крешшона, такъ соходи.

— Мнѣ сойти нельзя, потому нага.

— Брось, говоритъ, ты съ себя сертукъ, дакъ я и надѣну.

Онъ сбросилъ сертукъ, она надѣлася и сошла. Ему заказалася така красавица, что ни въ сказкахъ сказать, не

перомъ написать. Онъ повелъ ее домой, во дворецъ: охвотникъ былъ царской сынъ, значитъ. Приводитъ къ отцу и къ матери и говоритъ:

— Вотъ, татенька и маменька, я себѣ невѣсту нашолъ.

— Ты, говорятъ, каку бродягу привелъ да и замужъ хочешь. Тебѣ царску невѣсту дадутъ или другихъ какихъ родовъ.

— Татенька и маменька! благословите: хочу жениться.

Вотъ его и женили на ей. Повѣнчались, и стали жить да поживать, добра наживать да лиха избѣгать. Эта молодушка така имъ показалась, что налюбоваться ей не могутъ, готовы за пазушкой её носить,—така имъ любовь пришла.

Вдругъ этого Ивана-Царевича на войну скамандовали, а она осталась беременна отъ его, эта молодушка. Вотъ онъ живетъ на войнѣ, а у этой молодушки родился мальчикъ. Отписали его родителю,—вотъ такъ и такъ, доброхотъ, у тебя родился мальчикъ.

— Тятенька и маменька, пошлите мнѣ мальчика съ хозяйкой.

А тѣ не посылаютъ, жалѣютъ молодушку да-й мальчика. А онъ пишетъ письмо за письмомъ.

Царь потомъ и говоритъ:

— Дѣлать нечего, надо послать.

Царь выбралъ самого хорошенького енерала ѣхать съ мальчикомъ и царевной. Набралъ енералъ салдатъ и поѣхалъ на караблѣ съ салдатамъ, съ царевной и съ мальчикомъ.

И что-то ему придумалось сходить къ царевнѣ въ комлату, и сталъ ей докучать:

Полюби меня, полюби меня!

Она не согласилась. Началъ онъ салдатовъ поить допьяна. Одинъ салдатикъ стоялъ на часахъ и услыхалъ у этого енерала рѣчи,—бросить её въ воду за то, что не согласилась, —такъ ему совѣстко и боязко ее везти къ мужу. Приходитъ этотъ салдатикъ въ комлату и сталъ на колѣнки.

— Царевна! такъ и такъ, тебя енералъ и салдаты хотятъ въ воду бросить. Нать тебя спасти.

Она говоритъ:

— А какъ ты меня спасешь?

Онъ говоритъ:

— Спасу. Вотъ я сойму шлюпочку,—салдаты шумятъ—гамятъ, не услышатъ,—а ты соберись, и я тебя на̀ гору. Вотъ онъ снялъ шлюпку и подъѣхалъ къ ней подъ окошечко. Сѣли они въ эту шлюпочку и на̀ гору съ царевной. Вдругъ салдаты услышали, что забрякали вёслами и за има̀ въ погону. Тѣ на берегъ выѣхали и сичасъ въ гору и коекуда скрылися подъ колоднину. Салдаты побѣгали, побѣгали, не нашли ихъ.

Ночь пролежали они. Вотъ царевна говоритъ:

— Молодецъ! скажи, какихъ ты родовъ, какихъ городовъ, какъ тебѣ имя и какъ фамиль, я все отпишу, и если жива буду—тебя не забуду. А теперь иди съ Богомъ въ свое мѣсто, куда знашь, а я тоже пойду съ мальчикомъ.

Такъ они и разошлись въ разны стороны.

Идетъ царевна съ мальчикомъ близко ли, далеко ли, подходятъ подъ одинъ городъ. Въ этотъ городъ пришла, а прачка на берегу платье полошшотъ.

— Госпожа прачка, говоритъ, промѣняемся съ тобой платьями.

Эта прачка и глядитъ глазами.

— Что ты, сударыня, у тебя тако хорошо платье, а мое како платье прачесько!

— Промѣняй, я тебѣ ещо приплачу.

Прачка и промѣняла, и переодѣлися. Царевна одѣла прачесько платье, а прачка церевнино, такъ и разошлисе. Пошла царевна по пришпекту, а прачка осталась на берегу. У купца, брата царевны, прачки не было. Онъ глянетъ въ окошко, видитъ,—идетъ прачка.

— Эй, говоритъ, вы прачка?

— Прачка.

— Не порядитесь ли ко мнѣ въ прачки?

— Отчего не поредиться, только вотъ у меня мальчикъ; помѣшаетъ.

— Нисколько не помѣшаетъ, мы его грамоты выучимъ; порядитесь, пожалуста.

Она и поредилась въ прачки къ брату. Мальчика грамоты начали учить.

Живетъ она въ прачкахъ долго ли, коротко ли, не знаю,—мальчикъ уже великонекъ сталъ, выучили его грамоты.

Вдругъ царевъ сынъ съ войны пріѣзжаетъ. На этой фа-

теры обѣдъ назначенъ: царской сынъ будетъ тутъ обѣдать.

Пріѣхалъ царевичъ на обѣдъ къ купцу. Стали обѣдать. Вотъ царевичъ и говоритъ:

— А не знаете ли вы, господинъ хозяинъ, разсказать какую-нибудь исторійку.

— А вотъ, говоритъ, у меня есть мальчикъ востринькой,— онъ вамъ роскажетъ.

Купецъ побѣжалъ нанизъ мальчика спрашивать у прачки. Эта прачка и говоритъ сынку:

— Вотъ что, доброхотъ, какъ ты придешь къ царю, такъ и начни ему исторійку, какъ сестра распоряжалась братомъ*), и безъ залогу смотри не сказывай. Если кто тебя перебивать будё, чтобы деньги на столъ клали: кто перебьетъ первой разъ—сто рублей, а другой разъ—двѣсти рублей, а третьей—триста, дальше и больше.

Мальчикъ пришолъ на верёхъ и сталъ разсказывать исторію, а хозяйка перебила:

— Каку пустошь, говоритъ, разсказываетъ!

— Ну, Ваше царствіе, не могу больше разсказывать, когда перебиваютъ.

Царевичъ говоритъ:

— Разсказывай, разсказывай!

И хозяинъ говоритъ:

— Разсказывай, разсказывай, дружокъ! и положилъ сто рублей.

Вотъ и дальше сталъ разсказывать мальчикъ, какъ корову невѣстка зарѣзала. Хозяйка опять и говоритъ:

— Фу ты, каку пустошь разсказываетъ!

Хозяинъ говоритъ:

— Разсказывай, разсказывай, дружокъ! и кладетъ двѣсти рублей на столъ.

И царевичъ его проситъ о томъ же.

И третью статью сталъ разсказывать: „У ей, у хозяйки родился мальчикъ, и она того заколола.“ А жонка купца перебиваетъ въ третей разъ:

— Фу, каку пустошь несётъ!

А купецъ выложилъ триста рублей на столъ и говоритъ:

---

*) Здѣсь Ѳедорейко опять разсказалъ всю сказку сначала, замѣтивъ намъ: „А ты этого не записывай, уже вѣдь разъ записано.“

— Разсказывай, разсказывай впередъ!

И царевичъ тоже докучаетъ

— Вотъ что, говоритъ мальчикъ, Ваше Царское Величество, я дальше разсказывать буду, только поставь стражу кругомъ дому, салдатъ со штыками.

Царевичъ разоставилъ салдатъ подъ окошкомъ, чтобы наголи́ со штыкамъ стояли. И началъ мальчикъ разсказывать про енерала, какъ царь послалъ его на караблѣ везти сноху съ сыномъ. Только сталъ разсказывать,—енералъ бубухъ бросился въ окно, прямо на штыки и закололся. Тогда пришла прачка, въ ноги пала царевичу.

— Вотъ я тебѣ хозяйка, а ты мой мужъ, а это твой сынокъ.

Вотъ гдѣ они сошлись!

Зап. отъ Ѳ. В. Огаркова. Онежскій у. 1912 г.

---

4. Купленная дѣвушка.

Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ, въ одномъ городѣ жилъ купецъ именитой, богатой, первой гильдіи и надъ купцами ра̀тманъ былъ. Этотъ купецъ и помёръ, осталась одна хозяйка съ сынкомъ; небольшой еще былъ. Эта хозяйка и прожила всё имѣнье и не замогла сынка кормить, и сынокъ по міру пошолъ. Вотъ купцы и говорятъ другъ про дружку:

— Какъ время-то идетъ! Отецъ былъ купецъ именитой и богатой, надъ нами ратманъ былъ, а сынокъ все имѣнье прожилъ, по миру пошолъ. Купимте ему ружье, пусть стрѣляетъ рябчиковъ, заплотимъ ему вдва̀дорога: пущай кормится съ матерью.

Вотъ созвали его, къ собѣ позвали.

— Что, Ванюшка, сказали, будешь въ лѣсъ ходить да рябчиковъ стрѣлять да намъ носить, а мы будемъ тебѣ вдвадорога платить?

Онъ говоритъ:

— Буду!

Вотъ онъ ходитъ въ лѣсъ, хорошо рябчиковъ стрѣляетъ и имъ носитъ. Хорошо сталъ жить и по міру не пошолъ. Ходитъ онъ долго ли, коротко ли, — я сказываю скоро,

онъ ходитъ по своему успѣху, — быть-можетъ, долго проходилъ.

Въ одно празьнисьнёё время походитъ онъ въ лѣсъ. Мать и говоритъ ему:

— Что ты, доброхотъ, въ эдакой празникъ походишь въ лѣсъ! Можно и въ такіе дни находиться.

Иванушка матерь не послушалъ, пошолъ въ лѣсъ. Въ лѣсу и заблудился, ходитъ, не знатъ, какъ и домой попасть. Вдругъ идетъ ему навстрѣту человѣкъ выше лѣсу стоячаго, такой ростомъ, и крычитъ:

— Парень, купи дѣвку.

— На что, говоритъ, я куплю, когда у меня денегъ нѣтъ.

— Врешь, говоритъ, сукинъ сынъ: у тебя 20 копеекъ денегъ есь въ корманѣ.

Дѣствительно, онъ пошшупалъ—есь у него 20 копеекъ денегъ въ корманѣ.

— Давай, говоритъ, деньги, а я тебѣ оддамъ дѣвку. Тотъ далъ ему деньги, а этотъ ему дѣвку. Получилъ Иванушко дѣвку и дорогу увидѣлъ. Домой пошолъ съ дѣвкой. Приходитъ домой, а мать ёго сичасъ ухватомъ,

— Ахъ ты, дуракъ, ходишь вотъ за чѣмъ! Привелъ ишшо нà домъ!

Дѣвка и говоритъ:

— Бабушка не бранись: онъ меня купилъ на деньги.

Бабка и не стала сердиться.

— Хорошо, говоритъ дѣвушка Ивану, ты сходи въ рыночекъ, купи клубокъ шолку, а другой золота. Иванушка сходилъ, купилъ. Она сѣла ширинку вышивать.

— А ты, говоритъ Ивану, похлебай квасу да помолись Спасу да ложись спать.

Ширинку вышила и положила на тарелочку, платкомъ закрыла. Поутру розбудила его.

— Вотъ, говоритъ, Иванушка, бѣжи къ царю съ этой ширинкой прямо, а купцамъ не показывай не однòму.

Прямо бѣжитъ онъ по рынку, а купцы крычатъ:

— Ваня, ко мнѣ неси! Ваня, ко мнѣ неси!

А онъ ни къ кому не приворачиватъ, бѣжитъ прямо къ царю. Выбѣжалъ на Неской пришпектъ. Вдругъ выбѣгатъ изъ зелена кабачка пьянюшка.

— Далечо ли, Ванюшка, пошолъ?

— Да къ царю пошолъ.

— Ну, иди съ Богомъ.

Царю дѣлаютъ докладъ, что пришолъ мальчикъ. Царь приказалъ пустить. Вотъ онъ зашолъ въ бѣлокаменны полаты, Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, царю въ особинку.

— Здраствуй, добрый человѣкъ, говоритъ царь, далечо ли вы пошли, далечо ли путь держите?

До вашей милости, Ваше Царско Величество, съ подарочкомъ.

— Ну, кажи подарочки.

Царь посмотрѣлъ ширинку и сказалъ:

— Ну, другъ мой, этой ширинки твоей я и цѣны не знаю! Поди въ банкъ; сколько тебѣ денегъ нать, только возьми ихъ въ мѣшокъ и неси.

Отворили Иванушку банкъ. Онъ денегъ наклалъ въ мѣшокъ, и домой. Пришолъ домой съ деньгамъ. Эта дѣвушка выняла деньги, сколько ей требуется, и сказала:

— Поди, купи два клубка шолка и два клубка золота.

Сбѣгалъ Иванушко въ рыночекъ, купилъ два клубка шолку и два клубка золота. Дѣвушка опять стала ширинку вышивать, а онъ спать завалился. Вышила ширинку, на тарелочку положила и платкомъ закрыла. Поутру и будитъ его опять.

— Иди, Ванюшка, къ царю прямо, не показывай купцамъ никакому. Вотъ Ванюшка пошолъ къ царю, купцы кричатъ ему:

— Ваня, неси ко мнѣ! Ваня, неси ко мнѣ!

А онъ не приворачиватъ ни къ какому. Вышелъ на пришпектъ на Неской, прямо къ царю идетъ. Приходитъ къ царю, тамъ дѣлаютъ докладъ, что такой-то мальчикъ пришолъ. Царь велѣлъ допустить. Вотъ заходитъ онъ въ бѣлокаменны полаты, Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, Царю въ особинку.

— Ну, здраствуй, Иванушко, говоритъ царь, далечо ли вы пошли, далечо ли вы путь держите?

— До вашей милости, Ваше Царско Величество, съ подарочкомъ.

Платочикъ снялъ, ширинку показалъ. Царь посмотрѣлъ и сказалъ ему:

— Ну, я и не знаю цѣны этой ширинки твоёй! Поди въ банкъ, неси сколько денегъ можешь унести.

Вотъ онъ зашелъ въ банкъ, ему отворили, и онъ началъ деньги въ мѣшокъ класть; наклалъ ношу и домой пришолъ съ деньгамъ. Эта дѣвушка выняла деньги, сколько ей требуется, и на этотъ разъ велитъ ёму купить три клубка шолку и три клубка золота. Онъ принесъ ей. Она ему говоритъ:

— Ложись спать, а мнѣ некогда: буду ширинку вышивать.

Вышила она въ ночь ширинку лучше тѣхъ, на тарелочку положила и платочкомъ закрыла. Ночь прошла. Опять поу́тру и будитъ его.

— Поди, говоритъ, Иванушка, съ подарочкомъ къ царю, а купцамъ не показывай.

Иванушка прямо къ царю и пробѣжалъ, хоть и крычали купцы: „Свороти къ намъ!“ Пришолъ онъ къ царю. Сдѣлали докладъ, царь приказалъ пустить. Заходитъ онъ въ бѣлокаменны полаты, Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, царю въ особину.

— Здраствуй, добрый человѣкъ, далечо̀ ли вы пошли, далечо̀ ли путь держите?

— Да вотъ, Ваше Царско Величество, до вашей милости съ подарочкомъ.

Платокъ снялъ съ ширинки. Царь посмотрѣлъ и сказалъ ему:

— Ну, другъ мой, денегъ у тебя теперь довольно, будь же ты мнѣ крестовой братъ, промѣняемся мы съ тобой крестáмъ, и будь же ты надо всѣмá купцами ратманъ. Постановимъ, чтобы другъ безъ дружки думы не думать и дѣла не дѣлать. Если ты хорошо задумашь, такъ мнѣ скажи; а если я задумаю, такъ я тебѣ скажу тоже. И записи сдѣлаемъ на это. Поди теперече домой, денегъ у тебя довольно, выстрой лавки, гдѣ тебѣ угодно и набери прикащиковъ и товаровъ. Вотъ приходитъ домой къ маткѣ и къ дѣвкѣ, сдѣлалъ какъ ему велѣлъ царь, сталъ надо всѣмá купцами ратманъ и сталъ ихъ жать. Вотъ эти купцы вознегодовали на его, на Ванюшку.

— Вотъ, говорятъ, робята, мы его пожалѣли сперва, ружье купили, а онъ вонъ куды вылѣзъ! Что, робята, намъ

надъ имъ сдѣлать? Пойдемте человѣкъ десять, повремте царю чего-нибудь, дакъ отмѣнитъ его.

Вотъ собрался человѣкъ двацать или пятнацать, и пошли эти купцы. Идутъ они по Нескому пришпекту. Вдругъ изъ зелена кабачка пьянюшка и выскакиватъ.

— Здраствуйте, господа купцы! далечо ли вы пошли, далечо ли вы путь дѣржите?

— Да пошли на своего ратмана, а на царёва брата, поврать чего-нибудь.

— Ничего вы, робята, не знаете, сказалъ пьянюшка. А купите мнѣ четверть вина, такъ я вамъ скажу.—Четверть водки взяли.

— Становите на столъ, садитесь. Ну, вотъ какъ придете къ царю, такъ и скажите, что нашъ ратманъ, а твой братъ похваляется въ одну ночь устроить хрустальный мостъ и золотыя перила отъ твоего дворца до Неськаго манастыря. И какъ къ заутрени колоколъ, такъ цвѣтъ будетъ распущаться кругомъ моста, а какъ отъ заутрени пойдутъ, цвѣтъ будетъ опадать. А къ обѣдни въ колоколъ—ягоды и всяки фрукты наливаться будутъ, а отъ обѣда пойдутъ—кушать готовы будутъ.

Купцы пришли къ царю и разсказали, что такъ и такъ, нашъ ратманъ, а вашъ названный братъ похваляется выстроить мостъ. Осударь послалъ за крестовымъ за братомъ. Братъ пришолъ, Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, царю въ особину.

— Какъ же, братецъ, у насъ съ тобой уговоръ былъ: другъ безъ дружки думы не думать и совѣта не совѣтовать, а ты съ купцамъ—вахлакамъ занимаешься разговорамъ пустыма. Чтобы былъ сдѣланъ хрустальный мостъ съ золотыми перилами. Если не сдѣлаешь, такъ голова съ плечъ, а если сдѣлашь, такъ и ладно.

Также и сады приказалъ сдѣлать.

Идётъ Иванушка отъ царя домой. Эта дѣвушка увидала и говоритъ:

— Что же ты, Иванушка, не вѣселъ, буйну голову повѣсилъ ниже могучихъ плечъ.

— Ахъ, подлянка, може, изъ-за тебя смерть приходитъ.

Разсказалъ ей про то, что задалъ ему царь.

— Это, говоритъ она, не служба, а службишка! А служба

вся будетъ впереди. Похлебай-ко лучше квасу да помолись Спасу да и ложись спать.

Иванушко улегся, а она принялась за роботу и сдѣлала хрустальный мостъ—золотыя перила. Поутру и будитъ его:

— Иди, говоритъ, на хрустальный мостъ, поколачивай молоточкомъ. Пришелъ онъ на мостъ, поколачиватъ молоточкомъ. Царь къ заутрени пошолъ по хрустальному мосту. Слизко, чуть затылка не расшибъ. А отъ заутрены пошолъ, цвѣтъ опалъ—ловко итти. А къ обѣдни пошолъ—стали ягоды ужъ наливаться, а отъ обѣдни пошолъ—кушать ужъ готовы. По всѣмъ этимъ садамъ пошолъ со своей свитой, до вечера проходилъ.

— Вѣкомъ, говоритъ, не видалъ, чтобы были экіе фрухты!

А купцы вознегодовали еще больше. Эко мѣсто сдѣлалъ! Пошли опять человѣкъ дваццеть къ царю. Опять идутъ по Неському пришпехту. Пьянюшка опять и выскакиватъ изъ кабака.

— Здраствуйте, господа купцы! Далечо ли вы пошли, далечо ли путь держите?

— Пошли къ царю на царева брата, а на своего ратмана поврать чего-нибудь царю.

— Ничего вы не знаете, робята. Купите мнѣ полведра вина, я вамъ скажу, что врать надо.

А что купцамъ полведра вина, много ли значитъ.?

Купили ему и поставили на столъ.

— Вотъ слушайте, говоритъ пьянюшка. Какъ придете къ царю, такъ и говорите: „Вотъ, царско величество, нашъ ратманъ, а вашъ названый братъ похваляется сходить въ тридесято царсво, въ тридесято государсво достать гусли-самоигры.“ Смотрите, говоритъ, если достанетъ,—худо будетъ, а не достанетъ—хорошо.

— Ну, худо ли, хорошо ли будетъ, нать итти.

Пришли къ царю и разсказали ему все. Купцы ушли, а царь опять за братомъ послалъ. Братъ заходитъ въ бѣлокаменны полаты, Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, царю въ особинку.

— Какъ же, братецъ, мы съ тобой запись сдѣлали, другъ безъ друга думы не думать и совѣта не совѣтовать, а ты съ экима вахлакамъ разговоры ведешь.

— Я только, говоритъ Иванушко, сонъ свой знаю, а больше ничего не знай.

— Должно быть, знашь! Почемъ же они знаютъ твой сонъ? Если бы не разговаривалъ съ имá, они бы не знали.

Царь разгнѣвался и говоритъ:

— Чтобы были достаты гусли-самоигры, а если не достáшь—голова съ плечъ.

И пошолъ нашъ Иванъ домой не веселъ, буйну голову повѣсилъ ниже могучихъ плечъ.

Дѣвушка и спросила опять:

— Что-то идетъ Иванъ не веселъ, что-то головушку повѣсилъ ниже могучихъ плечъ?

— Ахъ ты такáя-сякая, изъ-за тебя, можетъ быть, смерть приходитъ.

Она и говоритъ ему:

— Опять какую тебѣ службу задали?

— Да такъ и такъ, надо сходить въ тридесято царсво, въ тридесято государсво, чтобы достать гусли-самоúгры.

А она говоритъ ему:

Это не служба, а слýжбишка, а служба будетъ вся впереди. Взялъ ты у царя карапъ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ иди въ гавань, выбирай (пѣшкомъ вѣдь не пойдешь за тридеветь земель, за тридеветь морей) и своимá купцамъ распорядись, чтобы выгнали на паратно мѣсто своихъ дѣтей; у кого два, у кого пять, а у кого и одинъ,—чтобы всѣхъ гонили.

Иванушко пошелъ къ царю и спросилъ у царя позволенья выгнать купеческихъ дѣтей на паратно мѣсто.

— Ты самъ ратманъ, говоритъ царь, ты это сдѣлай своей властью.

Пошелъ Иванушка и выгналъ купеческихъ дѣтей.

— Вотъ поди, посылатъ его дѣвушка, выбери самолучшихъ людей, сорокъ два человѣка. У которого два сына—бери, у которого три—бери, и у которого одинъ, да хорошой, дакъ тоже бери, не оставляй.

Вотъ онъ и выбралъ и прямо отправлятъ на карапъ, а тѣ кричатъ:

— Дай мнѣ переодѣться!

А тотъ:

— Дай мнѣ кусокъ хлѣба взять.

А онъ всѣхъ безъ изъятья протащилъ на карапъ, а самъ съ матерью пришолъ проститься и съ дѣвушкой. Дѣвушка дала ему свой именной перстень, а онъ его на руку не наложилъ, а въ платокъ завернулъ и въ корманъ. Пришолъ на корапъ. Якоря выкатали, паруса подняли. Идутъ они моремъ близко ли—далёко и подходятъ подъ то государсво, гдѣ гусли работаютъ. Паруса опустили, якоря покидали въ воду. Онъ пошолъ на берегъ и спрашиватъ ребятъ:

— Ребята, гдѣ этта мастеръ, который работатъ гусли-самоигры?

Робята отвели его. Приходитъ въ комлату къ мастеру. Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, мастеру въ особинку.

— Здраствуй, добрый человѣкъ, говоритъ мастеръ, далечо ли вы пошли, далечо ли путь дёржите?

— До вашей милости: нать гусли-самоигры сработать.

— Есь-ли у тебя дваццеть одинъ человѣкъ на карабли?

— У меня не то что есь дваццеть одинъ, а есь сорокъ два.

— Ну, есь, дакъ пойдёмъ на карабъ людей выбирать.

Повелъ Иванъ мастера на карапъ. Пришли на карапъ. Вывелъ Ванюшка людей въ ширингу. Мастеръ сталъ выбирать и дваццеть одного человѣка выбралъ изъ сорока двухъ.

— Ну, пойдемъ теперь въ мастерскую работать гуслей.

Повелъ ихъ мастеръ въ мастерскую, сейчасъ одного человѣка на машину распялилъ и сталъ изъ ёго жильё тянуть.

— Ты, говоритъ, Иванушка, сиди, не дремли; а если задремлешь, тотъ человѣкъ не годится, надо другого портить.

Тотъ сидитъ на стули, а мастеръ сталъ жильё тянуть изъ человѣка. Иванушку одолилъ страхъ, и онъ сталъ дрематъ.

— Ты что, говоритъ, дремлешь?

— Нѣтъ, я такъ задумался.

— Ну, то-то, смотри сиди, не дремли.

Сталъ Иванушка пули сморкать, платкомъ утираться. Перстень и увидалъ, да и налóжилъ на руку.

Опять потянулъ жильё мастеръ, а Иванушка зáспалъ и со стула покатился. А мастеръ его за руку поднимать началъ и перстень увидалъ на ёмъ.

— Гдѣ ты этотъ перстень взялъ? спросилъ у ёго.

— Я ходилъ, говоритъ, въ лѣсу, да-й увидалъ человѣка и купилъ у него дѣвушку, а дѣвушка дала перстень.

— Ахъ, другъ мой! если бы ты раньше сказалъ, не надо бы человѣка портить. У меня гуслей двѣ кладовой готовыхъ есь. Ты-мнѣ назва́нный братъ: сестра за тобой, а я тебѣ шуринъ, а гуслей у меня—сколько хочешь.

Сталъ его мастеръ обнимать и въ уста саха́рьни цѣловать, повелъ его въ бѣлокаменны полаты и сталъ его угощать, любезнымъ зятемъ называть; ну, и далъ ему гусли-самоигры, поставилъ ихъ на столъ. Ну, и валяютъ гусли, только держись, сами играютъ, нихто ихъ не шевелитъ.

— Ну, шуринъ, говоритъ Иванъ; теперь которыхъ ты отобралъ робятъ, пусь у тебя останутся, а я не возьму ни одного,—дѣлай изъ нихъ гусли.

Погостилъ Иванушко долго ли, коротко ли, отправлятся домой. Шуринъ отдаетъ ему ишшо три корабля съ приданымъ да съ людямъ да съ товаромъ. Вотъ они пришли въ гавань, якоря выкатали, паруса подняли, отправились по морю домой въ свое мѣсто. Идутъ они близко ли далёко, низко ли высоко,—я сказываю скоро, они идутъ по своему успѣху, и подходятъ подъ свое государсво. Царь увидалъ, думалъ, что война идетъ. Эстолько караблей, а послалъ одного! Испугался. А увидалъ—свой флагъ идетъ впереди, такъ отошло сердцо.

Вотъ пріѣзжаетъ Иванушка домой. Паруса опустили, якоря покидали. Купцы стоятъ на угóрѣ и кричатъ:

— Гдѣ мой сынокъ? А гдѣ мой?

А онъ показыватъ подъ пазуху на гусли.

— Вотъ твой гдѣ! Вотъ твой гдѣ!

Заходитъ онъ къ царю. Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, царю въ особину.

— Здраствуй, брателко! говоритъ царь.

— Здраствуйте, Ваше Царско Величество.

Вотъ онъ поставилъ гусли на столъ, а они какъ начали

ворочать, только гулъ идё. Сами валяютъ, никто не заставляе.

— Ну, хорошо, братецъ крестовой, что досталъ. До свиданія.

И распрощались они. Какъ только Иванушко ушолъ, гусли стали, царь больше и заставить не можотъ, такъ и стоятъ.

Вотъ Иванушка приходитъ домой и живетъ опять долго ли, коротко ли. Купцы опять вознегодовали на него и пошли опять, можетъ быть, человѣкъ трицеть. Ужъ унистожить нать какъ-нибудь: сколько дѣтей уходилъ! Опять идутъ по Нескому пришпекту мимо зеленой кабачокъ. Пьянюшка опять и выскакиватъ.

— Здраствуйте, господа купцы!

— Здраствуй, добрый человѣкъ!

— Далечо́ ли вы пошли, далечо́ ли путь дёржите?

— Да вотъ на нашего ратмана, на царева брата поврать чего-нибудь.

— Ахъ вы, робята, робята! Я вамъ все говорилъ, худо будетъ, если что́ сдѣлатъ!

— Ну, ужъ дѣлать нечего: пошли, такъ не воротимся.

— Становите ведро вина да слушайте, что буду говорить.

— Какъ вы прйдите къ царю, такъ и говорите: „Нашъ ратманъ, а твой названный братъ похваляется достать чудо и диво“,—только и скажите царю.

Купцы отправились, а ему оставили вино. Пришли. Царю дѣлаютъ докладъ, что купцы пришли. Царь приказалъ ихъ допустить. Купцы зашли въ бѣлокаменны полаты. Царь ихъ спрашиваетъ:

— Далечо ли пошли, далечо ли путь дёржите?

Они и росказали:

— Нашъ ратманъ, а твой названный братъ, похваляется достать чудо и диво.

Купцы ушли, а царь послалъ за братомъ. Братъ пріѣхалъ, Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, царю въ особину. Царь и говоритъ ёму:

— Ахъ ты, брателко названный! Для чего же мы запись сдѣлали, чтобы другъ безъ друга думы не думать и совѣта не совѣтовать, а ты съ купцамъ—вахлакамъ занимаешься

экима пустыма разговорамъ,—чудо и диво достать похваляешься. Чтобы было достато, а не то—голова съ плечъ!

— Ахъ, Ваше Царско Величество, только сонъ свой и знаю, ни съ кѣмъ я не разговариваю.

— Какъ такъ? Если бы ты съ моима́ не разговаривалъ, такъ какъ же бы они знали?

Пошолъ Иванушко домой. Дѣвушка опять говоритъ ему:

— Что же ты, Иванушко, не веселъ, буйну голову повѣсилъ ниже могучихъ плечъ?

— Молчи, говоритъ, такая-сякая! Изъ-за тебя смерть приходитъ: надо достать чудо и диво.

— Ну, говоритъ она, этого я не знаю! Только отъ дѣдушки слыхала, что по этой дороги нать итти.

Напекли ему подорожничковъ, онъ и отправился въ путь-дорожку широку. Идетъ онъ близко ли-далёко, низко ли-высоко,—я сказываю скоро,—онъ идетъ по своему успѣху. Вдругъ у него эти подорожнички вышли, которы у него были напечены, поись захотѣлось, а ись нечего. Вдругъ увидалъ домъ, преогромный такой стоитъ.

— Да-ко, говоритъ, схожу въ этотъ домъ, нѣтъ ли чего-нибудь поись.

Заходитъ въ этотъ домъ; а въ домѣ ничего нѣтъ и званья, только гусли да титары да балалайки по стѣнамъ. Онъ и говоритъ самъ собѣ:

— Кто-нибудь ходитъ въ этотъ домъ, надо подождать.

На скрытно мѣсто сталъ, за печку куда-нибудь запехался. Сидитъ въ скрытномъ мѣсти. Вдругъ слышитъ потомъ: бѣжитъ человѣкъ, только ступни говоря́а. Забѣжалъ въ фатеру, пальто скинулъ, на лавку бросилъ и скамандовалъ:

— Страусъ! отчего животъ здравъ и голова весела!

— Сичасъ, сударь, готово! отвѣтилъ невидимый Страусъ и наносилъ ему питенье́, ѣденье́ и ку́шанье́. Молодецъ напился, наѣлся и вышелъ изъ-за стола, вышелъ, хватилъ титару, переигралъ во всѣ балалайки, гармоли, пальто навернулъ да и аршъ изъ фатеры, ушолъ.

Иванушко стоялъ-стоялъ за печкой, вышелъ посмотрѣть, не осталось ли чего ись, нѣтъ ли какого кусочка. Глядитъ—на столи ничего нѣтъ. А ись охота. Вотъ онъ тихонько и говоритъ:

— Страусъ! Отчего животъ здоровъ и голова весела!

— Сейчасъ! отвѣтилъ Страусъ, буде готово, и началъ рыть на столъ хоть сколько питенья и ѣденья. Иванушко напился и наѣлся, и вышелъ изъ-за стола и говоритъ тихонько:

— Покорнѣйше благодарю, господинъ Страусъ, что напоилъ меня и накормилъ!

— Ахъ, отвѣтилъ Страусъ; я сорокъ лѣтъ у хозяина живу, а никогда не слыхалъ благодарности, а ты вотъ поблагодарилъ меня за́ хлѣбъ и за́ соль. Хорошо, другъ мой! Я знаю, зачѣмъ ты пошолъ!

— А если знаешь, такъ пособи.

— Чудо-то ты нашолъ, а диво найдемъ, говоритъ Страусъ. Вотъ пойдемъ по этой дороги.

Вышли они изъ фатеры. Иванушко и кричитъ:

— Страусъ! гдѣ ты?

А тотъ отвѣчаетъ:

— Я здѣсь! Сказалъ, что пойду, такъ чего же ты безпокоишься.

Пошли они по колидору. Иванушко опять спрашиватъ:

— Страусъ! гдѣ ты?

— Экой ты какой! Ну, чего ты безпокоишься: я здѣсь. Пошли они по дороги. Вотъ Страусъ и сказыватъ:

— Придемъ къ морю, а тамъ карапъ обсохъ. Господа всѣ на берегу и салдаты всѣ на берегу сидятъ у огня. Ты придешь къ огню и спроси у нихъ: „ Что, господа матросы, нельзя ли у васъ огонькомъ опользоваться?“ Они тебѣ и скажутъ: „Изволь, добрый человѣкъ, бери, сколько хочешь!“ Какъ трубки ты покуришь, такъ и спроси: „А что, господа матросы, нельзя ли васъ попотчевать!“ Они и скажутъ: „А не худо, добрый человѣкъ, какъ попотчуешь!“ „А ты и скажи: „Страусъ! отъ чего животъ здоровъ и голова весела?“ А я и соберу сейчасъ всѣмъ матросамъ и всѣмъ господамъ. Вотъ они всѣ будутъ напиваться и всѣ наѣдаться. Одинъ полковникъ и одинъ генералъ скажетъ тебѣ: „Хороша штучка, для насъ очень удобна!“ Онъ спроситъ: „Нельзя ли промѣнять эту штучку? У насъ, говоритъ, есь тоже хороша штука, только для насъ не годна, а твоя для насъ способна.“ Ты, смотри, эту штуку у него вымѣняй и положи её въ корманъ. Смотри, промѣняй меня, не жалѣй.

Вдругъ вода подымется, генералъ скамандуетъ салдатамъ на карапъ. Матросы забѣжатъ на карапъ, генералъ забѣжитъ на карапъ, а ты иди сзади, а я провожу генерала и вернусь къ тебѣ.

Иванъ такъ и сдѣлалъ.

Генералъ пошолъ на карапъ и кричитъ:

— Страусъ! гдѣ ты?

А Страусъ отвѣчаетъ:

—Я давно на карабли, а ты сзади попадаешь!

Якоря выкатали, паруса подняли и карапъ отправился.

Иванушко сидитъ у огня.

— Ахти мнѣченько! Гдѣ у меня дружокъ Страусъ?

А тотъ отвѣчатъ:

— Давно ты меня не споминашь, а я давно у тебя сижу. Ладно, пойдемъ мы съ тобой, Иванушко, въ свое мѣстечко.

Идутъ они близко ли—далеко, низко ли-высоко—я сказываю скоро; они попадаютъ по своему успѣху. И пришли опять въ свое государство, и пришли къ царю. Заходитъ Иванушко въ бѣлокаменны полаты, и гусли сразу заиграли, какъ онъ вошолъ. Иванушко Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, царю въ особину.

— Здраствуй, братецъ названный, крестовой! Что досталъ?

— Досталъ.

Сичасъ онъ скамандовалъ:

— Страусъ! Отъ чего животъ здоровъ и голова весела? Страусъ и началъ на столъ питеньё—ѣденьё готовить, началъ рыть за окошко царску небель, эти диваны, зеркала, всё, всё, рѣшительно все вырылъ за окошко, а всё свое поставилъ, не оставилъ ни одной штучки.

Сѣли за столъ, началъ царь угощаться съ брателкомъ крестовымъ. Царь и сказалъ:

— Ну, братецъ, я и вѣкомъ ничего такого не слыхалъ! Такъ я хорошо напился и наѣлся. Это чудо хорошо у тебя найдено, давай диво показывай.

— Нѣтъ, названный крестовой братъ, сегодня не покажу: усталъ. А съ утра ты собери своихъ жителей на паратно мѣсто, всѣхъ, сколько есь въ городѣ, стараго и малого, тогда я и покажу диво.

Такъ и распростился съ брателкомъ и пошолъ домой.

Вотъ ночь прошла. Наутро всталъ, пошолъ, и у царя ужъ все приготовлено,—не терпится,—всѣ жители выгнаны, и старый и малый.

— Вотъ царь, гляди!

Сичасъ ширинку вынялъ изъ корману; въ сторону махнулъ—вездѣ деревни да села. Въ другую сторону махнулъ—вездѣ города; въ третью сторону махнулъ—вездѣ моря, и въ четвёрту сторону махнулъ,—и повалило войско, и смѣту нѣтъ!

Царь потомъ испугался и сказалъ:

— Названый крестовый братъ! Закрой ширинку Бога ради!

— Нѣтъ, брателко, не закрою! Моё войско иди и голову руби, кто на меня зло думать.

Войско пришло и перву голову смахнуло царю, а кто на его зло думалъ, тѣхъ начали рубить и крестить, всѣмъ рубили головы: и купцамъ, и кто сóстороны думалъ, можетъ, старуха кака. Самая малая часть людей осталась въ томъ городи.

Послѣ этого Иванушко женился на этой дѣвушки, и самъ царемъ сдѣлался, и самъ сталъ всѣмъ царствомъ управлять, со своимъ Страусомъ жить.

Я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ, по усамъ текло, да въ ротъ не попало.

Запис. отъ Ѳ. В. Огаркова. Онежскій у. 1912 г.

---

5. О Жаръ-Птицѣ и о Царѣ Иродѣ.

Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ у царя былъ садъ преогромной-большой. А мышка да воробейко ходили въ саду, нашли зёрнышко они, жито ли како тамъ, и разодралисе: тому нать склюнуть и той нать съись. Мышь и говоритъ:

— Воробей! что же намъ битьсе-дратьсе промежъ собой; а соберемъ, говоритъ, войско,—ты собери своихъ птицъ, а я своё звѣрьё въ этотъ садъ,—и войну произведемъ. Мышка своё звѣрьё собрала, воробей своихъ птицъ тоже

собралъ, да и давай въ этомъ саду воёвать. Весь садъ повалили и весь садъ унистозили, одни трупы лёжатъ.

Царь поутру проснулся—весь садъ унистожонъ. Разбудилъ своего сынка.

— Поди-ко посмотри садъ: кто-такой побилъ, поплѣнилъ весь.

Сынокъ побѣжалъ въ этотъ садъ,—и некуда пройти: такъ и бѣжалъ по звѣрью и по птицамъ. Одно только дерево старинно стоитъ, одно тольки осталось въ цѣлости. На этомъ деревѣ сидитъ Жаръ-птица, и та чуть жива, и та мотается на дереви. Иванушко сечасъ прикладывается, хочетъ стрѣлять ее изъ ружья. Жаръ-птица и говоритъ ему человѣческимъ языкомъ:

— Иванъ Царевичъ! не стрѣляй!

Онъ ружье опустилъ и глядитъ на птицу.

— Если взять въ руки, думаетъ умомъ, улетитъ она.

И во второй разъ приложился, хочетъ стрѣлять ей. Она опять на отвѣтъ сказала ёму:

— Иванъ Царевичъ, не стрѣляй!

Онъ опять ружье отнялъ и глядитъ на птицу.

— Какъ, думатъ, пойду её брать, такъ она улетитъ отъ меня.

Такимъ же манеромъ третьей разъ приложился, стрѣлять хочетъ. Она опять говоритъ.

— Иванъ Царевичъ! не стрѣляй, а возьми такъ.

Ему дѣлать нечего,—пришолъ и взялъ птицу.

— Ну, когда ты, Иванъ Царевичъ, взялъ ты меня, такъ корми три года.

Онъ её и спросилъ:

— Чѣмъ я буду тебя кормить?

Та на отвѣтъ говоритъ ему:

По валу́ къ выти, на завтракъ валъ, на обѣдъ валъ и къ паужнѣ валъ.

Онъ кормилъ ее три года. Она и говоритъ ему:

— Иванъ Царевичъ! выпусти меня крылышка поправить.

Онъ выпустить ее не смѣетъ. Она разъ просится и другой просится.

— Выпусти, говоритъ, пожалуста.

Онъ выпустилъ её, она и улетѣла крылышка распра-

влять. Летала съ утра и до вечера. Вотъ она прилетѣла, на окошко сѣла, онъ ее запустилъ опять. И на дру́гой день опять выпросилась и опять летала день съ утра до вечера, и на третей день тоже самое. Прилетѣла, на окно сѣла, онъ ее опять и запустилъ.

— Ну, Иванъ Царевичъ, теперь за росплатой полетимъ ко мнѣ: я этта три года жила, а росплатиться мнѣ здѣсь нечѣмъ.

Вотъ онъ сѣлъ на ей и полетѣли впередъ. Летитъ она,— близко ли-далёко, низко ли-высоко,—я сказываю скоро, она летитъ по своему успѣху, и спрашиватъ у его:

— Много ли, Иванъ Царевичъ, моря видишь?

— На мѣдный грошъ тольки вижу!

Она изъ-подъ его вывернулась, да-й полетѣлъ онъ въ морё; летитъ онъ въ морё, такъ что до воды едва не долетѣлъ. Жарь-птица подъ его и подвернулась опять и спрашиваетъ его:

— Что, Иванъ Царевичъ, страшко было тебѣ въ морѣ летѣть?

— Ахъ ты, Жаръ-птица, какъ мнѣ не страшко, когда надъ самой водой былъ.

Онъ и думатъ самъ соби:

— Ахъ, навѣрно, два разъ еще меня скинетъ съ собя. Вотъ и опять летятъ они близко ли, далеко ли, и спрашиватъ у его:

— Иванъ Царевичъ! много ли мо́ря видишь?

— А на мѣдный пётакъ.

Она опять изъ-подъ его вывернулась, а онъ опять полетѣлъ, а она его подхватила, поднялась и понеслась.

Опять летятъ они близко ли, далеко ли.

— Что, Иванъ Царевичъ, много ли моря видишь?

— Кругъ потаи́лся, нисколько не вижу.

Она опять изъ-подъ его и вывернулась, и онъ опять полетѣлъ въ морё, испугался, бажёной. А она опять подвернулась, крыльёмъ по воды хлопнула и подняла его.

Вотъ опять она летитъ вверхъ близко ли-далеко, низко ли-высоко,—я сказываю скоро, она летитъ по своему успѣху.

— Иванъ Царевичъ! что впереди видишь? у его спрашиватъ.

— Вижу, говоритъ, мѣдное царство.

— Тутъ моя сестра мала живётъ.—Ну, поди, говоритъ, въ это царство и такъ и скажи: „Я кормилъ вашего брата три года, такъ пожалуйте за пропитóнство“. Она нанесетъ вамъ злата и сéрéбра и драгоцѣннаго камня. „А съ этимъ ты, сударыня, не собирайся; мнѣ не нать ништо, а только пожалуйте сундучокъ-складничóкъ съ мѣдными ключамъ“. Даётъ — поди сюды, и не даётъ—поди сюды. Жаръ-птица стала у воротъ, а онъ пошолъ къ малой сестры и спросилъ сундучокъ-складничокъ, а она не дала.

— Ну, что не дала? спрашиватъ Жаръ-птица.

— Не дала.

— Ну, такъ полетимъ впередъ.

Вотъ они летятъ опять близко ли-далеко, низко ли-высоко, я сказываю скоро, они летятъ по своему успѣху.

— Иванъ Царевичъ! обернись-ко назадъ, что назади увидишь.

— Горитъ мѣдно государсво.

— Такъ тому мѣсту и нать, зачѣмъ она не расплатилась.

Опять летятъ они вперётъ.

— Иванъ Царевичъ! что впереди видишь?

— Серебрёно государсво вижу.

Долетѣли опять до государсва, опять его и посылаетъ:

— У моей середней сестры спрашивай за росплатой.

Заходитъ онъ въ бѣлокаменны полаты, Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, ей въ особину.

— Здраствуй, говоритъ, добрый человѣкъ, далечо ли вы пошли, далечо ли путь дёржите?

— А до вашей милости, сударыня, пришолъ: три года кормилъ вашего брáта, такъ пожалуйте за пропитонство.

Она несетъ ему злáта и сéребра и драгоцѣннаго каменя, а онъ сказалъ:

— Вы съ этимъ ни чѣмъ не собирайтесь, сударыня!

Только пожалуйте одинъ сундучокъ-складничокъ съ мѣдными ключамъ.

— Нѣтъ, другъ мой! брата и жалко, а сундучка жалчáё.

Не дала ему сундука. Пришолъ онъ къ Жаръ-птицы.

— Дала?

— Нѣтъ, не дала.

— Ну, дакъ садись на меня опять.

Опять и полетѣли впередъ. Летитъ она близко-ли далеко, и спрашиваетъ его:

— Иванъ Царевичъ! што назади видишь?

— А государсво опять горитъ, въ которо ходилъ.

— А такъ ему и нать.

Вотъ и летитъ опять впередъ близко ли-далеко, низко ли-высоко,—я сказываю скоро, она летитъ по своему успѣху, и спрашиваетъ у его.

— Иванъ Царевичъ! что впереди видишь?

— Вижу золóто государсво.

— Тутъ моя большая сёсра живетъ.

Вотъ и посылаетъ его опять:

— Поди и сёсры скажи: „Я вашего брата три года кормилъ, такъ пожалуйте мнѣ за пропитонство“.

Пришолъ Иванъ Царевичъ въ бѣлокаменны полаты, Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, ей въ особину.

— Такъ и такъ, говоритъ, пожалуйте мнѣ за пропитонство вашего брателка сундучокъ-складничóкъ съ мѣдныма ключамъ.

— Ну, говоритъ, другъ мой, сундучка жалко, а брата жальчáе! и отдаетъ ему сундучокъ.

Онъ вернулся къ Жаръ-птицы.

— Ну, говоритъ, теперь пойдемъ въ гости къ сёстры, когда сундучокъ дала.

Заходятъ они въ бѣлокаменны полаты, Богу помолились, на всѣ на четыре стороны поклонились, сестры въ особинку.

— Здраствуй!

— Здраствуйте! далечó ли путь дёржите?

— Да вотъ до вашей милости.

И начали тутъ угощаться съ дорожки, пóпили тутъ, поѣли, попировали у ей на угощеньи, долго ли, коротко ли они тутъ жили. Жаръ-птица и говоритъ ему:

— Ну, Иванъ Царевичъ, пора тебѣ домой отправляться: долго ты здѣсь пробылъ.

— Какъ, говоритъ, долго? Я у тебя пробылъ только три часа.

— Нѣтъ, другъ; три года ты у меня пробылъ, а не три часа. Съ Божьей помощью отправляйся теперь домой.

И надавала ему денегъ, сколько нать на дорогу.

Отправился домой молодецъ, идетъ онъ путемъ-дорогой, попадаетъ домой своимъ успѣхомъ. Дошолъ до дому недалёко, зашолъ въ знакому рошшу, гдѣ раньше на охвоту ходилъ, на колодинку сѣлъ да-й раздумался.

— Что я скольки годовъ ходилъ, а въ сундучокъ не посмотрѣлъ: тамъ, быть може, ничего нѣтъ.

Открылъ онъ сундучокъ—у ёго сдѣлалось золóто государсво, самъ онъ царь, а никого нѣтъ. Ходитъ цѣлый день, а какъ залóжить сундучокъ не знаетъ. Вдругъ попадаетъ ему встрѣту старый сѣдой старикъ.

— А что, говоритъ, Ваше Царско Величество, ходишь въ такой кручинѣ-печали?

— Да вотъ не могу запереть.

— А что дашь, я тебѣ запру.

— А што хошь? хоть полжитья, полбытья, полъимѣнья своего оддамъ.

— Нѣтъ, это ништо не надо, ни полжитья, ни полбытья, ни полъимѣнья твоёго, а оддай ты то, чого дома не знаешь.

— Да чого я дома не знаю? Знаю отца, знаю мать, знаю хозяйку, кóней, коровъ. Развi у кобылы жеребёнокъ или у коровы теленокъ,—того развi не знаю.

— Нѣтъ, оддай чого дома не знаешь.

— Ну, пушшай, говоритъ (вышелъ изъ терпѣнья) будетъ твое, чого дома не знаю.

Вотъ этотъ старичокъ сичасъ и заперъ сундучокъ по старому, по прежному.

Пришолъ Иванъ-Царевичъ домой, съ отцомъ, съ матерью поздоровался, и съ хозяйкой и со всѣмà.

И видитъ—ходитъ сынъ у ёго большой, пока ходилъ,—родился и выросъ. Отложилъ этотъ сундучокъ—сдѣлалось у ёго золóто государсво, самъ онъ царь, а батько ужо и не руководствуё.

Этотъ старикъ-то кажду ночь и ходитъ и колотится.

— Царь! оддай посулёно.

По три ночи ходилъ и требовалъ:

— Оддай посулёно.

Сынокъ потомъ и услыхалъ.

— Што же, говоритъ, татенька, кажду ночь ходитъ да проситъ: „Оддай посулёно.“ Ты што нибудь, видно, сулилъ?

Царь и заплакалъ.

— Доброхотъ, я тебя отсулилъ.

— Ахъ, папаша, ты бы сказалъ бы мнѣ, такъ я бы давно въ дорогѣ былъ.

Вотъ они ему напекли подорожничковъ. Идетъ онъ путемъ-дорогой, близко ли-далёко, низко ли высоко,—я сказываю скоро, онъ попадаетъ по своему успѣху,—доходитъ до бабушки-задворёнки. Заходитъ въ фатерку, Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, бабкѣ въ особинку. Бабушка и спрашиватъ:

— Далечо ли, доброхотъ, пошолъ?

— Да я и самъ не знаю, далечо ли.

— Ой, доброхотъ, ты пошолъ къ царю Ироду. Давно онъ бѣгатъ, тебя ищшатъ.

Бабушка напоила, накормила и спать уложила.

Онъ и говоритъ ей:

— Бабушка! не знаешь чего-нибудь мнѣ помогчи?

— Нѣтъ, доброхотъ, я ничего не знаю, я далёко отъ него живу.

Ночь проспалъ, поутру всталъ и отправляется въ свою дорогу. Идетъ близко ли-далёко, низко ли-высоко, до такой же бабушки доходитъ. Заходитъ въ фатерку. Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, бабушкѣ въ особину.

— Здраствуй, говоритъ, добрый человѣкъ! Далечо ли вы пошли, далечо ли вы путь держите?

— Ахъ, бабушка, я и самъ не знаю, куда иду.

— А ты идешь, доброхотъ, къ царю Ироду. Въ кажну ночь онъ бѣгатъ, тебя ишшетъ.

Бабка напоила, накормила и спать повалила. Онъ и спрашиватъ у ёй:

— Не можешь ли, бабушка, какъ-нибудь мнѣ помогчи.

— Нѣтъ, доброхотъ, не могу. А вотъ тамъ моя сестра къ нему поближе живетъ, не знаетъ ли та чего.

Ночь проспалъ, поутру всталъ, отправляется въ путь-дорогу широку. Идетъ онъ близко-ли-далеко, низко ли-высоко, доходитъ опять до бабушки-задворёнки. Заходитъ въ фатерку. Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, бабкѣ въ особинку.

— Далечо ли вы пошли? спрашиваетъ бабка.

— Я, бабушка, и самъ куды не знай.

— Ой, доброхотъ, ты пошолъ къ царю Ироду, онъ тебя кажну ночь ишшетъ.

Бабушка его напоила, накормила и спать уложила.

— Бабушка! не можешь ли мнѣ помочь чего-нибудь?

— Хорошо, другъ мой, можетъ быть, чѣмъ-нибудь и помогу тебѣ.

Вотъ онъ ночь проспалъ. Поутру бабушка будитъ:

— Поди-ко, говоритъ, Иванушко, вставай да поди-ко ты къ синему морю, у синя моря сядь за ракитовъ кустъ, чтобы тебя не видно было. Вдругъ прилетитъ двѣнадцать лебедей бѣлыхъ, хлопнутся о́земь, сдѣлаются красныма дѣвицамъ. Одиннадцать будетъ купаться, двѣнадцата будетъ платье караулить. Одиннадцать выкупаются, хлопнутся о́ земь и улетятъ, а двѣнадцата будетъ купаться. Ты у нёй платье и укради.

Какъ эта дѣвушка стала купаться, а онъ платье у ней и укралъ. Она вышла изъ воды и говоритъ:

— Кто моё платье укралъ? Если старинькій укралъ, такъ будь вы дѣдушко; если пожилой молодецъ укралъ, такъ будь мой батюшко, а молодой молодецъ укралъ, такъ будь мнѣ богосуженый. Разъ проговорила и два проговорила, а онъ молчалъ. Она третёй проговорила, а онъ платье и швырнулъ ей.

Она одѣлась, ударилась о́ земь и улетѣла настыга́ть тѣхъ лебедей.

Приходитъ онъ домой, къ бабушки этой самой. Бабка и спросила у его:

— Что укралъ платьё?

— Укралъ, да-й и назадъ оддалъ.

— Что она тебѣ сказала?

— А ничего мнѣ не сказала.

— А не сказала, такъ тебѣ живому не бывать. Ахъ ты, такой простофиля! зачѣмъ отдаваешь?

— Ахъ, бабушка, прилетятъ ли завтро?

— Прилетятъ-то, прилетятъ, да ты простофиля!

Наутро пошолъ онъ опять къ морю, сѣлъ за ракитовъ кустъ и поджидаетъ. Прилетѣли двѣнадцать лебедей, ударились о́ земь и стали купаться. Одиннацать купаются, а двѣнадцата платье караулитъ. Одиннацать вышли изъ воды,

одѣлись, ударились о́ земь и улетѣли; двѣнадцата стала купаться. Подбредетъ да поглядитъ назадъ, не воруетъ ли кто платье. Она какъ оку́рнулась, а онъ и укралъ. Она вышла изъ воды и говоритъ:

— Кто мое платье укралъ? Если старинькій укралъ, такъ будь мнѣ дѣдушко; если пожилой укралъ, такъ будь мнѣ батюшко, а если молодой молодецъ,—будь богосуженый!

Она три раза проговорила, а онъ ей платье швартыхъ, и ничего не сказалъ.

Пошолъ къ бабушки опять назадъ.

— Что укралъ платье?

— Укралъ, да-й назадъ оддалъ.

— Что ты ей сказалъ?

— Ничего не сказалъ.

— Ахъ ты, простофиля! Не бывать тебѣ живому.

— Завтра, бабушка, опять прилетятъ?

— Прилетятъ-то, ли нѣтъ,—неизвѣстно; только зачѣмъ ты, простофиля, платьё оддавашь?

Третій день пришолъ онъ къ морю и сѣлъ подъ ракитовъ кустъ. Вдругъ летитъ, видитъ, двѣнадцать бѣлыхъ лебедей, ударилися о́ земь, сдѣлалось двѣнадцать дѣвицъ красныхъ. Одиннадцать стало купаться, двѣнадцата платьё караулитъ. Тѣ оку́рнулись и улетѣли, а двѣнадцата стала купаться. Подбредетъ да поглядитъ, подбредетъ да поглядитъ. Она какъ оку́рнулась, а онъ какъ-то, ужихо́ря, подвернулся, да и укралъ платье. Она вышла изъ воды и говоритъ:

— Кто мое платье укралъ? Если старинькій укралъ, такъ будь мой дѣдушко, если пожилой укралъ, будь мнѣ батюшко, а если молодой молодецъ, такъ будь мнѣ богосу́женый.

Разъ проговоритъ, и другой проговоритъ и третѣй проговоритъ.

— Ну, Иванъ Царевичъ, отдай мнѣ платье!

— Нѣтъ, не отдамъ.

— Такъ скинте свой сертукъ и бросьте мнѣ: я подойду къ вамъ.

Бросилъ онъ ей сертукъ, одѣла она его и подошла къ нему.

— Слушай, говоритъ, что я тебѣ скажу. Какъ ты придёшь,

царь Иродъ встрѣтитъ тебя на балкони и на тебя съ саблей побѣжитъ и закричитъ: „Ахъ ты, дуракъ, разбойникъ, долго не являлся!“ и захочетъ тебѣ голову саблей срубить. Сабля у него изъ рукъ выпадетъ, а ты саблю возьми за вострый конецъ и тупой подай ему и скажи: „Вотъ тебѣ, царь Иродъ, служба отъ меня“. Онъ тебя возьметъ за бѣлы руки и станетъ въ уста́ саха́рьни цѣловать и любезнымъ зятемъ называть. Поведетъ тебя въ бѣлые полаты, станетъ тебя садить за столы дубовые, за скатерти бранные, а ты у него ничего не пей и не ѣшь, такъ и изъ-за стола выходи. Какъ изъ-за стола выйдешь, онъ статъ тебя посылать въ карты съ дочерямъ играть. А ты не ходи съ татаркамъ играть, а поди по задней линіи къ самой худой фатеркѣ, которой въ городѣ хуже нѣтъ; тамъ я живу.

Одѣла она платье, ударилась о́ земь и улетѣла. Пришолъ Иванъ-Царевичъ къ Ироду царю. Царь на балкони стоитъ, увидалъ его.

— Ахъ ты, дуракъ, мошенникъ! Сколько времени ты не являлся!

Бѣжитъ на него съ саблей и хочетъ голову снести. Сабля у ёго изъ рукъ выпала. Беретъ Иванъ-Царевичъ саблю за вострый конецъ и подаетъ тупымъ.

— Вотъ, говоритъ, царь Иродъ тебѣ отъ меня служба.

Тогда царь бралъ его за бѣлы руки и цѣловалъ въ уста сахарьни, называлъ его любезнымъ зятемъ и повелъ въ бѣлокаменны полаты, началъ его угощать. А Иванъ-Царевичъ не ѣлъ, не кушалъ ничего

— Ну теперь, говоритъ царь, другъ мой ступай съ моима́ дочерямъ въ карты играть.

Вотъ онъ и пошелъ отъ ёго по задней линіи. Не пошолъ къ татаркамъ, нашелъ фатерку худую.

Приходитъ къ этой дѣвушки. И спросила она у его:

— Что тебѣ царь сказалъ сегодня?

— Мнѣ царь ничего не сказалъ, съ дорожки велѣлъ отдохнуть.

— Ну, похлебай квасу да помолись Спасу, да ложись спать.

Поутру будитъ ёго и говоритъ:

— Ступай къ царю, что́ прика́жо.

— Ну вотъ, доброхоть, сказалъ царь, я на тебя службу

накину: сострой въ одну ночь церкву, и чтобы попы и дьяки; въ этой церквы тебя вѣнчать буду; и чтобы кругомъ канавы и карабли ходили. А теперь иди съ моима дочерямъ въ карты играть.

Онъ не пошолъ къ татаркамъ, а пошолъ въ стару фатеру, гдѣ былъ. Дѣвушка спрашиватъ:

— Каку на тебя службу накинулъ?

— Такъ и такъ, въ одну ночь выстроить церковь, и чтобы попы и дьяки были и чтобы кругомъ карабли были. Возможно ли это сдѣлать?

— Ну, ладно, попей квасу да помолись Спасу! Утро вечера мудреняе, а мы царя Ирода похитряе.

Поутру и будитъ его.

— Ступай въ церковь да поколачивай молоткомъ, подкрѣпляй перила бутто.

Вотъ онъ пошолъ въ церковь, поколачиватъ молоткомъ.

Царь Иродъ посмотрѣлъ: церковь готова, и канавы готовы, какъ приказано.

— Хорошо, другъ мой, иди отдохни, поиграй съ моима дочерямъ въ карты, а съ утра норовись невѣсту выбирать.

Пришолъ Иванъ Царевичъ къ этой дѣвушки, съ тотаркамъ не пошолъ играть, пришолъ, а она и спрашиватъ его:

— Что тебѣ царь приказалъ?

— Ничего не приказалъ, а только съ утра велѣлъ невѣстъ выбирать.

— А ты радёхонёкъ?

— Да какъ не радёхонёкъ! думатъ и ладно.

— Хорошо, другъ мой, какъ ты будешь невѣстъ выбирать?

— Не знай.

— Дакъ вотъ узнай: царь Иродъ выпуститъ двѣнадцать голубушекъ, всѣ одинаковы, голосъ-волосъ и перьё одинаково, никакой различки не будетъ. Мнѣ нельзя будетъ глазомъ мигнуть и головой трехнуть, тольки и замѣчай, вдоль полу я крылышкомъ проведу, чуть-чуть тольки задѣну: догадаются, если потяну много.

У царя всё готово, голубушки выгонены.

— Ну ступай, выбирай! камандуетъ царь Ивану-Царевичу.

Пшёна на полу насыпано много, голубушки бѣгаютъ другъ передъ другомъ. Царь кричитъ на его:

— Что ты роешься! можно любую брать съ краю.

— Ахъ ты, царь, да вѣдь мнѣ не ночь ночевать, а надоть вѣкъ жировáть.

Увидалъ онъ голубушку эту, крылышкомъ протянула вдоль полу. Эту голубушку онъ и схватилъ. Царь ёму и говоритъ:

— Это не твои умыслы ходя, а ее! Завтра опять приходи выбирать, а теперь ступай съ моимá дочерямъ въ карты играть.

А онъ не пошолъ. Приходитъ на задворки въ худу фатерку. Дѣвушка и спросила у ёго:

— Выбралъ невѣсту?

— Да я не знай, говоритъ, выбралъ, не знай тебя, ли нѣтъ?

— Меня. Да вотъ завтре-то какъ будешь выбирать?

— Не знай.

— Ну дакъ слушай: насъ двѣнадцать будетъ дѣвицъ красныхъ, всѣ одинаковы, голосъ-голосъ и волосъ-волосъ, платья одинаковы и платки одинаковы. Какъ тутъ-то будешь выбирать! Мнѣ нельзя будетъ глазомъ мигнуть и платкомъ махнуть и головой трехнуть. Вдругъ мимо меня пролетитъ мýшинка, задѣнетъ за мой платокъ, замѣчай; а если незамѣтишь, такъ и пропалъ.

Пришолъ онъ выбирать невѣстъ; невѣсты у царя готовы, выстроены въ ширингахъ, двѣнадцать дѣвицъ красныхъ, голосъ-въ-голосъ и волосъ-въ-волосъ, всѣ одинаковы. Вдругъ царь вскричалъ:

— Эхъ, дуракъ какой! Выбирай съ краю—чего тамъ рыться.

— Ахъ, Ваше Царско Величество, вѣдь не ночь ночевать, а весь вѣкъ жировать.

— Да этта полдѣла тебѣ экúхъ выбирать!

Замѣтилъ Иванушко—мýшинка пролетѣла мимо платокъ. И схватилъ онъ эту невѣсту.

— Вотъ моя богосужена!

— Ахъ, дуракъ! Это не твои умыслы ходя, а ее.

— Ну, теперь опять ступай съ моимá дочерямъ въ карты играть, а завтра опять выбирать: до трехъ разъ дамъ тебѣ выбрать.

Онъ туда не пошолъ, а пришолъ опять на старупрежну фатеру.

— Что тебѣ, говоритъ, сказалъ?

— А по́слалъ вотъ въ карты играть, а я не пошолъ.

— А какъ ты въ утря́хъ будешь выбирать?

— А не знаю.

— Нать знать. Онъ насъ одинадцать дѣвицъ красныхъ выстроитъ въ рядъ, а двѣнадцата будетъ на печи лежать,— эка стара-престара, ни зуба въ ро́тѣ, не глаза во́ лбѣ и костыль въ рукахъ. Смотри ты, не бре́згуйся, а то и пропалъ.

Разбудила его поутру.

— Поди къ царю, у него уже всё готово.

Одиннадцать выстроено въ шеренгу, двѣнадцата запихана за печку. Вотъ онъ ходитъ и выбираетъ, а царь на него кричитъ:

— Что ты копаешься? Полдѣла тебѣ этта выбирать!

— Ахъ, Ваше Царско Величество, не ночь мнѣ ночевать, а вѣкъ жирова́ть.

Вдругъ онъ потомъ за эту старуху ухватился.

— Вотъ, Ваше Царско Величество, пусть будетъ моя богосужена.

Тутъ царь завертѣлся, замахался, заплевался.

— Что ты, говоритъ, что ты! ко-о ты берешь, не зуба въ ротѣ, не глаза во́ лбѣ! Что она у тебѣ будетъ ись? Киселемъ накормисся!

Ну, поплевался-поплевался, дѣлать нечего.

— Ну, обрежайся, невѣста, къ вѣнцу нать итти.

Невѣста обредилась, къ вѣнцу повёлъ, сичасъ и обвѣнчались и столовать пошли и пировать. Попировали и постоловали. Молодыхъ царь повелъ въ спальню, повалилъ ихъ спать.

— Ну, дѣточки, спите теперь!

Дѣточки спятъ сутки. Онъ было сталъ её обнимать, близко къ сердцу прижимать, а она говоритъ:

— Этта намъ не вѣнецъ, Иванъ Царевичъ, а въ путь-дорожку нать отправляться.

Беретъ она съ собой камешо́къ да площаточку. Отправились въ путь-дорожку изъ спальни. А перстень положила на столъ и сказала этому персню:

— Перстень-перстенёкъ! Ты батюшки служилъ да и дѣдушку служилъ да и мнѣ послужи!

А сами въ дорогу отправились.

Сутки прошли, царь пошолъ дѣточекъ бужáть.

Пришолъ и говоритъ:

— Дѣти! время вставать.

Перстень отвѣчаетъ:

— Ахъ ты, батюшка родимый! Да у насъ теперь цѣлованьицо пошло.

Тотъ назадъ воротился.

— Ну, думатъ, чортъ съ вами, цѣлуйтесь.

Опять сутки прошли. Царь опять пришолъ бужáть.

— Дѣточки! время вставать.

Перстень отвѣчаетъ:

— Ахъ ты, батюшко родитель! Унасъ теперь только обниманьицо пошло, да прижиманьицо пошло.

— Ну, ладно, спите дѣти! сказалъ царь и ушолъ. Прошли трои сутки. Царь пришолъ на третье утро.

— Дѣточки! времѐ вставать!

— Ахъ ты, батюшко родитель, у насъ только теперь пошло обниманьицо, да прижиманьицо да оплетаньицо. Всего насказалъ перстень.

Такъ царь и прочь отошолъ.

Настали четверты сутки. Опять пошолъ будить.

— Дѣточки! времѐ вставать.

Перстень больше не гугу—ниче-о не отвѣчаетъ. Царь колѣнкомъ двери выломилъ, пришолъ въ комлату и сталъ бѣгать, искать ихъ. Бѣгалъ да былъ, перстень и увидалъ въ комлаты на столи. Этотъ перстень хватилъ да бросилъ óземь, притопталъ весь, примялъ.

— Это, проклятый, ты отвѣчалъ!

Онъ сичасъ пришолъ домой, погону за имá скамандовалъ.

А они идутъ путёмъ-дорогою. Она-то и говоритъ:

— Иванъ Царевичъ! припади-ко къ земли: что увидишь подъ нами, что надъ нами, что впереди и что позади. Иванъ припалъ къ земли и говоритъ:

— Надъ нами нёбо, подъ нами земля, впереди не видно ничего, сзади тёмна туча накатается, за намъ погона есь.

Взяла она кремешкомъ шорнула о площаточку и сказала:

— Сдѣлайтесь кременны горы отъ востока и до запада,

чтобы чорту не пройти и не проѣхать, яснымъ соколомъ не пролетѣть.

Вотъ эти послы пріѣхали къ этой горы, нельзя попасть. Обратились назадъ. Царь и спрашиватъ:

— Ну, что? настыгли?

— Нѣтъ! кремяная гора мѣшаетъ!

— Ну, такъ берите ломы да отправляйтесь ломать гору.

Тѣ пріѣхали, гору ломать начали, разломили голову; опять и поѣхали за има. Дѣвушка-то и говоритъ:

— Иванъ Царевичъ! припади-ко къ земли: что увидишь подъ нами, что надъ нами, что впереди и что позади.

Иванъ припалъ къ земли и говоритъ:

— Надъ нами нѣбо, подъ нами земля, впереди не видно ничего, сзади темна туча накатается, гору разломали,—опять и ѣдутъ.

Она взяла кремешкомъ о площаточку шорнула.

— Сдѣлайтесь желѣзны горы отъ востока и до запада, чтобы чорту не пройти и не проѣхать, яснымъ соколомъ не пролетѣть.

Тѣ доѣхали до горы, а ломы оставили у той горы. Пока съѣздили за ломами да ломали гору, тѣ той-поры далеко уплелись.

Она чувствуетъ опять.

— Иванъ Царевичъ! припади-ко къ земли: что увидишь надъ нами, что подъ нами, что впереди и что позади.

Припалъ Иванъ къ сырой земли.

— Надъ нами нѣбо, подъ нами земля, впереди не видно ничего, сзади темна туча накатается, желѣзну гору разломали: за нами погона близко.

Она обернула его скотомъ, а сама пастухомъ, ходитъ и пасетъ.

Погона пріѣхала.

— А что, пастушокъ, давно ли молодецъ съ дѣвицей прошолъ?

— Ахъ вотъ, доброхоты, и я остарѣлъ, и коровы мои остарѣли, вотъ когды шли они, далёко вамъ догнать!

Послы назадъ воротились. Царь и спрашиватъ.

— Что настыгли?

— Нѣтъ.

— А кого видали?

— Пастуха со скотомъ.

— Ахъ, дураки, дураки! То они и есь. Поѣзжайте опять за има̀ въ погону; кого захватите, то и везите.

Тѣ отправились.

Дѣвушка и говоритъ:

— Иванъ Царевичъ! припади-ко къ земли: что увидишь надъ нами, что подъ нами, что впереди и что позади.

Иванъ припалъ.

— Надъ нами, говоритъ, нѣбо, подъ нами земля, впереди не видно ничего, сзади тёмна туча накатается, за нами погона опять.

Она обернула его часовней, а сама монахомъ. Ходитъ по часовни, кадитъ. Часовня такая моховѣла, а манахъ такой старый-престарый. Вотъ пріѣхали послы и спрашиваютъ:

Отче мана̀ше, давно ли молодецъ съ дѣвичей прошолъ?

— А вотъ, доброхоты, у меня вся часовня мохомъ обросла, у меня давно уже не зуба въ ротѣ, не глаза во̀ лбѣ, вотъ когда молодецъ съ дѣвичей шли. Далёко вамъ настыгчи!

Послы и назадъ. Вотъ царь и спросилъ:

— Что, не настыгли?

— Нѣтъ.

— А что видѣли?

— Часовню и манаха.

— Ахъ, дураки, дураки! Да это она и есь.

Царь больше на пословъ не повѣрилъ и самъ поѣхалъ въ погону.

Дѣвушка и говоритъ:

— Иванушко! бѣжи поскоря́е.

До рѣки добѣжали; она его обернула селезнемъ, а сама ершомъ въ воду. А царь Иродъ прибѣжалъ да и шшукой за ершомъ въ погону. Ершъ увидалъ шшуку, идетъ сейчасъ, подъ камень голову сунулъ. Шшука добѣжала до каменя, ершъ подъ каменёмъ. Ершъ повернулъ головой и говоритъ:

— А шшука востра, такъ ѣшь ерша съ хвоста.

Эта шшука ходила да была кругомъ каменя.

— Ершъ, повернись! Ершъ, повернись!

А ёршъ не вертится. Шшука опристала ходить вокругъ

каменя и вышла на гору. Ершъ вышелъ изъ-подъ камня да и взарѣкуй. Селезня отвернулъ да и самъ сдѣлался дѣвушкой и стоитъ на берегу.

— Будь ты проклятъ, говоритъ, Царь Иродъ! Чтобъ тебѣ съ этого мѣста не сойти и не съѣхать, яснымъ соколомъ не слетѣть!

Иродъ и завертѣлся.

— Така́ сяка́ матушка! отверни меня: не буду ходить въ Росею, да и некого не буду носить да и внукамъ и правнукамъ закажу.

Она его отвернула, а сами пошли дальше. Идутъ они близко ли-далёко, низко ли-высо́ко,—я сказываю скоро, они идутъ по своему успѣху. Близко пришли къ своему городу. Дѣвушка и говоритъ:

— Вотъ что, молодецъ: ты приходи домой, а я не пойду съ тобой. Со всѣма́ поздоровайся и поцѣлуйся, съ отцомъ и съ матерью, а только съ малой сестрой не цѣлуйся: не то всё забудешь, и меня позабудешь.

Она пошла по городу. А у царя просви́рни на то время не было какъ-то. Царь увидалъ, закричалъ въ окно:

Не порядися ли въ просвирни ко мнѣ?

— Отчего не поряжусь? Поряжусь со всѣмъ удовольствіемъ.

Порядилась въ просвирни.

Пришолъ Иванъ Царевичъ домой, со всѣма́ поздоровался и поцѣловался, кромѣ младшёй сестры; не попилъ, не поѣлъ да и спать ушолъ въ свою спальню.

Въ спальнѣ спитъ, а мала сестра и придумала:

— Что тако́! Со всѣма́ поздоровался и поцѣловался, а только со мной не поцѣловался.

Она пришла въ комлату его да и поцѣловала его сонно́го. Онъ отъ сна высталъ. Пришолъ—чай тамъ подварили, кофей скипятили, стали пировать, а его спрашивать:

— Гдѣ ты бывалъ? Что видалъ?

— Нигдѣ не бывалъ, ничего не видалъ.

Сколько не выспрашивали, а онъ ничего не помнитъ.

Долго ли они, коротко ли пожили и задумалъ его отецъ женить, высваталъ за его невѣсту. Три дня дали строку до свадьбы—погуляй ишше!

Вотъ онъ съ двумя енира́лами пошелъ гулять въ Лѣтній

садъ. Погуляли они и домой отправились, идутъ мимо просвирнина дома. Одинъ енералъ и говоритъ:

— Эхъ, у нашего царя кака есь просвирьня! Батюшки-свѣты, какая женщина! И вѣкомъ я экой женщины не видалъ.

— Вы ступайте, говоритъ Ивану Царевичу и другому енералу, а я помочиться останусь.

Тѣ прошли, а онъ сичасъ обратился къ просвирнѣ.

— Что, сударыня, говоритъ, нельзя ли съ вами погулять?

— Отчого нельзя, приходи.

— Ивана Царевича сичасъ провожу, а самъ обратно.

Спроводилъ Ивана Царевича, не переодѣлся и прямо къ просвирнѣ.

— Давай, сударыня, гулять-то станемъ!

— Что ты, что ты! Ночь-то долга́, нагуляться ишшо можно. Вотъ, говоритъ, я наставлю самоварчикъ да чайку напьемся, да кофейку напьемся, а такъ что́ ты прибѣжалъ да и давай гулять.

— Да, вотъ что, говоритъ, генералъ, я слышала, у васъ свадебка скоро?

— Да скоро! Вотъ ишшо два дни остается.

— Эка штука, а у меня просфоры растворены, а дрова не колоты.

— А, говоритъ, какъ пустошь! Есть у тебя топоръ.

— Есть.

— Ну, давай, я тебѣ наколю.

Просвирьня дала ему топоръ; инералъ побѣжалъ дровъ колоть. Просвирня наказала топору:

— До утра не отпушшай.

Тотъ колетъ и колетъ, весь припотѣлъ; сертукъ скинулъ, до того достряпалъ.

Солнышко высоко, просвирня проспалася, вышла и говоритъ:

— Гли-ко, инералъ, солнышко высоко, Иванъ Царевичъ гулять пошолъ.

Бросилъ инералъ топоръ на отпашку да-й унеси Богъ ноги.

Пошли опять гулять втроемъ въ Лѣтній садъ. Опять гуляли весь день до вечера. Другой генералъ увидѣлъ просвирню и говоритъ:

— Господи Боже! Какая хорошая просвирьня у нашего царя. Братцы, говоритъ, я помочусь.

Другой инералъ думатъ:

— На, братецъ, сходи поколи дровъ.

Прибѣгатъ инералъ къ просвирьни.

— Нельзя ли погулять съ вами?

— Для́ ча нѣтъ, можно.

— Сичасъ я провожу Ивана Царевича да-й ворочусь.

Побѣжалъ опять, проводилъ Ивана Царевича да-й назадъ къ просвирьни.

— Ну что, говоритъ, сударыня, погулять сичасъ будемъ?

— Что ты, что ты? Сначала чайку напьемся, кофейку напьемся, а ты съ вѣтру прибѣжалъ да и нать сичасъ гулять.

— Да, слышала, у васъ свадёбка скоро?

— Да, скоро у насъ, послѣзавтра.

— А вотъ что, другъ, у меня квашня растворена, замѣшать нечѣмъ.

— А пшеница есь?

— Есь; тольки муки нѣтъ, замѣшать нечѣмъ.

— Эка пустошь, давай, гдѣ пшеница. Жорновъ есь?

— Есь, какъ не быть.

— Ну, давай.

Инералъ побѣжалъ за печку къ жорнову. Она жорнову сказала:

— До утра не отпушшай инерала.

Сама спать повалилась, а инералъ мелетъ, только трескотокъ идетъ. Вотъ те и гулять!

Солнышко взошло, просвирьня скричала:

— Инералъ! Иванъ Царевичъ гулять пошолъ.

Тотъ отъ жорнова скорѣе отмахнулъ да-й дай Богъ ноги; и тотъ сертукъ оставилъ. Прибѣжалъ домой, переодѣлся, и пошли опять втроемъ гулять. Ну, походили, погуляли и домой втроемъ отправились. Вдругъ Иванъ Царевичъ увидалъ эту просвирьню.

— Эхъ, говоритъ, кака просвирьня у нашего папеньки! И вѣкъ такой женщины не видалъ. Вы, братцы, идите, а я останусь помочиться.

— Иди, думаютъ инералы, поколи дровъ да помели пшеницы. Будетъ тебѣ тамъ гулянка!

Обзарился на просвирьню Иванъ Царевичъ, прибѣгаетъ къ ней и говоритъ:

— Нельзя ли, сударыня, погулять съ вами вечерокъ?

— Для чá, говоритъ, нельзя.

Сечасъ настыгать побѣжалъ инераловъ, проводить ихъ нать. Инералы ушли по домамъ, а самъ обратно къ просвирьни,—домой не ходилъ. Спрашиватъ у ней:

— Давай гулять, что время-то даромъ проклаждáть.

— Что ты, Иванъ Царевичъ, я лучше самоварчикъ наставлю да чайку попьемъ, вотъ тогда гулять можно.

— Да, говоритъ, я слышала, что у васъ свадебка скоро, Иванъ Царевичъ?

— Да, конешно, скоро.

— Да, говоритъ, сегодни забыла какое число, забыла да забыла, вовсѣ изъ ума у меня вонъ.

— А святцы есь?

— Есь, да я не поглядѣла.

— Ну, давай узнаю.

Она святцы подала и говоритъ святцамъ:

— До утра не отпушшайте Ивана Царевича.

А сама спать завалилась. Тотъ святцы перебирае, числа никакого найти не можетъ, до поту старается, даже рубашка мокра. А просвирьня спитъ—всхрапыватъ. Потомъ она проспалася и кричитъ:

— Иванъ Царевичъ, уже солнышко высóко, тебя батюшко ишшетъ въ поѣзжой столъ, нать ѣхать за невѣстой.

Тотъ святцы броси́лъ да какъ побѣжалъ, только ноги подъ ж—у липáютъ. Прибѣгаетъ домой, только успѣлъ передѣться, а гости собираются въ поѣзжой столъ.

А просвирьня обернулась голубушкой и полетѣла, сѣла на окно и воркуётъ.

— Тюрю-тюрю, голубокъ забылъ свою голубушку. Разъ проговоритъ, и другой проговоритъ и третéй проговоритъ. Царь услыхалъ.

— Что тако, говоритъ, значитъ? Запустить голубушку въ фатеру.

Запустили эту голубушку въ фатеру, ударилась она óземь и сдѣлалась красна дѣвица. А Иванъ Царевичъ закричалъ:

— Тятенька и маменька! Вотъ моя невѣста, которая

меня спасла отъ смерти, а не та, которая у васъ высватана. Вотъ ее перстень, а вотъ мой. Сейчасъ веселымъ пиркомъ да за свадебку, сейчасъ и обвѣнчалися, стали жить да быть, да добра наживать, да лиха избѣгать.

Запис. отъ Ѳ. В. Огаркова. Онежскій у. 1912 г.

---

6. Незнайко.

Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ у царя былъ одинъ сынокъ. Этотъ сынокъ выросъ великонёкъ, выучился грамоты, сталъ ходить по стойламъ, по конюшнямъ, собѣ добраго коня выбирать. На которого руку накинетъ, на которого ногу накинетъ, тотъ въ землю наскрозь пройдетъ, никакой его не выноситъ. Идетъ онъ кручиненъ-печаленъ по городу. Вдругъ ему дѣвка-чернявка попадаетъ на встрѣту.

— Что-то идетъ Иванушко не веселъ, буйну голову повѣсилъ ниже могучихъ плечъ?

— Прочь, старая чертовка, на долóнь посажу, другой прижму, одна грязь останется

Вотъ она разъ забѣжитъ его, и другой забѣжитъ, и третей забѣжитъ.

— Что, говоритъ, Иванушко, не веселъ, буйну голову повѣсилъ ниже могучихъ плечъ?

— Прочь, старая чертовка, на долóнь посажу, другой прижму, одна грязь останется.

— Смотри, Иванъ Царевичъ, стары люди много знаютъ, что гнѣваешься на меня?

Услыхалъ онъ эти рѣчи бабки и говоритъ:

— Бабушка, воротись!

Бабушка воротилася.

— То-то, доброхотъ! стары люди много знаютъ, а ты гнѣваешься на меня. Вотъ поди, доброхотъ, въ чистое поле, тамъ есь дубъ, а подъ дубомъ есь погреба; въ погреби стоитъ добрый конь, не батька твоего, а ешше дѣдушки твоего. Вотъ придешь, говоритъ, какъ шшелнешь дубъ, да какъ слетитъ, такъ и достанешь коня, а не слетитъ, такъ и коня тебѣ не видать.

Вотъ онъ пошолъ въ чисто полё, увидалъ этотъ самый

дубъ, подошолъ къ дубу, шшелкнулъ на отпашку, дубъ на мелки черешки разсыпался. Конь услыхалъ сѣдока по себѣ, началъ двери ломать, а Иванъ Царевичъ другія. Трои двери изломали желѣзные. Конь выскочилъ, ему на плечи скочилъ. Онъ коня хлопнулъ на отпашку:

— Ахъ ты, конь травяно́й-мѣшокъ! Я на тебѣ ишше не ѣздилъ, а ты на мнѣ заѣздилъ.

Зашолъ онъ въ погребъ, взялъ уздечку тесьмяную, сѣделышко черкасское и всѣ доспѣхи богатырскіе. Вотъ накладывалъ онъ на коня уздицу тесьмяную, сѣделышко черкаськое и подтягалъ на двѣнадцать подпругъ шолковыхъ не для ради красы-басы, а для ради богатырской крѣпости. Отправлялся домой къ отцу и къ матери; вяжетъ коня къ золотому кольцу и бѣжитъ въ фатеру.

— Татенька и маменька, благословите меня ѣхать куданибудь показа́ковать.

Тѣ говорятъ:

— Что ты, доброхотъ, что ты, дитятко, одинъ ты у насъ сынокъ, какъ мы безъ тебя будемъ.

— Спустите поѣду и не спустите поѣду.

Отправился онъ въ путь дорогу широку. Ѣдетъ онъ близко-ли далёко, и пріѣхалъ въ такой городъ, не свой ужъ. Коня спустилъ муравой травы шшипать въ чистое полё, самъ на̀ мостъ сталъ и стоитъ на мосту, опёрся о перила и стоитъ.

— Кто ты такой?—кто спроситъ и не спроситъ, а онъ все отвѣчатъ:

— Не знаю.

Потомъ Царь Игримунтъ, здѣшняго царя такъ звали, ѣдетъ и спрашиватъ:

— Чей ты такой и откуль?

Отвѣчаетъ царю:

— Не знаю.

Царь приказалъ его забрать.

— Ну, куды этого Незнайка дѣвать? Поварамъ на подмогу.

Живетъ онъ на подмоги у поваровъ; повары имъ распоряжаются, то „Принеси воды“, то „Дровъ“, то „Туды сбѣгай“. Онъ терпѣлъ-терпѣлъ да и немогъ стерпѣть, началъ поваровъ пошшупывать. Котораго за руку хватитъ, у

того рука прочь; котораго за голову, у того голова прочь. Понесли царю жалобы, что Незнайко подергиватъ. Куда этого Незнайка не знаютъ дѣть, бѣда пришла съ Незнайкой. Давай его къ конюхамъ, пусть конюховъ пробиратъ: можетъ, конюха́ что-нибудь проказятъ.

Такъ опять этотъ Незнайко день живетъ у конюховъ, другой живетъ. А конюха посылаютъ его:

— А мою лошадь вычисти! А мою лошадь вычисти. Началъ подергивать опять: какого за руку хватитъ, у того рука прочь, а которого за голову, голова прочь. И тутъ ему не мѣсто. Куда этого Незнайку дѣвать, самъ царь не знаетъ. Давай его къ садовнику, пусть поливатъ садъ.

Вотъ онъ живетъ долго ли, коротко ли у садовника. У садовника ему скучно стало, вышелъ въ чистое поле, свиснулъ по-молодецки, крикнулъ по-богатырски:

— Сивушко-бурушко! Будь передо мной, какъ листъ передъ травой.

Конь прибѣжалъ, на колѣнки палъ.

— Что угодно, Иванъ Царевичъ? конь спросилъ.

— А ничего не угодно, только въ садъ поѣдёмъ гулять. Разъѣхался въ сво-ётъ садъ да и весь садъ примялъ, полонилъ, какъ головнёй покатилъ. Своего добраго коня опять спустилъ муравой травы шшипать въ чисто поле, а самъ пошолъ въ садо́вню и повалился. Вдругъ садовникъ-отъ проспался и будитъ Незнайка.

— Что ты, говоритъ, проклятый, спишь! Кто садъ-то уходилъ?

— Я не знаю! только и прорѣчья у него.

Вдругъ царь Лукопёръ пришолъ съ войскомъ подъ это царство.

— Царь Игримунтъ, говоритъ, отдай своихъ дочерей за моихъ сыновей; а если ты не отдашь, то все твое царство побью, поплѣню и головнёй покачу.

Царь говоритъ дочерямъ:

— Ну, дочери, идете́, ли нѣтъ?

— Что-то тятенька, родны-то сестры за родныхъ братьевъ? Какъ мы пойдемъ?

Одна говоритъ:

— Я пойду за генерала.

Друга́:

— А я за министра

А третья:

— А я пойду за Незнайка.

Ихъ и повѣнчали.

Царь и говоритъ:

— Ну, зятья, своихъ жонъ спасайте; какъ хотите, такъ и знайте.

Эти зятья отвѣчаютъ:

— Ну, тятенька, будемъ собирать войско итти на поединку съ Лукопёромъ.

Стали собирать войско. Войско отправилось въ дорогу ужъ; а Незнайко до того не говаривалъ не съ кѣмъ, а тутъ заговорилъ:

— Ну-ко, жонка, сходи къ батьку, попроси какой-нибудь лошадёнки, хоть водовозной.

Та пришла къ отцу и говоритъ:

— Тятенька! нѣтъ ли какой лошаденки моему мужу съѣздить посмотрѣть.

— Поведи.

Она привела ему лошадь. Онъ сѣлъ, а ноги хватаютъ до земли; сѣлъ глазами назадъ, хвостъ заздынулъ, по . . . . лошадь-то прихлопыватъ.

— Вотъ, говорятъ, у царя какой зять! Люди со слезами на глазахъ отправляются, а онъ людей гали́тъ! Вотъ онъ выѣхалъ за городовую стѣну, за хвостъ захватился, сдернулъ съ лошади хвостъ, повѣсилъ шкуру на огороду и сказалъ:

— Сороки да воро́ны! на-те вамъ отъ царя обѣдъ.

Самъ вышелъ въ чистое поле, свиснулъ по-молодецки, крыкнулъ по-богатырски:

— Сивушко-бурушко! стань передо мной, какъ листъ передъ травой.

Конь прибѣжалъ, на колѣни палъ. Накладывалъ на него уздицу тесьмяную и сѣделышко церькаское и подтягалъ его на двѣнадцать подпругъ шолковыхъ не для ради красы-басы, а для ради богатырской крѣпости. Вотъ наѣхалъ свояковъ и по наметкѣ далъ по хорошой. Войско стало на мѣсто; онъ и разъѣзжаетъ по той силы и по другой, ѣздитъ, осматриватъ. Свояки его и взмолилися:

— Удалый добрый рыцарь! Постой и помоги-ко намъ.

— Спущайте вѣстовую пушку.

Вѣстовая пушка грянула. Лукопёровъ сынъ прискакалъ.

— Вамъ кто приказалъ?

А Незнайко отвѣчатъ:

— Я приказалъ.

— А ты, говоритъ, птичка-невеличка!

— Я, говоритъ, хоша птичка-невеличка да ноготокъ востёръ. Но! разъѣзжайся да съѣзжайся на двѣнадцать поприщъ лошадиныхъ.

На копья съѣхались, копья лопнули, какъ сильный громъ грянулъ, у обѣихъ; съѣхались на сабли, и сабли лопнули у обѣихъ; съѣхались на мечи. Незнайко Лукопёрова сына съ конемъ пополамъ перенёсъ, тотъ и здохъ.

Свояки и взмолилися:

— Благодаримъ, добрый рыцарь, что ты намъ помогъ. Пріѣзжайте къ намъ на пиръ, къ нашему папенькѣ хлѣба-соли кушать.

Тѣ пріѣхали домой, и пиръ пошолъ горой. А Незнайко пришолъ къ этому стерву да набралъ воронъ и сорокъ, они объѣлись мясомъ,—онъ ихъ живыхъ руками навязалъ вязанку.

У царя пиръ ведётся; онъ туды же попадаетъ, а его подталкиваютъ и говорятъ:

— Куды ты къ чорту съ экой ношёй!

А онъ которого толкнётъ, тотъ и до смерти. Къ тёмъ дверямъ подошолъ, гдѣ пируютъ, спустилъ сорокъ да воронъ, а они полетѣли, перебили графины и всё, рюмки и всё, и стоканы и окольницы.

— Я своё, говоритъ Незнайко, выпилъ.

Пошолъ да опять и спитъ въ своей садовнѣ.

Вдругъ опять потомъ царь Лукопёръ пріѣхалъ и говоритъ:

— Царь Игримунтъ! отдай своихъ дочерей за моихъ сыновей. Если не отдашь, я всё царство твоё побью, поплёню и головнёй покачу.

— Ну, зятья, говоритъ царь, опять спасайте своихъ жонъ, буди не хотите отдавать. Не жалко, такъ отдавай, а жалко, такъ остерегайте.

Такъ войско опять и стали собирать. Собрали войско и отправляются. Незнайко и говоритъ своей хозяйки:

— Иди-ко, попроси у батьки какой-нибудь лошадёнки водовозной.

Та пришла и говоритъ:

— Тятенька и маменька! дайте моему Незнайку каку-нибудь лошадёнку.

— Чортъ тебя надавалъ съ твоимъ Незнайкой! всѣхъ ко́ней переведёте у меня. Поди же, во́зьми каку-нибудь, дѣлать нечего: зять тоже.

Привели ему коня, а онъ сѣлъ расширя́ ноги, лицомъ назадъ, хвостъ въ зубы да и пошшолкиватъ опять по ж--ѣ.

— Вотъ, говорятъ, шальное чудо у царя какое! Народъ со слезами идетъ, а онъ народъ гали́тъ.

Опять за городову стѣну выѣхалъ, кожу за хвостъ сдернулъ, повѣсилъ на огороду да и говоритъ:

— Нате, сороки да вороны, будетъ вамъ отъ царя обѣдъ хорошъ.

Самъ вышелъ въ чистое поле, свиснулъ по-молодецки, крикнулъ по-богатырски:

— Сивушко-бурушко! Стань передо мной, какъ листъ передъ травой.

Конь прибѣжалъ, на колѣнки палъ.

— Что угодно, Иванъ Царевичъ?

— Съ Лукоперовымъ сыномъ нать съѣхаться.

Накладывалъ на него уздицу тесьмяную и сѣделышко черкасское и подтягалъ на двѣнадцать подпругъ шолко́выхъ не для ради красы-басы, а для молодецкой крѣпости. Этихъ свояковъ опять наѣхалъ и далъ имъ по намётки ленько́мъ по спину.

Войско стало на свое мѣсто; то войско стоитъ и другое стоитъ; онъ и ѣздитъ кругомъ войска, своего и Лукопёрова, объѣзжатъ то и другое. А свояки опять и взмолилися:

— Удалый добрый рыцарь! Постой и помоги намъ.

— Когда вы, говоритъ, впереди взмолилися, такъ спушшайте вѣсто́вую пушку.

Спустили вѣсто́вую пушку. Лукопёровъ сынъ наскака́лъ.

— Вамъ кто приказалъ?

— Я приказалъ.

— А ты, говоритъ, птичка-невеличка.

— Я, говоритъ, хоша птичка-невеличка, да ноготокъ востёръ. Но! разъѣзжайся да съѣзжайся на двѣнадцать поприщъ лошадиныхъ.

— Брата убилъ, а меня не убьешь.

— А не похваляйся, съѣзжайся на поединку.

Вотъ они разъѣхались и съѣхались на копья; копья лопнули, какъ сильный громъ грянулъ. Съѣхались на сабли, и сабли лопнули, съѣхались на мечи. Лукопёрова сына Незнайко опять перенесъ съ конемъ, убилъ.

Свояки и взмолилися:

— Удалый добрый молодецъ! благодаримъ, что намъ помогъ. Пріѣзжайте къ намъ на пиръ, къ нашему папенькѣ хлѣба-соли кушать.

Тѣ поѣхали домой пировать, а онъ спустилъ коня въ чистое полё муравой травы шшипать; самъ пришолъ къ этому стерву, опять наималъ сорокъ—воронъ, сколько можетъ унести, навязалъ въ вязанки.

Тамъ въ городи идетъ ужъ пиръ на весь міръ, на колокольняхъ идетъ звонъ, что побѣдили Лукопёрова сына.

Незнайко опять лѣзетъ на пиръ съ сорокамъ да воронамъ.

Его толкаютъ, а онъ которого шшолнетъ,—тотъ и до смерти.—Не шевелись лучше,—и дошелъ до дверей тѣхъ, гдѣ пиръ идетъ. Двери отворилъ, сорокъ—воронъ пустилъ; тѣ опять всѣ графины, стоканы и рюмки приломали и окольницы высадили: эку урму выпустилъ! Самъ онъ домой пошолъ въ садовню и завалился, а тѣ пировать остались.

Опять недолго время прошло—Лукопёръ опять прискакалъ. Говоритъ:

— Царь Игримунтъ, отдай своихъ дочерей за моихъ сыновей, а не то я все царство твое побью, поплѣню, головней покачу.

— Ну, говоритъ царь зятьямъ, давайте спасайте своихъ жонъ; буде нать, такъ обороняйте.

Войско опять отправляется. Незнайко проспался и говоритъ жонки:

— „Поди-ко, жонка, къ батьки, не дастъ-ли каку лошадёнку?

Та пришла и спрашиватъ:

— Тятенька и маменька, дайте моему Незнайку какунибудь лошадёнку.

Царь вскрычалъ:

— Чортъ тебя надавалъ съ твоимъ Незнайкомъ: всѣ ко́ни перевёлъ у меня. Поди возьми говоритъ, дѣлать нечего, каку-нибудь нежѐлобну.

Привела она коня. Незнайко и говоритъ:

— Вотъ что, хозяйка, вы будете потомъ стоять на балкони всѣ три сёстры. Мы съѣдемся съ Лукопёровымъ сыномъ на копья, копья лопнутъ; съѣдемся на сабли, и сабли лопнутъ, съѣдемся на мечи. Лукопёровъ сынъ у меня руку пронозитъ, а мой конь у Лукопёрова коня ногу отхватитъ. Тогда Лукоперовъ сынъ вскрычитъ: „Ну, удалой доброй рыцарь, ты поѣзжай руки вязать, а я поѣду коня смѣнять. Тогда я пріѣду къ вамъ и скажу: „Большая сестра, завяжи руку“. Та платкомъ съ головы завяжетъ, кровь все побѣжитъ. „Середня сестра, завяжи руку“. Та платокъ сниметъ съ головы, завяжетъ руку—кровь все пойдетъ. „Мала сестра, завяжи руку“,—ты плюнь да прочь пойди и скажи: „Кабы мой мужъ былъ, такъ завязала бы“, отъ меня отворотись да и прочь поди. Тутъ мое сердце раскипится, разгорится, Лукопёрова сына пополамъ съ конемъ перенесу.

Вотъ онъ разсказалъ, какъ слѣдуетъ, сѣлъ на лошадь да и отправился опять такимъ же манеромъ, глазами къ хвосту.

— Вотъ, говорятъ, какой зять-то у царя: на войну идутъ со слезами, а онъ собирается со смѣхо́мъ, только народъ галитъ.

Выѣхалъ за городовую стѣну, за хвостъ захватилъ лошаденку, кожу сдернулъ и повѣсилъ на огороду.

— Сороки—вороны! вамъ опять обѣдъ отъ царя.

Самъ онъ вышелъ въ чистое поле, свиснулъ по-молодецки, крыкнулъ по-богатырски:

— Сивушко-бурушко! будь передо мной, какъ листъ передъ травой.

Конь прибѣжалъ, на колѣнки палъ.

— Что угодно, говоритъ, Иванъ Царевичъ?

— Съ Лукопёровымъ сыномъ сражаться.

— Есть ли у тебя три кожи?

— Есь.

— Ну, вяжи на меня крѣпче! сказалъ конь.

Онъ навязалъ кожи, наложилъ уздечку тесьмяную, сѣдёлышко черкаское и подтягалъ на двѣнадцать подпругъ шолковыхъ не для ради красы-басы, а для ради богатырской крѣпости. Вотъ опять свояковъ наѣхалъ да по наметочки и далъ имъ. Тѣ на мѣсто стали съ войскимъ. Онъ опять ѣздитъ кругóмъ той и другой силы. Эти свояки опять и взмолились:

— Что угодно, добрый молодецъ, бери, а постой и помоги намъ.

— Хорошо, говоритъ, когда вы впереди взмолилися, то спушшайте вѣстовую пушку.

Пушку сечасъ выпалили. Лукопёровъ сынъ наскакалъ.

— Вамъ кто приказалъ?

— Я приказалъ.

— О; падина ты! братьевъ убилъ, а меня не убьешь. Ну, когда ты приказалъ, то разъѣзжайся и съѣзжайтесь на двѣнадцать поприщъ.

Съѣхались на копья, копья лопнули—сильный громъ грянулъ; съѣхались на сабли, и сабли лопнули у обѣхъ; съѣхались на мечи. Ивановъ конь у того коня ногу перекусилъ, а Лукопёровъ сынъ у Незнайка руку пронозилъ. Лукопёровъ сынъ взмолился—на треногой лошади ништо навоюешь!

— Удалой доброй рыцарь, ты поѣзжай руки вязать, а я поѣду коня смѣнять.

Пріѣхалъ Незнайко руки вязать.

— Большая сестра, завяжи руку.

Та сняла платокъ съ головы, завязала руку, а кровь все бѣжитъ.

— Середня сестра, завяжи руку.

Та руку завязала, кровь все бѣжитъ да бѣжитъ.

— Мала сестра, завяжи руку.

Та отворотилась, плюнула и сказала:

— Кабы мой мужъ былъ, дакъ я бы завязала, а чужой мужъ, такъ я и . . . . . не хотѣла.

А сёстры бранятъ:

— Вотъ, говорятъ, шальняя!

Вотъ и съѣхались съ Лукопёровымъ сыномъ опять на копья. Копья лопнули, какъ сильный громъ грянулъ. Съѣхались на сабли, и сабли лопнули. Съѣхались на мечи, Не-

знайко пополамъ опять Лукопёрова сына разрубилъ, послѣдняго теперь,—больше не будутъ невѣстъ спрашивать. Да во всемъ паратѣ, со всѣмъ конемъ, поѣхалъ домой въ конюшню, да съ коня свалился, приказалъ хозяйки конюшню залóжить, и заснулъ богатырскимъ сномъ. И шестеры сутки не велѣлъ мимо конюшни ходить, не то будить.

— Если разбудите, всё ваше царсво побью-поплѣню, головнёй покачу.

Хозяйка конюшню и залóжила, сама ушла въ садóвню и повалилась спать, нá пиръ не пошла. А сёстры ейны всѣ на пиру наѣдались, всѣ напивались и порасхвастались, всѣ кто чѣмъ можетъ.

— Тятенька и маменька! А гдѣ наша сестрица?

— Незнайку, того не знаемъ, гдѣ онъ, а сестра наша въ садовни живётъ, надо хоть ту позвать.

И прибѣжали къ садовни сестры.

— Сетрица, пойдемъ, пожалуста, на пиръ.

— А что мнѣ тамъ дѣлать?

Уговорили и повели на пиръ, подпоили да-й говорятъ:

— А гдѣ твой Незнайко?

— А кто его знаетъ!

Вотъ они выпили, сестрицы, порядочно и стали докучать сестрицы:

— Покажи да покажи, гдѣ Незнайко!

Просто отступу нѣтъ. Та пьяна-то и повела ихъ: пьяный-то человѣкъ послабже. Какъ привела да какъ отворила двери, дакъ они и въ . . . . . : этакой, видятъ, богатырь спитъ да этакой конь стоитъ. Одва и ушли отъ конюшни.

Прибѣжали домой.

— Татенька и маменька! Прекрутите весь пиръ, больше не пируйте и въ колокóлы не звоните,—шестеры сутки не тревожьте богатыря; если разбудите не во время, то бѣда.

Вотъ шестёры суточки и прошли. Хозяюшка отправилась въ конюшню, водушку понесла умываться богатырькý. Царь всё войско приготовилъ,—хозяйка пошла умывать, такъ, должно быть, вы́сталъ,—и пошолъ со всѣмъ вóйскомъ къ конюшни и палъ со всѣмъ войскомъ на колѣни, што „Простите! какихъ вы родовъ, какихъ городовъ, какого отечества, мы не знаемъ!“

Пошли они въ горницу, попировали много ли, мало ли времени; онъ взялъ свою хозяюшку да и въ свое царсво уѣхалъ жить да поживать да добра наживать да лиха избѣгать.

Запис. отъ Ѳ. В. Огаркова. Онежскій у. 1912 г.

---

7. Братъ и сестра-лиходѣйка.

Въ одной деревни жилъ старикъ съ молодой жонкой, его перва померла. Отъ первой дѣти остались,—дѣушка да мальчикъ. Онъ женился на второ́й. Мачеха дѣтей не взлюбила.

— Ну, поведи, куда знаешь, чтобы ихъ не было праху.

Принужденъ былъ старикъ вести робятъ въ лѣсъ.

Идетъ онъ со своима́ дѣточками лѣсомъ по тропинки; какъ-то отъ ихъ и укрался, убѣжалъ въ лѣсъ, чтобы его не видали. Они поревѣли, поревѣли да и пошли по тропинки о́рѣку. Вдругъ видятъ — фатерка взарѣкой стоитъ небольшая. Изъ фатерки вышелъ старичокъ.

— Што вы, дѣточки, плачете, маленьки?

— Какъ, дѣдушко, не плакать: заблудилисе, не знамъ, гдѣ ходимъ.

— Ой вы, дѣточки! Постойте на бережку, я васъ сечасъ къ собѣ переведу.

Этотъ старикъ слѣза́лъ на по́дволоку, взялъ ширинку; этой ширинкой махнулъ, и сдѣлался мостъ.

— Ну, дѣточки, переходите по мосту на здѣшную сторону ко мнѣ.

Робятка обрадѣли, къ нему и перешли. Онъ повёлъ ихъ въ фатерку, напоилъ, накормилъ и спать повалилъ. Вотъ наутро сталъ:

— Дѣточки, ставайте! Вотъ тебѣ, доброхотъ, вся моя приправа; вотъ тебѣ мое ружье, мой кобель, поди промышлять, какъ я весь свой вѣкъ, промышляй, стрѣляй, что попадётъ; а ты, дѣвушка, будь мнѣ дочкой, пеки и стряпай на насъ.

Мальчикъ сталъ въ лѣси ходить хорошо и больше дѣдка сталъ дичи носить, звѣрья и всего; варите, сколько угодно. А сестрица стряпатъ у него.

Вдругъ этотъ дѣдушко какъ-то нездоровъ сдѣлался да и помёръ. Они его и похоронили, зарыли.

Ходитъ охвотникъ въ лѣси и хорошо промышлятъ, а дѣвушка живетъ при́ домѣ. Выросли, стали великоньки.

Вотъ онъ ушолъ на промыселъ, а дѣвушка вышла на берегъ и видитъ, ходитъ красавчикъ добрый молодецъ. Она смотритъ на него и не насмотрится.

Тотъ спросилъ у нее:

— Что ты, дѣвушка, смотришь?

— Да смотрю, ты мнѣ заказался больнё красивъ ужъ.

— Ну, когда, говоритъ, заказался, такъ перевези взарѣку.

— А какъ я тебя перевезу?

— Да такъ, ты слышала отъ дѣдушка, что ширинка на по́дволокѣ,—какъ онъ васъ перевёлъ, такъ и меня переведи этой ширинкой.

Сбѣгала она на подволоку; взяла эту ширинку, махнула, и сдѣлался мостъ. Молодецъ и перешолъ къ ей. Ну, другъ дружкѣ заказа́лися, зашли въ фатерку, стали цѣловаться и все по-хоро́шенькому. Вдругъ тотъ увидалъ, что братъ ее идетъ.

— Вонъ твой братъ идетъ съ охвоты, а я-то куда?

Взялъ обернулся булавкой и говоритъ:

— Заткни меня подъ потолокъ, чтобы кобель не доста́лъ.

Вотъ ея братъ потомъ пришолъ въ фатеру. Фатеру отворилъ; кобель заскочилъ, да какъ началъ рвать стѣны, только са́рги летятъ. Она и говоритъ:

— Брателко, что эдако кобел-етъ дѣлатъ, уйми, что эко?

Онъ кобеля закликнулъ. Сечасъ сестра собрала ему ужи́ну. Сѣлъ, поужиналъ и спать повалился; а кобель всё ворчитъ; хоть не смѣетъ ходить, что у́нятъ, а лежитъ и харьчи́тъ.

Ночь проспалъ, по утру всталъ, сёстра завтрокъ приготовила. Позавтрокалъ да и отправляется по-старому въ лѣсъ, какъ слѣдуетъ быть.

Вотъ онъ ходитъ въ лѣси; а сестра выхватила булавку, обернула ее добрымъ молодцомъ и любуется съ тѣмъ. Онъ и говоритъ ей:

— Какъ бы его уходи́ть? Вотъ что, говоритъ, ты сдѣ-

лайсе седни нездорова. Какъ придетъ твой братъ изъ лѣсу, ты ужина ему не сподобляй, а меня оберни опять булавкой да повыше прилипи, чтобы кобель не досталъ.

Разсказалъ ей все, какъ нать говорить. Вотъ та повалилась, лежитъ въ постели, бутто не вставала.

Пришолъ Ванюшка домой. Только отворилъ двери, а кобель впередъ заскочилъ и опять заходилъ, харьчитъ, воетъ.

— Брателко, я не могу, сокроти кобеля, чтобы онъ не рвалъ ничого, не лаялъ да-й.

Тотъ сокротилъ кобеля, кобель не сталъ лаять.

— Брателко, собери на столъ самъ, тамъ напечёно, наварено. Я ничего не могу, какъ самъ знаешь!

Онъ поужиналъ, кобеля накормилъ, а кобель всё харьчитъ, чувствуетъ, что нечистый духъ есь, а не знаетъ, гдѣ взять.

Ночь Иванушко проспалъ, поутру всталъ, а у сестры и завтракъ не варёнъ. Поѣлъ хлѣба-соли и отправляется въ Сузёмокъ.

— Вотъ что, говоритъ, брателко, сходи ты въ Волчьи острова, я слыхала, тамъ такіе есь (это ей тотъ разсказалъ, какъ уморить то его надо: онъ пойдетъ въ Волчьи Острова, тамъ его волки заѣдятъ, а мы съ тобой жить будемъ, какъ его то не будетъ) да принеси отъ волчихи молока.

— Хорошо, сестрица, дай, гдѣ туисо́къ, я нацижу отъ волчихи молока.

— А бери, самъ знаешь.

Вотъ онъ взялъ туисокъ и пошолъ въ Волчьи острова. Идетъ островами, волчиха бѣжитъ ему встрѣту. Онъ сказалъ ей:

— Волчиха, я тебя пострѣлю.

— Нѣтъ, Иванушко, не стрѣлей, а што тебѣ нать, то и бери.

Онъ подошолъ, нацидилъ туисо́къ отъ волчихи и отправляется домой. Волчиха еще ему волка дала:

— На, возьми, Иванушко, волка; тебѣ веселя́е будетъ, больше охвоты.

Пошолъ домой, понёсъ сестрицы молоко.

— Вонъ идетъ, говоритъ сестра; ты сказалъ, что волки его загрызутъ въ Волчьихъ островахъ, а онъ ешшо волка ведётъ, а не то, что загрызутъ!

Тотъ опять обернулся булавкой, она его улипила, а сама легла въ постелю. Иванушко двери отворилъ, а кобель да волкъ заскочили и начали рвать стѣны; не знаютъ, гдѣ что́ взять, а слышатъ: незго́да есь въ фатеры. Братъ принёсъ этого молока.

— На вотъ, сестрица, пей.

Самъ поужиналъ и легъ спать, охво́ту закликнулъ. Ночь проспалъ. Поутру сестра встала и завтрокъ приготовила, будто здрава сдѣлалась, какъ молоко принесли, а сама и въ ротъ не брала. Позавтрокалъ опять Иванушко и ушолъ въ лѣсъ. Ушолъ въ лѣсъ, а она опять булавку вынула и съ тѣмъ опять возждается и угощается.

— Ну, вотъ ты сказалъ, ему не бывать живому, а онъ ешшо волка привёлъ.

— Ну, опять сдѣлайся нездорова! опять ложи́тъ ее на постелю.

Она опять и легла, онъ опять булавкой обернулся, а она булавку улипила высоко.

Идетъ Иванушко съ промыслу, приходитъ опять въ фатеру. Охвота опять давай буянить.

— Что ты, брателко, далъ эку волю охвотѣ! Я не могу терпѣть, опять нездорова.

Онъ спросилъ:

— Сестрица! И ужины собрать не можешь?

— Не могу, братецъ:

Онъ самъ собралъ да-й поужиналъ и спать лёгъ.

Ночь проспалъ, поутру всталъ—и завтрокъ у сестры не готовъ. Поѣлъ, чого пришлося, опять и отправляется.

— Вотъ что, брателко, ночёсь мнѣ пришавѣлось, чтобы сходилъ ты въ Медвѣжьи острова да взялъ ты у медвѣдицы молока,—я бы поправилась.

— Хорошо, сестрица! гдѣ ту́исъ?

— А самъ знаешь, гдѣ ту́исъ.

Вотъ онъ взялъ туисъ и отправился въ путь-дорожку широку, и прямо идетъ въ Медвѣжьи острова. Медвѣдица бѣжитъ съ медвѣдями.

— Медвѣдица, говоритъ, я тебя пострѣлю.

— Нѣтъ, Иванушко, не стрѣлей, а что тебѣ нать отъ меня, то и бери.

— Молока надоть отъ тебя.

— Циди.

Вотъ онъ взялъ отъ медвѣдицы молока, нацидилъ въ туисо́къ, отправляется домой. Медвѣдица медвѣдя дала ему,—ему теперь охвоты довольно.

Приходитъ домой, тольки двери отворилъ, охвота опять подлѣ стѣнъ и заходила.

— Что ты, брателко, далъ эку волю охвотѣ? Терпѣть я не могу экого вою.

Иванушко усмирилъ охвоту, собралъ чего, поѣлъ да-й спать завалился. Ночь проспалъ, поутру всталъ, утромъ она ему завтрокъ приготовила, будто здорова стала съ медвѣдицына молока.

Позавтрокалъ да и опять на охвоту ушолъ. Проходилъ день, а сестра опять здорова, съ тѣмъ любуется.

— Вотъ ты сказалъ, медвѣди его загрызутъ, а онъ ишшо медвѣдя взялъ у нихъ.

— Ну дакъ ладно, говоритъ, ты сегодня опять сдѣлайся нездорова и пушшай онъ сходитъ во Львины острова, ото львици молока принесетъ,—вотъ онъ какъ выдумыватъ, уходить все-таки надо.

Вдругъ увидали идетъ Иванушко. Пришолъ домой, отворилъ двери, охвота опять забѣжала впередъ. Страшко подумать, что вытворяютъ: кто лаетъ, кто воетъ, кто рёмбатъ. А та кричитъ:

— Терпѣть я не могу, брателко, экого шуму.

Онъ опять охвоту закликнулъ.

— Что, сестрица, и ужину собрать не можешь?

— Нѣтъ, не могу, братецъ.

Онъ самъ собралъ да поужиналъ, накормилъ охвоту и спать завалился. Ночь проспалъ, поутру сестра его стонетъ, завтрака не справляетъ. Онъ самъ позавтрокалъ и отправляется опять на охоту. Она и говоритъ ему:

— Брателко́! возьми ты туисо́къ и сходи ты во Львины острова, принеси мнѣ ото львихи молока, такъ я, можетъ быть, и поправлюсь.

— Хорошо, сестрица, давай ту́исъ.

Взялъ ту́исъ и пошолъ со своей охвотой. А она скочила съ постели, вынула булавочку, и начали они своё творить, любоваться.

Иванушко прямо во Львины острова садитъ опять.

Львиха бѣжитъ ему встрѣту.

— Львиха! я тебя пострѣлю.

— Не стрѣлей, Иванушко! что тебѣ нать, то и бери отъ меня.

— Молока мнѣ нать отъ тебя.

— Ну, и бери.

Иванушко нацидилъ туисóкъ молочка и отправляется домой. Львиха и говоритъ:

— Возьми льва, я тебѣ дамъ.

Эхъ, и охвоты теперь у Иванушки: и волкъ, и медвѣдь, и лёвъ, всѣ кричатъ, каждый по своему.

Иванушко идетъ домой. А сестра увидала его и говоритъ своему:

— Вотъ ты сказалъ, львы его загрызутъ, а онъ льва ведетъ.

Обернула его булавкой и заткнула въ стѣну повыше.

Пришолъ Иванушко домой, дверь отворилъ, а охвота впередъ забѣжала и давай опять вытворять.

Волкъ, тотъ воетъ, а медвѣдь рёмбатъ, а лёвъ кричитъ по-львиному.

— Брателко, кричитъ сестра, закликни, пожалуста, свою охвоту, не могу терпѣть: экое безобразіе у тебя ведется.

Закликнулъ Иванушко охвоту, дѣлать нечего.

— Брателко! собери ты самъ, я не могу ужъ встать съ постели.

Тотъ собралъ самъ, охвоту накормилъ и спать завалился. И охвота угомонилась, хоть харьчитъ.

Ну, вотъ онъ ночь проспалъ, поутру всталъ, а она ему завтрокъ приготовила: вишь, львиного молока попила, такъ и здрава сдѣлалась. Позавтрокалъ Иванушко и отправляется со всей охвотой въ лѣсъ. Вотъ и ходитъ въ лѣси долго ли тамъ, коротко ли, ходилъ и домой попадаетъ.

А другъ ея и говоритъ:

— Ты опять сегодня сдѣлайся нездорова, такъ, чтобы едва слово-то знать. Ночь проспитъ онъ, какъ статъ отправляться, такъ ты скажи ему, этакъ худо, скрозь зубы, пушшай онъ сходитъ въ Соколины острова, пусть принесетъ отъ соколихи яицо, такъ я и здорова сдѣлаюсь. Тамъ, говоритъ, онъ съ визгу пропадетъ. Какъ соколы засвишшатъ со всѣхъ сторонахъ, такъ ему не стерпѣть, онъ и пропадетъ.

Увидали Иванушка. Она его опять въ булавочку и улипила повыше въ стѣнку.

Иванушко пришолъ въ домъ, двери отворилъ, а охвота опять воетъ, кто какъ можетъ. Сестра опять и кричитъ:

— Брателко, уйми эко бесчинсво!

Братъ услыхалъ ее рѣчи и закликнулъ охвоту.

Самъ собралъ поужинать чого-нибудь, и охвоту накормилъ и спать завалился. Ночь проспалъ, поутру всталъ, позавтрокалъ самъ коё-чего, и охвоту накормилъ. А сестра и говоритъ ему скрозь зубы:

— Братецъ, хорошо бы, кабы ты сходилъ въ Соколины острова, принёсъ бы отъ соколихи яицо, я бы здрава сдѣлалась.

Выслушалъ ее рѣчи и отправился прямо въ Соколины острова, никуда больше не приворачивалъ: ходитъ сколько годовъ, знаетъ, гдѣ есь. Летитъ соколиха.

— Соколиха! говоритъ, я тебя пострѣлю.

— Нѣтъ, Иванушко, не стрѣляй меня. Что тебѣ нать отъ меня, то и бери.

— Яицо мнѣ нужно.

— На, бери яицо.

Яицо взялъ и полóжилъ въ корманъ и отправляется домой. Соколиха и говоритъ ему:

— Возьми отъ меня сокола, я тебѣ дамъ.

Вотъ онъ пошолъ домой; охвоты у него довольно: сокóлъ летитъ впереди и охвота впереди машетъ.

Сестра увидала его.

— Вотъ ты говорилъ, что онъ тамъ пропадетъ съ визгу, а онъ домой опять идетъ.

Пришолъ Иванушко домой, двери отворилъ, — охвота впередъ заскочила и опять начала вытворять,—кто воетъ, кто рёмбатъ, а лёвъ-звѣрь потяпыватъ,—что такó и дѣется, и соколъ посвистыватъ. А сестра кричитъ:

— Братецъ, закликни охвоту: я изъ терпѣнья вышла.

Онъ охвоту закликнулъ; охвота больше не гу-гу: слушатъ вѣдь хозяина. Опять Иванушко поужиналъ и охвоту накормилъ и спать завалился опять, яицо отдалъ ей. Она это яицо пила, ли нѣтъ, а здрава сдѣлалась; шишъ ее знатъ, пила ли, я тамъ не былъ. Поутру ему и завтрокъ сдѣлала, собрала какъ слѣдуетъ быть.

Опять отправился Иванушко на охвоту. А сестрица вывернула дружка и сказала:

— Вотъ ты говорилъ, его соколы засвистятъ, а онъ сокола съ собой принесъ.

— Вотъ что опять ты сдѣлай. Стань совсѣмъ нездорова, даже вовсѣ, и пушшай онъ сходитъ, есь заводъ въ такомъ-то мѣсти, трои двери желѣзныя полы стоятъ въ заводи, пушшай принесетъ тебѣ опоки. Ты муки этой поѣшь, такъ и здрава сдѣлаессе.

Опять и идетъ брателко изъ лѣсу. Пришолъ онъ домой опять, двери отворилъ; охвота заскочила впереди его, опять и заходила въ фатеры, опять творитъ свое, готова расхватить квартеру.

— Братъ, уйми ты, ради Бога, терпѣть не могу.

Братъ охвоту опять закликнулъ, охвота замолкла, лёжитъ. Собралъ Иванушко ужину, самъ поужиналъ и охвоту накормилъ и спать повалился. По утру всталъ,—сестра завтрока не приготовляетъ, нездорова лёжитъ, едва и здышетъ. Самъ завтрокъ собралъ, позавтрокалъ. Она и говоритъ:

— Брателко, есь въ такомъ-то мѣсти заводъ такой-то мукомельный, принеси ты опóки изъ этого заводу: я здрава сдѣлаюсь.

— Хорошо, сестрица, схожу.

Прямо отправился въ заводъ. Въ заводъ охвота заскочила, а самъ ешшо не заскочилъ, а двери сами заперлúсь, охвота тамъ и попала въ замóкъ, тольки сóколъ не попалъ, сидитъ на хоромахъ и охвоты ждетъ.

Иванушко домой пошолъ одинъ, безо всякой охвоты. Заходитъ въ фатеру. Молодецъ этотъ и говоритъ ему:

— А, другъ, мнѣ того-то и надо, штобы ты одинъ пришолъ: сичасъ тебя съѣмъ.

— Что ты меня, говоритъ, будешь ѣсть,—я столько времени въ лѣси ходилъ, весь лѣсомъ пропахъ, нехорошо. Дай я сначала баенку вытоплю, тебѣ почишше будетъ ись.

— Ну, ладно, топи.

Вотъ онъ пошолъ баенку топить. Колетъ дрóвца. Вдругъ соколъ летитъ, кричитъ:

— Иванушко, помаленечку баенку топи: твоя охвота ужъ двери пригрызла, за третьи принялась.

Иванушко сталъ топить байну. Баенку изготовилъ. Охвота налетѣла ужъ къ байны. Онъ и пошолъ въ фатеру.

— Байна, говоритъ, готова.

— Ну, поди и прѣйся: помягче будетъ ись.

Вотъ онъ ушолъ въ баенку, моется тамъ, намывается. Охвота стала по разнымъ мѣстамъ. Медвѣдь сталъ по одну сторону передъ байной, лѣвъ-звѣрь по другую сторону, волкъ да кобель тѣ тоже по одной да по другой стороны, а соко́лъ тотъ на крыши сидитъ.

Этотъ молодецъ справился въ байну, летитъ, думаё: „Тутъ и скушаю“. Какъ только ногу закинулъ передъ байню, какъ звѣрь-лѣвъ схватилъ ёго да медвѣдь, какъ начали мякушить, а волкъ и медвѣдь привали его въ лепе́сья. Иванушко вышелъ изъ баенки, одѣлся, обулся, вышелъ, сносилъ эти кусочки въ кучу и сжогъ, и его званья рѣшилъ, по́ полю и песокъ разсѣялъ.

Такъ опять Иванушко съ сестрицей живетъ. А сестрица всё горюетъ, что дружка уходилъ. А онъ въ лѣси ходитъ и въ умахъ не дёржитъ.

Эта сестрица тужитъ по дружкѣ и ходитъ по тому мѣсту, гдѣ песокъ разсѣянъ, и нашла зубъ отъ ёго и положила брату подъ подушку.

Братъ пришолъ. Она напоила его, накормила.

Охвота опять, слышитъ нечистаго духа,—кто ходитъ, порёмбываетъ, кто воетъ, кто лаетъ.

Иванушко покушалъ да-и спать улёгся. Этотъ зубъ зашолъ ему въ ротъ, онъ и мертвъ сдѣлался, померъ. Сестрица взяла его въ рѣку и стянула, а охвота-то какъ-то прокараулила, какъ та его тащила въ воду.

Охвота проспалася и давай бѣгать и искать хозяина, не знаютъ, гдѣ што и взять. Бѣгали, бѣгали, соколъ леталъ, леталъ и увидалъ, что онъ въ рѣки лежитъ на днѣ. Охвоты сказалъ, что тутъ хозяинъ.

Охвота и броси́ласе туды, гдѣ онъ лежитъ. Прибѣжали.

— Ну, волчёнко, скамандовалъ лѣвъ-звѣрь, тащи хозяина изъ воды.

Волчёнко чубурахнулъ, подташшылъ, не можетъ выташшыть.

— Ну, медвѣдь проклятый, бросайся въ воду, ташшы хозяина.

Тотъ подташшылъ, не можетъ выташшыть.

— Ахъ вы, говоритъ, прокляты стертвà, не можете достать хозяина.

Сейчасъ самъ бухъ въ воду, захватилъ хозяина и выкинулъ на берегъ. Выкинулъ на берегъ, посмотрѣлъ, что зубъ въ ротѣ,—вытянуть нéкакъ: лапы широки.

— Ну, волчёнко, говоритъ лёвъ, лови зайца, тотъ хлупоглазый выташшытъ, бывать.

Волкъ сечасъ приташшылъ зайца. Они ему показываютъ, а онъ и въ уми не держитъ, чтобы нать лапы запехать. Помучились, помучились да и разорвали его на части и скушали вмѣстяхъ.

— Ну, волкъ, бѣжи за лисицей: та хороша, лукава, та знаетъ, что дѣлать.

Вотъ волкъ бросился за лисицей и поималъ лисáву и показыватъ ей, что запехай лапу и ташшы зубъ. Та наразóкъ поняла, лапу запёхала и выташшыла зубъ. Хозяинъ и ожилъ. Пришолъ домой, взялъ сестрицу да повёлъ въ полё, да выкопалъ яму; въ яму по грудя́мъ ее зарылъ. Взялъ двѣ бочки поставилъ, по ту сторону и по другую, чтобы ей льзя слёзы ронить, и сказалъ:

— Вотъ, сестрица, въ котору бочку больше слезъ наронишь,—эта моя, а та твоя,—въ моей али въ дружковой. Если въ моей больше будетъ, я тебя прошшу во всѣхъ грѣхахъ, а если въ егóвой больше, дакъ въ томъ же мѣсти и закопаю.

Самъ ушолъ домой. Опять ходитъ за охвотой, какъ и раньше ходилъ, день, два, можетъ и недѣлю, а въ бочку всё не гледитъ.

Пришолъ, посмотрѣлъ: въ его-то бочки совсѣмъ сухо, а въ дрýговой-то бочки полбочки слёзъ наронено. Сечасъ онъ её закопалъ да и зарылъ въ томъ мѣсти, и бочку на ей накрылъ со слезами.

Самъ пошолъ въ фатеру, сталъ одинъ жить да по-старому ходить на охвоту.

Вотъ и сказка вся, больше разсказывать нельзя.

Такъ, братъ, д ужки-то дороже родныхъ братьевъ, видно.

Зап. отъ Ѳ. В. Очаркова. Онежскій у. 1912 г.

8. Иванъ-Запѐцинъ.

Былъ—жилъ старикъ въ одной деревни. У этого старичка три сына; два-то хорошихъ, а третей—дурачокъ Ваня.

— Вотъ, дѣточки, говоритъ старикъ, когда помру, такъ вы на кёрсту ко мнѣ приходите.

Вотъ они его похоронили. Нать большому сыну итти, хоть Василью, сидѣть. Васильюшко и говоритъ:

— Ваня, сходи, пожалуста, за меня, я тебѣ красну шапку куплю.

Вотъ и пришóлъ Иванушко на кёрсту и сидитъ. Старикъ вышелъ изъ керсты и спрашиватъ:

— Кто тутъ сидитъ?

— Ваня.

— А что такъ не Васильюшко? Вотъ те, Иванушко, въ чистомъ поли коза-златорóга въ подарокъ, что на кёрсту сѣлъ.

Середню брату надо итти.

— Вотъ что, Ваня, говоритъ, сходи за меня, посиди, я те красный кафтанъ куплю.

Ваня пришолъ на кёрсту. Отецъ опять вышелъ и спрашиватъ:

— Кто тутъ сидитъ?

— А Ваня сидитъ.

— Вотъ те, Иванушко, свинка-золотая-шшетинка, когда ты сидишь.

Тотъ бѣжитъ домой, стучитъ, брякатъ.

— Отложите, братья, скорѧ отложите.

— Вотъ шальной-то, говорятъ бѣжитъ.

И третья ночь приходитъ, нать Иванушку самому итти. Старикъ опять вышелъ изъ кёрсты и говоритъ.

— Вотъ, Иванъ, въ цистомъ поли есь доброй конь. Свисни по-молодецки, а крыкни по-богатырски „Сивушко-бурушко! Будь передо мной, какъ листъ передъ травой“. Конь прибѣжитъ, изъ ноздрей пламя пышё, изъ ушей чядъ валитъ. Ты въ ушко скочи, умойсе, а въ другое выскочишь, и сдѣлаессе молоццомъ, что не въ сказки сказать, не перомъ описать.

Пожили они долго ли, коротко ли,—я сказываю скоро, они живутъ по своему успѣху. Вдругъ отъ царя кличъ: въ городи выстроена башня большая-преогромная и на этой башни сидитъ дѣвушка, меньша́я дочь царя. Если кто выскочитъ, а она перснёмъ ударитъ въ лобъ, у того человѣка во лбу сдѣлается звѣзда, за того и замужъ пойдетъ. Вотъ посланы афи́шки, чтобы скакали богатыри на съѣзъ.

Вотъ богатыри собралися. Разрѣшилъ царь:

— Ну, давай скачите, кто можетъ выскочить.

Братья Иванушкины тоже походятъ на этотъ съѣзъ глядѣть. Онъ просится имъ въ товарищи посмотрѣть.

— Ну, куда тебя къ чорту шального? Народъ тольки галиться будетъ.

Его не взяли съ собой; онъ остался дома и говоритъ бабамъ:

— Дайте мнѣ зобёнку, я схожу грибовъ наломаю: придутъ, промнутся, надоть чѣмъ-нибудь накормить.

Бабы подали ему зобню́. Онъ пошолъ съ зобёнкой да эту зобёнку подъ сосенку и поставилъ, а самъ вышелъ въ цистое поле, свиснулъ по-молодецки, крыкнулъ по-богатырски:

— Сивушко-бурушко! Стань передо мной, какъ листъ передъ травой.

Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ноздрей пламе́ пыше, изъ ушей чадъ валитъ.

— Что, говоритъ, Иванушко́, нужно?

— А вотъ надо ѣхать.

— Ладно! вотъ лѣзь въ одно ухо и вылѣзай въ другое.

Онъ влѣзъ и вылѣзъ, и такой сдѣлался молодецъ, что не вздумать, не сказать, въ одной тольки сказки написать. Вотъ онъ накладывалъ узду тесьмяну, а сѣдёлышко черькасько и подтягалъ на двѣнадцать подпругъ шолковыхъ не для ради красы-басы, а для ради богатырской крѣпости. Какъ разъѣхался, въ эту башню выскочилъ, тольки двухъ вѣнцовъ не досталъ. Тутъ публика закричала:

— Хватай, имай этого молодца.

А гдѣ тутъ поймать этакого богатыря на добромъ кони!

Вотъ онъ выѣхалъ за городову стѣну, спустилъ коня мураву траву шшыпать, а самъ нашолъ свою зобёнку, наломалъ поганокъ и принесъ домой.

— Вотъ, говоритъ, бабы, варите!

Тѣ его давай ругать.

— Чорта ли сваришь твои поганки! и выбросили все во дворъ.

На другой день братья опять собираются на публику итти, его не берутъ опять.

— Ты народъ только пойдёшь гали́ть!

Братья ушли, онъ опять спрашиватъ зобёнки.

— Я пойду, говоритъ, наломаю грибовъ: они придутъ, жрать захочутъ.

Отправился опять въ лѣсъ, бросилъ зобню́ подъ сосну, а самъ пошолъ въ чисто поле, свиснулъ по-молодецки, крикнулъ по-богатырски:

— Сивушко-бурушко! стань передо мной, какъ листъ передъ травой.

Конь прибѣжалъ, на колѣнки палъ, изъ ноздрей пламе пышё, изъ ушей дымъ валитъ. Иванушко въ ушко скочилъ, — умылся, въ другое выскочилъ, — снарядился: не вздумать, не взгадать, только въ одной сказки разсказать. Поѣхалъ на эту публику на са́му. Опять скочилъ, только одинъ вѣнецъ не доскочилъ, а то бы его перснемъ хлопнула. Публика опять закричала:

— Дёржи, лови! а его и поминай, какъ звали.

Выѣхалъ въ цисто поле, коня спустилъ мураву траву шшыпать, а самъ пошолъ обабки ломать.

Наломалъ такихъ обабковъ, что ись нельзя.

— Чорта тутъ варить! сказали бабы и во дворъ вывалили все опять.

Вотъ братья пришли и расхвастывались:

— Вотъ, говорятъ, каки бога́тыри были! Одинъ бога́тырь только вѣнца не дохватилъ, а то бы звѣзда въ лобъ выскочила.

— А я вѣдь тамъ былъ! сказалъ Иванушко.

— Лѣшаго ты тамъ былъ! не вѣрятъ ему.

По утру опять отправляются на публику.

— Возьмите, братья, меня!

— Чорта тебя шального, только народъ гали́ть.

Вотъ и ушли братья.

— Бабы, говоритъ, дайте мнѣ зобёнку, я грибовъ наломаю.

Дали ему зобню, онъ опять отправился. Зобёнку бросилъ, а самъ пошолъ въ цисто полё, свиснулъ по-молодецки, крикнулъ по-богатырски:

— Сивушко-бурушко! стань передо мной, какъ листъ передъ травой.

Конь прибѣжалъ, на колѣнки палъ. Иванушко въ одно ушко влѣзъ, умылся, въ другое вылѣзъ, сталъ такимъ молодцомъ, что не вздумать не взгадать, тольки въ сказки разсказать. Накладывалъ Иванушко на коня уздицю тесьмяную, сѣдёлышко черкасько и подтягалъ на двѣнадцать подпругъ шолковыхъ не для ради красы-басы, а для ради богатырской крѣпости и поѣхалъ въ эту саму публику. Скочилъ на башню и сичасъ царевна ему перснёмъ въ лобъ хлопнула, звѣзда у него сдѣлалась. Публика и закричала:

— Хватай, имай, обскакивай этого молодца.

Выѣхалъ Иванушко за городову стѣну, спустилъ коня муравой травы шшыпать въ цисто поле. Завязалъ свой лобъ портянскою и пошолъ къ зобёнки. Наломалъ какихънибудь обабковъ, принесъ домой.

— Нате, говоритъ, бабы варите: та́поры домой придутъ.

Братья пришли и хвастаютъ бабамъ:

— Охъ, каки бога́тыри были! Одинъ скочилъ, она его хлопнула и у него звѣзда во лбу загорѣлась.

Наутро приказъ розосланъ по всему городу, съѣхаться всѣмъ богатырямъ и простонародью, царевна будетъ искать жениха.

Къ невѣсти всѣ бога́тыри приходили,—не находится женихъ, ни у кого звѣзды не оказалось. И всѣ господа переходили, по́ чину всё идетъ, какъ слѣдуетъ быть, всё поодѝнки въ фатеру и водятъ. И простонародіе также,—все не находится. Вдругъ увидали наконецъ Ивана Запецина, где-то тамъ за народомъ на курятники сидитъ, и голова портянкой вся повязана.

— Вотъ, публика закричала, какой сидитъ не осмотрёнъ!

Она приказала и того привести, приказала тазъ принести съ водой и давай эти тряпки отъ него отрывать да отмывать, да-й нашла звѣзду.

Публика захохотали всѣ:

— Вотъ, говорятъ, у царевны женихъ отыскался какой, Иванъ Запецинъ!

А тѣ сестры раньше вышли, которы за енирала, которы за министра, а она была послѣдняя.

Нашли жениха, дакъ сейчасъ веселымъ пиркомъ да за свадебку, даромъ что Ва́нюшка Запецинъ, а на царевой женится.

Послѣ этой свадьбы всѣ на пиру напивались, всѣ наѣдались. Царь потомъ и сказалъ:

— Кто бы досталъ златорогу ко́зу, тому бы о́тдалъ полжитья́ и полбытья́ и полъимѣнья своего.

Со́ стороны нихто́ не выискивается. Зятья и говорятъ ему:

— Тятенька и маменька! зачѣмъ вамъ животъ тратить, мы и сами съѣздимъ.

— Но, отправляйтесь.

Молодушка пришла и будитъ Ваню:

— Ну, Ваня, вставай! свояки поѣхали въ цисто поле козы златорогой доставать, а ты спишь.

— Ну, ладно пушшай!

Ванюшка потянулся, порасправился, умылся да и отправляется. Вышелъ въ цисто поле, свиснулъ по-молодецки, крикнулъ по-богатырски:

— Сивушко-бурушко! встань передо мной, какъ листъ передъ травой.

Конь прибѣжалъ, на колѣнки палъ.

— Что угодно, говорить, Иванъ Запецинъ?

— Нать козу́ златоро́гу достать.

Вотъ онъ покладывалъ узьдицу тесьмяную и сѣдёлышко церькаськó и подтягалъ на двѣнадцать подпругъ шолковыхъ не для ради красы-басы, а для ради богатырской крѣпости. Отправляется нашъ Иванушко въ цистое поле, козу нашолъ и поѣхалъ, раскрылъ шатёръ бѣлополо́тняный, зашолъ въ шатеръ и спать повалился.

А еговы свояки пріѣхали къ шатру. Видятъ—шатеръ открытъ, и коза-златоро́га привязана и богатырской конь. Зашли они въ шатёръ потихонько, чтобы не услышалъ. Иванушко проснулся, тѣ и спросили у его.

—Удалый добрый молодецъ! Не продашь ли намъ козы златорогой!

— Нѣтъ, господа, у меня коза не продажна, а завѣтна.

— Что за завѣтъ? Какой у тебя экой завѣтъ?

— А отъ ногъ по персту отрѣзать.

Тѣ розулись, онъ по персту и отрѣзалъ у нихъ отъ ногъ и въ платокъ завязалъ. Тѣ козу и повели. Вотъ и привели ко́зу къ царю. У царя пошолъ пиръ, что зятья привели эку штуку.

А Ванюшка спустилъ коня въ цисто поле, а самъ пошолъ домой, завалился спать, его и на́ пиръ не приглашаютъ.

Опять долго ли, коротко ли времени прошло, царь и говоритъ:

— Кто бы мнѣ досталъ свинку-золотую-щетинку, тому бы о́тдалъ полжитья и полбытья и полдому моего.

— Тятенька и маменька! опять сказали зятья, зачѣмъ вамъ животъ тратить, мы и даромъ достанемъ.

Отправились царски зятья въ путь-дорогу.

Жонка опять пришла къ Иванушку:

— Ахъ, Иванушко, ты спишь, а твои свои́ки отправились искать свинку-золотую-щетинку.

— Ну дакъ мнѣ что, пусь отправляются.

Сталъ, умылся и пошолъ въ цистое поле. Свиснулъ по-молодецки, крикнулъ по-богатырски:

Сивушко-бурушко! Стань передо мной, какъ листъ передъ травой.

Конь прибѣжалъ, на колѣнки палъ.

— Что угодно, Иванъ Запецинъ?

— Нать свинку-золотую-щетинку достать.

Накладывалъ уздицу тесьмяную и сѣдёлышко черькаско и подтягалъ на двѣнадцать подпругъ шолковыхъ не для ради красы-басы, а для молодецкой крѣпости и поѣхалъ въ цисто поле; сичасъ его конь свинку и сгрёбъ. Онъ въ цистомъ поли раскинулъ шатёръ, а свинку-золотую-щетинку привязалъ, также и коня, самъ въ шатеръ зашолъ.

Эти свояки опять и наѣхали на шатёръ, видятъ свинку-золотую-щетинку. Заходятъ они потихонечку въ шатеръ, чтобы не разгнѣвать богатыря.

Спросили у его опять:

— Не продашь ли ты намъ свинки-золотой-щетинки?

Онъ сказалъ:

— Нѣтъ, господа, не продажна, а завѣтна.

— А что за завѣтъ?

— А по пёрсту на руки́ отрѣзать.

Сичасъ они отрѣзали.

— Что стоитъ, говорятъ, отрѣзать! въ городи опять залечатъ.

Онъ пёрсты завязалъ въ платокъ, они и уѣхали со свинкой. Вотъ свинку-зо́лотую-щетинку привезли царю, и пошолъ опять пиръ наве́сели, чашки-ложки всѣ повѣсили.

— Вотъ каки зятья, говоритъ царь, нашли свинку-золотую щетинку и козу-златорогую.

А Ванюшки и послухмя́нья нѣтъ на пиру.

— Ну, говоритъ царь, достали козу златорогу, достали свинку-золотую-щетинку, достаньте теперь кобылицу-златогривицу-сорокажеребетницу, такъ и все царство отдамъ и вмѣсто себя царёмъ сдѣлаю.

— Хорошо, татенька! отвѣтили свояки.

Опять и отправляются въ цистое поле.

Хозяйка побѣжала къ Ивану Запецину:

— Что ты, Иванушко, спишь! Свояки опять отправились добывать кобы́лицу-златогривицу-сорокажеребе́тницу, а ты, говоритъ, спишь!

Опять пошолъ Иванушко въ цистое поле, свиснулъ по-молодецки, а крыкнулъ по-богатырски:

— Сивушко-бурушко! Стань передо мной, какъ листъ передъ травой.

Конь прибѣжалъ, на колѣнки палъ.

— Что угодно, говоритъ, Иванъ Запецинъ?

— Нать достать кобылицу-златогривицу-сорокажеребе́тницу.

— Мать моя, говоритъ, кобылица-златогривица, знаю, гдѣ и живетъ она. Есь ли у тебя молотъ?

— Есь, говоритъ, припасенъ у меня ужъ молотъ.

— Есь ли у тебя трёхконецная плеть.

— Есь.

— Какъ кобылица станетъ пить воду, ты перескакивай съ меня на ей. Она станетъ тебя возить по лугамъ, по болотамъ вездѣ, по лѣсамъ, а ты ее ударяй ме́жъ ушей, молото́мъ вали.

Вотъ накладывалъ Иванушко на своего коня узьдицу

тесьмяную и сѣдёлышко церькасько и подтягалъ на двѣнадцать подпругъ шолковыхъ, не для ради красы-басы, а для молодецкой крѣпости, садился на своего добраго коня, отправился.

Вдругъ кобылицу увидали, кобылица бросилась на коня. Онъ сталъ утекать отъ ей и добѣжалъ до моря, началъ пить воду. И кобылица стала пить воду, и волны заходили изъ края въ край, съ берега въ берегъ, какъ кобылица пьётъ. А Иванушко и перескочилъ на кобылицу. Ну и начала она его возить по лугамъ, по болотамъ, и по лѣсамъ, а онъ все ее лупитъ молотомъ да плетью. До того она вся уходилася, что не замогла больше дѣйствовать и стала покорна, куда хошь, веди!

Выѣхалъ Иванушко въ цисто полѐ и раскинулъ шатёръ бѣлополо́тняной и поставилъ кобылицу-златогривицу, и сорокъ жеребцовъ стоитъ у ёй тоже. Самъ зашолъ въ шатёръ, опять отдыхаетъ.

Эти своя́ки опять пріѣхали́ къ шатру. Промежду́ собой и говорятъ:

— Зайдёмъ въ шатёръ, посмотримъ, цей экой-такой рыцарь.

Посмѣлились зайти въ шатёръ. Опять у ёго и спросили:

— Удалый добрый рыцарь! Не продашь ли намъ этой кобылицы-златогривицы-сорокажеребетницы?

— Нѣтъ, господа, не продажна, а завѣтна.

— А какой у тебя завѣтъ?

— А по ремню изъ спи́ны вырѣзать, съ пряжками.

— А что, говорятъ, дѣлать нечего! Даёмъ, пушшай рѣжетъ.

Вотъ скинулись они, онъ и вырѣзалъ по ремню и съ пряжкой, въ платокъ опять завернулъ да и знать не хочетъ. Отдалъ имъ кобылицу-златогривицу-сорокажеребетницу. Они и повели. Вотъ приводятъ домой.

А Ванюшка спустилъ своего коня въ цистое поле муравой травы шшыпать, а самъ пошолъ въ свою спальню.

Тутъ опять пошолъ у царя пиръ. Всѣ на пиру напивались, всѣ наѣдались, всѣ прирасхвастались, кто чѣмъ. Царевны старши и говорятъ:

— Вотъ наши мужья каки штуки́ достали, а что твой Иванъ Запецинъ, лёжитъ, храпитъ.

— Татенька и маменька, позвольте у васъ спросить, закричали сестры, приведемъ Ивана Запецина, пускай посмотритъ хоть на людей, да-й хоть люди надъ нимъ погалятся.

И сбѣгали за имъ, его растреложили. Привели его на пиръ молодца. Всѣ тутъ напились, всѣ порасхвастались.

— Вотъ, говорятъ царевны, наши мужевья-то каковы, достали и козу златорогу, и свинку-золотую-щетинку и кобылицу-златогривицу-сорокажеребетницу.

Иванушко смотрѣлъ, смотрѣлъ.

— Хорошо, говоритъ, господа, хорошо вы доставали. Розуйте-ко сапоги.

Тѣ розули сапоги.

— Не ваши ли персьё?

Иванушко тутъ налóжилъ персьё, какъ тутъ и было!

— А свинку-золотую-щетинку какъ вы достали? Зачѣмъ въ пёршаткахъ кушаете?

Вывязалъ изъ платка.

— Не ваши ли персьё за свинку-золотую-щетинку?

Ремни вывязалъ и говоритъ:

— Ну какъ кобылицу-златогривицу доставали? Эти не ваши ли ремни изъ спины вырѣзаны? Ну, давай, скидовайтесь!

Они роздѣлись. Онъ эти ремёшки и сталъ накладывать.

— Вотъ и какъ кобылицу-златогривицу достали.

Сечасъ царь Иванушки полжитья, полбытья и полъимѣнья своего отдалъ, да и царёмъ вмѣсто себя поставилъ. Иванушко братьевъ своихъ и семью досталъ къ собѣ въ городъ. Стали жить да поживать да добра наживать, и теперь живутъ и насъ переживутъ.

Сказка вся, больше врать нельзя.

Онежскій у., Шелековскій приходъ Савинская вол.
Зап. отъ крестьянина Ѳ. В. Огаркова 84 л. (Онъ же „Ѳедорейко“) 1912 г.

---

9. Бѣглый солдатъ.

Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ жилъ-былъ царь, а у царя было войско. Изъ этого войска одинъ салдатикъ и убѣжалъ въ бѣгъ, а другой въ отпускъ

пошолъ. Они съ этимъ салдатикомъ сошлись и пошли вмѣстяхъ. Тотъ всё боится, нать не наѣхали.

— Что же ты, дружокъ, завсе обёртываешься назадъ?

— А такъ, говоритъ, я обёртываюсь.

— Такъ мы съ тобой, товарышъ, разойдёмся: тебѣ нать туды, а мнѣ туды.

Разошлись, распростились.

Вотъ тотъ, который въ чистой-то отставкѣ, домой пошолъ, на розбойниковъ напалъ, они его и забрали въ лѣси. Живутъ тамъ долго ли, коротко ли,—я сказываю скоро, они тамъ живутъ по своему успѣху.

Приходитъ Святая Пасха. Походятъ розбойники на погостъ, а его оставляютъ съ дѣвушкой (тутъ была одна дѣвушка-домáшница) пособлять ей.

Онъ говоритъ имъ:

— Нѣтъ, братцы, я одинъ не останусь, какъ хотите, я пойду съ вами. Оставьте тутъ какого-нибудь изъ своихъ братій.

Такъ и оставили своей братьи одного, салдатикъ пошолъ съ имá на погостъ.

Вотъ живутъ тамъ въ Святу Пасху, отстряпались. Дѣвушка сидитъ, призадумалась. Приходитъ старушка къ ней.

— Ахъ ты, голубушка, сидишь печальна въ эдакой день. Люди веселятся, а ты не пріодѣнешься, не переодѣнешься.

— А что, говоритъ, бабушка, какіе мнѣ наряды надо эттá въ лѣси!

— А вотъ, голубушка, я тебѣ свой сарафанчикъ дамъ, гли-ко, какой у меня есь, въ глаза бросается, я тебѣ одѣну для экого праздника.

Бабушка сарафанчикъ и одѣла на дѣвушку. Дѣвушка только одѣла да-и померла, только и дѣла было.

Розбойникъ сидитъ, испугался, что померла у ихъ кухарка.

Розбойники пришли съ погосту и спрашиваютъ его:

— Что тако случилось, ты не убилъ?

— Нѣтъ, я не шевелилъ!

Сичасъ сдѣлали этой дѣвушки домъ, и столбы вкопали тамъ на улицы, дѣвушку и повѣсили на столбы въ этомъ домѣ.

Ѣздилъ царской сынъ на охотѣ; собаки сейчасъ къ дому

прибѣжали и готовы сгрызь этотъ домъ. Царской сынъ подъѣзжаетъ на лай къ собакамъ. Вдругъ увидалъ этотъ домъ, сичасъ и снялъ, и подъ мышку да-и повёзъ въ свой городъ да и въ спальню свою этотъ домъ, и подъ кровать запехалъ.

Вотъ онъ ходитъ по городу кручинный и грустный, день ходитъ, другой ходитъ, всё печальный. А свою комнату всё заложаетъ, никого не пущаетъ, всё на зало́жки. Вдругъ попадаетъ ему старушка настрѣту.

— Что, Иванушко, говоритъ, не веселъ, что головушку повѣсилъ ниже могучихъ плечъ?

— Ахъ, бабушка, незнаешь мого́ горя!

— А како горе? Я знаю, доброхотъ, како́ у тебя горе.

— Когда знаешь, бабушка, такъ помоги.

— Но, говоритъ, пойдёмъ въ твою комлату.

Сичасъ они вытянули этотъ домъ у его изъ-подъ кровати. Бабушка взяла, сарафанчикъ сдёрнула съ этой дѣвушки. Дѣвушка и вышла изъ дому,—така красавица, что не вздумать, не сказать, только въ одной сказки перомъ написать.

Этой бабушки онъ отдалъ этотъ домъ унести ночью изъ комлаты, чтобы нихто не видѣлъ.

Ночь прошла, день приходитъ. Онъ идётъ къ родителямъ.

— Татенька и маменька! Позвольте мнѣ жениться.

— Гдѣ невѣста?

У меня невѣста найдена.

Сечасъ веселымъ пиркомъ да-й за свадебку. Вотъ они отсвадебничали, стали жить да поживать, да добра наживать да лиха избѣгать, и теперь живутъ и насъ переживутъ.

А бѣглый салдатъ живетъ въ сузёмки у харчевника, ходитъ за охвотой. Годъ живётъ, и другой живетъ, много лѣтъ тутъ проживаё. Вдругъ въ одно время пошолъ на охвоту у заблудился. Попадаетъ ёму зайко; онъ за зайкомъ гнается, а зайко на перестрѣлъ не дается, ведетъ глубоко, все дальше и дальше, и довёлъ до того, что заблудился вовсе, не знатъ, гдѣ и выйти. Вдругъ увидѣлъ—приогромной домъ стоитъ; въ этотъ домъ заходитъ.

— Да-ко, думатъ, зайду, небось этотъ домъ не пустой стоитъ, хоть чего-нибудь поись.

Вотъ онъ въ домѣ ходитъ, нигдѣ ничего не находитъ. Сѣлъ къ окошечку и поглядывать на улицу. Вдругъ увидалъ—золотая корета бѣжитъ. Вылѣзаетъ дѣвушка изъ золотой кореты, и набрала бутылокъ ношу и свѣчъ также, и бѣжитъ въ фатеру. Только по персо́ни, что женшына, а то вся въ шерсти́, на лицѣ и на ногахъ и вездѣ всё шерсь одна.

— Ну, салдатикъ молодой, сказала ему, когда ты попалъ сюда, такъ отчитай же ты меня, по три ночи просиди! Вотъ эти бутылки разоставь кругъ себя, въ середку свѣчки поставь, книгу возьми, напейся и наѣшься и читай, что тебѣ не будетъ, ты назадъ не обёртывайся.

Вотъ онъ эти бутылочки кругомъ себя разоставилъ, въ середку свѣчки и сидитъ, читаетъ. Какъ глухая полночь, вдругь ему напустили всякихъ гадъ, змѣй, жижлу́хъ, скоку́хъ и всякой породы. Кругомъ его ходятъ, шипятъ, гамятъ, хочутъ его жегчи. Онъ сидитъ, не обращаетъ вниманьё, всё читаетъ и читаетъ. Какъ глухая полночь прошла, ни шуму, ни гаму, ничего не стало, все унистожилось. Онъ изъ круга вышелъ, на лавочку сѣлъ, напился, наѣлся и спать повалился. Отдохнулъ, сталъ къ окошечку и глядитъ. Вдругъ видитъ, опять бѣжитъ золотая корета. Изъ кореты выходитъ дѣвица; по плечамъ, видитъ, отчитана, красавица такая. Вотъ она беретъ бутылокъ и свѣчокъ и несётъ въ фатеру.

— Ну, другъ мой, пришла въ фатеру и говоритъ, видишь, я теперь отчитана по плечамъ, самъ видишь, шерсти никакой нѣтъ. Какъ ты вторую ночь станешь читать, поставь кругъ, поставь по серёдки свѣчки и читай. Что тебѣ не будетъ согоднёшну ночь, ты сиди, читай, назадъ не обёртывайся, какъ хошь!

Вотъ ночь пришла, онъ сичасъ свое дѣло началъ. Разставилъ бутылки, самъ сѣлъ въ серёдочку, свѣчку зажогъ, книгу взялъ и давай читать. Какъ глухая полночь пришла, войско, въ которомъ полку онъ служилъ,—его и настыгли молодца.

— Вотъ, говорятъ, гдѣ онъ живётъ! Вотъ и добрались!

Кругомъ его начальство бѣгаетъ и кричитъ:

— Вотъ, берите его живого!

А онъ всё читатъ, никакъ взять его и не можутъ.

Глухая полночь прошла, — ни войска, ни начальниковъ не стало. Онъ вышелъ изъ круга, сѣлъ, позавтракалъ и спать повалился. Поспалъ, сѣлъ къ окошечку и сидитъ у окна. Вдругъ увидалъ, — дѣвица опять пріѣхала. По пупу отчитана ужъ, никакой шерсти нѣтъ ужъ до пупа.

— Вотъ, другъ мой, гляди самъ, до чего я теперь отчитана. Ишшо третью ночь сиди, чтобы совсѣмъ очистилась я.

Опять нанесла ему бутылокъ и свѣчъ.

— Терпи, говоритъ, послѣдню ночь! Что тебѣ не будетъ,—не оглядывайся. А какъ оглянешься, такъ оба мы съ тобой пропали.

Сѣлъ онъ опять послѣдню ночку. Опять наклалъ кругъ бутылокъ и сѣлъ въ кругъ этотъ и свѣчку зажогъ, сѣлъ, сидитъ, читаётъ опять. И только какъ глухая полночь, опять этотъ полкъ, въ которомъ служилъ, прилетѣлъ, и полковникъ, и ундера, и всѣ начальники, каки ужъ тамъ.

— Вотъ, говорятъ, гдѣ онъ скрывается. Бери, ребята! начальникъ камандуетъ, бери его, что тамъ смотрѣть, ташшыте.

Начальникъ скамандовалъ: «Бери да бери», а гдѣ возьмёшь!

— Ташшыте доски, кричитъ начальникъ, что на его глядѣть, завинчивайте его межъ доски.

Только желѣзо брякатъ, винты скрыпятъ, завинчиваютъ его вовсё.

Какъ глухая полночь прошла, никого опять и не стало, ни салдатовъ, ни начальниковъ, видитъ, что нигдѣ никого нѣтъ. Вышелъ изъ круга, позавтракалъ; ночь просидѣлъ— нать отдохнуть. Отдохнулъ по-хорошому, сѣлъ опять къ окошечку, сидитъ. Вдругъ золотая корета бѣжитъ. Дѣвушка идетъ въ фатеру, вся отчитана, вся чиста, больше нигдѣ на ей шерсти нѣту. Вотъ и сѣли кряду́шку, разговариваютъ. У этого салдатика какъ поважено за охвотой ходитъ,—онъ и спрашиватъ у ей:

— Ахъ, сударыня, позвольте только за ворота сходить, я здѣсь такъ разгорѣлъ.

— Что ты, что ты, другъ мой! Если ты только долго проходишь, то и вѣкъ тебѣ меня не видать, — я уѣду въ тридевято царство, въ тридевято государство, за тридеветь морей.

Не могла уговорить его, сечасъ побѣжалъ. И дала ему часы.

— На вотъ, говоритъ, только полтора часа походи, больше ни шагу. Полтора часа могу этта посидѣть, а больше не могу.

Эти часики онъ взялъ, положилъ въ корманъ и побѣжалъ отъ ней. Тольки выбѣжалъ за ворота, — опять зайко откуда взялся, на перестрѣлъ не дается, а онъ за зайкомъ гнается, а зайко впередъ убѣгаетъ. Какъ посмотрѣлъ на часы—два часа прошло съ половиной: вотъ те и поминай, какъ невѣсту звали! И домъ потерялъ, не знаетъ, въ которомъ стоялъ мѣстѣ.

Этотъ зайко привёлъ его къ старому харчевнику, гдѣ онъ въ тѣ годы жилъ-поживалъ.

— Что ты, говоритъ, салдатикъ молодой, проходилъ эстолько времени, не являлся.

— А и самъ не знай, ходилъ да блудилъ въ тёмномъ лѣси.

— Но, другъ мой, я вижу, тебѣ росчётъ выдать надо, видно ты соскучался.

— Хорошо, хозяинъ, давай росчетъ.

Дѣвушка стара, дочка хозяина, вышла и говоритъ:

— Татенька! отдаёмъ ему старый кошелёкъ, вотъ ему и росчётъ, онъ намъ много, татенька, пріобрѣлъ имѣнья, онъ промышлялъ хорошо.

— Ну, не жалко, такъ и отдавай кошелёкъ.

Отдала ему дѣвушка кошелёкъ. Получилъ онъ его, поблагодарилъ, также и дѣвушку, и пошолъ путёмъ-дорогой. Приходитъ къ морю, на параходную пристань. На пристани нигдѣ никого нѣту и нигдѣ никакой карапъ нейдетъ. А тутъ еврей жилъ недалёко отъ пристани, онъ и побѣжалъ къ еврею и спросилъ:

— Позволь, хозяинъ, ночевать, пожалуста.

— Ужы извольте! сказалъ ему еврей.

Ночь проспалъ у еврея. По утру всталъ, надоть на пристань итти ему.

— Ужы возьми ты у меня мальчика съ собой: веселѣе будетъ.

Этотъ мальчикъ идетъ позади да вдругъ ему всунулъ булавочку въ шенёль. Онъ пришолъ на пристань и зауснулъ.

Карапь идетъ къ пристани, присталъ. Дѣвушка, котору онъ отчиталъ, вышла на пристань, начала его катать. Катали да валяли, не могли его розбудить некáкъ. На карапъ дѣвушка ушла, да-й отвалили,—да и вотъ тебѣ, тотъ такъ и остался спать.

Проснулся—ужъ вечеръ на двори, и спрашиватъ у мальчика.

— Кто этта былъ? Кто приходилъ?

— Ужы не знай! мальчишко отвѣчаетъ.

— Врешь, еврейска морда, ты сóвралъ. — Но, давай, говоритъ, пойдемъ ночевать.

И пошолъ опять къ еврею на носьлегъ. Ночь проспалъ, поутру всталъ, пошолъ опять на пристань. Еврей ему говоритъ:

— Я тебѣ мальчика дамъ.

— А не надо мнѣ, на што!

— Што ты, што ты! ужы какъ ты пойдешь на эку пристань.

Опять пошли на пристань, мальчишко идетъ сзади: салдатъ никакъ не могъ отъ ёго отбарахтаться. Какъ пришли на пристань, мальчишко опять булавку въ шанель, онъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Корапъ пришолъ, дѣвушка опять выскочила и давай его будить; будили его, катали-валяли, никакъ не могли разбудить, такъ и отступились. Корапъ уплылъ. Салдатъ и проснулся.

— Кто, спрашиваетъ у еврея, былъ?

— Ужы я не видалъ.

— Врешь, еврейска морда!

— Не видалъ.

Опять на стару фатеру ночовать пошолъ, дѣлать нечого: некуда и пойдешь, опять къ еврею обратился. Ночь проспалъ опять у еврея, опять поутру всталъ, опять и походитъ на пристань. А еврей опять даетъ ему мальчика, а онъ не беретъ. Нѣтъ ужъ! мальчикъ пошолъ сзади. Приходитъ на пристань, опять такимъ же манеромъ уснулъ: еврей свою булавку воткнулъ и заусыпилъ. Корапъ прибѣжалъ, опять его и будитъ эта дѣвушка, никакъ не могла розбудить; растрясти. Корапъ ушолъ.

Салдатъ проснулся и спрашиватъ у еврея опять:

— Кто былъ?

— Ужы никто не былъ, никого не видалъ.

— Врёшь, татарска морда! еврея захватилъ за воротъ, за ашла́къ.

— Ужы никто.

— Врешь, татарска морда, сичасъ въ воду кину.

— Ужы не кидай, я все скажу.

— Говори.

Онъ ему и сказалъ:

— Дѣвушка, говоритъ, пріѣзжала да не могла растрясти, карапъ и ушолъ.

— То-то, говоритъ, тотарска морда. Завтра пойдетъ какой карапъ?

— Пойдетъ.

— То-то, тотарска морда, а то бы тебя въ воду втютюрилъ.

Пошли опять ночевать на стару фатеру.

Трои сутки прождала его дѣвица, не могла добудиться, по три разъ пріѣзжала, такъ и уѣхала за тридеветь земель, за тридеветь морей, въ тридесято царство, въ тридесято государство, а онъ такъ и остался не при чомъ, торговать кирпичомъ. Когда она его будила, незамѣтно за ашлакъ всунула ему записку, чтобы еврей не видалъ. Онъ эту записку потомъ и увидалъ и прочиталъ:

— Прощай, другъ! я ушла за тридеветь земель и за тридеветь морей, въ тридесято царство, въ тридесято государство, тамъ ишшы-буде.

Ночовалъ у еврея и пошолъ на пристань. Приходитъ на пристань, корапъ бѣжитъ, онъ сталъ махать, корабь привалилъ.

— Вотъ, господа корабельщики, свезите меня туда-то, до такого мѣста.

Корабельщики его и взяли и повезли, привезли въ этой самый городъ, гдѣ она тамъ. Вотъ онъ пошолъ по городу. Ходитъ по́ городу, разглядыватъ, гдѣ како́ мѣсто,—видитъ, три гроба виситъ надъ воротамъ.

Вотъ онъ пришолъ къ одному сапожнику въ городъ и просится у него ночовать.

— Ночуй, добрый человѣкъ, ночлегу съ собой не носятъ. Вотъ онъ и спрашиватъ у его, у сапожника:

— Што же это, господинъ сапожникъ, у васъ, зачѣмъ на городскихъ воротахъ эти домы повѣшены?

— А вотъ, другъ мой, зачѣмъ эти гробы висятъ. Три богатыря у царя были посланы дочерь разыскивать, не могли найти, имъ за то и голову сказнилъ и надъ воротамъ повѣсилъ.

— А для чого у васъ, я видѣлъ, есь высока башня? Этака выстроена?

— А царь построилъ, когда у него нашлася дочка. Она терялася, значитъ. Кто, говоритъ, доскочитъ до ней, она его перстнёмъ ударитъ въ лобъ, тотъ ей и женихъ.

— Такъ вотъ, другъ мои, поди сходи къ царю, спроси, что стоитъ похоронить этихъ богатырей.

— Что ты, что ты!

— Да что, добрый человѣкъ, что онъ тебѣ сдѣлатъ! Ну ступай же, сходи.

Отвязаться не могъ сапожникъ, пошолъ. Вотъ приходитъ къ царю сапожникъ. Допустить велѣлъ царь. Сапожникъ и спросилъ:

— Ваше Царско Величество! что стоитъ эти гробы богатырей похоронить.

— Ладно, другъ, вотъ что стоитъ: три бочки я привезу къ этимъ воротамъ, насыпь ты ихъ золотомъ, вотъ и похоронишь.

Сапожникъ пошолъ и подумываетъ:

— Эку бѣду я взялъ! Ахти мнѣ-ченько! Гдѣ я достану столько золота? Послушалъ одного чудака на свое горе.

Мастеръ пришолъ, росказалъ салдату. Солдатъ и отвѣчаетъ:

— Ну, ладно, пушшай привезетъ бочки, мы ему насыплемъ.

Тотъ воротился къ царю и говоритъ:

— Ваше Царско Величество! привезите бочки къ воротамъ на то мѣсто, гдѣ слѣдуетъ.

Привезли бочки. Салдатикъ поглядѣлъ: бочки привезены. Салдатъ взялъ, пошолъ съ своей помочью къ бочкамъ, отворилъ этотъ самый кошелёкъ въ бочкѣ старый, который ему дѣвушка подарила, и началъ трести. Бочку наполнилъ и къ другой перешолъ, и ту наполнилъ тоже какъ слѣдуетъ

быть, и къ третьей перешолъ, и всѣ три бочки наполнилъ. По-утру всталъ, хозяина бужáетъ:

— Ну, хозяинъ, говоритъ, гони лошадей бочки везти оттуль.

Хозяинъ пришолъ къ царю, что убирай бочки оттуда. Царь и послалъ лошадей бочки привезти.

— Ну, снимайте гробы, хоронить надо богатырей, какъ слѣдуетъ быть.

Сняли гробы, похоронили; тутъ и пошла радость, что богатыри похоронены, попотчовали крешшоныхъ.

Вдругъ этого молодца, что къ царю ходилъ, сапожника, требуютъ къ царю.

— Ну, другъ мой, говоритъ царь, снялъ ты гробы, похоронилъ ты богатырей?

— Такъ точно, Ваше Царско Величество.

— Ты сапожникъ?

— Сапожникъ, точно такъ, сапожникъ.

— Дакъ ты сошей же мнѣ сапоги подвѣнесьніе, бери кожи сколько нать.

Набралъ онъ кожи полну ношу и приходитъ домой.

— Ну, что тебѣ царь сказалъ?

— Да вотъ велѣлъ сшить, подвѣнесьни сапоги, а гдѣ ужъ мнѣ сшить!

— Бросай ты эту къ чорту кожу въ уголъ, тебѣ будётъ на вѣкъ хозяйки башмаковъ, какъ будешь шить.

Мастеръ и бросилъ кожу.

Вотъ публика собраласе: надоть невѣсту доставать, богатыри съѣхались. Хозяинъ похóдитъ на публику на эту смотрѣть, подмастерья зовётъ.

— Пойдёмъ, говоритъ, смотрѣть, какъ будутъ богатыри царевну доставать.

— Чорта, говоритъ, не видалъ я богатырей! Какъ служилъ на военной службѣ, насмотрѣлся я ихъ.

Хозяинъ ушолъ, а онъ сичасъ сзади него, пришолъ на кёрсту, гдѣ первый богатырь похоронёнъ. Оттуль выскакиватъ конь, весь въ мѣди, въ мѣдныхъ латахъ. Заходитъ салдатъ въ погребъ, изъ котораго конь вышелъ, одѣваетъ мѣдны латы и беретъ уздечку тесьмяную, сѣдёлышко черькаськое, тоже мѣдное, все въ мѣди-ужъ, накладыватъ уздицы тесьмяную, сѣдёлышко черькаську и подтягаетъ на

двѣнадцать подпругъ шолковыхъ не для ради красы-басы, а для ради богатырской крѣпости. Поѣхалъ въ эту публику и скочилъ на эту башню и не могъ выскочить двухъ вѣнцовъ.

Тутъ скричала публика:

— Хватай, имай, забѣгай, выскакивай!

Конь унистожился у него въ чистое полѣ, а самъ онъ пошолъ къ мастеру на фатеру.

Мастеръ приходитъ и говоритъ ему:

— Эхъ ты, что спишь? не пошолъ со мной; каки, говоритъ, богáтыри съѣзжаются! Вотъ тутъ одинъ былъ, весь въ мѣдныхъ латахъ.

— А чорта я не видалъ! На военной службѣ былъ, всего насмотрѣлся.

Такъ ночь проспалъ. Поутру опять встали. Хозяинъ отправляется на публику опять и зовётъ его:

— Пойдемъ, поглядимъ на публику; въ фатеры скучно сидѣть, надо поглядѣть.

— Нешто, нейду я: чего я не видалъ, въ салдатахъ былъ, всё видалъ.

Сапожникъ ушолъ, онъ остался. Послѣ сапожника и самъ пошолъ. Пришолъ опять къ другой кёрсты, къ другому богатырю. Вдругъ конь выскакиватъ, весь въ серебри. Ну и самъ зашолъ въ погребъ, откуль конь выскочилъ, одѣлъ тоже серебрены латы, бралъ уздечку тесьмяную, сѣдёлышко церькаськое и накладывалъ ихъ на коня и подтягалъ на двѣнадцать подпругъ шолковыхъ не для ради красы-басы, а для богатырской крѣпости. Поѣхалъ на публику, выскочилъ на башню, къ башни, мимо башни, только одного вѣнца не дохватилъ, то бы невѣста ударила. Тутъ публика скричала:

— Лови, держи, обскакивай!

Тотъ уѣхалъ опять, коня спустилъ, конь ушолъ на свое мѣсто, самъ пошолъ въ спальню. Хозяинъ приходитъ:

— Эхъ, говоритъ, не шолъ ты на эту публику! И богатырь былъ какой! И серебряный конь, и самъ весь въ серебреныхъ латахъ. Тутъ публика скричала: „Лови, держи, обскакивай!“ — не сдержать этого богатыря, не тутъ-то и было, чтобы его сдержать.

— Давай, ладно, я въ салдатахъ служилъ, всего видалъ, тутъ на вашу публику смотрѣть не хочу.

Ночь проспалъ, поутру всталъ, опять походитъ хозяинъ на эту публику и его зовётъ. Онъ и сказалъ:

— Не жалаю на вашу публику глядѣть!

Тольки хозяинъ ушолъ, онъ опять и справился. Приходитъ къ третьему богатырю на кёрсту, вдругъ выскакиваетъ конь опять изъ погреба, въ золотыхъ латахъ. Заходитъ онъ опять въ этотъ погребъ, одѣлся самъ въ такіе же латы, какъ и конь, въ золотые, беретъ уздечку тесьмяную, сѣдёлышко церькасько и вышелъ изъ погреба. Накладыватъ на коня уздицу тесьмяную и сѣдёлышко церькасько и подтягатъ на двѣнадцать подпругъ шолковыхъ не для ради красы-басы, а для ради богатырской крѣпости; поѣхалъ на эту публику, какъ разъѣхался, скочилъ, сейчасъ царевна перснёмъ его и шшолнула, и него во лбу звѣзда загорѣлась.

Опять закричали:

— Держи, лови, обскакивай!

Не тутъ-то и было!

Прилетѣлъ онъ на свое мѣсто, спустилъ коня, а самъ пошолъ въ свою фатеру. Хозяинъ пришолъ и сказыватъ ему:

— Эхъ, говоритъ, какъ ты не шолъ смотрѣть-то! Какой богáтырь былъ! И конь въ золотыхъ латахъ, и самъ онъ въ золотыхъ латахъ, было на што посмотрѣть.

— Ахъ, кака пустяковшина, говоритъ, я служилъ въ салдатахъ, видалъ всякихъ.

Завязалъ подмастерье голову платкомъ, чтобы не видно звѣзды было.

Ночь проспали, по утру встали.

— Ну, мастеръ, ты мѣрку снялъ подвѣнесьни башмаки шить?

— Нѣтъ, нé снялъ!

— А какъ же ты будешь шить? Кожи нáбралъ, а мѣрки нѣтъ.

Пошолъ мастеръ къ царю.

— Позволь, Ваше Царско Величество, мѣрку снять.

Царь сму позволилъ, онъ снялъ и принёсъ домой. Подмастерье мѣрку взялъ, всю прúрвалъ да и шей по чему хошь! Вотъ те и всё!

— Ну, ложись спать, сказалъ мастеру подмастерье, а

самъ пошолъ на службу, какъ башмаки подвѣнесьни доставать.

Идётъ къ этимъ кёрстамъ, гдѣ богáтыри у него похоронены. Богáтыри выстали всѣ троё изъ могилъ, идутъ вчетверомъ, идутъ къ горы они; гора высока и преогромна, приходятъ къ горы и цѣпь лёжитъ у горы; одинъ богатырь за эту мѣдь и взялся, который въ мѣдныхъ латахъ былъ, и хотѣлъ эту цѣпь выбросить на гòру, махнулъ,—выбросить не могъ, другой богáтырь взялся, и тотъ не могъ выкинуть; и третій потомъ взялся за эту мѣдь, за цѣпь, выбросилъ нà гору. Цѣпъ тамъ захватила за горы́.

— Салдатикъ, полѣзай въ гору.

Салдатикъ и полѣзъ, вылѣзъ на гору. Идетъ по гòры. Вдругъ встрѣчается ёму старикъ и спрашиватъ у ёго:

— Что угодно, салдатикъ?

— Башмаки, говоритъ, вѣнесьни пожалуйте мнѣ, гдѣ этта невѣста проживала.

— Сичасъ вамъ подамъ, извольте, каки требуются.

Этотъ старикъ сичасъ ему принёсъ и подалъ въ руки; пришолъ салдатъ къ цѣпи и опустился съ башмакамъ. Пришолъ къ мастеру, повалился спать. Ночь проспалъ, поутру всталъ, мастёра будитъ. Положилъ башмаки на тарелочку или на подносъ тамъ, ну хоть на подносъ, закрылъ платкомъ башмаки тѣ.

— Пошолъ, мастеръ! неси башмаки подвѣнесьни невѣсти.

Вотъ мастеръ пришолъ съ башмакамъ. Заходитъ въ бѣлокаменны полаты, Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, царевны въ особинку. Она тоже выспалась, видно, дожидается башмаковъ.

— Здорово, добрый человѣкъ, далечо ли Вы пошли, далечо ли путь дёржите?

— Да, сударыня, пришолъ я, по приказу вашему, сошилъ сапоги.

— Хорошо, другъ мой, — сошилъ мнѣ башмаки, такъ достань мнѣ и подвѣнесьно платье.

Идётъ мастеръ домой и сказыватъ подмастерью:

— Охти-мнѣченько! Каку на меня опять службу накинула! Сшилъ ты, говоритъ мнѣ, башмаки, достань мнѣ и подвѣнесьно платье.

— Не твое дѣло, говоритъ салдатъ, этта, а мое. Ложись спать.

Подмастерье отправился опять. Приходитъ къ цѣпи. Вылѣзъ на гору. Идетъ опять по горы. Вдругъ старикъ на встрѣту идетъ по горы и спрашиватъ:

— Что, салдатикъ молодой, угодно?

— Подвѣнесьное платье мнѣ надо.

— Хорошо, ты побудь здѣсь, я сечасъ тебѣ представлю.

Приноситъ ему старичокъ подвѣнесьное платье.

Приходитъ салдатъ къ цѣпи и опустился опять, и пришелъ въ свою фатеру къ мастеру, спать улегся. Ночь проспалъ, поутру всталъ, подвѣнесьно платье завязалъ въ платокъ и мастера будитъ:

— Мастеръ, пошолъ опять къ царю!

Тотъ отправился. Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, царевны въ особину.

— Хорошо, добрый человѣкъ, досталъ платье?

— Досталъ.

Платье получила.

— Ну, сошилъ же ты мнѣ башмаки, досталъ платье, и достань, говоритъ, золотые кореты оттуда, на которыхъ я каталась, и тѣхъ же коней.

Этотъ мастеръ и говоритъ:

— Бѣда приходитъ! Гдѣ всё это достать! Видно, мнѣ петля будетъ, эко подмастерье мнѣ-ко привязалось!

Пошолъ домой съ заказомъ. Приходитъ къ подмастерью. Тотъ спрашиватъ:

— Что, снёсъ платье?

— Снёсъ.

— Что сказала?

— Да вотъ приказала достать золотые кореты и кони, на которыхъ каталась.

— Ложись спать, не твое дѣло.

Мастеръ спать завалился, а онъ отправился на свое дѣло. Пошолъ онъ опять къ этой цѣпи, опять вылѣзъ на гору. Старичокъ опять идетъ ему встрѣту.

— Что угодно, говоритъ, салдатикъ молодой?

— Опустите, пожалуста, золотые кореты и кони, на которыхъ она каталась.

— Ступай домой, ложись спать, а къ утру готово будетъ.

Тотъ пришолъ, повалился спать, какъ слѣдуетъ быть. Мастера поутру́ бужа́ть:

— Ступай, провѣдай, опущены ли кореты и кони?

Мастеръ сбѣгалъ.

— Опущена корета и кони! пришолъ обсказалъ.

— Ну, вези къ царю.

Тотъ привезъ. Царевна и сказала мастеру:

— Вотъ ты мнѣ досталъ подвѣнесьни башмаки, досталъ и подвѣнесьное платье, и золотые кореты и кони, достань мнѣ золотой домъ, въ которомъ я жила.

Опять мастеръ и пошолъ къ подмастерью, пришолъ и обсказалъ,—такъ и такъ,—велѣно достать. Вотъ онъ мастеръ, повалился спать, а салдатъ пошолъ къ этой цѣпи, вылѣзъ на го́ру. Опять идетъ по горы́. Старичокъ попадаетъ встрѣту.

— Что, салдатикъ молодой, спросилъ, вамъ нужно?

— А вотъ, дѣдушко, мнѣ нужно золотой домъ, въ которомъ жила царевна.

— Хорошо, говоритъ, другъ мой! Трудно представить, да ужъ представлю для тебя, дѣлать нечего. Теперече ступай, опущайся, готова будетъ.

Старикъ опустилъ домъ.

Салдатъ проспался, мастера посылаетъ тольки провѣдать, а не показываться царю. Мастеръ сбѣгалъ, провѣдалъ.

— Поставленъ домъ, готовъ.

Вдругъ этотъ царь сталъ камандовать старого и малого, нѣтъ ли кого въ городи проживающаго изъ другихъ земель, изъ другихъ городовъ; афишки разослалъ, чтобы не затаивали чужестранныхъ людей; есть въ городи шатается много разного люду, не только въ городахъ,—въ деревняхъ бродятъ. Всѣхъ переводили къ царю; у кого есь, тотъ и ведетъ. Дошла очередà до этого мастера; тотъ еще не водилъ, не отвѣчалъ ишшо, есь ли, нѣтъ. Царь спросилъ у его:

— Есь ли у тебя посторонной какой человѣкъ, проживаетъ ли нѣтъ? Зачѣмъ ты скрываешь, веди сюда на лицо, какой онъ есь.

Мастеръ приходитъ домой.

— Ну, салдатикъ молодой, пожалуйте къ царю на лицо, требуетъ тебя ужъ.

Салдатъ идё, не стѣсняется, прямо къ царю. Заходитъ онъ въ бѣлокаменны полаты, Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, царю въ особину.

— Здравствуй, добрый человѣкъ, зачѣмъ же вы завязалися?

Голова-то у него была завязана: звѣзды-то не знать.

Салдатъ отвѣчаетъ:

— Голова бо́льня.

Царевна выскакиватъ изъ своей комлаты:

— А, другъ мой, говоритъ, да ты ишшо скрываисе? Я дорожу тобой, когда ты меня спасъ отъ эдакой причины. Давай-ко, развязывай платокъ. Я три разъ, говоритъ, тебя будила и обжидала, а ты всё засыпалъ на пристани на такой.

— Не знай, сударыня, отвѣчаетъ онъ. Я и самъ не знай, какъ скрывался. Это еврей надо мной подыгрывалъ.

— Я три разъ тебя обжидала да не могла увезти. А ты нонь самъ явился, да скрываисе. Ну вотъ, татенька и маменька, должно быть, мой бого-суженой здѣсь. Когда я была у нечистого духа увезена́ у васъ,—вотъ онъ меня отчиталъ.

Сичасъ платокъ онъ развязалъ, все вычистили, да и веселымъ пиркомъ да-й за свадебку, и свадьбу сыграли. И стали жить да быть да поживать, добра наживать да лиха избѣгать; живутъ и теперь, да, можетъ быть, и насъ переживутъ.

Онежскій у., Шелековскій приходъ Савинской вол.
Зап. отъ крестьянина Ѳ. В. Огаркова (онъ же „Ѳедорейко"), 1912 годъ.

---

10. Желѣзный Конь.

Въ одномъ городѣ два мастера сошлись, одинъ золотарь, а другой кузнецъ. Должно быть выпивши они тутъ были и разспорили промежъ собой.

— Эхъ, говоритъ золотаръ, ты какой мастеръ! Желѣзо перебирашь, а я вотъ сдѣлаю золотую утку и она будетъ плавать по воды. А ты, говоритъ, что изъ желѣза сдѣлаешь?

— А я сдѣлаю, что мнѣ надоть! тотъ отвѣчаетъ ему.

Городовой ихъ потомъ и подъ надзоръ за споръ; спорятъ, тольки и всего. Золотой мастеръ и говоритъ:

— Вы меня не захватывайте, я сечасъ открою свое ремесло.

Тотъ моментъ сдѣлалъ золотую утку и спустилъ на воду. Утка и плавать на воды. А этотъ желѣзно-тъ мастеръ тоже куетъ, что слѣдуетъ, и всё справляетъ. А золотарь его принуждаетъ:

— Скорѣй да скорѣй! чтобы ихъ выпустили.

Вотъ кузнецъ ковалъ да ковалъ, да и доковалъ, что стало готово. Сичасъ вынесъ это желѣзо, которо ковалъ, и началъ винтить и свинтилъ коня. Конь такой, что просто прелесть!

У царского дворца все это происшествіе у нихъ было. Вдругъ выскочилъ царской сынъ, сѣлъ на этого самого коня. Конь и полетѣлъ выше лѣса стоячаго, а ниже облака ходячаго. Ну, онъ не знаетъ средства, какъ опустить коня, какъ поднять. Конь несетъ его своей чередой и принесъ въ иностранну землю и самъ опустился на землю. Опустился этотъ конь,—онъ и пошолъ по городу мѣсность узнать. Ходитъ по городу, выглядывать мѣста, гдѣ што, гдѣ какъ жить да какъ быть. Купилъ мѣшокъ онъ въ городѣ и склалъ туда желѣзо, это коня-то, въ мѣшокъ, развинтилъ, пошолъ въ гостинницу самолуччу и спрашиватъ у хозяина:

— Что же у васъ, господинъ хозяинъ, мѣсность эка у васъ широкая,—и башня къ чему эка выстроена, не одного окна и некакого свѣта нѣтъ, къ чему она эка?

— Ахъ, другъ мой, въ этой башни застата царская дочь. Она, говоритъ, какъ принесена, родилась, да и не показываютъ ей никакого свѣту. Какъ кухарка ли, нянька принесетъ ей кушанье, тольки сунутъ ей тамъ, и не заходятъ внутрь. Такъ она тамъ и живётъ, ничего вовсё не знатъ, какой такой народъ есь.

— Неужели, господинъ хозяинъ, люди не знаютъ, кака она, хороша ли, чиста ли, нечиста?

— А Господь ее знаетъ, хороша ли, нехороша ли, чиста ли, нечиста ли. Кака она есь, не знаютъ люди, и она не знатъ, каки есь люди. Никогда не выходитъ, не показывается на люди.

Царевичъ проживаетъ въ этомъ городи долго ли, коротко ли, и смекатъ: нать попасть къ этой дѣвушки.

— Что тако значитъ, самъ собѣ и думатъ, нать посмотрѣть, кака она есь.

Давай по другу ночь туда и сунулся, и зачесалъ туда, въ эту башню, и давай околъ ея ухаживать. Отворилъ дверь и показалъ ей свѣтъ, въ какомъ свѣтѣ она живетъ. И она въ ёго влюбилася и онъ въ ей влюбился, и въ кажну ночку сталъ къ ей ходить туда. Няньки-кухарки замѣчать стали, что ходитъ кто-нибудь. Они увидѣли, что дверь стала шире. Раньше только рука едва входила, а теперь двери шире отворяются ужъ.

Вотъ царь и удумалъ:

— Эти двери смолой насмолите, и стойки.

Царевичъ на другу ночь пошолъ да и замазался. Кафтанъ онъ сбросилъ да и ушолъ, и признать не могли, чей кафтанъ. Царь вывѣсилъ вездѣ афишки, не знаетъ ли кто того, кто носилъ этотъ кафтанъ. Долго по всему городу ходили да разыскивали, ничего не могли найти. Давай мѣломъ забѣлили эти стойки да и двери. Царевичъ пошолъ да-й замазался мѣломъ. А хозяинъ, у которого онъ жилъ, и замѣтилъ, что у него локоть замаранъ въ мѣлу. Пошолъ онъ къ царю и сказалъ:

— Ваше Царско Величество! вотъ у меня есь человѣкъ живетъ чужестранный,—не казни меня,—открою я вамъ, что замѣчалъ я у ёго локоть въ мѣлу.

— Ну такъ ташшы этого человѣка, когды у тебя есь постоялецъ.

Привелъ царевича къ царю.

— Ходилъ ты въ эдаку башню?

— Ходилъ.

— А зачѣмъ ты ходилъ?

— А мнѣ любопытно, эка башня, для чего она выстроена.

— Ну вотъ, господа, выстройте теперь висѣльцу этому молодцу, зачѣмъ безобразникъ такой.

Сечасъ выстроили висѣльцу, и нать вести его. Повели на висѣльцу молодца.

— Вотъ что, Ваше Царско Величество, позвольте мнѣ, за мѣшочкомъ схожу; у меня въ гостинницы есь мѣшо-

чикъ, мы вмѣстѣ жили, дакъ теперь судьба моя пришла, нать проститься съ мѣшочкомъ.

Царь велѣлъ принести мѣшочекъ.

— Ваше Царско Величество! позвольте мнѣ желѣзо перебрать по-штучки, проститься съ каждой желѣзинкой, я это скоро сдѣлаю.

Онъ покуда перебираетъ, а самъ свое дѣло дѣлатъ, винтитъ тольки. Свинтилъ коня да-й сѣлъ на него.

— Прощайте, Ваше Царско Величество! Вотъ те и висѣльца, тольки и видѣли. Улетѣлъ на кони, да въ эту башню, захватилъ царевну да и только живалъ-бывалъ, улетѣлъ на своемъ конй. И прибылъ въ свое государство.

Тогда этихъ мастеровъ и выпустили изъ темницы. Царевичъ женился на этой дѣвушки, а сзадѣ отецъ ее прибылъ въ то государство въ погону; а дочь повѣнчаласе ужъ: взять нечего. Такъ и стали тѣ жить да поживать да добра наживать.

Онежскій у., Шелековскій приходъ Савинской вол.
Зап. отъ крестьянина Ѳ. В. Огаркова (онъ же „Ѳедорейко"), 1912 годъ.

---

11. Иванъ Покати-Горохъ.

Вотъ былъ-жилъ царь. У царя было два сына; эти сыновья ходили въ училишше и выучились ужъ.

— Татенька и маменька, позвольте намъ погулять съ сестрицей.

— Дѣточки, говоритъ, гуляйте, а тольки сестры не потеряйте.

Марья у нихъ сестра была, Марья-краса-руса-коса.

Они ходили да были, да сестрицу и потеряли. Пришли домой.

— Татенька и маменька, потеряли мы сестрицу, сами не знаемъ гдѣ.

— Ну, дѣточки, когда потеряли, то и ишшыте, а когды не найдите, то смерть вамъ тоже.

Матка у нихъ была беременна ишше, царица.

Они и отправились въ путь дорогу. Отецъ имъ далъ по потрету сестры: по потрету-то найдутъ, а такъ гдѣ ужъ!

А у этой царицы родился сынъ; Иванъ-Покати-Горохъ нарекли имя ему.

Идутъ братья путёмъ-дорогой и подходятъ: домъ стоитъ огромной-приогромной. Дѣвушка въ окошко глядитъ. Они и остановились у этого дома.

— Что вы, молодцы, говоритъ, смотрите долго?

Они ей сказали.

— Сестрица? Не ты ли есь Марья-краса-руса-коса?

— Я и есь. Охъ вы, брателки, вы на смёрточку идете сюда.

— Намъ, сестрица, одна смерть: отъ отца наказано, если тебя не найдемъ, такъ одна смерть посулёна.

Заходитъ въ фатеру,—пришли, такъ ужъ дѣлать нечего.

Зашли они въ фатеру, Богу помолились, на всѣ на четыре стороны поклонились, сестры въ особнину. Она ихъ напоила, накормила и за печку спровадила въ скрытно мѣсто.

Вдругъ летитъ Воронъ Воронóвичъ, сѣлъ на потокъ, съ боку на бокъ фатера заходила. Бѣжитъ въ фатеру — ступня за ступню загибается. Зашолъ въ фатеру.

— Фу, фу, руськiй духъ пахнётъ!

Она говоритъ ему:

— По Рýси налетался, руського духа нахватался, по тому и руськой духъ пахнётъ.

— Нѣтъ, не омманывай, говоритъ, я слышу: шурьяки въ гостяхъ есь. Шурьяки, выходите.

Шурьяки вышли, сичасъ обѣхъ убилъ и въ подвалъ опустилъ и закопалъ, наспиртовалъ, чтобы, какъ живые.

— Если, говоритъ, тебѣ скусьно будетъ, посмотри: все равно, что живые братья.

Вотъ онъ поутру всталъ да-й улетѣлъ, леталъ съ утра и до вечера, прилетѣлъ домой опять, на потокъ сѣлъ. Съ боку на бокъ опять фатера заходила; по ступнямъ опять идетъ,—ступень за ступень загибается. Вотъ пришолъ.

— Что-то усталъ... Вотъ поишшы-ко вшей! жонки сказалъ.

— Ахъ, Воронъ Воронóвичъ! Я сколько годовъ у тебя живу, а ты мнѣ ничего не сказываешь, гдѣ ходишь, гдѣ воюешь да куда леташь-да.

— Что тебѣ сказывать, мнѣ на роду и смерть не писана, никого и не боюсь. Когда, говоритъ, родится у твоей матери сынъ Иванъ-Покати-Горохъ, тогда мнѣ и смерть будетъ.

Ѣздитъ опять, воюетъ съ тотарамъ.

А Иванъ-Покати-Горохъ все ростётъ, не по годамъ, а по часамъ и по минутамъ, въ училишшо ходитъ.

Пошолъ разъ изъ училишша, бабушки-задворенки въ околёнку кинулъ. Бабка выскочила и заплакала.

— Ахъ ты, Иванушка, у тебя росло два брата, а третья сестра,—меня никогда не безпокоили.

Вотъ онъ и цобѣжалъ домой; прибѣгаетъ домой, обсказываетъ отцу:

— Татенька и маменька, неужоли же у насъ было два брата, а третья сестрица?

Тѣ сказали.

— Были, доброхотъ, да ушли; не знаемъ, гдѣ ходятъ.

— Татенька и маменька, позвольте, я тоже пойду искать ихъ.

Вотъ онъ взялъ благословенье и отправляется въ путь дорожку широку́. Дали ему родители потретъ сестры.

Доходитъ Иванъ-Покати-Горохъ до избушки. Видитъ, дѣвушка смотритъ въ окно. Глядитъ на патретъ и на сестру.

— Не ты ли, сестрица Марья-краса-руса-коса?

— Да я, говоритъ. Охъ, брателко, на смерточку ты идешь.

— Ахъ, сестрица, какая смерть, сказала ты?

Заходитъ въ фатеру, Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, сестры въ особину. Сестра его напоила, накормила и пехаетъ въ скрытно мѣсто.

— Что ты меня пехаешь въ скрытно мѣсто? Я не воръ, не розбойникъ, я пришолъ не воровать, а въ гости.

— Тише, тише, брателко, не розговаривай грубо.

— Что тише, тише, чего я стану стѣсняться.

Вдругъ Воронъ Ворonóвичъ прилетѣлъ, на порокъ сѣлъ, съ боку на бокъ фатера заходила. И сказалъ Иванъ-Царевичъ:

— Охъ, какой парень пріѣхалъ тяжолой.

Воронъ Ворonóвичъ зашолъ въ фатеру.

— О, говоритъ, шуринъ въ гостяхъ есь.

— Да есь.

— Давай, шуринóкъ, поздороваемсе.

Стали здороваться, другъ дружку руку дали, изъ ноготъ только кровь пошла у того и у другого. Сичасъ Воронъ скамандавалъ:

— Малый-по-малому! Неси полтора ведра вина и полтора пуда закусокъ.

— Сечасъ.

— Ну, шуринъ, пей.

— Нѣтъ, говоритъ, хозяинъ перво пьетъ, а шуринъ послѣе.

Воронъ бралъ единой рукой полтора ведра, выпивалъ на единый духъ. Выпилъ и скамандовалъ:

— Малый-по-малому! Неси опять полтора ведра вина и полтора пуда закусокъ.

Шуринъ бралъ это единой рукой, выпивалъ на единый духъ.

— Благодаримъ, зять, угостилъ хорошо.

— Ахъ, шуринъ, я тебя задавлю.

— Какой ты боецъ! Въ фатеры задавить можно, какъ кошку, въ фатеры развѣ давятъ? Богáтыри съѣзжаются на чистомъ поли, а тутъ што.

Ночь проспали, поутру Воронъ всталъ и полетатъ на войну.

— Ну, говоритъ, шуринъ, вотъ тебѣ ключи, всюду ходи, а не ходи только въ перву конюшню, а во верхнёмъ этажу въ задню комлату.

Воронъ улетѣлъ на войну, тотъ и остался шуринокъ.

— Чтоже, говоритъ, сказалъ „Не ходи въ переднюю конюшню и задню горницу, что такое значитъ, кака причинá эка? Сичасъ отложу“.

Пришолъ въ конюшню. Въ конюшни стоитъ добрый конь да лёвъ-звѣрь. Льву надавано сѣна, а коню мяса.

— Это что тако значитъ, что за причина? Станетъ ли конь мясо ись, а лёвъ-звѣрь сѣно?

Возьметъ да и переложитъ кормъ-отъ этотъ самый. Льву, значитъ, мясо, а коню сѣно, и пошолъ въ задню комлату. Сичасъ комлату отложилъ. Тольки отложилъ, двери какъ раскрылъ да-й вылетѣли двѣ дѣвушки, и поминай какъ звали!

— Ахти мнѣ, что теперь дѣлать, что скажетъ хозяинъ!

И давай бѣжать домой, къ старушки, матки Вороновой, и въ ноги палъ.

— Бабушка, прости такая-этакая!

И ноги у ней сталъ жать. Ей терпѣнья нѣтъ.

— Что, дуракъ, сдѣлалъ ты такое?

— Ахъ, бабушка! такъ и такъ, дѣлать ничего, прости меня Бога ради!

— Ну что же дѣлать, прошшу.

Простила его, значитъ.

Вдругъ летитъ Воронъ Воронóвичъ. Сѣлъ на потокъ, съ боку на бокъ фатера заходила. Входитъ въ фатеру, а Иванушко ему въ ноги.

— Такъ и такъ, прости!

— Ахъ, дуракъ, розбойникъ! Сичасъ тебѣ голова долой.

Старуха скрычала:

— Я, доброхотъ, ёго простила, и ты прости!

Такъ опять ночь проспали, поутру встали, позавтрокали. Опять и отправляется Воронъ Воронóвичъ на войну.

— Зять, говоритъ Иванъ-Покати-Горохъ, возьми меня посмотрѣть, какъ ты воюешь.

— Куда, говоритъ, тебя взять! Ты съ татарского визгу пропадёшь. Пожалуй, пойдемъ.

Вотъ вышли изъ фатеры. Воронъ садится на своёго коня.

— Ну, шуринъ, тебѣ какой конь?

— Да въ конюшни стоитъ.

— Охъ ты, говоритъ, за какого беressе! Да я его самъ боюсь. Оттого и кормлю его мясомъ, что самъ не могу владать тѣмъ конёмъ.

— Дакъ что же, мнѣ пѣшкомъ итти за тобой, что ли?

— Ну, ступай, веди, когда можошь совладать.

— Дѣлать нечого, говоритъ, ужъ.

Бралъ уздицу тесьмяную, сѣдёлышко церькаськоё и подтягалъ на двѣнадцать подпругъ шолковыхъ и садился на своего добраго коня, бралъ всѣ доспѣхи богатырскіе на себя. Зять скамандовалъ:

— Давай ко, шуринъ, сражаться.

Разъѣхались на двѣнадцать поприщевъ лошадиныхъ, съѣхались на копья. Копья лопнули, все равно какъ силь-

ный громъ грянулъ. Съѣхались на сабли; и сабли лопнули у ихъ у обѣхъ. Сичасъ зять скамандовалъ:

— Брось, шуринъ, не стоитъ борьбы это мѣсто.

Вотъ они и поѣхали впередъ. Ѣдутъ близко-далёко и доѣзжаютъ,—рать-сила великая.

— Ну, шуринъ, ты этта постой, посмотри, я буду командовать какъ.

Воронъ и поѣхалъ. Какъ пустится въ котору сторону, улица лежитъ пустая, а въ другую махнетъ—переулочекъ, просторство одно.

Шуринъ смотрѣлъ на него и говоритъ:

— Хорошо помахиватъ, и сколько не валитъ, сколько не бьетъ, а двоёмъ прибываетъ.

Смотрѣлъ, смотрѣлъ и удивился:

— Что это за штука такая!

Вотъ онъ и поѣхалъ кругомъ этой силы: откуль прибыватъ-то, любопытно. Доѣзжаетъ до кузницы. Кузнецы куютъ; что молоткомъ хлопнетъ кузнецъ, то и салдатъ бѣжитъ на войну.

— Богъ помочь, мастёра. Аминь вашей работѣ.

Они ему сказали:

— Спасибо, добрый человѣкъ, ослобонилъ насъ на вѣки.

Опять до другой фатеры доѣзжаетъ. Опять кузнецы куютъ тутъ. Что молоткомъ хлопнутъ, то и ундеръ-офицеръ.

— Богъ помочь, мастёра. Аминь вашей работѣ.

— Спасибо, говорятъ ему, добрый человѣкъ, что ослобонилъ насъ.

До третьей комлаты доѣзжаетъ. Сидятъ дѣвушки, въ пялахъ шьютъ. Что иголкой ткнутъ, то и господинъ бѣжитъ, офицеръ тамъ или генералъ,—и на войну готовъ.

— Богъ помочь, красны дѣвицы. Аминь вашей работѣ!

— Спасибо, добрый человѣкъ, что запретилъ нашу работу, а то бы вѣкъ вышивать, Ворону не перебить было.

А Воронъ уже всѣхъ прибилъ, всѣхъ претеребилъ, не одинъ не прискакиватъ: всѣ запрещшоны, а то бы ему на вѣкъ хватило. Выѣхалъ Воронъ въ чисто поле, обрадѣлъ и катается, все ровно, какъ сѣнная куча.

Вдругъ Иванъ-Покати-Горохъ увидалъ, какъ сѣнная

куча катается, наѣхалъ, мечомъ махнулъ и заусыпилъ того, готовъ! И поѣхалъ домой. Видитъ, что дѣло не ладно, убилъ. Опять къ этой старушки въ ноги.

— Ахъ, бабушка, прости вины: невзначай убилъ твоего сынка.

— Ахъ ты, дуракъ розбойникъ! ты отъ меня не уйдешь подъ сѣрый камень.

— Ахъ, бабушка, прости меня грѣшного, невзначай его убилъ. Если бы зналъ, такъ не убилъ.

— Ну, дуракъ, бѣжи въ колодецъ, бери живой воды и мертвой, оживи.

— Бабушка, говоритъ, я колодца не знай у васъ, сведи меня къ колодцу.

Привела старуха къ колодцу; мѣдный ковшичекъ виситъ тутъ.

— Ну, черпай.

— Ахъ, бабушка, кабы знакомо дѣло, такъ черпалъ бы, а то не знаю, близко ли вода, далёко ли,—незнакомо дѣло, какъ я могу? Тебѣ познакомя, почерпни ко, бабушка, сама.

Старушка сичасъ наклонилась, а онъ ее въ колодецъ втетюрилъ; старуха тутъ и пропала, сдохла. Взялъ живой воды и мёртвой, почерпнулъ самъ, пришолъ, оживилъ, братьевъ, и сестру взялъ, и поступали домой, вотъ и всё.

Идутъ они близко ли, далеко ли, путешествуютъ, дошли до норы. Камень навалёнъ на дыру большаханской.

— Это что, говоритъ, значитъ?

Сечасъ эту плиту отворотилъ, откинулъ. А подъ плитой нора большая.

— Стой, братаны, этта есь что-нибудь, плита ненапрасно навалена.

Вотъ онъ и удумалъ:

— Воротимся назадъ обратно, набьёмъ валовъ да сошьемъ ремни изъ кожъ изъ воловьихъ.

Воротились, нашили ремней изъ кожи, ну и потянули къ этой норы къ самой, притянули къ норы. Иванъ-Покати-Горохъ и привязался къ этимъ ремнямъ.

— Давай, братья, опушшайте меня.

Братья опустили его туда. Онъ спустился и нашолъ тамъ одну дѣвушку; привязалъ ее и кричитъ:

— Братья, поднимайте.

Братья вытащили. Оказалась дѣвушка, и такая красавица, что братья дерутся ально, и тому надо взять, и другому надо взять.

— Братья, не спорьте! тамъ другая дѣвушка есь, ишшо краше ей.

Сичасъ ремни опять спустили къ ёму. Вторую дѣвушку привязалъ онъ къ ремнямъ, и ту вытащили, и давай тоже спорить.

— Братья, не спорьте! совралъ онъ имъ, тамъ ешшо третья есь.

Братья опустили ремни. Иванъ-Покати-Горохъ привязался самъ; они подташшыли,—тяжело ташшыть, не можутъ. Давай спустили, больше не поташшыли:

— Тяжело, говорятъ, ташшыть, видно, самъ сидитъ.

Пошли они домой, да и женились на этихъ дѣвушкахъ.

Идетъ Иванъ-Покати-Горохъ по-подго́ру путёмъ дорогою, и самъ не знатъ куды. Доходитъ до одной фатерки; заходитъ въ фатерку. Старичокъ въ фатерки одинъ. Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, дѣдушку въ особину.

— Здраствуй, добрый человѣкъ! Далечо ли вы путь дёржите?

— Да, дѣдушко, далечо! И самъ не знай, какимъ судьбамъ сюда попалъ!

— Вотъ слава тебѣ, Господи! старичёкъ сказалъ ему, замѣна мнѣ пришла.

Напоилъ, накормилъ и спать повалилъ. Ночь Иванушко проспалъ. Поутру дѣдушко будитъ:

— Вставай, доброхотъ, завтрокай, погони валовъ въ лѣсъ.

Вотъ тотъ позавтрокалъ и погонилъ валовъ въ лѣсъ.

Дѣдушко ему наказыватъ:

— Во всёмъ лѣси ходи, гдѣ тебѣ надоть, а въ заповѣдны луга толькй не ходи.

Тотъ отвѣтилъ:

— Хорошо, дѣдушко! да-й прямо въ заповѣдны луга и посадилъ, что тамъ будетъ.

Вдругъ вышелъ чуди́ще о трёхъ головищахъ,

— Ахь ты, старой чортъ, мало того, что глаза выкопаны, а ты опять завёлъ сюда скотъ.

— Что ты, проклятой, говоритъ Ва́нюшка чудищу, я вѣдь не слѣпой, у меня глаза оба есь.

Тотъ сказалъ:

— Выѣзжай со мной на поединокъ.

Вотъ Иванушко выхватилъ дубъ со всѣмъ кореньёмъ, какъ махнулъ этимъ дубомъ, такъ сразу три головы снесъ у чудища. Головы за́бралъ и погонилъ скота домой. Вотъ и приходитъ домой со скотомъ. Дѣдушко выходитъ изъ фатеры; пошшупалъ скота.

— Охъ, доброхотъ, какъ ты сыто скота кормишь! У меня и вѣкомъ экъ не бывало; экъ кормишь ихъ!

— Ахъ ты, дѣдушко, въ лѣси травы довольно, хоть сколько ѣшьте.

Пришолъ онъ въ фатерку.

— Я, дѣдушко, говоритъ три клуба береста надралъ.

— Бросай, дитятко, подъ кровать; намъ будётъ на вѣкъ лапо́тъ дёржать.

Ночь проспалъ опять. Поутру дѣдушко завтрокъ зготовилъ ему и будитъ:

— Дитятко, ставай! время со скотомъ итти опять.

Иванушко скота выпустилъ и со скотомъ пошолъ опять.

— Доброхотъ, ты вездѣ ходи, запрещатъ дѣдко, ты всюда́ ходи, а тольки въ заповѣдны луга не ходи.

Прямо въ заповѣдны луга поташшылъ опять, запрешшай дѣдко хоть сколько! Вдругъ выходитъ чудище о пяти головищахъ.

— Ахъ ты, слѣпой чортъ, у тебя мало того, что глаза выкопаны, а ты ишшо идешь.

— Что ты, чудище погано! У меня оба глаза есь.

— Ну, когда оба глаза есь, такъ съѣзжайся со мной на поединокъ.

Выхватилъ опять дубъ,—на поединокъ нать ѣхать, а у нёго нѣтъ никакого струмента,—и всѣ головы смахнулъ сразу. Эти головы опять подо́бралъ, скота собралъ и погонилъ домой. Пришолъ домой! Старикъ вышелъ опять изъ фатеры, скота пошшупалъ.

— Экъ какъ ты скота кормишь! Я вѣкъ такъ не пасъ!

— Ахъ, дѣдушко, да въ лѣси травы, говоритъ, много.

Вотъ зашли опять въ фатеру.

— Дѣдушко, я опять пять клубовъ бересты принёсъ.

— А бросай, доброхотъ, подъ кровать: намъ на вѣкъ будетъ держать лапо́тъ.

Ночь проспали опять съ покоёмъ. Поутру дѣдко ему завтракъ опять приготовилъ, бужаетъ:

— Доброхотъ, времё вставать, завтрокъ.

Позавтрокалъ, пошолъ скота выпушшать. Выпустилъ скота; опять пошолъ со скотомъ, прямо идетъ въ заповѣдны луга. Вдругъ выходитъ чуди́ще о шести головищахъ и скрычалъ:

— Ахъ ты, старой чортъ! У тебя мало того, что глаза выкопаны, а ты опять сюда зашолъ. Хоть братьевъ моихъ убилъ, а меня не убьешь.

— Что ты, чудище погано, у меня оба глаза есь.

— Когда оба глаза есь, дакъ съѣзжайся со мной на поединокъ.

Опять Ваня выхватилъ дубъ, приогромной, большой, больше тѣхъ, со всѣмъ кореньёмъ,—на поединку нать ѣхать ужъ. Съѣхались на поединокъ.

Иванъ-Покати-Горохъ шесть головъ наразъ снёсъ, успокоилъ ёго; больше того нѣту. Скота сосбиралъ, головы за́бралъ и поступатъ опять домой.

Старикъ вышелъ изъ фатеры, пошшупалъ опять валовъ,— сыты ужъ больно.

— Экъ, доброхотъ, скота-то ты какъ кормишь, я вѣкъ такъ не видалъ.

Заходитъ опять въ фатерку.

— Дѣдушко, говоритъ, я шесть клубовъ берёсты надралъ.

— Ой что ты, дитятко, эстолько бересты на́дралъ, намъ вѣкъ не издержать.

Поужинали и спать. Ночь проспали, поутру встали.

— Ну, дѣдушко, говоритъ, сосчитай ты головы, много ли у тебя головъ лёжитъ подъ кроватью. Я въ заповѣдны луга прямо ходилъ. Теперь никто тебя не будетъ безпокоить до смерти.

— А, доброхотъ, тебѣ скусьно этта стало?

Да, дѣдушко, какъ не скусьно, никого у тебя этта нѣтъ.

— Дакъ ты и думашь, какъ на Росію попась?

— Да, дѣдушко, думаю, какъ на Росію попасть.

— Дакъ вотъ, доброхотъ, я спрошу Жаръ-птицу, можетъ ли она тебя вынести; а нѣтъ, такъ не бывать тебѣ на Росіи, какъ не можетъ вынести.

Жаръ-птица прилетѣла.

— Ну что, вынесешь на Росію человѣка?

— А что, ись мнѣ будетъ, такъ вынесу, а не будетъ, такъ не вынести голодомъ.

Дѣдко убилъ вала и разрубилъ этого вала на всѣ на четыре части и привязалъ на Жаръ-птицу это мясо.

— Вотъ, доброхотъ, какъ она будетъ овертываться, ты ей четверть и сунь, она впередъ и полетитъ.

Вотъ онъ сѣлъ на птицу и полетѣлъ впередъ. Она свернулась, ись захотѣла. Онъ четвереть сунулъ. Она съѣла и опять впередъ полетѣла. И другой разъ оверну-лась, и другу четвереть сунулъ. Опять летитъ близко ли, высоко ли, и въ третéй разъ овернулась. Онъ и третью четвертушку сунулъ. Опять и летитъ впёредъ, и четвёр-тый разъ опять овернулась. Послѣдню четверть сунулъ, больше и нѣту. И всё не долетѣли ишшё до Росіи, — она опять и разъ овернется, и другой овернется. Ему и дать нечего,—она стала изъ выти выходить, полетѣла тише и тише. Онъ взялъ, икры вырѣзалъ изъ ногъ изъ своихъ. Она разъ овернётся, онъ ей сунётъ, и другой разъ оверн-ется, онъ ей сунетъ икру́, и вывезла ёго на Росію и сама пала мёртвой. А у его въ скляночкахъ была припа-сена вода жива и мёртва. Онъ ей брызнулъ, она дрыгнула. Во второй разъ брызнулъ,—она и крыльемъ взмахнула. Вотъ она харконула, икру одну выпустила въ цѣлости́, икра выпала. И другой разъ харконула, и друга икра вы-пала. Икры къ собѣ приложилъ, брызнулъ живой водой и мертвой, да-й икры пристали.

Ну и простились съ Жаръ-птицей, поблагодарилъ ей, что вынесла на Росію, и пошолъ домой. Приходитъ домой.

Братья жонаты оба,—на тѣхъ дѣвушкахъ женились, и сестрица взамужъ выдана. Родитель его, конечно, остарѣлъ

и мать тоже. Навѣсту высватали за его въ другой губерни,—такъ и его женили. Свадьба прошла; его и царемъ отецъ поставилъ на мѣсто собя. И стали они жить да поживать да добра наживать да лиха избѣгать.

Вотъ и сказка вся, больше врать нельзя.

Онежскій у., Шелековскій приходъ Савинской вол.
Зап. отъ крестьянина Ѳ. В. Огаркова (онъ же „Ѳедорейко"), 1912 годъ.

---

12. О томъ, какъ солдатъ снималъ портретъ съ королевы.

Одинъ царь былъ тоже, видите ли, и началъ выкликать, кто бы сходилъ за тридеветь морей, за тридеветь земель, въ тридесято царство, въ тридесято государство.

— Я бы, говоритъ, нагрузилъ три судна: судно съ золотомъ, судно съ серебромъ и судно съ мѣдью. Нать тамъ посмотрѣть: у одного тамъ короля есь красавица хозяйка, потретъ бы съ ней снять, а она всё въ маски ходитъ.

А никто не выискивается, нѣтъ охотниковъ. Два генерала у него сидѣли при той бесѣды. Идутъ домой и разговаривають:

— Вотъ, говорятъ, затѣйникъ какой! три судна нать нагрузить серебромъ да золотомъ да мѣдью, а всего достать одинъ портретикъ.

Одинъ салдатикъ на часахъ стоялъ, этотъ разговоръ и слышитъ.

— Охъ вы, чудаки! да эко мѣсто-то не беретесь! Я сходилъ бы, говоритъ.

Эти генералы ночь проспали, поутру встали и къ царю пошли и сказали:

— Тамъ одинъ салдатикъ насъ окухнàлъ и берется съѣздить.

— Но, давай! приведите салдата.

Потребовалъ царь салдата.

— Что, ты можешь сходить?

— Могу, Ваше Царско Величество.

— Вотъ и карабли тебѣ нагружóны, ступай съ Богомъ.

Вотъ онъ отправился путёмъ-дорогой салдатикъ.

Ѣдетъ онъ близко ли, далёко ли и доѣзжаетъ до того города, гдѣ жила красавица. Пристали и на гору онъ пошолъ. Приходитъ къ королю, Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, царю въ особину.

— Здраствуй, руской салдатъ, далечо ли вы пошли, далечо́ ли путь держите?

— До вашей милости.

— Садитесь, роскажите.

Посадилъ его за столикъ.

Ну, давай росказывай, зачѣмъ пошолъ.

— Покажите мнѣ, нельзя ли посмотрѣть вашей хозяюшки?

— Нѣтъ, другъ мой, нельзя. Никто у меня не видалъ ей.

— Ну, пожалуста, сдѣлайте милость.

— Дорого стоитъ, братъ, смотри вѣдь.

— Какъ дорого?

— А одинъ съ мѣдью карапъ; покажу, если желательно, только не всё.

— Хорошо, есь, сказалъ салдатикъ. Ну какъ будешь, на вѣсъ брать или залпомъ?

Царь пришолъ, посмотрѣлъ.

— А можно, говоритъ, и такъ принять. Но, пойдемъ теперь въ комлату.

Салдатика и повёлъ къ собѣ рускаго. Сѣли за столикъ, выпиваютъ сидятъ.

— Да вотъ, спрашиватъ салдатъ, нельзя ли посмотрѣть вашей мадамъ?

— Да отчего нельзя! Карапъ взялъ, такъ надо показать много-мало.

Король скамандовалъ:

— Приди сюда, открой половину лица.

Вотъ она и подошла.

Посмотрѣлъ.

— Хороша, говоритъ, хозяйка!

Ну и сидятъ опять, угощаются.

— Хорошо, говоритъ, Ваше сіятельство, немножко я посмотрѣлъ, а нельзя ли побольше?

— Ахъ, дорого будетъ стоить!

— Не стѣсняйся, говоритъ, что нужно, такъ заплачу. Есь ли у тебя съ серебромъ карапъ?

— Есь.

— Но, пойдемъ смотрѣть. Я не обману тебя.

— Смотри ужъ.

Пришли на карапъ, смотрятъ.

— Да что, спрашиватъ салдатъ, на вѣсъ будешь принимать или залпомъ?

— Почто на вѣсъ! карапъ нагружонъ, много дѣла будетъ. Вижу, что серебро.

— Но, хорошо!

Пошли опять домой, по чарочки выпили, поугощалися.

— Ты, другъ, сиди, говоритъ царь, угощайся этта, а я довѣтра сбѣгаю.

Ушолъ, а его хозяйка сичасъ и вышла вся, какъ есь красавица, не вздумать, не сказать, не перомъ написать. Къ ему салдатику подошла,—снимай потретъ хоть сколько! Налила ему бакалъ вина и говоритъ:

— Кушай на здоровье! Некогды съ тобой розговаривать долго. Вотъ, говоритъ, другъ, какъ онъ къ тебѣ придетъ этта,—я уйду ужъ,—вотъ ты и опять говори съ нимъ. „Вотъ что, Король, у меня и третей карапъ есь,—какъ выпьете много и третей карапъ ему оддай съ золотомъ“. А онъ меня и скамандуетъ, а я тебѣ покажусь вся, безъ закрытія. Некогды розговаривать, а вотъ что: какъ третей карапъ ему отдашь съ золотомъ-то, я тебѣ приготовлю письмо.

Она ушла, а король пришолъ съ подво́рья. Вотъ сидятъ, розговариваютъ, какъ слѣдуетъ быть.

— Ваше Величество, нельзя ли вовсе показать? Я тебѣ третей карапъ отдамъ съ золотомъ.

— Хорошо.

Отдалъ и третей карапъ; тотъ и скамандовалъ:

— Жонка, выйди, покажись!

Жонка вышла, на еру́гу показалась.

— Ну, пойдёмъ смотрѣть корабля.

Сходили, посмотрѣли да-и распростились. Салдатъ ушолъ, а тотъ при́ домѣ остался.

Ночь проспали, поутру дожидается салдатикъ записочки. Вдругъ записочка пришла салдату.

„ — Ты въ утри, другъ, какъ записочку получишь, поѣзжай; тамъ у одного хресьянина есь дѣвушка такая, какъ я; ты высватай, вели къ вѣнцу ѣхать, а моего мужа возьми тысецкимъ и самъ тоже поѣзжай къ вѣнцу".

Это онъ все и справилъ, какъ слѣдуетъ быть, и къ вѣнцу отправляется и беретъ этого короля тысецкимъ. Пріѣхали въ церковь. Королева стала подъ вѣнецъ, а эту дѣвушку отправили во дворецъ незамѣтнымъ образомъ.

Попъ и началъ вѣнчать. А король и кричитъ:

— Жонка моя!

Публика закричала:

— Какъ жонка твоя?

А салдатъ и говоритъ:

— Ваше Царско Величество, пойдемте о запуски: ежели жонка твоя, то казни мою голову, а ежели не жонка, то верни мнѣ карапь съ мѣдью.

— Ладно, давай.

— Сичасъ, говоритъ, публика, сходите, осмотрите, вѣрно ли егова жонка.

Публика сходила съ имъ, удостовѣрилась, дома ли жонка. Пришолъ онъ и скрычалъ:

— Жонка, ты гдѣ?

— Здѣсь! отвѣчатъ дѣвушка.

— Ты у вѣнца была?

— Что ты, что ты, я и съ мѣста не ходила.

Вотъ этотъ салдатъ отобралъ отъ него первой карапъ съ мѣдью.

Вотъ попъ опять сталъ вѣнчать, какъ слѣдуетъ быть. Первый разъ кругомъ налою-то повёлъ. А король опять крычалъ:

— Стой, батько, жонка моя!

— Ну, какъ такъ, какъ такъ? опять публика и скрычала, можетъ ли быть, пойдетъ ли жонка?

— Ну, король, записи сдѣлаемъ,—назадъ корапъ мой будетъ, если жонка твоя дома будетъ, а нѣтъ,—я проигралъ.

Опять публика изъ церквы маршъ королю на домъ. Пришли. Король скамандовалъ:

— Жонка? ты гдѣ бывала?

— А что ты, глупый, кричишь? Нигдѣ не была.

Ну, опять въ церьковь обратно. И второй карапъ получилъ салдатъ руской.

Священникъ свое дѣло правитъ, опять кругомъ налоя повёлъ.

— Стой, батько, не води, жонка моя!

— Что, какъ? Какъ жонка твоя? Съ какого голосу? Давай опять объ закладъ.

— Давай.

Опять сходили публика туды узнать, така ли правда. Узнали правды,—и послѣдній карапъ получилъ салдатъ, вотъ те и разъ! Пришли въ церковь, обвѣнчались и больше ни гугу! Обвѣнчался салдатъ да-й на карапъ съ хозяйкой. А король бѣжитъ и кричитъ:

— Увёзъ, увёзъ мою жонку!

Приказалъ палить пушками, а тѣ уѣхали, не схватишь. Ѣдетъ салдатъ въ свое государство. Пріѣхалъ, въ гавань стали, паруса опустили, якоря покидали. Царь выходитъ.

— Что, салдатъ, привёзъ патретъ?

— Ваше, Царско Величество, и саму привёзъ, не то что патретъ.

Вотъ тутъ и пошли пиры-балы, и стали тутъ пировать, банкѣтовать.

Онежскій у., Шелековскій приходъ Савинской волости.
Зап. отъ крестьянина Ѳ. В. Огаркова (онъ же „Ѳедорейко“). 1912 г.

---

13. Пѣтушокъ и Курушка.

Ходилъ пѣтушокъ съ курушкой на поповомъ полюшки, клевалъ попово зёрнетко. Пѣтушокъ подавилсе. Посылатъ курушку къ рѣки, говоритъ:

— Сходи, попроси воды, напьюсь.

Она пришла и говоритъ:

— Рѣка, рѣка, дай воды! Пѣтушокъ подавилсе на поповомъ полюшки поповымъ зёрнеткомъ.

Рѣка говоритъ:

— Поди, сходи къ липки, липка пушшай даётъ лисъ.

Она говоритъ липки:

— Липка, липка! дай мнѣ-ка лисъ, снесу рѣки, рѣка

даетъ воды, пѣтушокъ подавился на поповомъ полюшки поповымъ зернеткомъ.

А липка говоритъ:

— Сходи къ дѣвки, попроси нитки.

Она пришла, говоритъ:

— Дѣвка, дѣвка! дай нитки, снесу нитку липки, липка даетъ лисъ, снесу рѣки, рѣка даетъ воды, пѣтушокъ подавилсе на поповомъ полюшки поповымъ зернеткомъ.

А дѣвка говоритъ:

— Поди, сходи къ гребенщика́мъ, гребенщики пускай даютъ гребень.

Она пришла къ гребенщикамъ, говоритъ:

— Гребенщики, гребенщики! дайте мнѣ гребень, снесу гребень дѣвки, дѣвка даетъ нитку, снесу нитку липки, липка даетъ лисъ, снесу лисъ рѣки, рѣка даетъ воды,— пѣтушокъ подавился на поповомъ полюшки поповымъ зернеткомъ.

А гребенщики говорятъ:

— Поди сходи къ кала́сьникамъ, кала́сьницьки пушшай даютъ колаць.

Пришла къ кала́сьникамъ, говоритъ:

— Каласьники, каласьники! дайте мнѣ-ка колаць, снесу колаць гребенщикамъ, гребенщики даютъ гребень, снесу гребень дѣвки, дѣвка даетъ нитку, снесу нитку липки, липка даетъ лисъ, снесу лисъ рѣки, рѣка даетъ воды,— пѣтушокъ подавилсе на поповомъ полюшки поповымъ зе́рнеткомъ.

Кала́сьницьки говорятъ:

— Поди, сходи къ Черно́нюшки, Черно́нюшка пушшай даётъ молоцька.

— Она пришла.

— Цернонюшка, Цернонюшка! дай мнѣ-ка молоцька, снесу молоцько кала́сьницькамъ, каласьницьки даютъ колаць, колаць снесу гребенщикамъ, гребенщики даютъ гребень, снесу гребень дѣвки, дѣвка даётъ нитку, снесу нитку липки, липка даётъ лисъ, снесу лисъ рѣки, рѣка даётъ воды,—пѣтушокъ подавилсе на поповомъ полюшки поповымъ зернеткомъ.

А Цернонюшка говоритъ:

— Поди, сходи къ сѣнокосамъ, сѣнокосы пусь даютъ сѣна.

Пришла къ сѣнокосамъ, говоритъ:

— Сѣнокосы, сѣнокосы! дайте сѣна, снесу сѣна Цернонюшки, Цернонюшка даётъ молоцька, снесу молоцько калáсьникамъ, калáсьники даютъ колаць, снесу колаць гребенщикамъ, гребенщики даютъ гребень, снесу гребень дѣвки, дѣвка даётъ нитку, снесу нитку липки, липка даётъ лисъ, снесу лисъ рѣки, рѣка даётъ воды,—пѣтушокъ подавилсе на поповомъ полюшки поповымъ зéрнеткомъ.

Сѣнокосы говорятъ:

— Поди, сходи къ кузнецамъ, пушшай даютъ косу.

Она пришла и говоритъ:

— Кузнеци, кузнеци! дайте мнѣ-ка косу, снесу косу сѣнокосамъ, сѣнокосы даютъ сѣно, снесу сѣно Цернонюшки, Цернонюшка даетъ молоцька, снесу молоцько калáсьницькамъ, калáсьники даютъ колаць, снесу колаць гребенщикамъ, гребенщики даютъ гребень, снесу гребень дѣвки, дѣвка даетъ нитку, снесу нитку липки, липка даётъ лисъ, снесу лисъ рѣки, рѣка даётъ воды,—пѣтушокъ подавилсе на поповомъ полюшки поповымъ зéрнеткомъ.

А кузнеци говорятъ:

— Поди, сходи къ угольщикамъ, пусь угольщики даютъ угольё.

Пришла къ угольщикамъ и говоритъ:

— Угольщики, угольщики! дайте мнѣ-ка угольё, снесу угольё кузнецамъ, кузнеци даютъ косу, снесу косу сѣнокосамъ, сѣнокосы даютъ сѣно, снесу сѣно Цернонюшки, Цернонюшка даётъ молоцька, снесу молоцько калáсьницькамъ, каласьники даютъ колаць, снесу колаць гребенщикамъ, гребенщики даютъ гребень, снесу гребень дѣвки, дѣвка даётъ нитку, снесу нитку липки, липка даетъ лисъ, снесу лисъ рѣки, рѣка даётъ воды,—пѣтушокъ подавилсе на поповомъ полюшки поповымъ зéрнеткомъ.

А угольщики говорятъ:

— Поди, сходи къ дровосѣкамъ, пусь даютъ дровъ.

Она пришла и говоритъ:

— Дровосѣки, дровосѣки, дайте мнѣ-ка дровъ, снесу дрова угольщикамъ, угольщики даютъ угольё, снесу угольё кузнецамъ, кузници даютъ косу, снесу косу сѣнокосамъ, сѣнокосы даютъ сѣна, снесу сѣно Цернонюшки, Цернонюшка даётъ молоцька, снесу молоцько калáсьницькамъ

кала́сьники даютъ колаць, снесу колаць гребенщикамъ, гребенщики даютъ гребень, снесу гребень дѣвки, дѣвка даётъ нитку, снесу нитку липки, липка даётъ лисъ, снесу лисъ рѣки, рѣка даётъ воды,—пѣтушокъ подавилсе на поповомъ полюшки поповымъ зернеткомъ.

Дровосѣки дали ей дровъ.

Снесла дрова угольщикамъ, угольщики дали ей угольё, а угольё снесла кузнецамъ, кузнеци дали косу, снесла косу сѣнокосамъ, сѣнокосы дали сѣна, сѣно снесла Черноюшки, Черноюшка дала молоцька, молоцько снесла кола́сьникамъ, коласьники дали колаця, колаць снесла гребенщика́мъ, гребенщики дали гребень, снесла гребень дѣвки, дѣвка дала нитку, снесла нитку липки, липка дала лисъ, снесла лисъ рѣки, рѣка дала воды.

Пѣтушокъ напилсе. Первый разъ спѣлъ „кукореку“,—худо, вполъязыка́, второй разъ полуцце, потомъ вовсе хорошо, и поправилсе.

Онежскій у., Турчасовскій приходъ, деревня Олидово.
Зап. отъ крестьянки Натальи Ѳедоровны Шайтановой, 50 лѣтъ. 1912 г.

---

14. Иванъ-Дуракъ.

Заводятъ братья женицце. Посылаютъ Ивана-Дурака купить горшковъ. Пошолъ нашъ Иванушка, купилъ горшецьковъ. Вышелъ изъ избы́, не знатъ, какъ горшки нести. Попримѣря́лсе, попримѣрялсе,—все неловко. Взялъ колышокъ, дна́ проколотилъ, навалилъ на плецько и пошолъ.

Приходитъ домой, горшецьки объ уголъ поставилъ. Заходитъ въ избу. Мать спрашиватъ:

— Гдѣ, Ва́нюшка, горшки?

— Всѣ о́буголъ поставлены.

— Сходили, посмотрѣли.

— Вотъ, говорятъ, у глупого всѣ горшки проколо́цены, што съ такими горшкамъ сташь дѣлать.

— А глупый, говоритъ, такъ потомъ впередъ не посылайте.

Надо съѣздить за мясомъ.

— Кого, говорятъ, послать? Иванъ съѣздитъ, слободенъ.

Поѣхалъ Иванъ за мясомъ. Собацьки его любили, всё стадомъ за имъ ходили.

Купилъ онъ мяса, поѣхалъ домой. Собацьки сзади поскакиваютъ, у Ваньки мяса просятъ. А Ванька што, добрый,— всё мясо собацькамъ роздавалъ, остатню ляху́ бросилъ у избушки.

Заходитъ нашъ Иванъ въ избу. Спрашиваютъ:

— Ванька, мясо привёзъ?

— Привёзъ!

— А гдѣ?

— Собакамъ всё сдавалъ, собаки ещё сильнѣ васъ ись хочутъ.

— Ну и глупый, говорятъ.

— А глупый, такъ хто велитъ посылать?

Потомъ опять говорятъ:

— Нать ѣхать масла купить.

Опять Ваньки очередá итти. Пошолъ нашъ Ванька за масломъ. Масла Ванька купилъ. Идётъ домой съ пѣсенкамъ. Шолъ-пошолъ, до рѣки дошолъ. Увидѣлъ: на рѣки такá больша шшель, розóрвало морозомъ.

— Што, говорить, надо замазать, штобы хто не провалилсе.

Взялъ да и началъ замазывать, масла не хватило.

Приходитъ домой.

— Ну што, Ваня, купилъ масло?

— Купилъ.

— А гдѣ оно?

— А шолъ по рѣки,—эка шшель больша разодрана, дай, думаю, замажу, измазалъ всё:

Они и говорятъ:

— Глупый, дакъ што сташь съ глупымъ розговаривать.

А онъ имъ всё своё:

— Глупый, дакъ впередъ потомъ не посылайте.

Онежскій у., Турчасовскій приходъ, деревня Олидово.
Зап. отъ крестьянки Натальи Ѳедоровны Шайтановой, 50 лѣтъ. 1912 г.

15. Медвѣдь и старуха.

Поѣхала бабка въ лѣсъ. Медвѣдь напалъ на бабку и говоритъ:

— Я тебя, бабка, съѣмъ.

— Не ѣшь, медвѣдь, я тебѣ дамъ крѣпу́шку.

Медвѣдь выпустилъ бабку изъ лапъ.

Опять бабка поѣхала въ лѣсъ. Медвѣдь опять схватилъ бабку и говоритъ:

— Я тебя, бабка, съѣмъ.

— А не ѣшь, говоритъ, я тебѣ дамъ теплу́шку.

— Ладно.

Потомъ опять бабка поѣхала за дровамъ, а медвѣдь тутъ какъ тутъ.

— Я тебя, бабка, хочу съись.

— Не ѣшь, я тебѣ дамъ пото́мбалку.

Медвѣдь отпустилъ бабку.

Вотъ онъ приходитъ къ избушки и стучится.

— Бабка, бабка, дай мнѣ крѣпу́шку.

— Изба крѣпко заперта, медвѣдь.

Опять приходитъ и стучитъ:

— Бабка, подавай мнѣ теплушку.

— А тепло бабки на печки сидѣть.

Подождалъ немножко и снова стучитъ:

— Бабка, бабка, отдай мнѣ пото́мбалку.

— А потомъ бабка въ лѣсъ не поѣдетъ.

Онежскій у., Турчасовскій приходъ, деревня Олидово.
Зап. отъ крестьянки Натальи Ѳедоровны Шайтановой, 50 лѣтъ. 1912 г.

---

16. [Котъ, дроздъ, пѣтухъ и лиса].

Бывало-живало. Котъ да дроздъ, у нихъ никого нѣтъ окромѣ одного пѣтушка. Котъ да дроздъ жили пожили, пошли дровъ въ лѣсъ рубить, а пѣтушку сказали: мы пойдёмъ далёко въ лѣсъ дровъ рубить, а ты у насъ смотри, сиди дома и не выглядывай изъ подшесто́чья. А вострая лиса ковда учула, прибѣжала къ пѣтушку подъ окошко и запѣла: пѣтушёкъ, пѣтушёкъ, золотой грѣбешёкъ, маслена

бородка, зелёной хвостъ, выглѣнко за окошечко, склюнь горохово зёрнятко. Пѣтухъ таковъ и былъ, выскочилъ на улицу, а Лисà схватила его въ охáпку, и побѣжала домой. Пѣтушёкъ и закричалъ громко: Коты, коты, коты! Дрозды, дрозды, дрóзды! унесла меня Лисà за тёмныя лѣсà, за зыбучія болота, за высокія угоры! Котъ бѣжитъ, дроздъ лѣтитъ—ухватили пѣтушка и унесли. Опѣть жили пожили схожа братья; долго-ли коротко-ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣется, и опѣть котъ да дроздъ придумали въ лѣсъ ити дровъ рубить, а пѣтушку заказали: ну смотри, у насъ дома сиди, и не выглядывай изъ подшестка. Лиса придіó, унесіó тибя. Какъ надумались, такъ и сдѣлали, наклали кузовъ и потащились въ лѣсъ, а лиса какъ тутъ была, прибѣжала подъ окошко и запѣла: „Пѣтушёкъ, пѣтушёкъ, золотой грѣбешекъ, маслена бородка, зелёной хвостъ, выглѣнь-ко за окошечко—я дамъ тобѣ пщонки на бѣлой скатёркѣ. Пѣтушёкъ выскочилъ пщёна клѣвать, а Лиса тутъ ево и хвать, понесла домой, а пѣтухъ порато закричалъ: коты, коты, коты! дрозды, дрозды, дрозды! унесла меня лиса за тёмныя лѣса, за зыбучія болота, за высокія горы. Вотъ и котъ бѣжитъ, дроздъ лѣтитъ, отняли у Лисы пѣтушка и унесли опѣть домой. Опóслѣ долго жили всѣ вмистѣ, и опѣть котъ и дроздъ надумались въ лѣсъ ити, и говорили пѣтушку: мы топéрече далекó у́идёмъ въ лѣсъ и долго домой не будемъ, ты сиди дома и негляди за окошко, штобы Лиса тибя не унесла. И назавтра собрались и пошли въ лѣсъ, а пѣтушёкъ дома остался. Лисѣ неспитсѣ—захотѣла сама и дѣти пообѣдать, а незнатъ того урока: повадился кукшинъ по воду ходить, тутъ ему голова положить,—вмигъ обвернулась да побѣжала къ пѣтушку, а пѣтушекъ дома попѣваетъ: ко-ко-рѣку! и подъ тонъ ево Лиса унывно затянула: пѣтушёкъ, пѣтушёкъ, золотой грѣбёшёкъ, маслена бородка, зеленой хвостъ—выглянь-ко за окошечко, поповы-то рибята разсыпали пщеницу, курицы берутъ, пѣтухамъ не даютъ“. Ко-ко-ко! какъ не даютъ!. Выскочилъ пѣтухъ изъ избы, а Лиса схватила и потряслась съ пѣтухомъ домой. Лиса бѣжитъ, торопится, а пѣтухъ кричитъ безутишно: коты, коты! дрозды, дрозды, дрозды! унесла миня Лиса за тёмныя лѣса, за дремучія бугры́, за зыбучія болота, вотъ и другой и третій наконъ кричитъ онъ, и зо

всей мочи. Котъ и дроздъ пѣтушка голосу не чуютъ, и не знаютъ, что дѣется дома. Пришли домой, а пѣтушка нѣтъ,— схватились, и за Лисой въ путь пустились. Домой ушла Лиса, обѣдъ дѣтямъ принесла. Варить думали пѣтуховы кости, а вотъ застигли гости: котъ и дроздъ пришли къ лисѣ подъ окошко... взявъ съ собою подъ пѣтушка лукошко. И затянули: „трѣнь, брѣнь гусельци! трѣнь, брѣнь, звончатые! дома-ли олисава живіо, дома-ли красава живіо! У ней первой сынъ Терёшка, другой сынъ Мелёшка, третьяя дочь Парацёлка!“ Лиса учула напѣвъ и послала большого сына спросить, кто тамъ надъ нами издѣвается. Терёша вышелъ смотрѣть, а котъ и дроздъ подхватили его и заперли въ баню, и опѣть запѣли своё: трѣнь, брѣнь, гусельцы, трѣнь, брѣнь, звончатые, дома-ли Лиса живетъ, дома-ли красотка живетъ! У ней первой сынъ Терешка, другой сынъ Мелешка, третья дочь Парацёлка“. Поди-ко, посмотри Мелёшка, кто такъ галится надъ нами, дала приказъ другому сыну Лиса. Тотъ пошелъ, а они и того схватили да заперли въ баню, сами опѣть затянули свою голосянку: трѣнь, брѣнь, гусельци, трѣнь, брѣнь, звончатые: дома-ли Олисава живётъ, дома-ли красава живё, первой сынъ Терёша, другой сынъ Мелёша, третья дочь Парацёлка“. Разнѣвавши на то Лиса, послала дочь спросить, что за люди тревожатъ ее? Парацёлка вышла посмотрѣть, а котъ и дроздъ и ту схватили и заперли въ баню, а сами по старому запѣли: „Трѣнь, брѣнь, гусельци, трѣнь, брѣнь, звончатые! дома-ли Лиса живётъ, дома-ли красна живётъ, у ней первой сынъ Терёша, другой сынъ Мелёша, третьяя дочь Парацёлка“. Лиса разъяривши, что пѣваки поютъ, неперестаютъ и дѣточекъ ее къ сибѣ приголубили, свернувши сама выскочила подъ окно, а котъ и дроздъ и саму Лису схватили, уши нарвали, хвостъ отрѣзали, заперли въ баню и баню зажгли, и Лиса съ дѣточками сгорѣла, не скушавши Пѣтушка. А они посадили пѣтушка въ лукошко и принесли домой, и стали жить да богатѣть и теперь поживаютъ. Кто сказку слушалъ, тому золото въ уши.

Шенкурскій у.

17. Вавило Московскій.

Антоній жилъ въ пустынѣ 30 лѣтъ и говоритъ разъ:—Господи, чему я подобенъ? Богъ отвѣчаетъ:—Вавилѣ Московскому.—Онъ и пошелъ въ Москву. Пришелъ:—гдѣ Вавило Московскій? Сказали, что Вавило Московскій комедитъ. Тотъ узналъ:—что убоялся меня? Пойдемъ вмѣстѣ въ гости ко мнѣ. А онъ жилъ съ женщиной.—Принеси, сестра, 3 кушанья: хлѣба, соли, воды. Она приготовила три кушанья. Поужинали. — Ложитесь спать. — Ихъ положили на кровать съ желѣзными гвоздями. Показалась ему одна ночь за тридцать годовъ. Вавило Московскій говоритъ: — посмотри себя, обуй сапоги мои; а у него все гвозди наколочены, и подошвы до костей проколочены. Такъ спасается. Какъ гостей нѣтъ, такъ и хлѣба и води. Пляшетъ—тѣло свое пріучаетъ.

Шенкурскій у., деревня Брюховская.

---

18. [Мудрые отвѣты].

Пришелъ женихъ дѣвку сватать, а она была одна, бучила бѣлье (была не одѣта, въ одной рубашкѣ) и говоритъ жениху:—плохо, когда у жениха носа нѣтъ сопли высморкать, да у двора ушей нѣтъ (собаки не было). Надѣла сарафанъ и посадила жениха за столъ, онъ и началъ таскать говядину по два куска. Дѣвка и говоритъ:—у насъ былъ меринъ по два бревна таскалъ да и пропалъ. Женихъ спрашиваетъ:—Гдѣ у тебя отецъ?

— Ушли старымъ молодое обманывать (сѣять: зерно старое,—а молодое выростетъ).

— Гдѣ мать?

— Ушла взаймы плакать (причитальницей, а потомъ къ ней прійдутъ).

— Гдѣ братья?

— Ѣздятъ взадъ и впередъ (пашутъ). Домой пришелъ, его и спрашиваютъ: былъ у невѣсты?—Былъ, да невѣста шальная.

Шенкурскій у., деревня Брюховская.

---

19. [Мудрые отвѣты].

Старый старикъ оретъ поле. Ѣдетъ баринъ и говоритъ старику:—Что, старина, самъ орешь?—Оттого, что поздно всталъ.—Ты бы раньше всталъ.—Я и рано всталъ да споткнулся.—Ты бы вдругорядъ всталъ.—Я и вдругорядъ всталъ, да поткнулся.—Я и третій разъ всталъ,—сталъ поздно, маленькія мошки подъѣдаютъ ножки.—Я пошлю тебѣ два сокола, можешь-ли ты отеребить?—Отереблю да и веху въ [illegible] забью.

Баринъ отъѣхалъ и спрашиваетъ своихъ кучеровъ и лакея: отгадайте эту загадку, если не отгадаете—вамъ смерть. Лакей съ кучеромъ вернулись къ мужику:—Разскажи, что это значитъ? Мужикъ говоритъ:—дайте по сту рублей, по ремню изъ спины, да изъ [illegible] по пряжкѣ, тогда скажу. Они согласились.—Поздно орю: рано женился—умерла баба, и другая, и третья; отъ третьей дѣти малы ѣсть хотятъ, а соколы лакей съ кучеромъ. Баринъ раздѣлъ и увидѣлъ.

Шенкурскій уѣздъ.

---

20. Беззаботный монастырь.

Ѣхалъ царь и видитъ беззаботный монастырь. Добрался до архимандрита и говоритъ:—Что же у тебя беззаботный монастырь? царь говоритъ:—я загадаю вамъ загадки, если отгадаете, я оставлю вамъ монастырь, а то разорю.—До неба высоко ли? Много ли звѣздъ? Глубоко ли въ землю? Чрезъ три дня отгадай. Архимандритъ думалъ, думалъ—никакъ не можетъ отгадать; приходитъ къ нему мельникъ.—Что ты задумался? Архимандритъ разсказалъ. Мельникъ говоритъ:—давай мнѣ свою ряску, а ты иди на мельницу. Чрезъ три дня идетъ царь, а мельникъ стоитъ да палочкой помахиваетъ. Царь спрашиваетъ:—Что ты дѣлаешь?—Да вотъ звѣзды считаю.—Сколько же?—1,600,000 звѣздъ.—Врешь!?—Ну самъ сосчитай.—Высоко-ли до неба?—Да не больно высоко: тамъ гремитъ, а здѣсь откликается.—Глу-

боко ли въ землю?—Да глубоко: у меня мать девятый годъ ушла да не вернулась еще. Онъ царю понравился и сдѣлалъ его архимандрикомъ, а архимандрика мельникомъ.

Шенкурскій у.

---

21. Объ Юдѣ предателѣ.

Юда родился отъ (отецъ) Рубимъ, а мати Цигарья. Она была беременна и увидѣла во снѣ, кто-то сказалъ: „у тебя зародится злы сынъ, всему міру пагуба".

Она велѣла ему брюхо распороть, въ бочку заколотить да на море спустить. Такъ и сдѣлали. Закупорили въ бочку и спустили на море. Прибило бочку къ Скаріотскому острову.

На Скаріотскомъ островѣ былъ дѣвій монастырь. Пошли дѣвы гулять, нашли бочку. Раскупорили: ребенокъ съ распоротымъ брюхомъ. Донесли игуменьшѣ. Та велѣла принести, брюхо зашить. Стали кормить. Дали ему имя Юда. Юда выросъ и сталъ все назло дѣлать. Его выгнали. Онъ пришелъ къ барину и нанялся сады караулить. Стали въ сады воровать ходить. Отецъ его пришелъ, Юда убилъ. На матери женился: она привела его въ домъ къ себѣ. Легли спать. Она и стала сказывать: что такъ и такъ было дѣло. Юда догадался, посмотрѣлъ на брюхо: рубецъ. Онъ отъ матери убѣжалъ.

И присталъ тутъ къ Христу въ апостолы.

Шенкурскій у.

---

22. О царѣ Соломонѣ.

Ѣхали двѣ бабы. Одной бабы была лошадь, а другой—телѣга. Во время пути родился жеребенокъ; бабы и стали спорить, чей жеребенокъ. Одна говоритъ, лошадь принесла, а другая—телѣга. Спорили-спорили и пошли къ царицѣ судиться. Царица присудила жеребенка той бабѣ, которой принадлежала телѣга (телѣга родила, царица сказала). Татъ по́ матѣ, б . . дь по́ б . . дѣ. Она осердилась. Родила, да приказала зарѣзать. Сердце вынуть да и приказать ей принести кушать Его понесли рѣзать.

Соломонъ: принесите. Соломонъ: меня вы не рѣжьте, отнесите, положьте къ мужику въ солому. Отнесли. Зарѣзали щененка. Принесли матери сердце. Та понюхала:—песъ былъ-де, псиной и пахнетъ. Пріѣхалъ мужикъ по солому да и сталъ вилами класть. Соломонъ: не заколи меня. Мужикъ испугался. Взялъ ребенка къ себѣ. Имя дали Матвѣй и окрестили. Матвѣй скоро сталъ рости. Дѣти играть стали.—Тварь уймись, кричатъ ребятишки лягушкѣ. Съ чьего слова уймется тварь, тому царемъ быть. Всѣ кричатъ. А Матвѣй вдвойнѣ и уймутся. — Быть тебѣ царемъ. Играютъ на палочкахъ—въ лошади. Сѣно даютъ. Кто украдетъ лошадь, къ Матюшѣ судить. Много Матвѣй повѣсилъ на висѣлицу: сѣно крадутъ, такъ спуску нѣту. Стали ругать мужика, что такого сына держитъ. Согнали его со двора. Нанялся Матюша коровъ пасти. Пришелъ слухъ къ царю, что сынъ живъ. Царскихъ слугъ въ каретѣ послалъ. Слуги ѣдутъ, а Матюша у рѣки сидитъ, вшей бьетъ, въ рогъ играетъ и с . ретъ—все въ одно время дѣлаетъ. Они и спрашиваютъ: много ли скотинъ? Молчитъ.—Глубоко-ли за рѣку? Молчитъ.—Дорога ли наша карета? Молчитъ.—Ѣшь? Молчитъ.—Въ турій играешь? Молчитъ.—Что молчишь? Онъ вдругъ и сказалъ на все:—Сто Матвѣй (сто скотинъ) по колѣнъ. Вново прибавляю (ѣстъ), старо убавляю (. . ру), а невѣрной силой (вши) управляю. — Дорога ли карета?—Одинъ разъ въ ротъ положить,—ваша карета не стоитъ. Они заворотились и уѣхали къ царю. Пріѣхали. Царь:—нашли?—Нѣтъ.—Кого видѣли? — Шального видѣли: вшей бьетъ, ѣстъ, въ туръ-рогъ играетъ. Мы спросили... Они разсказали все.

Шенкурскій у.

Словарь къ сказкамъ Архангельской губерніи.

Ашла́къ—воротникъ.
Бажёной—избалованный.
Баса́—красота.
Беричо́во—погостъ въ Онежскомъ уѣздѣ.
Бесёдка—передокъ.
Большаха́нскій—огромный.
Ва́лъ—волъ.
Вы́ть—ѣда. Изъ выти выходить—ощущать голодъ.
Гали́ть—дивить, смѣшить.
Гора̀—суша.
Доло́нь—ладонь.
До́мъ, домови́ще—гробъ.
Едва слово-то знать—едва можно разслышать слово.
Езъ—заборъ въ рѣкѣ.
Жижлу́ха—ящерица.
Жировàть—жить.
Жи́хорь—домовой
За́полёкъ—небольшая пожня поблизости деревни.
Заста́та—заперта.
Зобёнка—корзина.
Кёрста—могила.
Козенки́—сгибъ суставовъ.
Колòднина, колодня́къ—валёжникъ.
Косьё—кости.
Ла́тка—глиняный горшокъ.
Ленёкъ—веревка, ремешокъ.
Лепёсье—лепестки, куски, клочья.
Ля́га—лужа.
Ляха́—ляшка, край, кусокъ.
Ма́рда—мерёжа.
Ма́ркомусы—деревня въ Онежскомъ уѣздѣ.
Мяку́шить—дубасить.
Намётка—трёпка, порка.
На́ть—надобно.
Нежёлобну—ту, которую не жаль.
Незго́да—бѣда, напасть.
Обàбокъ—грибъ съ мягкой бохрамой.
Око́лёнка—рама.
Окухна́ть—обругать
Опо́ка—мучная пыль на мельницѣ.
Островъ—поляна въ лѣсу.
Пади́на—падаль.
Па́ужинъ—третья ѣда въ теченіе сутокъ, около 4 час. вечера.
Пестёрь—ранецъ изъ бересты.
Площа́точка—дощечка.
По́дволока—чердакъ.
Подоро́жнички—небольшія лепешки изъ хлѣба.
Подшесто́къ—курятникъ.
Подшесто́чье—подпечка.
Порàто—очень, гораздо.
Поро́зный—порожній.
Посво́иться—присосѣдиться.
Пото́къ—идущій вдоль нижняго края крыши желобъ.
Прекрути́ть—прекратить.

Пришавéлось—приснилось.
Прорéчье—рѣчь.
Пýли—сопли.
Рéмбать—выть.
Рыть—бросать.
Сáрга—тонкія волокна, нити.
Скокýха—лягушка.
Сузéмокъ—лѣсная мѣстность.
Тýисъ, туисóкъ—ведерко изъ бересты.
Угóръ—холмъ.
Ýрма—уйма.
Харьчáть—ворчать.
Шóрнуть—потереть.

Вологодская губернія.

23. Башмачникъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ-былъ государь Христоферъ Скурлатовичъ; жилъ онъ хорошо, исправно, велъ свою жизнь добро. Въ одинъ разъ сидили онѣ въ номерахъ со своей государонеи и сказавъ онъ ей: „какъ я замичаю, што въ городѣ всякихъ мастеровъ достаточно, а нѣтъ хорошово башмашника". Она отвичала ему: „это дѣло не мое, а твое". Онъ тотчасъ скричавъ дворечково. Дворечкой являетчо: „чово, государь, угодно?" „Послушай, дворечкой! у насъ въ городѣ всякихъ мастеровъ довольно, только нѣтъ при дворѣ хорошово башмашника; сходи въ городъ, найми чеховово мастера и приведи ко мнѣ; у меня есть мальчикъ Зоря Кручининъ, такъ я отдамъ ево въ обученьё". Дворечкой выслушавъ, одивсе почищо и пошовъ въ городъ, нашовъ чеховово мастера и говоритъ ему, што нашъ государь Христоферъ Скурлатовичъ васъ требуетъ". Башмашной чеховой мастеръ одивсе почищо и являетсе къ государю, тотъ и говоритъ: „Вотъ у меня есть мальчикъ, Зоря Кручининъ, ты возьми ево и обучи мастерству, я тибѣ заплачу". Чеховой мастеръ отвитивъ: „Государь! приведите мальчика". Дворечкой бросивсе, привелъ мальчика и передавъ чеховому мастеру; тотъ получивъ мальчика и сказавъ: „прощайтё, государь!" и отправивсе въ свое мѣсто.—Такъ мальчикъ жпвъ у ево три года и научивсе шить сапоговъ оченно хорошо. Вотъ чеховой мастеръ и доложивъ государю Христофору Скурлатовичю, што вашъ мальчикъ шьетъ хорошо.

Государь, услышавъ это, приказавъ мальчика привести во дворецъ; когда-жо мастеръ приводитъ мальчика, то государь сказавъ: „Дворечкой! сходи въ городъ и купи товару всяково, какой для ево требуетсе". „А ты, Зоря Кручининъ,

послушай,—говоритъ ему государь,—сшей мнѣ 12 паръ башмаковъ!" Дворечкой принесъ товару, вотъ Зоря Кручининъ и ставъ шить, кроить 12-ть паръ башмаковъ. Такъ онъ сшивъ 12-ть паръ башмаковъ чисто, превосходно, отлично; приноситъ къ государю и говоритъ: „Вотъ, государь, башмаки готовы!" Государь принявъ башмаки, смотривъ, вертивъ, изъ двѣнадчети паръ едная ему не понравилась. Сказавъ государь: „Ты мнѣ сшей ищо 20 паръ башмаковъ, и если ты ихъ экъ сошьёшь, не одна пара не погодитсѐ, то я вышлю тебя изъ города". Зоря Кручининъ пошовъ невеселъ, што работа ево не понравилась государю. Сшивъ онъ и 20-ть паръ башмаковъ чисто, превосходно, отлично, и приноситъ ихъ къ своему государю. Государь принявъ башмаки, смотрѣвъ, глядѣвъ, перевёртывавъ и изъ 20-ти паръ едная ему не понравилась. Сказавъ государь: „такъ будешь работать, такъ выходи изъ нашово города вонъ!"

Дѣлать нечово; Зоря Кручининъ обрядивсѐ и пошовъ изъ города вонъ; а когда-жо онъ пошовъ, то на выходѣ изъ города стоявъ кабачокъ; сравнявсе съ этимъ кабачкомъ, оттуда выходитъ незнакомый и говоритъ: „Здраствуй, Зоря Кручининъ!" Онъ ему отвѣчаетъ: „Какъ-жо ты меня знаешь, а я тебя не знаю?" „Ну, вотъ, говоритъ, я тебя давно знаю!... А што-жо ты, Зоря Кручининъ, не веселъ?" спрашивавъ незнакомець. „А вотъ, братъ, потому я невеселъ, што своему государю не понравившсѐ въ работѣ; ежели бы чортъ бывъ, и тому, кажетцѐ, понравившсе бы въ работѣ, а государю не могу". Незнакомецъ ему говоритъ: „я вѣрно чортъ!" „Почому можно удостовирить, спрашиваетъ Зоря Кручининъ, што ты вѣрно чортъ?" „Ахъ, братецъ, какой ты невѣрной! а вотъ зажмурь глаза, отойди на три шага, я отолью тибѣ пульку!" Тотъ отошовъ. Вотъ чортъ и говоритъ: „Зоря Кручининъ! открой глаза, смотри!" Зоря смотритъ и видитъ, что сертукъ на сибѣ оказавсе такой убранной, што отличной. Вотъ Зоря и говоритъ: „Нѣтъ, братъ, я не увѣренъ, што ты чортъ, ты мазурикъ какой нибудь.— Какъ ты могъ такъ скоро меня переодить?" Чёртъ опѣть говоритъ: „Зажмурь и во второй разъ глаза!" Тотъ зажмуривъ. „Ну, топерь, говоритъ, открой-жо, Зоря, глаза!" Когда Зоря Кручининъ открывъ глаза, передъ нимъ стоитъ такой

дворецъ убранной, што лучше государева. Спрашиваетъ Зоря: „кому принадлежитъ такой дворецъ?“ А чортъ ему говоритъ: „Пожалуйте мнѣ вашу руку и пойдемте во дворецъ!“ Когда-жо онѣ пришли во дворецъ и замичаетъ Зоря Кручининъ, што во дворцѣ убранство, просторство—ахъ, мача-куча! Вотъ Зоря Кручининъ забавлявсе тутъ три дни, а на четвертой подходитъ къ нему чортъ и спрашиваетъ: „Ну, што, хорошо здись жить?“ „Да, говоритъ Зоря, хорошо“. Чортъ опѣть спрашиваетъ: „А хочешь-ли, Зоря, жонитсѣ? Я тебя жоню“. „А гдѣ-жо, говоритъ, ты меня жонишь?“ „У вашево государя, говоритъ чортъ, есть доць Догада, я на ней тебя жоню!“ „Охо!-хо! захохотавъ Зоря Кручининъ,—это, братъ, говоритъ, хорошо, я согласенъ!“ Тогда чортъ сказавъ: „Ну, такъ пойдемъ изъ дворця“. Вышли онѣ изъ дворця, а тутъ стоитъ конюшенка, а въ ней двѣ лошади, чортъ и говоритъ: „уздай и сѣдлай про себя лошадь!“ Вотъ Зоря взявъ войлочокъ косящатой, сидѣлышко черкаское, плетку шовку шемыханскова, обсѣдлавъ, обуздавъ, совсѣмъ исправилъ лошадь. Вотъ они сили на лошадокъ и отправились. Ѣдучи дорогою и говоритъ ему чортъ: „Послушай, Зоря Кручининъ! вотъ мы пріидемъ къ вашему государю Христофору Скурлатовичу, а у ево прежде твоево сватавсѣ князь Дардаванъ; у ево бывъ слуга Притычкинъ, такъ ты меня зови Притычкинымъ. Когды пріидемъ ко дворцю, то государь выйдетъ встричать, ты обходись съ нимъ почище, высоко не задѣвай и низко не оставляй. Вотъ когды поведутъ тебя въ столовую горницю, государь скажетъ: „послушай, мой любезной Дардаванъ! Какъ жо вы лошадей не привязали и некому не сказали? кто уведетъ ихъ—я отвичеть не буду“. Ты тогды меня и крикни: Притычкинъ! и ткни меня ногой такъ, штобы я перевернувсе“. Пріѣхали. Государь смотритъ въ окно, видитъ—отличной кучеръ, вышовъ встричеть, взявъ гостя за руку и пошли въ столовую горницю; ѣдучи государь и говоритъ: „Послушай, любезной Дардаванъ! лошадей вы не привязали и некому не заказали, кто уведетъ ихъ,—я отвичеть не буду“. Вотъ Зоря крикнувъ: „Притычкинъ!“ Тотъ подскочивъ, онъ ему давъ таково пинка, што тотъ кубарей петь давъ! Вотъ пришли во столовую горницю, сили за столы дубовые, пьютъ, ѣдятъ, веселятсѣ. Когды

вышли изъ-за столовъ, то Зоря Кручининъ и сказавъ: „Государь, сходи-ко въ дочерную половину и скажи ей, што я въ севоднешній день хочу вступить въ бракъ съ ней". Государь пошовъ къ дочерѣ и сказавъ: „сряжайся, любезная моя дочь Догада! одѣвайся въ драгоцѣнное платье; въ севоднишній день хочетъ вступить въ бракъ съ тобой князь Дардаванъ"... Она сказала ему: „послушай, батюшко! не торопись; это пріѣхавъ не князь Дардаванъ, а Зоря Кручининъ нашъ". „Можотъ-ли быть? сказавъ государь. „Вѣрно онъ,—отвичала она;—вотъ если ты хочешь удостовирить(ся), сходи, попроси, штобы онъ здись ночовалъ у насъ; если онъ согласитсе ночевать, то я отведу ему спальню и зажгу люстру о множествѣ свичь"... Въ это время, когда государь ушовъ къ дочерѣ на половину, Притычкинъ подскочивъ къ Зорѣ и шепчотъ ему на ушко: „Вслучаѣ государь придетъ отъ дочери и будетъ просить насъ у ево переночовать, ты согласись. Когда-жо насъ онъ поведетъ въ спальну, и мы будемъ въ спальнѣ, то про тебя будетъ излажена постеля золотоубранная; люстра повѣшена будетъ о множествѣ свиць; ты когда подойдешь къ постелѣ—вскрици: Притычкинъ! Я подскочу, ты и дай мнѣ въ ухо такую бляблю, штобы я перевернувсе, и говори мнѣ: „ты развѣ не знаешь, што я не сплю на чужихъ постеляхъ? Гдѣ моя дорожная стопудовая постеля и гдѣ мой драгоцѣнной камень?" Притычкинъ скрывсе.

Вотъ какъ сказавъ Притычкичъ, такъ все и сдѣлалось: приходитъ государь и проситъ ево ночевать; онъ согласивсе. Послали ему постелю золотоубранную, повисили люстру о множествѣ свиць, онъ и вскричавъ: „Притычкинъ!" И далъ ему въ ухо, говоря: „ты развѣ не знаешь, што я на чужихъ постеляхъ не сплю? гдѣ моя дорожная стопудовая постеля и мой драгоцѣнной камень?" Вотъ эту постелю приказали убрать, а послали свою стопудовую, приказали потомъ затушить и люстру, а положили на столъ драгоцѣнной камень— лутше многово множества свиць! Зоря Кручининъ залезъ на постелю и поваливаетсе ужъ спать; Притычкинъ подскочивъ, сапоги сдергиваетъ. Пришовъ государь и говоритъ: „любезной мой зять, князь Дардаванъ! спокойна тибѣ ноць и пріятной сонъ!" И Зоря пожелавъ государю тово-жо. Государь ушовъ, а Притычкинъ сунувсе

куда-то въ уголокъ. Когда пробило одинъ часъ за повночь, то ее высочество Догада послала одну служанку: „Пойди, сходи, возьми у нихъ драгоцѣнной камень и принеси мнѣ!“ Нянька ужо подошла къ дверямъ, гдѣ онѣ опочивали, слушаетъ: храпятъ, ну, думаетъ, спятъ; отворила двери, взяла со стола драгоцѣнной камень и скоро обратилась назадъ, штобы выдти изъ комнаты вонъ. Вдругъ откуда не возьмись—Притычкинъ: „Ахъ, сударыня! говоритъ, это не хорошо воровать такіе вещи, какихъ во всемъ вашемъ городѣ нѣтъ“... Она сказала: „Притычкинъ, отпусти пожалуста! я обложилась, не въ ту комнату зашла“. Онъ сказавъ ей: „Не оправдывайся! Не хочошь-ли я о такомъ вашемъ поступкѣ доложу Христофору Скурлатовичу? Расплатись, сударыня! не то я васъ не уважу, не отпущу“. Она отвичеетъ: „Чѣмъ-жо мнѣ расплатитсе, Притычкинъ, у меня и денегъ нѣтъ?“ „Такъ оставте закладець!“ „Да какой я оставлю закладець?—у меня нечево нѣтъ“. Онъ говоритъ: „Сними съ себя юбочку-тѣлогрѣйку и курточку, да съ головы платокъ!“ Дѣлать нечево, сняла съ себя служанка юбочку-тѣлогрѣйку, курточку и платокъ. „Ну, говоритъ, судароня! теперь иди да больше не приходи къ намъ“. Притычкинъ положивъ это сибѣ взголовье, не надо и подушка!

Вотъ эта самая Догада, какъ только пробило четыре часа, посылаетъ опѣть вторую служанку: „пойди, говоритъ, онѣ теперь ужъ спятъ“. Вторая служанка сходила и тожо счастье получила, што и первая; Притычкинъ опѣть взявъ закладець; вотъ ужъ у ево и постеля готова! Вотъ пробило ужъ пять часовъ, ее высочество сама изволила идти, штобы украсть драгоцѣнной камень. Вотъ она приходитъ въ эту самую комнату, подходитъ къ столу, беретъ драгоцѣнной камень,—только бы идти назадъ, а Притычкинъ тутъ, какъ тутъ! „Ахъ, ваше высочество! это нехорошо: всю ноць безпокоите насъ, хочете украсть такую вещь, какой во всемъ вашемъ городѣ нѣтъ“. Она тогды ему и говоритъ: „Ахъ, Притычкинъ! отпусти пожалуста; я съ глупа это сдѣлала“... „Нѣтъ, нѣтъ, сударыня! говоритъ Притычкинъ, — ты не оправляйсе этимъ... Расплатись со мной, тогды я васъ отпущу, а то не уважу“. „Ахъ, Притычкинъ! да у меня денегъ нѣтъ расплатитсе съ тобой,—говоритъ она, а При-

тычкинъ знай-себѣ держитъ ее. „Тогда, сударoня, оставте закладець!“ „А што я вамъ оставлю, Притычкинъ?“ „А вотъ што, говоритъ: юбочку-тѣлогрѣйку, курточку и съ головы платокъ!“ „Ахъ, да это не хорошо! говоритъ. „Што дѣлать, ваше высочество! не туды зашли, такъ больше и не ходите сюда!“ Дѣлать нечево она сняла все это и со стыдомъ ушла вонъ. Вотъ Притычкинъ наживъ себѣ и одіяло! Потомъ закрывъ онъ двери и легъ спать, некто ужъ больше не приходивъ.

По утру, когда солнце взошло и заря была чисто-багряна, государь, видя, што солнце взошло, пошовъ въ комнату будить князя своево, поздравлѣётъ ево съ веселымъ днемъ, и онъ обратно такъ-жо. Вотъ онѣ пошли въ столовую горницю, начели пить, исть, веселитцё. Вотъ Зоря Кручининъ и говоритъ: „Государь! сходи въ дочерную половину и скажи, штобы обряжалась въ свое платье, я сичасъ желаю вступить съ нею въ бракъ, а не то отъѣду въ свои предѣлы галилейскіе“. Государь пошовъ къ ней и сказавъ: „Сряжайсе, любезная моя Догада, не то князь хочотъ отъѣзжать въ свои предѣлы“. Она ему сказала: „Не торопись, батюшко! Это не князь Дардаванъ къ намъ пріѣхавъ, а нашъ Зоря Кручининъ“. „А какъ ево ты можешь приличить (уличить), што не князь Дардаванъ?“ “А вотъ што, пойди загони ему загадку“...

А когда государь ушовъ въ дочерную половину, то Притычкинъ подошовъ къ Зорѣ и шепнувъ на ушко: „когда государь придетъ оттуда и скажетъ: „вотъ што, любезной зятюшко! я загану тибѣ загадочку“, ты ему и говори обратно: „Государь мой! я не могу вашихъ загадокъ отгадывать, только я слыхавъ отъ папеньки своево, оченно забавную загадку“... Онъ тибѣ и скажотъ: „Братъ, послушай, загани пожалуста; у насъ вѣдь плохія загадки, у васъ лутше нашихъ, я послушаю“. Ты вотъ и розскажи про ноць-ту!“ Какъ сказавъ Притычкинъ, такъ все и сдѣлалось. Вотъ Зоря Кручининъ ему (государю) и загадываетъ: „Я ночешную ночь почивалъ въ вашей спальнѣ, мнѣ (и) снилось во снѣ, што я въ вашемъ саду гулявъ сей ночи, и снилось, што я тамъ поймавъ три козы и съ трехъ козъ снявъ девять кожъ“. Вотъ Государь выслушавъ это, не разгадавъ; тогда Зоря и говоритъ ему: „Ты, государь, какое-жо

имѣешь управленіе въ своемъ дворцѣ: я почивалъ у васъ эту ночь, а дочь ваша хотѣла украсть у меня драгоцѣнной камень, и приходи(ли) вотъ три козы и оставили вотъ по три кожи", и подаетъ ему ихъ одежды.

Государь, выслушавъ такой разговоръ, побѣжавъ къ дочерѣ на ея половину и закрицявъ: „Сряжайсе поскорѣе въ свое драгоцѣнное платье; ты вотъ какъ дѣлаешь, — хотѣла украсть у гостя драгоцѣнной камень!.."

Она тутъ ужъ не могла отдутсе, одѣлась въ свое драгоцѣнное платье и бракосочеталисе.

Вельскій у., дер. Давыдовская въ „Хмельникахъ".
Зап. со словъ Ф. Старцева. 90-е годы.

---

24. Колдунъ и Анастасія прекрасная.

Жилъ-былъ старичӧкъ со старухой и былъ у нихъ одинъ сынъ. Вотъ онѣ сидили и ужинали, разговаривали со старухой. Старуха ему и говоритъ: „Вотъ, што, старикъ! отдадимъ мы мальчика куда нибудь въ ученье?" „Можно, — отвитивъ старикъ. „Такъ въ утрѣ встань да и сведи его въ городъ!"

Старикъ по утру вставъ, взявъ мальчика и пошли въ городъ. Попадаетсе ему на встричу человѣкъ: „Здраствуй, говоритъ, старичӧкъ! Куда пошовъ?" „Да, въ городъ,—отвитивъ старикъ. „А што надо въ городѣ?" „Да, вотъ, говоритъ, повелъ мальчика, кабы отдать кому нибудь въ ученье?" „Послушай, старичӧкъ,—отдай мнѣ, я чово самъ знаю, то и ево выучу".—„Братъ, да оченно радъ," говоритъ старичӧкъ, „нарошно и пошовъ я искать такихъ людей, штобы ево выучить;" согласивсе на это. Незнакомецъ сказавъ: „я беру съ тѣмъ, што на три года, а черезъ три года если узнаешь ты ево, то твой, а не узнаешь — мой". Старикъ поглядѣвъ на мальчика и думаетъ: „неужли я не узнаю черезъ три года своево сына? не черезъ тридцеть лѣтъ"... Согласивсе старикъ и пошли онѣ въ городъ, пришли онѣ въ городцкую думу, сдѣлали условьѣ между собой. Когда все это заключили,—незнакомець повелъ мальчика къ сибѣ, а старичокъ пошовъ домой. Приходя, старуха ево и спрашиваетъ: „куда-жо ты мальчика отдавъ? Старикъ отвичеетъ, што „отдавъ въ

ученье, да не такъ ловко: черезъ три года узнаю, такъ мой сынъ, а не узнаю, такъ ево". Старуха говоритъ: „ну, дѣлать нечево, неужли не узнаешь?"

Вотъ проходитъ три года и надо старику въ утрѣ идти за расчетомъ къ незнакомцю; сидятъ онѣ со старухой да ужинаютъ. Вдругъ на окошко явивсе голубокъ; онѣ отворили окно, голубокъ залитѣвъ къ нимъ въ избу и ударивсѣ о полъ, и очудивсѣ прекрасной молодець. „Здраствуй, говоритъ, батюшко! ты въ утрѣ будешь за расчетомъ, тибѣ не узнать меня: насъ выведетъ учитель 40 человѣкъ и всѣ равны какъ голосомъ, какъ волосомъ, какъ руками, какъ ногами — всѣ што одинъ! Смотри: я выпущу изъ правово рукава алой ленточки немножко, ты смотри замѣть! А во второй разъ выведетъ насъ учитель, я изъ другой руки выпущу ленточки — замѣчай это! А какъ въ третій разъ выведетъ, — я изъ голенища правой ноги выпущу ленточки немножко"... Сказавъ это, ударивсе о полъ, только крыльѣ пропѣло, какъ улитѣвъ вонъ! Старикъ по утру вставъ и пошовъ въ городъ. Приходитъ онъ въ это заведеньѣ, гдѣ учитсѣ ево сынъ, доложили учителю, што человѣкъ пришовъ за расчётомъ. Приходитъ учитель: „Здраствуй, старичёкъ!" „Здравствуй, говоритъ, батющко!" Спросивъ учитель: „што за расчётомъ, дѣдушко?" „Да, тошно такъ, батюшко!" говоритъ старикъ. „А ты знаешь, какое у насъ было условіе: узнаешь сына, такъ твой, а не узнаешь — мой?" „Знаю, говоритъ, батюшко!" Вотъ учитель разъ вывевъ 40 молодцей, всѣ какъ одинъ, другой вывелъ и третій—старикъ все угадывавъ, потому—какъ ему ранѣе сказано. „Ну, говоритъ учитель, обирай, только и было!" Вотъ онѣ вышли на улицю съ сыномъ, отецъ ему и говоритъ: „у насъ дома недостатки, сынокъ,—какъ мы будемъ жить?" „О!—говоритъ сынъ,—мы скоро разбогатѣемъ, батюшко!.. Я вотъ обвернусь въ лошадь—мерина, ты за меня проси 300 рублёвъ, только смотри продавай безъ узды".

Вотъ вскорѣ онъ (сынъ) обвернувсѣ въ прекраснѣйшово мерина, таково, што старикъ едва влезъ на ево; поѣхавъ старикъ въ городъ продавать ево, а на встричу попадаетъ ему человѣкъ и говоритъ: „Здраствуй, старичокъ! што не продаешь-ли ты мерина-то?" Старикъ отвичеетъ, што продаю. „Сколько берешь за ево?" „Триста рублевъ!" Тотъ отдаетъ

деньги. А это бывъ учитель, которой узнавъ, што мальчикъ обратившсё въ мерина, нарошно пошовъ, штобы купить ево. Старикъ (получая деньги) говоритъ, што погоди, я хоша продававъ за 300 рублёвъ, но безъ узды". Между ними вышла шухома, услышала объ этомъ полиця, пришла, сказала: „што у васъ за шумъ?" Покупатель говоривъ: „вотъ я купивъ лошадь, а онъ не отдаетъ узды!" Полиця обсудила старика, што безъ узды лошадь не продаютъ. Покупатель сёвъ на лошадь и поёхавъ, а старикъ поплакавъ, што лишившсё своево сына да и побрёвъ домой. У этово учителя была приготовлена плеть, и онъ розсердившсё на своево ученика и давай этой плетью ево жечь; 70 верстъ на одну пряжку стегнувъ на нёмъ, (такъ что) у тово кровяная пёна клобукомъ покатилась.

У учителя была сестра, пріёзжаетъ онъ къ сестрё и, не спрашивая ее, спускаетъ коня въ конюшну, а вмёсто корма поставивъ ему подъ рыло горшокъ горячово уголья. Приходитъ въ домъ сестры, она и спрашиваетъ сво: „Куды, братецъ, путь держишь?" Онъ говоритъ: „Вотъ я ёду къ тибё, а лошадь тамъ не глядите, я заставъ въ конюшну и давъ корму"... Потомъ онъ валившсё на лавку и заснувъ мертвымъ сномъ Сестра подумала: „што этово прежде неколи не бывало, штобы безъ спросу моево онъ пустивъ лошадь и давъ корму; „пойду-ко погляжу", думаетъ. Пришла въ конюшну, отворёетъ двери, а тамъ полная конюшна пару и чаду, смотритъ, а у мерина горшокъ уголья подъ рыломъ. Она пожалёла ево, захотёла прохолодить, вывести на улицю; вывела, а онъ рыломъ такъ и шевыряетъ; она думаетъ, што надо напоить, видно пить хочетъ, привела ево на прорубь, а онъ все-таки не пьетъ, только рыломъ шевыряетъ. Она опеть подумала, што отъ тово не пьетъ, што въ уздё,—сняла узду; но лишь успёла снеть, конь въ прорубь ищо маршъ! Тогда она пошла къ брату и обсказала обо всемъ, што сдёлала:—„хотёла лошадь напоить, а она не пьетъ, сняла узду, а онъ ищо скочивъ въ прорубь". „Ахъ, сестра! сказавъ братъ, — напрасно суешсё въ чужое дёло"... Повернувсе и побёжавъ въ прорубь, бросившсё туда и превративсе въ большую щуку и начавъ ходить по рикё, а тотъ превратившсё въ ерша. Вотъ онъ (учитель) нашовъ ерша и хотёвъ проглотить, но ёршъ поворотивсе хвостомъ къ щукё, взеть

нельзя. Щука начала просит(ь) ево: „Ершъ! поворотись ко мнѣ головой". Ершъ сказавъ: „Врёшь, сволочь! хочёшь исть ерша — ѣшь съ хвоста"... На щуку напавъ сонъ и ее быстрой водой укатило въ буклю. Ершъ поплывъ по рикѣ и доплывъ до одново государства. Въ то время изъ дворця вышли за водой двѣ цярскіё слуги, а онъ обвернувсё въ колечко; одна (изъ слугъ) черпала воду, вдругъ ищо сбрякало въ ковшикѣ, а посмотрила—золотое колечко. Вотъ объ этомъ слуга и сказала нянькѣ цярёвы дочери Анастасіи: „Мы, говоритъ, съ такой-то три дня тому назадъ ходили по воду и нашли тамъ колечко, каково у васъ нѣтъ!" Анастасія и сказала: „принеси мнѣ это колечко!" Вотъ она и принесла; ей (Анастасіи) понравилось и говоритъ: „давай сминяемъ!" Та смѣняла. Вотъ Анастасія носитъ это колечко день, вечёръ; собрали ужинъ, — отужнала и легла спать. Какъ только зажмурила глаза, — онъ изъ колечка превративсе въ прекраснѣйшово молодця; подошовъ къ ней и поцѣловавъ. Она хватилась и про себя говоритъ: „Што это такое? нечистый духъ или Ангелъ?" Зажмурила во второй разъ глаза, онъ опѣть подошовъ къ ней и не могъ утерпить, — поцѣловавъ. Она опѣть думаетъ: „што это такое?"... Вотъ она приготовила машинку, которая въ одинъ михъ могла достать огня. Вотъ она въ третій разъ зажмурила глаза, онъ опѣть не утерпѣвъ, подошовъ и поцѣловавъ ее; она ищо сичасъ машинку тронула и появившё свѣтъ по всей комнатѣ. Видитъ она, што стоитъ передъ ней молодець прекраснѣйшей у кровати; она и спрашиваетъ ево: „Кто ты такой?„ „Я, говоритъ, человѣкъ". „Какъ ты попавъ въ мой кабинетъ?" „Я бывъ, говоритъ, на вашей рукѣ колечкомъ!" Она посмотрила на руку, —колечка нѣтъ, и спрашиваетъ ево: „Какихъ вы родовъ—высокихъ или низкихъ?" Онъ отвичеетъ: „Я родовъ не высокихъ — крестьянской сынъ".—Ей онъ понравившё: „Ну, говоритъ, лёжись ко мнѣ на кровать"... Вотъ онѣ и стали такъ жить: ночью спитъ съ ней молодцомъ, а днёмъ на рукѣ колечкомъ.

Щука (учитель-колдунъ) черезъ недолгое время проспалась и по всей рикѣ изошла,--ёрша не могла найдти; вышла изъ рики, обратилась въ человѣка и разведавъ про ученика своево, што онъ живетъ въ такомъ-то государствѣ, съ такою-то дочерью цярской Анастасіей. При-

ходитъ онъ въ это государство и напускаетъ на эту цярскую доць неизлечимую болѣзнь. Она заболѣла, государь по всѣмъ землямъ давъ знать, штобы доктора ѣхали. Всѣ съѣхались; никто не можотъ излечить ее, стали приготовлѣть къ смертѣ. Являетсѣ къ государю этотъ самой учитель и говоритъ, што „я доць вашу вылечу, государь! што вы дадите мнѣ за это?“ Государь отвичавъ, што „если тебя будетъ на это дѣло,—вылечишь доць, то я тибѣ города съ пригородками, села съ приселками отдамъ, а золотая казна не затворена для тебя!“ Учитель отвѣчавъ, што мнѣ не надо твои города съ пригородками, не села съ присѣлками и золотая казна, а за работу отдай только колечко твоей дочери, што носитъ на рукѣ“. Государь сказавъ: „если вылечишь, то я прикажу дочерѣ отдать это колечко, я ей куплю и лучше“.

Вотъ онъ и начавъ лечить ее и въ скоромъ времени вылечивъ,—по старому сдѣлавъ. Вотъ Анастасія спитъ со своимъ молодцомъ ужъ послѣднюю ноць; онъ ей и говоритъ: „Въ утрѣ будетъ расчо́тъ, станутъ у тебя просить колечко, (если) ты не можошь устоять, то шиби колечко на полъ, я розсыплюсь на мелкіѣ жемчужинки, тогда замѣть—одна жемчужинка подкатитсѣ къ твоимъ ногамъ, ты заступи ногой, башмачкомъ и смотри, што у нихъ будетъ; вслучаѣ дай слабину ногѣ на ту пору!“...

Настаетъ утро, государь приходитъ въ комнату дочери съ учителемъ и говоритъ ей: „Любезная моя доць Анастасія! какое у тебя есть колечко? сей человѣкъ воротивъ тебя отъ смерти и проситъ ево,—ты отдай ему, я тибѣ куплю лутше!“—„Нѣтъ, папенька, лутше этово тибѣ не купить!.. Но—воля твоя, я не прекословлю“... Сказала это и снимаетъ кольцо съ пальця и бросаетъ на полъ; колечко розлетаетсѣ на мелкіѣ жемчужинки, одна жемчужинка вблизь ноги еѣ подкатилась, она и заступила еѣ башмачкомъ. Въ это время учитель превративсѣ въ пѣтуха и начавъ клевать жемчужинки. Она (Анастасія), видя такое дѣло, даетъ ногѣ слабину. Изъ подъ ноги выскочивъ молодець, схвативъ ножъ, хресть пѣтуха...

Отрубивъ голову. Государь, видя это, сказавъ: „што за чепуха?“ Онъ подходитъ и говоритъ ему: „я бывъ подъ ногой дочери вашей!“ — „А ты кто такой? Духъ нечи-

стой, или што такое"? Отвѣчаетъ онъ: „я — человѣкъ!" „Какихъ родовъ?"—„Крестьянсково роду". Тогда государь отдавъ ему престолъ своево цярства и свою доць, прекрасную Анастасію.

Вельскій у. Запис. отъ Ф. Старцева. 90-е годы.

---

25. Семёнъ-скоробогачъ.

Жили два брата, третій отець; жили онѣ богато, было у нихъ всечины довольно. Вотъ у большово сына Семена накопилось семеро дитей. Отець и отдиляетъ большово сына (т. е. Семена) и не даетъ ему нечово; все малому сыну оставляётъ. Напотомъ Семенъ ставъ жить бѣдно, дажо занявъ у попа на посѣвъ ржы. Вотъ разъ онъ поѣхавъ въ лѣсъ по дровця на кобылѣ бѣлой. Пріѣхавъ онъ въ биль, надъ этой билью боръ,—превеличайшая гора. Увидѣвъ Семенъ сушицю и пошовъ къ ней, штобы срубить, вдругъ учувъ шумъ. Подходитъ къ тому мѣсту, гдѣка шумъ, и видитъ: 40 человѣкъ разбойниковъ идетъ, а сдѣланъ у ихъ въ ту гору ходъ земляной. Вотъ подошовъ къ этимъ воротамъ самъ атаманъ: „Двери, говоритъ, шлюзами растворитесь!" Двери растворились, вотъ они што наворовали и снесли туда, а потомъ и вышли вонъ; атаманъ опѣть сказавъ: „двери, шлюзами затворитесь!"—двери затворились. Вотъ атаманъ опѣть всѣмъ наказываетъ: „Ну, господа! штобы каждый изъ васъ наживъ не меньше, какъ 100 рублёвъ, безъ тово и не являйтесь, а я самъ сколько могу нажить". Вотъ всѣ и разошлись по тропинкамъ на большіе дороги. Семенъ возьметъ да и придетъ туды послѣ ихъ и говоритъ: „Двери, шлюзами растворитесь"; сичасъ двери растворились, онъ зашовъ туда и давай огребать золото и серебро; цѣлой возъ наваливъ, на дровни сѣвъ да и домой отправився. Домой пріѣхавъ и сказавъ жонѣ: „Принеси-ко малёнку, надо смирять золото и серебро, я привезъ много". Жона принесла малёнку отъ снохи (своей-то не было! пояснивъ разсказчикъ) какъ бы для ржы; онъ деньги смирявъ и сволокъ ихъ въ яму. Сноха была догадлива, думаетъ „што это онѣ говорятъ, што попу надо отдать рожь, а

самимъ исть нечово?“ взяла да и прилѣпила къ малёнкѣ воску.

Вотъ когды малёнку отнесли, золото-то и прилипло тутъ; она и говоритъ своему мужу: „Вотъ ты ходишь съ начальствомъ да съ попами пируешь, а братъ—вонъ какъ разбогатѣвъ!“—„Какъ такъ?, говоритъ тотъ,--у меня сколько скота, сколько хлѣба, а у брата и исть нечово, а говоришь—богатѣе меня!“...—„Да онъ золото севодни мирявъ малёнкой, вотъ-те и бѣдной!“ Вотъ братъ этотъ и пошовъ къ ему въ гости, а не бывавъ, можотъ, годовъ петь. Пришовъ, а братъ Семенъ на пецѣ спитъ. „Што, братъ, говоритъ, куды севодни издивъ?“—„А вотъ издивъ по дровця!“ отвицяетъ Семенъ. „Полно врать, братъ! ты золото мирявъ малёнкой, маленку-то отъ насъ вѣдь уносили“...—„Да што, братъ, говоритъ Семенъ, отъ Бога не утаишь и отъ тебя, видно, не скроёшь: вѣрно, я привезъ золота, столько, што мнѣ не прожить да и дитямъ моимъ не прожить“.—„Охъ, братъ, если бы на твоихъ коняхъ, то можно бы ощо утащить многое множество серебра и золота!“...

Семенъ и розсказавъ тутъ все и научивъ, какъ надо туды ѣхать. Вотъ встаетъ братъ по утру, запрягъ пару коней да и туда! Пріѣхавъ въ ту-жо биль и подъ тотъ-жо боръ и говоритъ: „Двери, шлюзами растворитесь!“ Двери растворились, онъ зашовъ туды да и давай окатывать золото и серебро и тулупы разныё, и наклавъ два воза, што едва увезти; вышовъ да и забывъ сказать-то, што „двери, шлюзами затворитесь“, призамёшкавсе, а эти 40 розбойниковъ ищо только хресть!

Атаманъ шовъ передомъ: „Ахъ, ребята, говоритъ, неладно: у насъ воры есть! Ищите-ко, ребята, гдѣ онѣ тамъ?“ А у нихъ въ землѣ всякихъ ухожовъ накопано было много; вотъ ребята розсыпались и вытащили оттуда добра молодця. Атаманъ срубивъ ему голову, изрубивъ ево на мелкіё части съ обоими и мериньями.

Вотъ этово брата Семенова ждутъ домой сутки, другіе и третьи, а ево нѣтъ. Приходитъ жона ево къ Семену: „Што-жо, говоритъ, у меня довго мужа нѣтъ? Ты куды ево послявъ наживатсё?“ Онъ и говоритъ: „А вотъ што,—давай-ко мерина, которой поедриняё,—запрягёмъ да поидемъ туды; што тамъ такое содѣвается, хоша узнаемъ“.

Пріѣхали онѣ туды и видятъ: онъ пзсичонъ, мерины тожо, кругомъ—сороки, вороны—ревъ такой! Онъ (Семенъ) провѣдавъ слѣдъ—всѣ ушли, опѣть и говоритъ дверямъ: „Двери, шлюзами растворитесь!“ Двери растворились, онъ и накатавъ возъ, повной всяково добра; сѣвъ на коня, да бывъ да нѣтъ и уѣхавъ съ этой снохой. Семенъ заживъ богато, и сноха перешла къ нему жить; стали торговать и такъ розторговавсе, что имѣетъ въ городѣ 7 лавокъ и 12 прикащиковъ.

Атаманъ пришовъ и говоритъ своимъ товарищамъ: „Ктожо у насъ деньги укравъ? Раззоривъ насъ вовсё, надо какимъ нибудь путёмъ разузнать, добратсё“. Бывъ одинъ разбойникъ, Дмитріемъ звали, вотъ онъ и говоритъ: „Я, атаманъ, найду вора!“ „Ну, говоритъ атаманъ, найдешь—ладно, а не найдешь,—голова на плаху!“ Вотъ Митька и пошовъ въ этотъ городъ, откуда была дорога (слѣды), што туды иминьё увезено. Идетъ этѣмъ городомъ утромъ рано, а тутъ старичокъ торгуетъ со свицькой ощо, какъ небогатой, такъ вставъ рано; вотъ Митька къ нему, разговорились: „А що, не знаешь-ли, доброй человѣкъ, говоритъ онъ, здись таково человѣка, которой бывъ небогатой, а вскорѣ сдѣлавсе сильно богатъ?“ „А вотъ, говоритъ старичокъ, есть такой-то Семенъ, живъ—исть нечово было, а теперь первой купечъ по всей енпери (имперіи), въ нашемъ городѣ у ево 7 лавокъ и 12 прикащиковъ держитъ“.—„Доведи меня до тово дому, гдѣ этотъ купечъ стоитъ!“—„А що добра, такъ сведу?“—„А що возмешь?“—„Сто рублевъ положите, говоритъ старичокъ, такъ сведу!“ Вотъ Митька деньги подалъ, лавошникъ и повелъ ево изъ улицы въ улицю, изъ перевулка въ перевулокъ и привелъ къ тому самому дому, гдѣ живетъ Семенъ. „Вотъ, говоритъ, гдѣ онъ живетъ!“ указавъ да и пошовъ въ лавку, а разбойникъ тутъ и оставсё. Митька на воротахъ подписавъ, што такой-то Семенъ бывъ нищой, а теперь имѣетъ 7 лавокъ и 12 прикащиковъ держитъ, и сдѣлавсе первой купечъ по енперіи. Потомъ и приходитъ къ атаману и говоритъ ему атаманъ: „Што нашовъ вора?“—„Нашовъ!“ говоритъ Митька и повелъ ево въ тотъ городъ. Привёвъ и указавъ на воротахъ эту надпись. А сноха Семенова увидала эту надпись прежде ихъ и написала эту надпись по всѣмъ улицямъ и каждой

(житель) выходитъ скоробогачъ. Атаманъ идетъ середи бѣла-дня и глядитъ на купечески дома и видитъ, што на каждомъ написано, всѣ воры. Атаманъ и говоритъ: „ахъ, ты разбойникъ! Да у тебя каждой, що-ли, укравъ?“ и отрубивъ ему голову. На то мѣсто нашовъ другово разбойника, щобы нашовъ вора. Пришовъ Михайло и говоритъ: „Я найду вора!“ Атаманъ и говоритъ: „Ступай, найдешь,—ладно, не найдешь—голова на плаху!“—Михайло приходитъ въ тотъ-жо городъ и видитъ тово-жо старичка въ лафкѣ, онъ ему и говоритъ: „Богъ за товаромъ, г. купечъ!“ Тотъ отвичеетъ: „прошу покорно!“ Вотъ Михайло и говоритъ: „Есть въ вашемъ городѣ Семенъ купечъ, которой ранѣе хлѣба просивъ, а теперь имѣетъ 7 лавокъ и 12 прикащиковъ, доведи меня до ево дому!“--„А што добра?“ — „А сколько возьмешь?“—„Двисти рублёвъ, такъ доведу!“ говоритъ лавошникъ. Михайло подавъ деньги, потомъ и повелъ; привелъ къ Семенову дому и указавъ, а самъ пошовъ въ лафку; разбойникъ оставсѣ тутъ. Вотъ онъ опѣть написавъ на воротахъ да и бывъ да нѣтъ къ атаману съ извистьемъ, що нашовъ вора. Благочестивая жона (сноха Семена) опѣть написала по всему городу на воротахъ тожо самое. Михайло пришовъ къ атаману и отправлеютсѣ середи бѣладня, какъ и честные люди, въ городъ; привелъ и указавъ: „вотъ, говоритъ, гдѣ живетъ“ Атаманъ глядитъ по всѣмъ воротамъ и опѣть видитъ вездѣ ту же надпись; закричавъ: „Ахъ, ты сукинъ сынъ, да у тебя всѣ украли? только деньги по пусту тратите“... Какъ привелъ его къ своимъ братьямъ, такъ саблю вынявъ да и отсѣкъ голову, а потомъ спросивъ: „если у васъ ощо такіе, которые возьмутсѣ найти вора?“ Былъ у нихъ Лука-кривой, и такой разбойникъ, що бѣда! „Я, говоритъ, найду!“—„Смотри, Лука! говоритъ атаманъ, у тебя одинъ вѣдь глазъ?“—„А и одинъ да зорокъ, не надо сорокъ!“ отвицѣетъ Лука. Вотъ походитъ Лука въ тотъ-жо городъ и къ этому лавошнику и спрашиваетъ; „що, есть у васъ такой человѣкъ, которой бывъ бѣдной, а сдѣлавсе вдругъ богатой?“ „Есть“, говоритъ лавошникъ. „Доведите меня до ево дому“. „А 300 рублевъ дашь?“ Лука подаетъ ему 300 рублевъ, и лавошникъ приводитъ ево къ этому дому, гдѣ живетъ Семенъ. Вотъ разбойникъ пріогребъ немножко земли, подписавъ да и

опѣть загребъ. Приходитъ къ атаману и идетъ съ нимъ середи бѣла дня по городу, какъ и честные люди, и указываетъ ему на надпись: „Вотъ, говоритъ, въ этомъ домѣ воръ, зовутъ Семеномъ“. Атаманъ купивъ 40 лошадей и 40 хомутовъ съ розвальнями, наставилъ кубья, по одному кубу на каждый возъ, разсадивъ въ нихъ всѣхъ своихъ разбойниковъ и закупоривъ, будто ѣдетъ съ масломъ. Вотъ и пріѣзжаетъ въ этотъ городъ прямо къ Семену купцю подъ окно; одинъ и выпрягаетъ всѣ 40 лошадей. „Господинъ купечъ! пустите меня ночевать!“—„Милости просимъ, г. купечъ, отвицѣетъ Семенъ;— съ какимъ товаромъ?“—„Да вотъ, говоритъ атаманъ, въ такомъ-то городѣ масло дорого стало, везу 40 возовъ продавать“. Вотъ, выпрѣгъ лошадей и ушли съ Семеномъ банкетовать въ ево комнаты.

Эта благочестивая жона (сноха Семена) узнала разбойника и накипетила во флигилѣ воды, да которой кубъ откроетъ, возьметъ да и зальетъ разбойника тамъ,—всѣхъ обварила... „Ну, господинъ купечъ Семенъ,—говоритъ атаманъ, — мнѣ пора и съѣзжать, благодарю за угощеніе!“—„Да куды вы середи ноци въ такую глухую дорогу?“ говоритъ тотъ. „Нѣтъ, що-жо мнѣ прокармиватсѣ, спасибо!“ Вышовъ атаманъ и идетъ впередъ и въ каждой кубъ щовкнётъ и до послѣднево куба дошовъ, оглянувсѣ—никово нѣтъ, посмотривъ въ кубъ: разбойникъ сидитъ и голову повисивъ, обварившсѣ на-смерть. Вотъ и догодавсѣ онъ, що дѣло неладно, выхвативъ изъ пазухи крюкъ, закинувъ за стѣну — и бывъ, да нѣтъ!

На утро была въ томъ городѣ ярмарка, этихъ коней всѣхъ и продали, такъ-жо хомуты и розвальни. Вотъ и живетъ себѣ атаманъ и думаетъ: „какъ-жо мнѣ этово Семена изжить?“ Пришовъ онъ въ городъ, назвавсе купцёмъ, лафку и домъ завёлъ; черезъ два-три года ознакомивсе со всѣми, ставъ и въ гости похаживать. Разъ пришли къ ему купци, сили, онъ и розгорячивсе на Семена: „Какъ, говоритъ, ты живота скоро наживъ?,“ а сноха и сѣла противъ ихъ. Потомъ атаманъ говоритъ: „Вотъ какъ я хлѣбъ кушаю!,“ вынимаетъ ножъ, обмакнувъ въ кушанье, въ кусокъ и хотѣвъ проглотить кусокъ да заколоть всѣхъ, а въ это время сноха возьми да подтолкни ево, ножъ-то и

ушовъ въ горло и проколовъ на-смерть. Купци перепалисѣ всѣ, она и говоритъ: „Не бойтесѣ, это самой разбойникъ и есть, которой погубивъ у меня мужа и съ масломъ онъ подъѣзжавъ!“.. Тѣмъ и кончилось.

Вельскій у, дер. Прилуки. Зап. со словъ крест. Кузьмы Анфимова 90-е годы.

---

26. Иванъ Царевичъ.

Жилъ-былъ цярь, у цяря родивсѣ сынъ Иванъ Цяревиць, и такая-то родиласѣ безупокоиця, што не могли укацеть не бабки, не матки, не крестовыя божатки, и садивсѣ (тогда) кацеть самъ цярь и говоривъ таковы слова: „спит-ко, мое цядо милоѣ, дитя любимое, выростешь большой и я тебя жоню на Марьѣ-красѣ, на черной косѣ, тремъ маткамъ доцька, сорока бабушкамъ внуцька, тридцети братцямъ сестра!“ Вотъ онъ сутки спитъ, другіе спитъ, на третьи пробудитсѣ и тово пу́ще заревитъ. Садилисѣ кацеть бабки, матки и крестовыя божатки и не могли ево укацеть. Садивсѣ кацеть самъ цярь и говоритъ ему таковы слова: „спит-ко, цядо мое милое, дитя любимое, выростешь большой и я тебя жоню на Марьѣ-красѣ, на чорной косѣ, тремъ маткамъ доцька, сорока бабушкамъ внуцька, тридцети братцямъ сестра!“ Вотъ онъ сутки спитъ, другіе спитъ, на третьи пробудитсѣ и тово пу́ще заревитъ. (Въ 3-й разъ повтореніе того-же). Выростаетъ Иванъ Цяревиць отъ двухъ годковъ до трехъ, отъ трехъ до пети, отъ пети до десети, отъ десети до двадцети и похаживаетъ по улоцькѣ, пинаетъ шишецьки и пнувъ одну онъ бабушкѣ на задворинкѣ въ окоценку. Вотъ бабушка забиласѣ по-плець въ окно и говоритъ: „Экой ты, Иванъ Цяревиць, у меня изломавъ окоценку, а у меня и поцинить-то не на што!“ Сунулъ Иванъ Цяревиць руку въ карманъ и достаетъ злата-серебра и подаетъ бабушкѣ поцинить окоценку. Бабушка и баетъ ему: „вотъ какъ ты родивсѣ, Иванъ Цяревиць, и такая была безупокоиця, што тебя кацели и бабки, и матки, и крестовыя божатки — не кто не могъ укацеть, и садивсѣ тогды твой батюшко цярь самъ кацеть и говоривъ таковы слова: „спит-ко, мое цядо милое, дитя любимое, выростешь большой и я тебя жоню

на Марьѣ-красѣ, на чорной косѣ, тремъ маткамъ доцька, сорока бабкамъ внуцька, тридцети братцямъ сестра, а теперь и въ поминѣ нѣтъ, што жонить на этой нивистѣ".

Иванъ Цяревиць воротивсе въ свой домъ и спрашиваетъ у своево батюшка: „Што-жо, батюшко, ты ладилъ меня жонить на Марьѣ-красѣ, на чорной косѣ, когды садивсё кацеть, а нынь и въ поминѣ нѣтъ, што жонишь меня на этой нивистѣ?"... „Волей поѣду жонитсё, и неволей поѣду этой нивѣсты добиратсё. Цярь на это нечего не сказавъ. Иванъ Цяревиць обсѣдлавъ, обуздавъ своево доброво коня и поѣхавъ во-далеце-далеценько, за тридевять земель, за тридевять морэй, въ эко-то цярство. Ѣхавъ онъ сутки, другіе и третьи и наѣхавъ на бѣлъ-шатеръ полотняный и проситсё подъ окномъ ноцевать: „Господи, помилуй! Дома-ли хозеинъ?" Отворила старушка окоценку и говорила таковы слова: „Я живу 90 лѣтъ, мимо меня не конной не проѣзживавъ, не пѣшо́й не прохаживавъ, птиця не пролетывала, звирь не прорыскивалъ, а какъ ты смѣлъ подъ моимъ окошкомъ колотиться?" „Эй, бабушка, я не по охотѣ, а по неволѣ!" — Ну, скажись-жо, какихъ (ты) родовъ, какихъ городовъ, каково отця-матери сынъ и какъ тебя зовутъ? говоритъ бабушка. Онъ на отвѣтъ ей сказавъ:—Эй, бабушка! сначала пусти ноцевать, напой, накорми и спать повали, я тебѣ тутъ разскажу, какихъ родовъ, какихъ городовъ и каково отца-матери сынъ!" Она пущала ево ноцевать, напоила, накормила, послала постельку и спать уложила. Вотъ и сѣла къ нему въ зголовьё и стала у ево спрашивать; онъ сказался, какихъ родовъ и какъ зовутъ по имяни. — Куда-жо ты, Иванъ Цяревиць, поѣхавъ? — Я, бабушка, поѣхавъ жонитьсё.—На какой нивѣстѣ, говоритъ?—Я поѣхалъ жонитсё на Марьѣ-красѣ, на чорной косѣ, тремъ маткамъ доцька, 40-а бабкамъ внуцька, 30-мъ братцямъ сестра.—Ну, говоритъ, дитя, ты далеко забираешься, я, говоритъ, ей бабушка; тибѣ будетъ на три года jйздить по бабушкамъ, рукописанье отбирать, она безъ согласія единой бабушки не пойдетъ. Молись Спассу да лёжись спать, — утро вецёра мудреняя". Она знала всѣхъ своихъ сестеръ и написала ему сорокъ безъ двухъ грамотокъ. Онъ по-утрý вставаетъ ранёхонько, обувается глядёхонько и умывается билёхонько, сѣвъ, позавтракавъ, грамотки взявъ и садився

на своево доброво коня и поѣзждаетъ опеть въ путь, во дороженьку.

Сутки jйдетъ, другіе jйдетъ и наѣхавъ на бѣлъ-шатеръ полотняной и просится ноцевать такъ-жо, какъ и у первой бабушки: „Господи, благослови и освободи отъ темной ноци! Бабушка! пусти ноцевать... „Она такъ-жо сказала, што я живу 80 лѣтъ, мимо меня не кто не проѣзживалъ, пѣшой не прохаживалъ, птица не пролетывала, а какъ ты смѣлъ подъ моимъ окномъ колотитьсё? „Я, бабушка, ѣду не по охотѣ, а по неволѣ; когда меня пристигла темная ноць, то должонъ я колотитьсё подъ твоимъ окномъ.“ Она стала опеть спрашивать, какихъ онъ родовъ, какихъ городовъ и какóво отца-матери сынъ? — „Запусти, бабушка, напой, накорми и спать ували, тогда я тибѣ скажусь!“ Она запустила ево, напоила, накормила и спать увалила и стала ево распрашивать. Онъ сказалсё, што зовутъ ево Иванъ Цяревиць. Куда-жо ты, говоритъ, поѣхавъ? — Поѣхавъ я жонитьсё.“ „А на какой нивѣстѣ?— „На Марьѣ-красѣ, на чорной косѣ (и т. д.)“ Далёко, говоритъ, ты, дитя, забираешьсё, тибѣ будетъ на три года по нашимъ бабушкамъ jйздить, она безъ рукоприкладства единой бабушки не пойдетъ.“ Онъ на отвѣтъ ей сказавъ: „ за тобой дѣло станетъ-ли, нѣтъ-ли, а за тѣми дѣло не стало: у меня сорокъ безъ двухъ грамотокъ въ карманѣ ужь.“ Бабушка говоритъ; „за тѣми сестрами дѣло не стало, и за мною не станетъ“. Она сейчасъ написала грамотку свою и отдала ему.

По-утру вставаетъ Иванъ Цяревиць ранёхонько, обувается глядёхонько, умывается билёхонько, сѣвъ позавтракавъ; потомъ садивсё на своево доброво коня и поѣхавъ во путь, во дороженьку. Сутки jйдетъ, другіе и третьи jйдетъ. Скоро сказка сказываетсё, да не скоро дѣло дiется! Пріѣхавъ онъ въ городъ и прямо угодивъ на ту фатéру, куда она, эта нивѣста ходитъ каждый день въ гости (къ бабушкѣ), и проситсё опеть ноцевать. Бабушка эта тожо спрашиваетъ ево, какихъ онъ родовъ и городовъ и какъ зовутъ по имяни? Онъ сказался. — Куда-жо ты поѣхавъ, Иванъ Цяревиць?—Я, бабушка, поѣхавъ жонитьсё на Марьѣ-красѣ, чорной косѣ (и т. д.). — Она вотъ сейчасъ отъ меня изъ гостей. Но какъ-жо, тибѣ будетъ на 3 года jйздить по нашему брату, бабушкамъ, она не выйдетъ безъ нашево

рукоприкладства. — Да, бабушка, — отвѣцяетъ Иванъ Цяревиць, за тобой дѣло станетъ-ли, нѣтъ-ли, а сорокъ безъ одной грамотки у меня ужь въ корманѣ." — Ну, говоритъ, за тѣми сестрами дѣло не стало, за мной не станетъ." Подписала и она грамотку. Вотъ онъ переноцевалъ у бабушки этой ноцьку, по утру сряжаетъ она Ивана Цяревиця въ свое цвѣтно платье и отправляетъ ево во Божью церкву и наказъ ему наказываетъ: „Ну, Иванъ Цяревиць, придешь во Божью церкву, Господу Богу помолись, на всѣ четыре стороны поклонись и увидишь, твоя нивѣста стоитъ о лѣвой крылосъ, и зайди ты впередъ её и поклонись: „здраствуй, Марья-краса, чорная коса, тремъ маткамъ доцька (и т. д.). Я тебя поздравляю: ты моя жона, а я твой мужъ!" Онъ такъ и сдѣлавъ, какъ сказала ему бабушка. Марья-краса и закрицяла своимъ богатырскимъ голосомъ: „эй, братья, хватайте! Што за невѣжена надо мной надсмѣхаетсё. Онъ и пошовъ изъ церкви вонъ и зачали братья его хватать; но онъ былъ могучій богатырь, за которово брата хватитъ: за руку—рука прочь, за ногу—ногу оторветъ, не могли схватить, изуродовавъ ихъ. Приходитъ къ бабушкѣ. Бабушка ево и спрашиваетъ: што тамъ дiетсё?" „Ой, бабушка, я едва-едва живой остался", и розсказавъ тутъ ей все. Ноцевавъ ещё ноцьку. По-утру опеть отправляетсё въ ту-жо церкву. Бабушка ему говоритъ: „сево-дни двоёмъ пуще закричитъ". Онъ опеть то-жо самоё продѣлываетъ, што и въ первой разъ; братья не могли ево схватить, только изуродовались. Ноцевавъ и въ третiй разъ, походитъ онъ въ ту жо Божью церкву, а бабушка ему наказываетъ: „вставай ты у ее о правую руку и молитесь всю обидню заодно, и когды пойдете изъ церквы на паратное крыльцё, она впередъ тебя зайдетъ и поклонитсё, скажотъ: „милости просимъ, Иванъ Цяревиць, ко мнѣ въ палату хлѣба-соли покушать!" Ты на это не отвицяй ничево. Она пойдетъ въ улицу, а ты въ другую, за ней не ходи; эти улици сойдутся, она опеть зайдетъ впередъ тебя и поклонитсё, но ты опеть за ней не ходи, сойдитесь опеть въ третiй разъ, она поклонитсё и скажетъ: „што-жо, Иванъ Цяревиць, мной брезгуешь, што-ли? Милости просимъ ко мнѣ въ палаты хлѣба-соли покушать"! Тогды ты за ней иди". Онъ такъ все и сдѣлалъ, какъ велѣла ему бабушка: пошовъ за ней и гостивъ цѣлые сутки и

дала она ему отъ себя росписку: пойдешь ты, Иванъ Цяревиць, по край синя-моря темными дремуцими лѣсами и возьметъ тебя скука, нападетъ на тебя тоска, подумаешь, што я йздивъ столько времени, а ницево не выйздивъ, тогда ты вынь эту росписку, роспецятай и процитай и увидишь, што передъ тобой будетъ"... Вотъ приходитъ Иванъ Цяревиць къ бабушкѣ изъ гостей, та и спрашиваетъ ево, што выходивъ?—Онъ отвицѣетъ: кажетсѣ, бабушка, я ницево доброво не выходивъ."—Однако, говоритъ, што на-нибудь выходивъ? — Дала она мнѣ отъ себя только одну росписочку. — „Ну, дитя, дѣло ладно — за росписочкой будетъ и сама!"

Вотъ онъ, заворотя оглобли, отправляетсѣ во путь, во дороженьку къ дому. Ѣхавъ сутки, ѣхавъ двои и йдетъ по край синя-моря и взяла ево скука и тоска: онъ и подумавъ своимъ умомъ, штобы эту росписочку роспецятать? Взявъ да и роспецятавъ.

— Я давно, говоритъ съ тобой! И встала передъ нимъ Марья-краса, чорная коса, и другъ дружкѣ онѣ тутъ обрадѝли и раскинули бѣлополотняной шатеръ, попили, поѝли, повеселились и разоставили кровати тесовыя, разослали перины пуховыя и легли они спать, опочѝнъ держать со пути, со дороженьки. Ноцью Марья-краса, чорная коса, раскидаласѣ, разметаласѣ, и заспали онѣ богатырскимъ сномъ оба, а мимо ихъ идутъ двѣ поленицы. Она была оцень прекрасна и завидна, одинъ изъ нихъ и говоритъ: „ахъ, братъ, намъ бы съ этакой красавицей поспать!" а другой отвицѣетъ: вотъ што сдѣлаемъ: „этому Ивану Цяревицю отсикёмъ ноги и сволокёмъ за ракитовъ кустъ". Отсикли ноги, подрѣзали подколѣнныя жилы и легли съ ней спать: одинъ пò-сторону, другой—по другую. Она отъ богатырсково сна пробудиласѣ, этому чуду дивиласѣ — лежала съ однѣмъ, а теперь стало двоѣ? и своими богатырскими долонями сщелкнула ихъ въ одно мѣсто и осталась отъ нихъ одна грезь. Она тутъ стала жить по-край синя-моря и называетсѣ чéстной вдовой, родила она двухъ сыновей и питала ихъ у своихъ бѣлыхъ грудей и сверхъ тово акридою и дикимъ мёдомъ, и выросли у ее ужъ рàжіе сыновья и стали онѣ ходить за охотою и подстрѣливать гусей, лебедей и сѣрыхъ маленькихъ утицъ, и кормили свою матушку. Вотъ она имъ

однажды наказъ наказываетъ: говоритъ — дити мои милые! можотъ вы найдете (нападете) двоё на одново, вы одново пошибете, сразите съ ногъ, но вы не порите у ево грудей бѣлыхъ, не закрывайте оцей ясныхъ, а спросите у ево про роды, про племени, какихъ онъ родовъ, какихъ городовъ и какъ ево зовутъ? А если онъ скажетсё, што Иванъ Цяревиць, то не троньте, это вашъ отецъ, а мой мужъ. [Въ это время у разсказчика замѣчаю слезы на глазахъ]. Они и отправились и видятъ, што на этотъ кустъ, гдѣ онъ лежавъ, прилетѣла птиця и говоритъ человѣцескимъ языкомъ: „ахъ, Господи! какую сево-дни далъ росу, кто бы умывсё и далъ бы Богъ безглазому зриньё, безногому—ноги!“. Услышавъ Иванъ Цяревиць эти слова птицы и вышоркалъ этой росой себѣ ноги и вышло на ноги изцѣленіе, и пошовъ онъ покрай синя-моря и встрѣтивъ этихъ двухъ поленицъ (сыновей), двоё одново пошибли и большой братъ вынимаетъ вострой ножъ-киньжалищо и ладитъ ему вспороть груди бѣлыё и закрыть оци ясныё, малый жо братъ стоитъ и говоритъ: „ахъ, братъ, што намъ матушка наказывала, не велѣла спороть груди бѣлыё и закрыть оци ясныё, а велѣла спросить про роды, про племени, каково отця-матери сынъ и какъ по имяни зовутъ?“ Онъ на отвѣтъ имъ таковы слова сказавъ: „если бы я на васъ сидѣвъ, то не спросилъ бы я у васъ про роды, про племени, изпоровъ бы вамъ груди бѣлыё и закрывъ бы оци ясныё!“ Они на то не разсердилисё: „Однако, доброй человѣкъ, скажи-жо намъ, какихъ ты родовъ, какихъ городовъ и какъ тебя зовутъ?“ Онъ сказавсё. Вотъ онѣ брали сво за бѣлы руки, цѣловали въ уста сахарныи и называли ево батюшкомъ. Тутъ онѣ другъ дружкѣ обрадили и пошли къ бѣлому шатру и встрѣцяетъ ево жона: „ахъ, говоритъ, Иванъ Цяревиць, какъ ты награвъ надо мной!“ Онъ на отвѣтъ ей сказавъ: „не я награвъ надъ тобой, нашлись такіе злые люди и подрѣзали мои подколѣнныя жилы и сволокли меня подъ ракитовъ кустъ!“ Она ему сказала: „я тогды отъ сна пробудиласё, лёжиласё съ однѣмъ, а стало двоё, я ихъ своими долонями сщолкнула въ одно мѣсто, отъ нихъ только грезь осталась; не довго они и нажили, коли насъ разлучили...“. Вотъ они тутъ другъ дружкѣ обрадили и поѣхали къ своему батюшку, въ свое цярство, и взяли съ собой сыновей. Встрицяетъ

ихъ батюшко необыцяйной радостью и спрашиваетъ: „Цядо мое милое! кто это у тебя есть—братья-проводники или кто?“—„Нѣтъ, батюшко, это ужъ сыновья мои!“ И пу́ше тово цярь обрадивъ, стали жить да быть и теперь живутъ....

27. Ѳедоръ Царевичъ.

Былъ у цяря одинъ сынъ, звали его Ѳедоръ Цяревиць. Вотъ отець и мать ево умираютъ, онъ остается въ малыхъ лѣтахъ, вотъ выростаетъ онъ до 20 лѣтъ и время приходитъ то, што надо жонитьсё. У ево на дворѣ жили три служанки, и выходитъ первая служанка и говоритъ таковы́ слова: „Возьми, Ѳедоръ Цяревиць, меня въ замужество: я мастериця хлѣбы пекчи!“ Онъ думавъ-подумавъ самъ себѣ: „што-жо мнѣ экая брать, мнѣ печоново не пріййсть“. Отъ той нивѣсты отказавсё. Выходитъ вторая служанка и говоритъ: „возьми, Ѳедоръ Цяревиць, меня въ-замужъ: я мастериця шить“. Онъ опеть думалъ-подумавъ: „што-жо мнѣ въ такой—и шитово не износить“. Отказавсё и отъ этой. Приходитъ и третья служанка и тожо говоритъ: „возьми, Ѳедоръ Цяревиць меня въ-замужъ: я тибѣ принесу 9 сыновъ, ясныхъ соколовъ, и у каждово сына во лбу ясное солнышко, по косицямъ часты мелки звѣздоцьки, въ затылкѣ свитёлъ мисяцъ, по локоть руки въ золотѣ, по колѣно ноги — въ серебрѣ“. Вотъ онъ и задумавъ ее взеть, этакой нивѣсты, говоритъ, мнѣ не добратьсё, этакихъ сыновей мнѣ не народить, это будетъ украшеніе цярству. Веселымъ пиркомъ да и за свадебку. Жонившсё Ѳедоръ Цяревиць; живетъ съ ней годъ и приживъ ей брюхо, она родила ему трехъ сыновей; цярскіё роды (родственники) не досмотрили, кто такой родившсё и первой служанки матку въ бабки созвали побабницеть, въ банькѣ помыть. Она и понесла злобу на Ѳедора Цяревиця, што её доць не взявъ, и снесла этихъ сыновей въ цисто полё и принесла отъ польско́й суки трехъ псовъ и говоритъ ему: „вотъ, Ѳедоръ Цяревиць, не взявъ моей-то доцери, гляди-ко—отъ суки-то три пса и родились!“.

Ѳедоръ Цяревиць собиравъ всѣхъ князей, бояръ, рядовыхъ совдатовъ и всю чернеть и ладит(ъ) жону казнить. Она была до всяково народу добродительна и стали тутъ ево

упрашивать: „Ѳедоръ Цяревиць не ради её, а ради насъ прости её въ первой винѣ!“ Онъ послушавсё, простивъ въ первой винѣ. Вотъ опеть живутъ съ годъ времени согласно, и приживъ онъ ей второе брюхо, она родила опеть трехъ сыновъ такихъ-жо; цярскіё роды не досмотрили, кто такой родившсё, и опеть ту-жо бабку созвали побабницеть, этихъ отроковъ помыть. Она опеть снесла этихъ сыновъ въ чисто полё къ польской сукѣ и принесла трехъ псовъ да и говоритъ: „вотъ, Ѳедоръ Цяревиць, побрезговавъ, не взявъ моей доцери, опеть отъ суки родились три пса“. Ѳедоръ Цяревиць опеть собравъ къ сибѣ всѣхъ князей, бояръ и всю чернеть и сильно возгорѣвсё, надо жону повисить, или какъ нибудь рѣшить ее, што нехорошо въ цярскомъ родѣ жона псовъ носитъ. Она двоёмъ (вдвое) добродительнѣе стала до всево народу; опеть ево упрашиваютъ: Ѳедоръ Цяревиць! ты не ради её, а ради насъ прости и во второй винѣ, а ужъ третью пригопишь, то што знаешь, то и дѣлай“. Онъ послушавъ ихъ, простивъ и во второй винѣ жону. Опеть живутъ съ годъ времени съ ней единогласно и прижили третьё брюхо. Родила она опеть трехъ сыновъ и догодаласё, што дѣло неладно, одново сына и сунула сибѣ за рукавъ, не показала некому. Ѳедоръ Цяревиць приказавъ опеть ту-жо бабку созвать обабницеть отроковъ. Она опеть снесла ихъ въ поле и принесла двухъ псовъ и говоритъ ему то-жо самоё, што и раньше.—„Да и въ томъ-то, говоритъ, она обманула тебя, што ладила 9 сыновъ принести, а принесла 8 псовъ только“. Ѳедоръ Цяревиць въ третьёй разъ собиравъ всѣхъ князей и бояръ и всю чернеть, што надо казнить жону. И стали сво упрашивать: „ты не ради её, а ради насъ не казни, не вѣшай, прикажи ты мастерамъ сдѣлать дубовую боцьку и набить жолѣзноё обруцьё и посади въ боцьку, спусти ее на сине-морё и тамъ когды ей смерть будетъ — такъ и ладно!“ Онъ послушавъ ихъ, приказавъ сдѣлать боцьку дубову и набить жолѣзно обруцьё и посадить ее туды. Посадили и спустили на синё-морё и отпехнули ногой отъ берегу, понеси куда надо. Послѣ тово Ѳедоръ Цяревиць веселымъ пиркомъ да и за свадебку и взявъ за себя первую служанку, што просилась раньше.

Жона-жо въ боцькѣ питала своего сына изъ своихъ грудей, который былъ сунутъ за рукавъ-то, и нарекла ему

имя „малой жучко“. Онъ ставъ выростать въ боцькѣ раженькой и говоритъ таковы слова: „Матушка! мнѣ тѣсно стало въ боцькѣ; благослови меня потянутьсё!—Ахъ ты, моё цядо милоё, дитя любимое,—говоритъ она,—я не смію и пошевелитьсё, не то што потянутьсё, подъ нами синё-морё, глубокіё то́пи!..“—„Нѣтъ, матушка,—говоритъ,—подъ нами луга зеленыё, травы шовковыё“. Она и благословила. Онъ какъ потянувсё, обруцьё все прилопало и тоцьно—подъ ними были луга зеленыё и травы шовковыё, и это мѣсто было по край большой дороги. Сынъ поставилъ тутъ бѣлополотнянный шатёръ, у шатра выкопавъ колодець и повисивъ черпакъ золотой. Изъ колодця стали выходить яства сахарніе, напитки пьяные, тутъ они и стали жить. Вотъ идутъ мимо ихъ нищіе-калики и просятсё у вдовы честно́й переноцевать. Она пустила, поила и кормила ихъ, что́ было за душой. По утру калики вставаютъ и спрашиваютъ, гдѣ попрямяя дорога въ такое-то цярство?—Она приказала своему сыну перевести прямымъ трахтомъ, сухимъ путемъ возлѣ синя́-моря въ цярство къ Ѳедору Цяревицю. Сынъ перевелъ, а самъ обвернувсё мухой и сѣвъ имъ въ корзинку.

Ѳедоръ Цяревиць до нищихъ былъ доброй; когды пришли калики, приказавъ своимъ служанкамъ поставить столы дубовы, разос(т)лать скатерьти берцятыё, принести яства сахарніе и напитки пьяныё. Потомъ у нихъ онъ и спрашиваетъ: „вы, калики, широко ходите, видали-ли такіе яства сахарніе и напитки пьяные?“—Извольте (позвольте), Ѳедоръ Цяревиць, слово молвить, не извольте насъ не казнить, не висить?“ Ѳедоръ Цяревиць сказавъ, што говорите чево хотите, казни вамъ не будетъ отъ меня.—„Есть за синемъ моремъ вдова честна́я, у ней рожденъ есть сынъ, на лбу солнышко, по косицямъ часты мелки звѣзды, по-локоть руки въ золотѣ, по-колѣнъ ноги—въ серебрѣ, у нихъ поставленъ бѣлополотнянный шатеръ всего твоего цярства дороже; у этово шатра выкопанъ колодцикъ и повѣшанъ черпакъ золотой; изъ этово колодця всякіё яства сахарніё и напитки пьяныё выходятъ“.

Вотъ Ѳедоръ Цяревиць и загорѣвъ тутъ, надо ѣхать за сине-море узнать, какая тамъ живетъ честна́я вдова? Ево вторая жона и стала уговаривать. „Ахъ, ты, Ѳедоръ Цяревиць, не видавъ ты нищихъ, поѣзжай-ко ты въ цисто полё,

тамъ ходитъ свинка золотая щетинка, привези ты её, такъ вотъ у насъ будетъ всему цярству украшеніе". Мушка это выслушала, обвернулась молодцёмъ и уѣхавъ въ цисто полё, поимавъ тамъ свинку и увезъ за синё-море къ матерѣ. Ѳедоръ Цяревиць йздивъ-пойздивъ въ цистомъ полѣ — ничево не могъ найти...

Опеть черезъ нѣкоторое время идутъ калики перехожіе, нищіе-убогіе черезъ эту вдову честну́ю и выпросились у ней ноцевать. Она около ноци поила, кормила ихъ, что̀ за душой есть. Поутру онѣ и спрашиваютъ: гдѣ въ эко цярство дорога попрямяя. Она опеть наказываетъ сыну провести ихъ, онъ провелъ, а самъ обвернувсе опеть мушкой и сѣвъ въ корзину. Занесли они ево къ Ѳедору Цяревицю въ палаты, тотъ угостивъ нищихъ всѣми яствами и напитками, што̀ у ево въ цярствѣ есть, и спрашиваетъ ихъ: „вы, нищіе, калики убогіе, широко ходите-бро́дите, видали-ли такіё яства сахарніе и напитки пьяныё, што у меня есть?"—„Извольте, говорятъ, Ѳедоръ Цяревиць, слово молвить, не извольте не казнить, не вѣшать". Онъ имъ сказавъ, што казни имъ не будетъ, говорите што угодно. — „Есть за синемъ моремъ вдова честна́я, у ней рожденъ сынъ, во лбу красно солнышко (и т. д.), у нихъ поставленъ шатрикъ, што всево твоево цярства дороже. (Продолженіе о колодцѣ и черпакѣ). „Есть ещо у нихъ приведена свинка золотая щетинка, такъ вотъ украшеніе-то! При этомъ шатрикѣ стоитъ дубъ, на дубу сидитъ котъ „баюнъ", когды забаетъ, голосъ ево слышно за 7 верстъ, волоса на головѣ вянутъ".

Спровадивъ нищихъ, Ѳедоръ Цяревиць опеть возгорѣвъ, надо ѣхать за сине-море, узнать, какая такая вдова честна̀я живетъ? А жона ево говоритъ: ахъ, Ѳедоръ Цяревиць не видавъ ты нищихъ, не мало набаю́тъ тибѣ худыхъ рицей только слушай! Поѣзждай-ко лутше въ цисто полё гулеть, тамъ есть кобыли́ця-златолиця и тридцеть одинъ жеребець,—поимай, такъ украшеніе будетъ всему цярству. (Здѣсь опять повторяется тоже, что Ѳедоръ Цяревиць ѣздилъ и ничего не нашелъ, а мушка подслушала и увела эту кобылицу за море, а затѣмъ опять являются калики къ Ѳедору Цяревицю и расхваливаютъ житье-бытье „честно̀й вдовы"). Жона его опеть говоритъ ему, — охота тибѣ, Ѳе-

доръ Цяревиць, пустыхъ рицей слушать, поѣзждай-ко въ цисто полѣ, тамъ стоитъ 8 шатровъ, въ этихъ шатрахъ живетъ 8 молодцовъ, у каждаго молодця во лбу по красному солнышку, въ косицяхъ часты-мелки звѣзды, на затылкѣ свѣтѣлъ мисяць, приведи-ко такихъ молодцовъ — вотъ и житье намъ съ тобой будетъ хорошое".

Этотъ Жучко (муха) опеть выслушавъ и отправившсё къ матерѣ своей за синё-море, велѣлъ ей нацѣдить отъ своихъ грудей молока и на этомъ молокѣ испекчи 9 колобковъ. Та испекла. Онъ отправился съ колобками въ цисто полѣ и нашелъ 8 шатровъ и угодилъ въ тотъ шатёръ, гдѣ-ка онѣ хлѣбъ-соль кушаютъ, и положилъ 8 колобковъ, а 9-й откусивъ самъ. Вотъ братья ево приходятъ съ гулянья обѣдать и этому чуду удивляются: пошли, ничево на столѣ не оставили, а сейчасъ на столѣ явилисё хлѣбы. Одинъ изъ молодцей и говоритъ: это отъ нашей матушки гостинцы, вѣдь насъ 8 братовъ, 8 и колобковъ поставлено, а девятаго колобка откушено, знацитъ и 9-й братъ здись". Жучко выходитъ изъ-за пецьки и говоритъ: „здраствуйте, родимыё братьиця!" Всѣ другъ дружкѣ обрадили несказанно. Вотъ на этихъ коняхъ они всѣ и отправились за море къ матерѣ своей. Ѳедоръ-же Цяревиць jйздивъ-пojйздивъ по цистому полю, никакихъ шатровъ не видавъ.

Опеть идутъ изъ-за моря къ Ѳедору Цяревицю калики убогіе; онъ принимаетъ ихъ, поитъ и кормитъ втроёмъ лутше перваго разу, потомъ и спрашиваетъ: вы широко, нищіе, ходите-бродите, видали-ли такіё яства сахарніё и напитки пьяные, какъ у меня?" (Калики спрашиваютъ у Ѳедора Цяревиця позволенія свободно высказаться; онъ позволяетъ, тогда они говорятъ:) „Есть за синемъ-моремъ вдова честна́я, у ней 9 сыновъ ясныхъ соколовъ, у каждаго во лбу по солнышку (и т. д.), у нихъ поставлено 9 шатровъ, а и одинъ такъ не дешевлѣе вашего всего цярства. При этихъ шатрахъ у нихъ выкопанъ колодець и повѣшенъ черпокъ золотой, изъ этово колодця выходятъ яства сахарніё, питья пьяные, у нихъ жо къ шатрамъ приведена свинка золотая щетинка, такъ любо смотрить! Есть ещо у нихъ у этихъ шатровъ дубъ стоитъ, на дубу сидитъ котъ „баюнъ", когды баетъ,—голосъ ево чутко за 7

верстъ, и волосы съ головы вянутъ, когды забаетъ. Есть у нихъ кобылиця-златолиця и 31 жеребець, вотъ имъ любо-то на гуляньё jйздить!

Проводивъ Ѳедоръ Цяревиць нищихъ и загорѣвъ, надо ѣхать за сине-море, надо извѣдать, какая тамъ честная вдова есть? Второй жонѣ оболгать больше нечѣмъ, она нарядила силы на дорогу и ставитъ тамъ копья вострыё, штобы мужъ поѣхавъ и заколовсё. Ѳедоръ Цяревиць поѣхавъ.

Вдругъ выходитъ изъ стороны ево младшій сынъ Жучко и говоритъ, што я твой сынъ, Ѳедоръ Цяревиць. Тутъ онѣ обрадили другъ дружкѣ необыцяйной радостью. Потомъ Жучко и говоритъ таковы слова: „не jйзди, мой батюшко, тѣми путями-дорогами, самъ сколешься и коня сколешь; я тебя проведу другой дорогою". Вотъ сили они на своихъ на кобылиць и отправились за синё-море. Пріѣхали туда, Ѳедоръ Цяревиць поздоровался со своей жоной, и она ему на отвѣтъ говоритъ таковы слова: „ахъ, какъ ты награявъ надо мной, Ѳедоръ Цяревиць! Я вѣдь тебя не обманывала, видишь, принесла 9 сыновъ, 9 ясныхъ соколовъ"...—„Не я надъ тобой награ́явъ, говоритъ Ѳедоръ Цяревиць, а награ́яла надъ тобой злая бабка, мать моей первой служанки"...

Вотъ онѣ собрались во путь, во дороженьку, сили на эту кобылицю и жеребятъ и переѣхали со своими шатрами въ свое цярство. Тутъ Ѳедоръ Цяревиць несказанно обрадѣвъ, што полуцивъ свою первую жону, а ту приказавъ сейчасъ-жо посадить на ворота, растрилять и изрубить на кусьё (куски) и кусьё вынести въ полё и сожещи на огнѣ. Потомъ не обманывай! (добавилъ разсказчикъ). И съ тѣми сыновьями стали они жить да быть, и теперь ищо живутъ...

Вельскій у., Тавренгская волость. Со словъ Астафія Матушкина. 90-е годы.

28. Крестникъ.

У одново бѣдново христіанина было много дитей, и родивсе у ево семой сынъ. Бѣдной хрестіанинъ привёвъ попа, пошовъ въ поле;—дѣло было во жниву.

Вотъ онъ приходитъ въ поле, то одново хрещоново позоветъ, то другово позоветъ,—некто ему въ отци крестные нейдетъ. Онъ пошовъ изъ поля и заплакавъ. „Экая, говоритъ, оказія моя: къ богатому каждой желаетъ, а къ бѣдному некто нейдетъ, хоть не хрещоново оставляй". Попадаетсё ему на встричу старичокъ-странничокъ. „Здраствуй, доброй человѣкъ! Што ты идешь и плачешь?" говоритъ странникъ. „Да вотъ ходивъ въ поле къ своимъ хрестіанамъ, Богъ давъ дитей больше людсково, родивсе семой сынъ, а некто мальчика не держитъ, священникъ безъ отця крестново не креститъ"...

Странникъ говоритъ: „Ступай, я одержу этово мальчика"!

„Я радъ, доброй человѣкъ, што бы кто нашовсё, одержавъ".

Странникъ одержавъ ребенка, подаривъ крестикъ, суточки двои-трои поживъ и ушовъ. Мальчикъ живетъ годовъ до пети и больше. Идетъ онъ въ Христовъ день къ литургѣ; послѣ обидни всѣ христосуютсё съ крестными сыновьями, сыновья съ отцями и даютъ яичка. Мальчикъ пришовъ къ отцю своему и матушкѣ, да и говоритъ: „Есть-ли у меня отець крестной?" „Есть, дитя мое милое, говоритъ ему мать,—одинъ странникъ одержавъ тебя, отъ насъ ушовъ да больше и не видали". Онъ пошовъ на игру мальчиковъ и увидѣвъ странника тово, которой одержавъ, тотъ похристосовавсё и далъ ему пряничокъ. Мальчикъ прибѣжавъ къ своимъ родителямъ и говоритъ: „Я видѣвъ своего крестново!" „А, що ты, дитятко,—въ недоумѣнье що-ли? тебѣ надо бы позвать въ гости отця; чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, хоть-бы почествовать!" Онъ заворотивсе, „я, говоритъ, пойду искать ево!" но не могъ найти... Такъ онъ годъ живетъ, другой живетъ, на третей опѣть пошовъ о Христовѣ-дни къ обиднѣ и увидѣвъ онъ отця крестново. Мальчикъ подходивъ къ ему и сказавъ: „Христосъ во-

скресе!“ Вотъ онѣ похристосовались: ребёнокъ яичкомъ, а странникъ прѣничкомъ, онъ и зовётъ отця крестново въ гости, говоритъ, що „татенька и маменька не велѣли оставлѣть“. „А, вотъ што, дитя милое, сказавъ онъ, мнѣ не слободно къ вамъ идти, токо ты со мной пойдешь, то иди!“ Мальчикъ бывъ въ толку, сказавъ: „Ну, я отъ тебя не отстану“. Пошли онѣ рощами и садами, зашли въ рощу, а тамъ поспили всякіе фрухты и ягоды. Этими садами онѣ шли довго и нашли огромной домъ; когда въ нево зашли, крёстной и говоритъ: „Ну, дитя милое, ты оставайсё въ моемъ домѣ, а я пойду отъ тебя не на довго“. „Ты куды, отець, пойдешь?“ спросивъ мальчикъ. „Я пойду на сине море, на синемъ морѣ, говоритъ, три корабля погибаютъ отъ Божьей милости, а на трехъ корабляхъ одинъ праведникъ есть, изъ-за одново праведника надо всѣ корабли спасти“. Онъ пошовъ и наказавъ: „Вотъ, што, дитя милое! ты по всѣмъ комнатамъ ходи, а въ одну не заглядывай“. Онъ ходивъ, ходивъ по комнатамъ и думаетъ: „а що такое, я загляну въ эту комнату?“ Онъ взглянувъ и увидѣвъ все, що происходитъ въ преисподней. Вотъ ему знакомой человѣкъ привёвся, онъ взявъ да ухативъ ево за бороду, хотѣвъ ево вытащить, а только полбороды вырвавъ, а тово опѣть къ низу „укабарило“; такъжо и другово человѣка изъ женсково полу захвативъ за сарафанъ, но отъ сарафана только клинъ вырвавъ, а её тожо укабарило. Вышовъ изъ комнаты, а отець крестной вдругъ и приходитъ. „Такъ, дитя милое, во всѣ комнаты заглядывавъ?“ „Заглядывавъ, говоритъ, отець крестной!“ „Што-жо ты видѣвъ?“ Онъ розсказавъ все. „Какъ, говоритъ крестной, тебя самово-то не укабарило туды?.... Ну, дитя милое, я лягу теперь отдыхать, повѣшу костыль на спицьку и шапоцьку на костылёкъ,—ты моей шапоцьки на голову не накладывай и костыля въ руки не бери“! Онъ заснувъ-ли, нѣтъ-ли, а мальчику не терпитсё, онъ положивъ шляпоцьку на голову и увидѣвъ онъ по всей вселенной, кто какой грѣхъ сочиняетъ; онъ взявъ костыль въ руки—показываетъ ему все и близко. Мальчикъ все терпѣвъ, хоша и близко показываетъ, вдругъ два молодця стали подкапывать подъ церкву и надо унести имъ казна, онъ глядѣвъ, глядѣвъ на ихъ да и вскричавъ: „що вы,

разбойники, дѣлаете-то!“ и сичасъ-жо очудившсѣ на томъ мистѣ, гдѣ и прежде бывъ, откуда съ отцемъ крестнымъ пошли. Ему мѣсто то незнакомо, онъ и ставъ выспрашивать: „какая это волость? какая церква? какой престолъ?“ Ему розсказали все; ему-жо показалось, що одинъ день проходивъ съ крестнымъ, а онъ проходивъ 1600 лѣтъ. Потомъ распросивъ сродственниковъ—неково не оказалось, но фамилія не вывелась...

Вельскій у., д. Заручевная. Зап. со словъ крестьян. Степана Пестерева. 90-е годы.

---

29. Ершъ.

Шевъ Ершъ мелкими рѣками, крутыми берегами; о берегá отёръ бока, о патарчины—выцапавъ глаза. Зашевъ Ершъ въ Ростово озеро, попросився у Щуки-Бѣлуги ночь ночовать, отъ ночи двѣ ночи, отъ двухъ ночей—пять ночей, отъ пяти ночей—пять мѣсяцовъ; и наплодивъ Ершъ мелкой рыбёшки, все ершонки, множество. Нашла бѣда на рыбьи города; не стало свѣту отъ ершова отродья, заполонило оно всѣ рыбьи угодья.

Въ Бѣломъ морѣ живъ-бывъ рыба Китъ, рыбій царь и государь; всѣ водяныѣ дѣла знаетъ и рыбьи ссоры разбираетъ. Съ общаго совѣта весь рыбій народъ задумавъ сдѣлать на Ерша походъ; бить ево не били, а доносъ на Ерша социнили. Посылаютъ съ доносомъ Налима; Налимъ упираетсѣ, идти съ доносомъ не соглашаетсѣ: „Нѣтъ, господа! я говорю-шепелю; пошлите пройдоху купца Лоху; онъ въ разныхъ моряхъ бывавъ, разныхъ рыбъ видавъ, поднесётъ онъ доносъ подъ самой Китовъ носъ“... Лохъ повиновавсѣ и въ Бѣлое море отправлявсѣ на почтовой рыбѣ Семгѣ. — Черезъ ниделю Лохъ обратно прискакавъ, а Окунь приказъ читавъ, — Китово посланье всему рыбью собранью: „Съ Ростова озера отъ рыбьяво собранья жалобу получивъ и купцю Лоху приказъ вручивъ—схватить Ерша бездѣльника до первово понедѣльника, связать, скрутить, ко мнѣ притащить; за подлое издѣвательство ко мнѣ на разбирательство“. Поскакали гонцы во всѣ концы, въ поланьи и букли, но Ерша бездѣльника не нашли.

А удиравъ Ершъ бездѣльникъ тѣми рѣками, которыми шевъ раньше и о берега отёръ бока, о патарцины выцапавъ глаза... Въ то время шевъ мужикъ въ сѣромъ армякѣ и забивавъ ѣзъ на рѣкѣ; приходитъ Борша и ставитъ верша; приходитъ Богданъ--Ерша Богъ и давъ; приходитъ Осипъ—снесъ Ерша въ о́сѣкъ; пришовъ Амосъ—Ерша изъ осѣку унёсъ; пришовъ Провъ—принесъ дровъ; пришовъ Гаврилъ—Ерша сваривъ; пришовъ Яковъ—Ерша смякавъ; пришовъ Елизаръ—тотъ только блюдо полизавъ...

Вельскій у. 90-е годы.

29.а „И на Машку бываетъ промажка“.

Разъ лисица пришла въ деревню и попала какъ-то въ одинъ домъ, гдѣ, воспользовавшись отсутствіемъ хозяйки, нашла кувшинъ съ масломъ. Кувшинъ былъ большой, съ высокимъ горломъ, какъ достать масло? Подошла къ нему и давай пѣхать туда свою голову и съ большимъ трудомъ запѣхала. Вдругъ приходитъ хозяйка, лисица бросилась вонъ вмѣстѣ и съ кувшиномъ, такъ какъ не могла обратно вытащить изъ него своей головы. Прибѣжала къ рѣкѣ и, сидя на берегу, думаетъ: „какъ ей вынять голову изъ кувшина?“ Начала молиться кувшину: „Кувшинъ, батюшко, отпусти меня!.. Пошутилъ, да ужъ и будетъ“... Но кувшинъ все на головѣ. „Стой, говоритъ лисица, увидя прорубь въ рѣкѣ (дѣло было зимою) застужу въ прорубѣ масло да и разобью“. Сказано—сдѣлано. Пришла къ прорубѣ и сунула въ нее свою голову съ кувшиномъ, а кувшинъ былъ тяжелый и большой, быстро пошелъ на дно рѣки, а вмѣстѣ съ нимъ и сама лисица...

Вельскій у. 90-е годы.

---

30. Мужикъ и Чёртъ.

Въ нѣкоторомъ цярствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ мужицёкъ-лѣсницёкъ; онъ ходивъ лѣсовать не далеко и бивъ дици не много. Вотъ онъ и говоритъ самъ сибѣ: „надо сходить подальше, можотъ (быть) побью побольше“. Отправився по одинъ день подальше и бьетъ

всяково звиря много и слышитъ въ одной сторонѣ и крикъ, и рёвъ, но не смѣвъ тово дни пойти туды. На второй день опѣть-жо идетъ въ ту сторону лѣсовать и тожо бьетъ всяково звиря ощо тово больше и чуетъ тотъ-жо крикъ и рёвъ въ той сторонѣ; онъ опѣть не смѣвъ туды идти, такъ оставивъ. Вотъ и на третей день идетъ тудыжо и тожо бьетъ всяково звиря много и опѣть слышитъ ревъ и крикъ; расположивсе: што будетъ — схожу, што тамъ такое? Приходитъ къ этому мѣсту и видитъ дерутцё левъ-звирь и чёртъ. Вотъ этотъ лёвъ-звирь и давай просить мужичка, штобы подсобивъ этово чёрта убить. И чёртъ проситъ мужицька-лѣсницька, штобы подсобивъ лёва-звиря убить. Мужикъ думаетъ самъ сибѣ: не знаю, которово и убить?

Если чёрта убить, то левъ-звирь съѣстъ меня, а лёва-звиря убить—чёртъ помучитъ, помуцитъ, да живо-жо оставитъ", и рѣшивъ льва убить. Вотъ онъ взявъ свое ружье, зарядивъ ево покрипце и убивъ лёва-звиря. Этотъ чёртъ и говоритъ: „Цѣмъ-жо я буду тебя, мужицёкъ, награждать? здѣсь наградить мнѣ нецѣмъ,—пойдемъ-жо, другъ, домой,—тамъ я награжу тебя цѣмъ нибудь!" Приходятъ онѣ къ чёрту, бросаетъ этотъ чёртъ шкуру лёва-звиря о полъ и говоритъ своему отцю: „Ахъ, батюшко! сколько я не ходивъ, а все-таки лёва-звиря погубивъ!"... „Ахъ, дитя! говоритъ отець,— гдѣ тибѣ лева-звиря погубить?". „Да вотъ мнѣ, батюшко, мужицёкъ-лѣсницёкъ помогъ убить, я не знаю, цѣмъ-жо ево и наградить?" „А вотъ што, дитя! говоритъ старшóй чёртъ,—есть у насъ серебряное кольцё, съ руки на руку переложить—выскочитъ 12 молодцей, що угодно, то и сдѣлаютъ, отдадимъ ему, пусть онъ повиситъ подъ правую пазуху. Но этово, говоритъ малой чортъ, мало ему; вотъ што, другъ, пойдемъ къ цярю, у цяря есть много пастушковъ, пасутъ скота и дѣлаютъ утраты во всякой день много, и порядись ты у этово цяря пасти скота и будешь пасти постоянно сохранно и жалованье онъ тибѣ положитъ большое". Приходятъ къ цярю и говоритъ мужицёкъ на этихъ пастуховъ, што „вы, вотъ, ходите и много утраты дѣлаете, а я буду ходить сохранно"! Вотъ ево цярь этотъ и порядивъ въ пастухи и рядивъ ему сто рублевъ въ лѣто; онъ и ставъ ходить сохранно. Этихъ, старыхъ пастуховъ

цярь посадивъ въ тюрьму, имъ стало бѣдко на нововo пастуха; и выходятъ цярскіе дити погулеть къ острогу, вотъ этѣ острожники и говорятъ: „Эй вы, цярскіе дити! подьте-тко сюды, цево нибудь скажемъ про вашево новаво пастуха“. Дити подошли, они говорятъ: „вашъ молодой (новой) пастухъ похвалѣетцѣ достать изъ-за тридевять земель, изъ-за тридесять морей, изъ тридесятово цярства отъ бабки отъ довгоноски внуцьку Олёну, прекрасну дѣвицю“. Вотъ дити пришли домой и сказали своему отцю. Доживаютъ до вецера, пригоняетъ пастушокъ скота сохранно, и призываетъ ево цярь на-лицѣ и говоритъ ему таковы слова: „Ну, вотъ што, молодець, достань мнѣ сей-жо ноци невѣсту отъ бабки довгоноски внуцьку, Олёну прекрасную, не достанешь—голова долой!“

Вотъ пастушокъ заплакавъ горькимъ горюцимъ слезами и вышевъ изъ цярства, да самъ сибѣ и говоритъ: „Эхъ, кабы да на эту пору, на это времецько, да старопрежній другъ-чёртъ!“ а онъ тутъ и есть. „О цёмъ, говоритъ, другъ, плацёшь?“ „Да вотъ такъ и такъ, говоритъ, цярь службу накинувъ“. „Однако, какую?“ „Да приказавъ достать изъ-за тридевять земель, изъ-за тридесять морей, изъ тридесятово цярства Олёну, прекрасную дѣвицю, взамужъ“. „Эхъ, другъ! говоритъ чёртъ,—это намъ не служба, а службишка. Садись за плеци!“ Вотъ онъ сѣвъ за плеци къ чёрту, и потащились. Несетъ ево чёртъ и говоритъ таковы слова: „Вотъ што, другъ! придемъ мы съ тобой туды, а мнѣ въ домъ зайти неприступно; въ этотъ домъ ты пойдешь все равно, што поло; у воротъ стоятъ цясовые, но я напущу на ихъ сонъ, все равно, што мертвые будутъ. Когды въ первую комнату взойдешь — спитъ простонародье; во вторую комнату взойдешь—спятъ солдаты; въ третью комнату взойдешь — спятъ господа офицеры, и на всѣхъ я напущу мертвой сонъ; въ цетвертую комнату взойдешь — спитъ она, прекрасная Олёна; заверни ты ее съ постелькой всей и тащи по комъ хоцешь, хоть по народу, не кто не пробудитцѣ“. Мужикъ такъ и сдѣлавъ: прошовъ три комнаты, взошовъ въ цетвертую, взявъ ее съ периной и потащивъ скорѣе, а всѣ спятъ какъ мертвые; приноситъ на улицю, садитцѣ къ чёрту за плеци и потащились къ цярю. Приходитъ онъ къ цярю и кладетъ ее въ прихожую. Эта дѣвиця

по утру встаетъ и говоритъ сама сибѣ: „Ахъ, Боже мой! гдѣ жо я теперь лежу? у цяря въ прихожей“... Вотъ приходитъ цярь къ ней и говоритъ: „Што-жо, Олёна, прекрасная дѣвиця, идешь-ли взамужество за меня?“ „Ахъ, ваше цярское величество! отцево-жо я нейду за васъ, только есть-ли у васъ винцельное платье?“ „Какъ-жо, говоритъ, нѣтъ у насъ платья?“ Вотъ онъ отвелъ ей комнату съ платьемъ; она день выбираетъ, другой и третій и не могла по уму прибрать платья. „Ну, говоритъ, ваше цярское величество, когды умили меня достать, такъ умійте и мое винцельное платье достать!“ Вотъ этово пастушка цярь опѣть призываетъ къ сибѣ на-лицё и посылаетъ опѣть туда-жо за платьемъ. „Представь-жо, говоритъ, къ утру, а не представишь — голова съ плець долой!“ — Пастухъ выходитъ изъ цярства и плацётъ тово тошняя. „Ахъ, говоритъ, кабы на эту пору, да на это времяцько да старопрежной другъ чёртъ!“ Онъ тутъ и есть. „О цёмъ, другъ, плацёшь?“ говоритъ. „Да вотъ цярь опѣть службу накинувъ: приказавъ достать платье винцельное“. „Ну, говоритъ чёртъ, эта служба ницево-таки служба! Но, давай постараемся, можотъ достанемъ“. Вотъ пастушокъ сѣвъ къ нему за плеци, и потащились опѣть. Несетъ ево чёртъ и говоритъ: „Вотъ што, другъ, это платье у ней въ каменномъ соборѣ и въ алтарѣ подъ престоломъ. Вотъ мы когды придемъ къ этому собору, у этово собора (есть) каменная ограда и лежитъ тутъ обломковъ кирпицю много, ты бери одинъ которой поматеряя; въ этомъ соборѣ будетъ совершатцё служба, ты взойди въ соборъ и встань за пецьку, а мнѣ идти туды неприступно. Вотъ я обвернусь златорогой ланью, буду вокругъ собора бѣгать и служба остановитцё, пойдутъ меня ловить и выйдутъ изъ собора всѣ, останетцё одинъ монахъ, да и тотъ станетъ въ окно смотрить. Вотъ ты (въ это время) изъ-за пецьки выйди и этимъ кирпицёмъ въ тимё ево ударь и сними съ ево монашеское платье и надинь на себя; тогды и возьми это платье изъ-подъ престола, выходи вонъ и лови меня, я тибѣ половлюсь“. Вотъ приноситъ ево чёртъ къ этому собору,—тоцьно, што въ соборѣ служба идетъ, и взявъ онъ кирпиць, которой поматеряя, заходитъ въ соборъ и встаетъ за пецьку, штобы некто не видавъ ево. А чёртъ

обвернувсе златорогой ланью и ставъ бѣгать вокругъ собору. Пѣвціе увидали эту лань и остановили службу, другъ по дружкѣ и вышли всѣ; оставсе одинъ монахъ и тотъ смотритъ въ окно. Вотъ этотъ мужицёкъ выходитъ изъ-за пецьки, этимъ кирпицёмъ и зашибъ монаха, снявъ съ ево монашеское платье и надѣвъ на себя; потомъ доставъ подвинецьное платье изъ-подъ престола, сунувъ ево за пазуху, выходитъ вонъ и ловитъ эту лань. А люди ему и говорятъ: „Эхъ, монахъ! гдѣ тибѣ поймать эту лань? — есть полутше тебя, да не могутъ половить!..“ Онъ одно: пробираетцё къ ней да дружелюбитъ, а эта лань подвигаетцё къ нему да лащитцё. Поймавъ эту лань и сѣвъ на ее. Народъ крицитъ: „Монахъ, вались! не то увезетъ тебя“ — а онъ держитцё да думаетъ, какъ бы скоряя уѣхать. Выѣхали на заполье, снявъ съ себя монашеское платье, повисивъ на колъ, а самъ сѣвъ къ другу за плеци, и потащились опѣть.

Приходитъ пастушокъ къ цярю и кладетъ это платье въ прихожую. По утру встаетъ Олёна, прекрасная дѣвиця, и говоритъ: „Ахъ, Боже мой! гдѣ мое платье было, а топерь у цяря въ прихожой лежитъ“. Приходитъ къ ней цярь.

„Ну, што-жо, говоритъ, Олёна, прекрасная дѣвиця, идешьли за меня взамужъ топерь?“ „Отцево нейду, говоритъ, ваше цярское величество, но есть-ли у васъ винцельные кони и карета?“ „Какъ-жо, говоритъ, у насъ нѣтъ коней и кореты?“ Вотъ онъ отвелъ ей конюшну, другую и третью; она день выбираетъ, другой выбираетъ и третій, — не могла по уму прибрать не коней, не кореты, и говоритъ опѣть цярю: „Когда умили, ваше цярское величество, меня достать, умили и мое подвинцельное платье достать, такъ умійте-жо и моихъ тройку коней и корету достать!“ Вотъ цярь опѣть своево пастуха призываетъ и наказъ наказываетъ, штобы къ утру достать тройку коней и корету, а не то — голова съ плець долой! Выходитъ пастушокъ изъ цярства и плацётъ ищо тово тошняя, да и говоритъ: „Эхъ, кабы да на эту пору, на это времецько старопрежной другъ чёртъ!“ А онъ тутъ и есть! „О цёмъ, говоритъ, другъ, плацёшь?“ Онъ сказавъ, што такъ и такъ, цярь службу накинувъ опѣть“. „Какую-жо службу накинувъ?“ „Приказавъ, говоритъ, тройку коней винцельныхъ достать и корету“. „Ага, па! говоритъ, — да это служба! Ну, да все-таки пойдемъ,

можотъ достанемъ". Вотъ и потащились добры молодци опѣть. Эти кони и корета были у ней въ синемъ морѣ подъ каменной плитой. Приходятъ къ синю-морю, чёртъ посылаетъ этово мужицька въ лафку купить двѣ свици воску ярово. Мужицёкъ принесъ двѣ свици воско-яровыхъ; одну свицю затепливъ сибѣ, а другую товарищу. Чёртъ и говоритъ ему: „Вотъ што, другъ! когда вся свиця изгоритъ, а меня изъ моря все-тъ нѣтъ, то и ты валейся въ воду, и тибе не жира!" сказавъ это и укурнувъ въ море. Этотъ мужицёкъ и давай ходить по берегу и дожидаетъ своево товарища. Вотъ у ево половина свици сгорѣла, а чёрта все нѣтъ; вотъ ужо и немножко стаетъ, — ево все нѣтъ; и ставъ онъ ужъ къ нокотку прилипать свицюшку и заплакавъ горькими да горючими (слезами), „видно и мнѣ не жира", думаетъ...

Вдругъ по морю волна заходила,—это чёртъ и идетъ на тройкѣ; выѣхавъ на берегъ и вскрицявъ: „Успѣвай садитцё, другъ, скоряя!" Мужицёкъ успѣвъ вскоцить ему въ карету, и понеслись добры молодци: гдѣ у дома уголъ захватятъ— уголъ проць, гдѣ у церквей прихватятъ угла — главы покривятця. Вотъ чёртъ и говоритъ своему другу: „вотъ што, другъ! ни доидемъ до цярства, ты ихъ тпрруукни, а то все ваше цярство разнесемъ". Не доѣхали онѣ до цярства, мужикъ и крикнувъ (лошадямъ) „тпрруу!" кони остановились... Вотъ онѣ доѣхали до цяря. Мужицёкъ-пастушокъ вышовъ изъ кореты, привелъ этихъ коней къ столбу тоцёному и привязавъ къ кольцю золоцёному, надававъ пшеници бѣлоярыя и заходитъ къ цярю въ палаты, и даетъ знать государю, што привелъ такихъ-то коней. Царь призываетъ Олёну, прекрасную дѣвицю, на лицё къ сибѣ: „Ну, што-жо, Олёна, прекрасная дѣвиця! идёшь-ли топерь за меня взамужъ?" „Отцево-жо, говоритъ, нейду, ваше цярское величество, — коли вы умили меня достать, и мое винцельное платье, и моихъ коней съ коретой, ну, такъ ищо у этово своево вѣрново слуги отрубите голову, — тогда я за васъ иду взамужъ". „Нѣтъ, дѣвиця Олёна, не подымаютцё у меня руки срубить головы ево, сказавъ ей цярь. Вотъ она взяла саблю и срубила голову самому цярю и взяла этово пастушка за ушка и поцѣловала ево во уста: „Пусть-жо ты мой мужъ, а я твоя жона!" Вотъ онъ и сѣвъ на цярство.

Вотъ ево старопрежной другъ чёртъ и приходитъ (къ нему) да говоритъ: „Ахъ, другъ! сѣвъ на цярство, да не на руки куделя“... Мужицёкъ день проживъ, наступила ноць, ложитцё съ молодой жоной спать... Эта бабка довгоноска изозналасе тамъ, што ее внуцька увезена и за цяря взамужъ отдана, и отпустила она своей силы три корабля, штобы это цярство все плѣнить, головней покатить и цяря опалить. Старопрежной другъ чёртъ приходитъ къ нему и колотитцё: „Ахъ, другъ, говоритъ, спишь, да свою голову проспишь!“ Вотъ онъ вставъ, въ свою подзорную трубку поглядѣвъ (и видитъ:) идетъ моремъ три корабля силы; онъ взявъ это кольцо изъ-подъ правой пазушки, съ руки на руку переложивъ и выскоцили двѣнадцеть молодцей: „Цево угодно, ваше цярское величество?“ говорятъ. „А вотъ што, братци, говоритъ онъ, — эту силу всю разбить и по водѣ разметать!“ Вотъ эти молодци и пошли по морю, все равно какъ по землѣ, и всю силу разбили и по водѣ разметали, и приходятъ на прежнее мѣсто. Переноцевали ноць, какъ ницево и не было; наступаетъ день, живутъ (молодые) преспокойно; наступаетъ опѣть вечеръ и, какъ только-што спать легли, эта бабка довгоноска отпустила шесть кораблей силы, надо ей цярство покорить. Вотъ старопрежной другъ чёртъ опѣть колотитце и говоритъ таковы слова: „эхъ, другъ, спишь, да свою голову проспишь!“ Цярь встаетъ, въ подзорную трубку поглядѣвъ (и видитъ:) идетъ шесть кораблей силы и тово ближе. Онъ торопесь кольцо съ руки на руку переложивъ, выскочили 12 молодцей. „Цево изволите, ваше цярское величество?“ „Надо, братци, эту силу всю розбить и по водѣ разметать!“ Вотъ онѣ эту силу всю разбили и по водѣ разметали и воротились на старое мѣсто. Переноцевали (молодые) ноцьку, какъ нецево не бывало, живутъ и день преспокойно, наступила третья ноць. Вотъ бабка довгоноска отправила 12 кораблей силы и сама въ легкой лодоцькѣ поѣхала: надо ей узнать, куда сила дѣвается? А старопрежной другъ чёртъ опѣть приходитъ и колотитцё: „Эхъ, другъ, спишь, да голову проспишь!“ крикнувъ. Цярь вставъ, въ подзорную трубку поглядѣвъ: идутъ 12 кораблей силы, а сзади идетъ и сама бабка довгоноска въ легкой лодоцькѣ. Онъ кольцё съ руки на руку переложивъ, — выскочило 12-ть молодцей: „Цево изволите, ваше

цярское величество?“ „А вотъ што, братци, говоритъ, надо эту силу разбить и по водѣ разметать, а бабку довгоноску въ гости созвать“. Онѣ эту силу всю разбили, по водѣ разметали, а бабку довгоноску въ гости созвали. Вотъ зять её молодой сталъ угощать всякими напитками, въ томъ числѣ и самъ напився, сдѣлався оцень пьянъ и легъ спать, отдыхать со своей молодой жоной, а жона ему и говоритъ: „Какъ-жо ты у моія бабушки силу губивъ?“ „А своей, говоритъ, русской храбростью“. „Врешь, што нибудь да есть у тебя?“ Онъ съ пьяна то и сказавъ, што у меня подъ правой пазушкой на шовковой лентоцькѣ есть серебряное кольцё,—съ руки на руку переложу,—выскочитъ 12-ть молодцей, што надо, то и сдѣлаютъ“. Вотъ и заснувъ. А жона ево возьметъ да это кольцё и срѣжотъ и выйдетъ съ этой бабкой вонъ. Бабка возьметъ это кольцё съ руки на руку переложила, — выскочило 12-ть молодцей: „Цёво изволите, бабка довгоноска? спросили тѣ. „Это цярство, говоритъ, все покорить, поплѣнить, головнёй покатить и царя опалить!“ Вдругъ это цярство и загорѣло, головней все покатило и самово цяря опалило. Эта бабка со своей внуцькой сѣла въ лодку да и обратилась въ свое мѣсто. Вотъ старопрежной другъ чёртъ и приходитъ къ своему товарищу и говоритъ: „Ахъ, другъ! я тибѣ говоривъ, што не на руки куделя“... Взявъ ево, посадивъ на плеци и унесъ домой. Принесъ домой и говоритъ своему отцю: „Ахъ, батюшко! у меня што надъ другомъ-то сдѣлалось—всево опалило!“ „А вотъ што, дитя, слазай-ко въ подполье, у меня есть тамъ кувшинцикъ о двѣнадцети рыльцяхъ—принеси“. Чёртъ этотъ кувшинцикъ доставъ и ставъ лецить своево товарища, и вылецивъ, тотъ сдѣлавсе ищо лутше прежнево; вотъ и говоритъ ему: „А, што, другъ, не желаешь-ли своей жоны повидать?“ А онъ отвицѣетъ: „Эхъ, другъ! да гдѣ-жо мнѣ топерь своя жона повидать?“ „Да ежели желаешь, говоритъ чёртъ, такъ садись за плеци, сицясъ посмотримъ“. Вотъ онъ тутъ сѣвъ за плеци и потащилисё добры молодци. Дорогой и говоритъ чёртъ ему: „Вотъ што, другъ! онѣ топерь съ дорожки въ банѣ моютцё, а въ баню мнѣ зайти тутъ можно; возьми-жо ты свою саблю и встань въ передбаньѣ, а жона твоя изъ бани пойдетъ, ты не тронь ее, а бабка пойдетъ, то какъ только она въ двери голову покажетъ, я

съ зади немножко подпехну, — ты и не зѣвай, руби ей голову саблей". Приходятъ добры молодци къ этой банѣ, какъ есть онѣ съ дороги моютцё въ ней; чёртъ и забравсе въ баню къ пимъ, а мужицёкъ вставъ въ передбаньѣ. Вотъ выходитъ жона ево изъ бани, сунула во двери голову и говоритъ своей бабкѣ довгоноскѣ: „Ахъ, бабушка! русскимъ духомъ пахнетъ!" „Што ты, дитя,—отвицѣетъ бабка,—какой здись русской духъ? ты жила тамъ,—тибѣ все русской духъ и цюетцё"... Вотъ жона и ушла изъ бани; бабка одна осталась въ банѣ. Вотъ и она покатилась водой и пошла вонъ; во двери только-што голову показала, чёртъ съ зади немножко попехнувъ, а мужицекъ и отсѣкъ ей голову, взявъ за носъ и бросивъ въ море; на ногу вставъ, другую раздёрнувъ и тожо въ море бросивъ. Пришовъ онъ къ своей молодой жонѣ, беретъ ее за руку и отправлѣютцё въ свою мѣстность, и построивъ онъ опѣть свое цярство ищо лутше прежнево, и ставъ онъ со своей жоной жить да цярствовать, тѣмъ и сказка концѣетцё!..—

Вельскій у. Зап. со словъ Матушкина. 90-е годы.

---

31. Жаръ-Птица.

Жилъ-былъ цярь, у этово цяря жона была такая прекрасная, што лѣтъ 30-ть некто не видавъ ее въ лицё,— подъ скроемъ водивъ. Жона принесла ему трехъ сыновъ; стали онѣ выростать до большово возврасту, и ходили онѣ во зеленой садъ гулеть и по нотамъ плясать. Вотъ приходятъ съ гуленья и говорятъ своему батюшку таковы слова: „Ахъ, батюшко! выпусти ты нашу матушку, пусть она посмотритъ, какъ мы гулѣемъ". Онъ послушавъ ихъ, выпустивъ ее на балконъ. На ту пору, на то время прилитѣла Жаръ птиця, схватила ихъ матушку и унесла за тридевять земель, за тридевять морей въ свое цярство. Говоривъ тогды цярь своимъ сыновьямъ таковы слова: „вотъ я васъ послушавъ, выпустивъ вашу матушку, а свою жону, и намъ больше ее во вики не видать!.." Большово сына звали Ѳедоромъ, среднево — Васильемъ, а младово—Иваномъ; они и пошли добиратцё своіё матушки. Спервонацялу зашли онѣ въ кузницю и сковали сибѣ по ципѣ по желѣзной. Шли да шли

и до тѣхъ поръ дошли, што ушла дорога въ гору, и на эту гору не попасть не пѣшому, не конному. Малой братъ и говоритъ большому: „Ну-ко, братъ Ѳедоръ, бросай ты свою ципь на эту гору!“ Онъ бросивъ, но за край (горы) крюкомъ тамъ не захватило, не могъ и до краю докинуть. Потомъ ставъ бросать свою ципь середній братъ Василій, и у тово не захватило за край горы, ципь назадъ покатилась. Бросавъ Иванъ Цяревиць свою ципь и захватила ево ципь за край, за гору, и посылаетъ онъ своево брата Ѳедора по этой ципѣ лизти на гору; и подлезъ ево братъ Ѳедоръ высоко, назадь оглянувсё и охватила ево страсть, и окативсё долой съ горы этыя. Вотъ посылаетъ Иванъ Цяревиць второво брата Василья лизти на эту гору, и тово взяла страсть, не могъ взлисти на эту гору. Вотъ полезаетъ самъ Иванъ Цяревиць на эту гору и наказъ братьямъ наказываетъ: „Вы дожидайтесь меня со своей матушкой въ девятой день; ежели я въ девятой день не буду, то сотворите мнѣ этто вѣцьную память...“ Вотъ онъ злезъ туды и пошовъ онъ по этой горѣ и видитъ матерущую хоромину и колотивсё подъ окномъ: „Господи, помилуй! Дома-ли хозѣинъ? Ослободи, говоритъ, меня отъ темной ноци, пусти ноцевать!“ И забиласё тутъ по плечь въ окно прекрасная дивцина: „Кто, говоритъ, подъ моимъ окномъ (такъ) смѣло колотитцё? Живу я этто 30 лѣтъ, мимо меня конной не проѣзживавъ, пѣшой не прохаживавъ, звирь не прорыскивавъ, птиця не пролетывала...“ Онъ былъ изъ себя прекрасной распрекрасной, ей онъ задавсё и она ему поглянулась. Она спросила ево: „какихъ ты родовъ, какихъ городовъ, каково отця-матери сынъ и какъ тебя зовутъ?“ Онъ сказавсе, какихъ родовъ, какихъ городовъ, каково отця-матери сынъ, „а зовутъ, говоритъ, Иваномъ Цяривицёмъ“. Она на отвѣтъ и говоритъ ему таковы слова: „Возьми меня, Иванъ Цяревиць, взамужъ, такъ я тебя ослобожу отъ ноци, пущу ноцевать“. Онъ далъ ей такую росписку, што ему кромя ее не жонитцё“, и она дала отъ себя, што кромя ево не за ково взамужъ не выходить. Когды пустила ево ноцевать, тогды и сказаласё ему: „я, говоритъ, Жаръ-Птици доць, и дала ему своево добраго коня, онъ и поѣхавъ заутра дальше. Сутки ѣхавъ, другіе и третіё, пріѣзжаетъ и видитъ: двоемъ тово лутше стоитъ хоромина, и сталъ онъ проситцё подъ окномъ но-

цевать, и забиласе опѣть такжо по плець въ окно дивцина и двоемъ той лутше, и говоритъ ему: „Я живу этто 25 лѣтъ, мимо меня не кто не проѣзживавъ, пѣшой не прохаживавъ, звирь не прорыскивавъ, птиця не пролетывала, а кто такъ смѣло колотитцё?“ Онъ сказавъ ей, што я ѣду не по охотѣ, а по неволѣ; пусти ноцевать, тогды я скажу всѣ обстоетельства“. Она пустила ево и стала спрашивать, какихъ ты родовъ, какихъ городовъ? (и т. д.) Онъ сказавсе ей, и она ему: „Я, говоритъ, вторая доць Жаръ-Птици“; потомъ говоритъ: „возьми меня, Иванъ Цяревиць, взамужъ!“ Отвицявъ онъ, што „оцень радъ, прекрасная дѣвиця, взеть!“ Вотъ онѣ тутъ и сдѣлали росписку: ему не жонитцё окромя ее и ей не выходить взамужъ окромя ево. Она смѣнила ево доброво коня, дала ему своево, а тово оставила на дворѣ. Вотъ и поѣхавъ онъ; сутки ѣдетъ, другіе и третіе, и наѣхавъ: стоитъ такой теремъ, што верхъ золотой, а низъ серебряной, и ставъ онъ проситцё въ эту фатеру ноцевать. Отворила дивцина окошко и такая прекрасная, што въ бѣломъ свитѣ такой нѣтъ и краше и лутше. Она стала ево спрашивать: „какихъ ты родовъ, какихъ городовъ, каково отця-матери сынъ и какъ тебя по имецьку зовутъ?“ Иванъ Цяревиць ей сказавсе и розсказавъ все, для цево онъ поѣхавъ. Она потомъ и говоритъ ему таковы слова: „Возьми меня взамужъ, тогды я подсоблю тибѣ достать свою матушку!“ Эта дивцина была ужо третія доць Жаръ-Птици; вотъ онѣ сдѣлали тутъ условіе, што ей не выходить не за ково окромя ево, и ему не жонитьцё окромя ее. Иванъ Цяревиць у ее переноцевалъ, она по утру бужаетъ ево ранёхонько: „не сномъ, говоритъ, дорожка коротать, а надо пецелью“. Онъ вставаетъ ранёхонько, обуваетцё гладёхонько, умываетцё билёхонько. Она даетъ ему своево маленьково коника вороненьково и говоритъ ему, наказъ наказываетъ: „Ты пріидешь ко цярству Жаръ-Птици и кругомъ ее цярства стоитъ каменна стѣна, ты и дуй плетью этово доброво коника и приговаривай ему: „какъ ты служишь Жаръ-Птици младшой доцери, такъ послужи и мнѣ, Ивану Цяревицю“. Потомъ дала ему ширинку шитую; „вотъ, говоритъ, какъ перескочишь каменную стѣну и задинетъ коникъ задней лѣвой ногой за струну, ты (тогда) съ нево слизь и махни этой ширинкой, тогды обвернешьсе ты горносталемъ и убѣжи

подъ каменную стѣну". Вотъ садивсе Иванъ Цяревиць на ее доброво коника вороненьково и поѣхавъ, и пріѣзжаетъ онъ къ этому цярству и видитъ: стоитъ каменна стѣна; вотъ онъ тутъ стѣживъ доброво коника плетью и приговаривавъ: „какъ ты служишь Жаръ-Птици младшой доцерѣ, такъ послужи и мнѣ, Ивану Цяревицю". Коникъ прыгнувъ съ нимъ черезъ каменну стѣну и захватилъ задней лѣвой ногой за струну, и пошовъ по всему цярству звонъ; вотъ онъ махнувъ ширинкой, обвернувсе горносталемъ и залезъ подъ каменну стѣну. Приходитъ ноць, и выходитъ онъ изъ-подъ каменной стѣны и ходитъ по двору, а у Жаръ-Птици стоявъ доброй конь-крылатъ, и стоявъ онъ на струнахъ. Иванъ Цяревиць подходитъ къ этому коню и кланяетцё ему въ правую ногу, въ переднее копыто и говоритъ таковы слова: „ахъ ты, доброй конь-крылатъ, какъ служишь Жаръ-Птицѣ, такъ послужи и мнѣ, Ивану Цяревицю!" Конь не взлюбивъ это слово у ево и забивъ по струнамъ копытомъ, што по всему цярству такой звонъ пошовъ, тревога, што сохрани Богъ! Посылаетъ Жаръ-Птиця своихъ слугъ узнать, што такъ безпокойно конь-крылатъ бьетцё? Слуги сходили, негдѣ некоко не могли надти и увидѣть. Такжо вотъ и по другую ноць, и по третью ноць ищо тово пуще забивсе конь-крылатъ. И выходитъ (къ нему) Жаръ-Птиця, беретъ желѣзную палку и бьетъ ево по крутымъ ребрамъ, пошто безпокоитъ зря. Тутъ на Жаръ-Птицю конь разсердивсе. По цетвёртую ноць Иванъ Цяревиць приходитъ и опѣть говоритъ коню-крылату таковы слова: „какъ ты служишь Жаръ-Птицѣ, такъ послужи и мнѣ, Ивану Цяревицю!" Конь стоитъ преспокойно, съ ноги на ногу не переступываетъ; на ту пору Жаръ-Птиця уѣхала въ Россію гулеть; вотъ онъ (Иванъ Царевичъ) обуздавъ, осѣдлавъ коня крылатово и выходивъ изъ конюшни вонъ: „ты стой-жо, говоритъ, доброй мой конь непривязанной и некому неприказанной!" и пошовъ онъ тутъ искать, добиратцё своей матушки. Ево матушка посажона за девятью дверьми и девятью замки; вотъ онъ восьмеры двери вышибъ, она тамъ и говоритъ таковы слова: „што за невѣжа пришовъ сюды, Жаръ-Птиця налетитъ, и намъ здись всѣмъ — смерть?" Вотъ онъ и девятые двери вышибъ и увидѣвъ свою матушку, поздоровавсе; она тутъ не знаю обрадѣла, не знаю перепаласе, нецево не сказала;

онъ и говоритъ ей: „не перепадайся, матушка, а обряжайсе во путь, во дороженьку!“ Она оболоклась и сили на коня крылатово и поѣхали къ дому. Пріѣзжаютъ къ этой малой королевнѣ, и выходила она на парат(д)ное крыльцо̀ и встрицяла съ великою радостью ево и сказала: „што, Иванъ Цяревиць, согласенъ-ли взеть меня взамужество?“ „Оцень согласенъ, прекрасная королевна, обряжайсе и ступай со мной!“ Вотъ онѣ втроемъ и поѣхали въ путь, во дороженьку. Вотъ Иванъ Цяревиць йдетъ да и овёртывастцё назадъ, она ево и спрашиваетъ: „што жо ты назадъ овёртываешсе? разѣ нашо цярство завидно?“ „Да завидно, не завидно, говоритъ, а со временемъ не мѣшало бы...“ Она махнула ширинкой и показала ему все цярство свое, „вотъ, говоритъ, мое цярство съ собой!“ и опѣть положила ширинку въ карманъ. Вотъ пріѣзжаютъ къ середней доцери, она встрицяетъ ихъ и говоритъ: „ахъ, Иванъ Цяревиць, ладивъ меня взеть взамужество, а везешь кроме меня!“ „Ну, ницево, прекрасная Королевна, обряжайсе, найдемъ и тибѣ мѣсто̀; тамъ, говоритъ, видно будетъ, которую Богъ велитъ взеть“.—Сейчасъ она обрядилась, и сили на коня всѣ цетверо. Пріѣзжаютъ онѣ къ самой бо́льшой доцерѣ и говоритъ та: „ахъ, Иванъ Цяревиць, ладилъ меня взеть взамужъ, а топерь окромя меня везешь двухъ!“ Онъ опѣть говоритъ: „обряжайсе и ты, найдемъ мѣсто тибѣ; тамъ видно будетъ, которую Богъ велитъ взеть“. Она обрядилась̀; сили на крылатово коня пятеро. Въ девятой день пріѣзжаютъ на эту гору, и ставъ онъ по этой ципѣ опущать свою матушку; тутъ братья ево обрадили необыцяйною радостью; послѣ тово Иванъ Цяревиць ставъ опущать старшую доць Жаръ-Птици: вотъ онѣ сгреблись оба брата за ее; одинъ говоритъ: я за̀ себя возьму и другой тожо. Вотъ онъ ставъ опущать середнюю доць Жаръ-Птици, — братья отъ тыё проць отошли и стали оба братьсё за эту, а та ужъ не тому, не другому не надо. И ставъ Иванъ Цяревиць опущать самую младую, самую красивую изъ трехъ ихъ; братья тѣхъ сестеръ обѣихъ проць, оба взелись за младую; у нихъ вышла между собою и брань и крикъ. Вотъ большой братъ и говоритъ: „э, дурашка! давай сорвёмъ ципь, онъ (Иванъ Царевичъ) ежели опуститцё, намъ единыё не дастъ...“ Согласились братья, сорвали ципь въ полугорѣ, собрались на добрыхъ коней

и уѣхали въ свое цярство, а ево (Ивана Царевича) на горѣ и оставили; коня крылатово тоже увели. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дiетцё!

Иванъ Цяревиць съ тоски, съ кручини легъ спать на горѣ; ему во сновидѣньи и грезитцё, будто идетъ къ ему целовѣкъ, и говоритъ этотъ целовѣкъ: „Иванъ Цяревиць! не время спать, а время вставать; пойди-жо ты по горѣ и (увидишь) стоитъ на сугорьѣ ивовой кустъ, подъ нимъ лежитъ плита, свороти ты эту плиту, — подъ плитой есть нора, и пойди ты въ эту нору, и найдешь ты въ этой норѣ фатеру, на пецькѣ этой фатеры есть клюка, ты возьми ее и осмотри, што въ ней есть“.

Проснувсё Иванъ Цяревиць и пошовъ по этой горѣ и нашовъ ивовой кустъ; вырвавъ ивовой кустъ — подъ кустомъ плита; своротивъ плиту—нора; пошовъ онъ въ эту нору и нашовъ фатеру и осмотривъ онъ все въ этой фатерѣ и увидѣвъ клюку на пецькѣ и выносивъ онъ эту клюку и ударявъ о сырую землю: „была, говоритъ, клюка, а встань конь-крылатъ!“ И вставъ передъ имъ конь-крылатъ и говорилъ ему целовѣческимъ голосомъ: „куда угодно, Иванъ Цяревиць? Я отнесу тебя“... „Неси, говоритъ, въ экое цярство, въ экое государство!“... откудъ онъ самъ-то родомъ. Конь приноситъ туда, и ударивъ онъ коня и сказавъ: „бывъ конь, стань клюка!“ и сдѣлалась клюка. Вотъ идетъ Иванъ Цяревиць въ свой градъ, этой клюкой подпираетцё, не зашовъ отцю въ домъ, а вставъ килейнику на фатеру и просивсе у ево въ сыновья: „Возьми, говоритъ, меня въ сыновья, я тебя до смерти пропою, прокормлю.“ Тотъ и взявъ ево. Иванъ Цяревиць и сталъ килейника выспрашивать: „дѣдушко! што въ вашемъ цярствѣ теперь дiетцё?“—„А нашъ цярь, говоритъ килейникъ, необычайно обрадѣвъ, што сыновей и жону дождавсе, только третьево (сына) нѣтъ; привезли, говорятъ, сыновья трехъ красавиць, и ладитъ большой сынъ на меньшой (красавицѣ) жонитцё, въ утрѣ свадьба“. По утру вставаетъ Иванъ Цяревиць и посылаетъ этово килейника къ цярю на свадьбу и тамъ выслушивать, какiе разговоры поведутцё.

Килейникъ уходитъ на свадьбу, а тамъ все сидятъ князья, бояра, сенаторы и вся цернѣть и пьютъ, ѣдятъ у

цяря. Вотъ выводятъ за столы меньшую доць Жаръ-Птици, надо къ вѣнцю вести. Она и говоритъ: „хорошо бы жонитцё, да не во што одитцё—подвинцельново платья нѣтъ при себѣ“. Свадьба тово дня и разсохласе, што не во што нивистѣ одитцё. Вотъ цярь потомъ и спрашиваетъ ее: „какое-жо тибѣ, невѣстка, надо платье подвинцельное?“ „А мнѣ, говоритъ, вотъ какое надо платье: изъ семи разново шовку, штобы не шито (было) и не ткано, не брано,—все равно какъ на мнѣ выросло!“ Вотъ онъ (царь) выкликавъ тутъ мастеровъ, штобы сдѣлать къ утру эко платье. Не могъ найти такихъ мастеровъ.—

Приходитъ этотъ килейникъ домой, и у ево Иванъ Цяревиць и спрашиваетъ: „ну, што-жо, названной батюшко, у цяря дiетцё? Повинцялась-ли ево невѣстка съ большимъ сыномъ Ѳедоромъ?“ Килейникъ говоритъ, што нѣтъ, отложили винцѣньё до утра; велика у ее загадка: у ней нѣтъ подвинцельново платья и цярь выкликавъ мастеровъ, штобы сдѣлать къ утру экое платье, што изъ семи разново шовку, штобы не шито, не ткано и не брано, а какъ будто на мнѣ, говоритъ, выросло,“ и мастера отказалисё. „Вотъ што, названной батюшко, говоритъ Иванъ Цяревиць,—пойди-ко къ цярю, берись, мы эко платье къ утру сработаемъ!“ Килейникъ спросивъ ево: „а што съ цяря просить за работу?“ „Проси, говоритъ, сто рублевъ деньгами да ведро вина“.

Приходитъ килейникъ къ цярю и беретцё сдѣлать эко платье; цярь давъ ему 100 рублевъ денегъ и приказавъ налить ведро вина. Вотъ старикъ поставилъ ведро вина въ „крошки“ и вишь только крошки (такъ!) скрипятъ, какъ „кретитъ“ домой и подаетъ (дома) Ивану Цяревицю деньги и вино. Онъ (Иванъ Цяревиць) сказавъ: „мнѣ деньги не надо, клади къ своимъ; а винцё станемъ пить!“ Вотъ онъ сицясъ старику и старухѣ подаетъ по стакану зеленово вина, а старику со старухой не много и надо, ихъ охмилило, онѣ и повалились; вотъ онъ беретъ это ведро и выкушиваетъ за единый духъ, и легли онѣ всѣ трое спать, опоцинъ держать. Иванъ Цяревиць ото сна проснувсе, взявъ клюку, вынесъ во зеленые луга и ударивъ о сырую землю, говоря таковы слова: „была клюка, встань конь крылатъ!“ Передъ имъ вставъ конь-крылатъ и говоритъ человѣческимъ языцёмъ: (такъ!): „куда угодно, Иванъ Цяре-

виць? туда и снесу тебя". „Неси, говоритъ, на эту гору, откудъ ты!" Конь принесъ ево на эту гору, онъ сходивъ въ ея (невѣсты) фатеру, отперъ сундукъ и взявъ платье изъ семи разново шовку. Съиздивъ онъ ноцьной порой, не старикъ, не старуха и не слыхали, и положивъ это платье къ сибѣ въ зголовьё и легъ спать, опоцинъ держать. Вотъ время приходитъ подъ утро, старикъ и бужаетъ свою старуху: „Встань, старуха, и поладь мнѣ умиральново платья; взялись у цяря исповнить экое дѣло, а нецево не исповнили, платья не сдѣлали, мнѣ смерть севодни"... Вотъ и учувъ это шырмованье Иванъ Цяревиць и говоривъ имъ таковы слова: „што-жо вы, дѣдушко да бабушка, шырмуете?" „Вотъ што мы шырмуемъ, дитя, што взелись у цяря экое дѣло сдѣлать, а нецево не сдѣлали, такъ я и велю своей старухѣ поладить умиральное платье, мнѣ смерть севодни будетъ"... „Вотъ што, названной батюшко, говоритъ Иванъ Цяревиць, — ты вставъ бы да умывсё, да позавтракавъ, да поглядѣвъ бы у меня въ зголовьѣ; первóё оцереди смерти не будетъ"... Старикъ обрадовавсе, когды увидавъ эко платье, взявъ ево и пошовъ къ цярю, (гдѣ) и вынимавъ это платье и подававъ цярю; цярь сицясъ призвавъ прекрасну королевну, Жаръ-Птици молóдую доць. Та посмотря, говоритъ: „вотъ, богоданной батюшко, ты сказавъ, што у тебя нѣтъ такихъ мастеровъ, а вотъ и нашлись такіе мастера, што сдѣлали мнѣ платье изъ семи разново шовку, не шито, не ткано, не брано, какъ по мнѣ и выросло, въ этомъ платьѣ можно ѣхать и къ винцю"... Вотъ тутъ и выводили ее за столы дубовые и садили ее за ѣствы за сахарніе, за напитки пьяные, и сидитъ она задумаласё, распецялиласё... „Вотъ што, батюшко, говоритъ, хорошо бы ѣхать къ винцю, да у тебя не въ цёмъ ѣхать... Подкати подъ меня карету стеклянную и запряги коня-самолёта!"

Тово дни опѣть свадьба разсохласё. Выкликаетъ цярь такихъ мастеровъ: сработать карету стеклянную и подпрегци коня самолета.

Не могъ онъ надти такихъ мастеровъ, некто не смѣвъ взетцё. Приходитъ килейникъ въ свой домъ къ Ивану Цяревицю, и тотъ спрашивавъ ево: „Што-жо, названной батюшко, повинцялась-ли прекрасная королевна?" — „Нѣтъ,

говоритъ, не повинцялась и севодни; приказала сдѣлать корету стеклянную и запрегци коня-самолёта ѣхать къ винцю; выкликавъ цярь такихъ мастеровъ, штобы сдѣлать это къ утру, — некто не взявсё. Иванъ Цяревиць и говоритъ ему: „дѣдушко! пойди ты къ цярю и берись, мы около ноци сработаемъ все!“ Онъ опѣть спросивъ: „а що, дитя, мнѣ просить съ цяря за эту работу?“ Иванъ Цяревиць въ отвѣтъ говоритъ: „проси 200 рублевъ деньгами и ведро вина“. Вотъ старикъ и пошовъ къ цярю и говоритъ: „Ваше цярское величество! я могу сдѣлать эту работу“.

Цярь спросивъ ево: „много-ли надо за работу?“ „А двисти рублёвъ деньгамъ да ведро вина!“

Цярь согласивсе, выдалъ деньги и приказавъ налить ведро вина. Старикъ поставивъ ведро въ крошню, идетъ домой, только крошня (такъ) скрипитъ. Придя подаетъ деньги и вино Ивану Цяревицю, но онъ денегъ не взявъ, сказавъ: „клади деньги къ деньгамъ, тибѣ пригодятцё, а мнѣ не надо, вино станемъ пить!“ Вотъ старику и старухѣ Иванъ Цяревиць подавъ по стакану и по другому, тѣ и свалились; онъ (затѣмъ) выкушавъ это ведро вина за единой духъ и выносивъ тутъ клюку во зеленые луга и ударявъ о сырую землю, говоривъ таковы слова: „была клюка, а встань конь-крылатъ!“ Конь всталъ и говоритъ человѣческимъ языцёмъ: „куда, Иванъ Цяревиць, надо, туда и снесу?“ „Неси, говоритъ, на ту гору, откудъ и самъ бывъ!“ А конь-крылатъ какъ тутъ и есть. Иванъ Цяревиць и ладить подъ эту корету коня-самолета запрегци; вотъ и говоритъ (ему) тутъ конь человѣческимъ языцёмъ: „Иванъ Цяревиць! ежели ты подпрягёшь эту корету подъ меня, намъ ее въ цѣлостѣ не привести; эта корета вся на щурупахъ, ты росклади эту корету и на каждомъ щурупѣ сдѣлай запись, откудъ которой бывъ, и склади эту корету у себя по корманамъ“. Онъ такъ и сдѣлавъ, и садивсе на коня-крылата и пріѣзжаетъ къ килейнику, (гдѣ) склавъ эту карету стеклянную, подпрягъ коня-самолета и сказавъ ему таковы слова: „стой-жо ты, конь, непривязанъ и некому не приказанъ“, а самъ зашовъ въ фатеру и легъ спать, опоцинъ держать.

Время приходитъ подъ утро, опѣть старикъ бужаетъ

старуху: „ну, говоритъ, старуха! ладь умиральное платье; мы, говоритъ, взелись у цяря такое дѣло сдѣлать, а нецево не сдѣлали“. Иванъ Цяревиць и учувъ ихнее шурмованье и говоритъ таковы слова: „што-жо вы, дѣдушко и бабушка, шурмуете?.. Вотъ што, дѣдушко! ты бы вставъ, обувсё, умывсё, Богу помоливсе, сѣвъ бы, позавтракавъ да и вышовъ бы на бѣлыя сини и посмотривъ бы около свово двора“... Дѣдушко все это сдѣлавъ и увидѣвъ карету стеклянную и коня самолета. Иванъ Цяревиць старика посадивъ на ко́зла, а самъ сѣвъ въ карету стеклянную. Вотъ онѣ и поѣхали къ цярю, пріѣзжаютъ туды и приказываютъ (слугамъ) сдѣлать цярю докладъ, штобы вышовъ, посмотривъ. Выходитъ цярь на парат(д)ное крыльцё и пондравилось ему корета стеклянная и конь-самолетъ. Вотъ онъ потребовавъ изъ залы прекрасную королевну, малую доць Жаръ-Птици: „пойди-ко, говоритъ, невѣстка, посмотри, пондравитцё-ли тибѣ ѣхать къ винцю въ экой коритѣ? Она выходила и говорила таковы слова: „вотъ, мой богоданной батюшко, сказавъ, што у тебя нѣтъ такихъ мастеровъ, а вотъ нашлись-жо!“ И пошла она кругомъ кореты стеклянные и увидѣла Ивана Цяревиця, сидитъ въ коретѣ, и сказала она таковы слова: „вотъ, богоданной батюшко, вашъ сынъ (здѣсь), а мой мужъ, я съ этѣмъ согласна ѣхать къ винцю!“.. Тутъ все узналосё.

Вотъ веселымъ пиркомъ да и за свадебку, и поѣхали онѣ къ винцю съ Иваномъ Цяревицёмъ; онъ и повинцявсе съ малою доцерью Жаръ-Птици, а своихъ братовъ жонивъ: большово Ѳедора на старшой доцери Жаръ-Птици, а среднево, Василья на середней доцери...

Я тамъ бывъ, вино и пиво пивъ; пиво-то тепло, по усамъ текло, а въ ротъ не попало!...

Вельскій у. Зап. со словъ Матушкина. 90-е годы.

32. Зорій царевичъ и Елена царевна.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ одномъ государствѣ была у царя дочь Елена прекрасная. Вотъ дошли этой царевнѣ годы замужъ идти, и запросваталъ царь ее въ Зоріево царство за Зорія за царевича. У царя жила въ придворныхъ баба-яга, у нея были двѣ дочери, вотъ она и стала думать, какъ-бы ей отдать свою дочь за этого царевича. Пришло время отправлять царевну въ Зоріево царство. Нагрузили корабли приданаго и отплыли; вмѣстѣ съ царевною въ мамкахъ, поѣхала и баба-яга со своею дочерью. Плывутъ день, плывутъ два, скоро Зоріево царство, а баба-яга напустила на царевну и служанокъ сонъ. Вотъ подходитъ къ царевнѣ братъ и говоритъ: „Елена царевна, близко Зоріево царство!“ Царевна проснулась да и говоритъ: „няньки, мамки, вѣрные служанки, что братецъ-то говоритъ?“ А баба-яга ей и отвѣчаетъ: „что братецъ-отъ говоритъ, обернись щукой, кинься въ воду“. Царевна опять уснула. Опять ѣдутъ день, ѣдутъ два, опять подходитъ къ царевнѣ братъ и говоритъ: „вставай, Елена царевна, ужъ больно близко Зоріево царство“. Царевна проснулась и говоритъ: „няньки, мамки, вѣрные служанки, что братецъ-отъ говоритъ?“; А баба-яга опять отвѣчаетъ: „а что братецъ-отъ говоритъ, обернись щукой, кинься въ воду“. Царевна опять уснула. Вотъ подъѣхали къ Зоріеву царству; братъ опять подходитъ къ царевнѣ и говоритъ: „вставай, Елена царевна, одѣвайся, ужъ въ Зоріевомъ царствѣ!“ Царевна проснулась и говоритъ: „няньки, мамки, вѣрные служанки, что братецъ-отъ говоритъ“. А баба-яга опять ей отвѣчаетъ: „а что говоритъ, обернись щукой, кинься въ воду“. Царевна обернулась щукой и кинулась въ море, и вотъ корабль сразу сталъ. Тутъ баба-яга обернула свою дочь въ Елену царевну, вырядила и вывела на встрѣчу жениху. Тутъ былъ устроенъ пиръ, и Зорій царевичъ взялъ яги-бабы дочь замужъ. Не могли тотъ корабль сдвинуть съ мѣста и вотъ стали тотъ корабль стерегчи. Вотъ сторожатъ ночь, сторожатъ другую, обмочили сторожа портянки и стали на огошкѣ (такъ) сушить, недосмотрѣли да и сожгли, сидятъ и горюютъ. Вдругъ возмутилось море, подплываетъ къ кораблю щука, ткнулась

носомъ о корабль и стала прекрасной Еленой царевной, стала царевна по кораблю ходить да приговаривать: „свѣтъ мои корабли оснащенные, свѣтъ мои сундуки окованные, собаки по логовищамъ спятъ, курицы по насѣдаламъ сидятъ, а моя-то разлучница спитъ со Зоріемъ со царевичемъ!“ подошла къ сторожамъ „что вы,“ говоритъ, „голубчики, запечалились?“ „Да вотъ сушили портянки да сожгли“. „Не печальтесь, я вамъ новыя дамъ“, отперла сундукъ, нарвала портянокъ, отдала сторожамъ и опять кинулась въ море, уплыла щукой. Вотъ сторожа опять сидятъ ночь, сидятъ другую, обмочили портянки, стали сушить на огошкѣ и сожгли, приплыла Елена царевна щукой, обернулась, нарвала сторожамъ портянокъ и опять уплыла. Дошелъ слухъ до Зорія до царевича. „Дай“, говоритъ, „самъ провѣрю“. Вотъ сидятъ ночь, сидятъ другую, вдругъ возмутилось море, приплыла щука, ударилась о корабль носомъ и стала прекрасная Елена царевна; взошла на корабль, стала ходить по кораблю да приговаривать: „свѣтъ мои корабли оснощенные, свѣтъ мои сундуки окованные, собаки по логовищамъ спятъ, курицы по насѣдаламъ сидятъ, моя-то разлучница одна спитъ, а Зорій-то царевичъ мое добро стережетъ“. Вотъ царевичъ услыхалъ это да за царевной и на корабль, а потомъ и взялъ ее замужъ, а прежнюю жену—дочь яги-бабы на воротахъ разстрѣляли.

Кадниковскій у. 1907 г.

---

33. Поповна Машенька и Иванъ царевичъ.

У попа и попадьи были три дочери. Старшіе были просужія, а младшая была Машенька дурочка. Попъ поѣхалъ въ городъ, эти сестреницы и наказываютъ по штофнику, а Машенька наказываетъ: „мнѣ привези сосенку“. Попъ уѣхалъ въ городъ, купилъ двумъ дочерямъ по штофнику, а Машенькѣ не можетъ найти сосенки, и пошелъ въ конецъ города и нашелъ сосенку, и привезъ двумъ по штофнику, а Машенькѣ сосенку и отдалъ. Машенька сосенку взяла и унесла въ сѣнникъ. Эти двѣ стали сряжатся къ церквѣ и говорятъ дурочкѣ: „пойдемъ, Машенька, къ церквѣ,“ а она и говоритъ: „не пойду . . . . , я лучше пойду погуляю“.

Тѣ ушли къ церквѣ, а Машенька пошла къ Ивану царскому сыну и украла платокъ. Иванъ царевичъ искалъ, искалъ, найти не могъ платка и говоритъ: „ты вѣдь, Машенька, взяла!“, она говоритъ: „нѣтъ;“ схватилъ и нашелъ въ пазухѣ; онъ взялъ да платкомъ-то и поколотилъ. Онъ пошелъ къ церквѣ, а она домой, пришла домой, не отцу, не матерѣ не сказалась, прямо въ сѣнникъ въ сосенку, изъ сосенки вынула зайчика, къ зайчику въ ушко слазила, одѣлась и къ церквѣ поѣхала на зайчикѣ и пріѣхала; зайчика подъ церкву, а она въ церкву; пришла въ церкву, попъ обѣдню пересталъ служить, а народъ на ее смотритъ. Когда она пошла изъ церкви, то царскій сынъ нарошно къ дверямъ ушелъ и схватилъ ее за руку и снялъ перчатку и спрашиваетъ: „скажись, откуда да чья?“ Она и говоритъ: „что изъ тово суда села, гдѣ платкомъ-то бьютъ и плакать не даютъ“. Онъ не могъ догадатся, она опять домой уѣхала и на печь улѣзла и вся замаралась. Пришли сестры домой и росказали, какъ въ церквѣ было, и говорятъ: „пойдемъ и ты завтра къ церквѣ.“ Она говоритъ: „не пойду, кого тамъ не видала“. Онѣ до утра дожили, опять эти сестры къ церквѣ, а Машенька опять гулять къ Ивану царевичу, и тотъ сряжается къ церквѣ. Около его вилась да вилась, украла гребень, а онъ искалъ да искалъ, негдѣ нѣтъ, и говоритъ: „Машенька, у тебя опять?“ Она говоритъ: „нѣтъ у меня“. Онъ нашелъ у её въ пазухѣ и опять поколотилъ и домой прогонилъ. Она убѣжала домой, ушла въ сѣнникъ къ сосенкѣ, выняла зайчика, въ ушко къ зайчику слазила, одѣлась и поѣхала къ церквѣ. Пріѣхала къ церквѣ, зайчика подъ церкву, а сама въ церкву; когда зашла, попъ обѣдню пересталъ служить, а царевичъ сталъ къ дверямъ. Когда обѣдню отслужили, она изъ церкви пошла, этотъ Иванъ схватилъ её за платокъ и сдернулъ платокъ и спрашиваетъ: „скажи, откуда?“ Она говоритъ: „изъ того суда села, гдѣ гребнямъ-то бьютъ да и плакать не даютъ.“ Вышла изъ церкви; видѣли, какъ на зайчика садилась; не видѣли, куда покатилась. Пріѣхала домой, сразу опять въ сѣнникъ, до сестеръ-то опять вымаралась. Сестры пришли и говорятъ: „что какая-то была барышня, дура Машенька не ходила, сегодня еще лучше.“ На другой день эти сестры ушли къ церквѣ, а Машенька ушла опять къ Ивану царе-

вичу и украла мыло. Этотъ Иванъ сталъ умывается, не гдѣ не можетъ найти мыла и говоритъ: „Машенька, ты вѣдь взяла?“ Машенька и говоритъ: „ничего у меня нѣтъ“. Опять нашелъ въ пазухѣ, мыломъ поколотилъ и домой прогонилъ. Когда домой пришла, опять такимъ манеромъ вырядилась и поѣхала къ церквѣ. Когда пріѣхала, зайчика подъ церкву, а сама въ церкву; какъ пришла, всѣ оглядились на её, и служить попъ пересталъ. Когда обѣдня перешла, Иванушка всталъ ко дверямъ. Когда Машенька пошла изъ церкви, этотъ царевичъ и схватилъ ее за башмакъ да и снялъ и говоритъ: „скажись, откуда?“ Онаговоритъ: „изъ того суда села, гдѣ мыломъ-то бьютъ и плакать не даютъ“. До сестеръ пріѣхала домой и разрядилась. Когда тѣ сестры пришли и говорятъ: „ой, Машенько, опять была та барышня,“ а Машенька и говоритъ: „я наплюну на дуру на запечную“. Этотъ Иванъ царевичъ и сталъ ходить по городу да спрашивать, что чей этотъ башмакъ, да перечатка, да платокъ; всѣхъ онъ ужъ обошелъ, не гдѣ не нашелъ и думаетъ, пойду къ попу; пришелъ къ попу и говоритъ сестреницамъ: „не вашо-ли?“ Онѣ и говорятъ: „нѣтъ, не нашо,“ а Машенька и говоритъ: „это мое“. Онъ и говоритъ: „выдешь-ли за меня замужъ?“ Она говоритъ: „выйду“. Честнымъ пиркомъ да и за сваребку. Сестреницы говорятъ: „ничего мы не дадимъ выряду вѣнчатся“. Когда поѣхали, она взяла въ зайчика слазила и вырядилась, а на верхъ надѣла синее худое платье. Когда пріѣхала къ вѣнцу, худое платье сбросила, а эти сестреницы и думаютъ, гдѣ это она платье взяла, и надѣлали отравы. Она услыхала, что́ онѣ уговариваются сдѣлать; когда пріѣхали отъ вѣнца и наказываетъ: „на хлибяна поѣдите, не пейте, не ѣште“. Когда пріѣхали она и говоритъ: „выпустите курицъ!“ Когда выпустили курицъ, она взяла со стола соломату, высыпала курицамъ; какъ курицы наѣлись, всѣхъ и завернуло. Сказка вся—поцѣлуй гуся.

Кадниковскій у. 1907 г.

34. Иванъ купеческій сынъ и царевна Машенька.

Жилъ купецъ съ купчихой, они померли. Остался сынъ Иванушка. Жили съ теткой, и Иванушка сталъ побольше и сталъ у тетки просить денегъ, говоритъ: „дай, тета, мнѣ сто рублей“. Она ему дала сто рублей, онъ пошелъ въ городъ, шелъ день до вечера, дошелъ ночевать; весь день до вечера гулялъ, ничего по мыслѣ не нашелъ, а что по мыслѣ, то не по деньгамъ, а что по деньгамъ, то не по мыслѣ. Онъ пошелъ изъ города домой, и попадаетъ ему на встрѣчу мужикъ съ собачкой; этотъ Иванушка и говоритъ: „продай собачку,“ мужикъ сказалъ: „купи,“ Иванушка говоритъ: „много-ли надо?“ Онъ нарочно спросилъ: „а давай сто рублей“. Этотъ Иванушка и думаетъ: „это по деньгамъ“, и отдалъ сто рублей за собаку. Пришелъ домой съ собакой, тетка и спрашиваетъ: „что, купилъ собаку, а что платилъ?“ „Сто рублей“. Тетка говоритъ: „деньги твои и воля твоя“. На другой день Иванушка опять сряжается въ городъ и проситъ деньги у тетки да опять сто рублей. Иванушка взялъ деньги и пошелъ въ городъ. День гулялъ, до самаго вечера гулялъ, ничего по мыслѣ не нашелъ. Пошелъ домой, идутъ ему на встрѣчу мужики, и бѣжитъ за нимъ кошечка. Иванушка говоритъ: „продайте,“ они говорятъ: „купи“. И купилъ за сто рублей, и пошелъ домой, пришелъ съ кошечкой. Тетка опять спрашиваетъ: „что купилъ?“ Онъ говоритъ: „кошечку“, „а что платилъ?“ Онъ говоритъ: „сто рублей“. Немного прошло времени, опять Иванушка сряжается въ городъ и проситъ у тетки денегъ, а тетка опять дала ему сто рублей, и ушелъ въ городъ, весь день до вечера гулялъ, до вечера ничего не нашелъ и пошелъ домой; идетъ дорогой, а мужики косятъ и нашли змѣю и садятъ въ щипцы. Иванушка и говоритъ: „продайте мнѣ“. „Купи“. Онъ спрашиваетъ: „много-ли надо?“ Они говорятъ: „давай сто рублей“. Онъ подалъ сто рублей и пошелъ со змѣей. Змѣя ему говоритъ человѣческимъ голосомъ: „на что меня, Иванъ, купилъ?“ „А на то тебя купилъ, чтобы отъ смерти воротить“. Змѣя говоритъ, что пойдемъ со мной къ моей матерѣ въ норы и проси съ правой руки, а тебѣ будетъ давать много злата и серебра, а ты не бери,

а проси съ правой руки кольцо. Они пришли къ матерѣ, эта змѣя и говоритъ: „онъ, матушка, меня купилъ и большія деньги заплатилъ," а матерь и говоритъ: „какъ ты купилъ, такъ сколько надо золота, столько и бери." Онъ говоритъ: „мнѣ не надо не злата не серебра, а отдай кольцо съ правой руки"; ей было жалко кольца, а эта змѣя и говоритъ: „матушка, неушто кольцо твое дороже меня!" Мать послушала дочери и отдала кольцо. Эта змѣя и пошла провожать Иванушку изъ норъ. „Ну, Иванушко", говоритъ змѣя, „ты не взялъ не злата, не серебра, а взялъ кольцо, не знаешь, въ немъ какая есть сила?!" А Иванушко и говоритъ: „не знаю". Змѣя учитъ, что выйди на крылечко и перенадинь съ руки на руки колечко и скричи, что вставайте, всѣ живые, всѣ и мертвые, и что велишъ, такъ то и здѣлаю. Иванушка распростился и ушелъ. Приходитъ домой къ теткѣ, тетка спрашиваетъ: „что купилъ?", а Иванушка говоритъ: „кольцо", а тетка спрашиваетъ: „а что платилъ?" онъ говоритъ: „сто рублей". Тетка говоритъ: „деньги твои и воля твоя". Посылаетъ тетку къ царю сватомъ, а у царя была дочь, звали Марьей. Тетка послушала Иванушка и пошла къ царю сватомъ и говоритъ: „батюшка царь, я буду слово говорить, ты не будь меня за слово казнить". Царь говоритъ старухѣ: „ну, говори, говори, старуха, что знаешь". Она говоритъ: „мой племянникъ твою дочерь за себя замужъ проситъ". Царь говоритъ: „какъ-бы онъ завелъ домъ, какъ у меня". Старуха пошла домой, идетъ не весела и головушку повѣсила. Племянникъ и спрашиваетъ: „что царь сказалъ?" „А сказалъ, что выстрой домъ, какъ у его". Иванушка и говоритъ: „тетушка, напейся квасу и молись Спасу и ложись спать, утро вечера мудриняе". Когда легли спать, ночьей Иванушка всталъ и вышелъ на крыльцо, перекинулъ съ руки на руку кольцо и сказалъ: „вставайте, всѣ живые, всѣ мертвые, здѣлайте домъ въ семь семерыхъ лучше царскаго дворца и перенесите меня и тетушку мою въ новый домъ". Вдругъ явилось людей видимо-невидимо, кто что дѣлаетъ, кто глину копаетъ, кто кирпичъ дѣлаетъ, кто что дѣлаетъ, и сдѣлали новый домъ въ одну ночь. Поутру тетка пробудилась и лежитъ на диванѣ; какъ шевельнется и диванъ катнется. Тетка испугалась и стала будить Иванушка. Когда Иванушка разбудила и спрашиваетъ;

„гдѣ мы есть?„ Иванушка отвѣчаетъ: „что мы теперь въ новомъ дому“. Они встали и попили чайку. Тетка пошла къ царю сватомъ и приходитъ къ царю и говоритъ: „батюшка царь, я буду слово говорить, а не будь за слово казнить“. Царь говоритъ: „говори, говори, бавшко (такъ), что знаешъ“... Тетка говоритъ: „мой племянникъ вашу дочь за себя замужъ просить“. Царь знаетъ, что выстроилъ такой домъ, царь и говоритъ: „какимъ манеромъ твой племянникъ такой домъ выстроилъ?“ Она говоритъ: „я ничего не знаю“. Царь говоритъ: „скажи своему племяннику, чтобы выстроилъ отъ своего до моего дому мостъ хрустальный, между насъ чтобы была рѣка молошнянная и берега кисельныя, а на мосту чтобы были садки, а въ садкахъ птички разнымъ голосамъ пѣли, а когда поѣдутъ къ вѣнцу—яблони цвѣли, а когда поѣдутъ отъ вѣнца, то чтобы яблоки въ колѣни валились“. Тетка пошла домой и головушку повѣсила. Когда пришла домой, Иванушку все обсказала, что царь велѣлъ.

Иванушка теткѣ сказалъ: „напейся квасу, молись Спасу и ложись спать, утро вечера мудреняе живетъ“. Иванушка вышелъ середь ночи на крылечко и перекинулъ съ руки колечко на руку и сказалъ: „вставайте, всѣ живые и всѣ мертвые, и сдѣлайте отъ моего дому до царскаго мостъ хрустальный, по мосту садки, въ садкахъ чтобы птички пѣли разнымъ голосамъ и яблони, когда къ вѣнцу поѣдемъ, чтобы цвѣли, а когда поѣдемъ отъ вѣнца, чтобы яблоки въ колѣни валились“. Живо мостъ сталъ готовъ и велѣлъ сдѣлать рѣку молочнянную и берега кисельные, и живо все готово. Царь пробудился и подивился, что такъ скоро сдѣлалъ. Когда по утру встали, тетка опять пошла къ царю, когда пришла къ царю и говоритъ: „батюшка царь, я буду слово говорить, а ты не будь меня за слово казнить“.

Царь и говоритъ: „говори, говори, бавшка, что знаешь“. „Мой племянникъ вашу дочь проситъ за себя замужъ!“ Царь и говоритъ: „что когда поѣдутъ къ вѣнцу, чтобы были лошади вороные, а кареты золотые, а кучера молодые“. Тетка пришла домой, все Иванушку пересказала. Иванушка сказалъ: „тетушка, напейся квасу, молись Спасу и ложись спать, утро вечера мудреняе живетъ“.

По утру встали, лошади и кареты и кучера все готово, и поѣхали за Машенькой. Туда пріѣхали, тамъ и обвѣнча-

лись; пріѣхали домой и легли спать; она стала его спрашивать: „какимъ побытомъ такія завелъ домы и мостъ?“ Онъ и говоритъ: „у меня есть колечко, которое съ руки на руку перекину и скажу, что вставайте, всѣ живые и всѣ мертвые, и что велю, то и сдѣлаютъ“.

Спрашиваетъ опять: „гдѣ ты это колечко держишь?“ Онъ сказалъ, что „я держу подъ подушкой“. Когда Иванушка уснулъ, Машенька не стала ночь спать, а стала кольцо искать и нигдѣ не могла найти. На другую ночь опять спрашиваетъ: „что ты, Ваня, мнѣ мужъ, а я тебѣ жена, скажи какимъ побытомъ все заводишъ и гдѣ держишъ колечко?“ Онъ сказалъ, что „колечко въ ротѣ“. Она ссучила ниточку и пехнула въ ноздрину, онъ счихнулъ, и колечко изъ роту выпало. Она взяла и вышла, и вышла на крылечко и перенадѣла съ руки на руку колечко и скричала: „вставайте, всѣ живые и всѣ мертвые, и раскатите этотъ домъ, а меня снесите къ татенькѣ въ домъ, а Иванушка на зыбучее болото, а тетушку въ старой домъ“. Иванушка пробудился на зыбучемъ болотѣ, а тетушка въ старомъ дому. Иванушка повернулся, а подъ нимъ мохъ качнулся и думаетъ: „чтобы со мной хоть кошечка да собачка была“. Кошечка и собачка побѣжали къ нему, прибѣжали къ нему, онъ спросилъ: „гдѣ Машенька?“ Они говорятъ: „Машенька у папаши, а бабушка въ старомъ домѣ“. „А гдѣ колечко мое?“ Они говорятъ: „кольцо у Маши“. „А не можете ли вы его сюда достать?“ Прибѣжали къ Машѣ, когда Маша спала, кошка хвостъ пехнула въ ноздрину, Маша счихнула, и кольцо изъ роту выпало. Кошка схватила и побѣжала къ дверямъ и закавкала, кухарки и выпустили и собака побѣжала, а бѣгать-то черезъ рѣку, а кошка плавать не умѣетъ, а собакѣ вѣзти охота, собака и толкуетъ: „ты съ кольцомъ прибѣжишъ, до тебя тароватѣе будетъ“. Кошка собакѣ кольца не отдала. Кошка сѣла на собаку и поплыли.

Собака подумала, что Иванушку любѣе кошка будетъ, и тряхнула и хотѣла съ себя спѣхнуть, кошка кавкнула, вывалила колечко въ воду, это кольцо рыба проглотила. Они раздумались, что къ Иванушку бѣжать не съ чѣмъ и къ Машѣ тожѣ. Жили тутъ рыболовы, изловили эту рыбу и стали эту рыбу чистить, а кошка стала ѣсть кишки. Въ кишкахъ кошкѣ попало кольцо, опять кошка и собака по-

бѣжали къ Иванушку и принесли ему кольцо. Онъ взялъ это кольцо, перекинулъ съ руки на руку и сказалъ: „вставайте, всѣ живые и всѣ мертвые, и дѣлайте лучше стараго домъ и перенесите меня и Машеньку и тетку въ новый домъ“. Очнулся Иванушка съ Машенькой и съ теткой. Машенька стала у Иванушка прощенья просить, Иванушка больно жалѣлъ, такъ и простилъ. Стали жить хорошо и богато.

Кадниковскій у. 1907 г.

---

35. Иванъ крестьянскій сынъ и Марья царевна.

Жили были старикъ со старухой, у нихъ былъ одинъ сынъ Иванъ. Этотъ Иванъ вздумалъ вить веревки. Пришелъ на берегъ рѣки и вьетъ веревки. Вдругъ изъ воды вышелъ чертенокъ и спрашиваетъ: „чего, Иванъ, дѣлаешъ?“ Иванъ сказалъ: „веревки вью, стану море моршить да васъ чертей корчить“. Чертенокъ сказалъ: „что тебѣ надо за это?“ и пошелъ чертенокъ къ старшему чертенку спрашивать. Старшій велѣлъ: „перво побѣгайте съ Иваномъ“ А Иванъ сказалъ: „у меня есть маленькій сивенькій старичекъ, такъ ты съ имъ побѣгай на́перво“. На то время выскочилъ изъ кустовъ заяцъ и побѣжалъ, чертенокъ и кричитъ: „ой, ой, нѣтъ не угонится“. Чертенокъ и думаетъ, за старикомъ за сивымъ не угонится, а за молодымъ за Иваномъ нечего и думать; этотъ чертенокъ испугался и убѣжалъ опять къ старшему и разсказалъ старшему. „Ну, ступай, покидайте палки“. Этотъ чертенокъ принесъ палку толстую и большую и кинулъ палку высоко. Иванъ сказалъ: „ты низко кинулъ, а я кину изъ виду вонъ“. Чертенокъ думаетъ, что и правду кинетъ высоко, испугался и убѣжалъ. Пришелъ къ старшему и сказалъ; старшій сказалъ: „сходи и поборитесь и узнай силу“. Когда пришелъ къ Ивану, чертенокъ и говоритъ: „давай боротся“. Иванъ сказалъ: „мнѣ не стоитъ руки марать, а у меня есть дѣдъ семидесяти пяти лѣтъ, такъ ты хоть съ нимъ-то справся“. Въ то время изъ лѣсу вышелъ медвѣдь. Этотъ чертенокъ и схватился. Медвѣдь все его изуродовалъ. Чертенокъ говоритъ старшему, когда пришелъ отъ медвѣдя, „больше не

пойду къ Ивану". Старшій сказалъ: „сходи, что надо еще Ивану". Чертенокъ пришелъ, а Иванъ тѣмъ времянемъ выкопалъ яму, свою шляпу изорвалъ и разтянулъ по ямѣ, чертенокъ и говоритъ: „Иванъ, моря не морши и насъ чертей не корчи, что надо, то и бери". Иванъ сказалъ: „вотъ эту шляпу наноси полную золота". Этотъ чертенокъ обрадѣлъ, сталъ носить мѣшкомъ золото, носитъ, носитъ, и подачи нѣтъ, и говоритъ Ивану: „какая у тебя большая шляпа-та"! Иванъ сказалъ: „ничего не велика". Чертенокъ полную яму наносилъ золота и принесъ колечко и говоритъ: „вотъ тебѣ еще подарокъ, когда тебѣ что надо, все тебѣ будетъ, только съ руки на руку перенадѣнь".

Иванъ взялъ колечко, распрощались, чертенокъ ушелъ, Иванъ золото увезъ домой. Иванъ и говоритъ своей матерѣ: „сходи сватомъ къ царю", а у царя было (такъ) дочь, звали Марьей, „не отдастъ-ли за меня". Мать пришла къ царю и говоритъ: „царь, великой государь, отдай за моего Ванюшку свою дочь Марью, у его денегъ не меньше твоего".

Царь и говоритъ: „пусть сдѣлаетъ домъ точно такой, какъ у меня, чтобы сегодня ночьей, вутрѣ я выйду на бавхонъ, чтобы видно было его домъ".

Мать когда пришла домой и заплакала и разсказала Ивану. Иванъ и говоритъ: „не тужи, утро вечера мудрѣняе". Мать отстала плакать и легла спать, а Ванюшка вышелъ на улицу, съ руки на руку перенадѣлъ колечко, вдругъ пришло страшно народу и стали работать, къ утру домъ лучше царева сдѣлали. Мать Ивана утромъ встала, смотритъ—все не по старому и пошла мать къ царю, пришла къ царю и говоритъ: „вотъ, царь, экой хитрой у меня Ванюшка, въ одну ночь экой домъ заворотилъ". Царь сказалъ: „пусть въ одну ночь церковь сдѣлаетъ". Еще пуще запечалилась, пришла домой, сказала Ванюшкѣ. Иванъ сказалъ: „не тужи". Вышелъ ночьей на улицу, перенадѣлъ съ руки на руку колечко, вдругъ сдѣлалась церковь и зазвонили и царя разбудили. Мать пришла къ царю и говоритъ: „вотъ, царь, великій государь, все сдѣлано, отдай твою Машеньку". „Можно отдать, только съ тѣмъ, чтобы отъ вашего дому до моего дворца были мосты хрустальные и сукнамъ устланы, а по нимъ чтобы ходила карѣта-самоката и всякія птицы пѣли". Мать испугалась и заплакала и пошла домой, пришла

домой и разсказала Ивану. Онъ и говоритъ: „утро вечера мудрѣняе, не тужи“. Когда легли спать, вышелъ на улицу, перенадѣлъ колечко, вдругъ стали мосты хрустальные и сукномъ устланные и карѣта-самоката до самаго дворца царскаго, и всякія птицы поютъ, и отдалъ царь за Ивана Машеньку. Не долго послѣ свадьбы пожили, Машенька у Ивана все выпытала, какъ все онъ устроилъ. Когда онъ уснулъ и положилъ колечко подъ подушку, эта Машенька колечко взяла и съ руки на руку перекинула, выскочило нѣсколько молодцевъ: „снесите меня за тридевять земель, въ пятидесятое царство“; когда ее снесли и у Иванушка ничего и не стало. Когда Иванъ пробудился, то все стало худое, и заплакалъ и пошелъ къ тестю: „Машеньки“, говоритъ, „нѣтъ, не знаю, куда и дѣвалась“; царь испугался, не знаютъ, куда и дѣвалась Машенька. Иванушка сходилъ къ кузнецу, сковалъ три костыля и испекъ три просвиры и пошелъ разыскивать Машеньку. Долго онъ шелъ, подходитъ къ избушкѣ, пришелъ въ избушку, лежитъ баба-яга изъ угла въ уголъ и носъ въ потолокъ, когда Иванъ заходитъ въ избу, и кричитъ баба-яга: „фу, фу, фу, русскаго духа слыхомъ не слыхала и видомъ не видала, а самъ ко мнѣ на домъ пришелъ, съѣмъ-погублю, на бѣлый свѣтъ не опущу“. „Ишь, старая чертовка, не сердись, не ерись, а напой, накорми“. Эта старуха напоила, накормила и стала спрашивать: „куда пошелъ и куда правишся?“ О(нъ) ей: „свою Машеньку розыскиваю“. Она ему говоритъ: „ой, дитятко, трудно тебѣ до ее доступить, она у моей старшей сестры живетъ, она чему порадѣла, и житье-то, житье ей худое, идти-то назадъ-то нельзя, все съ моимъ племянницамъ ходитъ“. Она ему дала скатертку-самолётку. Онъ пока до ея шелъ, такъ желѣзную трость исподпиралъ и просвиру изглодалъ. Распростився съ бавшкой и направился въ дорожку. Долго шелъ, трость исподпиралъ и просвиру изглодалъ и подходитъ къ избушкѣ и идетъ въ избушку, лежитъ баба-яга, изъ угла въ уголъ и носъ въ потолокъ и говоритъ баба-яга: „русскаго духу видомъ не видала и слыхомъ не слыхала, а самъ русской духъ ко мнѣ на домъ пришелъ, съѣмъ-погублю, на свѣтъ не опущу“. Ванюшка и говоритъ: „ишь, старая чертовка, ты-бы съ дорожки напоила, накормила“. Эта старуха встала, Ванюшку напоила и накормила,

стала спрашивать: „откуда и куда путь-дорогу держишъ?“ Ванюшка бавшкѣ обсказалъ все, какъ и какъ стала. Бавшка Ванюшку пожалѣла и дала ему мечъ-складенецъ и говоритъ: „твоя Машенька живетъ у старшей сестры моей“, она его подчила, и распростились. Ванюшка пошелъ, долго онъ шелъ и опять просвиру изглодалъ и трость изподпиралъ; вдругъ подходитъ къ избушкѣ, заходитъ Иванъ въ избушку, лежитъ баба-яга изъ угла въ уголъ и носъ въ потолокъ, когда зашелъ въ избу: „фу, фу, фу, русскаго духу слыхомъ не слыхала и видомъ не видала, самъ русской духъ ко мнѣ на домъ зашелъ, съѣмъ-погублю, на свѣтъ не опущу“. Онъ говоритъ: „старая чертовка, ты-бы не торопилась со своей поѣжой, а ты-бы дорожнаго человѣка напоила и накормила и на добро поучила“.

Сейчасъ старуха соскочила, напоила и накормила Иванушка и стала спрашивать: „откуда и куда путь держишъ?“... Онъ все разсказалъ, какъ что было. Старуха пожалѣла и сказала: „трудно тебѣ до ее доступить, она живетъ у старшей моей сестры, отсюда не далеко“ „Ну, ладно, говоритъ старуха, „скоро твоя Машенька придетъ въ головѣ искать, а ты лѣзь подъ кровать къ ей въ сундукъ и посиди въ сундукѣ“. Когда Иванушка залѣзъ въ сундукъ, вдругъ пришла Машенька къ старухѣ, и Ванюшка слышитъ, Машенька стала у бавшки въ головѣ искать, бавшка и спрашиваетъ: „что-же-бы ты, Машенька, поглядѣла-ли бы ты своего Ванюшеньку?“ „Поглядѣла-бы, хоть однимъ глазкомъ да взглянула-бы“. А Ванюшка сидитъ и слушаетъ.

Машенька отъ бавшки ужъ ушла, Ванюшка вышелъ изъ сундука. Бавшка научила Ванюшку, что: „иди въ садъ и продавай мечъ-складенецъ“, и дала клубочикъ, потомъ, на другой день, клубочикъ станутъ покупать мои племянницы, а ты съ тѣмъ продавай, чтобы ночь спать съ Машенькой, также складенецъ и скатертку“.

Пришелъ въ садъ, разсклалъ на скатертку мечъ-складенецъ и клубочикъ; пришли покупать и купили за то, что Ванюшкѣ надобно съ Машенькой ночь проспать. Они взяли Машеньку напоили до пьяна и повалили спать. Ванюшка будилъ да плакалъ, что: „Марья-царевна, какъ я до тебя доступавъ, три просвиры изглодалъ и три трости желѣзные изподпиралъ, а ночь прошла“. Тѣ дѣвки пришли и его про-

гонили. Когда Иванъ ушелъ отъ нихъ опять въ садъ, выложилъ скатертку-самолётку и клубочикъ, пришли эти дѣвки, клубочикъ купили съ тѣмъ, чтобы ему съ Машенькой ночь проспать. Онѣ Машеньку опять пьяную напоили и спать повалили и булавкамъ у Машеньки платье къ постелѣ приколотили, и Иванушко легъ опять съ Машенькой, а Машенька опять пьяная, онъ будилъ да плакалъ, разбудить не могъ. Опять ночь прошла, Иванушка опять прогнали, а Машенька когда разбудилась, стала допытывается. Этотъ Ванюшка опять въ садъ скатертку послѣднюю продавать, и пришли дѣвки покупать скатертку, и продавъ Ванюшка за то, чтобы ночь съ Машенькой спать. Когда Машеньку стали поить, то она будто пьетъ, а сама въ рукавъ льетъ, она притворилась пьяная и повалили съ Ванюшкой спать. Ванюшка заплакалъ и говоритъ: „какъ я до тебя доступалъ, три просвиры сглодалъ и три трости желѣзные изподпиралъ“, какъ вдругъ одна слеза попала Машенькѣ на лицо, она пробудилась, сразу воровски вышли и кольцо съ руки на руку перекинули и оказались дома, и у Ванюшки опять домъ сталъ хорошій. Царь увидавъ, что и мосты хрустальные и сукномъ устланные и бѣгаетъ карѣта-самоката, царь обрадѣлъ, сѣлъ на карѣту и пріѣхалъ къ зятю и дочери, и сдѣлали пиръ на весь міръ.

Кадниковскій у. 1907 г.

---

36. Солдатикъ, Марья царевна и нехорошій.

Одинъ солдатикъ служилъ двадцать пять лѣтъ. Вдругъ приходитъ полковникъ и говоритъ: „тебѣ завтра разсчетъ“. Солдатикъ и говоритъ: „а много-ли мнѣ дадите?“ Полковникъ говоритъ: „двадцать пять палокъ“. Солдатикъ проситъ: „денегъ дай“. Полковникъ: „не дамъ, двадцать пять разъ желѣзнымъ прутомъ охлестну, а денегъ не дамъ“. Солдатикъ пошелъ изъ казармы и говоритъ: „прости, казарма матушка, я въ тебѣ двадцать пять лѣтъ служилъ“; идетъ дорогой, а денегъ нѣтъ и думаетъ, чтобы меня теперь хоть нехорошій позвалъ, такъ я и то-бы пошелъ, и

вдругъ попалъ нехорошій встрѣчу и говоритъ: „вставай на ногу“. Солдатъ говоритъ: „не встану“. Нехорошій спрашиваетъ: „а ты теперь чего говорилъ?“ Солдатъ говоритъ: „ничего!“ „Ну, такъ ничего, вставай“. Солдатъ всталъ нехорошему на ногу, когда солдатъ всталъ на ногу, очутился въ дому большомъ. Нехорошій сказалъ солдату: „въ этихъ двухъ комнатахъ бѣгай, а въ эту третью не ходи“, а комната лычкомъ заперта, а солдатъ не послушалъ и зашелъ въ комнату, а тутъ на углу сидитъ проклятая дѣвка, эта дѣвка говоритъ: „зачѣмъ ты, солдатикъ-дурачекъ, сюда зашелъ?“ Дѣвка сказала: „вонъ въ заднемъ углу столъ есть, хлѣба краюшка да денегъ рубль да и бѣги, станетъ нехорошій кричать, а ты бѣги, не обвертывайся“. Этотъ солдатикъ бѣжитъ, не обвертывается, а нехорошій кричитъ: „почто ушелъ, оберись, у меня живи“, а солдатикъ бѣжитъ, не обворачивается, шелъ да шелъ, въ одной избушкѣ выпросился ночевать и легъ подъ сошткомъ и спитъ, и вдругъ идетъ подъ окномъ барыня богатая, денегъ страсть, и кричитъ: „нѣтъ-ли у васъ охотника играть въ карты?“ Этого ночлежника разбудили, говорятъ: „не станешь-ли играть въ карты?“ Онъ говоритъ: „стану“. Стали играть, солдатъ у барыни всѣ деньги выигралъ. Барыня хозяину говоритъ: „не опускайте этого ночлежника“. Ночлежника не опустили, а барыня идетъ другой разъ и стали играть; барыня опять проиграла и наказала, чтобы еще не опускали. Она пришла; опять стали играть; барыня выиграла все, и тотъ рубль проигралъ солдатъ и пошелъ дорогой и вышелъ къ морю и колонулъ въ камешокъ о камешокъ, вдругъ выскочилъ Антошка на одной ножкѣ, спрашиваетъ: „что солдатикъ надо?“ Солдатикъ сказалъ: „поѣсти надо“. Вдругъ нехорошій принесъ ѣжи. Солдатъ наѣлся. Антошка остатки снесъ опять назадъ. Пошелъ дорогой, подходитъ къ дому, зашелъ въ домъ, просится ночевать; говорятъ: „ночуй“. Онъ сѣлъ на сошткомъ, говоритъ: „развѣ закурить съ горя“, колонулъ камешокъ о камешокъ, и выскочилъ Антошка на одной ножкѣ, говоритъ солдатъ Антошкѣ: „гляди-ко, сколько на насъ войскато“... Антошка говоритъ солдату: „ты одѣвайся въ царскую одежду, а я генераломъ“—и пошли они оба улицей Кто въ окошко смотрятъ, говорятъ: „кланяйтесь царю и

генералу"; а войска ушли. Опять пришли на квартиру и раздѣлись. Солдатикъ одинъ опять пошелъ въ дорогу съ косаремъ. Идетъ онъ дорогой, попадаютъ ему на встрѣчу двѣнадцать разбойниковъ, одного схватилъ, передняго, и дуетъ косаремъ, а онъ кричитъ: „пристаньте, здѣсь одинъ!", а тѣмъ чуется „двадцать одинъ", тѣ и думаютъ, чего намъ дѣлать, тамъ эстолько народу; такъ солдатъ дуетъ этого, а тѣ одиннадцать убѣжали. Солдатикъ снялъ съ разбойника колечко, а это колечко съ руки на руки перекинуть, такъ сзади дѣвка бѣжитъ. Этотъ солдатикъ идетъ, сзади бѣжитъ дѣвка, дѣвка бѣжитъ и говоритъ солдату: „я отъ тебя не отстану". Солдатъ говоритъ: „да у меня нѣтъ не дому, не лому". Пришли къ себѣ въ деревню, состроили келейку, стали жить, а у нихъ ничего на другой день не будетъ ѣсти. Дѣвушка, звали ее Машенькой, стала посылать купить аршинъ полотна, два клубочка шелку. Принесъ солдатъ аршинъ полотна, два клубка шелку; сказала Машенька солдату: „молись Спасу, ложись спать, утро вечера мудрѣняе". Солдатъ легъ спать, а Машенька стала вышивать, вышила платочикъ и будитъ солдата: „вставай, не время спать". Онъ всталъ и пошелъ продавать. Пришелъ къ церкви, генералъ далъ четыреста рублей. Купилъ два клубочка шелку и аршинъ полотна и пришелъ домой, сказалъ это Машенькѣ. Купили муки; стало чего ѣсти. Солдатъ опять спать легъ; поутру будитъ: „не время спать, пора вставать". Онъ всталъ, а ночьей Машенька вышила платочикъ. Солдатикъ понесъ царю. Того дня у царя дочи имянинница, царю подарилъ платочикъ.

Солдатикъ ушелъ домой. Царь пришелъ къ генералу и зоветъ: „пойдемъ у солдата жену смотрѣть". Они пріѣхали, а солдатикъ колетъ дрова, пріѣхали подъ окно, царь и говоритъ Машенькѣ: „покажись, матушка". Она показалась, царь такъ и свалился отъ её красоты, царю захотѣлось къ себѣ заманить и сталъ солдатика посылать: „сходи туды—не знаю и куды, а принеси то—не знаю что". Пришелъ солдатикъ въ избу, запечалился. Машенька говоритъ: „не тужи, принеси два аршина полотна, два клубочка шелку", и стала вышивать полотенцо. Взялъ Иванъ полотенцо и пошелъ туда — не знаю и куда, впередъ опустилъ клубочикъ, куда клубочикъ катится, и онъ туда

идетъ. Пришелъ къ дому, а въ этомъ дому жила Машенькина сестра. Когда солдатикъ проспалъ ночь, всталъ утромъ и сталъ утирается, эта хозяйка увидала полотенцо и говоритъ: „за тобой сестра моя Машенька, а ты куда пошелъ?“ „Меня послалъ царь туда — не знаю и куда“. „Ну, ступай“, и катнула клубочикъ и говоритъ: „иди, покуда катится и ты иди“. Идетъ солдатикъ, пришелъ къ дому и въ домъ; ночевалъ; сталъ утромъ утирается, хозяйка узнала по полотенцу, то и сказала: „что иди дальше, есть мой отецъ“. Пришелъ въ избушку, въ избушкѣ двѣнадцать столовъ и на каждомъ столѣ по горшку и по ложкѣ. Солдатикъ изо всѣхъ двѣнадцати горшковъ хлѣбнулъ и улѣзъ подъ печку. Потомъ идутъ разбойники, всѣ и закричали: „въ моемъ горшкѣ похлѣбано“, а другой кричитъ: „и у меня похлѣбано“. Всѣ эхъ! и кричатъ: „давайте искать, кто у насъ хлѣбалъ“, и нашли подъ печкой; когда онъ вылѣзъ и хотѣли его убить, онъ говоритъ: „постойте, дайте мнѣ вымыться и утереться, на всѣ четыре стороны поклонится и съ женой простится“. Когда сталъ вытирается, одинъ парень увидалъ и прочиталъ на полотенцѣ, сказалъ отцу, что зять пришелъ. Старикъ пришелъ, спросилъ: „ты куда?“ Отвѣчаетъ солдатикъ: „царь послалъ туда—не знаю и куда, принести то—не знаю и что“.

Старикъ подарилъ ему трость, а въ трости нехорошій—Филипко. Солдатикъ и пошелъ, пришелъ къ рѣкѣ, переѣхалъ, а этотъ Филипко перебѣжалъ, какъ и по дорогѣ. Стоитъ на берегу мужикъ, а солдатикъ сказалъ Филипку что: „сдерни съ него голову сейчасъ“; Филипко сдернулъ голову, а мужикъ стоитъ безъ головы. Солдатъ сказалъ: „изладь, Филипко, голову“. Мужикъ заругался и пошелъ. Солдатикъ сказалъ: „сними, Филипко, съ него голову и брось въ воду, какъ онъ ругается“. Филипко сдернулъ голову и бросилъ въ рѣку, и пошли дорогой, пришли къ царю въ комнату, тутъ сидитъ царь и генералы. Солдатъ сказалъ: „Филипко, сдерни съ нихъ головы“. Филипко сдернулъ. Солдатъ велѣлъ надѣть. Филипко надѣлъ. Царь и генералы заругались, за что они сняли головы. Солдатъ сказалъ Филипку: „сними съ нихъ головы и брось за окошко и пойдемъ“, и пошли домой, и Машенька дома; она была у царя и нездоровая, пока-

мѣстъ ходилъ солдатъ въ дорогу, а Машенька-то была дочь морскаго царя. Коточигъ да палочка, вся и сказочка.

Кадниковскій у. 1907 г.

---

37. Золотые парнеки.

Жилъ купецъ да купчиха, у нихъ былъ одинъ сынъ Иванушко; и надо Иванушку женится, и пошелъ выбирать невѣсту, вѣздѣ переходилъ, негдѣ не нашелъ и думаетъ, что пойду еще по килейкамъ; онъ сколько ходилъ, по мыслѣ не нашелъ.

Онъ пришелъ къ килейкѣ подъ окошко, въ килейкѣ были три дѣвки, онѣ слышали, что Иванушко прибираетъ невѣстъ, эти дѣвки и говорятъ, большая сказала: „меня-бы взялъ, такъ всю Россію-бы одной иголкой-бы обшила“, а другая сестра говоритъ: „а меня-бы взялъ, я-бы всю Россію однимъ-бы зернышкомъ прокормила“, а меньшая сказала: „меня-бы взялъ, такъ я-бы родила девяти парнековъ по локоть руки въ золотѣ, а по колѣнъ ноги въ серебрѣ, а въ лобу красно солнышко, а во очахъ свитѣлъ мѣсяцъ“. Этотъ Иванушко и услыхалъ и пошелъ домой, разсказалъ отцу, отецъ сказалъ: „возмемъ за тебя эту, которая родитъ девяти парнековъ“, и послали сватомъ. Пришелъ сватунъ къ этимъ дѣвушкамъ и спрашиваетъ: „которая говорила, что принесу девяти парнековъ?“ И сказали, что меньшая, Машенька. Высватали и взяли Машеньку за Ванюшку замужъ. Порядочно пожили, эта Машенька стала въ тягостяхъ и родила трехъ парнековъ по локоть руки въ золотѣ и по колѣнъ ноги въ серебрѣ, а въ лобу красно солнышко, а въ затылкѣ — свѣтелъ мѣсяцъ, а въ бавшки созвали ягу-бабу. Ягѣ-бабѣ надо перевести эту Машеньку, а отдать за Ванюшку свою дочерь. Эта бавшка взяла этихъ парнековъ, снесла на болото подъ колодину, а въ то время принесла собака щенковъ, бавшка взяла трехъ щенковъ и положила къ Машенькѣ, а сама сказала Иванушку: „твоя жена принесла не парнековъ, а щенятъ“.

Онъ и говоритъ: „первый разъ прощаю“. Они порядочно пожили, Машенька опять стала въ тягостяхъ, и созвали ягу-бабу въ бавшки. Машенька родила трехъ парнековъ: Эта яга-баба опять снесла, подъ колодину положила, а Машенькѣ опять щенятъ. Сказала Ванюшкѣ, онъ говоритъ: „въ другой винѣ прощается“. Ну, ладно, хорошо, сказка скоро сказывается, а дѣло не скоро дѣлается. Порядочно пожили время, и стала Машенька опять въ тягостяхъ, и созвали въ бавшки ягу-бабу. Машенька родила опять трехъ парнековъ. Эта яга-баба двухъ взяла и снесла опять подъ ту колодину. Пришла и сказала Иванушку. Иванушка велѣлъ заколотить въ бочку свою жену и съ парнекомъ и опустили въ рѣку, изъ рѣки унесло въ морѣ, моремъ качало да качало и прикачало къ берегу. Этотъ парнекъ выростъ порядочной и говоритъ: „мама, я протянусь“. Мать ему и говоритъ: „что какъ протянешся, бочку изломаешъ, такъ оба мы съ тобой потонемъ“. Онъ не послушалъ матери и протянулся; лишь у крышки доска выскочила, они сперва испугались, потомъ видятъ, что на берегу, и обрадѣли и вышли изъ бочки. Этотъ парнекъ выстроилъ избушку, чтобы можно съ матерью жить, около избушки выстроилъ садикъ. Долго они тутъ жили, какъ въ одно вышли въ садикъ, онъ гуляетъ, а мать сидитъ на стулѣ да плачетъ. Вдругъ по морю идетъ корабль, на кораблѣ видятъ, что такой молодецъ гуляетъ, и говорятъ: „этимъ мѣстомъ и птицы мало лѣтаютъ, и звѣрье мало сюда заходитъ, а теперь люди здѣсь живутъ“. Корабельщики удивились и пристали къ берегу и пришли къ этой избушкѣ. Парнекъ ихъ угостилъ и спросилъ „чьи да откуда?“ Корабельщики тоже сказались, что они изъ того городу, откуда этотъ парнекъ съ матерью. Конечно, парнекъ не сказался. Когда корабль поѣхалъ назадъ и сказали, что такой-то человѣкъ женился, то этотъ парнекъ обернулся мушкой и полетѣлъ съ нимъ, прилетѣлъ мушкой и сѣлъ на окошко и слушаетъ, что отецъ не съ родной матерью толкуютъ. Корабельщики имъ сказали, „что у моря есть живутъ такія люди“. Этотъ отецъ и говоритъ: „надо съѣздить, надо увѣзти парнека“. Яга-баба и говоритъ: „не ѣзди, а лучше возми есть подъ колодиной восемь парнековъ“.

Ну, ладно, не поѣхалъ: яга-баба не велѣла. Эта мушка улетѣла къ маткѣ, прилетѣлъ и разсказалъ матери.

Немного времени прожили, парнекъ и говоритъ матери: „мама, испеки пирожокъ получше“. Эта Машенька испекла пирожокъ на своемъ молокѣ. Этотъ парнекъ обернулся мушкой и взялъ пирожковъ. Опять полетѣлъ, прилетѣлъ къ той колодинѣ и положилъ пирожокъ на колодинку, самъ сѣлъ за колодину. Эти восемь парнековъ вышли, стали ѣсти этотъ пирожокъ и говорятъ: „какой сладкой пирожокъ, какъ наша маменька“, а сами маменьки не видали Этотъ парнекъ вышелъ изъ за колодины, поздоровались они, другъ друга узнали, потому что все равнакія по колѣнъ ноги въ серебрѣ, по локоть руки въ золотѣ, въ лобу красно солнышко, а въ затылкѣ свѣтелъ мѣсяцъ, и пошли всѣ къ матери. Пришли къ матери, она имъ обрадѣла и все разсказала, что какъ ихъ яга-баба снесла въ лѣсъ, а ее какъ отправили въ морѣ. Немного пожили, вдругъ ѣдетъ тотъ самый корабль, который раньше приходилъ. Эти парнеки, всѣ девять, вышли въ садъ гулять. Корабельщики удивились. Потомъ, когда назадъ корабль поѣхалъ, то эти девять парнековъ обернулись голубками и прилетѣли и сѣли на окна. Корабельщики сказали этому Ивану, что видѣли, возлѣ моря такія девять парнековъ живутъ и съ матерьей. Этотъ Иванушко говоритъ своей ягѣ-бабѣ: „я поѣду“. Яга-баба видитъ, что дѣло не ладно будетъ, ничего не сказала. Онъ средился и поѣхалъ. Пріѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ эта избушка, пріѣхалъ къ берегу и пошелъ въ избушку, поздоровался и сталъ звать ихъ къ себѣ. Машенька и говоритъ: „буде не такъ станешь держать“. Онъ говоритъ: „не буду таковъ, какъ преждѣ“. Они средились да и поѣхали. Пріѣхали къ дому, а та жена, яга-баба, испугалась и встрѣчать не вышла. Когда они пришли въ домъ, то Иванушко этихъ молодцевъ и Машеньку угостилъ, а эту ягу-бабу съ матерьей посадилъ на ворота и разстрѣлялъ обѣихъ, а съ этой Машенькой и съ парнекамъ стали жить да поживать да добра наживать.

Кадниковскій у. 1907 г.

38. Иванушка дурачекъ и Настасьюшка царевна.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ старикъ со старухой; старикъ былъ колдунъ. У этого старика и старухи были три сына: два умныхъ, а третьяго всѣ считали дуракомъ. Старшія два брата женатые, а дуракъ не женатой. Нѣсколько времени пожили, старикъ померъ, и старуха померла. Старикъ когда помиралъ и наказалъ сыновьямъ, что: „вы, сыновья, придитѣ ко мнѣ на могилу по три ночи“. Когда похоронили старика, пришли домой, пообѣдали немножко, отдохнули, время подходитъ, надобно идти на могилу къ отцу, стали жеребій метать, которому идти на могилу къ отцу, и досталось старшему брату идти. Сталъ старшій братъ дурака просить сходить на могилу, дуракъ согласился и пошелъ. Пришелъ на могилу, а ужъ темно, сѣлъ Иванъ и сидитъ. Вдругъ изъ могилы стала земля выкидываться, изъ могилы когда земля выкидалась, сталъ гробъ открыватся. Старикъ въ гробу всталъ, а Иванушка боится, говоритъ старикъ: „не бойся“; вылѣзъ старикъ, сѣлъ рядкомъ съ Ваней, посидѣли, поговорили порядочно, время стало полуночь. Старикъ залѣзъ опять въ гробъ, закрылся, и земля опять засыпалась, могила стала опять по старому. Ванюшка сталъ спать, проспалъ долго, ужъ солнцѣ взошло, онъ не знаетъ, какъ уйти съ могильниковъ; направился покруґѣ, пришелъ домой, легъ на полати, весь день спалъ. Вдругъ опять вечеръ, нужно идти среднему брату, тому идти неохота и проситъ опять Иванушка. Иванушка согласился, поужналъ и пошелъ, пришелъ на могилу и сидитъ. Вдругъ стала изъ могилы земля выкидыватся, выкидалась земля, и гробъ открылся, и вылѣзъ изъ могилы старикъ. Сѣли рядкомъ, поговорили, время подошло полуночь. Старикъ сказалъ: „спасибо пришелъ“ и полѣзъ въ могилу и въ гробъ закрылся, и могилка стала опять по старому. Иванушка опять уснулъ, поспалъ и пошелъ домой; пришелъ домой, закусилъ и спать легъ на полати. Проспалъ весь день. Ночь приходитъ. Иванушка, онъ опять пошелъ на могилу, пришелъ и сидитъ. Вдругъ вылѣзъ опять старикъ и говоритъ: „вотъ спасибо, что ты

послушалъ, по три ночи ходилъ ко мнѣ на могилу", старикъ говоритъ: „вотъ тебѣ подожокъ, сивка бурка, тебѣ нужно ѣхать куда, ты выйди въ полѣ, гаркни громкимъ голосомъ: „сивка-бурка-вѣчный каурка, будь передъ мной, какъ листъ передъ травой". Иванушка поблагодарилъ отца; время опять къ полуночи; старикъ сталъ прощатся съ Ванюшкой, что ужъ больше не увидятся; старикъ полѣзъ въ гробъ, закрылся, земля опять засыпалась, могила стала по старому. Иванушка пришелъ домой, легъ спать, проспалъ долго.

Въ то время въ томъ царствѣ была у царя дочь Настасья прекрасная и выбирала себѣ жениха, только съ такимъ завѣтомъ, что она сядетъ во второй этажъ своего дома въ окно, кто къ этому окну прискочитъ на лошади, и сдѣлаетъ она свою отмѣтку. Назначенъ былъ день, на который собирались изъ разныхъ земель принцы и короли для того, чтобы быть ея женихомъ. Этотъ Ванюшка сказалъ братьямъ что: „поѣду я, братаны". Братаны Ванины пошли посмотрѣть. Ванюшка слѣзъ съ печи, взялъ корзинку и пошелъ въ лѣсъ за грибамъ. Вышелъ Ванюшка въ полѣ, корзинку изломалъ и громкимъ голосомъ закричалъ: „сивка-бурка, вѣчный каурка, будь передо мной, какъ листъ передъ травой". Сивка бѣжитъ, вся земля дрожитъ, изъ подъ копытъ по сѣнной копнѣ огня валитъ. Ванюшка сивка обралъ. Сивка-бурка говоритъ человѣческимъ голосомъ: „что, Иванушка, нужно?" Онъ сказалъ: „нужно ѣхать къ Настасьѣ прекрасной". Сивка-бурка говоритъ: „лѣзь въ ушко, напейся, наѣшся и одѣнься". Ванюшка слазилъ въ ушко, напился, наѣлся и одѣлся очень чисто, сѣлъ на сивка и поѣхалъ. Братья Ванины тамъ ужъ. Ванюшка сталъ подъѣзжать къ царскому дому и видитъ, Настасья прекрасная сидитъ въ окнѣ, хлестнулъ своего коня поводомъ, конь какъ вскочитъ, прямо къ окну; Настасья съ руки перстнемъ ударила въ лобъ Ванюшки, и весь перстень стало знать на лобу.

Вѣсь народъ удивился, что такой принецъ пріѣзжалъ неизвѣстный, закричали: „держи, держи!" а онъ неизвѣстно и куда поскакалъ на своемъ конѣ. Пріѣхалъ домой, опустилъ своего коня въ зеленые луга, самъ опять на печку забрался.

Тѣмъ времянемъ пришли братья и говорятъ: „ой, какой пріѣхалъ принецъ, неизвѣстно и чей". Ванюшка и говоритъ:

„не я-ли?“ Братовья и говорятъ: „молчи, дуракъ, какъ то похожъ на тебя“. Немного времени прошло спустя, Настасья прекрасная объявила всѣму народу, чтобы всѣ люди мужскаго пола явились въ тотъ городъ, гдѣ Настасья прекрасная, для того, чтобы найти своего жениха. По ея приказанью и стали собирался въ назначенный день. Эти братья тоже пошли. Ванюшка немного подошелъ съ этимъ братьямъ и отсталъ и пришелъ послѣ въ одну по за городу избушку и легъ на печь. Хозяйка подошла, посмотрѣла Ванюшку, заперла избушку и сама пошла смотрѣть на сборищѣ. Смотритъ, Настасья прекрасная изоставила всѣхъ въ ширинки, сама ходитъ по ширинкамъ, смотритъ, нѣтъ-ли ея нарѣченнаго жениха, эта старушка и говоритъ: „у меня въ избушкѣ есть какой-то оборванецъ, дуракъ“. Настасьюшка сказала: „гдѣ твоя избушка?“ и пошли туда. Пришли въ избушку, Ванюшка лежитъ на печкѣ, весь въ грязи замаралсѧ. Говоритъ Настасьюшка Ванюшкѣ: „ну-ка, покажись-ка, кто тутъ есть?“ Ванюшка съ печи слѣзъ. Заставили умыться, Настасьюшка стала утирать лице полотенцемъ и увидала на лобу перстня ея ударъ и сказала: „вотъ мой нарѣченный женихъ“, и пошли съ Настасьюшкой Ванюшка въ домъ царя. Пришли къ царю, Настасьюшка и говоритъ царю: „вотъ, тятя, мой женихъ“. Честнымъ пиркомъ да и за сваребку и повѣнчали Ванюшку съ Настасьюшкой царевной.

Немного спустя поры времячко, съ часочикъ, можетъ быть съ годочикъ, какъ вдругъ объявляетъ царю войну трехголовой змѣй. У Настасьюшки были двѣ сестры, только тѣ были выданы немного пораньше замужъ. Царь собралъ своихъ зятьей и говоритъ: „зятья мои любезные, которой побѣдитъ лихого супостата змія, тому подпишу треть царства своего“. „Хорошо“, сказали, „будемъ старатся“. Далъ царь этимъ двумъ зятевьямъ по хорошей лошади, а Ванюшкѣ не даетъ и говоритъ: „куда тебѣ ѣхать!“ Стали надъ Настасьюшкой и Ванюшкой сестры да зятья смѣятся. Настасья стала просить царя: „дай, тятя, ему хоть самую худую лошаденку“. „Ну, хорошо“, говоритъ царь, „пусть беретъ, на которой возятъ воду“, а лошадь безногая, на трехъ ногахъ скачетъ. Ванюшка взялъ эту лошади (такъ), вывелъ ее въ полѣ, взялъ одной рукой за ногу, другой за другую, разорвалъ лошадь и сказалъ: „сороки да вороны, вотъ вамъ отъ меня обѣдъ“.

Самъ громкимъ голосомъ закричалъ: „сивка-бурка, вѣчный каурка, стань передо мной, какъ листъ передъ травой“. Сивка бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ подъ копытъ огонь валитъ. Прибѣжалъ сивка къ Ванѣ, остановился, человѣческимъ голосомъ сказалъ: „что, Иванушка, нужно?“ Ванюшка сказалъ: „сослужи службу, трехголовый змѣй проситъ тестя воевать“. Конь говоритъ: „это не служба, а службишка“. Ванюшка къ коню слазилъ въ ушко, напился, наѣлся, а потомъ и одѣлся и поѣхалъ воевать. Ѣдетъ дорогой, догналъ и тѣхъ свояковъ, какъ съ нимъ сровнялся, сказалъ: „Богъ по пути, добрыя люди!“, а тѣ Ванюшки не узнали и говорятъ: „добро жаловать!“ Какъ вдругъ Ванюшка ихъ объѣхалъ и подъѣзжаетъ онъ къ змѣю, вынулъ свой мечъ складенецъ да какъ махнетъ по головамъ, всѣ три головы отсѣкъ у змѣя, взялъ головы, собралъ, на ремешокъ здергалъ, скочилъ на коня и поѣхалъ. А тѣ свояки ѣдутъ къ змѣю, а Ванюшка ужъ обдѣлалъ, и говорятъ: „продай!“ Ванюшка говоритъ: „не продамъ“.—„Да что хочешь бери, только продай“. — „А вотъ что, отрубите у ногъ по пальцу“. Они согласились, отрубили пальцы и подали Ванюшкѣ. Ванюшка взялъ пальцы, завернулъ въ бумажку и платочикъ и отдалъ головы.

Они взяли головы и поѣхали. Ванюшка задолго пріѣхалъ до нихъ и опустилъ своего коня въ зеленые луга, а самъ ушелъ въ баню и уснулъ богатырскимъ сномъ. Тѣ пріѣхали, государь встрѣлъ съ большею честью, такъ какъ сказали, что мы убили. Надъ Настасьюшкой стали смѣятся сестры и зятья. Настасьюшка заплакала и пошла искать своего Иванушку и нашла его, въ банѣ спитъ, сѣла возлѣ голову, горько плачетъ, одна слезка упала Ванюшкѣ на щеку. Ванюшка вдругъ пробудился и говоритъ: „что ты, Настасьюшка, плачешь?“ „Какъ мнѣ не плакать, у тѣхъ сестеръ мужовья убили змѣя, и подписываетъ треть царства“. Ванюшка говоритъ: „не тужи“, и показалъ въ платочкѣ отъ ихнихъ ногъ персты. Настасьюшка стала повеселяе и пошла къ царю въ домъ. Пришли, а они ужъ пируютъ, и Ванюшка сѣлъ съ нимъ; сидитъ Ванюшка, ничего не говоритъ. Отпировали. Старшія два зятя уѣхали по своимъ домамъ, а этому Ванюшкѣ некуда ѣхать, потому-что у него дома ничего нѣтъ, и остался у тестя. Немного времени пожили вспокоѣ,

какъ вдругъ объявляетъ войну шестиголовый змѣй и пишетъ такъ, что если не пойдутъ съ войной, то все царство пожру. Царь подумалъ, подумалъ, пришлось опять звать тѣхъ двухъ зятевьей. Пріѣхали зятья. Царь объяснилъ, что нужно ѣхать на войну, и царь обѣщалъ подписать половину царства. Они опять срядились, взяли самыхъ лучшихъ лошадей и уѣхали. А этотъ Ванюшка сталъ просить у тестя хоть самую худую лошаденку. Царь сказалъ, что въ конюшнѣ есть такая лошадь, что ходить не можетъ. Ванюшка взялъ эту лошадь и повелъ, всѣ надъ нимъ засмѣялись; увелъ кое-какъ за городъ-въ поле, взялъ за ноги и разорвалъ и говоритъ: „сороки и вороны, вотъ вамъ на обѣдъ“, громкимъ голосомъ кричитъ: „сивка-бурка, вѣчный каурка, встань передо мной, какъ листъ передъ травой“. Сивка бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ подъ копытъ огонь валитъ, прибѣжалъ сивка къ Ванѣ и говоритъ человѣческимъ голосомъ: „что нужно?“ Ваня и говоритъ: „сослужи службицу“. Конь говоритъ: „это не служба, а службишка“. Ванюшка слазилъ къ коню въ ушко, напился и наѣлся и, какъ слѣдуетъ быть, одѣлся и мечь складенецъ взялъ. Поѣхалъ. Ѣдетъ путемъ-дорогой, вдругъ видитъ и тѣхъ двухъ свояковъ, и они его признали, догналъ ихъ и объѣхалъ. Пріѣхалъ, гдѣ этотъ змѣй, наладилъ свой мечь складенецъ, какъ подъѣхалъ, ударилъ змѣя по головамъ, три отлѣтели, немного Ванюшка зѣвалъ, другой разъ ударилъ и тѣ три головы отрубилъ и сдергалъ головы на ремешокъ и поѣхалъ обратно. Тѣ два свояка попали ему встрѣчу, ѣдутъ туда еще, а Ванюшка ужъ совсѣмъ обдѣлалъ змѣя и головы съ собой везетъ. Они Ванюшкѣ и говорятъ: „продай намъ головы, Ванюшка“. Ванюшка говоритъ: „купите“, „сколько тебѣ нужно?“ „мнѣ денегъ не нужно, а отрубите у рукъ по пальцу“. Они отрубили, отдали Ивану. Онъ опять эти пальцы въ платочикъ. Ванюшка опять уѣхалъ впередъ. Пріѣхалъ въ свои поля, широкія луга и коня опустилъ, а самъ опять въ баню спать и съ такого устату (такъ) уснулъ богатырскимъ сномъ. А у царя тѣ два зятя пріѣхали и головы привезли съ собой. Царь обрадовался и сдѣлалъ пиръ на весь міръ, стали пировать да гулять, да надъ Настасьюшкой смѣятся. Настасьюшкѣ стало такъ обидно, что не могла посидѣть на пиру, пошла въ баню къ Ванюшкѣ,

пришла, сѣла возлѣ его и горько плачетъ, одна слезка попала на Ванину щеку, онъ тотчасъ пробудился и говоритъ: „что ты плачешъ?“ Она сказала: „тятя подписываетъ половину царства тѣмъ зятьямъ, а намъ съ тобой нѣтъ ничего“. „Ну, ладно“, сказалъ Ванюшка, и пошли въ домъ отца. Пришли, они пируютъ, сѣлъ за столъ и Ванюшка, ничего не говоритъ, попировали и разъѣхались по своимъ домамъ, а Ванюшка опять остался.

Вдругъ опять объявлятъ войну девятиголовый змѣй. Царь еще того больше испугался, что вотъ какое чудовище проситъ войну. Царь сталъ опять собирать тѣхъ двухъ зятевьей, на нихъ и надѣжда вся, такъ больше нѣтъ такихъ храбрецовъ. Пріѣхали зятья. Царь сказалъ: „если побѣдите это змѣя, то все царство ваше будетъ“. „Ну, хорошо“ сказали они. Взяли самыхъ лучшихъ лошадей и поѣхали. А этотъ самый Ванюшка и проситъ тестя хоть самую худую лошадь. Ванюшка взялъ лошадь, увелъ за городъ, раздернулъ на части и сказалъ: „сороки да вороны, вотъ вамъ на обѣдъ“, и закричалъ: „сивка-бурка, вѣчный каурка, встань передо мной, какъ листъ передъ травой. Сивка бѣжитъ къ Ванюшкѣ и говоритъ: „что нужно?“ Ванюшка сказалъ: „сослужи мнѣ службицу“. Конь и говоритъ: „это вотъ такъ служба, ну, да ладно, хорошо, лѣзь въ ушко“. Ванюшка улѣзъ къ коню въ ушко, напился, наѣлся и одѣлся и взялъ съ собой мечъ складенецъ и сорокопудную палицу и поѣхалъ, догналъ тѣхъ двухъ свояковъ и объѣхалъ. Пріѣхалъ на мѣсто, гдѣ находится чудовище, Ванюшка какъ разъ махнулъ мечемъ, три головы отсѣкъ, другой разъ махнулъ, опять три головы отсѣкъ. Змѣй хочетъ Ванюшку схватить, и конь сподкнулся. Ванюшка покруче хлестнулъ сорокопудной палицей, змѣй откатился отъ него. Тѣмъ временемъ махнулъ мечемъ и остальныя три головы отсѣкъ и сдергалъ на ремень головы, скочилъ на коня и поѣхалъ. Попали навстрѣчу ему два свояка тѣ; „воротитесь“, сказалъ Ванюшка, „я обдѣлалъ“. Они говорятъ: „продай“, „купите“, „сколько?“ „Дайте вырѣзать изъ спины ремень“. Они согласились и вырѣзали по ремню. Ванюшка взялъ по ремню и поѣхалъ къ дому; пріѣхалъ въ свои зеленыя луга, опустилъ коня, а самъ опять въ баню спать. Съ большого устатку Ванюшка уснулъ богатырскимъ сномъ. А тѣ зятья

пріѣхали прямо къ царю, и поздравилъ ихъ царь съ побѣдой врага. Они сѣли за столы и стали пировать, а Царь подписываетъ все царство имъ. Настасьюшка заплакала и пошла въ баню, пришла въ баню, сѣла возлѣ Ванюшку и плачетъ, какъ-то капнула одна слезинка на лице Иванушку, онъ проснулся и говоритъ: „что ты плачешъ?“ Она говоритъ: „какъ мнѣ не плакать, тятя все царство подписываетъ тѣмъ зятьямъ, а тебѣ нѣтъ ничего“; говоритъ Ванюшка: „ступай, скажи, чтобы не подписывалъ“. Настасьюшка пришла и говоритъ: „погоди, тятя, не подписывай“, какъ вдругъ и Ванюшка явился, сказалъ Ванюшка: „пусть они снимутъ сапоги“. Царь приказалъ снять. Они сняли. Смотрятъ, нѣтъ пальцей у ногъ. Ванюшка взялъ изъ платочка пальцы и говоритъ: „это вотъ не ваши-ли за перваго змѣя“. „А пусть снимутъ перчатки съ рукъ“. Сняли перчатки, а у рукъ нѣтъ по персту. Ванюшка говоритъ: „это вотъ за второго змѣя“, вынулъ изъ платка и эти пальцы. Царь удивился, что такое. Ванюшка сказалъ: „снимите-ка рубашки“. Они сняли, изъ спинъ вырѣзано по ремню. Ваня показалъ ремни: „это за третьяго змѣя; не они побѣдили, а я побѣдилъ“. Царь приказалъ обѣихъ зятьей посадить на ворота и растрѣлять, а подъ Иванушка все царство подписалъ. Съ того времени стали жить да поживать да хлѣбецъ жевать. Коточигъ да палочка, вся моя сказочка.

Кадниковскій у. 1907 г.

---

39. **Иванъ купеческій сынъ и царевна.**

Жилъ былъ купецъ съ купчихой, у нихъ былъ сынъ Иванушко. Въ этой деревнѣ былъ бѣдный мужикъ. Пришелъ по́разъ мужикъ къ еврею просить денегъ на подати, а еврей ему и говоритъ: „какъ я тебѣ у́зе дамъ, у насъ нѣтъ свидѣтеля?“ Бѣдной мужикъ и говоритъ: „а вотъ на божницѣ стоитъ Никола святитель — икона“, еврей говоритъ: „у́зе возми, какъ у́зе свидѣтель есть“; еврей далъ мужику десять рублей. Мужикъ отдалъ оброкъ и живетъ. Мужикъ долго не несетъ еврею денегъ, еврей пришелъ къ мужику и говоритъ: „что у́зе, у́зе отдай деньги“. Мужикъ и говоритъ: „подожди немного“. Еврей ушелъ домой.

Немного пожилъ еврей, опять пришелъ къ мужику: „у́зе отдай деньги“. Мужикъ опять сталъ упрашивать: „подожди немного“. Еврей разсердился, пришелъ домой, взялъ икону Николая Чудотворца и давай хлестать да приговаривать: „ты свидѣтель, мужикъ не отдаетъ денегъ“. Въ это время мимо оконъ шелъ Иванушко, услышалъ, что еврей бьетъ икону, побѣжалъ домой къ матери и сталъ просить у матери десять рублей, а отца ужъ не было. Матерь дала своему сыну десять рублей, онъ опять бѣгомъ побѣжалъ къ еврею: „что ты, еврейская образина, бьешь икону Николая Чудотворца?“ Еврей и говоритъ: „узе, узе, какъ не бить, мужикъ денегъ взялъ, а онъ свидѣтель, мужикъ не отдаетъ“. Этотъ парнекъ отдалъ десять рублей, еврей и говоритъ: „вотъ теперь не стану бить, какъ деньги отдалъ“. Парнекъ и говоритъ: „отдай и икону“. Еврей говоритъ: „возми, у́зе какъ отдалъ деньги“. Парнекъ взялъ икону и пошелъ домой. Немного пожили, къ этому купеческому сыну пришелъ сивый старичекъ и порядился къ нему въ работники, а этотъ Ванюшка выростъ порядочный, а его есть два дяди и стали звать Иванушку съ собой торговать. Старикъ говоритъ: „съ нимъ не ѣзди, купи самъ судно, мы съ тобой поѣдемъ двое“. Иванушко сказалъ мамашѣ, что „купи судно“. Она купила судно. Они взяли товару, и тѣ дяди, и поѣхали вмѣстѣ и поѣхали на двухъ суднахъ. Нѣсколько земель проѣхали и пристали къ одному городу. Въ этомъ городу былъ царь, у этого царя было умерла дочь и лежитъ двадцать дней въ церкви и каждую ночь ходятъ дежурить. Въ городѣ безъ государева позволѣнья не даютъ торговать. Эти съ судовъ пошли всѣ трое къ царю, одинъ остался на судахъ старичекъ. Пришли къ царю и говорятъ: „ваше царское величество, купите товару“. Государь говоритъ: „купить можно, а и вы вотъ должны мою дочь по ночи дежурить“. Они ужъ услыхали, что всѣхъ она заѣдаетъ. Пошли на суда, пришли и сказали старику: „а сегодня надо Иванушку идти“. Старикъ и говоритъ: „возми рубль денегъ, иди въ городъ, и кто первый попадетъ навстрѣчу, что́ продаютъ, и купи, не торгуйся“. Онъ пошелъ въ городъ. Идетъ городомъ, и попадаетъ ему навстрѣчу мужичекъ, продаетъ „варъ“. Иванушко и говоритъ: „сколько нужно за варъ?“ Тотъ и говоритъ: „сколько даси“. Иванушко по-

далъ рубль, взялъ варъ и пришелъ на судно. Старичекъ сдѣлалъ изъ вару шарикъ. Время подходитъ, надо Иванушку идти. Старичекъ и подалъ книжку и наказываетъ: „ты прочитай до этой страницы, кинь шарикъ черезъ лѣвое плечо, что она будетъ представлять, не бойся“. Онъ взялъ книжку и шарикъ и пришелъ въ церковь. Попъ отслужилъ молебенъ, и оставили Ивана одного. Онъ взялъ налой, положилъ книжку и читаетъ до двѣнадцати часовъ. Вдругъ крышка слѣтела съ гробу, и дѣвица встала растрепанная и бѣгаетъ по церкви и хочетъ съѣсть Иванушка, но его схватить не можетъ, онъ очертился, до той странки дочитался, лишь шарикъ бросилъ къ дверямъ, она бросилась за шарикомъ и стала грызть; весь изгрызла и легла въ гробъ. Иванушко дочитался до утра, сторожъ пришелъ и выпустилъ Иванушка. Онъ пришелъ на судно, старику все разсказалъ. Подходитъ вечеръ, надо Иванушкову дядѣ идти, дядя и говоритъ: „сходи, Ванюшка, ты за меня“. Иванушко говоритъ: „давай двѣ тысячи рублей“. Онъ далъ двѣ тысячи рублей. Иванушко взялъ рубль, пошелъ въ городъ, идетъ городомъ, и попадается ему навстрѣчу баба, продаетъ сыръ. Иванушко говоритъ: „много-ли надо за сыръ?“ Она говоритъ: „сколько даси“. Онъ подалъ рубль и взялъ сыръ. Пришелъ на судно, старичекъ сдѣлалъ изъ сыра шарикъ и подалъ книжку и наказываетъ, что дочитаешся до этой страницы, этотъ шарикъ и брось черезъ лѣвое плечо, а что она будетъ дѣлать, ты не бойся. И пришелъ Иванушко въ церковь и сѣлъ и читаетъ. Въ десять часовъ крышка съ гроба слѣтела, и дѣвушка встала и начала все представлять и змѣй подъ Ванюшку подпускать. Иванушко все читаетъ; какъ дочитался до той страницы и кинулъ шарикъ ко дверямъ, она побѣжала и схватила шарикъ, стала грызть, изгрызла шарикъ и легла въ гробъ. Иванушко дочитался до утра, сторожъ выпустилъ Иванушка. Пришелъ на суда, разсказалъ все, какъ было. На третью ночь надо идти другому дядѣ. Дядя и сталъ просить Иванушка сходить ночевать. Иванушко взялъ съ дяди четыре тысячи рублей. Старичекъ велѣлъ взять рубль и купить, съ чѣмъ съ первымъ попадутъ. Иванушко взялъ рубль и пошелъ въ городъ; идетъ городомъ, попадаетъ ему дьяконъ, несетъ свѣчь. Иванушко спрашиваетъ: „сколько надо за свѣ-

чи?“ Дьяконъ говоритъ: „сколько не жаль“. Иванушко подалъ рубль и пошелъ на суда. Когда пришелъ, старичекъ сдѣлалъ изъ свѣчь шарикъ, какъ золотой, и наказываетъ Ивану: „смотри, сегодня всѣхъ страшняя будетъ, а ты не бойся, читай; когда до этой страницы дочитаешся, шарикъ брось черезъ правое плечо, а когда она будетъ по за тебѣ читать, ты одинъ разъ скажи, что отойди отъ меня, а больше ничего не говори“. Иванушко пришелъ въ церковь, отслужили молебенъ. Иванушко остался одинъ и читаетъ. Въ восемь часовъ крышка открылась, и дѣвица встала и давай представлять и змѣй подпускать подъ Иванушка и огонь и бѣсей подпускала. Иванушко, какъ дочитался до той строки, лишь кинулъ шарикъ ко дверямъ, она и бросилась ѣсть шарикъ, изъ роту огонь лѣтитъ, какъ шарикъ съѣла и уснула, поспала и встала, что Иванушко читаетъ, то и она говоритъ, встала подлѣ Ивана, онъ и говоритъ: „отойди отъ меня“. Она говоритъ: „не отойду“. Иванушко опять читаетъ, дочиталъ до утра, сторожъ отворилъ двери и кричитъ: „что, живъ?“ Она говоритъ: „жива“. Сторожъ боится и въ церковь идти. Созвалъ попа и дьякона и идутъ въ церковь, отслужили молебенъ, пошли къ царю, во всѣхъ церквахъ звонъ. Царь обрадѣлъ и отдалъ замужъ за Ивана и далъ имъ много золота. Иванушко взялъ свою жену и пришли на корабль и поѣхали домой. Пріѣхали домой и сдѣлали пиръ на весь міръ. Немного пожили, старичекъ и говоритъ Ивану: „мы съ тобой вмѣстѣ наживали и надо раздѣлить“. Иванушко говоритъ: „давай дѣлить“. Раздѣлили товаръ и деньги, говоритъ старикъ: „давай и жену твою дѣлить, какъ-бы не я, такъ-бы и тебѣ не видать“, а Ивану стало жалко и заплакалъ. Старичекъ больше ничего не сказалъ, взялъ саблю и разсѣкъ пополамъ и изрубилъ на мелкія куски, а Ивану стало жалко больно, плачетъ, старикъ взялъ куски, оклалъ въ корзину и пошелъ на рѣку, перемылъ куски; принесъ опять туда, гдѣ рубилъ, оклалъ куски, какъ была, и помазалъ чѣмъ-то, она опять стала живая, и говоритъ старичекъ: „вотъ тебѣ, Иванъ, жена и деньги за то, что ты выкупилъ у еврея икону“. Старичекъ ушелъ, все оставилъ, они стали жить да поживать да добро наживать.

Кадниковскій у. 1907 г.

40. Митошка.

Жилъ старикъ со старухой, и былъ у нихъ сынъ Митошка. Ходилъ онъ рыбу ловить, и когда онъ ловилъ, то мать ему носила ѣсть; придетъ она на бережокъ и закричитъ: „Митошка, Митошка, липовой челнокъ, выйди на бережокъ, мати ѣсть принесла“. Митошка присталъ къ берегу, матери отдалъ рыбу, а у её взялъ пирожки, уѣхалъ опять ловить рыбу. Когда мать кричала Митошку, выслушала яга-баба и пришла къ рѣкѣ и кричитъ толстымъ голосомъ: „Митошка, Митошка, липовый челнокъ, выйди на бережокъ, мати пришла, тебѣ поѣсти принесла“. Митошка узналъ, что яга-баба кричитъ, кричитъ Митошка: „яга-баба, у тебя языкъ толстъ, сходи къ кузнецу и перекуй языкъ“. Яга-баба ушла къ кузнецу. Мать и пришла и кричитъ: „Митошка, Митошка, липовый челнокъ, выйди на бережокъ, мати пришла, Митошкѣ ѣсть принесла“. Митошка пріѣхалъ къ берегу и отдалъ рыбу, а у матери взялъ пирожки. Матерь ушла домой. Вдругъ яга-баба пришла и закричала тоненькимъ голоскомъ: „Митошка, Митошка...“ Митошка не узналъ, что яга-баба кричитъ, думаетъ, что матерь, и пріѣхалъ къ берегу. яга-баба схватила Митошку и унесла домой и посадила въ гобецъ. У яги-бабы были три работницы, звали работницъ, одну звали Уляшкой, а другую Матрешкой, а третью звали Парашкой, и посылаетъ яга-баба Уляшку топить баню: „истопи полѣнницу дровъ“. Работница истопила баню и увела Митошку, изладила лопату и садитъ Митошку на лопату, хочетъ пехнуть въ печь, чтобы ожарить. Сталъ Митошка садится на лопату, одну ногу на сошткъ, а другую подъ сошткъ, одну руку на лавку, а другую подъ лавку. Уляшка и говоритъ ему: „ты, Митошка, не такъ садишся“. Митошка и говоритъ: „я лучше не умѣю, поучи меня“. Уляшка сѣла толкомъ на лопату, а Митошка покруче взялъ за лопату да и пехнулъ Уляшку въ печь. Уляшка ожарилась. Вынялъ ее изъ печи, положилъ на столъ, а самъ успрятался. Вдругъ пришла яга-баба и стала ѣсть да и говоритъ: „сладко, сладко, сладко, Митошкино мяско“, а Митошка и говоритъ: „сладко, сладко, сладко, Уляшкино мяско“. Яга-баба и говоритъ: „охъ, онъ мошенникъ,

Уляшку ожарилъ". Пришла домой и говоритъ: „ступай, Матрешка, истопи баню и истопи жарчая, сожги двѣ полѣнницы дровъ". Эта Матрешка истопила баню и увела Митошку, хочетъ пехнуть въ печь. Сѣлъ Митошка на лопату, одну ногу на сошткъ, а другую подъ сошткъ, одну руку на лавку, другую подъ лавку, она и говоритъ: „не такъ садишся", онъ и говоритъ: „я лучше не умѣю, ты поучи меня". Матрешка сѣла на лопату и сама себя утыкала и говоритъ: „вотъ какъ". Митошка недолго думалъ и эту пехнулъ въ печь и ожарилъ, вынялъ и положилъ на столъ, самъ укоронился. Вдругъ яга-баба пришла и стала ѣсть и говоритъ: „сладко, сладко, сладко, Митошкино мяско", онъ и говоритъ: „сладко, сладко, сладко, Матрешкино мяско". Яга-баба и говоритъ: „охъ, онъ подлецъ, и эту ожарилъ". Пришла домой и говоритъ: „Парашка, иди-ко, истопи баню". Парашка истопила баню, увела Митошку и говоритъ: „ну, Митошка, садись на лопату". Онъ опять сѣлъ, одну ногу на сошткъ, а другую подъ сошткъ, одну руку на лавку, а другую подъ лавку, она и говоритъ: ,не такъ садишся, нельзя въ печь пехнуть,,; онъ и говоритъ: „я лучше не умѣю, поучи меня". Она стала учить, сѣла на лопату, убрала свой сарафанъ. Митошка покруче пехнулъ въ печь и ожарилъ, вынялъ и положилъ на столъ, и вдругъ пришла яга-баба и стала ѣсть и говоритъ: „сладко, сладко, сладко, Митошкино мяско". Митошка и говоритъ: „сладкó, сладко, сладко, Парашкино мяско". Она и говоритъ: „охъ, ты плутъ". Сама взяла затопила баню, истопила три полѣнницы дровъ, опять стала садить на лопату Митошку, онъ опять сѣлъ на лопату, одну ногу на сошткъ, а другую подъ сошткъ, одну руку на лавку, другую подъ лавку; ей Митошку пехнуть въ печь нельзя, она и говоритъ: „не такъ садишся-то", онъ сказалъ, что „лучше не умѣю". Она сѣла на лопату, подобрала свой сарафанъ, а Митошка покруче какъ шаркнулъ ягу-бабу въ печь. Она тамъ сдохла. Митошка ушелъ домой; когда Митошка пришелъ домой, отецъ и мать обрадѣли и стали жить да поживать.

Кадниковскій у. 1907 г.

41. Дѣвушка-рысь.

Жилъ старикъ со старухой. У нихъ была дочь. Старуха померла. Старикъ и вздумалъ женится и взялъ ягу-бабу, съ тремъ дочерямъ: одна была одноглазка, другая двоеглазка, а третьяя о три глаза. И была у нихъ коровушка послѣ тые старухи. Яга-баба неродную дѣвушку не любила, а коровушку гоняли пасти на пожнѣ, а этой дѣвушкѣ все старую краюшку хлѣба давала. Эта-та неродная дѣвушка каждый день ходила пасти, и стали посылать съ тойто дѣвушкой и родную первую, одноглазку. Эти дѣвушки и стали пасти, у одноглазки искать въ головѣ и говоритъ: „спи, глазокъ“, глазокъ у дѣвушки уснулъ, „спи, ушко, спи, и другое“, и ушки у одноглазки не слышатъ. Эта дѣвушка къ коровушкѣ слазила въ ушко, напилась, наѣлась и вдругое слазила, одѣлась и сидитъ на лужку. Вдругъ идетъ барскій сынъ, онъ съ ей посидѣлъ, поговорили, онъ простился и поѣхалъ. Она опять въ ушко къ коровушкѣ слазила, раздѣлась и сидитъ опять съ той дѣвушкой, и та одноглазка пробудилась. Попасли и погонили домой. Ночку проспали. На другой день опять погонили коровушку, съ этой дѣвушкой пошла двоеглазка. Пригонили коровушку на пожню, и опять стала у этой дѣвушки въ головѣ искать да приговаривать: „спи, глазокъ! спи, другой! спи, ушко! спи, другое!“, и эта дѣвушка уснула. Дѣвушка опять слазила къ коровушкѣ въ ушко, напилась, наѣлась, въ другое слазила, одѣлась. Опять сѣла на лужокъ и сидитъ. Вдругъ идетъ тотъ самый господинъ и сѣлъ рядкомъ, посидѣли, поговорили; опять уѣхалъ. Она опять слазила къ коровушкѣ въ ушко, раздѣлась и сѣла съ той опять дѣвушкой, и дѣвушка проснулась. Въ вечеру погонили дѣвушки коровушку домой. Поутру рано встали. Опять погонили. Пригонили на пожню, а сиротка дѣвушка этой троеглазкѣ и говоритъ: „давай я въ головѣ у тебя поищу“, и стала искать у троеглазки, ищетъ да приговариваетъ: „спи, глазокъ! спи, другой! спи, ушко! спи другое!“ Эта троеглазка прихирилась, будто спитъ. Эта дѣвушка-сиротка слазила къ коровушкѣ въ одно ушко, напилась, наѣлась, а въ другое слазила, одѣлась и сѣла на лужокъ. Вдругъ идетъ барской тотъ сынъ, оста-

новился и сѣлъ рядкомъ, посидѣли, поговорили и опять разстались. Дѣвушка опять слазила въ ушко къ коровушкѣ и раздѣлась и опять сѣла на лужокъ къ дѣвушкѣ, а та будто спала, пробудилась, и къ вечеру опять погонили коровушку домой. Эта троеглазка и сказала все матери. Яга-баба и говоритъ старику: „заколи, старикъ, корову“. Старикъ сталъ колоть корову, а дѣвушкѣ жалко коровушки, да дѣлать нечего, и проситъ: „та́тька, дай мнѣ отъ коровушки головушку“, старикъ и говоритъ: „погоди, я спрошу старуху“. Старикъ спросилъ у старухи. Старуха не вѣлела. Дѣвушка и говоритъ: „отдай хоть ушко“. Старуха говоритъ: „не отдамъ и ушка, годятся на студень“. Та: „хоть ножки“. „И ножки не отдамъ“. „Такъ хоть рожка отдай“. „Ну, рожка возми“. Она взяла рожка посадила въ землю, и выросли яблони. Тотъ господинъ поѣхалъ сватомъ и говоритъ: „которая яблоковъ нащиплетъ, та и невѣста моя“. Яга-баба послала своихъ дочерей. Первая сходила, такъ руку отшибло, а другая ушла, у той ногу отшибло, а у третьей глазъ. И пошла эта дѣвушка. Какъ пришла, у этой сами яблоки въ колѣни навалились. Дѣвушка наклала на блюдечко яблоковъ и принесла жениху. Сразу стали дѣлать свадьбу. Обвѣнчались и уѣхали къ мужику на родину. Этотъ господинъ сталъ уѣзжать кое-куда и наказываетъ, что некуда не ходи. Она некуда не ходила. У ее и родился мальчикъ. Онъ пріѣхалъ домой. Мальчика окрестили. Немного пожилъ дома и уѣхалъ опять. Къ ней пришла яга-баба и говоритъ: „пойдемъ ко мнѣ гулять, кое-что посмотримъ, у меня есть три дочери, первая кружовья плететъ, а другая бра́ни беретъ, а третьяя вышиваетъ“. Она согласилась и пошла къ ягѣ-бабѣ гулять, а съ ребенкомъ осталась нянька. Она когда пришла къ ягѣ-бабѣ, яга-баба обернула ее рысьей. Этотъ господинъ пріѣхалъ домой, у няньки спросилъ: „гдѣ жена?“, а нянька говоритъ: „она ушла къ ягѣ-бабѣ“. Онъ видитъ, что дѣло не ладно, и послалъ къ ягѣ-бабѣ няньку. Та спросила, а яга-баба сказала, что она рысьей ужъ. Нянька пришла къ хозяину и сказала и взяла ребенка и пошла къ рѣкѣ, сѣла на бережокъ и стала кричать: „рыси вы, рыси, сѣрые рыси, не видали-ли вы, рыси, младенцовы мати?“ Бѣгутъ рыси; эта младенцова мать прибѣжала къ ребенку и скинула свою шкуру и сдѣлалась опять женщиной, какъ насосила

ребенка, опять одѣлась и убѣжала. Нянька пришла домой и сказала хозяину. На другой день и самъ съ нимъ пошелъ. Нянька сѣла на бережокъ и кричитъ: „рыси вы, рыси, сѣрые рыси, не видали-ли, рыси, младенцову матерь, младенецъ плачетъ, поѣсть проситъ“, а самъ за кустъ сѣлъ. Прибѣжала эта рысь и скинула шкуру и стала сосить ребенка, а онъ взялъ эту кожурину и сожогъ. Она насосила ребенка и хватилась кожурины, да вилась да вилась и сдѣлалась веретенцомъ. Онъ взялъ это веретенцо и переломилъ, оно и сдѣлалось, какъ слѣдуетъ, женщиной, и пошли домой. Онъ опять сталъ уѣзжать. Она дома сидитъ.

Кадниковскій у. 1907 г.

---

42. Мышка.

Жилъ старикъ со старухой, и была у ихъ одна дочь. Старуха и померла. Старикъ женился и взялъ ягу-бабу съ дочерьей. Яга-баба неродную-то дочь и не взлюбила и говоритъ своему старику, что надо свѣзти неродную дочь въ пустую избу, а въ лѣсѣ была изба пустая. Старуха наклала дѣвушкѣ на мѣсто муки пепелу, а на мѣсто крупы дресвьи. Старикъ и запрягъ лошадь и повезъ дѣвушку въ пустую избу, въ лѣсъ. Привезъ въ лѣсъ дѣвушку и посадивъ въ избу и оставилъ одну. Дѣвушка затопила печку и стала изъ пепелу пекчи шанежки. Мышка изъ подъ сошточка выскочила и говоритъ: „красная дѣвушка, дай мнѣ шанежку“, а дѣвушка говоритъ: „ой, мышка, мышка, мы съ тобой только двое и въ избушкѣ живемъ“, она и кинула шанежку, „станемъ мы вмѣстѣ жить“. Дѣвушка поѣла шанежокъ и сѣла подъ окошечко и заплакала: „съ кѣмъ мнѣ спать-ночевать“; въ лѣсу отгаркивается нехорошой: „я приду, я приду“, и идетъ старикъ, вышелъ изъ лѣсу, она испугалась и говоритъ: „ой, мышка, мышка, куда-же я дѣваюсь-то? Мышка ее оббернула иголкой и въ стѣну влѣпила. Старикъ пришелъ, искалъ, искалъ, такъ негдѣ и не нашелъ и кинулъ сундукъ съ имѣніемъ. Онъ ушелъ. Ночку проспала. Мышка оббернула, опять экъ какъ была стала; дѣвушка опять стала пекчи шанежки; шанежокъ напекла, сама поѣла и мышку накормила. Сѣла подъ окошечко, опять

заплакала и говоритъ: „съ кѣмъ мнѣ спать-ночевать“. Вотъ въ лѣсу старикъ и кричитъ: „приду, я приду“, и выходитъ старикъ выше лѣсу. Она испугалась и говоритъ мышкѣ: „куда-жѣ я-то дѣваюсь?“ Мышка оббернула шаминкой и положила подъ порожекъ. Старикъ пришелъ, вѣздѣ искалъ, негдѣ ненашелъ и бросилъ два сундука имѣнья, самъ и ушелъ. Мышка опять эту шаминку сдѣлала дѣвушкой. Ночку проспали, опять стала дѣвушка пекчи шанежки; поѣли съ мышкой шанежокъ и сидятъ. Старикъ пріѣхалъ за дѣвушкой; они думали, что дѣвушка мертвая, а дѣвушка бѣленая и мазаная и платкомъ перевязаная. Старикъ привезъ домой дѣвушку. Старухѣ завидно стало, что у этой дочери имѣнія много, а у ее дѣвушки ничего нѣтъ, и велѣла свѣзти старику свою дѣвушку и наклала этой дѣвушкѣ ѣжи, муки хорошей и крупы и масла, всякія всячины. Старикъ свѣзъ эту дѣвушку въ пустую избу. Она стала шанежки пекчи. Мышка выскочила изъ подъ сошточка и говоритъ: „дѣвушка, дай мнѣ шанежку“. Она хлестнула сковородникомъ и мышку убила. Сѣла подъ окошко и зарѣвела и кричитъ: „съ кѣмъ мнѣ спать-ночевать?“ Старикъ въ лѣсу и кричитъ: „я иду“, и пришелъ старикъ и задавилъ дѣвушку. Три дня прошли. Матка и говоритъ своему старику, что, старикъ, съѣзди по дѣвушку. Старикъ съѣздилъ за дѣвушкой и привезъ мертвую. Старуха зарѣвела и умерла.

Кадниковскій у. 1907 г.

---

43. Горошенько.

Жилъ былъ старикъ со старухой. Было у нихъ двое дѣтей, дочка да сынокъ, а дочь постаршѣ. Старикъ и старуха померли и не оставили имъ ничего поѣсть. Эти ребята и пошли въ амбаръ и назамѣтали три горошенька и принесли въ избу и стали катать по полу, катали да катали, всѣ три горошенька упали въ подпольѣ. Эти горошеньки выросли до полу. Они открыли половицы. Горошокъ все растетъ да растетъ и выростъ до потолка. Они и потолочину открыли. А горохъ все растетъ да растетъ и выростъ до крыши. Открыли крышу, тесинку или двѣ. Горохъ растетъ выше и выше и выростъ до неба, и стала

туда лѣсенка. Дѣвушка и стала у братца въ головкѣ искать и стала уговаривать: „спи, глазокъ, и спи, другой“. Этотъ парнекъ и уснулъ. Дѣвушка и полѣзла къ верху и залѣзла очень высоко. Прилѣзла, а тамъ мельница, въ сторону вернетъ—шаньги да блины, а въ другую сторону вернетъ, пшеничные пироги, и наклала двѣ корзины и принесла къ брату, и наѣлись. Недолго пожили, какъ это съѣли, она опять стала въ головкѣ искать у брата и уговариваетъ: „спи, глазокъ, спи, другой!“ Этотъ братецъ уснулъ. Она опять улѣзла, прилѣзла туда и наклала опять двѣ корзины и принесла опять къ брату. Покáместь у ихъ что было ѣсть, они все жили да жили, какъ все съѣли и надо опять уйти, стала искать въ головкѣ и уговариваетъ: „спи, глазокъ, спи, другой“, не могла украсть, какъ полѣзла, и онъ закричалъ: „сестрица, и я съ тобой полѣзу“. Когда она туда улѣзла и сталъ хватать мельникъ ее, она отъ его въ уголокъ да въ другой, въ третій да четвертый, мельнику напостыло хватать и сказалъ: „будь, избушка, и три уголка“. Она опять изъ уголка въ уголокъ стала бѣгать. Мельнику опять напостыло хватать и говоритъ: „будь, избушка, о два уголка“. Избушка стала о два уголка. Она опять изъ уголка въ уголокъ. Мельникъ не можетъ схватить и говоритъ: „будь, избушка, объ одномъ уголкѣ“, и сдѣлалась избушка объ одномъ уголкѣ. Мельникъ схватилъ дѣвушку и говоритъ: „пойдемъ-ко, дѣвушка, ко мнѣ на родину“. Она говоритъ: „да какъ-же братца-то?“ Онъ говоритъ: „и братца съ собой увѣдемъ“. Братецъ подошелъ да и захотѣлъ пить и говоритъ: „я здѣсь напьюсь“. Сестрица и говоритъ: „не пей, братецъ, въ этой конуркѣ, будешъ лошадкой“. Немножко подошли, парнекъ и говоритъ: „я, сестрица, напьюсь?“ Она говоритъ: „не пей, братецъ, будешъ коровушкой“. Опять немножко подошли, онъ и говоритъ: „я, сестрица, напьюсь?“ „Не пей, братецъ, будешь овечкой“. Еще подошли немножко онъ напился и сдѣлался козелкомъ и закричалъ: „бя, сестрица, дожди“; она его дождала и говоритъ она козелку: „ой, братецъ, братецъ, какъ я говорила, что не пей, не пей, а ты напился, куда-жъ я дѣваюсь съ тобой?“ Этотъ мельникъ и говоритъ: „что-же дѣлать, станемъ вмѣстѣ кормить“, и дошли до мельниковы родины и стали жить. И сталъ этотъ мельникъ за охотой ходить; и козелка стали кормить.

Этотъ мельникъ когда пойдетъ за охотой и наказываетъ: „ты, дѣвушка, некуда не ходи“. Разъ пошелъ за охотой и забылъ наказать, чтобы никуда не ходила. Яга-баба пришла и созвала къ себѣ гулять. Она и пошла. Яга-баба привѣла на рѣку и привязала къ кусту, а свою дочерь посадила тутъ. Когда мельникъ этотъ пришелъ съ охоты, она и говоритъ: „надо козлика заколоть“. Козликъ и говоритъ своему хозяину: „отпусти меня на рѣку покупатся, я больно перемаралсяˮ. Онъ его отпустилъ. Козликъ побѣжалъ и заблеялъ: „бя, сестрица, ножи точать (такъ въ рук.), меня козла хотятъ колоть“. Козликъ пришелъ опять домой. На другой день козликъ опять на рѣку побѣжалъ: „бя, сестрица, ножи точать, меня козла колоть хотятъ“. Сестрица и говоритъ: „братецъ, мнѣ дѣлать нечего“. Этотъ козликъ какъ убѣжалъ, этотъ мельникъ и догадался, что козликъ бѣгаетъ на рѣку, и пришелъ и отвязалъ дѣвушку. Пришли домой, а ягибабину дѣвку посадилъ на ворота и разстрѣлялъ. Опять стали жить да поживать да добра наживать, а козлика еще стали кормить лучше.

Кадниковскій у. 1907 г.

---

44. Настюха.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жили-были старикъ со старухой. У нихъ былъ сынъ Иванушка. Старикъ вздумалъ своего сына женить. Стали сватать. Высватали. И этотъ Иванушка женился и взялъ Настасьюшку. У этой Настасьюшки было много дружковъ. Дожили до масляницы. Тесть и пріѣхалъ за Иванушкомъ звать въ гости. Настюшка поѣхала къ отцу въ гости, а Иванушка не поѣхалъ, потому что онъ услыхалъ про свою жену, что у ее много дружковъ. Они уѣхали. А Иванушка вечеркомъ запрягъ свою лошадь, пріѣхалъ въ ту деревню и присталъ къ сосѣду, а тутъ была старуха, она была колдуньей, она и дала Ивану поясокъ: „ты, Иванъ, возми сядь въ постели на сараѣ и слушай, кто тамъ есть, если есть дружокъ, то возми на этомъ пояску узелокъ завяжи“. Этотъ Иванъ пришелъ къ тестю, сѣлъ на сарай, за постели (такъ) и слушаетъ, кто тамъ въ избѣ. Услыхалъ, что у его жены

есть дружокъ. Этотъ Иванушка взялъ на поясу завязалъ узелокъ. Иванушкова баба съ дружкомъ и срослись. Мать пришла въ избу и видитъ, что дѣло не ладно. Эта дочь ее Настюшка и кричитъ: „сходи за Мишкой за колдуномъ, онъ, можетъ, поможетъ горю нашему“. Эта мать привела Мишку. Какъ этотъ Мишка пришелъ, Иванушка и взялъ завязалъ другой узелокъ, и Мишка прилѣпился. Мишка и сталъ просить Настюшкину матку: „сходи за Гришкой за колдуномъ, онъ больше моего знаетъ“. Эта баба привела Гришку. Гришка пришелъ и сталъ разнимать. Иванушка опять завязалъ узелокъ, и Гришка приростъ. Этотъ Иванушка пришелъ къ тестю. Тесть его угостилъ. Немного посидѣлъ и спрашиваетъ у тестя: „а гдѣ моя жена?“ Тесть ему говоритъ: „незнаю, видно, ушла гулять“. Поискали кое-гдѣ, негдѣ не могли найти, а тесть не зналъ, что у нихъ въ другой избѣ такъ дѣлается. Иванушка говоритъ своему тестю: „найди-ко мнѣ ременницу“. Тесть спрашиваетъ: „а на что ременница?“ Иванъ говоритъ: „у меня лошадь худо ходитъ на сарай“. Тесть припесъ ременницу и вышли на сарай. Тесть и говоритъ своему зятю: „что́ у насъ въ той избѣ за шопотъ?“ Пришли въ избу, а тутъ четыре человѣка срослись. Этотъ Иванъ и давай свою Настюху драть: „вотъ тебѣ Мишка колдунъ, вотъ тебѣ Гришка колдунъ“. Дралъ, дралъ Настюшку и развязалъ узелокъ. Настюшка отлипилась и убѣжала въ другую избу. Этотъ Иванъ и давай Настюшкина дружка драть и приговариваетъ: „вотъ тебѣ Мишка колдунъ, вотъ тебѣ Гришка колдунъ“. Долго дралъ да развязалъ узелокъ, и дружокъ отлипился. Иванушка тестю велѣлъ у дверей стоять, чтобы они не убѣжали. Иванушка похлесталъ колдуновъ и говоритъ: „вы ничего не знаете, такъ въ чужое дѣло не суйтесь“, ихъ подралъ, тестю велѣлъ отворить двери, а Иванушка узелки развязалъ, они и убѣжали и кричатъ: „не бѣгай, сростемся!“ И разбѣжались другъ отъ дружки на версту и знай кричатъ, что „не набѣгай, сростемся“. Съ тѣхъ поръ Настюшкѣ полно съ дружкамъ ватажится и стали жить хорошо. Настюшка стала любить своего Иванушка.

Кадниковскій у. 1907 г.

45. Три брата.

Жилъ былъ старикъ со старухой. У нихъ были три сына, всѣ три женатые. И пошли эти всѣ три брата въ лѣсъ за охотой. Зашли въ лѣсъ, въ лѣсу они заблудились, всю ночь они блудились. На второй день, поутру, всѣ ходятъ по лѣсу, а выйти не могутъ. Одинъ залѣзъ на елку и не видитъ ничего, ни жи́ла, ни людей. Ну, хорошо, другую ночь выйти не могли. На третій день тоже до вечера выйти не могли. Третій братъ залѣзъ на елку и увидалъ огонекъ. И зашли къ огошку. Пришли къ огошку и видятъ: груда горитъ, кругомъ груды лежитъ старикъ сивой. Они и стали просить: „дай, дѣдушка, огошка“. Этотъ старикъ и говоритъ старшему брату: „вѣришь-ли, нѣтъ своей женѣ?“ Старшій братъ и говоритъ: „не вѣрю“. Старикъ и говоритъ: „нѣтъ тебѣ огошка“; второй братъ подошелъ къ старику и говоритъ: „дай, дѣдушко, огошка“. Старикъ и говоритъ: „вѣришь-ли, нѣтъ свой женѣ?“ Онъ говоритъ: „не вѣрю“. Старикъ и говоритъ: „нѣтъ и тебѣ огошка“. Подошелъ младшій братъ къ старику и говоритъ: „дай, дѣдушко, огошка“. Старикъ и говоритъ: „вѣришь-ли, нѣтъ своей женѣ?“ Онъ и говоритъ: „вѣрю“. Старикъ и говоритъ: „вѣришь, такъ скачи черезъ огонь“. Этотъ молодецъ скочилъ черезъ огонь и сдѣлался козломъ. Старикъ взялъ козла и пошелъ съ козломъ въ ту деревню, откуда эти братаны, пришелъ къ тому дому, откуда эти братаны, и просится ночевать. Они пустили. Старика пускали двѣ невѣстки, а эта козликова баба не пускала. Пустили ночевать, старикъ и спрашиваетъ: „куда мнѣ легчи?“ Онѣ говорятъ: „мы пойдемъ спать на повѝть (сарай) и ты, дѣдушко, пойдемъ съ намъ“. Пришли на повѝть спать, а за переборкой стояла кровать, старикъ привязалъ къ кроватѣ козла. Старикъ зналъ, что козликова жена дружилась съ чужимъ мужикомъ. Когда привязалъ козлика къ кровати и оставилъ тутъ, а самъ ушелъ спать. А козликова жена пришла и легла за переборку на кровать, а эти невѣстки легли со старикомъ. Когда онѣ всѣ уснули, старикъ отвязалъ козлика отъ кровати, самъ опять ушелъ спать. Вдругъ пришелъ къ козликовой женѣ дружокъ и легъ съ ей на постелю, а у

козлика сердце такъ и токаетъ, козликъ разбѣжится, рогомъ товъ о кровать, хлесь да хлесь, и не далъ спокою всю ночь, этого дружка отъ своей жены и прогонилъ. Она стала дружка выпускать изъ дому, отворила ворота, этотъ дружокъ какъ пошелъ, козликъ какъ разбѣжался да толкнулъ, какъ тотъ политѣлъ съ лѣстницы, свалился да сломилъ ногу. Когда эта баба выпустила, пришла, легла спать и уснула крѣпко; старикъ взялъ привязалъ козлика опять къ кровати, самъ опять ушелъ спать. Ночь прошла. Утромъ встали, эти бабы стали пекчи шаньги и подчуютъ старика: „ѣшь, дѣдушко, шаньги“, а козликова жена и говоритъ: „прáхотъ тебя надавалъ и съ козликомъ то, не далъ всю ночь спокою“. Старикъ шанегъ наѣлся, и стала ѣсть козликова жена, а эти двѣ невѣстки козлику и кидаютъ шаньги, а его жена только его пинаетъ. Стала она пекчи шаньги, а козликъ тутъ и лѣзетъ къ ней, какъ-бы что нибудь нàшаль сдѣлать, она его сковородникомъ хлесь да хлесь. А старикъ со своимъ козликомъ въ лѣсъ, на то мѣсто, откуда они пошли. Пришли, опять горитъ огонь, старикъ и говоритъ козлу: „скачи черезъ огонь“. Козликъ скочилъ и сдѣлался онъ опять такимъ-же человѣкомъ. Старикъ и говоритъ: „ну что, вѣришь-ли своей женѣ?“ Онъ говоритъ: „нѣтъ, не вѣрю“. Старикъ и говоритъ: „ну тото-же догадался“. Тѣ братаны пришли къ огоньку. Старикъ ихъ всѣхъ трехъ накормилъ, имъ показалъ дорогу. Они по дорогѣ пошли. Этотъ меньшой братъ прикинулся немоглымъ и говоритъ: „я итди не могу, пріѣзжайте на лошади“. Онъ отсталъ отъ ихъ. Братаны пришли домой и сказали, что тотъ братъ нездоровъ, надо ѣхать на лошади. Эта баба зарѣвела. Когда одинъ уѣхалъ за братомъ, брата меньшого привезли домой, баба ушла про мужика топить баню, и пришелъ дружокъ къ ней; этотъ мужикъ не успѣлъ раздѣтся и побѣжалъ въ баню, пришелъ да и давай драть обѣихъ. Этотъ дружокъ отъ бани бѣгомъ побѣжалъ, и баба побѣжала. А этотъ мужикъ сходилъ въ баню, умылся и пришелъ домой, и съ тѣхъ поръ стали жить за согласіе, и баба стала со своимъ мужикомъ жить, стала любить своего мужика. Коточигъ да палочка, вся и сказочка.

Кадниковскій у. 1907 г.

46. Какъ быкъ строилъ избу.

Жилъ старикъ да старуха со своимъ сыномъ. Вздумали они женить сына. Было у нихъ скота много. Старикъ и говоритъ: „давай, старуха, заколемъ къ свадьбѣ быка“. Быкъ узналъ, что его колоть хотятъ, взмырчалъ да и убѣжалъ въ лѣсъ. Старикъ и говоритъ: „давай колоть свинку“. Свинка узнала, что ее колоть хотятъ, взрѣвела и убѣжала въ лѣсъ. „Давай“, говоритъ старикъ, „колоть барана“. Баранъ взблѣялъ и убѣжалъ въ лѣсъ. „Ну, такъ давайте“, говоритъ старикъ, „колоть пѣтуха“. Пѣтухъ пропѣлъ и убѣжалъ въ лѣсъ. Въ лѣсу сбѣжались всѣ вмѣстѣ. Быкъ и говоритъ: „давайте строить фатéру“. Свинья говоритъ: „мнѣ тепло будетъ подъ выскиремъ“. Баранъ говоритъ: „мнѣ тепло будетъ за вересомъ“. Пѣтухъ говоритъ: „я улѣчу на елку, на елкѣ тепло“. Одинъ быкъ думаетъ строить. Сталъ онъ таскать колодины да вершины и сдѣлалъ избушку и сталъ жить въ ней. Стало холодно. Пришла просится къ быку свинья и говоритъ: „пусти, быча, пожить меня“. Быкъ и говоритъ: „видишь, вы строить такъ нѣтъ, а жить такъ пришла, не пущу“. Свинья говоритъ: „не пустишь, такъ я подрою стѣну, изба твоя свалится“. Быкъ и говоритъ: „ну, такъ живи“. Свинья стала жить съ быкомъ. Пришелъ баранъ и говоритъ: „пусти, быча, пожить“. Быкъ говоритъ: „не пущу“. Баранъ говоритъ: „я разбѣгусь да толкну и избу твою спѣхну“. Быкъ и говоритъ: „ну, живи и ты“. Потомъ пришелъ пѣтухъ и говоритъ: „пусти, быча, пожить“. Быкъ говоритъ: „не пущу“. Пѣтухъ сказалъ: „я на потолкѣ разгребу землю, мнѣ и на потолкѣ будетъ тепло“. Быкъ думаетъ, пѣтухъ на потолкѣ разгребетъ, всю избу доведетъ, не станетъ тепло держатся, быкъ и говоритъ: „ну, живи“, и пѣтухъ сталъ вмѣстѣ жить. Немного пожили и вздумали шаньги пекчи. Свинья шаньги печетъ, баранъ ѣстъ, быкъ ступни плететъ, а пѣтухъ по грядкѣ ходитъ. Идутъ разбойники и увидали, что̀ тутъ дѣлается, испугались и убѣжали, а скотинка увидала разбойниковъ и тоже разбѣжалась. Когда скотинка убѣжала изъ дому, старикъ и старуха сына своего стали ругать и говорятъ: „мы тебя женить не станемъ, ты какъ хошь женись, ступай въ пу-

стую избу, нѣтъ-ли тебѣ тамъ невѣсты". Онъ пришелъ въ пустую избушку и говоритъ: „нѣтъ-ли мнѣ невѣсты?". Въ подпольѣ и говоритъ: „я тебѣ суженая, я тебѣ ряженая". Парень и говоритъ: „выходи". Они собрали свадьбу и поѣхали къ вѣнцу. Ѣдутъ къ вѣнцу, а поперекъ дороги лежитъ колода. Поѣзжане начали эту колодину рубить, а отъ колоды только огонь летитъ. Какъ сталъ женихъ рубить, вдругъ не колоды не жениха не стало, и поѣздъ воротился назадъ, а невѣста не знаетъ, куда и дѣвается, и пошла къ женихо-вымъ къ отцу и маткѣ. Они стали ее бранить. Она стала больно плакать; а не далеко отъ нихъ жили старухи въ кѣльяхъ, она стала къ этимъ старухамъ ходить и сказывать старухамъ, что оставилъ меня мужъ не дѣвкой, не бабой, не мужьей женой. Старухи стали учить, что возми хлѣба да иди, гдѣ онъ потерялся, придешь на то мѣсто, увидаешь столбъ огненной, ты на этотъ столбъ лѣзь, а хлѣбъ по сторонамъ кидай, онъ на столбу. Она взяла хлѣба наломала большимъ кускамъ, пришла къ столбу и полѣзла, стала кидать хлѣбъ, покамѣстъ хлѣбъ былъ, такъ все лѣзла, а какъ не стало, вдругъ стали ее палить огнемъ, не успѣла до половины залѣзти, пришлось свалится, она упала на землю. Встала и пришла домой, наломала мелко хлѣба, опять пошла. Пришла и полѣзла она на столбъ и стала кидать хлѣбъ и долѣзла она до́верху и схватила своего жениха; когда она схватила, вдругъ очутились они на землѣ и пошли къ отцу и къ матери. Когда пришли и стали собирать свадьбу и собралась свадьба, ихъ обвѣнчали и стали жить да поживать да добра наживать, и живутъ больно хорошо.

Кадниковскій у. 1907.

---

47. Дѣвка семилѣтка.

Жили старикъ со старухой. У нихъ были три сына. Старшаго поставили въ солдаты, служилъ двадцать пять лѣтъ въ солдатахъ, устарѣлъ, пришелъ домой, а жена родила дѣвушку. Жена и померла. Тѣ братья вздумали его отдѣлить. Отдѣлили. Дали ему худую коровенку. Онъ началъ ее добрить, она стала хорошая. Жалко братьямъ стало

коровы и стали отнимать. Онъ подобру не отдаетъ. Они къ царю съ прошеніемъ пришли. Царь загадалъ имъ три загадки: что на свѣтѣ жирнѣе? что на свѣтѣ нѣтъ милѣе? чего на свѣтѣ нѣтъ быстрѣе? Пошли они къ своимъ женамъ загадки отгадывать, а у старика жены нѣтъ, такъ идетъ не вѣселъ и головушку повѣсилъ, глядитъ, дѣвка семилѣтка говоритъ: „что ты, татенька, не вѣселъ, развѣ коровушка не наша?“ а отецъ говоритъ: „еще не знаю, только царь заганулъ загадки“. Эта дѣвка и говоритъ: „молись Спасу да ложись спать“. Ночь прошла. И будитъ дѣвка отца: „вставай и къ царю ступай“. „А съ чѣмъ-же я, матушка, пойду, я не отгадалъ?“ Дѣвка семилѣтка ему разсказала, что на свѣтѣ нѣтъ жирнѣе,—нѣтъ жирнѣе земли, она насъ поитъ и кормитъ; что на свѣтѣ нѣтъ милѣе—нѣтъ милѣе сну; чего нѣтъ быстрѣе—нѣтъ быстрѣе глазъ—они вѣздѣ все видятъ. Этотъ старикъ выслушалъ и пошелъ къ царю. А тѣхъ братановъ жены научили: что на свѣтѣ жирнѣе нашихъ свиней, а милѣе своихъ женъ, а быстрѣе нашихъ лошадей нѣтъ на свѣтѣ. Пришли всѣ трое къ царю. Сталъ царь спрашивать загадки. Они всѣ трое сказали, какъ ихъ научили дома, а старикъ отгадалъ. Царь и говоритъ старику: „твоя корова, а кто тебѣ эти загадки научилъ?“ Старикъ сказалъ: „дѣвка-семилѣтка“. Царь остановилъ старика, наклалъ въ корзину печеныхъ яицъ и говоритъ: „снеси къ дочери, чтобы она выходила циплятъ“. Принесъ старикъ яицъ, а дѣвушка стала эти яица поѣдать. Старикъ и говоритъ: „зачѣмъ ѣси эти яица?“ Дѣвка насыпала въ печь пшены и пережгла и сказала: „снеси къ царю и скажи, чтобы пусть пашню вспашетъ и насѣетъ этой пшены и выроститъ и выжнетъ и намолотитъ и принесетъ мнѣ кормить циплятъ“. Онъ принесъ къ царю. Царь сказалъ: „завтра пріѣду ее смотрѣть“. Старикъ сдѣлался не веселый; идетъ домой, дѣвка и говоритъ: „что не веселъ?“ Онъ сказалъ, что царь пріѣдетъ ее смотрѣть. Она и говоритъ: „слава Богу, какъ пріѣдетъ; дѣдья и богатые, да царь не идетъ къ нимъ, а мы и бѣдные, да къ намъ идетъ“. „Чѣмъ-же потчивать-то будешъ?“ А дѣвка говоритъ; „есть у насъ пѣтушокъ, мы заколемъ, я зажарю; есть у насъ коровушка, накормимъ молочкомъ“. Царь пріѣхалъ и кричитъ: „дѣвка-семилѣтка, куда лошадей?“ Она кричитъ: „привязывай хоть къ зимѣ,

хоть къ лѣту", а царь выпучилъ глаза и говоритъ: „ну что, дѣвка-семилѣтка, куда лошадей?" Дѣвка говоритъ: „у насъ на сарай заѣхать нельзя, такъ вотъ дровни и телѣга, привязывай; васъ дуракомъ назвать нельзя, а и просужимъ не за что, и привязывай къ дровнямъ—это къ зимѣ, а къ телѣгѣ—это къ лѣту". Царь оставилъ лошадей и пришелъ въ избу, а дѣвка спрашиваетъ: „а чѣмъ васъ подчивать, убыльей али прибыльей?" Сказалъ царь: „чѣмъ накормишь, и скажи, что прибыль, что убыль". Она сказала: „былъ пѣтушокъ да мы ожарили, ты съѣси, этого не будетъ — это убыль, а прибыль—есть у насъ коровушка, надоимъ молочка, хоть и выхлебаешь, а еще надоимъ". Царь говоритъ: „чѣмъ покормишъ"; онъ поѣлъ и говоритъ: „пріѣзжай отгащивать не конемъ, не пѣшой, не нагая и не въ одеждѣ, не босая и необутая". Ночку проспали. Утромъ встаетъ и спрашиваетъ: „тятя, гдѣ послѣ мамы коты да старая ремѣшка?" Ремешкой опутала сама себя и на ноги обула коты, а сѣла на барана, взяла съ собой кошку и поѣхала къ царю въ гости. А царь глядитъ въ подзорную трубу, дожидаетъ гостью и увидѣлъ и послалъ двухъ собакъ, чтобы ее разорвали. Когда собаки попали ей встрѣчу, она бросила кошку, собаки за кошкой и побѣжали. Дѣвка пріѣхала къ дому, встала переднимъ ногамъ на дворъ, а заднимъ по за двору, Царь вышелъ встрѣчать и думаетъ, надо ее къ себѣ взять, и взялъ царь дѣвушку и старика къ себѣ, сталъ держать очень хорошо.

Кадниковскій у. 1907 г.

---

48. Пѣтушокъ и Курочка.

Жили были пѣтушокъ да курочка, жили то онѣ дружно, дружно. Только вотъ разъ имъ, какъ на бѣду, приходится ходить на улочкѣ.

Пѣтушокъ-то нашелъ бобовое зернышко и закокоталъ: ко-ко-ко, курочка, ко-ко-ко, курочка. Курочка прибѣжала и увидѣла зернышко, хотѣла съклюнуть, да и одумалась, сказала пѣтушку: ко-ко-ко, пѣтушокъ; поѣшь самъ зернышко.

Пѣтушокъ: ко-ко-ко, курочка, поѣшь зернышко.

Пѣтушокъ поуговаривалъ такъ курочку, да ничего не могъ пособить съ ней. Она навалила ему, онъ и съѣлъ зернышко; только онъ съѣлъ, то чтоже вышло? Вдругъ сталъ вертѣться на ногахъ, покачиваться, палъ и померъ. Курочка сама не своя; сидитъ надъ пѣтушкомъ долгое время, прикликиваетъ. Только вдругъ откуда ни возьмись, явилась къ ней неизвѣстная курочка, ровно изъ земли передъ ней выросла и говоритъ, что „тужить очень не надобно, курочка, я знаю средство: пойди къ рѣкѣ, попроси у неяживой воды; и когда она дастъ, то ты сложь косточки пѣтушка и прысни его водой трижды — онъ оживѣтъ“. Обрадовалась курочка, разставшись съ неизвѣстной, повѣданной ей тайнѣ, и накруто побѣжала къ рѣкѣ, прибѣжала и говоритъ: „рѣка, рѣка матушка! выручи меня несчастную изъ бѣды, дай мнѣ живой воды—подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ“. Только чтоже? Рѣка ей отказала, говоритъ: я бы рада была дать тебѣ, курочка, живой воды—да некогда, не имѣю листу: пойди къ березѣ; когда она дастъ, прійди, я возьму его отъ тебя и дамъ тебѣ живой воды. Пѣтушокъ твой отъ неѣ оживетъ“. Вотъ и побѣжала курочка къ березѣ, прибѣжала и говоритъ: „береза, береза! дай мнѣ листу, листъ дать рѣкѣ, рѣка дастъ живой воды,—подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ“. Береза отказала ей и говоритъ: „я бы дала тебѣ листу, да не имѣю вида, пойди къ дубу и попроси у него видъ; и тогда я дамъ тебѣ листу“. Дѣлать нечего, курочка побѣжала къ дубу и говоритъ: „Дубъ, дубъ! дай мнѣ видъ, видъ дать березѣ, береза дастъ листъ, листъ дать рѣкѣ, рѣка дастъ живой воды—подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ“. Дубъ говоритъ: „я бы далъ тебѣ видъ да некогда,—не имѣю клыка; пойди къ вепрю и попроси клыкъ—я тогда дамъ тебѣ видъ“.

Вотъ курочкѣ дѣлать нечего, побѣжала и туда, прибѣжала къ вепрю и говоритъ: „вепрь, вепрь, дай мнѣ клыкъ, клыкъ дать дубу, дубъ дастъ видъ, видъ дать березѣ, береза дастъ листъ, листъ дать рѣкѣ, рѣка дастъ живой воды—подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ“.—Вепрь сказалъ ей: „я бы далъ тебѣ клыкъ, да некогда—не имѣю молока, пойди къ коровѣ, попроси молока, принеси, и я дамъ тебѣ клыкъ“. Хотя тяжело и грустно курочкѣ, да дѣлать нечего, пѣтушка жалко.

Побѣжала къ коровѣ, прибѣжала и говоритъ: „корова, корова! дай мнѣ молока, молоко дать вепрю, вепрь дастъ клыкъ, клыкъ дать дубу, дубъ дастъ видъ, видъ дать березѣ, береза дастъ листъ, листъ дать рѣкѣ, рѣка дастъ живой воды—подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ". Корова сказала: „я бы дала тебѣ молока, да не имѣю, не ѣдала два дни, пойди къ сѣнокосамъ, попроси сѣна, принеси, и я дамъ тебѣ молока". Побѣжала курочка къ сѣнокосамъ, прибѣжала и говоритъ: „сѣнокосы, сѣнокосы! дайте мнѣ сѣна, сѣно дать коровѣ, корова дастъ молока, молоко дать вепрю, вепрь дастъ клыкъ, (клыкъ) дать дубу, дубъ дастъ видъ, видъ дать березѣ, береза дастъ листъ, листъ дать рѣкѣ, рѣка дастъ живой воды—подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ". Сѣнокосы сказали ей: „мы дали бы тебѣ, курочка, сѣна, да неимѣемъ косъ—травы много, да косить нечѣмъ, пойди къ кузнецамъ, попроси косы, и мы дадимъ тебѣ сѣна". Побѣжала курочка къ кузнецамъ, прибѣжала и говоритъ: „кузнецы, кузнецы! дайте мнѣ косы,—косы дать сѣнокосамъ, сѣнокосы дадутъ сѣна, сѣно дать коровѣ, корова дастъ молока, молоко дать вепрю, вепрь дастъ клыкъ, клыкъ дать дубу, дубъ дастъ видъ, видъ дать березѣ, береза дастъ листъ, листъ дать рѣкѣ, рѣка дастъ живой воды—подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ". Кузнецы сказали: „у насъ желѣза есть, да сковать косъ не на чемъ, не имѣемъ уголья; поди къ угольникамъ, принеси уголья;—тогда мы накуемъ косъ и дадимъ тебѣ".

Побѣжала курочка къ угольникамъ, прибѣжала и говоритъ: „угольники, угольники! дайте мнѣ уголья, уголье дамъ кузнецамъ, кузнецы дадутъ косы, косы дать сѣнокосамъ, сѣнокосы дадутъ сѣна, сѣно дать коровѣ, корова дастъ молока, молоко дать вепрю, вепрь дастъ клыкъ, клыкъ дать дубу, дубъ дастъ видъ, видъ дать березѣ, береза дастъ листъ, листъ дать рѣкѣ, рѣка дастъ живой воды—подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ". Угольники сказали: „у насъ нѣтъ дровъ—неимѣемъ уголья—если нужно, пойди къ дроворубамъ, попроси дровъ, принеси—мы нажжёмъ и дадимъ тебѣ". Курочка и туда махнула, прибѣжала и говоритъ: „дроворубы, дроворубы! дайте мнѣ дровъ, дровъ дать угольникамъ, угольники дадутъ уголья, уголье дать кузнецамъ, кузнецы дадутъ косъ, косы дать

сѣнокосамъ, сѣнокосы дадутъ сѣна, сѣно дать коровѣ корова дастъ молока, молоко дать вепрю, вепрь дастъ клыкъ, клыкъ дать дубу, дубъ дастъ видъ, видъ дать березѣ, береза дастъ листъ, листъ дать рѣкѣ, рѣка дастъ живой воды—подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ". Дроворубы сказали: у насъ дрова и топоры есть, да нѣтъ хлѣба—не имѣемъ мы дать тебѣ дровъ—пойди къ хлѣбникамъ, попроси хлѣба, принеси—мы поѣдимъ и дадимъ тебѣ дровъ". Дѣлать нечего, курочка побѣжала и къ нимъ, прибѣжала и говоритъ: „хлѣбники, хлѣбники! дайте мнѣ хлѣба, хлѣба дать дроворубамъ, дроворубы дадутъ дровъ, дровъ дать угольникамъ, угольники дадутъ уголья, уголье дать кузнецамъ, кузнецы дадутъ косъ, косы дать сѣнокосамъ, сѣнокосы дадутъ сѣна, сѣно дать коровѣ, корова дастъ молока, молоко дать вепрю, вепрь дастъ клыкъ, клыкъ дать дубу, дубъ дастъ видъ, видъ дать березѣ, береза дастъ листъ, листъ дать рѣкѣ, рѣка дастъ живой воды—подавился пѣтушокъ бобовымъ зернышкомъ". И какого же? Хлѣбники-то, вѣдь, дали ей хлѣба. Вотъ она хлѣба дала дроворубамъ, дроворубы дали дровъ, дровъ дала угольникамъ, угольники дали уголье, уголье дала кузнецамъ, кузнецы дали косъ, косы дала сѣнокосамъ, сѣнокосы дали сѣна, сѣно дала коровѣ, корова дала молока, молоко дала вепрю, вепрь далъ клыкъ, клыкъ дала дубу, дубъ далъ видъ, видъ дала березѣ, береза дала листъ, листъ дала рѣкѣ, рѣка дала живой воды. Прибѣжала въ радости курочка къ пѣтушку, склала его косточки, косточка къ косточкѣ, прыснула живой водой—онѣ сольнулись, второй разъ прыснула—перушки появились, а въ третій разъ прыснула и пѣтушокъ ожилъ, съ радости полетѣлъ, да „кукуреку, кукуреку, кукуреку" и запѣлъ. Вотъ сколько приняла хлопотъ курочка, за то воскресила пѣтушка, и они по сіе время живутъ съ ней дружно по людски и постоянно между ними тишь да гладь, да божія благодать—(такъ заключила старуха свою сказку).

Сольвычегодскій у. 1877 г.

Словарь

къ сказкамъ Вологодской губерніи.

берчатый—узорчатый.

блябля—тумакъ, ударъ.

божа́тка—крестная мать.

букля́—глубокое и тихое мѣсто въ рѣкѣ, заводь.

вы́скирь—вывороченный землей корень дерева.

выторокать—натереть, натирать.

дружолюбить—говорить ласковыя слова.

едрёный—здоровый, крѣпкій, сильный.

запустить—пропустить.

крехтить—кряхтѣть.

крошни—корзина для сбора милостыни.

малёнка—четверикъ (мѣра).

„Ахъ, ма̀ча-ку́ча“ — эта фраза употребляется въ смыслѣ: „о, какая роскошь!“, „ахъ, какъ прелестно!“ или: „ахъ, чортъ возьми“, но что собственно значатъ слова: „ма́ча-ку́ча—неизвѣстно.

отъ Божіей милости—отъ грозы.

награять—надсмѣяться, надругаться.

око́ненка—рама со стеклами.

не оправляйсе—не оправдывайся.

осѣкъ—изгородь вокругъ скотскаго выгона.

перепаласе—испугалась.

ражій—большой, здоровый.

скрой—вуаль.

суша или сушица—сухоподстойное дерево.

былъ въ толку—былъ умный.

укурнуть—нырнуть.

укабарило—опрокинуло.

ухожи—входы.
чадъ—дымъ.
ширмованье—шушуканье, шопотъ вообще.
шишецька—комокъ смерзшейся грязи или ка́ла.
шурупъ—винтъ.
шу́хома—споръ, ругань, вообще шумъ.

Олонецкая губернія.

49. Сказка про нужного и про богатого.

Нé въ которомъ царсви, нé въ которомъ государстви, имянно въ томъ, въ которомъ мы живёмъ, на ровномъ мисти, какъ на бороны, жило два брата. Одинъ жилъ нýжной, а дрýгой былъ оцинь богатой. У богатого не было дитей, а у нужного былъ сынъ. Богатой у нужного сталъ просить этого сына, говоритъ: „братъ, пожалуста, уволь ты мнѣ этого сына нà годъ“. Енъ говоритъ: „нѣтъ, я даромъ не уволю“.—„Дакъ што же ты за ёго просить станешь?“ Ёнъ 300 руб. денёгъ запросилъ. Тотъ потомъ 300 р. денёгъ далъ. Ёны и собераюцце ѣхать за границю и уѣхали. Ѣхали ёны долго ли коротко, близко ли далёко, сонця не знаютъ—низко ли высоко; покрай моря увидали ф̀атеру, околъ ёй какъ садъ! Въ эвтомъ саду всяки разныи птици и веселье тако, какъ жаръ горитъ. Ёны и заходя въ эвту ф̀атеру. Тутъ старицекъ ихъ стритилъ и говоритъ: „ф̀у, ф̀у, ф̀у, русськимъ духомъ пáхне. Слыхомъ не слыхано, видомъ не видано—русськая тварь ко мнѣ въ домъ приступатъ, миня съ дому выживатъ“.—„Нѣтъ, дѣдушко, мы тибя съ дому не выживаёмъ, ты насъ напой, накорми да спать положи“. Дѣдушко налаилъ ихъ и говоритъ: „куды вы идете, въ каки въ края и въ каки въ страны?“ Ёму отвицяютъ: „идёмъ мы заграницю“. Старикъ этого сына Ванюшку и облюбовалъ, сталъ этого Ванюшку ёнъ звать къ себѣ: што этотъ Ванюшка былъ оцинь красивъ и проворой. Прилюбилосе Ванюшки ёго житьё, што не тамъ, не здѣ, не подъ солнышкомъ—негдѣ такой красоты нѣту, ёнъ и согласилсе. Рядилъ онъ за сибя 500 р. Эты денёжки ёнъ съ дядёй послалъ роднымъ, самъ остался у ёго на годъ. Дѣдушко ёго всякима разныма весельямы углаждалъ: ёнъ его водилъ за охвотой, науцилъ ёго на скрыпкахъ играть и на всякихъ музыкахъ. Прожилъ Ванюшка годъ, годъ концяецце, время къ строку приближаецце, ёнъ затымъ и говоритъ: „Ванюшка, намъ бы съиздить за границю съ тобой“, и стали ёны собёрацце. Поѣхали. Жили ёны тамъ долго ли, коротко ли, близко ли далёко—самы не знаютъ. Пріѣждяютъ край синёго моря, становя ёны свой караб(л)ь на крýтой берёжокъ, на жёлтой песокъ; и потомъ ёны розложилисе спать, и говоритъ дѣдушко Ванюшки: „спи крѣпко, покуль бу-

дить не стану". Енъ и спитъ самъ себѣ приспокойно. Сицясъ налетае птиця орёлъ и овернула ёго сырой кожёй, здынула ёго на золотую гору. Затымъ ёнъ на гòры то на этой профатилсе и говоритъ: „какже сюды то я попалъ, дѣдушко"?—„А вольнимъ воздухомъ занёсло".—„А што же мнѣ здѣ дѣлать?" — „А пёхай золото да греби сюды на́ берёгъ". Ёнъ нагрёбъ цѣлой карапъ, дѣдушко и отцялилъ карапъ, а ёнъ и спрашиватъ: „дѣдушко, я то отсюль какъ?"—„А много васъ туды захо(д)итъ, да мало выхоитъ". Ёнъ и осталсе на горы круцинёнъ, пецялёнъ, хо(д)илъ да былъ, хоилъ да былъ на горы и увидалъ ёнъ одинъ кус(т)ъ, называецце золота верба́; подъ этымъ кустомъ, гляитъ, е нора. Енъ самъ себѣ и думатъ: „дай ко я полѣзу въ эфту нору", и поплылъ туды, што глубже иде, то дорога шире. Ёнъ сицясъ шёлъ былъ, шелъ былъ, не знае сколько время. Прихоитъ — опять стоитъ садъ; въ эфтомъ саду всякого разного украшенья е, и смотритъ, тамъ сидитъ опять дѣдушко и бае: „фу, фу, фу! сидѣлъ я кольки лѣтъ, ко́льки зимъ, а слыхомъ не слыхано здѣ русського духу было; надо ёго же съись". Ёнъ ёму и отвицяе: „здрасвуй, дѣдушко, не спѣшись ты йись миня, дай мнѣ сись да розсказывать, а ты изволь у мня порозспрашивать: сколько я свѣту не ѣждялъ, нехто миня живкомъ не съѣдалъ". Затымъ ёнъ и бае: „пойдемъ же, Ванюшка, въ избу; я тибя напою, накормлю и накруцю, какъ мнѣ надо, ды выуцю". Ёны жили тамъ долго ли коротко, ёнъ сталъ круцинной и пецяльнёй—этотъ Ваюшка. Дѣдушко и спрашиватъ: „въ цёмъ же ты, Ванюшка, круцинной, пецяльней". Ёнъ и бае ёму: „нѣтъ ли, дѣдушко, оружья, схоить бы мнѣ за офотой, розогнать тоску?" Далъ ёму оружье и отправляе ды наказыватъ: „какъ выдешь на берёжокъ, на жёлтой песокъ, дакъ прилетя три лебеди, вси въ розноцвѣтныхъ платьяхъ, ты не стриляй въ ихъ, а стой за кустамъ, смотри, какъ ёны станутъ роздеваццe. А ты бери платьё не самолуццё, а среднё".—Ёнъ и взялъ это платьё и пошёлъ самъ себѣ приспокойно; прихоитъ къ дѣдушку и говоритъ: „куды же мнѣ это платьё?"—„Ты клаи ёго въ коробейку, а самъ пои на берёкъ ды стань за кусъ, ды стой, слухай; какъ ёны—эты лебеди прилетя на́ берекъ, повёрнуцце краснымa дивицямы да двѣ лебеди надѣнуцце, а третья буе въ одной ру-

башки да какъ эта стане молицце: „ежели красна дивиця моё платье обрядила, дакъ пусть буе моя сестриця, я пойду, тибя всобой возьму; а ежели стала старушка, дакъ пусь моя бабушка, а ежели старый старицекъ—пусь мой дѣдушко; а ежели молодой молодець—пусь мой богосужоной". Енъ и выде съ-за куста: „я туть и е". Ена и стане ёму молицце: „отдай ты мое платьё".—„Нѣтъ у мня платья всобой, у мня обрядилъ дѣдушко, а пойдёмъ такъ". Приходя ёны и здоровкающце съ дѣдушкомъ: „здраствуешь, дѣдушко?" —„Охъ, жилъ я одинсэ, а нынь Богъ вмѣсто одного и внуку мнѣ далъ". Ваюшка далъ, далъ своёй богосуженой на платье ситцу какой ни, а цвѣтного ейного платья всё не отдава. Ёны жили весёло, а потомъ Ваюшка закруцинилсэ, сталъ висить свою буйную голову, а дѣдушко и спрашава: „цёго ты круциниссе, пецялиссе?"—„А потому, што какъ бы съиздить мнѣ въ свою родину".—„А цего ѣхать въ свою родину".—„А провѣдать родныхъ—я дáвны годы ихъ забылъ".—„А справляйсе же, Ванюшка!" Далъ дѣдушко Ванюшки санки-самокатки, коня-самолёта, и поѣхали. Спустились ёны черезъ синеё морё выше лѣсу стоящёго, ниже оболока ходящёго и пріѣхали въ берёкъ въ свою родину. Ѣхали ёны берёгомъ по борамъ, по оргамъ, переѣждяли ёны боры дрёмуци, болота зыбуци, примцилсе доброй конь противъ маленькой хаты; ёны выходя съ санокъ-самокатокъ. Мать въ окошки ихъ увидала и сына своёго спознала, выхоитъ ихъ стрётать. „Здраствуй, мамушка!" —„Здорово, Ванюшка!" Приходя въ ꙗатеру, мать и плаце: „сколько лѣтъ-зимъ тибя не видала", на невѣску смотритъ—невѣска у ёй дакъ всеруссійска красавиця, што не тамъ, не здѣ, негдѣ такой нѣтъ не подъ солнышкомъ. Въ тое время у ёго крёсного—которой ёго отвезъ—собрасэ (такъ) перъ, и пришелъ этой крёсной, ёго позвалъ на перъ, а жёны то и не позвалъ. Ванюшка одинъ и пошёлъ. Невѣс[illegible] свекровы и говоритъ: „не то я, мама, хороша, што въ эфтомъ платьи, а то я хороша, кабы была въ цвѣтномъ платьи". „Дакъ ты же, дитятко, надѣже". „Я бы давно ёго одѣла, да ёго у мня нѣту".—„Да гдѣ же у тя, Манюшка?" „А у твоёго сына ёно въ коробейки".—„А гдѣ у ёго клюць?"—„А ёнъ носилъ всё въ старыхъ штанахъ". Мать штаны сыще, клюць достане и коробейку отомне, выне ёй цвѣтно платье,

а ена и одѣнецце ды говоритъ: „любуй, мама!“ Мама любовала да была вышла въ сини, а ёна пласью пала, лебедемъ повёрнулась ды такова и была. Прихоитъ Ванюшка съ перу съ того, спрашивае: „а же, мама, гдѣ же моя Маня?“—„О, дитя рожёно, улетѣла лебедёмъ“. Сицясъ сѣлъ Ваня насвоёго улёта — доброго коня и поѣхавъ къ дѣдушку, розсказалъ ёму всё, а тотъ и говоритъ: „вотъ тебѣ, Ваня, колода картъ, клюць и замокъ, шило и молотокъ, може пригодяцце“. И поѣхалъ Ваня за синеё морё къ своёй Марьюшки. Тамъ ёму Марьюшки не дали заразъ, а ежели ёнъ сдѣла, што веля, дакъ полуцитъ, а ежели не сдѣла — голова долой. Велили ёму обрядицце трожды въ волшебномъ доми такъ, штобы ёго немошно было найти. Закруцинилсэ Ваня: вездѣ было свѣтло, куды денессе, да спомнилъ ёнъ про карты, потасовалъ ихъ. Вдрукъ розступилсэ камень, Ваня туды и сѣлъ. Волшебники взяли свои книги, вси гадали-искали Ваню, не могли найти, послидня Марьюшка нашла; другой разъ Ваню поднялъ въ небо орелъ-птиця въ своихъ коктяхъ, опять ёго богосужона нашла; третей разъ ёнъ поколотилъ по каменю молоткомъ о шило, явилсе левъ-звирь и закопалъ ёго за дворъ подъ дёръ, и тамъ его Марьюшка нашла. Закруцинилсэ Ваня, а Марьюшка та и вели ёму обрядицце ище въ доми въ середней комбаты за зеркало. Искали да были волшебники — не можутъ найти. Топерь только Ваюшка полуцилъ свою Марьюшку, и ёны сицясъ цёснымъ перкомъ да и за свадёбку. Я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ, по губамъ текло, въ ротъ не попало. *Присказка.* Тамъ дали мнѣ красну шапку, синь кафтанъ, цёрны рукавици, козловы(вы) сапоги, дали ледяну кобылу, горохову плетку, а рѣпно сиделко. Ѣхалъ, ѣхалъ — ворона сидитъ на огороды и крыцитъ: красна шапка, я думаю—крашена шапка,—роспротивилсэ и кинулъ; ёна—синь кафтанъ, а я—што скинь кафтанъ, взялъ да и кинулъ; ёна — церны рукавици, а я думалъ цертовы, опять и кинулъ; ёна—козловы сапоги, а я—козляцьи сапоги, ну крѣпки; взялъ да и бросилъ. Подъѣждяю къ селенью—увидалъ пожаръ, пошелъ туды, поставилъ кобылку близко къ жару, а пока въ пожарѣ былъ, той-порой кобыла ростаяла, рѣпно сидёлко бабы росфатали, а горохову плётку робята ростаскали, и остался я просъ матросъ гонять козъ, голъ, какъ обтоцёнъ.

Пудожскій у. Нигижемская в. 27 Іюня. 1902 г.

Новгородская губернія.

50. Богъ и баринъ.

[Марко богатый].

Жилъ былъ на свѣтѣ одинъ богатой баринъ. Въ семейсвѣ у его была жена да дочка. У барина была своя фабрика, на которой плавили чугунъ и лили желѣзныи вещи. Баринъ былъ жадной до денегъ и все богатѣлъ.

Разъ баринъ приходитъ на кухню и говоритъ кухарки „приготовь къ завтрему хъ обѣду всякой всячины и какъ не можно лучше, такъ какъ завтра хъ намъ въ гости будетъ самъ Богъ“. „Што это, подумалось ей: „видно баринъто съ ума спятилъ!“ Однако поперечить не смѣла и стала готовить. А баринъ вышелъ, созвалъ своихъ рабочихъ, приказалъ всю дорогу отъ крыльца дома до конца своихъ владѣніевъ выслать сукномъ; поставилъ вездѣ сторожовъ и приказалъ, штобы по этой дороги не пущали никого окромѣ Бога. Вишь, на столько ёнъ былъ гордъ, што думалъ, што хъ ему придетъ въ гости Богъ.

Проходитъ день, другой, наконецъ девять денъ. Сторожа все стоятъ и никого не пущаютъ, а Бога все нѣтъ и нѣтъ. На десятой день идетъ старикъ въ рваномъ кафтанишкѣ, въ лаптяхъ и прямъ по сукну. Сторожа стали его гнать, пехать, а назорой старичекъ идетъ да идетъ, никакъ не могутъ съ имъ ничего сладить. Когда старикъ дошелъ до воротъ, тамъ сторожъ и говоритъ ему: „старичекъ, сойди ты съ сукна ради Бога, а то увидитъ хозяинъ, убьетъ и тибя и миня“. Старикъ сошелъ и спряталсе за скотской дворъ. Разгнѣвалсе хозяинъ, когда увидалъ слѣды лаптей на сукнѣ, приказалъ найтить старика и привести хъ ему. Но старикъ какъ сгинулъ, не могли найтить его. — Вечеромъ, когда ссумерилось, приходитъ старикъ на кухню хъ кухарки и говоритъ: „пусти миня на кухню ночевать“.— „Ой нѣтъ, старичекъ, зайдетъ сюды на кухню баринъ, то

бѣда будетъ, не живать ни тибѣ, ни мнѣ. А ты лучше поди въ курятникъ и ночуй тамъ. Да ты не куришь?"—„Нѣтъ", отвѣчалъ старичекъ. „Ну и ладно. Да смотри, не моги дуть огонечка, а то баринъ увидитъ и догадаетце". Старикъ ушелъ. Немного погодя, кухарка взяла хлѣбца, молочка и постелю свою и пошла въ курятникъ. Вишь, пожалѣла она старичка. Подходитъ хъ окну и видитъ, што въ курятникѣ огонекъ. Заглянула, сидятъ три старичка, а на супротивъ ихъ горятъ три свѣчки. Вошла скоро въ курятникъ и говоритъ: „што же ты, старичекъ, я тибя пустила одного, а ты еще двоихъ сюды пустилъ". „Да, вить, и оны, тетушка, ночевать то хотятъ".—Я тибя, старичекъ, просила не дуть огонечка, а ты сдулъ три свѣчки. Шабашъ будетъ, если баринъ увидитъ". — „Ничего, говоритъ, не узнаетъ баринъ". Кухарка вышла изъ курятника, подошла хъ окну и слухаетъ. „Господи! говоритъ одинъ старичекъ. У мужика въ такой то деревни родитсе въ эту ночь сынъ. Какое щасье нарѣчь ему?"—„Онъ замѣститъ хозяина въ этомъ имѣньи", говоритъ тотъ старичекъ, котораго она пустила ночевать.—„Господи! говоритъ другой, у кресьянина въ такой то деревни (другой, а не въ той же, гдѣ робёнокъ) ягнилась овца двумъ ягненкамъ. Какое будетъ пріодѣленье имъ?" — „Одинъ будетъ волку, а другой хъ пользу хозяину", сказалъ тотъ. Кухарка ушла домой спать, а по утру, когда пришла спровѣдать старичковъ въ курятникъ, то не нашла тамъ никого.

Когда хозяинъ всталъ, кухарка и говоритъ ему: „Гостя то ждали, гость пришелъ, а его и прогнали."—„Когда былъ гость?" говоритъ хозяинъ. „А старичекъ то въ лаптяхъ—это и былъ Господь".—„Што врешь то, дура-баба. Если бы это былъ Богъ, такъ не въ рваной бы одёжѣ онъ пришелъ. Рази у Бога мало одежи!"— „Нѣтъ Богъ", говоритъ кухарка и разсказала барину, какъ она пускала одного старичка въ курятникъ, а очутилось три, и какъ подслухала у окошко, што оны говорили. Баринъ разсердилсе. „Какъ такъ, штобы мужицкій сынъ наслѣдовалъ мое имѣнье! Не бывать этому!" Наклалъ онъ денегъ хъ пазуху и поѣхалъ въ ту деревню, гдѣ должёнъ по предсказанью родитце робёнокъ. Пріѣзжаетъ и спрашиваетъ у мужика: „родила у тебя баба?"—Родила.—Кого?—Мальчика.—Продай его мнѣ.—Не, што ты, баринъ, кто же робятъ продаетъ. Да мнѣ самому робята

надобны". А у самаго робятъ то куча. „Ну такъ отдай его. Я его воспитаю, а когда выростетъ, поженю на своей дочери". Мужикъ отнѣкивалсе пѣрво, а когда баринъ задарилъ его деньгамъ, онъ съ радостью отдалъ ему робенка. Взялъ баринъ робёночка и дорогой бросилъ его въ оврагъ, а дѣло то было зимой въ стужу.—Поѣхалъ потомъ въ ту деревню, гдѣ должна была ягнитце овца, и спрашиваетъ у бабы (хозяйки ейной): „а што у тибя ягнилась сигодня овца?"—Ягнилась.—Сколько принесла ягнятъ? — Два. Ну, думаетъ баринъ, все такъ, какъ говорилъ Богъ. — Продай одного мнѣ.—Оно не што бы продать-то, да малъ больно, вить, и до дому не довезешь.—Это ужъ не твое дѣло. Сказывай, что возьмешь?"—Баба назначила три цалковыхъ (цѣна взрослой овцы). Баринъ уплатилъ деньги и приказалъ бабѣ немедленно его заколоть и зажарить. Когда баба подала жареное, баринъ сидитъ и похваляетце.—„Вотъ говорилъ Богъ, што ягненокъ будетъ волку, анъ съѣмъ то его я, а не волкъ". Но только что молвилъ онъ это слово, вдругъ окошко разбилось, выскочилъ изъ его волкъ, тяпъ съ латки ягненка, глонулъ да и былъ таковъ. Баринъ не веселый вернулсе домой.

О той поры вечеромъ ѣхали путемъ-дорогой мимо оврага, куды бросилъ баринъ робёночка, купцы съ обозомъ и видятъ, што въ оврагѣ огонекъ горитъ. „Робята, говоритъ купецъ своимъ прикащикамъ, видите огонекъ въ оврагѣ".— „Видимъ", говорятъ. Тогда купецъ скинулъ съ себя шубу и полѣзъ по снѣгу въ оврагъ. Спустилсе и видитъ: лежитъ на логу мальчикъ, держитъ въ ручкѣ цвѣточекъ, вертитъ его эдакъ (разсказчикъ дѣлаетъ видъ, что цвѣтокъ находится у него между указательнымъ пальцемъ и большимъ, и третъ одинъ о другой), а самъ усмѣхаетце. Въ головахъ у его и съ боковъ теплятце свѣчки, и снѣгъ кругомъ оттаявше. Купецъ взялъ въ охапочку робёночка, сѣлъ съ нимъ въ сани, завернулъ его въ шубу и продолжалъ путь дальше. Заѣзжаетъ купецъ на ночлегъ къ богатому барину и разсказываетъ о своей чудной находки. Баринъ догадалсе, што это за робёнокъ и проситъ купца уступитъ его ему.— „Нѣтъ, говоритъ купецъ. Эту находку мнѣ самъ Богъ послалъ. Я его буду пелеговать-ростить". Баринъ чуть не со слезамъ умоляетъ купца, обѣшаетъ сдѣлать его замѣсто

сына. Купецъ долго не соглашалсе, наконецъ отдалъ за 9 тысячъ.

Купецъ уѣхалъ, а баринъ осталсе и умствуетъ, какъ бы извести робёнка. Наконецъ надумалъ. Положилъ въ бочку, задѣлалъ ее, замазалъ сѣрой и бросилъ въ море. Долго ли, коротко-ли плавала бочка, не знаю. Только мальчикъ подросъ тамъ. И принесло эту бочку хъ манастырю. Манахи нашли ее, разбили и достали мальчика. Стали оны этого мальчика учить грамоты и пѣть на клиросѣ. И такой то ёнъ вышелъ удачливой, што никто супротивъ его не могъ спѣть, и всѣ пріѣзжающіе въ манастырь слушали его и дивились.

Задумалъ разъ баринъ ѣхать по манастырямъ, грѣхи замаливать. Оставилъ дома жену съ дочкой, а самъ отправилсе на $2^1/_2$ года. Заѣзжаетъ онъ между прочимъ и въ тотъ манастырь, гдѣ живетъ брошенный имъ мальчикъ. Заходитъ ёнъ хъ службы, зритъ на пѣвчаго и удивляетце: никогда еще не слыхалъ енъ такого голоса. Спрашиваетъ ёнъ у игумента: „што это за дѣтина поетъ у васъ такъ прекрасно на крылосѣ?“ Игументъ и разсказалъ, какъ оны нашли находку хъ бочки, воспитали и выростили его. Баринъ догадалсе, што Господь спасъ бочку съ его замѣстителемъ. Разсказалъ ёнъ игументу про предсказанье Божье и про то, какъ онъ дважды хотѣлъ сгубить младенца. „А теперь, говоритъ, раскаялсе, хочу исполнить Божье рѣченье; отпустите мнѣ молодца, я его поженю на своей дочки, передамъ все огромное хозяйство и напишу, штобъ обращали, какъ енъ хозяинъ имѣнья“. Игументъ отпустилъ. Тогда баринъ позвалъ пѣвчаго, сказалъ ему, што онъ хочетъ женить его на дочки и сдѣлать наслѣдникомъ своимъ и велитъ ёнъ снести поклонъ женѣ и запечатанное письмо. А въ томъ письмѣ было написано: „Милая моя жена! Придетъ такой то человѣкъ. Ты пошли его на фабрику и пусть тамъ сварятъ его въ котлѣ“. Дѣтина взялъ это письмо и пошелъ. Попадается ему навстрѣчу дорогой старичекъ и спрашиваетъ: „куды ты идешь“? — Къ такому то барину. — Зачѣмъ? — Съ письмомъ. — А знаешь ли ты, што тамъ написано?—Знаю.—Што?—Написано, штобъ женить меня на дочки его. — Нѣтъ! тамъ не это написано. Ты прочитай-ка письмо! — Не могу, говоритъ, не мнѣ писано.—Дайка мнѣ

письмо, говоритъ старикъ". Молодецъ далъ. Старикъ распечаталъ письмо и показалъ ему. Тотъ перепугалсе, што его велѣно сварить.—„Ничего, говоритъ, старикъ, поправимъ", и дунулъ на письмо. Старое писанье стерлось, а намѣсъ его появилось новое. Написалось упять барской рукой: „Милая моя жена! Придетъ такой-то человѣкъ. Ты его какъ ни можно скорѣе жени на нашей дочери и отдай ему все хозяйство, штобъ всѣ обращали бы, какъ енъ хозяинъ".

Запечаталъ старикъ письмо и отдалъ молодцу, а тотъ съ имъ пришелъ въ имѣнье и отдалъ барынѣ. Барыня прочитала письмо и заревѣла, што велитъ мужъ отдать дочерь незнамо за кого. Однако не смѣетъ ослушатце хозяина и на другой день съиграла сварьбу. И сталъ нашъ молодецъ за хозяина, похаживаетъ по имѣнью и фабрикѣ да посматриваетъ: все ли ладно. Прошло наконецъ два съ половиной года. Баринъ возвратилсе съ богомолья домой. Жена и зять съ дочерью встрѣчаютъ его на крыльцѣ. Баринъ входитъ и удивляетце. Енъ ужъ думалъ, што пѣвчій давно сваренъ въ котлѣ, анъ видитъ его зятемъ. Однако не показываетъ виду, здороваетце и зоветъ жену въ свою комнату. Жена идетъ за имъ. „Растрепа! говоритъ онъ ей, куды у тибя умъ дѣвалсе. Я тибѣ велѣлъ сварить молодца въ котлѣ, а ты его въ зятья придѣлила".—„Я, говоритъ жена, только исполнила твою волю". Приноситъ и показываетъ ему его письмо. Баринъ читаетъ и дивитце. Затѣмъ идетъ на фабрику. Рабочіе тумарóмъ собираютце хъ ему. Баринъ осмотрѣлъ все, приказалъ нагрѣть котелъ, какъ ни можно сильнѣе и наказалъ схватить и бросить въ котелъ того, кто придетъ вечеромъ осмотривать (такъ) фабрику. Возвращаетце баринъ съ фабрики домой и разсказываетъ женѣ, какое онъ сдѣлалъ распоряженье. А дочь, будь не плоха, подслухала, о чемъ оны говорили.

Вечеромъ, когда зять хотѣлъ идти на фабрику осмотрѣть и запереть ее, дочь не пустила мужа и разсказала ему, какъ отецъ хочетъ его сгубить. Мужъ осталсе дома. Прошелъ часъ, другой. Барину не иметце, хочетце сходить и посмотрѣть, што сталось съ зятемъ. Приходитъ ёнъ на фабрику, а рабочіе тяпъ барина да въ котелъ.

Жена ждать пождать барина, но нѣтъ и нѣтъ его. Она приходитъ къ дочери и спрашиваетъ у ей:—„Дома ли зять?—

„Дома“, отвѣчаетъ та. Мать испугаласе еще пуще.—„Пошли, говоритъ, его на фабрику узнать, отчего отца долго нѣтъ“.—„Нѣтъ, отвѣчаетъ дочерь, хотите, штобъ съ имъ было тоже, что съ папашей“.

Утромъ идетъ зять на фабрику, собираетъ рабочихъ и спрашиваетъ: „а кого вы сварили ночéсь“. Тѣ дивятце, бѣгутъ хъ котлу и достаютъ изъ его одежу и кости самаго барина.

Такъ и сталъ зять хозяиномъ имѣнья, какъ рѣченъ былъ Богомъ.

Боровичскій у. 1903 г.

---

51. Сирота.

Жила была на свѣтѣ одна бѣдная вдова съ мальчикомъ сыномъ. Жили оны такъ бѣдно, што имъ нѣнашто даже было купить иконы. Наступило лѣто. Вдова отдала на лѣто сына въ другую деревню въ пастухи за три цѣлковыхъ. Когда лѣто прошло, малецъ получилъ три рубля и идетъ домой. Идетъ это ёнъ по деревни и видитъ: стоитъ посерёдъ улицы осталпивше толпа людей. Енъ подходитъ. Народъ стоитъ кружкомъ, а въ кругу лежитъ образъ и мужикъ. Малецъ спрашиваетъ: „што это вы туточку дѣлаете, мужички“?—„А вотъ хотимъ наказать мужика и Миколу“.—За што?—„А за то, што слова не держатъ“.—Дѣло то жъ было такъ. Приходитъ одинъ мужикъ къ другому и говоритъ: „дай мнѣ въ займы три цѣлковыхъ до Покрова.—Дать-то оно не што, да вить, не отдашь.—Отдамъ.—Врешь, не отдашь.—Отдамъ, за миня Микóла поручитце.—Ну, если Микола поручитце, то дамъ. Пойдемъ хъ часовню“. Пришли. Мужикъ, што просилъ денегъ въ долгъ, бухъ на колѣни предъ Миколаемъ Чудотворцемъ и молитъ: „Святитель милосливой! поручись за миня ему, што отдамъ хъ Покрову три цѣлковыхъ“. И заговорила икона голосомъ человѣчьимъ: „повѣрь, мужичекъ, ему три цѣлковыхъ, ёнъ отдастъ, а если не отдастъ, то я уплачу“. Мужикъ „повѣровалъ Богу“ и далъ въ займы три рубли. Наступилъ Покровъ. Мужикъ идетъ къ должнику и спрашиваетъ долгъ.—„Охъ, другъ ты мой любезной, отдалъ бы со всимъ удовольсвомъ, да денегъ нѣтъ“. Товда

мужикъ пошелъ въ часовню и спрашиватъ у иконы: „ты поручилсе за Ивана, такъ давай долгъ“. Но молчитъ икона. Онъ вдругорядъ сталъ требовать, а икона ни слова. Товда мужикъ собралъ обчесво и пожаловалсе на мужика и на образъ. И присовѣтовало обчесво отодрать розгамъ мужика, а икону продать за то, што смотала.

Малецъ выслухалъ и говоритъ: „продайте, мужички, мнѣ образъ. — Да што, говорятъ: оно и впрямъ продать, а то какой же ето Богъ, коль онъ смоталъ“. И продали мальцу икону за три рубли. Приноситъ малецъ образъ домой, мать обрадовалась, што хоть теперь у ихъ Богъ будетъ въ домѣ.

Въ тотъ же день постучалсе хъ имъ старичекъ и попросилсе обогрѣтца. Мальчикъ пустилъ старичка. Пока старичекъ грѣлсе на печки, вдова собрала на столъ, поставила похлёбку, положила остатнею краюху хлѣба и думатъ: „а што, какъ хлѣбушка то на троихъ не хватитъ?“ Позвала старичка; сѣли и стали ѣсть. Только смотритъ вдова, а краюха, сколь оны ни ѣдятъ, все та же: нисколь не уменьшаетце.

Передъ вечеромъ мальчикъ собираетце идти за дровами. Хочетъ идтить съ имъ и старичекъ. „И, што ты, дѣдушко! Гдѣ же тибѣ дрова рубить, да тибѣ и не дойтить до лѣсу“. — „Ничего мальчикъ! Какъ нибудь съ Божьей помочью“, говоритъ старикъ. Пришли въ лѣсъ. Глядитъ мальчикъ: гобзитъ старикъ дрова, словно молодой. Нарубили дровъ и пошли домой. Утромъ мальчикъ всталъ и хотѣлъ итить въ лѣсъ за дровамъ. Глядь, а дрова то у его стоятъ подъ окошкомъ.—„Дѣдушко! Хто же это дрова-то привезъ хъ намъ?— Видно, зоблитце о насъ Господь“, говоритъ старикъ. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Старикъ все еще живетъ и работаетъ вмѣстѣ съ мальцемъ.

Вотъ разъ старикъ и говоритъ: „пойдемъ въ городъ“. Городъ стоялъ на берегу моря. Тамъ люди строили корабли и ѣздили на ихъ торговать разнымъ товаромъ заграничнымъ. Старикъ съ мальчикомъ купили маленькихъ досокъ и стали строить карапъ. Смотрятъ на ихъ другіе корабельныи мастера и дивятце: „што за чудныи мастера! Кажись и досочки то у ихъ маленьки и сами двое, старой да малой, а какъ все садитце у ихъ склеписто и хорошо“. Наконецъ построили карапъ.

Въ ту пору два купца собирались на суднахъ ѣхать за море въ чужоё царство. Поѣхали вмѣстѣ и старикъ съ мальчикомъ. У купцовъ товару всякого пропасть, а у старца съ мальчикомъ на суднѣ пусто. Дорогой старецъ и говоритъ: „пристанемъ хъ острову да надѣлаемъ кирпичей". Такъ и сдѣлали. Нагрузили судно кирпичомъ и поѣхали упять въ ту же сторону. Дорогой догнали купцовъ и вмѣстѣ (испр. вмѣсто гмѣстѣ) съ имъ приплыли въ заграничное царсво.

Въ той земли былъ обычай — подносить царю подарки, штобъ ёнъ дозволилъ безпошлинно торговать. Купцы отобрали самаго лучшаго товару и отправились хъ царю. Вмѣстѣ съ имъ пошелъ и малецъ, захвативъ съ собой по совѣту старца грузной узелокъ. — „Ты што несешь царю?" спрашиваютъ у его дорогой купцы.—Кирпичину, отвѣчаетъ малецъ. — „Што ты, выбрось скорѣе, а то изъ за тибя царь пожалуй и насъ прогонитъ вонъ".—„Нѣтъ, говоритъ малецъ: какъ велѣлъ мнѣ дѣдушка, такъ я и сдѣлаю".

Приходятъ. Купцы поднесли царю свои подарки. Подноситъ свой и малецъ. Царь приказалъ развернуть узелокъ. Вдругъ осіялъ весь дворецъ. Оказалось, што кирпичина обратилась въ огроматной самоцвѣтной камень. Царь осталсе очень доволенъ подаркомъ, но не разрѣшилъ купцамъ торговать, пока оны не прокараулятъ три ночи у его умершей дочери.

А хъ царской дочери сидѣла окаянная сила. Днемъ царевна спитъ, а какъ наступитъ ночь, встаетъ изъ гроба. Царь кажинную ночь приставлялъ хъ ей новой каравулъ и кажинную ночь поѣдала она каравульщиковъ. Жители города были очень недовольны этимъ и ставили по очереди на каравулъ стариковъ. Царь обѣщалъ огромныи деньги тому, хто ёё излѣчитъ, но не находилось лѣкаря.

Когда купцы получили отъ царя приказъ караулить дочь — а отъ людей той земли оны уже слыхали о томъ, што царская дочь вѣдьма,—оны страшно перепугались. Не хотѣлось имъ итить на вѣрную смерть, а ослушатце царя не смѣли. Поискали оны въ городѣ охотниковъ, но не нашли. Тогда обратились къ мальцу: „возьми съ насъ по тыщи рублей и покаравуль за насъ". Малецъ по совѣту старичка, согласилсе прокараулить за ихъ и за сибя подрядъ три ночи.

Вечеромъ малецъ, захвативъ съ собой, по наученью старичка, книжку и лозья, пришелъ въ церкву, гдѣ лежала царевна, очертилъ около сибя кругъ, положилъ лозьѐ и сталъ читать книжку. Вдругъ обручи на гробѣ лопнули, крышка слетѣла, и царевна поднялась и сѣла въ гробу. — „Ага! надоѣло мнѣ старье да храпьѐ, такъ батюшко прислалъ мнѣ на ужинъ молоденькаго да красиваго. Вотъ полакомлюсь то". Вылѣзла изъ гроба и прямъ къ мальцу. Волосы растрепаны, глаза окрачены (испр. изъ окорачены), ротъ распяленъ, сама страшѐнная. Ужъ руки протянула, штобы сцапать мальца и сглодать, да черта не пущаетъ. Малецъ схватилъ лозье и давай ее бить лозьемъ-то на отмашку. Начала она давитце, и полѣзло изъ ей все гадьѐ, да все мѣдяницы. Когда запѣли пѣтухи, царевна убралась въ гробъ и заснула.

По утру приходитъ хъ церкву сторожъ по обыкновенью подбирать костье и хъ удивленью увидѣлъ мальца цѣлымъ и невредимымъ.

На слѣдующую ночь малецъ упять каравулилъ. Старецъ далъ ему на этотъ разъ другую книжку и мѣдное прутье. Малецъ отстегалъ царевну мѣднымъ прутьемъ и еще больше выгналъ гадья. На третью ночь старецъ далъ мальцу третью книжку и стального прутья, которымъ малецъ выгналъ все гадье до остатку изъ царевны, такъ што она послѣ пѣтуховъ ужъ не легла въ гробъ, а стала дремать.

Когда по утру донесли царю, што царевна оживилась, онъ очень обрадовалсе, приказалъ читать надъ ей евандельскія книги, пока не спало съ ей все волшебсво. Гадье же хъ церкви велѣлъ скоплять и хъ печки жечь. Потомъ ковда царевна совсѣмъ выздоровѣла, онъ порѣшилъ отдать ее замужъ за мальца. Тотъ было хотѣлъ отказатце, но старичекъ, онъ же Миколай Чудотворецъ, велѣлъ взять ее, но съ условіемъ, штобы сразу же послѣ свадьбы ѣхать съ ей домой хъ матери. Царь согласилсе отдать дочерь и на этомъ условьи, „все, думаетъ, лучше хоть въ чужихъ людяхъ жить, да живой, чѣмъ въ своей, да больной". Послѣ сварьбы наградилъ зятя съ женой и старичка деньгами и имѣньемъ и отправилъ ихъ по морю домой.

Дорогой старецъ и говоритъ: „вотъ што, малецъ, мы съ тобой деньги вмѣстѣ добывали, такъ давай вмѣстѣ и подѣлимъ".—„Давай, подѣлимъ", отвѣчаетъ малецъ. Старецъ раз-

ложилъ деньги на три равныя кучи. „Дѣдушко! говоритъ малецъ: мы съ тобой двое деньги добывали, зачѣмъ же третья куча?“—А это твоей женѣ.—Да вѣдь она ихъ не добывала.—„А ужъ это мое дѣло“, говоритъ старикъ. Такъ и подѣлили. Старикъ упять и говоритъ: „мы съ тобой и жену вмѣстѣ добывали, давай раздѣлимъ и жену пополамъ“. Жалко было мальцу жену, но не смѣлъ перечить старцу.—„Какъ же, дѣдушко, дѣлить то ее?“—„Руби пополамъ!“ отвѣчаетъ тотъ. Малецъ разрубилъ жену пополамъ, а старецъ взялъ обѣ половины тѣла ея, вымылъ внутренности въ воды и упять приставилъ одну хъ другой обѣ половины. Оны срослись, и стала царевна живая, красивая и здоровая, еще лучше, чѣмъ до болѣзни.

Когда пріѣхали хъ дому, старецъ отдалъ мальцу свою часть денегъ, простилсе съ имъ и ушелъ. А малецъ съ молодой женой и съ матерью стали жить да поживать, да добро наживать.

Боровичскій у. 1903 г.

---

52. Судьба.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жилъ-былъ царь съ царицей и молодымъ царевичемъ. Когда царевичъ выросъ, царь и говоритъ ему: „вотъ что, сынъ мой дорогой, ты теперь большой и потому пора тебѣ ума набираться. Погуляй-ка по бѣлому свѣту да посмотри, какъ люди живутъ. А чтобъ съ тобой чего не случилось, такъ возьми съ собою дядьку“.

Царевичъ съ дядькой помолились Богу, сѣли на коней и поѣхали. Объѣхали они всѣ царства и наконецъ добрались до синяго моря, въ которое текутъ рѣки со всего свѣта. На берегу моря стояла большая гора. И слышатъ они, что въ горѣ той что-то стучитъ, какъ въ кузницѣ.—„Пойди, говоритъ царевичъ дядькѣ, узнай, что тамъ за кузнецы куютъ!“ Подходитъ дядька къ горѣ и видитъ окошечко; заглянулъ туда и увидалъ, что два человѣка куютъ безъ молотковъ.—„Богъ помочь! говоритъ онъ имъ.—Просимъ милости.—Что вы тутъ дѣлаете?—Куемъ судьбу.—

Какъ такъ?—Посмотри на море, видишь тамъ двѣ лодки. Это волосы крещеныхъ ловятъ и везутъ сюда. А мы сплетаемъ волосы мальчиковъ и дѣвочекъ и куемъ. И кому съ кѣмъ скуемъ, тому на той и жениться". „Вотъ такъ кузнецы!" подумалъ дядька. Вернулся къ царевичу и разсказалъ ему.—И захотѣлось царевичу узнать свою судьбу. Подошелъ онъ къ окну и спрашиваетъ: „А мою сужену знаете?— Знаемъ, отвѣчаютъ изъ горы. Твоя невѣста не царевна, не королевна, а купеческая дочь въ такомъ-то городѣ, которая три года лежитъ въ гноищѣ. Отъ нея ужъ отступились доктора, а приглашены деревенскіе шептуны и коновалы". Разсердился царскій сынъ и пошелъ прочь отъ окна. А какъ отошелъ немного, молвилъ самъ себѣ: „чтобъ моя невѣста была купеческая дочь да еще гнилая — нѣтъ, не бывать этому!" Потомъ сѣлъ на коня и поѣхалъ съ дядькой дальше. Ѣдетъ царевичъ, а у самого въ головѣ сидитъ одна думушка, сидитъ и покою не даетъ, такъ что лицомъ онъ измѣнился и голову опустилъ. Замѣтилъ это дядька и говоритъ: „о чемъ ты, царевичъ, закручинился?"— „Да вотъ не знаю, какъ избавиться отъ своей невѣсты. Видишь, моя невѣста, говорятъ кузнецы, не царевна, не королевна, а купеческая дочка въ такомъ-то городѣ и лежитъ въ гною; и ходятъ за ней не доктора, а шептуны и коновалы".—„Достань себѣ, Царевичъ, коновальскую одежду и инструментъ и поѣдемъ въ тотъ городъ, гдѣ живетъ твоя невѣста. Тамъ нарядись коноваломъ, а когда допустятъ тебя къ невѣстѣ, ты ее и убей", говоритъ дядька.

Сшилъ себѣ Царевичъ коновальскую одежду, купилъ инструментъ, взялъ съ собою карманный тесакъ изъ игольной стали и поѣхалъ въ тотъ городъ, гдѣ по предсказанью живетъ его невѣста. Дядьку оставилъ за городомъ и велѣлъ ему держать коней наготовѣ, а самъ нарядился въ коновальскую одежду, взялъ коновальскій инструментъ и тесакъ и пошелъ въ городъ. А по улицѣ города ходитъ взадъ и впередъ мужикъ-караульщикъ, увидалъ коновала и говоритъ: „Здравствуй, коновалъ"? — Здорово, говоритъ царевичъ.—Не умѣешь-ли ты колдовать? Въ городѣ у насъ у богатѣйшаго купца третій годъ дочка лежитъ въ гноищѣ. Лѣчили ее доктора и фершела и отступились, а теперь позваны къ ней деревенскіе шептуны и коновалы И никто

не можетъ вылѣчить ее. Такъ не возьмешься ли ты?—Я, говоритъ царевичъ, вылѣчу. Веди меня къ ней". Мужикъ привелъ коновала въ домъ къ купеческой дочери. Коновалъ велѣлъ провести его къ больной и говоритъ роднымъ ея: „идите вы вонъ отсюда, и пока я не приду къ вамъ, не приходите." Всѣ ушли.

Подошелъ онъ къ больной и видитъ, что всю ее раздуло на столько, что вмѣсто глазъ однѣ щели виднѣются. Вытащилъ онъ изъ кармана тесакъ и ударилъ суженую по животу; затѣмъ, бросилъ на лавку мѣшокъ съ деньгами на погребенье и потихоньку бѣжалъ изъ дому. Выбѣжалъ за городъ, сѣлъ на коня и уѣхалъ съ дядькой домой.

Долго ждали родители купеческой дочери коновала, все не смѣли его безпокоить, наконецъ, осмѣлились и пошли спровѣдать. Приходятъ и видятъ, что дочь сидитъ на лавкѣ, гной изъ нея уже вылился, а она вышла изъ кожи, какъ цыпленокъ изъ скорлупы. И говоритъ она родителямъ: „принесите иголочку съ ниточкой и зашейте мнѣ кожу".—Зашили и стали спрашивать: „куда дѣвался коновалъ? и какъ онъ вылѣчилъ ее?" — „Вынулъ, говоритъ она, изъ кармана коновалъ перо зеленое и широкое, мазнулъ, а изъ меня болѣзнь и вылилась".

Купецъ нашелъ на лавкѣ деньги и удивился: „что это, говоритъ, за чудно́й коновалъ: денегъ не взялъ да еще и свои оставилъ!" И послалъ во всѣ концы отъискивать коновала, чтобы вернуть ему деньги и поблагодарить за лѣченье. Только коновала и слѣдъ простылъ.

Прошелъ годъ. Купеческая дочка поправилась и стала первой красавицей на свѣтѣ. А царскому сыну неймется, хочется узнать, что сталось съ его суженой. Долго терпѣлъ онъ, наконецъ, поѣхалъ. Пріѣзжаетъ въ тотъ городъ, гдѣ жила купеческая дочь, оставляетъ коней съ дядькой, а самъ идетъ прогуливаться по городу. Проходитъ онъ мимо дома купца и видитъ, стоитъ на крыльцѣ такая красавица, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Сердце у него разгорѣлось, умъ разступился, и онъ въ нее влюбился. Подошелъ онъ къ ней и говоритъ: „скажи мнѣ, красавица, кто ты такая?"—„Я купеческая дочь", отвѣчала та.—„Какъ же ты говоришь, что ты дочь купца? Вѣдь, у купца, я слышалъ, дочь умерла?"—„Нѣтъ, не умерла, а только

была долго больна, да явился въ прошломъ году коновалъ, неизвѣстно откуда, вынулъ изъ кармана перо зелено, мазнулъ меня, я и поправилась". Видитъ царевичъ, что отъ судьбы не уйдешь, и говоритъ ей: „пойди, позови своихъ родителей: я, царевичъ, хочу жениться на тебѣ".—„Полно тебѣ, царевичъ, смѣяться надо мной. Гдѣ это видано, чтобы царскій сынъ женился на купчихѣ!"—„Ужъ это мое дѣло", говоритъ царевичъ. „Пойди и позови родителей!" Повела купеческая дочь за ручку царевича къ себѣ въ домъ. А когда пришли родители ея, объявилъ царевичъ имъ свою царскую волю.

Царь съ царицей не хотѣли было, чтобы царевичъ женился на купеческой дочери, но когда узнали, что она была предречена ему, благословили ихъ на бракъ и задали свадебный пиръ на весь міръ. На этотъ пиръ было приглашено много царевенъ и королевенъ, но не было краше купеческой дочери. И я тамъ былъ, медъ вино пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

Боровичскій у. 1903 г.

---

53. Бѣдный мужичекъ и Николай Чудотворецъ.

Одинъ мужичекъ дожилъ до такой бѣдности, что не́ на что было купить хлѣба. И взмолился онъ Николаю Чудотворцу: „Николай Чудотворецъ, пойдя я отъ бѣдности красть къ богачу, а ты спаси меня, если не попадусь, такъ свѣчку поставлю тебѣ". Приходитъ бѣднякъ къ богачу, вошелъ въ клѣть, взялъ деньги и сталъ выходить вонъ, да нечаянно задѣлъ онъ ногою за что-то—загремѣло, застучало и сталъ появляться свѣтъ. Воръ отъ страху безъ оглядки побѣжалъ въ поле и видитъ, что за нимъ бѣгутъ два мужика. Бѣжитъ онъ дальше, не зная, куда спрятаться. Видитъ вдали мелкій лѣсокъ, онъ туда. А въ лѣсу лежитъ корова палая. Не долго думая, онъ залѣзъ въ нее. Мужики пробѣжали мимо, не замѣтивъ его. Когда мужики скрылись, бѣднякъ вышелъ изъ коровы и пошелъ домой. А въ воскресенье пошелъ въ церковь и поставилъ Николаю Чудотворцу свѣчку въ 10 коп. въ благодарность за спасеніе. Выходитъ онъ изъ церкви и встрѣчаетъ незна-

комаго старенькаго. Старичекъ и спрашиваетъ у бѣдняка: „а что, мужичекъ, исполнилъ ли ты завѣтъ то свой?“—„А развѣ ты знаешь про мой завѣтъ?“—„А если бы не зналъ, такъ у тебя не спрашивалъ“, отвѣчаетъ встрѣчникъ. — „А коли знаешь, такъ скажу тебѣ, что исполнилъ“.—„А каково тебѣ было лежать въ падинѣ то?“ — „Желанный ты, мой батюшка! ужъ коли ты знаешь про мое дѣло, такъ не говори никому. Лежавши то въ падинѣ, я вѣдь чуть не померъ“.—„Ты чуть въ падинѣ не задохся, а я отъ твоей свѣчки, которую ты поставилъ въ церкви, чуть не задохся. Такъ вотъ что я тебѣ скажу: трудись ты до поту лица, а никогда не давай завѣта никакому святому и никогда не ставь свѣчи, когда идешь на кражу; ужъ больно тошно было стоять въ церкви отъ твоей свѣчи“. Видитъ тутъ мужикъ, что передъ нимъ стоитъ самъ Николай Чудотворецъ, палъ передъ нимъ на колѣни и со слезами проситъ: — „прости меня грѣшнаго, никогда больше не буду!“ Николай Чудотворецъ оградилъ мужика крестомъ и скрылся.

Боровичскій у. 1903 г.

---

54. [Илья Пророкъ и Николай Чудотворецъ].

Жили два брата, сначала вмѣстѣ, а потомъ раздѣлились. Послѣ раздѣла одинъ братъ сталъ жить богато, а другой бѣдно. Бѣдный братъ срубилъ сучье, сожегъ его и вспахалъ, а сѣять было нечего. Купилъ онъ полмѣшка пшеницы и полмѣшка жита, положилъ на лошадку привезъ на полосу, сталъ сѣять, думая такъ: „на одной половинѣ посѣю пшеницу, а на другой жито“. Въ это время подъѣхали къ нему верхами и съ ружьями два полѣсовника: на одной лошадкѣ Илья Пророкъ, а на другой—Николай Чудотворецъ. Сошли они съ лошадей и говорятъ: „что ты, мужичекъ, думаешь, тутъ дѣлать?“ „Да вотъ на одной половинѣ сучья думаю посѣять пшеницы, а на другой жита“. А Илья пророкъ и говоритъ: „ты такъ больно много изведешь сѣмянъ, а ты вотъ какъ сдѣлай: посѣй одну шляпу пшеница, а на другой половинѣ одну шляпу жита“. — „Что ты, кормилецъ, такъ будетъ ужъ больно

рѣдко". „Не будетъ рѣдко, а сѣй: бѣгай по полосѣ и сѣй". Мужикъ послушался его, такъ и сдѣлалъ.—„А изъ остатка, говоритъ Илья пророкъ, жена тебѣ крупы надеретъ на все лѣто. Теперь ты свою лошадку спусти на травку, а мою возьми и спаши одну половинку,—гдѣ пшеница; а на другую половинку возьми лошадку у моего товарища и запаши жито. Мы же пойдемъ пока, побьемъ птицъ". — Поблагодаривъ ихъ, мужичекъ сталъ запахивать свою полосу. Передъ самымъ концомъ запашки выходятъ Илья пророкъ и Николай Чудотворецъ и говорятъ: „ну что, запахалъ свою полоску?" — „Кончилъ, родимые, благодарю васъ за лошадокъ". Илья пророкъ и спрашиваетъ: „а которая изъ лошадей получше, моя аль моего товарища?" — „Да обѣ хороши". — „Нѣтъ, всетаки, ты намъ скажи, которая изъ нихъ лучше въ пашнѣ". Мужикъ и говоритъ: „Твоего товарища-то немного лучше". Сѣли эти два мужичка на лошадей и поѣхали. Дорогою Николай Чудотворецъ и говоритъ Ильѣ пророку: „вотъ ты стараешься около мужичка, далъ ему лошадей вспахать, а между тѣмъ твою то лошадь онъ похаялъ, а мою похвалилъ". Илья и говоритъ: „если онъ мою лошадь похаялъ, такъ я ему отомщу, когда выростетъ хлѣбъ". Передъ жатвой Николай Чудотворецъ и говоритъ Ильѣ пророку: „поѣдемъ посмотримъ: каковы у мужичка жито и пшеница, что при насъ онъ сѣялъ". Смотрятъ, жито и пшеница у мужичка выросли чуть не въ ростъ человѣка. Илья и говоритъ Николаю Чудотворцу: „вотъ что я сдѣлаю: напущу небольшую тучку на эту полоску мужичка, и зальетъ она весь хлѣбъ его, такъ что и снимать ему будетъ нечего".

Увидалъ эту пшеницу и жито богатый братъ и говоритъ бѣдному: „братъ, тебѣ ѣсть нéчего — продай мнѣ на корню жито и пшеницу. Вѣдь когда еще они выростутъ?" „Нѣтъ, не отдамъ, я и самъ радъ, что такія хорошія уродились". Такъ и не отдалъ. Идетъ однажды бѣдный братъ и попадается ему на встрѣчу Николай Чудотворецъ и говоритъ: „продай жито-то и пшеницу брату, а то вѣдь Илья пророкъ думаетъ послать грозу — заполощетъ тебѣ эту полосу, ничего ты и не получишь съ нее. А когда богатый братъ будетъ просить у тебя обратно деньги, такъ ты половину то ему отдай, а другую возьми себѣ, вотъ и по-

правишься. А я (Николай Чудотворецъ) пошлю солнышка да маленькій дождичекъ, у тебя опять жито и пшеница поднимутся". Послушалъ бѣднякъ этихъ рѣчей и запродалъ эту полосу своему богатому брату. Илья пророкъ не зная, что полоса продана, напустилъ грозу: пошелъ дождь какъ изъ ведра и заполоскалъ эту полосу такъ, что грязью все взялось. Видитъ богатый братъ, что оплошалъ, даромъ отдалъ деньги бѣдному брату; приходитъ къ нему и говоритъ: „что, братъ, пожалѣй ты меня, поднимемъ грѣхъ пополамъ, отдай мнѣ хоть половину то денегъ". Попадается ему опять Николай Чудотворецъ и говоритъ: „отдай брату, что онъ проситъ, т. е. половину денегъ, но возьми трехъ постороннихъ (троихъ понятыхъ) и при нихъ уговорись съ братомъ, чтобъ онъ не касался болѣе къ этой полосѣ, а что выростетъ послѣ, такъ было-бъ твое. А пошлю солнышко да малый дождь". Такъ и сдѣлалъ бѣдный братъ. Послѣ грозы Николай Чудотворецъ послалъ солнышко да сталъ помачивать, и жито и пшеница опять отросла, да такія хорошія, что всѣ сосѣди съ завистью смотрятъ. Когда бѣднякъ выжалъ хлѣбъ и поставилъ въ суслоны, Николай Чудотворецъ зоветъ Илью пророка посмотрѣть на полосу. Пріѣхали на полосу Николай Чудотворецъ и говоритъ: „ну что, Илья, а вѣдь хлѣбъ то выросъ хорошій у мужичка, хоть ты и наслалъ грозу". „А вотъ что, говоритъ Илья, отниму у его хлѣба споркость: съ каждаго овина, сколько бы онъ не посадилъ, будетъ получать только по 5 мѣръ". Николай Чудотворецъ встрѣтилъ одинъ бѣдного мужичка и говоритъ ему: „хлѣбъ съ поля ты не убирай въ кучу: Илья обѣщалъ отнять у него споркость. Такъ ты сади на овинъ по 5 сноповъ; 4 снопа на овинъ, а пятымъ заткни; и съ пяти сноповъ ты все пять мѣръ намолотишь".—„Да правда ли это?"—„Дѣлай такъ, будетъ по моему". Весь хлѣбъ обмолотилъ такъ мужичекъ и намолотилъ столько хлѣба, что всѣ дивятся, откуда что берется—два засѣка насыпалъ хлѣбомъ. Когда мужикъ обмолотилъ хлѣбъ, Николай Чудотворецъ зоветъ Илью Пророка закупать хлѣбъ въ ту деревню, въ которой жилъ бѣдный мужичекъ. Пріѣхали, пораспросили и узнали, что у бѣднаго мужика хлѣба выросло больше всѣхъ. И сталъ Николай Чудотворецъ подсмѣиваться надъ Ильею. Что отнялъ у мужикова хлѣба

споркость? „Не поддразнивай ты меня, говоритъ Илья, я и теперь съумѣю отнять у него споркость“. „А какъ же ты это сдѣлаешь?“—„А вотъ какъ: возьметъ мѣрку и уйдетъ пять“. Тогда Николай Чудотворецъ встрѣчаетъ мужичка, сообщаетъ ему о бѣдѣ, которую грозитъ послать Илья, и говоритъ: „въ это воскресенье ты иди пораньше въ церкву, а мы попадемъ тебѣ встрѣчу на лошадяхъ. Я у тебя спрошу: „далеко ли ты идешь, мужичекъ?“ а ты отвѣчай: „иду къ обѣдни, вотъ еще лѣтомъ завѣтъ далъ поставить свѣчу Ильѣ пророку въ 10 коп., а Николаю Чудотворцу въ 5 коп.“ Наступаетъ воскресенье. Мужичекъ идетъ и встрѣчаетъ Николая Чудотворца и Илью пророка. На вопросъ Николая Чудотворца мужичекъ отвѣчаетъ, какъ велѣлъ Чудотворецъ. Тогда Илья пророкъ и говоритъ Николаю Чудотворцу: „ну, вотъ, Николай, сколько ты добра ни дѣлалъ мужику, а свѣчку-то онъ мнѣ поставитъ дороже, чѣмъ тебѣ“. Тогда Николай Чудотворецъ и говоритъ: „такъ ты теперь не отнимай у него споркости!“ На томъ и порѣшили.

Боровичскій у. 1903 г.

---

55. Мельникъ.

Въ нѣкоторомъ государствѣ, въ нѣкоторомъ царствѣ, именно въ томъ, въ коемъ мы живемъ. На берегу одной рѣчки жилъ мельникъ. Долго ли онъ жилъ—неизвѣстно, но только по смерти его остался сынъ въ молодыхъ годахъ съ матерью. Черезъ эту рѣчку, на которой стояла мельница, моста не было, а когда нужда была, такъ людей и хлѣбъ мельникъ перевозилъ на суднѣ. Злая мать бранила сына, что онъ перевозитъ хлѣбъ и людей даромъ на суднѣ, а сынъ не слушался матери и продолжалъ перевозить и размышлялъ въ себѣ: до тѣхъ поръ буду я перевозить даромъ, пока Христа не перевезу чрезъ эту рѣчку.

Вотъ въ воскресенье, когда помельцевъ никого не было, сидитъ мельникъ съ матерью въ избѣ и слышитъ крикъ на другомъ берегу — просятъ мельника перевезти черезъ рѣчку. Мельникъ сѣлъ въ судно, переѣхалъ на другой берегъ и никого не видитъ, поискалъ, поискалъ, да и отправился обратно. Лишь только опрокинулъ онъ судно,

какъ опять слышитъ: „мельничекъ, перевези меня пожалуйста, я озябъ“. Мельникъ опять поѣхалъ на другой берегъ, а мать въ это время выглянула въ окно и давай ругать сына, что онъ понапрасну только ѣздитъ да время тратитъ, да и съ самимъ что можетъ приключиться. — Между тѣмъ, сынъ велѣлъ матери замолчать, а самъ продолжалъ ѣхать на тотъ берегъ. Опять никого не оказалось. Въ третій разъ слышитъ онъ зовъ и думаетъ ѣхать, а мать еще болѣе давай ругать сына и того, кто кричитъ на томъ берегу.—Лишь только онъ отчалилъ отъ берега, какъ поднялась страшная буря. Переѣхалъ и давай искать; вдругъ въ ямѣ, подъ колодой онъ видитъ человѣка, который проситъ взять его. „Что-же, дѣдушка, я въ третій разъ сюда пріѣзжаю за тобой, а ты все молчишь и отвѣта не даешь“. „Да вотъ, дружокъ, пока ты переѣзжаешь рѣчку, я и засну, а потомъ опять проснусь, когда ты уѣдешь“. Сѣли они оба въ судно, буря тотчасъ стихла, и переѣхали благополучно. Взялъ мельникъ этого дѣдушку и принесъ въ избу. Пуще прежняго заругалася матка причитывая: „охъ, ты, соплякъ, три раза у меня парень то съѣздилъ, а ты и голосу еще не подаешь; да въ такую то пульгу“. — „Брось!“ говоритъ мельникъ (сынъ), останавливая мать. Вотъ сынъ проситъ у матери теплой воды, чтобы обмыть старика; мать опять съ руганью набросилась на сына и не даетъ воды. Тогда дѣдушка самъ сталъ просить: „дай мнѣ водички, вѣдь тебѣ нагрѣется еще водичка на тѣсто“. Не посмотрѣлъ сынъ на свою злую мать, вынулъ котелъ съ водой изъ печки, обмылъ старика и посадилъ ужинать. А мать еще больше давай укорять и его и старика, что сынъ за нимъ такъ ухаживаетъ. Кончили ужинать, мать и говоритъ: „ну, вотъ теперь мнѣ вода то и нужна, всю извелъ на этого старика, что-же я буду дѣлать съ холодной-то водой, дожидай, когда она нагрѣется!“ А старикъ и говоритъ: „да попробуй-ка, хозяюшка, можетъ быть вода то и горячая. Сунула хозяйка два перста въ чугунъ да такъ обварила ихъ, что кожа сошла съ пальцевъ. Пуще прежняго заругалась хозяйка и давай ругать старика, что у нее съ обѣда грѣлась вода и такъ не нагрѣвалась, а теперь даже пальцы обварила. Хозяйка стала мѣсить, а старичекъ и говоритъ мельнику: „одѣнь почище рубашку да балахонъ и пойдемъ со мной“. Одѣлся мельникъ

какъ слѣдуетъ въ дорогу, а старичекъ говоритъ: „теперь присядь на лавку!“ А мать въ чуланѣ продолжаетъ мѣсить тѣсто; затѣмъ перекрестились и вышли изъ избы. Увидала мать, что старикъ увелъ сына, и давай плакать: „дѣдушка, дай мнѣ взглянуть въ окошко, очемъ моя маменька плачеть, ужели обо мнѣ?“ „Такъ погляди“. Взглянулъ мельникъ въ окно и видитъ, что старикъ, котораго онъ обмывалъ, лежитъ на лавкѣ мертвый, а подлѣ него сидитъ мать и плачетъ. „Что-же это, дѣдушка? Ты тамъ лежишь, а вмѣстѣ съ тѣмъ на улицѣ здѣсь говоришь со мной“. — „Пусть она плачетъ, говоритъ старичекъ. Тѣло тамъ осталось, а душа со мной. Итакъ пойдемъ“. Они отправились въ путь, и наконецъ приводитъ старичекъ мельника къ кельѣ, садитъ его въ передній уголъ и говоритъ: „сиди здѣсь, вотъ тебѣ столикъ и сиди до тѣхъ поръ, пока я не приду къ тебѣ!“ Сидитъ мельникъ и думаетъ: „не я же одинъ здѣсь сижу, дай-ка я посмотрю, нѣтъ-ли еще кого здѣсь“. Отворилъ дверь налѣво въ другую келью и видитъ онъ озеро, покрытое льдомъ, а на льду сидятъ грѣшныя души и мучаются, а подъ иными, менѣе грѣшными, лежитъ войлокъ, который и согрѣваетъ ихъ. Затѣмъ, отворилъ дверь вправо въ другую клѣть, видитъ прекрасный лугъ, покрытый всякими благоуханными цвѣтами; на немъ сидятъ маленькія дѣти, которые еще ходить не могутъ, а которыя побольше, срываютъ цвѣты и подносятъ меньшимъ дѣтямъ. Отворяетъ дверь въ третью келью рядомъ съ первой, въ которой ледъ, и видитъ колесо, какъ на мельницѣ, половина котораго опускается въ смолу, а другая поднимается на сушу; на спицахъ онъ видитъ души грѣшниковъ. Увидалъ онъ и свою мать въ числѣ грѣшниковъ, которые постоянно при поворотѣ этого колеса то поднимаются, то опускаются внизъ, а въ рукѣ у ней поблекшую луковицу, которой при поднятіи колеса вверхъ она взмахиваетъ. Испугался мельникъ, затворилъ дверь въ эту келью и сѣлъ опять на прежнее мѣсто дожидать старичка. Приходитъ старичекъ и говоритъ: „ну, что, мельникъ, посмотрѣлъ ты въ другія кельи, или нѣтъ?“ — „Посмотрѣлъ, старичекъ, вотъ въ эти три кельи и видѣлъ я тамъ вотъ свою матушку, которая на колесѣ со смолою постоянно вертится, видѣлъ еще у ней луковицу. Что это луковица означаетъ?“ „А вотъ что: у

твоей матери только одно и есть доброе дѣло, именно: шли нищіе мимо огорода, въ которомъ твоя мать полола лукъ, и попросили у ней, она-же между тѣмъ пожадничала и дала только вотъ эту поблекшую луковицу. Вотъ она теперь въ рукахъ и находится, какъ знакъ добра". — „А жалко тебѣ свою мать?" — „Очень жалко, дѣдушка". „Пойдемъ же, я повытащу ее и переведу въ другое мѣсто!" И вотъ, когда они вошли въ келью, и лишь только при поворотѣ колеса показалась мать, Христосъ (этотъ старичекъ) взялъ ее за руку и хотѣлъ ее вести. Въ это время другіе душеньки ухватились на нее, каждая желая освободиться изъ ада, а мать вмѣсто жалости руганью отпихивать ихъ. Тогда Христосъ и говоритъ мельнику: „вотъ сколько она зла: на бѣломъ свѣтѣ никому не дѣлала добра да и здѣсь въ аду, въ мученьи, тоже. Пусть она мучается весь вѣкъ". И пустилъ Христосъ эту злую женщину въ смолу горячую на самое дно, откуда она выйти не можетъ и вздоха не можетъ перевести. „А это что значитъ", спрашиваетъ мельникъ, указывая на двѣ другія двери кельи. Христосъ и отвѣчаетъ: „на прекрасномъ лугу сидятъ старушки съ дѣтками,—это спасенныя души; а на льду — это души грѣшныя, изъ нихъ болѣе спасенныя на войлокѣ. А тебѣ, какъ человѣку доброму, дамъ мѣсто пресвѣтлое и прекрасное".

Боровичскій у. 1903 г.

---

56. [Спящіе отроки].

Быль.

Въ одномъ селеньи жилъ богатый мужикъ, который праздниковъ не зналъ, кромѣ Рождества Христова да Свѣтлаго Христова Воскресенья, Бога худо почиталъ и нищимъ милостины никогда не подавалъ. Имѣлъ онъ троихъ сыновей малолѣтокъ. Вотъ старшій сынокъ, гуляя по улицамъ, сталъ замѣчать, что нищіе ко всѣмъ сосѣдямъ заходятъ и получаютъ милостыню, только домъ его родителей почему-то обходятъ. Вотъ онъ однажды приходитъ домой и спрашиваетъ у своей матери: „отчего это нищіе ко всѣмъ ходятъ,

а нашъ домъ мимо проходятъ". А мать и говоритъ ему: „сынокъ! отецъ твой не любитъ и не почитаетъ нищихъ; всегда ихъ прогоняетъ и не даетъ имъ милостыни, а потому они проходятъ". Сжалился этотъ мальчикъ надъ нищими, и когда увидитъ ихъ на улицѣ, прибѣжитъ домой, возьметъ потихоньку хлѣба отъ родителей и всѣхъ нищихъ обдѣлитъ такъ, чтобы и сосѣди не увидали. Такъ онъ продолжалъ дѣлать до тѣхъ поръ, пока отецъ не бралъ его на работу. А когда онъ подросъ и отецъ сталъ его брать на работу, тогда сынъ его, чтобъ не оставить нищихъ безъ милостыни, научилъ второго своего брата дѣлать такъ, какъ онъ поступалъ съ нищими. Выросъ и этотъ братъ и онъ сталъ ходить съ отцемъ на работу. Тогда они научили меньшаго брата поступать такъ же съ нищими, какъ они дѣлали, когда еще были маленькими. Наконецъ, подросъ и младшій братъ, и всѣхъ троихъ сыновей отецъ сталъ посылать на работу, не разбирая ни воскресенья, ни праздничка. Все время были за работой изъ дня въ день, никогда не видали отдыха.

Вотъ однажды послѣ ярового посѣва, въ воскресенье отецъ посылаетъ своихъ трехъ сыновей рубить лядину. Вышли они въ чистое поле и залились горючими слезами. „Братцы, что у насъ за отецъ: всѣ люди и товарищи идутъ сегодня въ храмъ Божій къ обѣднѣ, а насъ на работу; нѣтъ намъ для отдыха ни одной обѣдни, ни одного воскресенья. Пойдемъ вотъ сюда, ляжемъ да отдохнемъ; а когда увидимъ, что народъ пойдетъ съ погоста, встанемъ и начнемъ рубить лядину". Пошли, свернули въ сторону отъ того мѣста, куда имъ надлежало идти рубить лядину, увидали чистое мѣсто, посреди на краю ракитовъ кустъ стоитъ. Вотъ они посложили свои топоры подъ кустъ, а сами легли и заснули крѣпкимъ, богатырскимъ сномъ. Вотъ проходитъ часъ, другой, народъ уже съ погоста воротился, а они все спятъ; наступаетъ и вечеръ, а ихъ все нѣтъ. И отецъ уже сталъ безпокоится объ нихъ. Пришла и ночь, а дѣти все не приходятъ. На другой день отецъ всталъ и, позавтракавъ, пошелъ отыскивать своихъ сыновей. Приходитъ онъ въ поле и видитъ, что лядина не тронута, а и сыновей нѣтъ. Давай искать ихъ, всѣ кустики обходилъ и осмотрѣлъ, а ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Приходитъ домой, собираетъ весь

народъ въ деревнѣ и сообщаетъ о своемъ горѣ. Весь народъ пошелъ на поиски; цѣлую недѣлю ходилъ, искалъ, кажется, всѣ кустики въ поляхъ и въ окружности обходили и по нѣсколько разъ осмотрѣли, а молодыхъ ребятъ не нашли. Дошла эта вѣсть до начальства, вся волость была собрана на поиски ребятъ, но походили, походили, поискали, поискали, нигдѣ не нашли. Затѣмъ, дали объявки по дальнимъ волостямъ о потерѣ этихъ молодцовъ, чтобы сообщили, не видалъ ли ихъ кто либо. Но все было напрасно. Погоревалъ, погоревалъ отецъ, да уже черезъ многое время и позабылъ. Такъ прошло 30 лѣтъ, какъ потерялись тѣ молодцы. Наконецъ въ 31-й годъ, въ то самое воскресенье, когда они заснули, одинъ изъ нихъ, младшій братъ просыпается и видитъ огромный лѣсъ кругомъ себя и удивляется, чтобы это значило. Будитъ своихъ братьевъ и говоритъ: „что это, братцы, ложились мы спать на чистомъ мѣстѣ, а теперь мы точно въ какой островинѣ; да и кустъ-то этотъ ракитовый былъ небольшой, а теперь смотрите! Точно насъ кто перенесъ!“ Удивляются братья и не понимаютъ, въ чемъ дѣло: что за исторія, мѣсто все то незнакомое, не знаютъ, гдѣ они и находятся. Вотъ наконецъ рѣшили они идти, куда глаза глядятъ — „авось куда нибудь да выйдемъ“. Лишь только они немного поотошли отъ того мѣста, гдѣ спали, видятъ знакомую тропинку. Они и пошли по ней. Затѣмъ видятъ, скотъ пасется въ парянинѣ, а тутъ и деревня. Приходятъ въ деревню, узнаютъ ее и приходятъ въ домъ родителей. „Здравствуйте, батюшка и матушка!“—Закричалъ на нихъ отецъ: „что вы за люди-чужестранцы? Какіе вы дѣти; у меня дѣтей вотъ ужъ 30 лѣтъ какъ нѣтъ“. Переглянулись сыновья между собою и дивятся: что это за 30 лѣтъ, про которые отецъ говоритъ, не понимаютъ они, въ чемъ дѣло, почему отецъ ихъ не признаетъ за сыновей. Увидала мать родимое пятнышко на одномъ изъ сыновей и говоритъ отцу: „вѣдь, это наши дѣтки; не отпирайся,—вонъ видишь у Васеньки то родимое пятнышко“. Обрадовался отецъ, когда призналъ, что это его дѣтки. „Ну, здравствуйте, дѣтушки! Садитесь за столъ, пообѣдайте—поди, голодны, 30 лѣтъ то не ѣвши“. Дѣти сѣли обѣдать и дивятся, какихъ это 30 лѣтъ вспоминаетъ отецъ. Послѣ обѣда отецъ и говоритъ женѣ: „теперь уложи спать, пусть они отдохнутъ, а завтра я допросъ

съ нихъ сниму: гдѣ они 30 лѣтъ пропадали". Наступаетъ вечеръ. Жена собираетъ ужинъ и говоритъ мужу: „не разбудить-ли сыновей поужинать". А мужъ и говоритъ: „нѣтъ, ужъ не тревожь ихъ, пусть они спятъ; они можетъ быть 30 лѣтъ не спали, а если въ полночь или раньше они проснутся, такъ ты накорми ихъ ужиномъ и опять уложи ихъ спать".

Поужинали хозяинъ съ хозяйкой и опять полегли спать. Въ полночь просыпается меньшакъ и слышитъ подъ окномъ голосъ, который гласитъ имъ: „эхъ, вы, братцы, въ непріятномъ дому легли вы на упокой. Вамъ тутъ не мѣсто и не домъ, а гдѣ вы 30 лѣтъ спали, такъ утромъ, возьмите топоры и идите на то мѣсто, и срубите себѣ келью, тамъ вамъ вѣковѣчный покой". Подошелъ меньшакъ къ окну, но видитъ, что никого нѣтъ, легъ на постель и опять заснулъ. Наступаетъ утро. Всѣ поднимаются. Отецъ и спрашиваетъ свою жену: „а что, хозяйка, просыпались дѣтки, кормила ихъ ужиномъ?"—„Нѣтъ, не просыпались, и не кормила ихъ", отвѣчаетъ хозяйка. Когда отецъ и мать повышли изъ избы, меньшакъ и спрашиваетъ у своихъ братьевъ: „А что братья! вы не слыхали сегодня какъ ночью, насъ гласили?—Нѣтъ, отвѣчаютъ старшій братъ и середнякъ. — Такъ вотъ что, намъ велѣно идти туда, гдѣ мы 30 лѣтъ спали съ топорами, и строить тамъ для себя келью; тамъ для насъ вѣковѣчный покой". Подумали про себя братья, услыхавъ это, и рѣшили, что должно быть они и на самомъ дѣлѣ 30 лѣтъ проспали.

Приходитъ отецъ и мать въ избу; сѣли всѣ за столъ позавтракать. Послѣ завтрака дѣти и говорятъ: „ну, теперь, батюшка, наряжай, куда намъ идти и что дѣлать".—„Нѣтъ, я сначала сдѣлаю допросъ: скажите мнѣ, гдѣ вы 30 лѣтъ пропадали?" А меньшакъ и говоритъ: „да ужъ допросъ-то, батюшка, послѣ, вечеркомъ, а теперь наряди насъ, поди, лядина-то не рублена у тебя, батюшка, такъ дай хлѣбца, а мы пойдемъ, порубимъ". Согласился отецъ; велѣлъ хозяйкѣ дать хлѣба, и дѣти отправились съ топорами въ лѣсъ. Приходятъ они на прежнее мѣсто и давай рубить себѣ келью. Наступаетъ вечеръ; дѣтей нѣтъ. Отецъ сомнѣвается. Проходитъ и ночь, а ихъ все нѣтъ. На другой день отецъ пошелъ туда, куда послалъ своихъ сыновей, и видитъ, что болѣе десятины лядины положено, а сыновей

нѣтъ. Безпокоится отецъ о своихъ дѣткахъ: не убило ли ихъ лѣсомъ, когда они рубили лядину, думаетъ онъ, и давай осматривать каждый кустъ. Но какъ ни искалъ, а сыновей не нашелъ. Приходитъ въ деревню, сбираетъ сосѣдей, проситъ ихъ поискать своихъ дѣтей. А сосѣди и говорятъ: „вотъ, дядюшка, воскресенье и празднички ты работаешь, а насъ вздумалъ въ будни просить искать твоихъ сыновей. Досугъ-ли теперь искать! Ну, да ладно, пойдемъ ужъ, ребята, дѣлать нечего". Цѣлую недѣлю они проискали, а ребятъ не нашли.

Вотъ проходитъ двѣ недѣли послѣ потери сыновей. Одинъ сосѣдъ вспомнилъ, что видѣлъ, куда направились эти ребята, и рѣшилъ одинъ доходить до той тропочки. Идетъ по тропочкѣ, приходитъ на поляну и видитъ рубленный лѣсъ, затѣмъ келью. И видитъ черезъ окно, что, всѣ они трое на лавкѣ мертвыми лежатъ: руки скрещены, а передъ каждымъ изъ нихъ лампадка горитъ. Стукнулся въ дверь — не отворить; пошелъ домой и говоритъ отцу: „дядюшка! я твоихъ дѣтей нашелъ; вонъ тамъ они въ кельѣ лежатъ мертвыми, а передъ каждымъ изъ нихъ горитъ лампадка". Собралъ отецъ народъ и приходятъ на то мѣсто; отворилъ отецъ дверь, входитъ въ келью и видитъ: въ правой рукѣ большака зажатъ листъ бумаги писанной. Отецъ беретъ этотъ листъ и читаетъ: „родимый батюшка! родимая матушка! простите насъ, что мы хотѣли одну обѣденьку поспать, отдохнуть, а послѣ обѣдни поработать. Насъ за обѣдню Господь усыпилъ на 30 лѣтъ. А за то, батюшка, что мы кусочки потихоньку брали и нищей братіи подавали, попали во святые. Съ этого мѣста не троньте, а заявите начальству и пусть здѣсь строятъ монастырь".

Боровичскій у. 1903 г.

---

57. [Два брата и вѣдьма-мать].

Жили два брата, каждый на раздѣлѣ, другъ противъ друга. Старшій жилъ съ матерью и человѣкъ былъ богатый. А младшій, имѣя большое семейство, обнищалъ до того, что ни хлѣба, ни скотины, кромѣ одной или двухъ коровъ, не имѣлъ. Повадились два борова богатаго брата ходить во дворъ къ меньшому брату и тамъ иногда по цѣлымъ днямъ проживали. Чувствуя большую нужду во всемъ,

младшій братъ задумалъ убить одного борова и имъ воспользоваться. Вотъ онъ сдѣлалъ длинное шило, пошелъ на дворъ, подкрался къ одному борову, ткнулъ шиломъ въ сердце такъ, что боровъ и ноги загнулъ. Чтобы скрыть слѣды, кровь съ борова повытеръ, пообмылъ и запихалъ его подъ ясли. На другой день старшій братъ видитъ, что одинъ боровъ со двора вышелъ, а другого нѣтъ, пошелъ на дворъ къ меньшому брату и видитъ борова подъ яслями. Толкнулъ ногой, боровъ не крякнулъ, толкнулъ другой, не тутъ то и было; взялъ его за ноги и вытащилъ его изъ-подъ яселъ. Видитъ хозяинъ, что боровъ задохся, не будешь же мертвичину ѣсть. Позвалъ младшаго брата и говоритъ: „что, братецъ, вотъ какой грѣхъ случился, боровъ-то подъ твоими яслями должно быть задохся, помоги пожалуйста стащить его и закопать въ землю“. А младшій братъ и говоритъ, что „братецъ, обнищалъ я совсѣмъ, чѣмъ тебѣ зарывать борова, отдай ты его мнѣ, все хоть ребятушки поѣдятъ да свой голодъ утолятъ, только ужъ не говори никому, чтобъ люди не смѣялись“.—„Да неужели ты, братъ, будешь ѣсть мертвичину и не побрезгуешь“.—„Да вотъ ничего не сдѣлаешь, голодъ не тетка, поневолѣ будешь мертвечину ѣсть, коли больше нечего“. Согласился старшій братъ, отдалъ борова брату, далъ слово никому не говорить и пошелъ домой. „Да помоги мнѣ, братецъ, говоритъ младшій братъ, стащить борова въ избу, вѣдь одному мнѣ онъ не подъ силу“. Взяли, хватили борова и внесли въ избу. Старшій братъ пошелъ домой, а младшій братъ съ хозяйкой принялся палить борова; а когда опалили его, то стали и поѣдать.

Погоревалъ, погоревалъ старшій братъ съ матушкой о такомъ несчастьи, да дѣлать нечего. А матушка, горюя о боровѣ, думаетъ: „ужели будетъ ѣсть мертвичину младшій сынокъ“. Не вѣрится ей, чтобы боровъ самъ задохся; не сдѣлалъ ли тутъ чего-нибудь сынокъ, не подшутилъ чего-либо онъ. Вотъ она рѣшила испытать его. Наступаетъ деревенскій праздникъ у тестя старшаго брата, и наканунѣ этого праздника мать и говоритъ сыну: „сынокъ, положи ты меня въ сундукъ и снеси къ младшему сыну, какъ-будто это ты добро похранить, пока вы ходите на праздникъ. Ужъ проговорятся его дѣтки, какъ будутъ ѣсть щи изъ этого бо-

рова". — „Да что ты, матушка, вѣдь ты тамъ задохнешься; нѣтъ, на что".

Положили матушку въ сундукъ и понесли съ хозяйкой къ меньшому брату. „Вотъ, братецъ, мы всѣ уходимъ на праздники къ тестю, и матушка вздумала идти; боимся мы, чтобы не утащили наше добро изъ сундука; ребятъ то вѣдь нѣтъ, не на кого оставить домъ караулить, такъ не возьмешь ли пожалуйста похрани, пока мы гуляемъ на праздникѣ. Вѣдь ты знать не пойдешь нику [такъ]". — „Куда мнѣ идти, такъ что положи сундукъ подъ лавку, пусть тамъ лежитъ". Вотъ старшій братъ съ хозяйкой ушелъ на праздникъ, а матушка осталась лежать въ сундукѣ у младшаго сынка. Наступаетъ вечеръ, младшій братъ съ ребятишками сѣлъ за столъ поужинать. Вотъ хозяйка налила щей, накрошила говядины и подала на столъ. Съ такою жадностью, съ такимъ аппетитомъ стали ребятишки поѣдать щи да погладывать косточки, что за ушами пищитъ, да подхваливаютъ. Одинъ изъ нихъ за столомъ и говоритъ: „заколи-ка, батюшка, ты и другого борова у дядюшки, мы и того съѣдимъ, ужъ больно вкусно". Услыхала старуха въ сундукѣ, не вытерпѣла: „ахъ ты, такой-сякой, вотъ онъ что сдѣлалъ, самъ закололъ борова, а говоритъ, пропалъ, задохся подъ яслями, да еще и другого то думаетъ зарѣзать".

Услыхалъ сынъ ругань своей матери и, не долго думая, говоритъ своей хозяйкѣ: „затопи печку, ставъ чугунъ и грѣй", а самъ вытащилъ изъ подъ лавки сундукъ и сталъ буравчикомъ навертывать дырочки. Видитъ мать, что дѣло не миновать ей смерти и давай молить сына: „не дѣлай ты ничего, сынокъ, оставь душу на покаянье, ужь я никому не скажу — ѣшьте на здоровье, только ужъ другого то не тронь".—„Нѣтъ, псовка, ужъ ежели ты на такую выдумку рѣшилась, такъ не утерпишь, чтобъ не сказать тебѣ". Закипѣли котлы, беретъ ихъ сынъ и давай поливать кипяткомъ въ дырочки и до тѣхъ поръ лилъ, пока до смерти не ошпарилъ въ сундукѣ свою матку. А затѣмъ позадѣлалъ дырки и поставилъ сундукъ на прежнее мѣсто. Приходитъ старшій братъ съ праздника и идетъ прямо за маткой. „Ну что, братецъ, живо ли мое добро?"—„Да куда ему дѣться". Взялъ на плечи сундукъ, понесъ домой. На

крыльцѣ своемъ потихоньку и спрашиваетъ: „что, матушка, жива ли ты тамъ, не задохлась ли?“ Ни чуть, никакого отвѣта. Принесъ въ избу и торопитъ свою хозяйку, давай скорѣй ключъ, никакъ матушка то не жива. Открыли сундукъ и видятъ матушку мертвою. Взвыли они оба. „Вотъ какое горе приключилось, не сажать бы ее туда, такъ была бы жива, вотъ какой грѣхъ попуталъ насъ“. Вотъ сынъ вынялъ ее изъ сундука, снялъ мокрую одежу, надѣлъ на ее свѣжую новую и положилъ на лавку, а хозяйку послалъ за братомъ. Приходитъ хозяйка къ деверю и говоритъ: „пойдемъ поскорѣе къ намъ, вотъ что то случилось съ матушкой, пришла съ праздника, схватило у ней съ чего сердце, никакъ и душу Богу думаетъ отдать. Иди скорѣе, чтобъ она благословила тебя передъ смертью“. Улыбнулся деверь и пошелъ къ старшому брату. Лишь только вошелъ онъ въ избу, какъ невѣстка и говоритъ: „вотъ ты, деверекъ, и не успѣлъ получить благословенье, вотъ только сейчасъ вздохнула послѣдній разъ и Богу душу отдала“. А меньшой братъ и говоритъ старшому: „что же, братецъ, вѣдь это дѣло дрянь; вы не окормили ли ее тамъ на праздникѣ“. Испугался старшій братъ пуще прежняго и давай упрашивать меньшого: „ужъ ты пожалуйста, братецъ, никому не говори, вотъ тебѣ мѣшокъ муки, будемъ говорить, что матушка скончалась“. На томъ и порѣшили. „А теперь, братецъ, помоги снести ее въ амбаръ, пусть тамъ ее душенька покрасуется, ужъ больно то мнѣ ее жаль“. Взяли ее обое братья, снесли въ амбаръ, подставили стульчики, наклали доскокъ [такъ] и положили на нихъ свою матушку. Уходя изъ амбара, старшій братъ и говоритъ меньшаку: „амбаръ то вѣдь я не думаю запирать на ночь, пусть душенька матушки покр(ас)уется, ужъ больно мнѣ ее жаль“. Старшій братъ пошелъ домой и сталъ дѣлать домъ, а меньшакъ взялъ обѣщанный мѣшокъ муки и пошелъ домой. „Слава Богу, хозяйка, бѣдь на насъ не пригнали, а еще я на нихъ напустилъ, вотъ и мѣшокъ муки за это получилъ“.

Наступила первая ночь, всѣ въ деревнѣ спятъ, а этотъ бѣднякъ и говоритъ женѣ: „амбаръ то, хозяйка, гдѣ матушка лежитъ, не запертымъ оставленъ, пойдемъ-ка покр(а)суемся тамъ; тамъ есть чѣмъ поживится“. Вотъ прихо-

дятъ они въ амбаръ и все, что тамъ было, все переносили въ свою избу: муку всякую [такъ] сорты, масла, яйца, говядину и пр. пр., а матушку поставили въ засѣкъ, гдѣ была мука, прислонили ее къ углу, въ зубы дали мѣшокъ, въ правую руку савокъ, а самою всю перепачкали мукою и пошли домой, оставивъ амбаръ чуть чуть припертымъ. Утромъ встаетъ старшій братъ, идетъ спровѣдать въ амбаръ свою матушку и, поднимаясь на крылечекъ, видитъ, дверь поотперта, и говоритъ: „у родимой-то у матушки, видно, похожено изъ амбара въ амбаръ, покросовалася [такъ] её душенька; пусть она покрасуется“. Вотъ входитъ онъ въ амбаръ и видитъ, что всѣ засѣки пусты, а матушку въ засѣкѣ съ мѣшкомъ въ зубахъ и съ совкомъ въ рукѣ, всю перепачканую въ мукѣ. „Ахъ ты, псовка этакая, никакъ ты весь хлѣбъ у меня переносила, ишь, жадная, и мѣшокъ то въ зубахъ держитъ, до остатка всю муку хочетъ переносить на тотъ свѣтъ“. Схватилъ мужикъ въ сердцахъ колъ и какъ дастъ по хребтинѣ [въ подл. пропускъ] вверхъ ногами, самъ побѣжалъ скорѣй домой и сообщаетъ хозяйкѣ о всѣхъ проказахъ матушкиныхъ. Приходитъ старшій братъ къ меньшому и говоритъ: „пойдемъ поскорѣе, братецъ, помоги мнѣ перенести матушку хоть на сарай, вѣдь она у меня, подлая, весь хлѣбъ перенесла на тотъ свѣтъ, да мало того и при мнѣ то, жадная, не постыдилась, знай нагрѣбаетъ мѣшокъ; да ужъ я ей далъ хорошую— полетѣла она у меня, ловко ткнулась носомъ о земь“. Вотъ приходятъ оба брата въ амбаръ; народу набѣжало, кто смѣется, кто боится, а кому и горе; въ особенности старшому брату, ему не до смѣха. Взяли они свою матушку, снесли ее на сарай и положили въ гропъ; „сиди же теперь здѣсь на холоду“, говоритъ старшій сынъ; „теперь не унесешь, нечего красть“, а меньшакъ полызливаетъ про себя.

Вотъ наступаетъ вторая ночь; всѣ въ деревнѣ легли спать, а меньшаку не спится, думаетъ про себя, какъ бы поживиться теперь свѣженькимъ мясомъ. Въ самую полночь взялъ ножикъ и пошелъ на дворъ къ старшему брату. Зарѣзалъ одну корову, а на корову посадилъ верхомъ матушку, въ правую руку вложилъ ножикъ и нагнулъ руку къ самому горлу; остальныхъ коровъ выпустилъ на улицу, а самъ ушелъ домой. На разсвѣтѣ хозяйка видитъ своихъ

коровъ на улицѣ, будитъ хозяина и говоритъ: „поди, посмотри на дворѣ, не матка ли выпустила коровъ то на улицу“. Вскочилъ хозяинъ съ постели, побѣжалъ на дворъ и вдругъ видитъ, ворота отворены, лежитъ корова зарѣзаной, а на ней матку съ ножомъ. „Ахъ ты, жадная псовка; муку то всю переносила на тотъ свѣтъ, а теперь за корову принялась, мяса захотѣлось ей“. Хватилъ засовъ, что есть силы ударилъ матку по головѣ и свалилъ ее съ коровы. А самъ побѣжалъ къ брату съ жалобой на свою матушку. „Пойдемъ, братецъ, поскорѣй, погляди, что у меня матка то надѣлала—корову зарѣзала“. Прибѣжали на дворъ, подняли матку, снова обрядили, положили въ гробъ и снесли въ избу въ передній уголъ. Вотъ старшій братъ и говоритъ младшему, что „братецъ, бѣги поскорѣй за священникомъ, полно намъ съ ней маятся, пусть онъ подниметъ тѣло да похоронитъ ее поскорѣй, да попроси батюшко-то [такъ], чтобы онъ на своей лошадкѣ пріѣхалъ, ужъ дѣлать нечего, поплотимся съ нимъ“. Приходитъ меньшакъ къ священнику и проситъ поскорѣй пріѣхать на своей лошадкѣ къ покойнику, а самъ побѣжалъ домой, чтобы пораньше батюшки кое-что посправить къ выносу. Непріятно было батюшкѣ ѣхать на своей лошадкѣ, да дѣлать нечего, тѣмъ болѣе что кобыла то у него была съ жеребенкомъ. Пріѣхалъ батюшка въ деревню, меньшакъ встрѣчаетъ его подлѣ избы, снимаетъ его съ сѣдла и уводитъ кобылу съ жеребенкомъ въ хлѣвъ, а батюшка пошелъ своимъ чередомъ въ избу. Отслужилъ панихиду, окропилъ гробъ, велѣлъ нести тѣло на улицу, а самъ съ пѣніемъ сопровождаетъ покойника. Вынесли тѣло, стали укладывать да привязывать гробъ съ тѣломъ къ телѣгѣ, а меньшакъ привелъ кобылу и помогаетъ батюшкѣ сѣсть верхомъ. Лишь только онъ сѣлъ, схватила кобыла и понеслась домой, да вспомнилъ батюшка, что жеребенка то нѣтъ, и кричитъ мужику, чтобъ онъ выпустилъ изъ хлѣва жеребенка и махнулъ его за нимъ. Меньшакъ вывелъ изъ хлѣва жеребенка, посадилъ на него матушку привязалъ ее веревками, къ рукамъ привязалъ по палочкѣ и пустилъ жеребенка. Схватилъ жеребенокъ со всей моченьки за маткой и догоняетъ ее. Оглянулся батюшка назадъ и видитъ жеребенка, а на немъ покойницу. Перепугался батюшка до смерти и давай пристегивать свою

кобылку приговаривая: „охъ ты, Господи, вѣрно я худо по ней панихиду отслужилъ, вотъ она и несется за мной". Доѣзжаетъ онъ до рѣки, видитъ мостъ, а за нимъ жеребенокъ съ покойницей недалеко; куда дѣваться, вотъ онъ и рѣшилъ пустить кобылку въ плавь, думая, что авось покойница свалится съ жеребенка и утонетъ, когда онъ поплыветъ за маткой, а самъ побѣжалъ пѣшкомъ домой. Вотъ подъѣзжаютъ сыновья къ мосту и видятъ кобылу съ жеребенкомъ, которые ходятъ по травкѣ, а на жеребенкѣ свою матюшку. Отвязали они ее, уложили въ гробъ и повезли на погостъ. Привезли и просятъ батюшку поскорѣе отпѣть матушку. „Нѣтъ, говоритъ батюшка, не пойду, вишь какая у васъ матушка, въ погоню пустилась за мной".— „Нѣтъ батюшка, ужъ теперь мы ее изъ гроба не выпустимъ". Созвали весь причетъ, отпѣли покойницу и опустили въ землю, а батюшка велѣлъ еще пригнести ее большимъ камнемъ чтобы она по ночамъ не ходила по погосту.

Послѣ похоронъ братья уѣхали домой и стали жить да поживать, только меньшакъ сталъ побогаче старшаго брата.

Боровичскій у. 1903 г.

---

58. Загадка.

Двѣнадцать человѣкъ бурлаковъ идутъ мимо большого сада и видятъ они, что въ саду гуляетъ дѣвица съ молодымъ парнемъ. Вотъ бурлаки и говорятъ: „какъ тебѣ, дѣвица, не стыдно съ такимъ молодцомъ гулять по такому саду". А дѣвица отвѣчаетъ: „отчего мнѣ стыдно гулять съ этимъ молодцомъ, коли молодцова мать моей матери свекровь"? Пять верстъ прошли эти двѣнадцать бурлаковъ и все время разбирали, какъ же этотъ молодецъ будетъ родня этой дѣвушкѣ. Рѣшали, рѣшали, рѣшить не могли; вотъ они послали двухъ человѣкъ обратно къ той дѣвицѣ допросить, какъ этотъ молодецъ приходится родня этой дѣвицѣ, или съ кѣмъ же она гуляла. Возвращаются эти два молодца и разсказываютъ остальнымъ это родство, и оказалось, что родство то между ними было большое. Итакъ отгадайте, господа, какое между ними родство. (Отв. гуляла съ отцомъ).

2-ая загадка. Шуриновъ племянникъ, какъ зятю родня. Отвѣтъ—сынъ.

Боровичскій у. 1903.

---

59. [Вороватый мужикъ].

Долго ли, коротко ли жилъ Доронъ, неизвѣстно; только послѣ его смерти осталась жена и сынъ холостой. Вотъ черезъ пять лѣтъ приходитъ однажды къ этой вдовѣ старичекъ въ бѣломъ балахонѣ, въ бѣлыхъ лапоткахъ и самъ такой бѣленькій. Сынъ въ это время былъ на работѣ. Вотъ вдова и спрашиваетъ этого старичка: „откуда ты, старичекъ, не съ того ли свѣта выходецъ?“—„Съ того, хозяюшка, съ того свѣта“, отвѣчаетъ старичекъ.—„Не видалъ ли ты тамъ Доронюшку“?—„Видѣлъ, видѣлъ, хозяюшка, какъ не видать. Твой Дороня, хозяюшка, у Христа боронитъ безъ креста и безъ пояса: ужъ больно онъ оборвался“. Сжалилась вдова надъ своимъ мужемъ и говоритъ: „снесешь ли пожалуйста, какъ ты пойдешь туды, гостинчиковъ“.—„Отчего не снесть, давай!“ Вотъ она положила въ катомку нѣсколько рубашекъ, [?] конецъ, портяночки, балахонъ новенькій“. — „Да ужъ положь туда, хозяюшка, говоритъ старичекъ, и деньжонокъ. Вѣдь, вотъ онъ и въ трубочку сталъ покуривать и въ праздничекъ иногда вздумаетъ зайти и въ кабачекъ, а вѣдь тамъ ему негдѣ взять и заработать“. Положила хозяйка въ котомочку послѣдніе 15 рублей, заработанные ея сыномъ. „А теперь, хозяюшка, говоритъ старичекъ, одолжи и рыжка твоего, вѣдь мнѣ не снести такую катомичу, а я послѣ приведу его тебѣ“. Снарядила вдова старичка, сѣлъ на рыжка и, распрощавшись, отправился, будучи доволенъ что надулъ вдову.

Вотъ приходитъ сынъ съ работы, а мать и сообщаетъ ему съ такой радостью, что вотъ, дескать, „былъ у меня съ того свѣта выходецъ и сообщилъ, что тятенька твой, мой Доронъ, у Христа боронитъ безъ креста, безъ пояса и безъ рубашки, что я послала ему гостинцевъ и между прочимъ твои 15 руб. да рыжка довести эту поклажу“.—„Ахъ ты, матушка, матушка! Что мнѣ съ тобой дѣлать? бить тебя грѣшно—мать родная, худыми словами обзывать тоже грѣшно. А вотъ что, уйду я завтра отъ тебя, живи ты, какъ знаешь. И если я найду глупѣе тебя, то приду, а

если нѣтъ, то не ожидай меня!“ Со слезами мать упрашиваетъ своего сына, чтобы онъ не отлучался: „На кого же я останусь? Кто меня будетъ кормить?“—„А какъ хочешь, такъ и живи“, отвѣчаетъ сынъ. На слѣдующій день сынъ всталъ, одѣлся, закусилъ и отправился въ дорогу. Верстъ черезъ 30 подходитъ онъ къ усадьбѣ, видитъ огромный садъ, а въ немъ свинью съ 12-тью поросятами. Вотъ онъ сталъ на колѣни и давай кланяться свиньѣ. Въ это время на балконѣ сидѣла барыня и, увидала этого мужичка, приказала позвать его въ домъ.—„Зачѣмъ ты кланяешься свиньѣ? о чемъ ты ее просишь?“ спрашиваетъ барыня. А мужичекъ отвѣчаетъ: „матушка сударыня! Ваша свинья пестра мнѣ мать крестна, такъ благословенья прошу, жениться хочу“.—„Да ужъ если она тебѣ мать крестна, такъ нужно ее взять тебѣ домой: за столомъ вѣдь благословляютъ“.—„Такъ не отпустите ли, сударыня, вашу свинью съ поросятками, я ихъ не заморю; да ужъ позвольте и лошадку довезти ее съ дѣтками“.

Приказала барыня запречь лошадь и уложить на телѣгу свинью съ поросятами; а, отпуская мужика въ дорогу, говоритъ: „встрѣтишь ты, можетъ быть, по этой дорогѣ барина, такъ ты спроси и разскажи“. Смекнулъ мужикъ и, не долго думая, отправился со свиньей и поросятами въ свою деревню. Ѣдетъ онъ дорогой и слышитъ колокольчикъ. Догадался мужикъ, что ѣдетъ баринъ, свернулъ лошадь въ лядинку и пропустилъ барина, а потомъ опять ѣдетъ.

Вотъ пріѣзжаетъ это баринъ домой и узнаетъ о проказѣ своей жены, тотчасъ запрягаетъ лошадей и отправляется въ погоню за мужикомъ. Догоняетъ мужика и видитъ, что тотъ сидитъ и держитъ что-то подъ шапкой, а лошадь то у мужика въ лядинѣ то спрятана. „Что, мужичекъ, не попадался ли тебѣ на моей рыжкѣ съ телѣгой и со свиньей съ поросятами мужикъ?“ — „Нѣтъ, баринъ, не видалъ“.—„А что ты тутъ держишь?“—„Да вотъ, баринъ, купилъ въ Питерѣ соловья и несу его въ усадьбу“.—„А не догонишь ли ты, мужичекъ на моихъ лошадяхъ“.—„Отчего нѣтъ, баринъ, только ужъ вы покараульте моего соловья, да не упустите“. Сѣлъ мужикъ на тройку и погналъ, а баринъ съ кучеромъ остались держать шапку. Надоѣло барину сидѣть да и любопытство взяло. „Давай, кучеръ, посмотримъ-ка соловья,

каковъ онъ? — „Да не опустить бы намъ его, баринъ. Я буду поднимать шляпу, а вы, баринъ, съ боковъ руками прихлопните и схватите соловья“. Вотъ кучеръ поднимаетъ шляпу, а баринъ хвать... и вмѣсто соловья-то оказалась пропавшая ворона. Видитъ баринъ, что мужикъ его надулъ, да дѣлать нечего, и пошелъ домой. А нашъ мужичекъ сталъ жить да поживать со своей матушкой еще лучше прежняго.

Боровичскій у. 1903.

---

60. Непрощенный сынъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, а именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, былъ случай такой — что сынъ матери нагрубилъ, и она его не простила, и этого дитище ставятъ на службу царскую, а она его не простила. Енъ отслужилъ 30 лѣтъ на царской службѣ, потомъ онъ и померъ, ну вотъ, какъ онъ померъ, мать сыра земля не принимаетъ его, потому его мать не простила, а почему узнали, что мать сыра земля его не принимаетъ, такъ подошелъ случай: къ этому мѣсту пригнали солдатъ стоять, что пришло эту могилу разрыть. Съ этими же солдатами пригнали полковника и поставили его къ мужику, который побогаче, гдѣ фатера почище. У этво хозяина дочка, значитъ, была молоденька и очень она красавица. И этому полковнику, видишь ли ты, желательно съ ней познакомиться, а не осмѣлитъ ей сказать, что она не приметъ его разговоровъ. Енъ сталъ просить рядового солдата: „Вы, говоритъ, попроще, спросите у квартерниковъ, нѣтъ ли въ этой деревнѣ шептуньи эту дѣвицу пришептать“. Ну, вотъ этотъ рядовой солдатъ спросилъ у своей фатерницы, что нѣтъ ли въ вашей деревнѣ шептуньи или ворожеи. Этому солдату объяснила фатерница: „есть, говоритъ, у насъ служевенный, старуха, ото всячины излѣчаетъ“. Ну, этотъ солдатъ сказалъ полковнику: „Ваше благородіе, есть, говорятъ, такая шептунья старуха, что всячины можетъ знать“. Ну, этотъ полковникъ, значитъ, и сошелъ къ этой бабкѣ, ну ёнъ

и просилъ ее: „бабушка, можешь ты сдѣлать, что мнѣ съ этой дѣвушкой познаться. Такъ я дамъ тебѣ кусокъ хлѣба до смерти“. Ну эта старушка говоритъ: „если ты мнѣ заплатишь, а я что то на прочее пошепчу, то не могу увѣрить, согласиться она съ тобой или не. А сходи ты въ ограду, найдешь ты свѣжую могилу, которой недавно зарытъ покойникъ, и разрой ты ту могилу и достань ты того песочку, который священникъ на одежку кидаетъ, и достань ты три счепоточки этой земли, я на ее и пошепчу, а на что прочее увѣрить не могу“. Ну, этотъ полковникъ самъ въ ограду не пошелъ, а послалъ розыскивать рядового солдата. Ну, солдатъ сошелъ послѣ ученья, розыскалъ таку могилу, гдѣ покойникъ сутки трои только закопанъ. Этого же солдата полковникъ послалъ: „принеси, говоритъ, той землицы, что священникъ на одежку покойника сыплетъ“. Ну, солдатъ пошелъ, ночью разрываетъ и разрылъ до гроба. Ему стало страшно, онъ и взялъ съ гроба земли и говоритъ: „почему старуха узнаетъ, откуда я земли взялъ“, и завязалъ въ носовой платокъ. Принесъ и отдаетъ полковнику, а онъ къ этой бабкѣ снесъ. Бабушка взяла эту землицу и сразу узнала, что не съ одежки, а съ гроба, и говоритъ: „на эту, батюшка, и пытаться не стану, а ужъ коль онъ разрылъ могилу, такъ пошли его на другую ночь, пусть онъ раскроетъ крышку и принесетъ земли съ одежи“. Ну, полковникъ принесъ эту землю солдату и говоритъ: „бабка узнала, что не той земли ты принесъ, принеси съ одежки“. Этотъ солдатъ отвѣчалъ, „что оченно страшно, ваше благородіе“. „Ну, тебѣ, дуракъ, и здѣсь не легче (ему ученье не давалось), а если достанешь, я тебѣ оставку выправлю и домой отправлю, а хоть страшно, а тебя вѣдь не съѣли“. Ну, онъ и пошелъ на другу ночь разрывать эту могилу. Ну, онъ эту яму разрылъ, снимаетъ крышку и ставитъ ее въ ноги дубомъ, повернулся и увидалъ, что покойникъ сѣвши. Онъ и упалъ за гробъ на другую сторону—ужъ оченно онъ испугался. Покойникъ и говоритъ ему: „землякъ, не пугайся, я тебя не трону, а разскажи-ка ты мнѣ, изъ какихъ ты мѣстъ“. Этотъ солдатъ и сталъ разсказывать, и такъ они сказались, что съ одной стороны, что ихъ деревни черезъ рѣку да черезъ два поля. Мертвый и спрашиваетъ: „ну давно ли ты, землякъ, служишь“?—„Я служу второй годъ“.

„Что тебя ставили, моя мать жива была или нѣтъ, хворая она была".—„Оставше, а я какъ родивше, она все хворая и отъ меня оставше—хворая". Мертвый и говоритъ: „я тридцатый годъ лежу, и меня земля не принимаетъ, а ей Богъ смерти не даетъ, за то меня не простила. Тебѣ, землякъ, требуется землицы, ты возьми, а полковникъ тебѣ отставку выправитъ, и тебѣ полкъ денегъ дастъ, и ты ямщика наймешь и поѣдешь домой на тройкѣ съ колокольчиками и съѣдешь ты домой и сходи ты къ моей матери и снеси поклонъ. Она не повѣритъ, гдѣ ты меня нашелъ, а ты разскажи и попроси, чтобъ она меня простила. Если она меня проститъ, то Господь ей смертушку пошлетъ, а если не проститъ, ей Богъ смерти не пошлетъ, а меня мать сыра земля не принимаетъ. Ежели она на первые сутки не проститъ, приди ты на вторые и на третьи. Если она меня въ трои сутки не проститъ, то награди ты ее своимъ крестомъ и подойди ты къ ней и скажи: „во имя Отца и Сына, аминь. Если ты, бабушка, такая укрюмая, то Господь Богъ васъ разсудитъ". Ну, а я теперь ручки сложу, лягу на упокой, ты меня покрой одежкой, возьми, чего тебѣ надо, и зарой яму и ступай". Онъ взялъ три счепотки земли, покрылъ одежкой и зарылъ яму и ушелъ. Принесъ эту земельку полковнику и отдалъ. Полковникъ снесъ эту земельку къ старушкѣ къ этой. Ну старушка, какъ взяла эту земельку, полковнику отвѣтъ подала: „вотъ эта та земелька, я на эту земельку могу пошептать". Ну она на эту земельку пошептала и велѣла этой земелькой обсѣять дѣвицу. (Эта дѣвица ожидаетъ, когда-когда отецъ съ матерью уснутъ, она и придетъ къ полковнику на свиданье, на квартиру ночевать на постель). Онъ вышелъ по-утру на ученье и этому солдатику и говоритъ: „ужъ много я тебя билъ, а сегодня ужъ послѣдній разъ дамъ, стерпи, я тебя по носу ударю, чтобы кровь пошла, а ты и упади, я заставлю двухъ солдать отнести тебя въ больницу". Ну, такъ и сдѣлали и унесли солдата въ больницу. Полковникъ черезъ недѣлю выправилъ ему отставку и денегъ далъ ему много. Онъ до дому все и ѣхалъ на ямщикахъ съ колокольчиками. Пріѣхалъ домой и спрашиваетъ, жива ли эта старушка изъ этой деревни Онъ ночку ночевалъ, а поутру и пошелъ къ этой старушкѣ поклонъ справлять отъ сына. Пришелъ и говоритъ: „ба-

бушка, ты все то жива еще".— „Жива, жива, еще, кормилецъ, жива".—„Вотъ, бабушка, я привезъ тебѣ отъ сына поклонъ". Эта бабушка и говоритъ: „не повѣрю я тебѣ, кормилецъ, что моего сынка ты видѣлъ".—„Бабушка, правду ты говоришь, что его въ живыхъ нѣту, я нашелъ его въ землѣ. Ты его не простила, и его мать сыра земля не принимаетъ, а тебѣ за то Богъ смерти не даетъ. Ты прости его, тогда его мать сыра земля приметъ, и тебѣ Господь смертушку пошлетъ". „Не, батюшка, не прощу его, пусть онъ пердитъ (гніетъ) въ землѣ". А этотъ солдатъ говоритъ: „бабушка, тебѣ Богъ смерти не пошлетъ". — „Не, батюшка", не вѣрю тебѣ, што Богъ смерти не пошлетъ, безсмертныхъ людей нѣтъ на свѣтѣ, это только я такая долговѣкая". – „Ну, бабушка, неужто не простить, прости, а то я завтра еще приду". — „Хоть ходи, хоть не ходи, все равно не прощу". Онъ трои сутки ходилъ къ старухѣ, а она все не простила сына. Тогда онъ черезъ трои сутки перекрестилъ своимъ крестомъ и сказалъ: „во имя Отца, и Сына, аминь". Какъ только ёнъ ее перекрестилъ, полъ разступился, и она провалилась... *далѣе оборвано.*

Боровичскій у. 1903.

---

61. Одна копѣечка.

Бѣдный мужикъ покумилсе съ богачемъ. Разъ взялъ бѣдный у богатого кума въ займы 10 руб. и выплатилъ ему по частямъ все, окромя одной копѣйки. Одначе богачу жалко и одной копѣйки. Кажинной разъ, какъ идетъ онъ хъ обѣнни въ церкву, — кумъ жилъ въ другой деревни — заходитъ подъ окно хъ куму и спрашиватъ: „скоро-ли, кумъ, копѣечку отдашь? хоть Богу свѣчку на ею поставилъ бы". А кумъ, хоть и имѣлъ деньги, а все говорилъ, што денегъ нѣтъ. „Подожди, кумъ, вотъ справлюсь, такъ отдамъ". Цѣлый годъ спрашивалъ богачъ копѣйку. Наконецъ, надоѣлъ бѣдному. „Вить, эдакой кумъ-то „скупердяй:" вишь, жалко онной копѣйки! Вотъ што, жонка! я притворюсь мертвымъ, а ты, какъ пойдетъ кумъ къ обѣнни, попроси его обмыть меня и свезь въ церкву". Сговорились. Въ воскрисенье, какъ только завидѣлъ бѣнной

кумъ въ окошко богатаго, легъ на лавку, захрипѣлъ, потянулсе и умеръ. Богатой подходитъ хъ окошку и стучитъ: „кумъ! а скоро-ль копѣечку-то отдашь?!“—„Охъ, ты, куманекъ, кормилецъ! вить померъ хозяинъ-то у мня“. „Што-ты?“—„Взаболь. И просилъ тибя передъ смерёдушкой обмыть его и въ церкву свезь“.—„Эхъ, кумъ, кумъ, рано ты померъ и копѣечки отдать не успѣлъ“. Началъ онъ кума мыть горячой водой. Какъ плеснетъ на кума, а кумъ какъ дрыгнетъ. Оммыли кума, взяли сколотили домъ ему и принесли въ церкву.—„Вѣрно“, думаетъ, „кумъ притворилсе мертвымъ и хочетъ што-нибудь счалить изъ церквы. Дай-ко я догляжу!“ И спряталсе за печку. Пришла ночь. Богатой стоитъ за печкой и ждетъ. Вдругъ што-то заюкотало, застукотало на паперти. Открылись двери, и въ церкву ворвалась не святая сила. Вишь оны по ночамъ ходятъ въ церкву-то. Вошли, насыпали на полъ цѣлый ворохъ денегъ—гдѣ то не благословясь положены деньги-то—и стали дѣлить. „Ужо-ко,“ думаетъ богатой, „я ихъ пугну, не бросятъ-ли деньги-то“! — Живыи и мертвыи! ставайте!“ крикнулъ онъ. Вдругъ крышка у гроба слетѣла, и мертвой кумъ поднялсе. Тутъ вся не святая сила скочила да вонъ изъ церквы. Забыли даже и двери запереть.—„А што, кумъ, вить ты живъ?“—„Живъ“. — „Ну, такъ давай запремъ двери и подѣлимъ деньги“. Подѣлили. Черти между тѣмъ спохватились, что оставили деньги и послали двоихъ посмотрѣть въ окно, сколько народу въ церквы — можетъ мало, такъ нельзя-ли отнять у ихъ.

Два кума, подѣливши деньги, стали у окошка и разговариваютъ между собой. — „А вить, кумъ, ты все еще не отдалъ мнѣ копѣечки-то!“ — Въ это время одинъ изъ чертей заглянулъ въ окно. Бѣдный кумъ цапъ съ его красный колпакъ. — „На, гытъ, тебѣ копѣйка!“ и бросилъ колпакъ богатому. Тутъ черти безъ оглядки понеслись назадъ къ своимъ. — „Бѣгите далѣ, намъ тутъ дѣлать нѣчего: нашихъ денегъ по копѣйки только, да ищо онному и не хватило“. (Вишь, оны думали, што ихъ такъ много, што на кажнаго пришлось только по копѣйки, и ишо онному не хватило). Такъ и стали оба кума богатые.

Боровичскій у. 1903 г.

62. Мужъ и жена.

Жили въ одной деревни мужъ и жена, оба молодые. Баба передъ жнивомъ родила перваго робёночка. Когда наступило жниво, стали оны ходить жать на ниву, а нива была версты за три отъ деревни. Повѣсять робёночка въ зыбки за кустомъ, а сами жнутъ. Вотъ разъ какъ-то на „пабѣдѣ“ мужикъ съ бабой росхлопотались. Мужикъ молчитъ и баба тоже. „Не пойду домой, думаетъ баба, пока ёнъ жнетъ“. Мужикъ жнетъ до вечера, и баба съ имъ. Только стало стемнятце; мужикъ не стерпѣлъ и говоритъ: „ступай домой, пора обряжатце“. Она серпъ на плечо да и покатила; а робёночка-то въ зыбки и забыла. Мужикъ видѣлъ это, да подумалъ, што она нарошно оставила робёнка. „Ну“, говоритъ,—пущай, и я не возьму; сбѣгатъ и съ дому.“ Ёнъ пожалъ, пожалъ, да какъ надо домой итить и ёнъ пошёлъ, не взялъ тожё робёночка.

Пришелъ домой. Баба убралась и ужинать собрала. Вотъ какъ стали оны ужинать, баба сглянула на пустой очепъ и скрикнула: „О, Господи! Да гдѣ же это робёночекъ?

— „А гдѣ забыла, тамъ и есть“, отвѣчаетъ мужъ.

— Да я забыла, а ты то што-же!

— „Нѣтъ, ты не забыла, а на зло оставила; хотѣла, штобъ я принесъ. Да не бывать тебѣ большухой надо мной!“.

Баба взвыла и проситъ мужа итти гмѣстѣ за имъ (вишь, боитце — нива-то была за три версты отъ деревни). — „Нѣтъ, говоритъ мужикъ, пущай до утра. По утру придешь, и робёночекъ тамъ—не надо и носить“. Баба пошла одна — нё што мать оставитъ! Приходитъ она хъ нивы, а ставше нянька хъ этой зыбки съ лѣсъ наровень, качаетъ и приговариваетъ: „бай, бай, дитятко! бай, бай, милое! Матушка забыла, а батюшко оставилъ!. Бай, бай, дитятко! бай, бай, милое! Матушка забыла, а батюшко оставилъ“.

Ну, какъ ей подойтить. Подошла эдакъ сторонкой и говоритъ: „кумынёкъ, кормилецъ! отдай ты мнѣ робёночка!“.

А ёнъ отбѣжалъ, захлопалъ въ ладоши и закричалъ: „ха-ха, ха-ха, ха-ха, ха! Шелъ да шелъ, да кумушку нашелъ“. И гулко таково бѣжитъ по лѣсу да все кричитъ: ха-ха, ха-ха, ха-ха, ха! шелъ да шелъ и кумушку нашелъ!“. Вишь, любо ему стало, што кумынькомъ назвала.

Баба схватила робёнка да опрометью изъ лѣсу.

Боровичскій у. 1903 г.

---

63. Лихой попутчикъ.

Дожилъ одинъ мужикъ до тово, што ись нѣчево, продать неково и заработку нѣтъ. Вотъ ёнъ и говоритъ женѣ: „хозяйка! я пойду въ Воронцово хъ богачу, узнаю, гдѣ у его пасетце скотъ, и украду пороза. Зарѣжемъ, и хватитъ мяса до нови“. — „Иди, отвѣчаетъ баба, да смотри, не попадись!“ Свечерѣло. Идетъ мужикъ, а дорогой нагоняетъ его другой мужикъ и говоритъ: „куды ты идешь?“ — „А тибѣ што за дѣло“. Извѣсно, за такимъ дѣломъ идетъ, такъ не скажетъ. — „Ну, да я и такъ знаю“, говоритъ попутчикъ; „ты хошь въ Воронцовѣ у богача укрась пороза! Только не украдешь, а ищо въ острогъ попадешь. А ты вотъ што: услужи мнѣ, такъ я тибѣ пороза на дворъ пригоню“.—„Ладно“.—„Когда придешь хъ богачу, и я за тобой швыкну на печку. Сядутъ ужинать и тибя посадятъ. Когда у сына сынъ (внукъ) будетъ чихать, ты же говори: будь здоровъ. Домашніи не скажутъ, а если не скажешь и ты, то онъ будетъ мой. Онъ ужъ и то наполовину мой“. „Идетъ“, говоритъ мужикъ, а самъ думаетъ: „вотъ принесла нелегкая попутчика; ну, да ладно!“

Приходятъ въ Воронцово прямо къ богачу въ домъ, а у его тогда ужинали. Мужикъ вошелъ, помолилсе образамъ и говоритъ: „здорово, хозяева! хлѣбъ да соль!“—„Просимъ милости“, отвѣчаетъ хозяинъ. „Сѣдись, Ефремъ, съ намъ ужинать!“ У Ефрема съ голодухи въ животѣ такъ и сосетъ. Поблагодарилъ онъ хозяевъ. Оглянулсе на попутчика, а того и слѣдъ простылъ. Видно, ужъ успѣлъ скочить на печку.

За ужиной робёночекъ по третьему году сошелъ на полъ и чихнулъ. — „Будь здоровъ, ангельская душинька!“ говоритъ Ефремъ.—„Быча!“ прошептало съ печи.—Робёнокъ другорядь: „чихъ!“—Мужикъ опять: „будь здоровъ, ангельская душинька!“—„Быча!“ уже громче донеслось съ печи. Робёнокъ третій разъ: „чихъ!“ — А мужикъ опять свое. — „Быча!“ Закричалъ на печки кто-то да въ двери. И дверь настежь оставилъ.—„Што это за быча у насъ завелось, говорятъ въ страхѣ хозяева“. А мужикъ улыбаетце: „я, гытъ, знаю“. И тутъ разсказалъ имъ все.

Поутру старикъ велѣлъ сыну запречь лошадь, навалить на возъ мѣшокъ муки и свезти хъ мужику. Да ищо далъ десять рублевъ.—Извѣсно, свое дитя дороже; а, вить, не всякой разъ догадаешьсе сказать „здрастуй“, какъ чихнетъ робёнокъ.

Боровичскій у. 1903 г.

---

64. [Расправа съ любовниками].

Быль.

Былъ такой случай, что одинъ молодецъ женился на дѣвушкѣ, взятой изъ другой волости, и такая была красавица, что всѣ на нее любовались, даже клирошане и тѣ заглядывались. Однажды около Троицы эта молодуха пришла къ обѣдни и такъ понравилась крылошанамъ, что каждый изъ нихъ желалъ познакомиться съ ней. Отошла обѣдня, и молодуха пошла домой. Около ограды нагоняетъ ее пономарь и говоритъ: „здравствуй, милая, желаю съ тобой познакомиться“. Въ отвѣтъ на это она сказала: „можно, душенька, познакомиться“. — Когда же намъ съ тобой побесѣдовать. — „А приходи въ часовъ 5 пополудни посидѣть“.—А мужъ гдѣ?—„Мужъ смолу сегодня будетъ сидѣть“. Пономарь ушелъ домой, а послѣ догоняетъ ее о. дьяконъ и спрашиваетъ: „нельзя ли съ тобой мнѣ познакомиться?“ — „Отчего-же, можно, приходи сегодня севечеръ около 5½ часовъ“. О. дьяконъ ушелъ домой. Проходитъ мимо ее батюшка (она съ подругами на рынкѣ немного позамѣшкалась), поровнялся съ ней, она подходитъ подъ благословеніе; а когда батюшка благословилъ ее, и говоритъ: „нельзя ли съ тобой, молодуха, познакомится.—

„Отчего, батюшка, можно, приходи сегодня севечера около 6 часовъ пополудни". Эта молодуха пришла домой и говоритъ мужу: „хозяинъ, у меня севечеръ гостей много будетъ". А мужъ и спрашиваетъ, что за гости будутъ; гости будутъ, такъ нужно винца припасать. А жена и говоритъ: „не надо припасать, а сами гости принесутъ вина, только пей. А теперь давай пообѣдаемъ да отдохнемъ, севечеръ намъ некогда отдыхать". Прошелъ полдень, послѣ отдыха хозяинъ съ хозяйкой поужинали. „А теперь, мужъ, говоритъ хозяйка, забирайся на дворъ въ солому и слушай, когда я троихъ пропущу въ избу, такъ ты черезъ дворъ выйди на улицу, а съ улицы стучись въ избу". Мужикъ ушелъ и легъ въ солому, а хозяйка вздула огонька и сидитъ въ избѣ, ждетъ къ себѣ гостей. Слышитъ она, что у сѣней кто то постукиваетъ. Вышла она отпирать и спрашиваетъ: „кто здѣсь?"—„Это я, говоритъ пономарь, душенька". Она впустила пономаря, а дверь на улицу опять заперла. Пономарь пришелъ въ избу и говоритъ: „ну, ставь самоваръ, а самъ кладетъ на столъ полуштофъ водки и вязку кренделей".—„А мужъ не будетъ"?—„Нѣтъ, онъ на праздникъ уѣхалъ смолу сидѣть". Пономарь снялъ подрясникъ и похаживаетъ по избѣ, а хозяйка ставитъ самоваръ. Черезъ полъ часа слышатъ они стукъ въ сѣни. Пономарь испугался и говоритъ: „куда же мнѣ спрятаться. — А одѣвай подрясникъ и полѣзай въ ларь съ мукой, тамъ и сиди", а сама стала убирать водку и кренделя въ прилавокъ. Затѣмъ пошла въ сѣни и пустила о. дьякона, который тоже съ собой принесъ полуштофъ водки и вязку кренделей, и все это кладетъ на столъ. „А у тебя ужъ самоваръ загрѣтъ?"—„Да я ужъ поджидала Васъ".—„А мужъ не будетъ?"—Нѣтъ, не будетъ, онъ уѣхалъ на трое сутки смолу сидѣть". О. дьяконъ снялъ подрясникъ и сталъ расхаживать по дому, а хозяйка ставитъ на столъ самоваръ и чашки. Въ это время вдругъ послышался въ сѣняхъ стукъ. „Кто же это, хозяюшка? — „А не знаю, о. дьяконъ. Вы, отецъ дьяконъ, одѣньте подрясникъ и садитесь вонъ туда въ ларь, гдѣ мука была". Сама убрала водку и кренделя и пошла отпирать дверь. Отецъ дьяконъ, нисколько не медля, вскочилъ въ ларь и видитъ тамъ пономаря. „Ты зачѣмъ?"—„А ты зачѣмъ, о. дьяконъ?" Хозяйка впустила

батюшку въ избу. „А, у тебя ужъ и самоваръ на столѣ“, и самъ кладетъ полуштофъ водки и вязку кренделей. Затѣмъ снялъ подрясникъ и сталъ ходить по избѣ. Хозяйка же ходитъ около самовара. Видитъ хозяинъ, что всѣ трое пришли, вышелъ со двора на улицу и со всей мочиньки давай стучать въ дверь. Батюшка испугался и говоритъ: „кто же это, хозяюшка?“—„Не знаю, говоритъ хозяйка, а ты всетаки, батюшка, одѣнься, да скачи въ ларь то“. Сама убрала крендели и водку со стола и пошла отворять. Входитъ мужъ въ избу и сталъ ругать женку: „ты тутъ чай распиваешь, а мнѣ некогда, давай скорѣй бочку подъ смолу“.—„Да вонъ возьми на клѣти то“.—„А куда же я оттуда смолу то дѣну, вѣдь мнѣ нужно порожную. Да развѣ вылить смолу то въ ларь“. Хозяинъ ковшикомъ и сталъ выливать въ ларь смолу...., а затѣмъ мѣшокъ изъ подъ перьевъ сталъ туда же опорожнять.... Всѣхъ ихъ опачкалъ. Батюшка выходитъ оттуда и на вопросъ: кто это? отвѣчалъ: діаволъ. Тоже самое и остальные. Всѣ убѣжали домой. А хозяинъ съ хозяйкой давай распивать.

Боровичскій у. 1903 г.

---

65. Сказаніе о царѣ Соломонѣ.

У царя Давида много было женъ и много сыновей; но ни одного изъ нихъ онъ не назначилъ себѣ наслѣдникомъ: все ему казалось, что они не такъ умны, чтобы править послѣ него государствомъ. Часто и крѣпко подумывалъ царь Давидъ, боялся онъ, какъ бы не рухнуло послѣ него славное царство. Наконецъ, пошелъ онъ къ ворожеѣ погадать. Долго гадала ворожея и говоритъ царю: „возьми себѣ въ жены самую бѣдную дѣвушку въ твоемъ царствѣ. Отъ нея родится сынъ, который годится тебѣ въ наслѣдники. А когда этотъ сынъ сдѣлается послѣ тебя царемъ, то онъ будетъ и мудрѣе, и богаче, и славнѣе тебя“. Такой-то мнѣ и нуженъ наслѣдникъ, подумалъ царь Давидъ, одарилъ богато ворожею и отправился домой. Послалъ царь Давидъ своихъ слугъ разыскивать по своему царству самую бѣдную дѣвушку. Долго слуги искали такую, а все не могутъ

найти: никто не жалуется на свою бѣдность: у одного денегъ много, у другого нѣтъ денегъ, такъ скота цѣлыя стада, у третьяго сыновей и дочерей была цѣлая семья, а это тоже богатство. Наконецъ, царскимъ слугамъ удалось набрести на бѣднаго пастуха; онъ жилъ на самомъ краю царства. У пастуха только и было добра, что одна красавица дочь и собака. Пасъ онъ стада чужихъ овецъ, а дочь и собака ему помогали. Хотя пастухъ и не жаловался на свою бѣдность, а всетаки дочь отъ него отобрали и повезли во дворецъ. Обмыли невѣсту, нарядили въ дорогое платье и представили царю. Поглядѣлъ на нее царь Давидъ да такъ и ахнулъ: ужъ больно хороша была невѣста. Повѣнчался съ нею царь и жилъ въ любви да согласіи. Черезъ годъ у него родился сынъ; его назвали Соломономъ. Мальчикъ былъ такой красивый да забавный, что царь Давидъ и прочь отъ него не отходилъ. Придутъ къ нему бояре за какимъ нибудь дѣломъ, а онъ все съ ребенкомъ играетъ. Завидно стало прежнимъ женамъ Давида, что онъ ихъ совсѣмъ оставилъ изъ за новой жены и ея сынишка, стали онѣ смущать сердце Давида, стали ему нашептывать лукавыя рѣчи, что вотъ-де выростетъ сынъ и будетъ онъ и умнѣе, и славнѣе, и богаче тебя. Сначала Давидъ и вниманія не обращалъ на хитрыя слова, а потомъ сталъ задумываться. Придетъ онъ поглядѣть на сынка, а зависть подъ ухо и шепчетъ: „рости, рости! себѣ на голову и вырастишь. Сдѣлается онъ большимъ, такъ и будешь передъ нимъ, какъ мѣсяцъ передъ солнцемъ“. Давидъ сталъ порѣже ходить любоваться мальчикомъ и къ себѣ не велѣлъ его пускать. Подмѣтили это жены и еще больше начали вооружать отца противъ сына и довели его до того, что онъ совсѣмъ возненавидѣлъ мальчика. „Теперь я, думаетъ царь Давидъ, и могучъ, и славенъ, а выростетъ этотъ паршивикъ, и буду я передъ нимъ, какъ сухая трава передъ цвѣтами“. И приказалъ онъ своимъ слугамъ тайно какъ-нибудь извести маленькаго сына. Ему тогда только годъ миновалъ. Взяли слуги ребенка и увезли его далеко-далеко въ пустыню, на самый край Давидова царства. Но имъ жаль стало убивать невиннаго ребенка, и говорятъ слуги между собой: „не будемъ проливать кровь невиннаго младенца. Если угодно Богу, чтобы онъ погибъ, такъ пусть

онъ и умретъ отъ руки Господней, а не нашей. А если нужно Богу сохранить его жизнь, такъ не дастъ ему погибнуть и въ пустынѣ". Такъ и сдѣлали. Не стали убивать мальчика, а выкопали ему въ песку ямочку и положили его туда, а сами ушли. Полежалъ мальчикъ немного, поигралъ песочкомъ, а потомъ, какъ увидѣлъ, что онъ одинъ, и заплакалъ. Поплачетъ, поплачетъ и послушаетъ — нейдетъ-ли кто нибудь. Нѣсколько разъ принимался онъ такъ плакать. Вдругъ видитъ мальчикъ: несется прямо на него огромная собака. Онъ не испугался, а легъ лицомъ вверхъ, раскинулъ рученки и притворился мертвымъ. Прибѣжала собака и стала его обнюхивать. Онъ вдругъ обхватилъ рученками за шею собаки и закричалъ, что есть въ головѣ голосу. Испугалась собака и бросилась со всѣхъ ногъ бѣжать. А Соломонъ такъ крѣпко держитъ собаку за шею, что какъ будто приросъ къ ней. Бѣжитъ, бѣжитъ собака и остановится на минутку, понюхаетъ, потрясетъ шерстью,— не отпадаетъ мальчикъ, и опять бѣжать. Прибѣжала она къ хозяину пастуху. Тотъ и глазамъ не вѣритъ. „Что за чудо? думаетъ пастухъ: откуда мнѣ Богъ кладъ такой послалъ? Сыновей у меня не было, а была одна дочь, да и ту къ царю въ жены взяли. Видно, что Богъ мнѣ сына посылаетъ". Обрадовался пастухъ мальчику и взялъ его къ себѣ вмѣсто сына. Ростетъ мальчикъ у пастуха, играетъ, веселится, а потомъ и помогать сталъ названному отцу. Съ собакой онъ такъ подружился, какъ съ роднымъ братомъ. Потеряется, бывало, у пастуха овечка; Соломонъ сядетъ верхомъ на своего дружка и живо отыщутъ пропавшую овцу. А когда исполнилось ему 8 лѣтъ, онъ часто одинъ выгонялъ въ пустыню овецъ, и никогда не случалось, чтобы у него хоть одна пропала изъ стада или волкъ ее утащилъ.

Разъ мальчикъ сидитъ у дороги—ѣстъ, с-ъ, въ дудочку играетъ и вшей бьетъ. Вдругъ ѣдетъ царь въ золотой каретѣ. Увидѣлъ онъ пастушка и полюбопытствовалъ: что такое онъ дѣлаетъ? Царь велѣлъ остановить карету, вылѣзъ и подходитъ къ Соломону. „Что ты дѣлаешь, пастушекъ"? спрашиваетъ царь Давидъ. Пастушекъ отвѣчаетъ: „старь выбиваю, новь направляю, самъ себя спотѣшаю и съ недругомъ управляюсь". Удивился царь мудрому отвѣту, захотѣлъ онъ еще испытать Соломона. „Оцѣни, пастушекъ, сколько стоитъ

моя карета?“ А карета была такая дорогая, что и цѣны ей нѣтъ. Соломонъ держалъ послѣдній кусокъ хлѣба въ рукахъ и хотѣлъ его въ ротъ положить. Поглядѣлъ онъ на карету, поглядѣлъ на кусочекъ и отвѣчаетъ: „а вотъ этого не станетъ, такъ и этого не стоитъ“. Еще больше удивился царь Давидъ. „Ты чей?“ спрашиваетъ онъ у пастушка. „Былъ ни-чей, а теперь не знаю чей, отвѣчалъ тотъ: въ ямѣ родился, съ собакой сроднился, такъ вотъ и узнай, кто мой отецъ—песъ аль прохожій молодецъ?“ Вотъ бы мнѣ такого сына, подумалъ царь Давидъ, вспомнилъ своего мальчика и горько его пожалѣлъ. Онъ сталъ звать пастушка къ себѣ во дворецъ. „Я поѣду, отвѣчалъ пастушекъ, только разгадай мнѣ загадку: „какая разница между мною и тобою?“ Царь сильно разсердился: такъ ему обидно показалось, что самый послѣдній человѣчишка, никуда негодный пастушенка, смѣетъ себя сравнивать съ царемъ, о которомъ весь свѣтъ знаетъ. „Вотъ ты не знаешь, говоритъ мальчикъ, а я тебѣ скажу: „пастухъ караулитъ своихъ овечекъ и стережетъ ихъ отъ волковъ, а царь заботится о своемъ народѣ и не даетъ никому его въ обиду“. Понялъ царь, что не насмѣшку надъ нимъ хочетъ сказать мальчикъ, а сущую правду, и еще больше полюбилъ Соломона за его мудрость. Онъ поѣхалъ къ названному отцу мальчика, пастуху, и велѣлъ ему снарядить сына въ дорогу. Сборы были не долги. Привезъ царь Соломона во дворецъ и отдалъ послѣдней женѣ. „Вотъ тебѣ, говоритъ Давидъ, сынъ. Богъ одного взялъ, а другого далъ. Береги и рости его“. Привязалась царица къ мальчику, какъ къ родному сыну. Разъ она передѣвала мальчику рубашку и увидѣла на правомъ плечѣ родимое пятнышко, какъ звѣздочка, и узнала, что это ей Богъ возвратилъ родного сына: у него точно такое пятнышко было на правомъ плечѣ. Но никому не сказала царица объ этомъ, а только еще больше привязалась къ мальчику и стала его беречь пуще своего глаза. Чѣмъ дальше, тѣмъ Соломонъ становился умнѣе и мудрѣе. А когда ему было 15 лѣтъ, онъ сталъ помогать отцу править государствомъ. Пастуха, у котораго выросъ Соломонъ взялъ пасти царскихъ овецъ. Потомъ и царь Давидъ узналъ, что найденный пастухомъ и есть его родной сынъ.

Старорусскій у. 1905 г.

66. [Коза].

Пошелъ козелъ лыки драть,
А коза орѣхи брать.
Пришелъ козелъ съ лыками,
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калеными.
Добро же ты, коза,
Нашлю на тя волковъ.
Волки нейдутъ козу ѣсть.
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калеными.
Добро же вы, волки,
Нашлю на васъ людей.
Люди нейдутъ волковъ
гонять,
Волки нейдутъ козу ѣсть.
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калеными.
Добро же вы, люди,
Нашлю на васъ медвѣдь.
Медвѣдь нейдетъ людей
ломать,
Люди нейдутъ волковъ
гонять,
Волки нейдутъ козу ѣсть.
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калеными.
Добро же ты, медвѣдь,
Нашлю на тя дубье.
Дубье нейдетъ медвѣдь бить,
Медвѣдь нейдетъ людей
ломать,
Люди нейдутъ волковъ
гонять,
Волки нейдутъ козу ѣсть.
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калеными.
Добро же вы, дубье,
Нашлю на васъ огонь.
Огонь нейдетъ дубье жечь,
Дубье нейдетъ медвѣдь бить,
Медвѣдь нейдетъ людей
ломать,
Люди нейдутъ волковъ
гонять,
Волки нейдутъ козу ѣсть.
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калеными.
Добро же ты, огонь,
Нашлю на тя воду.
Вода нейдетъ огонь лить
Огонь нейдетъ дубье жечь,
Дубье нейдетъ медвѣдь бить,
Медвѣдь нейдетъ людей
ломать,
Люди нейдутъ волковъ
гонять,
Волки нейдутъ козу ѣсть.
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калеными.
Добро же ты, вода,
Нашлю на тя быковъ.
Быки нейдутъ воду пить,
Вода нейдетъ огонь лить,
Огонь нейдетъ дубье жечь,
Дубье нейдетъ медвѣдь бить,
Медвѣдь нейдетъ людей
ломать,
Люди нейдутъ волковъ
гонять,
Волки нейдутъ козу ѣсть.
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калеными.

Добро же вы, быки,
Нашлю на васъ ножи.
Ножи нейдутъ быковъ колоть,
Быки нейдутъ воду пить,
Вода нейдетъ огонь лить
Огонь нейдетъ дубье жечь,
Дубье нейдетъ медвѣдь бить,
Медвѣдь нейдетъ людей ломать,
Люди нейдутъ волковъ гонять,
Волки нейдутъ козу ѣсть.
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калеными.
Добро же вы, ножи,
Нашлю на васъ точи.
Точи нейдутъ ножи вострить,
Ножи нейдутъ быковъ колоть,
Быки нейдутъ воду пить,
Вода нейдетъ огонь лить
Огонь нейдетъ дубье жечь,
Дубье нейдетъ медвѣдь бить,
Медвѣдь нейдетъ людей ломать,
Люди нейдутъ волковъ гонять,
Волки нейдутъ козу ѣсть.
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калеными.
Добро же вы, точи,
Нашлю на васъ червей.
Черви нейдутъ точи точить,
Точи нейдутъ ножи вострить,
Ножи нейдутъ быковъ колоть,
Быки нейдутъ воду пить,
Вода нейдетъ огонь лить,
Огонь нейдетъ дубье жечь,
Дубье нейдетъ медвѣдь бить,
Медвѣдь нейдетъ людей ломать,
Люди нейдутъ волковъ гонять,
Волки нейдутъ козу ѣсть.
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калеными.
Добро же вы, черви,
Нашлю на васъ гусей.
Пошли гуси червей клевать,
Пошли черви точи точить,
Пошли точи ножи вострить,
Пошли ножи быковъ колоть,
Пошли быки воду пить,
Пошла вода огонь лить,
Пошелъ огонь дубье жечь,
Пошли дубья медвѣдь бить,
Пошелъ медвѣдь людей ломать,
Пошли люди волковъ гонять,
Пошли волки козу ѣсть.
Пришла коза съ орѣхами,
Пришла коза съ калеными.

г. Тихвинъ. 1853 г.

---

67. [Лиса и тетеревъ].

Лиса увидѣла тетерева,—на деревѣ въ лѣску сидитъ,—подошла къ нему и говоритъ: „Терентьюшко-батюшко, пріѣхала я изъ города; слышала указъ: тетеревамъ нелѣтать по деревамъ, а ходить по землѣ“.—„Такъ што, я слезу. Да вонъ, лиса, кто то идётъ, да что-то на плечѣ-то несётъ, да

за собой что-то ведетъ". — „Хвостъ не крючечкомъ ли?" — „Да, да, крючкомъ!"—Ахъ, нѣтъ; мнѣ нѣкогда тебя ждать: у меня ножки зябнутъ да ребята дома ждутъ. Я пойду".

г. Тихвинъ. 1853 г.

---

68. [Собака и волкъ].

Жилъ мужикъ съ женкою. Жили нибогато, ни бѣдно, а посредственно. У нихъ была собака, только они плохо ее кормили. Пошли они въ поле жать и взяли съ собой маленькаго ребеночка въ зыбочкѣ и поставили они его на полосѣ, на которой жали; и собака за ними тутъ же прибѣжала.—И тутъ подбѣжалъ волкъ, собаку пымалъ и потащилъ, только что и говоритъ собака волку: „что ты меня тащишь? только душу мою погубишь; меня хозяинъ не кормитъ, я худехонька". — „Я оставлю тебя, отвѣчалъ волкъ, и сдѣлаю, что хозяинъ будетъ тебя кормить; придешь ли ты тогда, какъ будешь жирная?" Собака обѣщалась придти. — „Поди же ты, лягъ; а я унесу ребенка изъ зыбки; а ты и бѣги за мной; я тебѣ ребеночка отдамъ". Волкъ подбѣжалъ къ зыбкѣ, выхватилъ оттуда ребенка и побѣжалъ съ нимъ. Отецъ съ матерью испужались и побѣжали за волкомъ, и собака тоже; волкъ далѣ и далѣ, — убѣжалъ изъ глазъ мужика, а собака все-таки бѣжитъ. Волкъ собакѣ ребеночка и отдалъ. Собака, взявши ребенка за пелёнки, принесла его къ отцу и матери на полосу, на которой жали. Увидя отецъ съ матерью, что собака принесла ребенка, обрадовались и тутъ же собакѣ каши, и стали кормить собаку лучше себя. Волкъ, спустя времени уже не мало, пошелъ къ собакѣ, думая, „что она уже жирна, и я ее съѣмъ". Приходитъ и говоритъ ей: „что, собака, ты теперь жирна?"—Собака отвѣчаетъ: „жирна". И въ то время мужика была сватьба. У него была подъизбица. Собака говоритъ: „пойдемъ, волкъ; я тебя накормлю"; и завела его въ подъизбицу. Гости тамъ веселятся, собака схватила со стола часть мяса и побѣжала къ волку. Тутъ гости закричали: „собака-то мясо унесла". Хозяинъ говоритъ: „не трогъ; у меня собака, что хошь дѣлай".

Собака опять вбѣгла и схватила пирогъ—туда же волку; потомъ опять вбѣгла и схватила штофъ вина —туда же къ

волку. И сталъ волкъ съ собакой пить и ѣсть. Волкъ и говоритъ собакѣ: „собака, я запѣснячу“. Собака говоритъ: „не пѣснячь, убьютъ“. Волкъ ей говоритъ: „каку ты глупость говоришь; убьютъ. Вѣдь гости пѣснячатъ, да ихъ не бьютъ же. Нѣтъ, я запѣснячу“. Собака говоритъ: „эй волкъ! не пѣснячь; убьютъ“. Волкъ говоритъ: „не слушаю, — запѣснячу“. И волкъ запѣснячилъ, и собака ему подтягаетъ. Тутъ гости услыша пришли и волка убили; а собакѣ жизнь пошла еще лучше. Она и ребенка избавила и волка пымала.

г. Тихвинъ. 1853 г.

69. [Лиса и журавль].

Лиса зазвала въ гости журавля и сдѣлала про него яичницу на *сковородѣ*; журавлю плохо клевать: яичница отъ носу лѣтитъ. Лиса всё сама и слизала. Журавль и сталъ ее звать: „теперь, лиса, ко мнѣ приходи, я тебя угощу“, и сдѣлалъ про нее яичницу въ кувшинѣ; лиса попехаетъ, попехаетъ голову; нѣтъ, не лезетъ; а журавль клюетъ, сколько ему хочется, и почти всю склевалъ. Лиса пехала, пехала голову, да туда и просунула, яичницу долизала. Стала тащить голову назадъ, кувшинъ подымается, не скидается; она тащитъ-тащитъ, нѣтъ... и говоритъ: „кувшинъ, пусти, пойду объ уголъ разобью, пойду въ колодезь утоплю“; — кувшинъ все не пускаетъ. Пошла, на дорожкѣ легла: ѣдетъ мужикъ и́зъ городу, повѣся ноги и́зъ коробу; а въ коробѣ была куплена у него рыбка. Онъ слезъ да лису кнутикомъ; нѣтъ, лиса не встаетъ; а она прикинулась — будто мертва. Мужикъ, взявши кнутъ, побилъ кувшинъ около головы-то да и положилъ лису въ коробъ. Она дырку проѣла, да рыбу и выкидала, да побольше прогрызла, да и сама-то вылезла... Взяла рыбку-то и перетаскала на стожекъ; сидя тамоди и ѣстъ... Бѣжитъ волкъ: „ахъ, кума, что ты ѣшь“?—Рыбку.—„Дай-ко мнѣ“. Она и оторвало головку и бросила ему. „Ахъ, кума, хорошо; кабы еще“. Она ему дала хвостикъ. „Ахъ, кума, еще лучше; кабы еще“. Она ему дала середочку. „Ахъ, кума, еще лучше; кабы еще“.—Поди, [конецъ утерянъ].

г. Тихвинъ. 1853 г.

70. Дѣтоубійство, наказанное змѣями.

Въ нѣкоторомъ селѣ дѣвушка полюбила одного парня и забеременѣла отъ него. Когда пришло время, то она тайно родила живаго ребенка, снесла его въ лѣсъ и тамъ зарыла въ землю. Опять начала любить парня, черезъ нѣкоторое время почувствовала себя тяжелою; изъ стыда опять таилась отъ всѣхъ, когда же родила, то младенца опять снесла въ лѣсъ и на томъ же мѣстѣ зарыла въ землю. Знакомство дѣвушки съ парнемъ продолжалось, и она забеременѣла въ третій разъ; роды произошли тайно, и опять она живаго ребенка отнесла въ лѣсъ и въ томъ же мѣстѣ зарыла въ землю. Только что дѣвушка хотѣла идти домой, какъ почувствовала въ глазахъ темноту, и ноги точно приросли къ землѣ, такъ что она не могла идти далѣе. Вдругъ слышитъ, что нѣчто стало скакать на шею живое, холодное, шипящее и начало ползать по шеѣ и по груди. Зрѣніе у нея нѣсколько прояснилось, она, ощупывая руками, съ ужасомъ и трепетомъ видитъ, что это ползаютъ три змѣи; двѣ изъ нихъ живо поползли по груди и присосались къ соскамъ грудей и начали жадно, захлебываясь, сосать молоко, неуспѣвая проглатывать—молоко съ кровью капало у нихъ изо рта; третья же змѣйка посовалась, посовалась и повѣсилась на шею; когда одна изъ змѣй насосалась и отпала, то третьяя змѣя начала тоже съ не меньшей жадностію сосать; когда они насытились, то спокойно обвились вокругъ шеи. Тогда дѣвушка получила возможность идти домой. Затѣмъ, далѣе змѣи сосали у нея груди по нѣскольку разъ въ день; въ это время дѣвушка чувствовала смертельную тоску и ужасъ — это были невыносимыя боли, потомъ змѣи укладывались вокругъ шеи спокойно, но отнять ихъ она никогда не могла и прикрывала ихъ платкомъ. Только въ банѣ они сваливались съ шеи, и пока она мылась, а змѣи лежали на её платьи. — Покаялась она въ своемъ грѣхѣ людямъ и съ тѣхъ поръ давно уже ходитъ по святымъ обителямъ, умаливая свой тяжкій грѣхъ, надѣясь на милосердіе Божіе.

Череповецкій у., д. Большой Дворъ Дмитріевской вол. Отъ кр-ки Авдотьи Гладышевой. 1900 г.

71. Царскія загадки.

Въ одномъ городѣ жилъ царь, а недалеко отъ города жилъ въ приходѣ священникъ, отецъ Лаврентій. Государь былъ очень замысловатый. Однажды онъ позвалъ его къ себѣ и говоритъ ему: „вотъ что, батька, я задамъ тебѣ двѣ загадки, и ты долженъ ихъ разгадать, за что получишъ отъ меня большую награду, а если не угадашъ, то будешъ отъ меня въ немилости; кромѣ того, когда ты отгадаешъ, то я позволяю мнѣ задать одну загадку. Мои загадки вотъ какія: 1-я—сколько верстъ до неба? 2-я—сколько стоитъ царь?—сроку тебѣ три дня, а теперь иди домой". Сильно задумался отецъ Лаврентій, какъ ему разгадать такія большія загадки. Думалъ, думалъ и рѣшилъ, что ему своимъ умомъ не разгадать—дай-ко я пойду къ своему брату, который служитъ въ сосѣднемъ приходѣ дьякономъ и звали его тоже Лаврентій — онъ былъ уменъ и находчивъ на разныя загадки. Пріѣхалъ къ нему и повѣдалъ ему свое горе; дьяконъ подумалъ и сказалъ ему: „вотъ что, братъ, пошли-ко меня къ царю, мы вѣдь такъ похожи другъ на друга—какъ двѣ капли воды — царь не узнаетъ, а можетъ быть Богъ поможетъ отгадать загадки и получить награду или наказаніе"; такъ и порѣшили. Поѣхалъ дьяконъ къ царю. Докладываютъ царю, что явился отецъ Лаврентій по приказанію. Царь зоветъ его къ себѣ и спрашиваетъ: „ну, что, отецъ Лаврентій, сколько верстъ до неба?" Дьяконъ отвѣчаетъ: „да по моему, навѣрно, верстъ 300 будетъ".—„Какъ смѣешъ увѣрять, что именно будетъ 300 верстъ", говоритъ царь.—„А если не вѣрите мнѣ, царское величество, то потрудитесь смѣрить сами или послать кого нибудь на небо узнать точное разстояніе",—отвѣтилъ дьяконъ. Царь согласился: „не будемъ провѣрять, пусть по твоему будетъ. Ну, а сколько стоитъ царь?" Дьяконъ отвѣчаетъ: „если Іисусъ Христосъ былъ проданъ за 30 серебряниковъ, то Вы на одинъ серебряникъ стоите его дешевле". Государь разгнѣвался: „какъ ты смѣлъ такъ дешево меня оцѣнить?" „Да, помилуйте, Ваше Царское Величество, Вы то нашъ царь земной, а Іисусъ-то Христосъ царь небесный—разница великая". Царь успокоился: „твоя

опять правда. Ну, теперь загадывай твою загадку". Дьяконъ и говоритъ: „кто я такой?"—„Какъ кто, да вѣдь ты отецъ Лаврентій".—„Нѣтъ, Ваше Величество, я его братъ—дьяконъ Лаврентій". Царь очень удивился и сталъ его разпрашивать и потомъ сталъ съ нимъ бесѣдовать; дьяконъ оказался умнымъ человѣкомъ; государь принялъ его нѣкоторыя совѣты къ свѣдѣнію и щедро его наградилъ и отпустилъ. Потомъ произвелъ его въ священники, далъ мѣсто при дворѣ. Когда бываетъ царю скучно, то онъ зоветъ къ себѣ бесѣдовать отца Лаврентія.

Череповецкій у., д. Верхъ Дмитріевской вол. Отъ кр-на Петра Бѣлозерова. 1900 г.

---

72. Въ ученьи у лѣсоваго.

У одного мужичка былъ сынъ, вотъ и не знаетъ, кому его въ ученье отдать; подумалъ да отдалъ его дѣдушку лѣсовому въ науку. У лѣсоваго было три дочьки; вотъ онъ и говоритъ: „первая дочушка, истопи избушку калено накалено". Она истопила, дѣдъ и бросилъ мальчика въ печь—тамъ онъ всяко вертѣлся. Дѣдъ вынулъ его изъ печки и спрашиваетъ: „чего знаешъ-ли?"—„Нѣтъ, ничего не знаю", отвѣтилъ мальчикъ. „Другая дочушка, истопи избушку калено на калено", и опять бросилъ мальчика въ печь, тотъ всяко тамъ изгибался — дѣдъ вынулъ его изъ печки и спрашиваетъ: „ну, что знаешъ-ли?"—„Ничего не знаю".—„Третья дочушка, истопи избушку калено на калено". Она истопила, онъ опять бросилъ мальчика въ печь, тотъ всяко тамъ перевернется и веретенцемъ-то, опять вынулъ его и спрашиваетъ: „ну, теперь научился-ли чему?" — „Больше твоего знаю, дѣдушко", отвѣтилъ мальчикъ. Ученье окончено, дѣдъ лѣсовой и заказалъ батьку, чтобы онъ приходилъ за сыномъ. Отецъ пришолъ, а дѣдъ ему сказалъ: „приходи завтра", а мальчикъ и говоритъ: „дѣдушко, я пойду, попровожу тятьку", а по дорогѣ и наказываетъ: „вотъ что, тятька, когда ты завтра придешъ, то дѣдъ на-

ведетъ 12 соплеватыхъ парней, и всѣ они будутъ вынимать платочки изъ лѣвыхъ кармановъ, а я выну изъ праваго кармана". На завтра по приходѣ отца дѣдъ вывелъ соплеватыхъ парней, и батько узналъ сына по примѣтѣ, сказанной заранѣе. Ну, дѣлать нечего; пришлось лѣсовому отпустить парня изъ науки. Пошолъ батько съ сыномъ домой, а на толчеѣ сидитъ ворона и граетъ во всё горло. Отецъ и говоритъ: „ты много теперь знаешъ—такъ скажи мнѣ, о чемъ ворона каркаетъ?" — „Ахъ, тятя, тятя, я бы тебѣ сказалъ, да ты осердишься".—„Ахъ ты, кормилецъ, я три года яичка не съѣдалъ,--всё берегъ тебя выкупить."—„Ну, такъ слушай, тятя: ворона на своемъ языкѣ каркаетъ о томъ, что мнѣ когда-то придется ноги водою мыть, а тебѣ достанется эту воду пить"; отецъ на него прогнѣвался, а сынъ ему и говоритъ: „если ты на меня осердился, тятя, такъ веди меня продавать жеребчикомъ, выручай деньги, только съ обратью не продавай". Отецъ свелъ жеребчика на ярморку продавать—гдѣ ни взялся этотъ дѣдъ-учитель и покупаетъ жеребчика. „Что возмешъ за жеребчика?" а отецъ и говоритъ: „сто рублей — только обратку назадъ"; дѣдъ отдалъ деньги и взялъ коня. Отецъ пошолъ и заплакалъ и про себя говоритъ: „сына отдалъ, а деньги взялъ", обернулся назадъ; а сынъ и бѣжитъ къ нему: „что, тятька, полно-ли денегъ?"--„Не хуже бы еще, кормилецъ, еще". — „Ну, такъ я опять обернусь жеребчикомъ--веди продавай". Какъ свелъ отецъ жеребчика на ярмарку, гдѣ ни взялся дѣдъ опять покупаетъ: „дорогъ-ли твой жеребчикъ?" — „Давай сто рублей". Ну, продалъ, обратки не вырядилъ—дѣдъ не отдаетъ ему—спорили, спорили, отецъ и говоритъ: „дѣлать нечего—моя вина". Пошелъ домой и заплакалъ: „экой я глупой да неразумный, до старости дожилъ, а ума не нажилъ: деньги-то проживешъ, а сына-то не наживешъ"; повернулся назадъ—не бѣжитъ-ли назадъ сынокъ—нѣтъ, не видать. Лѣсовой-же дѣдъ гонялъ да гонялъ жеребчика — всего спарилъ, одной шерстинки не осталось сухой, подогналъ къ своему дому, привязалъ къ крыльцу, а самъ сѣлъ обѣдать; разъ хлѣбнетъ да и глядитъ въ окошко. Идетъ царева дочь на родникъ за водой, а жеребчикъ и говоритъ: „вылей на меня ведерко воды, царевна, очень я сопрѣлъ"; она вылила на него, а конь обратился рыбкой ершомъ да и бухъ въ род-

никъ, а дѣдъ оборотился щукой да за нимъ; щука хотѣла схватить ерша, да ершъ показался ей костоватымъ, да вдругъ и оборотился кольцомъ и скакнулъ въ ведро царевой дочкѣ. Она надѣла кольцо на руку и днемъ носитъ кольцомъ, а ночью спитъ съ молодцомъ. Дѣдъ про это узналъ, взялъ рожокъ и пошолъ къ цареву дому играть; царю игра больно полюбилась, зазвалъ его въ свой дворецъ и говоритъ: „выиграй и разведи, что есть въ моемъ домѣ и въ моемъ царствѣ новаго“, а дѣдъ играетъ и разводитъ: „твоя дочь днемъ играетъ кольцомъ, а ночью спитъ съ молодцомъ“. Этотъ молодецъ, который сидитъ на рукѣ кольцомъ, и шепчетъ царевой дочери: „отецъ у тебя будетъ просить кольцо, такъ ты не отдавай меня, а если будетъ приступать непомѣрно, то ты возьми изругайся и кольцо брось на полъ, оно и разсыплется на пять частей, одна частичка подкатится тебѣ подъ ногу, а ты возьми и приступи“. Ну, такъ и сдѣлалось, а дѣдъ обернулся пѣтухомъ и склевалъ остальныя частички и остался ни съ чѣмъ, а молодецъ обвѣнчался съ царской дочерью. Спустя много времени, отецъ и приходитъ попрошать; сынъ подалъ ему милостыню и спрашиваетъ: „ты, дѣдушко, откуда?“—„Дальній, кормилецъ“.—„Такъ ночуй у насъ“. Старикъ остался ночевать и легъ на печьку, да ночью гораздо и сопрѣлъ и вышелъ остудиться, а въ сѣняхъ стоитъ вода, онъ взялъ этой водицы и попилъ. Встали по утру, а сынъ его и спрашиваетъ: „ты, дѣдушко, ходилъ ночью до вѣтру и попилъ воды въ сѣняхъ?“ старикъ отвѣчалъ: „вѣрно, кормилецъ“.—„Ну такъ, дѣдушко, ты мнѣ отецъ, а я тебѣ сынъ, я въ этой водѣ ноги мылъ, а ты пилъ; помнишъ, когда шолъ я изъ ученья отъ дѣдки лѣсоваго, а ворона каркала, я тебѣ это предсказалъ, а ты прогнѣвался: ну, однимъ словомъ, ты мнѣ отецъ, а я тебѣ сынъ, оставайся у меня жить, я тебя допою и докормлю и твою кость похороню“. Такъ вотъ сколь уменъ и мудренъ лѣсовой дѣдушко: захочешъ—всему научитъ, а прозѣваешъ—кожу слупитъ.

Череповецкій у., д. Карпова Дмитріевской вол. Отъ кр-ки Матрены Сергуниной. 1900 г.

73. Лѣсовой-людоѣдъ.

Давно это было, — въ нашемъ лѣсу жилъ въ глухомъ мѣстѣ лѣсной сторожъ съ женой. Она забеременѣла. Однажды мужъ куда-то отлучился по дѣламъ, она въ его отсутствіе родила дѣвочку, а „кстить“ некому. Вдругъ навернулся какой-то странникъ-старикъ, женщина позвала его въ „божатки“, тотъ согласился и тутъ-же домашнимъ образомъ „окстили“. Прощаясь съ женщиной, старикъ сказалъ, гдѣ онъ живетъ и какъ его найти, и наказалъ послать къ нему кресницу, когда она подростетъ. Воротился мужъ; она разсказала ему этотъ случай и объ немъ впослѣдствіе забыли. Дѣвочка стала подростать и превратилась въ настоящую дѣвицу. Однажды и спрашиваетъ мать: „гдѣ живетъ мой божатушко?“ Мать отвѣчаетъ, что онъ живетъ далеко и ей не найти, а дѣвушка настойчиво запросилась къ нему въ гости. Мать разсказала, гдѣ онъ живетъ, и съ согласія отца отпустила въ дорогу.

Долго шла дѣвушка, попадается ей на встрѣчу обозъ весь бѣлый: лошади бѣлыя, телѣги, кладь и извощики — все бѣлыя. Она спрашиваетъ: „откуда вы ѣдите?“—„Мы ѣдемъ отъ твоего божатушки съ кладью“.—„Ладно ли я къ нему иду?“ Извощики разсказали ей дорогу и разошлись. Приходитъ она наконецъ въ лѣсъ и видитъ, стоитъ домъ ея крестнаго отца. Приближается къ нему и видитъ, что дверь приперта человѣческой ногой. Она ногу безъ страха отодвинула прочь, отворила дверь и вошла въ домъ—никого нѣтъ. Бросается ей въ глаза кадушка, а въ ней полнехонько крови, смотритъ на печьку—тамъ повѣшены голова и руки человѣческія, заглядываетъ въ голбецъ и видитъ тамъ брюшину и кишки; осматриваетъ въ печкѣ и замѣчаетъ, тамъ жарятся въ плошкѣ женскія титьки. Вдругъ входитъ кресный, дѣвушка обращается къ нему: „здравствуй, божатушко“.—„Здорово, крестница“. Дѣвушка довѣрчиво обращается къ нему: „а я безъ тебя всѣ высмотрѣла въ домѣ“.—„Ну и ладно“, говоритъ старикъ.—„А для чего это у тебя, божатушко, нога у двери?“ Онъ отвѣчаетъ: „это

у меня золотой замочикъ".—„А кадушка съ кровью?"—„Это у меня квасокъ".—„А голова и руки на печкѣ?"—„Это у меня вялится говядина". — „А зачѣмъ брюшина въ голбцѣ?" — „Это солонина къ лѣту".—„А титьки въ печкѣ зачѣмъ?"— „Это любимое мое жаркое на сегодняшній обѣдъ—не хочешъ ли и ты поѣсть?" Она согласилась. Онъ вынулъ изъ печьки жаркое и стали ѣсть—она осторожно, а онъ съ жадностію началъ хватать. Окончивъ титьки, онъ бросился на свою крестницу и началъ глодать у нея груди, а потомъ съѣлъ её всю живьемъ, не выходя изъ за стола.

Череповецкій у., д. Большой Дворъ Дмитріевской вол. Отъ кр-ки Авдотьи Гладышевой. 1900 г.

---

74. Колокольный манъ - красный колпакъ.

Въ одномъ селѣ жилъ мужичекъ съ дочкою дѣвицею, которая считалась полудурочкою и была гораздо неопрятна—подъ носомъ у нея постоянно висѣли сопли. Вотъ онъ однажды зазвалъ къ себѣ швецовъ для починки и шитья платья. Шили они нѣсколько дней. Въ одинъ изъ вечеровъ швецы начали надъ дѣвушкой подшучивать и называли её трусихою и между прочимъ сказали, что ей не сходить ночью на колокольню; она заспорила, что можетъ сходить и даже позвонить. Они начали её еще больше подзадоривать; она съ досадою одѣлась и ушла; была полночь. Приходитъ сначала на кладбище, а потомъ приближается къ колокольнѣ, входитъ на первую лѣстницу и видитъ, кто-то тамъ сидитъ въ колпакѣ—луна немного отсвѣчивала; она подумала, либо это манъ, а то и покойникъ, и говоритъ: „пусти меня на колокольню",—манъ отвѣчаетъ: „не пущу", она ему съ угрозою: „я съ тебя сорву красный колпакъ", сдернула съ него колпакъ и побѣжала домой. Приходитъ въ свою избу и съ насмѣшкой обращается къ швецамъ: „нате поглядите, я была на колокольнѣ и даже сорвала съ кого-то колпакъ". Швецы переглянулись между собой и сказали „ай-да, дѣвка, молодецъ!" Вдругъ подъ окномъ раздался голосъ: „отдай мой красный колпакъ, отдай мой красный колпакъ". Швецы и хозяинъ стремительно бросились кто на печку, кто на полати, и тамъ притаились и

шепчутъ оттуда: „поди, отдай, дура, колпакъ, а то намъ всѣмъ худо будетъ“; голосъ за окномъ опять повторяетъ: „отдай мой красный колпакъ“. Дѣвушка рѣшилась, вышла въ сѣни и потомъ на крыльцо и протянула руку съ колпакомъ,—манъ схватилъ её за руку, а потомъ взялъ поперекъ и разо́рвалъ на двое.—Ночью ни отецъ, ни швецы не смѣли выдти, а утромъ её и нашли около крыльца разорванною пополамъ.

Череповецкій у., д. Большой Дворъ Дмитріевской волости. Отъ кр-ки Авдотьи Гладышевой. 1900 г.

---

75. Звѣри въ решетѣ.

Ѣхалъ мужикъ съ решетомъ и урѣнилъ его, а решето покатилось и вверхъ донышкомъ поворотилось. Летитъ муха и говоритъ: „хорошъ теремъ, пригожъ теремъ“, и сѣла въ него. Летитъ комаръ и говоритъ: „хорошъ теремъ, пригожъ теремъ, кто въ этомъ терему живетъ?“—„Муха полетуха; а ты кто“?—„Я комаръ пищеляга“.—„Такъ полѣзай сюда“. Бѣжитъ мышъ и говоритъ: „хорошъ теремъ, пригожъ теремъ, кто тутъ живетъ?“—„Муха полетуха, комаръ пищеляга, а ты кто?“—„Я мышъ-торочайка“.—„Такъ полѣзай сюда“. Идетъ заяцъ и говоритъ: „хорошъ теремъ, пригожъ теремъ, кто тутъ живетъ?“—„Муха полетуха, комаръ пищеляга и мышъ торочайка, а ты кто?“—„Я заяцъ - полевая прикраса“.— „Такъ полѣзай сюда“. Бѣжитъ волкъ и говоритъ: „хорошъ теремъ, пригожъ теремъ, кто въ немъ живетъ?“ „Муха-полетуха, комаръ пищеляга, мышъ торочайка и заяцъ полевая прикраса, а ты кто?“—„А я изъ-за куста хамъ“.—„Такъ полѣзай сюда“. Валитъ медвѣдь и рычитъ: „хорошъ теремъ, пригожъ теремъ, кто въ этомъ терему живетъ?“ „Муха полетуха, комаръ пищеляга, мышъ торочайка, заяцъ полевая прикраса и изъ-за куста хамъ, а ты кто?“—„Я нагнётъ“; взялъ всѣхъ и раздавилъ въ решетѣ.

Череповецкій у. Отъ к-ки Аксиньи Юдиной. 1900 г.

---

76. Дѣвка съ лычкомъ и звѣри.

Жила была одна дѣвка, никого у нея родныхъ не было она думала, думала, что ей дѣлать, взяла лычко и пошла, куда глаза глядятъ. Приходитъ въ одну деревню, зашла въ избу и попросилась ночевать—её оставили, она и говоритъ: „куда бы мнѣ свое лычко положить?“—„Положи свое лычко къ нашимъ лычкамъ“.—„Нѣтъ, не положу: мое лычко не любитъ лежать съ лычкомъ, а любитъ лежать съ ремешкомъ“.—„Ну ладно, клади къ ремешку“. На утро встаетъ дѣвка и беретъ вмѣсто лычка ремешокъ, ей и говорятъ: „что ты, дѣвка, дѣлаешъ?“—„Беру свой ремешокъ“.—„Да что ты, ремешокъ не твой, а нашъ“.—„Какъ вашъ—мой“, спорили, спорили, не могли дѣвку переспорить, взяла ремешокъ и пошла. Приходитъ въ другую деревню, заходитъ въ избу и просится ночевать: „ночуй, дѣвка!“ – „А куда бы мнѣ положить свой ремешокъ?“—„Клади на полку“.—„Нѣтъ, я не люблю класть на полку, а лучше положу къ барашку, который тутъ въ уголку“.—„Ну, клади къ барашку“. На утро встаетъ дѣвка и беретъ барашка съ собой. „Что ты, дѣвка, дѣлаешъ?“—„Беру своего барашка“.—„Какой-же у тебя барашикъ, вѣдь у тебя былъ ремешокъ“; спорили, спорили, не могли её переспорить и отдали ей барашка. Опять дошла дѣвка до деревни, зашла въ избу, попросилась ночевать, ее оставили, она и спрашиваетъ: „куда бы мнѣ своего барашка поставить?“ „Поставь къ нашимъ барашкамъ“. Поставила она, а къ овечкамъ; на утро встаетъ, беретъ съ собой овечку — „что ты, дѣвка, дѣлаешъ?“ — „Беру овечку“. — „Да у тебя вѣдь не овечка была, а барашикъ“. „Нѣтъ, овечка;“ спорили, спорили, не могли дѣвку переспорить, отдали ей овечку. Пошла дѣвка, дошла до другой деревни, зашла въ избу, просится ночевать — „ночуй“, говорятъ. — „А куда бы мнѣ поставить свою овечку?“ — „Да поставь съ нашимъ овечкамъ“.—„Нѣтъ, моя овечка любитъ стоять съ коровушкамъ“.— „Ну, поставь съ коровушкамъ“. На утро встаетъ дѣвка и беретъ съ собой коровушку. „Что ты, дѣвка, дѣлаешъ?“ — „Беру свою коровушку“. — „Да вѣдь у тебя была овечка, а не коровушка“.—„Нѣтъ,

коровушка;“ спорили, спорили, не могли дѣвку переспорить, отдали ей коровушку. Повела дѣвка коровушку. Шла, шла, приходитъ въ деревню, просится ночевать, пустили ее ночевать. „А куда бы мнѣ пустить коровушку?“—„Пусти къ пашимъ коровушкамъ“.—„Нѣтъ, моя коровушка любитъ стоять съ лошадушкамъ“.—„Ну, пусти къ лошадкамъ“. На утро встала дѣвка и беретъ съ собой лошадку. „Что ты, дѣвка, дѣлаешъ?“—„Беру лошадку“.—„Какая же у тебя лошадка, вѣдь у тебя была коровушка“.—„Нѣтъ, у меня была лошадка;“ спорили, спорили до слезъ, не могли дѣв(к)у переспорить, отдали ей лошадку. Запрягла дѣвка лошадку въ дровни и поѣхала. Попадается ей навстрѣчу заяцъ: „куда, дѣвка, поѣхала?“—„Въ лѣсъ по дрова“.—„Возьми меня съ собой?“—„Садись; только пой мнѣ пѣсню“.—„Какую же тебѣ спѣть пѣсню?“—„А вотъ я тебя сейчасъ научу: „было у дѣвки лычко, я его промѣняла на ремешокъ, а на ремешокъ вымѣняла барашка, а барашка промѣняла на овечку, а овечку вымѣняла на коровушку, а за коровушку выспорила лошадушку“; заецъ сѣлъ и запѣлъ. Ѣхали, ѣхали, попадается лисица: „куда поѣхали?“ — „За дровамъ въ лѣсъ“. -„Возмите меня съ собой“. „Садись, только спой намъ пѣсню“. Лиса сѣла и запищала ту же пѣсню. Поѣхали дальше, скачетъ волкъ: „куда поѣхали?“—„Въ лѣсъ по дрова“. Возьмите меня съ собой“.—„Ладно, садись, только спой намъ такую то пѣсню“. Волкъ сѣлъ и завылъ пѣсню. Ѣдутъ дальше, на встрѣчу переваливается и медвѣдь.—„Куда поѣхали, земляки?—„Въ лѣсъ по дрова“.—„Возьмите меня съ собой“.—„Ладно, садись, только спой намъ пѣсню такую то“. Медвѣдь сѣлъ и заревѣлъ пѣсню; только тронулись, вдругъ трахъ! оглобля лопнула; что дѣлать—остановились. Побѣжалъ заяцъ въ лѣсъ, тащитъ сучекъ—„Что ты, заяцъ, дѣлаешъ“, говоритъ дѣвка, какая же это оглобля; бросилась лисица въ лѣсъ—тащитъ палочку. „На, дѣвка, палку“.—„На что мнѣ палку: мнѣ надо оглоблю; бѣги ты, волкъ“. Поскакалъ волкъ и тащитъ молодое деревцо. „На дѣвка, деревцо“.—„Ахъ, какой ты волкъ! Мнѣ нужно оглоблю, а ты несешъ деревцо, бѣги ты, медвѣдь“. Повалилъ медвѣдь, выворотилъ съ корнемъ деревину и претъ. „На, дѣвка, цѣлую тебѣ деревину“. „Что ты, медвѣдь, на что мнѣ деревина: мнѣ нужно оглоблю“.—„Не знаю я, какая

тамъ оглобля". Побѣжала сама дѣвка въ лѣсъ вырубать оглоблю, а пока она ходила за этимъ дѣломъ, ея сѣдоки заяцъ, лисица, волкъ и медвѣдь уговорились съѣсть у дѣвки лошадку, такъ они сильно проголодались: содрали кожу съ лошади, а мясо поѣли, а лошадинную то кожу набили снѣгомъ, зашили и поставили какъ будьто живую лошадь, а сами убѣжали въ лѣсъ. Приходитъ дѣвка съ оглоблей, наладила ее, запрягла, сѣла на дровни, стегнула лошадь, она упала, тутъ только дѣвка увидѣла предательство звѣрей, а они ужъ были далеко. Такъ дѣвка и осталась съ одной лошадинной шкурой, и то хорошо.

Череповецкій у., д. Большой Дворъ Дмитріевской волости. Отъ кр-ки Авдотьи Гладышевой. 1900 г.

---

77. Никола дуплинскій.

Жилъ мужикъ съ бабой; замѣтилъ онъ, что его баба завела любовника. Вотъ однажды онъ пошолъ въ лѣсъ и нашолъ тамъ дупло и придумалъ сказать своей женѣ, что онъ нашолъ дупло, а въ немъ угодника Николу Дуплинскаго. Приходитъ домой и говоритъ: „ой, матка, матка, я въ лѣсу видѣлъ чудо: нашолъ дупло, а въ немъ сидитъ Никола дуплинскій, у него чего попросишъ, то и дастъ: хоть мужа уморить, хоть ослѣпить, хоть меня, хоть тебя, все сдѣлаетъ, только молись ему". Вотъ баба и пошла одной дорогой, а мужъ другой кратчайшей—впередъ ее и сѣлъ въ дупло; вотъ баба пришла и встала на колѣни передъ деревомъ и молится: „батюшка, Никола дуплинскій, умори моего мужа, а то ослѣпи"; а изъ дупла слышится: „уморить не уморю, а ослѣплю; ты вотъ что сдѣлай: навари каши помаслянѣе, онъ будетъ ѣсть и скажетъ: что то, матка, я худо вижу, такъ ты ему еще полей масла". Пошла она домой одной дорогой, а онъ другой. Приходитъ домой, а онъ ужъ на печи лежитъ; баба и спрашиваетъ мужа: „ай, батько, батько, развѣ печьку то затопить да каши сварить". Состряпала она кашу да въ чашку и наклала, а онъ сидитъ да ѣстъ и говоритъ ей: „что то, матка, я худо вижу", а она отъ прилавка-то разбѣжалась да еще ленула масла, а онъ закричалъ: „ой, матка, я нисколько не вижу, навѣрно,

ослѣпъ, сведи меня на печьку, да подай-ко мнѣ ружье, хоть я соскуки пострѣляю". Она и подала ему ружье. Мужикъ выглядываетъ изъ-за трубы, а къ ней пришелъ другъ; а у бабы ужъ ранѣе шанекъ для него было нарастворено. Баба и говоритъ своему другу: „погоди безъ масла-то шаньки ѣсть, я за масломъ сбѣгаю"; она убѣжала за масломъ, онъ сталъ ѣсть шаньку, а мужъ-то и выстрѣлилъ въ него да въ ротъ шаньку и запехнулъ, баба пришла съ масломъ, посмотрѣла на друга; видитъ, онъ мертвъ, и сказала: „вѣдь я говорила тебѣ, что не ѣшъ безъ масла, ну и подавился".

Череповецкій у., д. Бузакова Дмитріевской волости. Отъ кр-ки Аксиньи Юдиной. 1900 г.

---

78. Невѣрная жена.

Жилъ одинъ купецъ съ женой, они такъ любили другъ друга, что поклялись одинъ другому, что если помретъ впередъ мужъ, такъ жена ляжетъ съ нимъ вмѣстѣ въ могилу, а если жена помретъ впередъ, то мужъ ляжетъ съ ней вмѣстѣ въ могилу. Сколько тамъ время прошло, помираетъ жена, приходится мужу ложиться въ одинъ гробъ съ женой. Онъ роздалъ все свое имѣніе своимъ роднымъ. Гробъ съ тѣломъ жены вынесли въ церковь, и онъ пошелъ туда читать по своей женѣ; онъ читалъ, читалъ, вдругъ слышиться голосъ: „вырви изъ книги тотъ листъ, который читаешь, и натри этимъ листомъ свою жену", онъ такъ и сдѣлалъ. Вдругъ она открываетъ глаза и говоритъ: „охъ, какъ я долго проспала", а мужъ и говоритъ: „ахъ ты, моя милая, я такъ радъ, что ты очнулась—вѣдь ты была совсѣмъ померши". На утро открылъ сторожъ церьковь и узнаетъ, что покойница ожила. Пришли они домой и стали жить по старому. Вдругъ въ ихнее мѣсто приходитъ полкъ солдатъ, поставили всѣхъ по квартирамъ, а къ нимъ просится на квартиру полковникъ. У нее мужа дома не было, она и пустила этого полковника, онъ простоялъ сутки, а купчиха и влюбилась въ этаго полковника. Полку нужно было уходить, а полковникъ и говоритъ купчихѣ: „гдѣ мы остановимся, токъ я тебѣ напишу письмо—ты и пріѣзжай ко мнѣ",

они простились, онъ отправился со своимъ солдатамъ. Прошло время съ недѣлю, пріѣзжаетъ мужъ домой, она ему и говоритъ, что ей приснился сонъ, чтобы она ѣхала въ такой-то городъ и тамъ въ церквѣ отслужила бы молебенъ. Мужъ и отвѣчаетъ: „возьми лошадей и поѣзжай въ городъ съ Богомъ“. Она поѣхала съ кучеромъ въ тотъ городъ, въ которомъ находился полковникъ, и велѣла кучеру подвести къ собору и тутъ её дожидаться, а сама пошла въ другія двери, да къ полковнику на квартиру. Кучеръ ждалъ, пока не окончиться служба — народъ вышелъ изъ церкви, а хозяйки и нѣту, поискалъ, поспрашивалъ, явку подалъ, а ее все нѣтъ, такъ и поѣхалъ домой. Пріѣзжаетъ и объявляетъ хозяину, что не знаетъ, гдѣ хозяйка. Купецъ и говоритъ: „вѣрно, Богъ далъ — Богъ и взялъ“. Раздумался купецъ: „раздамъ я свое имущество и пойду въ солдаты охотой“. Поступилъ онъ на службу подъ фамиліей Иванова и попалъ въ деньщики къ этому полковнику. Полковникъ залюбилъ своего деньщика. А хозяйка полковника начала своего мужа признавать въ деньщикѣ. Однажды полковникъ пошолъ на службу, а хозяйка его зазвала деньщика въ домъ, напоила его пьянаго и приказала кухаркѣ его вытащить вонъ, кухарка вытащила его вонъ, перемарала его всего и опять велѣла притащить и положить на ихнюю кровать, а сама себя перецарапала. Приходитъ полковникъ и удивляется, что она вся въ крови, она и говоритъ: „это виноватъ твой деньщикъ: онъ напился пьяный и чуть меня не зарѣзалъ— вонъ посмотри, онъ лежитъ на нашей кровати весь въ крови“. Полковникъ приказалъ взять деньщика солдатамъ на губвахту. Ивановъ проспался, и къ нему приставили часового. Онъ и спрашиваетъ: „почему я сюда попалъ?“ А солдатъ и отвѣчаетъ: „что ты полковницу изрѣзалъ, и полковникъ хочетъ тебя разстрѣлять“. Ивановъ и говоритъ солдату: „вотъ что, мой другъ, я тебя попрошу: когда меня разстрѣляютъ и похоронятъ, то ты разрой могилу и натри меня вотъ этимъ листомъ“. Солдатъ обѣщался это исполнить. На другой день его разстрѣляли и похоронили, а полковница и говоритъ: „эти солдаты хитрые, его надо покараулить“. Бывшій часовой около Иванова и сталъ проситься покараулить могилу. Товарища себѣ нашолъ пьянаго— онъ проспалъ всю ночь, а самъ разрылъ могилу и потеръ даннымъ

листомъ изъ книги Иванова, и тотъ ожилъ и поблагодарилъ солдата за услугу, взялъ листокъ и пошелъ странствовать. Нѣсколько время ходилъ и узналъ, что нездоровъ государь и что доктора не знаютъ, что съ нимъ дѣлать. Онъ и пошелъ въ то царство и заявилъ, что онъ можетъ вылѣчить государя. Доложили государю; тотъ приказалъ его привести къ себѣ и сказалъ, что „если ты меня вылѣчишъ, то бери, что тебѣ надо, а если не вылѣчишъ, то тебѣ будетъ смертная казнь". Ивановъ взялся государя вылѣчить, взялъ и натеръ государя листкомъ изъ книги. Государь всталъ и пошолъ, какъ ни въ чемъ не бывало, совершенно здоровымъ. Предлагаетъ ему за лѣченіе, чего онъ хочетъ. Ивановъ и говоритъ, чтобы государь поѣхалъ въ такой-то городъ и разжаловалъ бы тамъ полковника. Государь и поѣхалъ въ тотъ городъ, а тамъ и узнали, что скоро будетъ государь. Началось приготовленіе къ встрѣчѣ. Этотъ самый полковникъ потребовалъ своихъ солдатъ, поставилъ ихъ въ ширинку — государь подъѣхалъ и съ нимъ Ивановъ, и сталъ подхитрять солдатъ „что это неладно и то нехорошо, а полковникъ и говоритъ Иванову: „что это не ваше дѣло, Государь самъ не подхитряетъ, а вы подхитряйте". Государь тутъ-же разжаловалъ полковника въ солдаты и приказалъ привести его жену и разстрѣлять на воротахъ, а чинъ полковника пожаловалъ Иванову.

Череповецкій у. д. Плюскина Дмитріевской вол. Отъ кр-ки Татьяны Сидоровой. 1900 г.

---

79. Смерть и солдатъ.

Одинъ солдатъ служилъ три года и стосковалъ по дому и задумалъ убѣжать, что и исполнилъ. Дорогой раздумался: какъ это я три года служилъ, а царя не видалъ, взялъ и воротился. Приходитъ къ царю и говоритъ: „Ваше Величество! я три года служилъ, а васъ не видалъ и пустился въ бѣга, а теперь воротился Васъ посмотрѣть". Царь его не наказалъ, а далъ ему три деньги: одну на табакъ, другую на вино, а третьею на хлѣбъ, и отпустилъ домой. Шелъ онъ дорогой и сѣлъ отдохнуть, проходитъ одинъ старичекъ (это былъ ангелъ) и проситъ подаянія; солдатъ говоритъ:

„да у меня всего три деньги на табакъ, на вино и на хлѣбъ, впрочемъ, возьми одну деньгу: мнѣ кто нибудь дастъ покурить“, и разстались. Черезъ нѣкоторое время опять попадается солдату этотъ старичекъ и проситъ подаянія, солдатъ отдалъ ему вторую деньгу, говоря что онъ найдетъ выпивку и такъ. Идетъ дальше, опять встрѣчается знакомый старичекъ и проситъ деньгу, солдатъ отдалъ ему и послѣднюю деньгу, говоря, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей—кто нибудь да накормитъ. Заходитъ въ питейный домъ, проситъ покурить и немножко вина—ему не даютъ; дальше зашелъ въ одинъ домъ и проситъ у хозяевъ хлѣба — ему отказали. Пошелъ своей дорогой и призадумался. Попадается въ четвертый разъ старичекъ и спрашиваетъ: „ну какъ, солдатъ, поживаешъ?“—„Да что, нахожусь безъ денегъ и голодный—понадѣялся на людей, да и напрасно“. Старичекъ даетъ ему мошонку съ деньгами, обрадовался солдатъ и спасибо сказалъ. Пошелъ по бѣлу свѣту, испыталъ всякія удовольствія, а въ мошонкѣ не убываетъ; въ концѣ концовъ все-таки она опустѣла. Вотъ однажды идетъ онъ лѣсомъ и видитъ большой и красивый домъ, а не подалеку отъ него простая изба; входитъ въ избу, здоровается съ хозяевами и спрашиваетъ: „чей это домъ?“ Хозяева говорятъ, что „нашъ, да мы въ немъ не живемъ, потому что въ дому очень манитъ“.—„Пустите меня туда, я всѣхъ мановъ выведу“.—„Батюшка нашъ, мы тебѣ будемъ благодарны и до смерти тебя докормимъ“. — Сперва солдатъ заказалъ нѣсколько желѣзныхъ кнутовъ; когда ихъ изготовили, пошелъ ночевать въ большой домъ и тамъ разположился ожидать, что будетъ. Вдругъ въ полночъ выскакали черти со всѣхъ сторонъ и прямо летятъ къ нему; онъ открылъ пустую мошонку, а черти одинъ по одному стали смирно забираться въ мошонку, онъ зажалъ рукой, взялъ желѣзный кнутъ и началъ выпускать по одному чертенку и каждаго отжаривалъ кнутомъ на славу, а одному чертенку глазъ выстегнулъ. На утро приходитъ къ хозяевамъ и разсказываетъ, что онъ очистилъ домъ отъ мановъ, и всѣ перешли туда жить. Солдатъ въ полномъ довольствѣ прожилъ года три, затѣмъ захворалъ и померъ; душу его принялъ ангелъ и полетѣлъ съ нею на небо. Прилетаютъ къ вратамъ рая, душа принимаетъ оболочку солдата, и онъ спрашиваетъ: „это что

такое?“ „Рай“ отвѣчаетъ ангелъ, „а даютъ тамъ табакъ, вино и хлѣбъ?“, ангелъ отвѣчаетъ: „табаку и вина тамъ нѣтъ, а хлѣбъ есть“. „Ну такъ я не пойду въ рай“. Ангелъ въ отвѣтъ: „я такъ и доложу Богу“.

Солдатъ обернулся въ другую сторону и видитъ, ворота чернѣются и спрашиваетъ: „это что тамъ такое?“—„Адъ“ отвѣчаетъ ангелъ. Солдатъ направился туда, входитъ и видитъ множество чертей; увидѣвъ солдата, черти переполошились и узнали его, а одинъ чертенокъ зокричалъ: „это онъ мнѣ глазъ выстегнулъ“.—Самъ сатана завылъ: „гоните его вонъ“. Черти не смѣютъ подступиться, сатана приказываетъ: „бейте въ барабаны—онъ убѣжалъ со службы, испугавшись барабаннаго боя“; грянулъ барабанный бой и солдатъ убѣжалъ изъ ада. И такъ въ рай не попалъ самъ, а изъ ада выгнали и началъ болтаться солдатъ между адомъ и раемъ. Вотъ однажды сидитъ онъ у воротъ рая, а мимо него идетъ смерть, онъ спрашиваетъ: „куда ты идешъ?“ Смерть отвѣчаетъ ему: „иду къ Богу спросить, какихъ мнѣ людей морить“. Солдатъ говоритъ: „посиди тутъ, а я за тебя схожу къ Богу и спрошу“, смерть согласилось. Приходитъ солдатъ къ Богу и говоритъ: „Господи Боже, смерть послала меня спросить, какихъ людей ей морить?“ Богъ отвѣчаетъ: „скажи ей, чтобы шла старыхъ людей морить“. Солдатъ приходитъ къ смерти и говоритъ: „Богъ велѣлъ тебѣ два года старое дубье грызть“. — Смерть ушла. Ангелъ опять солдата звалъ въ рай, но тотъ безъ табаку и вина отказался. Продолжаетъ опять солдатъ мотаться не въ тѣхъ не въ сѣхъ. Минуло два года, является смерть за приказаніемъ къ Богу. Солдатъ опять вызвался сходить за нею и спрашиваетъ у Бога, „Господи, смерть послала меня узнать, какихъ ей теперь людей морить“. Богъ отвѣчаетъ: „скажи ей, чтобы морила два года средняго возраста людей“. Солдатъ воротился къ поджидавшей его смерти и говоритъ: „Богъ велѣлъ тебѣ два года среднее дубье грызть“.—Смерть ушла исполнять приказаніе. Солдатъ упрямо болтается на старомъ мѣстѣ. Прошло опять два года. Сидитъ солдатъ у воротъ рая—возвращается съ работы смерть гораздо похудѣвшая; онъ спрашиваетъ, „куда ты опять идешъ?“—„Иду къ Богу спрашивать, какихъ мнѣ теперь людей морить“. — Солдатъ и говоритъ: „ты устала, посиди тутъ, а я за тебя схожу“, смерть согласилась. Яв-

ляется онъ передъ лицемъ Бога и говоритъ: „Господи Боже, смерть послала меня узнать, какихъ ей теперь людей морить". Богъ говоритъ: „скажи ей, что приказываю морить людей малолѣтняго возраста". Солдатъ воротился и передалъ смерти: „что Богъ велѣлъ тебѣ идти и два года молодые дубки грызть". Смерть ушла на работу. Прошло еще два года. Однажды солдатъ уснулъ крѣпко у воротъ рая, является смерть, видитъ, что онъ уснулъ, и прошла прямо къ Богу и предстала передъ нимъ. Богъ удивился и спрашиваетъ: „что ты, смерть, такъ сильно похудѣла?" Она отвѣчаетъ: „Господи Боже, какъ же мнѣ не похудѣть, ты черезъ солдата приказывалъ грызть старыя, средніе и молодые дубки, я шесть лѣтъ и грызла". — „Солдатъ тебя и меня обманулъ — я ему наказывалъ про людей, а не про дубки, поди, скажи ему, что бы за это онъ тебя три года на своемъ хребтѣ возилъ". Смерть возвращается къ солдату, будитъ его и говоритъ: „вотъ что, любезный, за твой обманъ Богъ повелѣлъ тебѣ возить меня на своемъ хребтѣ три года".— Солдатъ говоритъ: „ну что-жъ—велѣлъ такъ садись и поѣдемъ". Смерть взгромоздилась на спину ему и поѣхали. Долго везъ ее солдатъ, усталъ и захотѣлось ему отдохнуть, сѣли; солдатъ открылъ табакерку и сталъ нюхать табакъ, смерть смотритъ изъ-за плеча и спрашиваетъ: „что ты дѣлаешъ?—„Табачекъ нюхаю".—„Дайко и мнѣ".—„Пользуйся", говоритъ солдатъ. Смерть протянула руку въ табакерку, солдатъ прихлопнулъ крышку и упряталъ всю смерть въ табакерку, сунулъ ее въ карманъ и пошолъ и ходилъ съ нею три года. Потомъ выпустилъ смерть, и вышла она вся зеленая отъ табаку. Пошла смерть къ Богу, явилась передъ нимъ, Богъ и спрашиваетъ: „что ты, смерть, вся зеленая?" „Да вотъ солдатъ три года меня носилъ въ табакеркѣ". Богъ сказалъ ей: „ну, матушка смерть, тебѣ не повезло, и зачѣмъ ты потянулась за эдакой дрянью, табакомъ". — Солдатъ остался пока гулять по бѣлу свѣту.

Череповецкій у., д. Большой Дворъ. Отъ кр-ки Авдотьи Гладышевой. 1900 г.

80. Баринъ и Климко.

У двороваго человѣка Климки-дурака была хата,—гдѣ порогъ — тутъ и потолокъ. Вотъ однажды взялъ онъ горбушку хлѣба и пошолъ въ поле; вдругъ ѣдетъ баринъ; онъ сталъ метать горбушку хлѣба въ верхъ, а баринъ и спрашиваетъ его: „что ты, Климка-дуракъ, дѣлаешъ?“—„Воровать учусь“, отвѣчаетъ онъ.—„Такъ уведи у меня тройку лошадей“. — „Постараюсь увести“, говоритъ Климко. Пріѣхалъ баринъ домой, велѣлъ выпрячъ лошадей, а конюховъ оставилъ въ сараѣ, а Климка по дорогѣ захватилъ вина и ранѣе ихъ забился на сарай, а вино на виду поставилъ. Вотъ одинъ конюхъ и кричитъ: „ей, Ванюха, мнѣ что-то попало, иди, выпьемъ вина“, и напились. Климко взялъ ихъ и посадилъ на ясли и въ руки по веревкѣ, а самъ коней увелъ; одинъ и кричитъ: „у меня коней нѣту“, а другой— „у меня поводъ въ рукахъ“. Пришелъ баринъ и спрашиваетъ: „гдѣ у васъ кони? Нѣтъ ихъ! Бѣгите къ Климкѣ-дураку“. Сбѣжали они, сто рублей снесли и коней привели. Призываетъ баринъ Климку и говоритъ: „унеси ты у насъ съ барыней перину, когда мы спимъ“. — „Ладно, говоритъ, унесу“. Забрался на потолокъ, провертѣлъ въ потолочинѣ дыру, взялъ дрожей бутылку — спятъ баринъ съ барыней, а онъ и вылилъ дрожи на нихъ, а дрожи то были холодныя, они проснулись и закрычали: „ой, ой, какъ холодно,“ соскочили оба съ кровати и убѣжали въ другую комнату, а Климко-дуракъ взялъ перину изъ подъ нихъ и укралъ. Вотъ баринъ хватился, а перины то и нѣту; опять посылаетъ своихъ слугъ за Климкой. Отдаетъ ему деньги за выкупъ перины и говоритъ: „увези-ты у меня барыню? — „Ладно, говоритъ Климка, постараюсь увести“.—У Климки было много денегъ, купилъ онъ новыя сапоги, а барыня собирается ѣхать въ другую усадьбу, слуги выносятъ имѣніе въ возокъ, и поѣхали, а Климка забѣжалъ впередъ и бросилъ одинъ сапогъ, а кучеръ замѣтилъ это и говоритъ: „барыня, позвольте мнѣ слѣзть и поднять сапогъ?“ „Ну, ладно, ступай;“ онъ поднялъ сапогъ и положилъ подъ бесѣдку. Поѣхали дальше, видятъ, еще другой сапогъ лежитъ;

вотъ кучеръ опять спросилъ позволенія у барыни поднять и этотъ сапогъ, барыня согласилась; кучеръ слѣзъ, пошелъ за сапогомъ, а Климка не дуракъ: взялъ сапогъ, подальше кинулъ, пока кучеръ бѣжалъ за сапогомъ, а Климка сѣлъ на козлы и поѣхалъ во весь духъ и привезъ барыню въ свою хату. Баринъ ждетъ, пождетъ барыню, нѣтъ её, послалъ своихъ слугъ узнать къ Климкѣ, нѣтъ-ли её у него, она оказалась тамъ. Баринъ послалъ много денегъ Климкѣ и выкупилъ барыню. Климко построилъ себѣ новую избу и сталъ жить да поживать.

Череповецкій у., д. Бузакова Дмитріевской волости. Отъ кр-ки Аксиньи Юдиной. 1900 г.

---

81. Баринъ и заброшенная старуха.

У одной старухи было три сына кожевники. Они такъ худо съ матерью обращались, что её вшамъ скормили, и она, болѣзная, вся окоробѣла и даже одежды на ней самой необходимой не было; кормили её рѣдко, разъ въ недѣлю, и то какимъ нибудь отбросомъ и всѣ её, бѣдную, ненавидѣли и старались чѣмъ нибудь обидѣть. Въ одной усадьбѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этой бѣдной старухи, лежалъ 30 лѣтъ больной помѣщикъ. Однажды этому барину снится сонъ, и во снѣ кто-то говоритъ: „поѣзжай въ такую-то деревню, тамъ найдешъ бѣдную старуху, которую сыновья вшамъ скормили, возьми эту старуху къ себѣ вмѣсто матери—такъ Господь дастъ тебѣ здоровья“. Просыпается баринъ и чувствуетъ, что, слава Богу, руки у него двигаются, а потомъ онъ и самъ сталъ весь шевелиться, онъ перекрестился и сказалъ: „Слава Богу, мнѣ легче! Позовите, говоритъ, мою жену“. Служанка приходитъ и говоритъ: „барыня, идите: васъ баринъ зоветъ“. Приходитъ и удивляется: мужъ проситъ одѣться, а слугамъ приказываетъ заложить лошадей. Подали коней и поѣхалъ нашъ баринъ искать эту старушку. Пріѣхалъ въ эту деревню и спрашиваетъ: „нѣтъ-ли у васъ старушки мнѣ въ матки?“ „Ой, говорятъ, баринъ, поѣзжай вонъ къ той избѣ, у кожевниковъ, матка-то у нихъ забросокъ брошена, страшно на нее и поглядѣть, они радехоньки отдать её“. Приходитъ баринъ

въ эту избу, на которую они указали, сидятъ тутъ три невѣстки и прядутъ. „Здравствуйте“, говоритъ, „и нѣтъ ли у васъ старушки мнѣ въ матери?“ „Есть, вонъ она у насъ въ загородкѣ, бери, уверни въ рогожу и вези—надоѣла она намъ“. „Нѣтъ, позовите мнѣ вашихъ мужей, я такъ не возьму, я заплачу, а мнѣ Господь за это послалъ здоровья“. Приходятъ сыновья старушки. „Отдайте мнѣ вашу старушку?“—„Бери, мы радехоньки, лишъ бы избавиться отъ нея“.—„Нѣтъ, я такъ не возьму, нате вамъ 300 рублей“.—Получили сыновья деньги, а баринъ завернулъ старушку въ свой тулупъ и повезъ домой. По пріѣздѣ приказалъ истопить баню; вымыли и обрядили старушку во все хорошее, чистое. Баринъ спрашиваетъ: „что, матушка, къ тебѣ слугъ доставить или сама за собой будешъ ухаживать?“ „Ой, кормилецъ ты мой, я и такъ радехонька и не знаю, какъ тебя и благодарить, сижу я въ теплѣ и не въ работѣ и буду за тебя денно и ночно Бога молить, чтобы тебѣ, кормилецъ, Богъ вѣкъ продлилъ и здоровьемъ наградилъ“. Прошло нѣсколько лѣтъ, старушка соскучала о своихъ дѣткахъ, какъ худо они къ ней не относились, она все позабыла и стала проситься провѣдать своихъ дѣтокъ. Отпустилъ баринъ: „поѣзжай съ Богомъ“. Пріѣхала она на то мѣсто, гдѣ жила съ дѣткамъ, а на томъ мѣстѣ и дома-то нѣтъ; спрашиваетъ у сосѣдей, что сталось съ ея сыновьямъ; ей и сказали, что немного прошло времени послѣ того, какъ она уѣхала, домъ ея провалился съ сыновьями и невѣстками; еще когда некогда около того мѣста пѣтушокъ попѣвалъ, а теперь и тотъ пересталъ. Вернулась старушка къ своему барину и жила у него на спокоѣ до самой смерти.

Череповецкій у., д. Костина Самосорской волости. Отъ кр-ки Елены Тяпиной. 1900 г.

---

82. Протопопова дочь.

У одного протопопа была дочь, нравомъ очень злая. Выдалъ онъ ее замужъ за купеческаго сына. Пошли дѣти; черезъ нѣкоторое время молодая жена не залюбила свекра и свекровь и стала принуждать мужа ихъ убить. Тотъ

долго не соглашался, наконецъ сдался на прозьбы жены и спросилъ, какимъ способомъ убить ихъ она отвѣчала: „одного задави шарфомъ, а другой запихай въ ротъ платокъ“. Мужъ исполнилъ приказаніе жены и убилъ отца и мать. Преступленіе удалось какимъ-то образомъ скрыть. Съ тѣхъ поръ молодаго купца начала мучить совѣсть, и онъ сильно терзался и не находилъ нигдѣ покою. Не могъ вытерпѣть, пошолъ странствовать и замаливать свой грѣхъ. Ходилъ онъ по монастырямъ двѣнадцать лѣтъ и все-таки не могъ вымолить себѣ прощенья. Наконецъ приходитъ къ одному священнику—кается и проситъ разрѣшить его грѣхъ. Тотъ выслушавъ отвѣчаетъ: „нѣтъ, я этаго грѣха не могу розрѣшить, а иди туда-то къ одному схимнику и проси его“. Пошелъ купецъ дальше, нашелъ схимника и покаялся ему, но тотъ отвѣчаетъ: „немогу, сынъ мой, розрѣшить твоего грѣха, иди къ схимнику туда-то, который постарше меня“. Идетъ купецъ дальше измученный, голодный, находитъ келью схимника, заходитъ туда и видитъ старца, сидящаго за столомъ, передъ [нимъ] краюшка хлѣба; купецъ поздоровался, а схимникъ отвѣтилъ приглашеніемъ поѣсть съ нимъ хлѣба. Поѣли хлѣба, а краюшки нисколько не убыло. Тутъ купецъ покаялся въ совершонномъ имъ преступленіи; схимникъ выслушалъ и отвѣтилъ: „ладно, сынъ мой, я разрѣшу твой грѣхъ, только пойдемъ со мной далеко“. Пошли они—долго шли, наконецъ подошли къ огненной рѣкѣ, черезъ которую перекинутъ проволочный мостъ, а на той сторонѣ виднѣется церьковь; купецъ обращается: „отче святой, какъ же перейти эту горящую рѣку?“—„Иди за мной“, отвѣтилъ схимникъ. Перешли благополучно: близко уже и церьковь, входятъ въ неё—вся залита огнями и полна народомъ, и всѣ эти люди со знаками насильственной смерти, и между ними отецъ и мать купца. Онъ узналъ ихъ и бросился имъ на шею, они утѣшили его и сказали, что его прощаютъ. Схимникъ напомнилъ, что пора удалиться изъ церкви, вышли оттуда и видятъ, на берегу огненной рѣки стоитъ большой чанъ съ горящей смолой, а въ ней кипятъ протопопъ съ протопопицей и протягиваютъ имъ руки. Прошли мимо и перебрались черезъ рѣку; сдѣсь схимникъ розстался съ купцомъ. Пошолъ купецъ съ облегченнымъ сердцемъ и приходитъ домой; встрѣчаютъ его

дѣти съ крикомъ: „мама, мама, нашъ старый папа пришелъ“. Понялъ купецъ, что жена въ его отсутствіе вышла замужъ за другого. Пошелъ опять купецъ странствовать по бѣлу свѣту, а послѣ поступилъ въ монастырь.

Череповецкій у., д. Костина Самосорской волости. Отъ кр-ки Елены Тяпиной. 1900 г.

---

83. Бѣсъ и два брата.

(Къ разсказамъ о нечистыхъ духахъ).

Жили два брата, одинъ богатый, а другой бѣдный. Построили они сообща два большихъ судна, продали ихъ удачно и немалыя деньги выручили. Идутъ довольныя и разсуждаютъ: „сами ли мы бойки, или намъ Богъ помогъ такъ удачно окончить дѣло съ большою прибылью, давай спрашивать у встрѣчныхъ людей до трехъ разъ, и если всѣ трое встрѣчныхъ скажутъ, что сами бойки, то деньги богатому брату, а если скажутъ, что Богъ помогъ, то деньги бѣдному брату“. Пошли. Ѣдутъ навстрѣчу шибко нашибко богатые люди; „ну, спрашивай“, наряжаетъ богатый братъ бѣднаго, „я не смѣю спрашивать“. Ну, богатый остановилъ проѣзжающихъ и спрашиваетъ: „вотъ разрѣшите нашъ грѣхъ: построили мы сообща двѣ лодки и выручили за нихъ большія деньги, такъ объясните намъ, чему это приписать: сами ли мы бойки или намъ Богъ помогъ“? „Ну, конечно, сами бойки“, отвѣтили проѣзжающіе. Пошли дальше, попадается на встрѣчу баринъ, у того спросили; тотъ тоже отвѣтилъ, что сами бойки. Побрели дальше, на встрѣчу попадатся старикъ, у того опять спросили о своемъ дѣлѣ, и старикъ отвѣтилъ, что сами бойки. Дѣлать нечего, пришлось бѣдному отдать и свою половину денегъ богатому брату, а самому идти ни съ чѣмъ къ своей семьѣ, а семья дожидаетъ, хоть дависъ—такая бѣдность. Богатый пришелъ и сказалъ, какъ и почему ихній отецъ долженъ былъ отдать ему деньги. Бѣдный же братъ пришелъ опять къ рѣкѣ, гдѣ строили лодки, и сѣлъ подъ кустикъ, о тамъ подъ лодкамъ сидятъ два бѣса въ образѣ мужиковъ и спорятъ: „я сегодня двухъ лодочниковъ обманулъ: выстроивши лодки и получивши за нихъ хорошія деньги, они поспорили и задумали спросить у трехъ встрѣчныхъ объ удачѣ,

сами ли они бойки, или имъ Богъ помогъ, я же во всѣхъ трехъ видахъ имъ явился и сказалъ, что сами бойки, и деньги достались богатому, а бѣдная семья осталась ни съ чѣмъ".—„А я вотъ что сдѣлалъ, хвастается другой бѣсъ, какъ пришелъ богатый домой и сталъ деньги показывать, я подвернулся да бумажникъ-то съ деньгами у него и выхватилъ да подъ большой чанъ съ мукой и спряталъ". Бѣдный братъ всё это выслушалъ и пошолъ туда, гдѣ были спрятаны деньги, и пришелъ къ брату, а тамъ такой сильный шумъ, спорятъ и не знаютъ, куда деньги дѣвались, всѣхъ обыскиваютъ, ни у кого нѣтъ. Бѣдный братъ спросилъ ключи отъ амбара, ему отперли. Онъ вошелъ, отодвинулъ чанъ съ мукой и досталъ деньги. Богатый съ нимъ подѣлился да придачу далъ лошадь да корову, и стали обѣ семьи жить да Бога молить.

Череповецкій у., д. Плюскина Дмитріевской волости. Отъ кр-ки Татьяны Сидоровой. 1900 г.

---

84. **Морской царь и купеческая дочь.**

(Къ разсказамъ о нечистыхъ духахъ).

Жилъ одинъ купецъ, у него было три дочери. Сталъ онъ собираться за дальнія моря за товарами и спрашиваетъ дочерей, что имъ тамъ купить. Старшая дочь проситъ купить ей подвѣнечное платье, средняя дочь заказываетъ купить ей зеркальный туалетъ, а младшая дочь проситъ привести ей аленькій цвѣтокъ. Купецъ отправился въ путь, исправилъ свои дѣла и купилъ дочерямъ на платье и туалетъ, а для младшей дочьки всѣ лавки обошолъ, а аленькаго цвѣточка не нашелъ. Собрался домой и задумался, какъ это я самой любимой дочькѣ подарка не наполъ. Ѣхалъ онъ моремъ, поднялась сильная буря, онъ испугался, чтобы не потонуть, но буря прибила корабль къ берегу небольшаго острова. Онъ вышелъ со своего корабля на берегъ и пошолъ въ лѣсъ, немного мѣста прошолъ и потерялъ дорожку и запутался, и пошелъ, не зная куда. Вдругъ видитъ, стоитъ большой хрустальный дворецъ, подошолъ къ нему и очутился въ красивомъ саду. Потомъ вошелъ

во дворецъ, обошелъ весь и ни одного человѣка не встрѣтилъ. Въ комнатахъ было много невиданныхъ растеній и коралловъ. Время было не рано, и онъ остался тутъ ночевать; столъ былъ приготовленъ, а народу нѣтъ, онъ одинъ сѣлъ и закусилъ. Утромъ проснулся и пошелъ въ садъ и увидѣлъ тутъ, растетъ аленькій цвѣточекъ, поглядѣлъ по сторонамъ, никого нѣтъ, и только что хотѣлъ его сорвать, гдѣ ни взялся большой страшный старикъ съ зелеными листьями въ волосахъ и говоритъ ему: „я морской царь, а это мой лѣтній дворецъ и садъ, зачѣмъ ты берешъ мой самый любимый цвѣтокъ?“ Купецъ ему объяснилъ, что онъ хотѣлъ взять цвѣтокъ для своей любимой дочери. Старикъ и говоритъ: „отдай мнѣ эту любимую дочку, тогда и бери цвѣтокъ“. Купецъ согласился отдать ему дочку, взялъ цвѣтокъ и пошолъ. Увидалъ хорошую дорогу, и корабль никуды не дѣвался. Отвалили отъ берега и поплыли домой. Пріѣхавши домой, отдаетъ дочерямъ подарки: подвѣнечное платье, зеркальный туалетъ, а младшей дочери—аленькій цвѣточикъ, и говоритъ: „сразу я не могъ достать этой покупки и большихъ трудовъ мнѣ стоило достать этотъ цвѣтъ“, и самъ заплакалъ. Дочь поблагодарила его и пошла въ свою комнату. Послѣ этого дочери стали замѣчать, что у отца какое-то горе, и онъ его скрываетъ. Черезъ недѣлю приходитъ письмо: „что посуленное отдай“; онъ еще больше запечалился. Любимая дочь нашла это письмо и прочитала; узнавъ отцовское горе и сказала: „полно тебѣ, папа, печалиться, а лучше дай мнѣ благословеніе, я пойду къ старику и одна погибну, чѣмъ вамъ всѣмъ страдать“. Отецъ согласился; стали ее провожать отецъ и сестры, а матери у нея не было, и только вышли изъ дому на улицу, вдругъ подхватилъ вѣтеръ и унесъ любимую дочь. Она очутилась въ томъ дворцѣ, гдѣ отецъ обѣщалъ её морскому царю. Въ комнатѣ столъ накрытъ, а народу нѣтъ, только прислуживаетъ одна дѣвушка съ длинными зелеными волосами, а купеческая дочь не можетъ понять отъ нея ни одного слова. Живетъ сутки и другія и никого не можетъ увидѣть, кромѣ этой дѣвушки. Однажды слышитъ гдѣ-то музыку и говоритъ: „что же это я слышу за стѣной музыку, а кто играетъ не вижу, хоть бы какое страшилище, я бы и то не испугалась, чѣмъ жить въ такомъ неизвѣстномъ

положеніи". Вдругъ и слышитъ за стѣной голосъ: „радъ бы я выдти показаться, да больно страшенъ". Купеческая дочь какъ только этотъ голосъ услышала, такъ со страху лежала цѣлый день. Пришла въ чувство и проситъ, чтобы онъ показался ей, чтобы скорѣе привыкнуть. Захотѣлось ей въ садъ погулять, она и вышла, поднимается сильный вѣтеръ и является страшный старикъ. Она на него робко взглянула и небольно испугалась, онъ ее какъ добычу повелъ во дворецъ и принудилъ ее жить съ нимъ какъ жену. Потомъ она стала звать его на свою родину, старикъ пообѣщался, а пока купеческая дочь осталась въ неволѣ, но все морской царицей.

Череповецкій у., дер. Плюскина Дмитріевской вол. Отъ кр-ки Татьяны Сидоровой. 1900 г.

---

85. Никитка и водяной дѣдъ-золотое волосье.

(Къ разсказамъ о нечистыхъ духахъ).

У одного мужика было три сына. Выстроилъ онъ новый домъ и посылаетъ туда старшаго сына ночевать и говоритъ: „какой тебѣ сонъ приснится, то скажи мнѣ". Пошолъ сынъ ночевать и утромъ разсказываетъ сонъ: что у нихъ полный дворъ скотины стоитъ. Шлетъ средняго сына ночевать; тотъ утромъ разсказываетъ, ему снилось, что полные амбары хлѣба. Посылаетъ младшаго сына Никитку ночевать. Лежалъ, лежалъ онъ и приснилось ему, что онъ ноги вымылъ въ водѣ, а отецъ эту воду выпилъ. Утромъ онъ пришелъ домой и говоритъ отцу, что ему ничего не приснилось — онъ побоялся объяснить такой сонъ. Отецъ розсердился и говоритъ: „здобляйся, коли такъ, въ лѣсъ". Пришли въ лѣсъ, онъ снялъ съ него одежу и велѣлъ сѣсть въ дупло дуба, а самъ ушолъ, оставивъ его нагова и босова. Случилось тутъ быть сыну короля за охотой; слышитъ, собаки лаютъ не на звѣря, онъ подошолъ къ дубу и говоритъ: „кто тутъ, вылѣзай". — „Я не могу выйти, такъ какъ нагъ и босъ".— „Пойдемъ ко мнѣ жить, я тебя одѣну", и поставилъ его въ конюха. Черезъ нѣсколько время королевичъ уѣхалъ въ иныя земли сватать себѣ невѣсту. Оттуда шлетъ при-

казъ, чтобы ему выслали шесть человѣкъ слугъ и въ томъ числѣ Никитку. Пошелъ съ товарищами Никитка и дошелъ до высокой горы, а на ней слышенъ шумъ престрашонный— подходятъ, а тамъ два бѣсенка дерутся. „О чемъ вы хлопочите?“ спрашиваетъ Никитка, а бѣсы отвѣчаютъ: „о сапогахъ скороходахъ, кому они достанутся“. — „Вотъ я сейчасъ выстрѣлю, который изъ васъ принесетъ пулю впередъ, тому и достанутся скороходы“. Бѣсенки убѣжали, а Никитка свои сапоги сбросилъ, а скороходы надѣлъ. Пошли дальше, опять слышатъ шумъ престрашонный, а это дерутся и спорятъ два чертенка. „О чемъ вы спорите?“—„О шапкѣ-невидимкѣ — кому достанется“. Никитка опять предложилъ выстрѣлить и принести пулю. Пока чертенки бѣгали, Никитка надѣлъ на себя шапку-невидимку, а свою тутъ бросилъ. Наконецъ, добрались до королевича, а онъ уже сосваталъ царевну; только невѣста предложила королевичу достать три золотыя волоска у водянова, какъ ему такъ и ей, а то свадьбѣ не бывать. Королевичъ запечалился и объяснилъ Никиткѣ свое затруднительное положеніе. Никитка, имѣя у себя чудесныя шапку и сапоги, обѣщался помочь горю и сталъ слѣдить за дворцомъ. Вотъ царевна со своей служанкой, дѣвкой-чернавкой, сдобились и пошли на озеро, а Никитка за нимъ и сѣлъ за кустикъ и слушаетъ. Дѣвка-чернавка и закричала: „дѣдушка, дѣдушка выйди-ко, я у тебя вошекъ поищу“—и вылѣзъ изъ озера водяной дѣдъ-золотое волосье, шелкова борода; стала искать вошекъ въ головѣ и выдернула три золотые волоса, а Никитка подбѣжалъ и выхватилъ цѣлую горсть; стала искать въ бородѣ и тоже вытащила три волоска, а Никитка опять выщипнулъ цѣлую горсть. Водяному дѣду это не полюбилось, онъ вырвался отъ нихъ и бултыхъ въ воду. Царевна съ дѣвкой чернавкой пошли домой, а Никитка побѣжалъ къ королевичу и отдалъ ему горсть золотыхъ волосъ. На утро королевичъ пошелъ къ невѣстѣ, она ему показываетъ три золотые волоска, а онъ ей цѣлую горсть. Она удивилась, что столько достать невозможно, что, у тебя кто-нибудь хитруетъ, и я доберусь“, и ушла. Ночью пошла съ дѣвкой къ слугамъ королевича и прямо заподозрила Никитку и у соннаго отрѣзала правую полу, а Никитка притворился спящимъ, а когда они ушли, онъ у всѣхъ товарищей отрѣзалъ правыя полы.

На утро царевна призываетъ слугъ жениха и спрашиваетъ: „у кого изъ васъ отрѣзана правая пола, выходи“. Они всѣ закричали: „у меня отрѣзана, у меня отрѣзана!“ Она разсердилась и сказала: „ужъ дознаюсь, кто у васъ хитруетъ“. Ночью опять пришла и отстригнула у Никитки волосьевъ и сказала: „ну, теперь узнаю, кто у нихъ большакъ“. Никитка не спалъ и все слышалъ, и у своихъ товарищей выстригъ волосъ и наказалъ: „какъ завтра васъ позовутъ, такъ всѣ кричите: „я большакъ!“ Царевна на утро ихъ призвала и спрашиваетъ: „кто у васъ большакъ, выходи, я осмотрю“. Всѣ слуги закричали: „я большакъ, я большакъ!“ Она осмотрѣла: у всѣхъ выстрижоно волосъ; она стала въ недоумѣніи, призвала королевича-жениха и говоритъ: „ты меня перехитрилъ, скоро будетъ наша свадьба“. Свадьбу отпировали, королевичъ съ женой и Никиткой поѣхали домой. Онъ Никиткѣ въ благодарность домъ поставилъ и все хозяйство. Въ то же время братья Никиткины не стали отца кормить и выпехнули его на улицу. Батько и пришолъ къ Никиткѣ жить. Вотъ однажды Никитка вымылъ ноги въ тазу и эту воду забылъ вылить, а батько ночью слѣзъ съ печки и выпилъ эту воду. На утро Никитка и говоритъ: „вотъ, тятинька, ты воду-то изъ тазу выпилъ, а я этой водой ноги мылъ, это мнѣ и приснилось, когда ты меня посылалъ ночевать въ новый домъ, только я тогда не осмѣлился этотъ сонъ тебѣ сказать“. Старикъ и остался у Никитки жить, благословляя за доброту своего младшаго сына.

Череповецкій у., д. Бузакова Дмитріевской вол. Отъ кр-ки Аксиньи Юдиной. 1900 г.

---

86. Царевнины загадки и добрый духъ.

(Къ легендамъ о добрыхъ духахъ).

Жилъ мужикъ съ женой; у нихъ былъ единственный сынъ. Вскорѣ родители померли, и онъ остался сиротой. Раздумался онъ: „какъ буду я жить? жениться не хочется, а раздамъ свое имѣніе бѣднымъ и пойду странствовать“; такъ и сдѣлалъ. Отправился въ путь; однажды идетъ мимо

сельской церкви и слышитъ страшный шумъ, заходитъ на кладбище, и видитъ четырехъ мужиковъ, которые хоронятъ тѣло какого то безпріютнаго человѣка, спорятъ и ругаются. Онъ подошолъ и спросилъ: „объ чемъ вы?“ —„А вотъ хоронимъ безпріютнаго и нѣкому намъ за похороны заплатить“. — „Сколько вамъ нужно раздѣлаться?“ Они сказали ему. Онъ щедро имъ заплатилъ, мужики поблагодарили его и разошлись по согласію. Онъ пошелъ дальше; навстрѣчу ему попадается какой-то необыкновенный человѣкъ, поздоровались и сѣли побесѣдовать и стали спрашивать другъ друга, куда идутъ. Оба идутъ пока безъ опредѣленной цѣли и согласились быть дорожными товарищами и идти вмѣстѣ; только молодецъ замѣтилъ, что у его встрѣчнаго товарища въ рукахъ вѣтка; мимо ихъ летитъ орелъ, его товарищъ махнулъ вѣткой, орелъ спустился на землю и сѣлъ передъ нимъ, онъ взялъ у орла правое крыло отнялъ и завязалъ въ платокъ и сказалъ: „мы можемъ отправляться, а молодецъ все больше и больше удивляется, что это за человѣкъ такой. Они пошли вмѣстѣ въ путь и добрались до горы, поднялись на неё и видятъ съ горы два царства: старое и новое; товарищъ съ вѣткой приглашаетъ его идти въ старое царство, а молодецъ зоветъ его въ новое царство, и другъ съ другомъ долго не могли согласиться. Все таки товарищъ съ вѣткой убѣдилъ его идти съ нимъ въ старое царство. Пошли и добрались до одной избушки, а въ ней жила старушка и выпросились у нея ночевать. Прежде они замѣтили, что по всей странѣ трауръ и спрашиваютъ у старушки, что это они за трауръ видѣли, она имъ въ отвѣтъ: „ой, голубчики, у нашего государя большое несчастіе, у него есть дочь и въ нее вселился нечистый духъ, вотъ уже сколько жениховъ её сватали, а она нейдетъ, всѣмъ женихамъ загадываетъ загадки, а кто не отгадаетъ загадки, тому голова прочъ, и до сихъ поръ не нашлось счастливаго человѣка“. Товарищъ съ вѣткой и говоритъ: „вотъ что, молодецъ, я для тебя постараюсь отгадать царевнины загадки, а ты, бабушка, завтра утромъ иди къ царю и скажи, чтобы онъ объявилъ дочери, что находится человѣкъ отгадать ея загадки“... Старуха сходила; вечеромъ товарищъ съ вѣткой отправился къ царскому дому узнать, гдѣ находится спальня царевны, подошолъ къ

окну и увидалъ царевну, сидящую съ придворнымъ, который былъ её любовникомъ, — изъ за него она и была такъ немилостива къ женихамъ, — и услышалъ ихъ разговоръ: царевна и разсказываетъ своему другу, что сегодня отецъ ей опять объявилъ, что находится человѣкъ, желающій отгадать наши загадки, а другъ и говоритъ, гдѣ ему наши загадки отгадать. „Все таки что же мнѣ ему загадать, когда этотъ человѣкъ завтра придетъ?“ „Да загадай хоть о моей перчаткѣ“, и сталъ прощаться съ царевной; а она его провожаетъ, и пошолъ домой, а товарищъ съ вѣткой пошолъ за нимъ, а придворный и царевна не видитъ; и стегаетъ его вѣткой, онъ и говоритъ ей, что „мнѣ сегодня тяжело“, а царевна и спрашиваетъ: „придешъ завтра ко мнѣ въ гости?“—„Ладно, приду“. Человѣкъ съ вѣткой пошелъ на квартиру къ старушкѣ. Утромъ и посылаетъ добродѣтельнаго молодца отгадывать загадку и говоритъ ему, что царевна загадала о перчаткѣ. Молодецъ отправляется во дворецъ, и царевна въ присутствіи отца спрашиваетъ его: „о чемъ я загадала?“А молодецъ отвѣчаетъ: „что вашъ другъ велѣлъ загадать о его перчаткѣ“; царевна побѣжала и завизжала: „отгадалъ, отгадалъ“. Царь велѣлъ объявить народу, что первая загадка отгадана; всѣ были рады, что наконецъ нашолся такой человѣкъ. На другой день человѣкъ съ вѣткой опять пошолъ слушать подъ окно. Царевна разсказываетъ своему дружку, что ихнюю загадку отгадали, какую же теперь придумать загадку?—„Да загадай хоть о моей туфлѣ“. Она его пошла провожать, а человѣкъ съ вѣткой за нимъ, и невидимый началъ его стегать вѣткой.— „Что то я очень плохо себя чувствую, пожалуй, я завтра къ вамъ не приду“, говоритъ другъ, а царевна ему въ отвѣтъ: „если вы ко мнѣ не придете, то я къ вамъ приду“, и разпрощались у его дому. Человѣкъ съ вѣткой пошолъ домой и опять научилъ добраго молодца, какъ отгадать загадку. На утро и другая загадка была разгадана, царевна плакала, царь радовался, а народъ крычалъ ура. Товарищъ съ вѣткой опять пошолъ наблюдать ко дворцу; видно, что царевна одна, а друга нѣтъ; ждала, ждала и послала за нимъ, приходитъ другъ, она ему и говоритъ: „ты не знаешъ моего горя: вѣдь и эту загадку отгадали“. Онъ ей въ отвѣтъ: „что за хитрецъ такой явился“, а царевна ему: „что

же намъ на завтра загадать?“ „да загадай хоть о моей головѣ“, простился и пошолъ домой, а человѣкъ съ вѣткой за нимъ и началъ его стегать вѣткой. Другъ царевны упалъ безъ вѣдѣнья, а взялъ да отрубилъ ему голову и завязалъ въ платокъ и понесъ на свою квартиру къ старухѣ. На утро опять посылаетъ молодца во дворецъ, разказавши ему все, съ отрубленной головой. Царевна въ присутствіи отца спрашиваетъ: „о чемъ загадано?“ а молодецъ и говоритъ: „вотъ о чемъ загадано“, и бросаетъ ей подъ ноги мертвую голову, царевна увидѣла голову своего дружка и горестно заплакала. Царь обрадовался и объявилъ народу, что и третья загадка отгадана, народъ кричалъ ура, палили изъ пушекъ, поздравляли нареченныхъ жениха и невѣсту и выкинули веселый флагъ, а печальный убрали. Этого счасливаго молодца забрали во дворецъ, а домой къ товарищу съ вѣткой не отпустили и стали заводить свадьбу. Онъ сказалъ, что я одинъ свадебничать не буду: у меня есть мать и братъ—старушку хозяйку и товарища онъ эдакъ назвалъ. Послали за нимъ коней и привезли къ царю во дворецъ; молодецъ имъ представилъ свою невѣсту. Послѣ этого человѣкъ съ вѣткой простился съ женихомъ и сказалъ: „это счастіе тебѣ послано за то, что ты похоронилъ безпріютное тѣло—я твой добрый духъ, я справилъ свое дѣло, а теперь прощай,“ и незамѣтно скрылся. Они стали жить счастливо въ своемъ царствѣ.

Череповецкій у. д. Плюскина Дмитріевской вол. Отъ кр-ки Татьяны Сидоровой. 1900 г.

---

87. Злая женщина и добрый духъ.

(Къ легендамъ о добрыхъ духахъ).

Жила мать съ сыномъ. Въ Христовъ день сынъ пошелъ къ заутренѣ и приводитъ съ собой домой разговѣться старичка грязнаго и въ лохмотьяхъ; посадилъ его за столъ, напоилъ и накормилъ, а потомъ одѣлъ въ чистое платье. Когда онъ привелъ старичка, то мать сильно разгнѣвалась и закричала: „ахъ ты, непутевый, самимъ ѣсть нечего, а приводишъ всякихъ височниковъ и вшивиковъ“, но сынъ

молча оказывалъ радушіе старичку, а тотъ тоже молча ѣлъ и одѣвался. Отдохнувъ немного, старикъ собрался уходить и сказалъ спасибо за хлѣбъ за соль. Парень спросилъ: „ты, дѣдушко, уходишь, такъ пойми меня съ собой“. Старикъ сказалъ: „да мнѣ нужно уходить, но черезъ три дня я приду за тобой и стукну въ окно, ты тогда и выходи“. Въ назначенный срокъ раздался стукъ подъ окномъ, парень вышелъ къ старику и отправились вмѣстѣ; шли они долго и дошли до *прозернаго поля*, что у самаго синяго моря, и видятъ, что стоитъ баба и переливаетъ воду изъ моря въ корыто; парень спрашиваетъ: „дѣдушко, для чего это она дѣлаетъ?“ Старикъ отвѣчаетъ: „она при жизни своей разбавляла водой молоко“. Идутъ дальше и видятъ, стоятъ два высокихъ желѣзныхъ столба, а между ними ребенокъ стукается головой то объ одинъ столбъ, то о другой. Парень спрашиваетъ: „дѣдушко, а это что означаетъ?“ — „Этотъ ребенокъ страдаетъ за грѣхи родителей, ибо на землѣ слушался ихъ: отецъ скажетъ: покажи мамкѣ фигу — онъ покажетъ, а мать научитъ, покажи отцу кулакъ—онъ исполнитъ“. Опять шли, долго шли и видятъ, стоитъ желѣзный столбъ, а изъ него идетъ густой дымъ; парень спрашиваетъ опять: „дѣдушко, что это такое?“ Старикъ отвѣчаетъ: „это горятъ въ столбѣ курильщики, что на землѣ табакъ употребляли“. И такъ ходили они цѣлый годъ, вплоть до свѣтлаго Христова Воскресенія на землѣ и остановились въ одномъ домѣ. Старикъ пошелъ къ заутрени, а парню не велѣлъ идти и приказалъ посмотрѣть въ два окна, а въ третьее не глядѣть. По уходѣ старика парень посмотрѣлъ въ первое окно, видитъ восходъ солнца и красивый садъ, поглядѣлъ въ другое окно, видитъ множество птицъ и поютъ они чудесными голосами; не утерпѣлъ и взглянулъ въ третьее окно и видитъ свою мать на огненномъ колесѣ, а вокругъ нея черти скачутъ и радуются; отъ этого видѣнія онъ заплакалъ. Приходитъ отъ заутрени старичекъ и спрашиваетъ: „ты отчего плакалъ?“ — „Да такъ, взруснулось“. — Не правда, ты, навѣрное, посмотрѣлъ въ третьее окно?“—„Да, посмотрѣлъ“, отвѣчаетъ парень. „Ну, такъ ступай, еще посмотри и скажи: чтобы сквозь землю провалилось“. Парень подошолъ къ окну и сказалъ эти слова, и на его глазахъ мать съ коле-

сомъ и чертями куда-то провалились, и видѣніе исчезло. Старичекъ простился съ парнемъ и сказалъ: „ступай и дѣлай, когда случится хотя капельку добра, и добрый духъ будетъ всегда съ тобой и за тебя.

Череповецкій у., д. Большой Дворъ Дмитріевской вол. Отъ кр-ки Авдотьи Гладышевой. 1900 г.

---

88. Обиженный солдатъ и добрый духъ.

(Къ легендамъ о добрыхъ духахъ).

У одной вдовы былъ единственный сынъ, а у мужика старосты было три сына. Пришелъ рекрутскій наборъ; неохота старостѣ отдать своего сына въ солдаты. „Дайко я постараюсь отдать въ солдаты у сосѣдки вдовы сына вмѣсто своего“. Взяли у вдовы сына въ солдаты, она сильно плакала и горевала, да что подѣлаешъ, гдѣ же ей съ мироѣдомъ тягаться. Прослужилъ вдовинъ сынъ законный срокъ и пошолъ на свою родину. Идетъ, и попадается ему по пути нѣкій странникъ собой кроткаго вида, и спрашиваетъ: „куда ты, салдатикъ, идешъ?“—„А иду изъ службы, на родину“, и началъ разсказывать, какое у него накипѣло на сердцѣ зло противъ старостиной семьи. „Пойдемъ вмѣстѣ, служивенькій“, говоритъ странникъ, „только зайдемъ въ церковь, которая намъ будетъ на дорогѣ, и ты тамъ увидишъ большое чудо“. Отправились, дошли до святой церкви и видятъ, что дверь открыта. „Войдемъ, говоритъ странникъ, и встанемъ по лѣвую сторону, и смотри, что тамъ дѣлается“. Взошли, и видитъ солдатъ, что въ церкви совершается таинство крещенія: перваго мальчика священникъ при крещеніи облачаетъ въ шинель; солдатъ и спрашиваетъ: „это что такое?“ А странникъ отвѣчаетъ: „когда этотъ мальчикъ выростетъ, то ему придется быть въ солдатахъ“. Крститъ священникъ второго ребенка дѣвочку и кладетъ ее ничью. „А это что означаетъ“, говоритъ солдатъ. „Эту дѣвочку на 30-й недѣлѣ мать заспитъ“ (т. е. задавитъ своимъ тѣломъ во снѣ). Священникъ крститъ третьяго ребенка дѣвочку и кладетъ ее на спину. Это къ чему дѣлается?“ спросилъ солдатъ. „Эта дѣвочка на пятомъ году потонетъ“. Удивился всему этому солдатикъ, и

вышли изъ церкви. Странникъ и говоритъ: „оставь зло и помни о добрѣ, не тебѣ судить уже обсуженыхъ на небѣ, я духъ добра и для этого и хожу по землѣ, прощай“, и быстро удалился. Солдатъ остался растерянным. Приходитъ въ свою деревню, а тамъ не все ладно. Староста и его сыновья всѣ примерли, осталась только вдова сына старосты, которому слѣдовало идти въ солдаты, съ тремя дѣтьми. Видѣнное въ церкви все сбылось: дѣвочку на 30-й недѣлѣ мать заспала, вторая дѣвочка пяти лѣтъ утонула, мальчикъ же на его глазахъ выросъ и поступилъ въ солдаты.

Череповецкій у., д. Костина Самосорской волости. Отъ кр-ки Елены Тяпиной. 1900 г.

---

89. Судьба доброй дѣвицы.

(Легенда о присутствіи Бога на землѣ).

Идетъ по землѣ Самъ Господь Богъ съ сыномъ своимъ Іисусомъ Христомъ, одѣтые въ рубища, и попадаются имъ навстрѣчу два пьяныхъ и похабныхъ парня. Господь Богъ и спрашиваетъ у этихъ парней, какъ бы имъ пройти въ такую то деревню, а парни ихъ выругали и сказали: „убирайтесь вы, оборванцы, еще всякому нищему отвѣчай да показывай дорогу“, такъ они и пошли дальше. Потомъ попадается на встрѣчу Господу Богу красивая дѣвица: „скажи, какъ попасть въ такую-то вотъ деревню?“ Дѣвица и говоритъ: „идите, вотъ тутъ дорога“, и разсказала имъ, какой дорогой идти и гдѣ та изба, въ которой они хотѣли остановиться, и пожелала имъ добраго пути и пошла своей дорогой. Вотъ Истинный то Христосъ и спрашиваетъ у Господа-то Бога: „чѣмъ же ты наградишъ эту дѣвицу за ее доброту и красоту и какая её судьба ожидаетъ?“ Отвѣчаетъ Господь Богъ: „одинъ изъ этихъ пьяныхъ парней матершинниковъ будетъ её мужемъ и ей придется претерпѣть отъ него много зла, но за её терпѣніе я черезъ два года послѣ ея замужества пресѣку ему вѣкъ“.—„А потомъ что ее ожидаетъ?“—„А потомъ судьба ее будетъ лучше она выдетъ замужъ за богатаго и степеннаго купца и заживетъ съ нимъ въ добрѣ и довольствѣ“.

Череповецкій у., д. Трофонкова Дмитріевской волости. Отъ кр-ки Елены Полуеровой. 1900 г.

---

90. Легенда о двѣнадцати братьяхъ.

У одного мужика было двѣнадцать сыновъ. Одинъ и говоритъ: „коли дома-то такая нужа, такъ пойдемте хоть въ каменьщики“. Одинъ то братъ былъ женатый, а другіе холостые. Прослышали они, что въ Кіевѣ поряжаютъ строить церьковь, и пошли туда. Порядились и стали класть. Только, что́ днемъ складутъ, то ночью въ землю уйдетъ. Такъ долгое время работали, сдѣлали своды, а потомъ и окончили церьковь и просятъ разчету. Подвели ихъ къ золотой гробницѣ и спрашиваютъ: „что вамъ за работу дать: злата, серебра или царствія небеснаго?“ Одиннадцать то братьевъ попросили царствія небеснаго, а одинъ братъ потребовалъ злата и серебра. Пришелъ домой съ деньгамъ, а дѣти и не берутъ его и говорятъ: „пока мы малы были, такъ гдѣ шлялся, а какъ выросли, такъ и пришелъ“. Отправился онъ въ ту церьковь и упалъ передъ иконой Царицы Небесной и сталъ просить: „возьми ты злато и серебро и дай мнѣ царство небесное“.—„Поди, проси у братьевъ, пустятъ ли они“. Братья пустили; для этаго одиннадцатый братъ повернулся на бочекъ, ну онъ и лёгъ, только лѣвая-то нога убралась; противъ его головушки водица покапала, а Царица то Небесная спустилась да травинкой и заткнула, и надо всей гробницей выросъ цвѣтъ красивый-прекрасивый.

Череповецкій у., д. Бузакова Дмитріевской волости. Отъ кр-ки Аксиньи Юдиной. 1900 г.

---

91. Три брата.

Жилъ одинъ мужикъ гораздо богатый; было у него три сына: два умныхъ, а третій благо́й. Отецъ и говоритъ имъ: „смотрите, дѣти, когда я умру, то каждый по ночи просидите на моей могилѣ“. Вотъ отецъ померъ, а у него были надѣты на ноги носки и башмаки, а въ нихъ денегъ напёхано. Впередъ приходится большаку-сыну караулить. Вотъ и говоритъ младшему благому брату: „Ваня, просиди ночку, покарауль, такъ я тебѣ за это цѣлую корзину пироговъ

напеку". Младшій пошолъ караулить, что пирогъ возьметъ, то и скажетъ: „помяни, Господи, батюшку", такъ всѣ пироги за ночь то и съѣлъ. Второму сыну на другую ночь досталось идти, и этотъ сулитъ пироговъ корзину; дуракъ пошолъ и за этого караулить, и что возьметъ пирогъ, то и говоритъ: „помяни, Господи, батюшку". На третью ночь ему самому слѣдуетъ идти; хлѣба горбушку взялъ—ужъ тутъ пироговъ не было, что разъ откуситъ, то и скажетъ: „помяни, Господи, батюшку". Вдругъ слышитъ изъ могилы голосъ отца: „ты што-ли опять, дуракъ, тутъ?"—„Я батюшка". „Сходи-ко за лопатой да разрой меня", говоритъ отецъ. Благой сынъ сбѣгалъ за лопатой и разрылъ батька. „Сними съ меня башмаки и носки и возьми деньги, а меня опять зарой", приказалъ ему батько. Онъ такъ и сдѣлалъ и закопалъ его опять. Свѣту дождался, пошолъ домой и размыслилъ: „куда мнѣ эти деньги—положу въ казну". А тѣ два брата не поминали родителя, такъ и остались ни съ чѣмъ.

Череповецкій у., д. Бузакова Дмитріевской волости. Отъ кр-ки Аксиньи Юдиной. 1900 г.

---

92. **Небывальщинка.**

Не бывало, да живало. Въ нѣкоторой глухой деревнѣ жилъ мужичекъ съ тремя сыновьями. Занимались обработкой земли: пахали, боронили, сѣяли, жали, косили и въ стоги клали, однимъ словомъ, хлѣба было довольно, только одно горе: соли никогда не было. Вотъ однажды отецъ и говоритъ сыновьямъ: „ребята, что это мы постоянно маемся и живемъ безъ соли, такъ вотъ ты, старшій, завтра навали возъ хлѣба и поѣзжай въ городъ и тамъ на хлѣбъ вымѣняй соли". Утромъ сынъ выѣхалъ съ возомъ, ѣхалъ цѣлый день, застигаетъ его ночь, онъ привернулъ къ постоялому двору и остановился ночевать. Хозяинъ принялъ его радушно, приготовилъ всѣ удобства для его и для лошади. Утромъ парень спрашиваетъ, сколько съ него слѣдуетъ за постой? Хозяинъ говоритъ: „ничего не нужно, а скажи мнѣ какую

нибудь небывальщину". Парень началъ ему разсказывать, онъ перебиваетъ—„это бывало"; онъ начинаетъ новую, а хозяинъ опять: „это бывало"; парень ему еще одну, а тотъ снова: „это бывало"; бился, бился, такъ и не могъ сказать ни одной небывальщинки. Хозяинъ двора и говоритъ: „вотъ что, парень, не дамъ я тебѣ ни коня, ни воза—ступай такъ". Парень пошолъ домой и разсказалъ отцу, что съ нимъ приключилось. Отецъ послалъ второго сына. Тотъ опять нагрузилъ возъ и поѣхалъ въ городъ, ночевать пришлось на этомъ же дворѣ, гдѣ и старшему брату. На утро хозяинъ вмѣсто платы деньгами за ночлегъ проситъ сказать ему небывальщину. И этотъ не могъ сказать ему ни одной; пришлось оставить хлѣбъ и коня за постой и идти на пустѣ домой. Отецъ послалъ третьяго сына съ хлѣбомъ въ городъ. Тотъ поѣхалъ и на ночь. ему пришлось остановиться опять на томъ же постояломъ дворѣ. Утромъ, спаряжаясь въ дорогу, онъ спрашиваетъ хозяина, сколько ему слѣдуетъ за постой; тотъ отвѣчаетъ: „денегъ не нужно, скажи небывальщинку".—„Ладно, скажу, слушай! Однажды сорока на хвостѣ принесла мнѣ вѣсть, что въ нѣкоторомъ царствѣ мухи очень дороги, такъ какъ тамъ ихъ совсѣмъ нѣтъ. Набралъ я триста мухъ и пошолъ въ то царство. Дѣйствительно, тамъ мнѣ заплатили за каждую муху по коровѣ. Заполучивъ триста коровъ, погналъ я ихъ домой. Шелъ, шелъ со стадомъ и очутился на берегу моря. Подумалъ, какъ перебраться со стадомъ, и сталъ дѣлать такъ: взялъ одну корову за хвостъ, обмоталъ вокругъ руки, размахалъ надъ головой и перебросилъ черезъ море и началъ такъ всѣхъ перебрасывать коровъ, даже усталъ и наскучило. Осталась одна корова; съ досады я до того сильно разлягалъ её надъ головой, что и самъ перелетѣлъ съ коровой черезъ море, держась за ея хвостъ. Погналъ стадо дальше, застигла ночь въ большомъ дубовомъ лѣсу, коровы уклались подъ деревьями, я же закусилъ и залѣзъ спать въ дупло одного дерева. Утромъ у меня вздуло животъ, какъ гору, и я не могъ вылѣсть изъ дерева. Сбѣгалъ въ деревню за топоромъ, разрубилъ дупло и вылѣзъ изъ дерева. Пошолъ со стадомъ дальше и благополучно добрался домой, разпродалъ коровъ, всякихъ припасовъ накупилъ—только соли позабылъ". Хозяинъ двора выслушалъ его и

говоритъ: „да, этого не бывало, возьми всѣ три воза и поѣзжай“. Парень забралъ воза, доѣхалъ до города, распродалъ хлѣбъ и накупилъ соли; затѣмъ воротился домой, получивъ отъ отца за свое умѣнье одобреніе.

Череповецкій у., д. Большой Дворъ Дмитріевской волости. Отъ кр-ки Авдотьи Гладышевой. 1900 г.

---

93. Дѣвица и разбойникъ.

Въ одной деревнѣ жила уже немолодая дѣвица одна въ избѣ. Такъ подъ вечеръ приходитъ къ ней монахиня и просится ночевать. Она ее пустила и предложила чаю и поужинать. „Нѣтъ, говоритъ, спасибо, чай я пила у священника, а ѣсть не хочу“.—„Ну, такъ ложись на мою постелю на лавку, а я лягу на печьку“. Не успѣла хозяйка уснуть, подкрадывается къ ней недобрая ночлежница: это былъ мужчина въ монашескомъ платьѣ, съ худымъ намѣреніемъ изнасиловать, а потомъ ограбить. Свое намѣреніе онъ совершилъ, а потомъ нашелъ веревку, обвязалъ вокругъ тѣла этой дѣвицы и приказалъ ей идти въ клѣть; тамъ у нея были деньги 30 рублей. Отдала она ихъ разбойнику, мало ему еще показалось. „Неси еще, что у тебя тамъ есть“.—„А осталось у меня только рубашка да башмаки на умирало“.—„Ну, это оставь себѣ“. Потомъ дѣвица и говоритъ: „давай затопимъ печку и вымоемся, мы теперь такіе грѣшные да поганые, да и тебя вымою“. Затопили печьку, скипѣлъ чугунъ съ водой, она взяла да и вылила весь чугунъ на этого мужика и обварила его кипяткомъ и вытащила на дворъ, а сама вымылась и одѣлась во все, что было сшито на смерть, и легла на лавку. Пришли сосѣди, она имъ все разсказала, какъ что было, и пригласила священника и покаялась ему во всемъ и черезъ четверо сутки Богу душу отдала.

Череповецкій у., д. Жали Самосорской волости. Отъ кр-ки Елены Костиной. 1900 г.

---

94. Сёстры убійцы.

У одного мужичка было три дочери. Однажды пошли они за ягодамъ, двѣ изъ нихъ лѣнятся брать ягоды, а которыя и сберутъ, то все съѣдаютъ, а третьяя старается брать, и у нея ужъ цѣлая корзинка ягодъ, а тѣхъ по малехоньку. Имъ и стало завидно, что у нихъ не цѣлыя корзины, они и уговорились убить свою сестру, а ягоды раздѣлить по корзинкамъ. Они такъ и сдѣлали: убили и зарыли подъ кустикъ. Приходятъ домой, у нихъ и спрашиваютъ: „гдѣ же третьяя сестра?“ Они соврали, что кричали ей, кричали, не могли докричаться, такъ и ушли домой, а она, вѣрно, заблудилась. Спустя годъ, отецъ пошолъ въ лѣсъ и видитъ зеленой-презеленой кустикъ, а на этомъ кустикѣ два дидилька выросли. Срѣзалъ этотъ мужичекъ эти дидильки и сдѣлалъ двѣ дудки и началъ играть, а дочька покойная въ дудку на игрѣ и отвѣчаетъ: „милой мой тятинька, милая моя мамонька, убили меня, погубили меня двѣ родныя сестры за ягодку, за клюковку. Пришолъ мужичекъ домой: „натко, говоритъ, матка, поиграй въ дудку“. Стала она играть, таже пѣсенка и у нея выходитъ. Взяли они своихъ дочекъ да въ острогъ и посадили.

Череповецкій у., д. Острова Дмитріевской волости. Отъ кр-ки Матрены Березиной. 1900 г.

---

95. Двоеженецъ.

Въ одномъ городѣ жилъ офицеръ съ женой. Однажды послали его по дѣлу въ другой городъ на долгое время. Живши тамъ, познакомился онъ со вдовой, у которой была красивая дочь. Дѣвушка ему понравилась, и онъ сталъ ухаживать за ней, а потомъ и уговаривать вступить съ нимъ въ любовную связь; она не согласилась. Тогда онъ началъ сватать за себя. Прежде чѣмъ выйти за него замужъ, дѣвушка спросила, не женатъ-ли онъ. Онъ отвѣтилъ отрицательно. Она заставила поклясться въ этомъ. Онъ

поклялся ей именемъ какихъ то трехъ святыхъ. Свадьба состоялась въ одной изъ церквей города. Молодые поселились у матери. Дѣла пришли къ окончанію, и офицеру нужно было уѣзжать домой. Простился съ тещей, взялъ молодую жену и поѣхалъ. Дорогой признался ей, что онъ женатъ. Молодая пустилась въ слезы и упрекала его за обманъ. Онъ поставилъ ей такое условіе: если она хочетъ съ нимъ ѣхать, то назвалась бы его прислугой. Не смотря на такое униженіе, она изъ любви къ нему согласилась. Пріѣхали домой; законная жена встрѣтила офицера радосно, но удивилась, увидѣвъ съ нимъ постороннюю молодую женщину. Онъ объяснилъ, что по дорогѣ нанялъ прислугу; вторая жена подтвердила это. Стали поживать. Только первая жена стала замѣчать, что между мужемъ и прислугой существуютъ какія то отношенія, и сильно ревновала. Догадки превратились въ очевидность тогда, когда прислуга въ одинъ прекрасный день принесла ребенка. Послѣ этаго положеніе всѣхъ стало невозможнымъ. Вскорѣ первая жена нашла незамѣтный способъ отравить ребенка своей соперницы. Когда младенецъ лежалъ въ гробикѣ, то у него на губахъ выступила пѣнка. Мать его, т. е. вторая жена, сняла съ губъ пѣнку и положила въ чайную чашку. Ребенка похоронили въ тотъ же день. Первая жена налила себѣ чаю въ ту чашку, въ которой была пѣнка, снятая съ губъ младенца, этимъ отравилась и умерла. Такимъ образомъ вторая жена стала неумышленной виновницей смерти первой жены своего мужа. Офицеръ разсердился и сталъ грозиться, что предастъ ее суду за отравленіе, что онъ и исполнилъ. Прежде въ судахъ было обыкновеніе присуждать наказаніе душа за душу, и вотъ за отравленіе ее присудили заживо похоронить. Вышло такъ, что двухъ женъ погребли въ одну могилу, одну мертвую, другую живую и засыпали землей. Въ первую ночь живая покойница призвала на молитвѣ тѣхъ трехъ святыхъ, которыми поклялся её мужъ. Вдругъ могила разкрылась, она встала изъ могилы, и невидимой силой была перенесена въ ту церковь, въ которой вѣнчалась съ мужемъ, и начала молиться за избавленіе её отъ смерти. Утромъ приходитъ въ церковь сторожъ, увидѣлъ какую то женщину, испугался и побѣжалъ къ священнику. Пришли уже въ двоемъ и спрашиваютъ издали:

„что ты за женщина“; она отвѣчаетъ: „не бойтесь, подойдите ближе“, и разсказала священнику всё, что съ ней случилось, и онъ узналъ въ ней ту, которую вѣнчалъ съ офицеромъ. Затѣмъ она пошла къ матери и тоже разсказала ей всё и стала жить съ ней. Спустя нѣкоторое время офицера послали опять по дѣлу въ этотъ же городъ. Онъ пошелъ къ тещѣ; жена знала, что онъ придетъ, такъ какъ обладала духомъ прозрѣнія, и спряталась; онъ, не смущаясь, началъ разсказывать тещѣ, что жена его здорова, родила ребенка благополучно, не взялъ её съ собой оттого, что нужно было присмотрѣть за хозяйствомъ. Вдругъ изъ другой комнаты выходитъ его вторая жена, онъ её увидалъ, вскрикнулъ и сразу лишился разсудка.

Череповецкій у., д. Большой Дворъ Дмитріевской волости. Отъ кр-ки Авдотьи Гладышевой. 1900 г.

---

96. Злая свекровь.

Сидѣли три дѣвки на бесѣдѣ, а имъ былъ любъ одинъ Иванъ царевичъ. Одна дѣвка и говоритъ: „я бы для него напряла одну ниточку, да весь миръ одѣла;“ другая говоритъ: „я бы для него одно зернушко канула и весь миръ прокормила“, а третьяя дѣвка говоритъ: „я бы ему родила сына—по локоть руки въ золотѣ, по колѣна ноги въ серебрѣ, въ косицахъ то часты звѣзды, а во лбу-то ясный мѣсяцъ“. Мать Ивана царевича говоритъ, что ей этой дѣвки не надо. Онъ родителей не послушался и взялъ за мужъ третьюю дѣвку. Два года прожилъ съ ней и поѣхалъ торговать, а она плачетъ: „если ты уѣдешь, то меня изгубятъ“. Послѣ его отъѣзда она родила паренька и дѣвушку; о ту пору сука щенятъ родила, бабушка взяла да и подкинула ей щенятъ и отписала своему сыну, что его жена родила двухъ щенятъ; дѣвушка то померла, а мальчикъ то живой. Отъ сына пришло письмо, что „хотя моя жена и родила двухъ щенятъ, но ты ихъ никуда не дѣвай“. А свекровь и говоритъ: „мужъ твой разсердился и приказалъ мальчика и тебя заколотить въ бочьку и опустить на море“. Приготовили бочку, взяла мать сына, благословленную икону и хлѣба, сѣла въ бочку, ихъ закупорили и спустили

на море. Долго ихъ носило по морю; сынъ и говоритъ: „мамонька, мамонька, я потянусь?“ — „Нѣтъ, дите мое милое, не тянись: потонемъ“, а онъ опять проситъ потянуться, и не утерпѣлъ — потянулся, бочка разсыпалась, и они очутились на островкѣ. На островкѣ нашлась избушка, и они остались въ ней жить. Однажды мальчикъ ходитъ по острову и видитъ, что ѣдутъ заморскіе купцы, а мать ему и говоритъ: „зови ихъ, дитятко, и скажи: заморскіе гости, заѣзжайте къ намъ въ гости, у насъ каша крутая, горохъ крупной“. Онъ позвалъ, и гости заѣхали. Съѣхали домой и разсказываютъ Ивану царевичу, что на одномъ пустомъ островѣ одна вдова обселяется, и они хорошо у нея отгостили, а мать Ивана царевича и говоритъ: „это что за диво, а у насъ на дворцѣ есть елка, а на елкѣ собачка, а собачка грызетъ орѣшки, а орѣшки то непростые, а золотые“. Онъ опять за море здобляется и имѣніе носитъ на корабль и пріѣзжаетъ на тотъ островъ, а мальчикъ машетъ картузомъ и кричитъ: „заѣзжайте, заморскіе гости, къ намъ въ гости, у насъ каша пшённа, горохъ крупной, рыба снятки, булка бѣла“. Какъ мальчикъ картузъ-то снялъ, а Иванъ царевичъ и видитъ во лбу свѣтелъ мѣсяцъ и призналъ въ немъ своего сына. Пришелъ къ нимъ и сталъ разпрашивать, какъ они сюда попали, а они и говорятъ, что и сами не знаютъ, какъ они сюда попали. Онъ имъ упалъ въ ноги и сталъ просить прощенія, они его простили. Затѣмъ стали поживать счастливо.

Череповецкій у., д. Вузакова Дмитріевской волости. Отъ кр-ки Аксиньи Юдиной. 1900 г.

---

97. Водяной и его дочь.

Вотъ какая старинка ходитъ въ нашемъ селѣ за правду. Было это гораздо давно; одинъ сельскій мужичекъ ходилъ гдѣ-то далеко на заработкахъ и захотѣлось ему у одного озера напиться нападкой, навалился онъ къ водѣ, вдругъ кто-то его и схватилъ за бороду да и не отпускаетъ. Онъ говоритъ: „отпусти“, а изъ воды слышится: „откажись отъ того, чего дома не знаешь, такъ отпущу“.—„Ладно“, говоритъ мужичекъ.

Приходитъ домой, а тамъ у него родился сынъ; онъ женѣ и сказалъ: „я сына отсулилъ, а не знаю кому“. Отецъ пожилъ немного и померъ. Мать сыну не внушаетъ, а сама всё плачетъ; потомъ ужъ онъ выросъ большой, выучился, а мать всё плачетъ объ немъ; онъ спрашиваетъ: „объ чемъ ты все плачешь?“ Она ему и разсказала. „Ну, коли такъ, теперь я пойду искать того, кому вы меня отсулили“. Ну, онъ пошелъ къ тому же озеру; нашелъ у озера хижину, а въ ней женщина ему и сказала: „я обо всемъ хорошо знаю, а сестра моя еще лучше знаетъ, иди къ ней“. До той сестры дошелъ — она и говоритъ: „сегодня день пасмурный, а ты пока поживи, поработай у меня и дождись краснаго дня, тогда на озеро выдутъ двѣ уточки купаться, у одной изъ нихъ пуговицы на задницѣ, съ нея ты и сохить одежду“. Въ красный день онъ спрятался за кустикъ, являются двѣ утки, стряхнули съ себя перья и очутились въ однихъ рубашкахъ--дѣвушками, сняли рубашки и начали купаться, онъ и сохитилъ у одной рубашку. Они выкупались, нужно одѣваться, а одежи-то и нѣту, одна и закричала: „ой, дѣва, кормилица, какъ я къ тятенькѣ подъявлюсь?“ а потомъ: „кто спряталъ одежду, если старый старичекъ, то будь мнѣ дѣдушко, пожилой мужичекъ — будь мнѣ дядюшка, а если молодой дѣтинка, то пусть мнѣ суженый-ряженый будешъ“.—„Пусть будетъ такъ, на вотъ тебѣ одежда“. „Такъ пойдемъ, молодецъ, къ моему батюшкѣ“--„Вотъ, тятя, онъ далъ мнѣ одежду, а я дала слово выйти за него замужъ“.— „Ну, такъ дала, такъ и ступай отъ меня прочь и исполняй его“. Молодецъ повелъ ее къ своему дому, они шли, шли да и пріустали, дочь водянаго и говоритъ: „ой, Ваня, я пріустала, разкинь бѣлый шатрикъ, давай поотдохнемъ“.— „Ну, невѣста, ты посиди въ этомъ шатрикѣ, а я пойду у мамы доложусь“. Онъ сошелъ домой, а мать и говоритъ: „ступай къ дьячихѣ, сватайся, у нея три дочьки, а то гдѣ ты тамъ нашелъ невѣсту какую-то дальнюю“, — просто не велитъ ему брать. Невѣста въ шатрѣ ждетъ, пождетъ, нѣтъ ее жениха. Вдругъ приходитъ за водой первая дьячкова дочь, размахнула ведромъ и говоритъ: „ой! я эдакая хорошая, эдакая пригожая, не буду воду носить“, вынула ведро изъ родника да хлесь о землю, приходитъ домой, а матка и спрашиваетъ: „что безъ воды?“ — „Ведро сломалось, ма-

менька". — „Эдакая ты неумѣха". Двѣ другія сестры тоже возгордились своей красотой и такъ же ловко обманули мать и не принесли воды. Сама мать дьячиха прибѣжала за водой съ рученькой, а невѣста — дочь водянаго и говоритъ: „давай, бабушинька, я принесу воды: у тебя дочьки-то хорошія и пригожія — такъ ихъ за хорошихъ и оберутъ, а я тебѣ буду работать да ковры вышивать". Она её взяла, привела домой и посадила на печь да и завѣсила занавѣсьемъ. Токо такъ и сваты накрыли къ ея дочькамъ. Она сидитъ на печькѣ, а у печьки идетъ стряпня для гостей, она и проситъ тѣстечка у дьячихи, она и дала ей. Она изъ этаго тѣстечка и сдѣлала голубка да голубку; они выбѣжали на грядку да и кричатъ: „голубь-голубчикъ, забылъ свою голубку въ бѣломъ шатрѣ, въ чистомъ полѣ—Марью Юдишну". Дьячиха живо подбѣжала да сковородникомъ стукнула о грядку — они убрались по своимъ мѣстамъ. Она еще сдѣлала голубка до голубку; они опять выбѣжали да прокричали тѣ же слова. Потомъ она открыла занавѣску и показалась своему жениху съ печи, онъ словно ото сна пробудился да и говоритъ: „вотъ моя суженая, вотъ моя ряженая". Да потомъ и обвѣнчался съ ней. А дьячихѣ-то было не любо, да что подѣлаешь.

Череповецкій у., д. Бузакова Дмитріевской вол. Отъ кр-кп Аксиньи Юдиной. 1900 г.

---

98. Сказаніе о томъ, какъ мужикъ съ Николой путешествовали и что они видѣли.

Было это не очень давно, да и не очень отъ насъ близко. Жилъ мужикъ, по имени Фалалей. Онъ былъ не особенно богатъ, да и не бѣденъ; не очень старъ, да не молодъ, не очень уменъ, да и неглупый. А такой хитрый, что если что увидитъ, то все ему объясни да разскажи. Захотѣлось ему узнать, долго-ли онъ проживетъ на этомъ свѣтѣ, каково ему будетъ послѣ смерти. И сталъ просить св. Николая Чудотворца, чтобы тотъ ему открылъ и показалъ будущее. Разъ ему и было такое видѣніе: является въ свѣтлыхъ ризахъ старецъ и говоритъ: „пойдемъ, покажу я тебѣ твою будущую жизнь и мѣсто, тебѣ уготованное". Пошли. Долго

они брели по незнакомой лѣсистой мѣстности и подошли къ такой большущей комнатѣ, что и конца краю не видать. Въ комнату вели двери; онѣ были заперты. Но по слову св. Николая двери сами отворились. „Иди въ горницу, говоритъ св. Никола, погуляй тамъ, а я приду за тобой“. Пошелъ Фалалей, и дверь за нимъ сама затворилась. Оглядѣлся мужикъ и видитъ, что къ потолку лампадки навѣшаны. Ихъ такъ было много, что, кажись, считай цѣлый вѣкъ, такъ и то не сосчитаешь. Одна лампадка только дымилась: масло все выгорѣло; другая уже погасла: масла не было; третья горѣла. Этихъ лампадокъ было не меньше, чѣмъ и потухшихъ. Однѣ горѣли ярко, другія едва мерцали. Однѣ горѣли равнымъ свѣтомъ, другія вспыхивали. И понялъ мужикъ, что лампадки эти—жизни людей. Сталъ онъ присматриваться—нѣтъ-ли гдѣ и его лампадки, съ его жизнью и, послѣ долгихъ поисковъ, нашелъ. Поглядѣлъ Фалалей на свою лампадку и обмеръ отъ страха: въ ней масла было на донышкѣ. А рядомъ висѣла лампадка его жены и полная масла. „Ну, ужъ это... (слѣдуетъ нецензурное слово), чтобы я позволилъ своей тасканой онучѣ пережить себя. Нѣтъ, шалишь!“ Захотѣлось ему изъ жениной лампадки перелить масло въ свою. Но не тутъ-то было. Лампадки такъ сдѣланы, что отнять ихъ нельзя. Какъ-же быть? Думалъ, думалъ мужикъ и, наконецъ, догадался. Окунетъ палецъ въ женину лампадку съ масломъ, поднесетъ къ своей, да и обтираетъ палецъ о края, чтобы масло то въ лампадку стекало. Попробовалъ разъ—удалось, и масла въ лампадкѣ поприбыло. И давай мужикъ въ чужой лампадкѣ пальцы окунывать да въ свою масло переливать. Пробился часъ-другой и видитъ, что въ его лампадкѣ масла чуть не половина прибыла. „А, проклятая, думаетъ Фалалей, хотѣла меня раньше уморить, а сама остаться! Нѣтъ, врешь! Завтра-же околѣешь, какъ масло все вымачу“. Глядь, а Николай Чудотворецъ и идетъ къ нему. „Ты что это дѣлаешь, чадо?“ спрашиваетъ святитель. — „Да ничего, Божій угодничекъ, вотъ хотѣлъ волоса масломъ помазать: больно сухи стали“... Поглядѣлъ на него св. Николай, но ничего не сказалъ, а повелъ его дальше. Долго ходили они, наконецъ, пришли къ другой комнатѣ, не меньше первой, только та была темная и мрачная. „Ступай туда, ска-

залъ Николай Чудотворецъ, а я приду за тобой". Вошелъ Фалалей въ темную горницу, и она освѣтилась. Поглядѣлъ онъ во всѣ стороны, и волоса дыбомъ стали. Въ одномъ мѣстѣ лежали цѣпи, въ другихъ крючья, въ третьихъ щипцы огромные, въ четвертомъ висѣли котлы, а подъ ними были цѣлыя груды угля. Понялъ Фалалей, что это все для грѣшниковъ припасено, это ихъ будутъ мучить послѣ смерти.

Сталъ онъ поглядывать, нѣтъ-ли гдѣ чего-нибудь и для него приготовлено. И видитъ онъ: огромный котелъ виситъ на желѣзныхъ цѣпяхъ, а подъ нимъ цѣлая гора угля. Догадался Фалалей, что это его будутъ поджаривать въ этомъ котлѣ, для него припасено столько уголья. А недалеко висѣлъ другой котелъ, поменьше, и угля подъ нимъ было немного—воза два. „Вотъ тебѣ и разъ! подумалъ мужикъ, на этомъ свѣтѣ моя баба дольше хочетъ прожить, да и на томъ ей вольготнѣе будетъ". Сталъ онъ думать, какъ бы отъ своей груды угля поубавить, а въ груду женину прибавить. Поглядѣлъ по сторонамъ, не найдется ли гдѣ корзинки или чего нибудь другого, чѣмъ бы можно было углей изъ одной кучи въ другую поносить. Ничего не могъ найти. Снялъ съ себя штаны, завязалъ у нихъ концы, и давай ими, какъ мѣшками, уголь таскать. Нагребетъ углей цѣлые штаны, взвалитъ себѣ на плечи и претъ. Перепрѣлъ весь, перемазался, какъ чертъ, а все устали не знаетъ. Долго бы онъ пропутешествовалъ отъ одного котла къ другому, да Николай Чудотворецъ помѣшалъ. Только въ сотый разъ онъ высыпалъ уголь и идетъ, чтобы опять насыпать штаны, а Никола ему навстрѣчу. „Ты что это, чадо, дѣлаешь?" спрашиваетъ онъ у мужика.—„Да вотъ, Святитель, упалъ, штаны перемаралъ и боюсь, что жена бранить будетъ, такъ ищу воды, гдѣ бы ихъ вымыть". — „Ступай, говоритъ св. Никола, домой да мой свои штаны и себя, только не водой, а своими горючими слезами. Успѣешь вымыть, пока масло горитъ въ лампадкѣ, такъ больше не придется тебѣ пачкаться. Груда угля, что ты наносилъ подъ женинъ котелъ, вся исчезнетъ, а масла въ лампадку, которое ты вымакалъ, ей снова подольется, потому что на твоихъ штанахъ все-таки останутся пятнышки, такъ ей надо будетъ домыть ихъ". Вотъ что узналъ Фалалей про свое будущее.

Череповецкій у. 1905 г.

Псковская губернія.

99. [Мальчикъ, отгадывающій сны].

Жилъ мужикъ и баба; вотъ они поставили себѣ новые хоромы и перешли туда на житье. На первую ноцъ мужикъ увидѣлъ сонъ: кабы ёнъ несъ дрова, напалъ на ево медвѣдь и нацылъ давить. Назавтра встамши, думаить, што этотъ сонъ што-либо знаца, захотѣлъ разгадатъ ево. Ёнъ зналъ, што въ одномъ селѣ жилъ такей баяринъ, каторый умѣлъ разгадывать сны, поѣхалъ къ нему. На дороги послѣ деревни повстрѣцался ему мальцыкъ, отворилъ ворота и сказалъ: „я знаю, дядя, куда ты ѣдишь и зачѣмъ. Ты ѣдишь къ барину, штобы ёнъ разгадалъ табѣ сонъ“. — „Правда твоя, мальцыкъ!“ — „Смотри, дядя, баринъ возьмется разгадать табѣ сонъ и скажа правду, только ёнъ будя просить за труды медвѣдя,—ты не давай, половины будя просить и то не давай. Ёнъ ни за што другое не будя согласаться разгадывать твоего сна, ты посули ему третью часть медвѣдя, онъ и то согласится“. Мужикъ поблагодарилъ мальцыка и поѣхалъ. Пріѣзжая къ барину, говорить: „Ваше благородье, я видѣлъ вотъ такой-то сонъ, прошу разгадать мнѣ ево“. Баринъ говоритъ: „я разгадаю твой сонъ, только што будя мнѣ за труды?“ — „Ваше благородье, што угодно возьми, только разгадай, я ницево не жалѣю“. Баринъ говоритъ: „отдай мнѣ медвѣдя, котораго ты видѣлъ во сняхъ, я разгадаю твой сонъ“. — „Не, баринъ, што угодно возьми, а медвѣдя не дамъ“. — „По крайней мѣрѣ, дай половину“. — „Не, баринъ, возьми, сколько хошь, казны, а медвѣдя и половины не дамъ“. — „Дай же мнѣ хоть третью часть“. Мужикъ согласился. Сговорившись, баринъ сказалъ: „поѣдемъ же, мужикъ, въ твои новые хоромы“. Потребовалъ лошадей и поѣхали. Вотъ они ѣхали, ѣхали и пріѣхали. Вошли въ избу, баринъ и говоритъ: „поднимай-ка вонъ эту половницыну, поройся тамъ“. Мужикъ поднялъ половницыну, рылъ, рылъ и вырылъ шкуру медвѣжью съ деньгами. „Вотъ, мужикъ, што твой сонъ знацылъ“. Мужикъ поблагодарилъ барина и по условію отдалъ ему третью часть денегъ. Баринъ началъ выпытывать у мужика: „скажи, братъ, пожалуста, кто табѣ не велѣлъ отдавать медвѣдя“. Мужикъ

сначала впирался, не говорилъ, наконецъ, сказалъ: „слухай, баринъ, когда я ѣхалъ къ табѣ разгадывать сонъ, такъ вонъ въ такой-то деревнѣ выбѣгъ мнѣ навстрѣцу мальцыкъ, отперъ двери, отгадалъ, куда и зацѣмъ я ѣду, и не велѣлъ мнѣ отдавать медвѣдя". Барина нацала давить зависть, ёнъ понялъ, што мальцыкъ этотъ пожалуй будя знать больше его. Вотъ онъ отправился домой. Дома позвалъ лакея и приказалъ ему набрать разныхъ хруктовъ полный ящикъ. Назавтра приказалъ подать лошадей, взялъ съ собой яду и отправился въ деревню, гдѣ жилъ мальцыкъ. Пріѣхадши въ деревню, попросился ноцевать у хозяина—батьки эвтого самаго мальцыка. Его пустили ночевать. Вотъ ёнъ, вошевши въ избу, нацылъ съ мальцыкомъ разговаривать, ласкать его: „ахъ, младой юноша, какъ я тебя полюбилъ. Эй, слуга, дай-ка сюда хруктовъ" (они были уже отравлены). Слуга принесъ хрукты, даетъ мальцыку, а мальцыкъ говоритъ: „не, баринъ, спасибо, я не привыкъ къ сластямъ, кабы ты далъ мнѣ цашу гороху, я взялъ бы". Такъ эны поговорили кое о цомъ и легли спать. Барину не спится, его давитъ зависть. Въ полноцъ, когда всѣ спали, приказалъ слугѣ подать лошадей и мальцыка соннаго вынести въ колесницу. Слуга все исполнилъ. Баринъ и уѣхалъ домой. Вечеромъ позвалъ повора, приказалъ вынуть изъ этого мальцыка серце, сжарить ево и подать ему. Назавтра рано утромъ поваръ сталъ тоцыть ножъ. Мальцыкъ видитъ это и говоритъ: „я знаю, для цево ты тоцышь ножъ, хоцышь меня зарѣзать, вынуть серце, сжарить и подать барину". — „Да, ты правду баишь, мальцыкъ", и самъ усумнился. Мальцыкъ говорить повору: „не тронь меня, я табѣ-ка пригожусь послѣ, а вонъ подъ анбаромъ сука щенилшись—девятеро вмѣстѣ лежитъ, а десятый отшатнувшись отъ нихъ. Про нихъ еще никто и не знаитъ. Возьми ты щененка, зарѣжь, вынь сердце, приготовь и неси барину, а какъ понесешь, въ дверяхъ пошатнись и выволи изъ рукъ, собака подбѣжитъ и съѣсъ, а баринъ скажа: собачье собаки и досталось, а табѣ ницево не будя". Потомъ сказалъ ему, што самъ Государь увидитъ сонъ, потребуетъ этого барина разгадывать его. Онъ не разгадаетъ, выпросится домой и, пріѣхавши, побѣжитъ въ свою комнату, схватитъ пистолетъ съ намѣреніемъ застрѣлиться, а ты удержи ево и возьмись отыскать меня.

Онъ тебя наградитъ за это и на волю отпуститъ". Поваръ сдѣлалъ все, что говорилъ мальцыкъ. Чрезъ нѣсколько времени Его Государственное Императорство видитъ сонъ, будто бы у его любимой цаши откусилъ кто-то край. Вотъ и ёнъ послалъ за этимъ же бариномъ. Баринъ явился. Государь разсказалъ ему сонъ, но баринъ не могъ разгадать этого сна. Государь и говорить: „смотри, если не разгадаешь, голова долой". Баринъ говорить: „Ваше Государственное Императорство, я таперь не могу разгадать этого сна, позвольте съѣздить домой, я забылъ одну книжку, въ которой есть этотъ сонъ. Если послѣ не разгадаю, тогда што хоцыте, сдѣлайте со мною". Государь отпустилъ. Онъ, пріѣхавъ домой, хотѣлъ застрѣлиться, но поваръ удержалъ его, отыскалъ ему мальцыка, съ которымъ баринъ опять отправился къ Государю. Пріѣхавши, говоритъ: „Ваше Государственное Императорство, я устарѣлъ, а вонъ мой уценикъ може разгадать этотъ сонъ".—„Мнѣ все равно", говоритъ Государь. Мальцыкъ и говоритъ: „кака-жъ мнѣ за это награда будя? Я хоцу, штобы вы отдали за меня любимую хрелину Ея Государственнаго Императорства". Государь согласился, а Государыня долго не соглашалась. Наконецъ, сказала: „по крайней мѣрѣ, выставьте всѣхъ моихъ хрелинъ въ рядъ", думая, что онъ другую выберетъ. Такъ и сдѣлали. Но мальцыкъ прямо указалъ на любимую хрелину Государыни. У Государя ни за пивомъ, ни за виномъ — всего въ волю; сейчасъ же и свадьбу сыграли.—„Ну, Ваше Государственное Императорство, таперь мужъ, што хошь, могя сдѣлать съ женой".—„Да, таперь онъ полный хозяинъ надъ женою". Вотъ мужъ приказалъ жены раздѣться на-голо. Она раздѣлась. Што-жъ оказалось: што это былъ мужчина. „Вотъ, Ваше Государственное Императорство, што знаца вашъ сонъ". Государь мальчика за это наградилъ, а хрелину приказалъ разстрелять.

Великолуцкій у., Вязовская вол. 1870 г.

---

100. Воръ Ворыга.

Жилъ былъ баринъ, а у барина былъ мужикъ, его баринъ звалъ воръ ворлыга, а былъ у барина быкъ, стоялъ на стоилѣ, а этова быка у барина воръ ворлыга укралъ, вотъ это барину доказали мужики, что укралъ воръ ворлыга, баринъ вора ворлыгу призвалъ къ себѣ. „Воръ ворлыга, какъ ты моево быка кралъ?“—„Я пришелъ, замокъ снялъ, быка взялъ да повелъ“.—„А какъ же онъ у тебя не вырвался“?—„Я ево удержалъ“.—„Ну, гдѣ же онъ у тебя стоитъ“?—„На дворѣ, дома“.—„Ну, я быка возьму домой. Воръ ворлыга, я тебя отдамъ въ солдаты, на что ты воруешь. Вотъ у меня есть жеребецъ на стоилѣ, украдь ево“.—„Я ево украду“.—„Коли же ты будешь красть?“—„А вотъ севоднюшнюю ночь украду“. Вотъ онъ жеребца замкнулъ замкомъ и поставилъ четырехъ мужиковъ караулить. Вотъ эти мужики расклали огонекъ и сидятъ, караулютъ. Вотъ этотъ воръ ворлыга взялъ кожуную суму за плечи и поставилъ въ нее кружку вина, къ нимъ пришолъ, поздаровкался съ нимъ. „Вотъ замарился идя, нельзя ли погрѣться у огня“. Они сказали: „можно“. Вотъ онъ принесъ, закусить съ нимъ захотѣлъ и вынулъ штофъ вина, сталъ наливать стаканъ и выпилъ самъ, закусилъ и имъ сталъ наливать, ихъ пьяными напоилъ да пошелъ, жеребца и увелъ. Назавтрѣ хватились—жеребца нѣтъ, барину сказали, что жеребецъ пропалъ съ конюшни. Вотъ онъ закричалъ: „воръ ворлыга увелъ, вѣрно, онъ тамачка; пускай ко мнѣ идетъ воръ ворлыга“. Вотъ онъ и пришелъ, онъ и пытаетъ: „ты укралъ моево коня?—Я, говоритъ, укралъ, мужиковъ пьяныхъ напоилъ, а я коня и увелъ; коли твой конь, возьми назадъ, онъ цѣлъ“. Баринъ и взялъ. Вотъ баринъ говоритъ: „у меня денегъ сундучокъ стоитъ, вотъ тамачка подъ подушкой, ты ихъ украдь, чтобы и хозяйка не вѣдала“. Онъ говоритъ: „украду“—„Когда ты будешь красть“? — „Севоднюшнюю ночь, что будетъ“. Вотъ онъ сдѣлалъ человѣка изъ соломы, одѣлъ у платье, на саняхъ подвезъ къ окну близка, а самъ около стѣнѣ да на крылецъ, и взошелъ на

крыльцо, хотя не горасъ, и стукнулъ; а баринъ не спалъ, караулилъ съ хозяйкой деньги. Вотъ онъ увидалъ человѣка, на саняхъ стоитъ, онь съ ружья и грохъ и убилъ человѣка на санѣхъ соломеннаго. Вотъ барыни говоритъ баринъ: „убилъ вора ворлыгу“, и побекъ въ село заявлять, чтобы онъ воровать не ходилъ; а воръ ворлыга этомъ часомъ, какъ покули бѣгалъ баринъ туда, вотъ онъ вбекъ въ спальню къ барыни и говоритъ: „убилъ я вора ворлыгу, теперь пусть енъ воруетъ“. Вотъ онъ сдѣлавши, что нужно, деньги въ сундучьку унесъ и говоритъ: „а теперь пойду, скажу мужикамъ, чтобы вобрали вора ворлыгу куда нибудь“. Вдругъ приходитъ и баринъ отъ мужиковъ и начинаетъ... барыня ево заругала, вотъ онъ и схватился за деньги, а ихъ нѣтъ. Онъ сказалъ: „пусть будетъ воръ ворлыга, а мы будемъ жить безъ денегъ“.

Великолуцкій у. 1870 г.

---

101. Афинистъ князь.

Жилъ купецъ и купчиха; у нихъ было двое дѣтей— сынъ да дочь; сынъ былъ старше, дочь младше. Отецъ и мать стали умирать; мать наказывала сыну: „сынъ мой, качай свою сестрицу да приговаривай: люли, люли, сестрица, люли, ласточка, выростешь большая, будешь въ золотѣ ходить, отдамъ тебя замужъ за Аѳиниста князя“.

Когда выросла сестра большая, стала требовать жениха. Братъ ей сказалъ: „сестрица родимая, гдѣ же тебѣ найду я жениха?“—„Гдѣ хочешь, а найди!“ Братъ слезно заплакалъ и отправился въ путь, его застала темная ночь въ лѣсу. Только онъ заснулъ, какъ вдругъ его освѣтило, точно огнемъ. Онъ пробудился, испугался и спросилъ, кто тутъ? Изъ коляски, освященной огнемъ, громкимъ голосомъ сказалъ: „это я, Аѳинистъ князь, котораго ты ищешь; ты хочешь свою сестру отдать за меня замужъ; что же у твоей сестры есть особенное?“ Братъ говоритъ: „что сестра моя, когда заплачетъ, посыплется изъ глазъ жемчугъ; когда засмѣется, изо рту посыплется золото“. Услыхавши это, князь велѣлъ

ему садиться съ собой въ коляску и приказалъ вести себя къ евоной сестрѣ. Когда стали они подъѣзжать къ дому, братъ закричалъ: „сестрица, умойся!“ Сестра не разслышала, что братъ сказалъ и спросила у мамушки, что братъ велитъ дѣлать ей? Мамушка сказала, что братъ велитъ умыться. Она умылась. Братъ еще закричалъ: „сестрица, передѣнься“. Она опять не разслышала и спросила у мамушки; мамушка сказала, что братъ велитъ ей раздѣться. Она раздѣлась. Братъ еще закричалъ: „сестрица, выходи, жениха принимай!“ А мамушка сказала ей, что братъ велитъ ей растворить окно и кинуться въ рѣку. Тогда мамушка нарядила свою дочку въ ея платье и велѣла встрѣчать князя-жениха. Когда дочка ея вышла, улыбнулась, не посыпалось изо рта ничего; братъ ударилъ ее въ щеку, она заплакала, изъ глазъ не посыпалось тоже ничего. Тогда князь разсердился и посадилъ за обманъ брата въ темницу. Когда пришла ночь, сестра приходитъ въ темницу и начала плакать: „ахъ, лари вы, мои лари, позолоченные, не мнѣ вы достаетесь, достаетесь мамушкѣ да нянюшкѣ“, а у самой изъ глазъ такъ и сыплется жемчугъ. Братъ ее узналъ, она разсказала, что̀ мамушка съ ней сдѣлала, и обѣщала брату еще его провѣдать въ слѣдующую ночь. Пришла другая ночь, сестра опять приходитъ къ брату и также плачетъ. Братъ разсказалъ, за что онъ сидитъ въ темницѣ, и просилъ ее выручить его изъ темницы. Она сказала, что „приду еще въ послѣдній разъ и если хочешь, чтобы я у Васъ осталась, накинь на меня крестъ, читай книги и служи молебны“. Передъ третьей ночью приходитъ въ темницу князь и говоритъ: „не пеняй на меня, любезный, я за то посадилъ тебя въ темницу, что ты меня обманулъ“. Братъ разсказалъ князю, какъ мамушка обманула его сестру и что теперь жена его—не его сестра. „Мамушка подставила свою дочку, а сестрѣ моей велѣла кинуться въ рѣку, и она была у меня ночью два раза и сегодня придетъ ночью въ послѣдній разъ. Если хочешь, ее увидишь, и чтобы она вамъ досталась, то придите севодишнюю ночь и спрячьтеся въ темницѣ“. Князь пришелъ и спрятался за кровать. Вдругъ ночью идетъ сестра и плачетъ по прежнему, а изъ глазъ такъ и сыплется жемчугъ; потомъ стала говорить съ братомъ и разсмѣялась—изо рта посыпалось золото. Князь не вытерпѣлъ,

выскочилъ прямо къ ней; она хотѣла убѣжать, но братъ схватилъ ее въ охапку и накинулъ на нее крестъ, а князь сталъ книги читать и велѣлъ молебны служить. Она стала превращаться въ разныя твари; но братъ всячески ее удерживалъ; наконецъ, она стала такою, какъ была прежде. Князь на ней оженился; а мамушку и ея дочку велѣлъ разорвать на конскихъ хвостахъ.

Опочецкій у. Зап. отъ Велейскаго писаря Авечкина.

---

102. [Людоѣдка].

Жила баба, у бабы была доцка, доцку выдала замужъ, доцка не была въ матки годъ и два; на третій идетъ въ гости къ матки, на встрѣчу бѣжитъ заяцъ: „молодуха, молодуха, куда ты идешъ“, спрашивалъ заяцъ. Она отвѣчаетъ: „къ матки въ гости“. Заицъ говоритъ: „не ходи, молодуха, матка—злая баба: тебя съисть“, а она ему сказала: „у-ту, заицъ косой, не лги“, и пошла дальше. Попадается лисица, также спрашиваетъ, а молодуха отвѣцая: „у-ту, илгешь, лисица, долгой хвостъ“. Попадается ей волкъ, и волкъ также спрашивая, а молодуха отвѣцая: „у-ту, волкъ, апаленый бокъ“. Дальше пошла; попадается медвѣдь, и тотъ также спрашиваетъ, а молодуха говоритъ ему: „у-ту, илгешь!“ Пришла къ матки на улицу, по улицѣ костры, крострамъ (такъ!) все кости человѣческіе лежатъ, по тыну головы человѣчьи торчатъ; она и думая, назадъ не уйти таперица, пришла на крилець, потрухи человѣчьи валяютца, вошла въ сѣни, два дащана съ кровью стоятъ, поглядѣла въ дверь, матка исть людененоцка. Она спугалась и вошла въ избу. Матка сказала: „ну, здрастуй, дацушка, что долго въ гости ко мнѣ не ходишь?“ Она баила: „матунька, я тебя боюсь“.—„Цавожъ ты, доцунька, боишься“.—„Да вотъ, матунька, въ тебя кастры, все кости цаловѣцьи“.—„У-ту, дацунька, это въ меня дровы межоновыя“.—„Да вотъ, матунька, на тыну все головы человѣчьи“.—„У-ту, доцушка, это столбы таценые“.—„А на крыльцѣ все потрухй человѣческіе валяються“.—„У-ту, доцушка, это въ

нитки бѣлятся, матушка!"—„А въ сѣняхъ два дощана съ кровью стоять".—„У-ту, доцунька, это одинъ съ квасомъ, а 2-й съ пивомъ".—„А я поглядѣла въ двери, ты людененочка ишь". Матка сказала: „я и тебя съѣмъ".

Островскій у. 1870 г.

---

103. [Старая хлѣбъ-соль забывается].

Ишелъ мужикъ съ мешкомъ въ лѣсъ по дороги, а волкъ бѣжитъ ему навстрѣчу отъ охотниковъ и сталъ просить мужика, чтобы спряталъ его. Мужикъ взялъ волка въ мешокъ и пронесъ отъ ахотниковъ, потомъ и выпустилъ изъ мешка. Вдругъ волкъ такъ и говоритъ мужику: „я тебя съемъ".—„Нѣтъ, говоритъ мужикъ, не смѣешь, а пойдемъ судитца". И попалась имъ на встрѣцу премудрая лисица. „Куда вы идети, мужикъ"?—Да вотъ идемъ въ судъ.—„Что же"?—„Да какъ же, я его сохранилъ отъ смерти, а онъ хоцетъ меня съѣсть". Говоритъ лисица: „пойдемти въ присудствіе, я васъ посужу". Вотъ пошли они съзади за лисицаю. Вдругъ она соскацыла накамень и села. „Ну, мужикъ, показывай, какъ у васъ съ волкомъ было дѣло, и ты сохранилъ его отъ смерти"?—„Да вотъ такъ, и лезь, волкъ, опять въ мешокъ". Волкъ влезъ, а мужикъ и завѣзалъ его. Тутъ лисица и говоритъ мужику: „бѣй его до смерти". Вотъ мужикъ прежде судью убилъ да и волка то не упустилъ.

Островскій у. 1870 г.

---

104. [Оклеветанная сестра].

Нѣ въ которомъ городѣ жилъ купецъ съ женой. Яны жили богато и другъ друга любили. Въ ихъ было двое дѣтей—сынъ и доць. Дѣти одинъ другаго любили и поцытали, ни въ цемъ одинъ другому непоперецыли и худо одинъ другаго не называли. Родители на ихъ глядѣли и радовались. Когда отецъ сталъ умирать, то дѣтямъ велѣлъ и послѣ смерти его также жить и другъ друга любить. Когда стала мать умирать, то сказала имъ: „дѣтуньки,

послѣ меня также живите и одинъ другаго любите и уважайте", а сыну сказала: „смотри, сестры не обижай". Дѣти послѣ смерти родителей такъ и жили: одинъ другаго любили и уважали. Жили яны долголь-мало безъ родителей, сестра нацала уговаривать брата жениться, что ей одной трудно работать, братъ на то не согласился. Сестра больше стала наядать брату о женитьбѣ. Енъ хуть и не хотѣлъ жениться, но сестры послухалъ, женился. Братъ оженивши съ женкой хорошо жилъ и сестру по прежнему любилъ, уважалъ и не обижалъ. Женка чрезъ это стала на мужа сердиться, а на заловку вдвое. Мужу наговорила на сестру, будто бы она ницова харошава не зная и дѣлать не вмѣя, за что не возмется, все спортитъ, часто бьетъ то и другое и ложекъ и карцовъ не набраться, все бьетъ и ломаетъ. Братъ женки слухая и сестру не обижая и боится обидѣть, потому что родители не велѣли, а штобы ссору между женкой и сестрой прекратить, братъ для сестры построилъ отдѣльную избушку, тамъ яна и жила. Братъ любилъ охвотницать, и когда иде на хвоту и приде со хвоты, все къ сестры зайде съ ей поговорить и посовѣтаться. Жена черезъ то хуже прежняго стала ненавидѣть сестру и часта лгала на яну брату. Братъ не слухая женкиныхъ рѣцей, все дѣлая по своему, исполняя приказаніе родителей, не обижая сестру. За это женка на сестру аше хуже злилась и на укоризну одинъ разъ въ праздникъ полуштофы и бутылки съ виномъ разбила и сказала на сестру. Братъ ей за то ницего не сдѣлалъ. Въ другой разъ яна взяла загубила самолутшаго жеребца и сказала на заловку. Братъ ей и тутъ ницова не сдѣлалъ и каждый разъ женки на то отвѣцалъ: „Богъ съ ей; Богъ намъ асше дастъ". То чтобы ему нельзя было оставить безъ наказанія сестры, взяла и загубила своего младенца и сама пошла туда, гдѣ мужъ съ сестрой работали. Съ работы послала заловку домой замесить квашню. Послѣ скоро и сама пришла въ избу и прямо къ зыбки; глядь, а младенецъ не живъ. Тутъ она закричала дурнымъ матомъ, што заловка зарѣзала яинаго (такъ!) сына; на крикъ прибѣгъ и братъ, и самъ увидѣлъ, что сынъ не живъ и не зналъ, што дѣлать: сына жаль и сестры жаль; а женка крицытъ и велитъ убить сестру, за чѣмъ она убила младенца. Братъ видитъ, что тутъ нельзя не наказать сестры,

взялъ завесъ ее въ лѣсъ и хотѣлъ рубить голову. Яна нацала плакать и просить ему и говорила: „лутше ты отруби мнѣ руки и ноги“ Брату сестры жалко стало, радъ бы и простить, но нельзя. Взялъ и отрубилъ ей только руки по локоть, поплакалъ и отпустилъ сестру, куда глаза глѣдятъ. Она пошла, а братъ, пріѣхавши домой, сказалъ объ томъ и жены. Она тѣмъ осталась и довольна, и послѣ того они стали жить безъ хлопотъ. А сестра ходила долголь-мало, терпѣла голодъ и холодъ, наконецъ, подошла къ царскому саду, а въ томъ саду одна яблонь была оцынь хороша и на ей яблоки были оцынь красивы-сладки, а какъ она хотѣла исть, то взяла доставать ртомъ яблоки и ѣсть. Тутъ хватились, что на самолутшей яблони яблоки не всѣ. Царь въ одну ноцъ велѣлъ караулить. Когда караульные уснули, яна подошла къ этой яблони и опять поѣла яблокъ; тутъ узнали, што опять хто-то ѣлъ яблоки; стали другую ноцъ краулить и опять не украулили, когда она поѣла яблокъ. Въ третью ноцъ пошолъ караулить яблоки самъ царевицъ, и когда она подошла къ яблони, то царевицъ увидѣлъ и схватилъ яну. А эта безрукая дѣвица оцынь была красива и царевицу гораздо пондравилась. Енъ сталъ просить у родителей позволенья жениться. Родители согласились и предлагали ему ту и другую невѣсту, но енъ говорилъ: „позвольте мнѣ ажаниться на той, на которой я пожелаю“. Отецъ и мать на то согласились. Енъ и объявилъ имъ, что енъ хоца жаниться на той безрукой дѣвушки, которую поймалъ подлѣ яблони. Царь и царица сперва задумались, потомъ и благословили. Царевицъ оцынь обрадовался, что родители не препятствовали и охотно вступилъ въ супружество съ той безрукой дѣвицай. Живи, поживи съ мужемъ яна—забеременила, а мужъ поѣхалъ воѣвать и отъѣзжая говорилъ, кого бы моя жена не родила, но не крестити до моего пріѣзда. Долголь-мало молодая жена пожила безъ мужа и родила сына цуднаго: руки по локоть въ золоти, ноги по колѣно въ серебри, на затылки мѣсяцъ, въ лбу солнце, а на макушки цастыя звѣздацки. Объ этомъ написали мужу письмо и послали съ мужикомъ, который шелъ, шелъ, и застала ноцъ; енъ и зашелъ къ одному купцу въ домъ и попросился ноцевать. Когда посидѣлъ, то и нацалъ расказывать объ этомъ цудѣ, и когда упомянулъ, что нашъ

царевичъ женился и взялъ незнакомую безрукую дѣвицу замужъ, а яна родила такого-то сына, а это былъ домъ брата безрукой дѣвицы, которая за царевичемъ, а хозяйка и смякнула, что енъ расказываетъ про ея заловку, стала говорить посланному съ письмомъ: „у меня готова баня, такъ сходи попарься; съ дороги хорошо“ Енъ отправился въ баню, а яна взяла письмо распецатала, процытала и написала другое, „будто-бы твоя жена родила ни волка ни собаку, ни кошку ни мышку, что прикажешь сдѣлать“. Палуцывши это письмо, мужъ написалъ обратно, чтобы не хранить младенца, покуда я самъ пріѣду. Дорожный отправился съ письмомъ и обратно опять зашелъ къ той хозяйки ноцевать по старой береги. Яна опять взяла письмо, процытала и написала, чтобъ не только младенца, но и женки не было въ домѣ. Родители, получивши письмо, оцынь долго горѣвали и жалѣли младенца и невѣстки: наконецъ, объявили объ томъ и жены сына, она сказала: „штошъ дѣлать“, и ей привязали младенца къ груди и пустили, куда глаза глядятъ. Яна ходила, ходила и разъ ишла около озера и захотѣла напиться, а какъ въ ей руки были отрублены, то яна и побрела поглыбже, чтобъ достать напиться ртомъ, и когда нагнулась, то младенецъ и вывалился въ воду. Яна безъ рукъ не могла его достать, и енъ утонулъ. Мать сказала: „лучшебъ я утонула, чѣмъ сынъ,“ вышла съ озера безъ сына, плакала, плакала и уснула на берегу. Проснувшись, смотритъ: у ней руки сдѣлались прежнія и младенецъ сидитъ на водѣ живой. Яна поблагодарила Бога, взяла младенца и, подошедши къ постухамъ, свое хорошее платье отдала постухамъ, а сама надѣла худое и питалась именемъ Христовымъ. Такъ долголь-мало ходила, наконецъ пришла къ дому брата своего и просится ноцевать; тутъ ноцевалъ, попрежде ей пріѣхавши, какой-то офицеръ. Тотъ смотритъ въ окно и отвѣчаетъ: „пущу, если будешь говорить сказки“. Она отказывалась, наконецъ сказала: „буду“. „А если будешъ—то иди, я и безъ хозяина пущу“. Она пришла въ избу и, какъ побирашка, ушла въ задній уголъ, а сыну голову закрыла, чтобъ комнаты не освѣтило. Когда легли спать, то хозяинъ и офицеръ нацали заставлять побираху говорить сказки. Она долго отказывалась и думала, што шутятъ, а какъ узнала, что имъ и вправду хоцатся послу-

хать сказки и нацала расказывать о своемъ похожденіи. Яны все слухали, а когда нацала объяснять, какъ ее оклеветывала невѣстка, то хозяйка сказала: „полно тебѣ болтать-та! спи“, но хозяинъ съ офицеромъ заставляли продолжать. Когда она концыла расказъ, то офицеръ смякнулъ, что это его жена, и приказалъ для ей сготовить такой же ужинъ, какой енъ имѣлъ, и поблагодарилъ за сказку. Утромъ объявилъ побирашки, что „я твой мужъ, а младенецъ твой мой сынъ“; послалъ въ лавку купить хорошее платье, нарядилъ. И хозяинъ объявилъ офицеру, что енъ его зять, а это моя сестра, а ваша жена. Тутъ они обрадовались такому слуцаю, поблагодарили Бога, и долго новые родные пировали и того, што тамъ было, ни перомъ выписать ни словомъ высказать нельзя. Потомъ они всѣ вмѣстѣ отправились къ царю, и царь и царица оцынь радовались, хвалили и благодарили за такое чудо Бога. Потомъ задали пиръ на весь міръ, и нацали жить да радоваться и хвалить Бога.

Островскій у. 1870 г.

---

105. [Мужикъ, медвѣдь и лиса].

Жилъ мужикъ и баба. Мужикъ началъ распахивать подъ сѣвъ рѣпы землю; пришелъ къ нему медвѣдь и сказалъ: „Богъ помочь тебѣ, старичокъ!“ — „Спасибо!“—„Что ты дѣлаешь?“—„Распахиваю подъ сѣвъ рѣпы землю“.—„Прими и меня въ долю“.—„Можно!“ Старикъ сталъ землю орать, а медвѣдь лапами боронить. Изготовивши землю, посѣяли рѣпу; рѣпа выросла; старикъ съ медвѣдемъ кинули жеребьемъ, кому достанется низъ и кому верхъ (то есть, кому рѣпа и кому мятина). По жеребью досталась рѣпа старику, а мятина медвѣдю. Медвѣдь, откушавши своей добычи, остался недоволенъ и говоритъ самъ себѣ: „ужо я старику за обманъ отплачу!“ На слѣдующій годъ старикъ началъ готовить землю подъ посѣвъ пшеницы, и пришелъ къ нему тотъ же медвѣдь и говоритъ: „прими меня въ долю!“—„Можно!“ И начали оба изготовлять землю; изготовивши, посѣяли пшеницу. Пшеница выросла. Старикъ и говоритъ медвѣдю: „давай бросимъ жеребій, кому достанется верхъ и кому низъ?“ А медвѣдь сказалъ ему: „ты меня въ про-

шломъ году обманилъ; я не буду бросать жеребья, а возьму низъ, а ты бери верхъ". Старикъ на это согласился, снялъ пшеницу, а медвѣдю оставилъ жатву. Медвѣдь, обобравши жатву, видитъ, что ему нѣтъ пользы, и говоритъ самъ себѣ: „я за обманъ старика сломаю!"

Увидѣлъ старика и говоритъ ему тѣ самыя слова. Старикъ видитъ, что ему приходится плохо, сталъ просить медвѣдя: „отпусти меня домой попрощаться съ женой и переодѣться въ бѣлое платье". Медвѣдь отпустилъ его. Навстрѣчу старику попалась лисица и говоритъ ему: „что ты, старикъ, задумавши?" Онъ отвѣчая ей: „какъ не думать! Медвѣдь хочетъ сломать меня". Она ему говоритъ: „что дашь? Я освобожу тебя". Старикъ посулилъ ей пѣтуха и курицу, на что она и согласилась. Потомъ лисица приказала старику набрать въ мѣшокъ разнаго желѣза и принести ей, когда пойдетъ къ медвѣдю на изломаніе; это для того, что она будетъ около мѣста, на которое приказалъ медвѣдь придти старику переодѣвши, и будетъ одно объ другое брякать; медвѣдь же услышавши это спроситъ у старика: что это брякаетъ? А старика научила сказать: „ѣздятъ охотники и бьютъ волковъ и васъ медвѣдевъ ищутъ". Старикъ, исполнивши приказаніе лисицы, приходитъ къ медвѣдю, а лисица желѣзомъ побрякиваетъ. Медвѣдь, услышавъ это, спросилъ у старика: „кто это брякаетъ?" Старикъ, по наученію лисицы, сказалъ, что ѣздятъ охотники и бьютъ волковъ и медвѣдевъ. Медвѣдь, испугавшись, сталъ просить старику (такъ!): „отруби мнѣ лапы и скажи охотникамъ, что я пропавши". Старикъ послушалъ его, обрубилъ ему лапы и пошелъ домой, а лисица догнала его и требовала обѣщаннаго, т. е. пары курятъ. Старикъ приходя домой, взялъ двухъ небольшихъ собакъ, посадилъ въ мѣшокъ и выноситъ лисицы вмѣсто пары курятъ и сказалъ ей: „не смотри здѣсь, а неси въ лѣсъ". Лисица, принесши въ лѣсъ, развязала узелъ, а собаки, выскочивши изъ мѣшка, принялись за лисицу. Лисица видя, что дѣло ея плохо, побѣгла на уходъ, а собаки сзади и вогнали ее въ дупло, т. е. въ пустое дерево, а сами стали около него и ожидаютъ, когда она выйдетъ. А лисица въ дуплѣ у своихъ членовъ спрашиваетъ: „Глазы, что вы дѣлали?" Они ей отвѣчали: „мы осматривали куда скрыться отъ собакъ".—„Ноги, что вы

дѣлали?—„Мы спѣшили уйти отъ собакъ“.—„Хвостъ, что ты дѣлалъ“?—Я болтался и искалъ случая зацѣпиться, чтобъ собаки тебя догнали“.—Лисица думала, что собаки ушли отъ дупла, хотѣла посмѣяться надъ хвостомъ и высунула его вонъ, а собаки ухватили за него, вытащили лисицу и похитили.

Порховскій у. 1870 г.

---

106. [**Лгала и Полыгала**].

Ишелъ въ городъ Лгала лгать. Попалъ на стречу человѣкъ, спросилъ: „куда ты, братъ, идешь“?—Иду въ городъ лгать.—„Возьми меня, братъ, полыгать“ И сказалъ Лгала, что „волкъ! волкъ“. Полыгала сказалъ: „гдѣ, гдѣ?“ Лгала сказалъ: „ты не гожъ, поди прочь“. Полыгала забѣгъ опять на встрѣчу Лгалы и опять спросилъ: „куда, братъ, идешъ?“ Лгала сказалъ: „въ городъ лгать“. Онъ сказалъ: „возьми меня полыгать“. Лгала сказалъ: „волкъ, волкъ!“ Полыгала говоритъ: „два, два!“ Лгала говоритъ: „пойдемъ вмѣстѣ!“ Пришли въ городъ. Лгала сталъ на фатеру, а Полыгала на другую. Пошелъ Лгала на рынокъ, увидѣлъ: носитъ баба яйцы, купцы дивятся, что какія большія яйцы. Лгала подошелъ, говоритъ: „какія это яйцы! Какъ въ нашей стороны положила курица яйцо подъ воротамъ, немогъ я яйца откатить и воротъ отворить, уже чрезъ тынку вылезъ“. Купцы ему не повѣрили, а взяли его и посадили въ полицію. Сидитъ Лгала сутки и другія, на третія сталъ просить начальство, что „господа присудствующія, пустите меня на рынокъ, не увижу-ль я кого либо со своей стороны, не отправитъ (испр. въ неоправятъ) ли меня“, и повели его на рынокъ. Вдругъ увидѣлъ онъ своего Полыгалу и говоритъ ему, „что, братъ, замечаю я по платью, не съ нашей ли ты стороны?“ Онъ сказалъ: „съ вашей“. — „Пойдемъ, братъ, оправь ты меня, что я сказалъ, что у насъ положила курица большое яйцо“. Полыгала сказалъ, что „я яйца не видалъ, а только былъ у нашей вдовы пятухъ, соскочилъ настолъ, а со стола на кролю (такъ!) и склевалъ половину мѣсяца“. Вдругъ вышло начальство на улицу и увидели на небѣ половина месяца; ему повѣрили и Лгалу выпустили и дали 100 руб. сереб.

Лгала пошелъ на другой рынокъ и увидалъ, что купцы галятся на капусту, что баба носитъ большія качанья. Лгала подошелъ и сказалъ: „что это закапуста, какъ въ нашей стороны капуста четыре тысячи солдатъ на капустномъ листѣ переѣхали чрезъ рѣку“. Опять взяли Лгалу и посадили въ полицію. Лгала сидитъ день и другой и просится у начальства, чтобы они позвалили (такъ!) походить по рынку, что „не увижу-ль я кого либо сосвоей стороны, не оправятъ ли меня“ Отпустили его на рынокъ. Вдругъ попадаетъ ему Полыгала. Лгала говоритъ, что „братъ, я замѣчаю по платью, не съ нашей ли ты стороны“? Онъ говоритъ: „съ вашей“.—„Пойдемъ, братъ, оправъ меня, что я сказалъ, что у насъ на капустномъ листѣ переѣхало чрезъ рѣку четыре тысячи солдатъ“. Полыгала говоритъ: „пойдемъ, братъ, не знаю, что переѣхало четрѣ (такъ) тысячи солдатъ на капустномъ листѣ, а только была у насъ такая капуста, что три брата рубили одинъ качанъ цельный день въ три топора и качерыгу раскололи начетверо и дѣлали потоки.“ Тогда начальство повѣрило, выпустили Лгалу и дали ему 100 руб. Лгала пошелъ въ третій рынокъ и увидѣлъ, что купцы дивятся на большія хоромы, а Лгала подошедши сказалъ купцамъ: что это за хоромы? Какъ въ нашей стороны хоромы, такъ дворница съ дворницей сойдутся и разойдутся и опять цельный годъ не сойдутся“. Опять взяли купцы Лгалу и посадили въ полицію. Лгала сидитъ день и другой и просится у начальства на рынокъ, что „не увижу-ль я кого либо съ своей стороны, не оправятъ ли меня“. Начальство отпустило Лгалу на рынокъ. Вдругъ попадается ему Полыгала. Лгала говоритъ, что „братъ, я замѣчаю по платью, что ты не съ нашей ли стороны“? Полыгала говоритъ: „съ вашей“.—„Братъ, пойдемъ со мной, оправь меня, что я сказалъ, какъ въ нашей стороны есть хоромы, что дворница съ дворницей сойдутся и разойдутся и цельный годъ опять не сойдутся“. Полыгала говоритъ: „не знаю, что есть такія хоромы, а только я видѣлъ у насъ везли дерево, комель въ рожество, а маковку около маслиной“. Это ему повѣрили, что верно и въ самомъ дѣлѣ есть у нихъ такія хоромы; выпустили Лгалу и дали ему 100 руб. Они получили и отправились домой съ тремя стами руб. серебромъ.

Порховскій у. 1870 г.

107. Сказка о ершѣ.

Въ нѣкоторомъ царстви, въ нѣкоторомъ государстви, король на каралевстви, на ровномъ мѣсти, какъ на баранѣ, выѣхалъ ершишка въ липавыхъ санишкахъ, въ берещиныхъ лаптишкахъ; станавился эвтотъ ершишка на калиновый мастишка; мастишка абламился, ершишка въ воду ввалился и напрасился въ Щуки Калуги ноцъ перенацевать, день передневать, плате перисушить и всѣ крѣпасти перисматрѣть. Щука Калуга пустила и про ерша баинку стапила. Этотъ ершишка ноцъ перенацевалъ, день перидневалъ, платье перисушилъ, крѣпости перисматрѣлъ и въ баинку сходилъ; эвтотъ ершишка на Ораскѣ озерѣ валяется, на озеро Ораско похваляется: хоцы всю рыбу побѣдить, галавней пакатить, бальшую калóть, а малинькую вонъ гнать. Вотъ рыбка испугалась, становится вкругъ и думая думу вдругъ: „какъ быть, какъ жить, какъ ерша сгубить, кастраватую рожу? Каво будимъ посылать къ саму бальшимъ усамъ, судьи правидному? посылать и не пасылать рыбину щуку!“ Щука и говоритъ: „я, щука, щикатлива, на рѣцахъ смутлива, скажа, зацѣмъ, засцыха, пришла, я тебѣ гаварю, ты вонъ пашла!“ Рыбка опять становится вкругъ и думая думу вдругъ: „какъ быть, какъ жить, какъ ерша сгубить, кастраватую рожу? Каво будимъ посылать къ саму бальшимъ усамъ, судьи правиднаму? послать и не паслать рыбину окань! Окань и гаваритъ: „въ меня глазы пасалавѣвши, крылья падапрѣвши, скажа — не успѣлъ глазъ налить, да пришелъ ка мнѣ гаварить, — я тебѣ гаварю, что ты вонъ пашелъ!“ Опять рыбка становится вкругъ и думая думу вдругъ: „какъ быть, какъ жить, какъ ерша сгубить, кастраватую рожу? Каво буди паслать къ саму бальшимъ усамъ, судьи правиднаму? послать и не паслать рыбину платицу!“ Платица и гавари: „у меня глазы красны, крылья падапрѣвши, скажа: зацемъ, плёха, пришла? я тебѣ говарю, вонъ пашла!“ Опять рыбка становится вкругъ и думая думу вдругъ: „какъ быть,

какъ жить, какъ ерша сгубить, кастраватую рожу? — каво буди послать къ саму большимъ усамъ, судьи правиднаму? послать и не паслать рыбину налимъ! Налимъ и говори: „въ меня губы толсты, брюха перидавѣса, скажа, за цѣмъ, шипялюнъ, пришелъ? я тебѣ гаварю, вонъ пашелъ!“ Рыбка опять становится вкругъ и думая думу вдругъ: какъ быть, какъ жить, какъ ерша сгубить, кастраватую рожу?—каво бы паслать къ саму бальшимъ усамъ, судьи правиднаму? послать и не паслать рыбину карась! Карась и гаваритъ: „давно я дажидался эвтава отъ васъ!“ Рыбина карась вставала раненька, умывалася бѣленька и поскакалъ къ саму большимъ усамъ, судьи правиднаму; прискакалъ — сомъ спитъ; онъ разъ хвастомъ плясне, другой разъ плясне, третій— сомъ пробуждаится и спрашивая: „о цемъ ты, карась?“ „Сицасъ, сударь, толька да васъ“.—„О цемъ же?“—„Да вотъ ершишка на Ораскѣ озерѣ валяется, на озеро Ораско выхваляется, хоцы всю рыбку побѣдить, галавней накатить, бальшую калоть и малинькаго вонъ гнать, мы испугались!“ „Ахъ, глупецъ, нашелъ ба першу да паставилъ ба вершу!“ Карась откланился и поскакалъ. Нашелъ першу, поставилъ вершу, на тотъ слуцай пришелъ Абрамъ, заколъ забралъ; пришелъ Багданъ — ерша Богъ далъ; пришелъ Егорка — стащилъ ерша на горку; пришелъ Антонъ — убилъ ерша гантомъ; пришелъ Вавила — повѣсилъ ерша на вилы; пришелъ Антропъ — повѣсилъ ерша подъ стропъ; пришелъ Тереня—принесъ дровъ беремя; пришла Марина—ерша помыла; пришла Ирина—ерша сварила; пришелъ поварь—ерша пробалъ; пришелъ верблюдъ—разлилъ ерша на семь блюдъ; пришелъ котъ Іаковъ—всего ерша смякалъ; пришелъ драконъ—завелъ объ ершѣ драку; пришелъ Епифанъ—и все дѣло распихалъ.

Псковскій у., Виделебскій приходъ. 1870 г.

---

108. Иванъ Пантелеичъ.

Жилъ былъ багатырь Пентелей, было у него три доцки да сынъ; онъ кагда сталъ помирать, наказывалъ сваму сыну: „сматри, сынъ, кто толька ни пріѣдя сватать сестеръ, отдавай“. Севодня захаранили отца, а на другой день веца-

ромъ и пріѣхалъ сватъ. Стукъ подъ акномъ; братъ и бая: „хто тамъ?“—„Отдаешъ-ли сваю бальшую сястру замужъ?“—„Не знаю, а по батюшкину приказанью надабъ отдать“. Всталъ па утру, большей сестры и нѣтъ. На слѣдующій день вецаромъ опять сталъ стучать падъ акномъ. Братка спрасилъ: „хто тамъ?“ Не отвѣцая, кто ёнъ; бая: „отдаешъ-ли середнюю сестру замужъ?“—„Не знаю, а па батюшкину приказанью надабъ отдать“. Всталъ па утру, и середней сестры нѣтути. На слѣдующій за тѣмъ вѣцеръ опять стуцы падъ акномъ, и, не отвѣцая на запросъ, хто таматка, спрахавая: „отдаешь ли меньшую сестру замужъ?“ Братъ отвѣтилъ: „не знаю, а па батюшкину приказанью надабъ отдать“. Всталъ на утра, и малай сестры нѣтъ. Жилъ, жилъ Иванъ Пентелеицъ и смертна грусь. Взялъ онъ самалуцшаго жеребца и поѣхалъ, куда глазы понесутъ, съѣхалъ на дорогу и па ей пріѣхалъ онъ къ мѣднаму царству. Вашелъ ёнъ въ середку и видя, што тутъ живе одна дѣвушка, енъ и спрасилъ у ей, пайдешь-ли за меня замужъ? По сагласьи яны скора и абвенцались,—и стали жить въ яинамъ домѣ. Не многа погадя, яна атпрасилась въ гости и уходя сказала мужу: „когда табѣ безъ меня буди грусна, абайди всѣ сады и канюшни, тогда не буди грустна. Да сматри, е въ саду пунька, ремяшкомъ завязана, бумажкай прастой запецатана, въ тую не ходи“. Ёнъ абашелъ все и падумалъ, отъ цаво же мнѣ не схадить въ эвту пуньку? Хоть жена и не вялѣла, но схажу дасматрѣться; што тамъ такоя?“ Ремяшокъ разарвалъ, бумажку атарвалъ, вашелъ туда и види, кипи въ смалѣ 9-ти галовый змѣй. Змѣй и молится Ивану Пентелеицу абмацывать въ ваду палецыкъ и капнуть въ катель. Иванъ Пентелеицъ баитъ: „нѣ, не буду“; молится онъ иншай разъ, и когда енъ капнулъ въ катель, тогды все патухла, змѣй вылетѣлъ оттуда, живо дагналъ жену Ивана Пентелеица и взялъ ею сабѣ. Живя опять одинъ,—згрусъ, взялъ отъ скуки добраго жеребца и поѣхалъ, ѣхалъ, ѣхалъ, наканецъ пріязжая къ славнаму царству, слѣзъ съ каня, входи на дворъ и увидилъ, стаи на паратнамъ крыльцы его старшая сестра. „Заравствуй (такъ), желаннай братецъ, какъ ты сюда папалъ?“ Онъ и баитъ: „сперва напой, накарми, да пра все горя распраси“. И накармила, напаила, пра все горя распрасила, патомъ и молвила: „бра-

танъ ты мой, куды я тебя дѣну, въ меня мужъ-та сярдитъ"—А хто твой мужъ?—Громъ.—А такъ припряцъ меня куды ни на э". Вдругъ застуцала, загрымѣла, и лети громъ; какъ вдарился а паратный крылецъ, и сдѣлался красивай маладецъ. Входя въ хату: „фу, фу, гавари, русьскаго духу была не слыхать, таперь въ оцахъ верзится". Жена отвѣцая: „мой желанный муженецыкъ, по Руси леталъ, такъ самъ русьскаго духу набралси". Разбаявшись, жена загадала мужу: „а штобъ ты сдѣлалъ, кали пришелъ ба твой шуринъ, а мой братъ?"—„Штобъ сдѣлалъ, мужъ отвѣцая, ябъ не набаился съ нимъ". Тогды яна сказала: „да енъ здѣ", и привела ево. Громъ срѣтилъ сваво шурина ласкава и миралюбна. Праздницалъ словна Иванъ Пентелеицъ у сваво зятюшки; между всякой всяцыны громъ сказалъ ему: „да, Иванъ Пентелеицъ, умѣлъ ты умомъ жену нажить, а безумьемъ пражить,--ступай, сацы, толька скажу табѣ, хыть и найдешь—не полуцыть, потаму шта яна въ 9-ти галовава змѣя захвацына". Иванъ Пентелеицъ распрашшался и поѣхалъ; ѣхалъ, ѣхалъ и пріѣзжая къ серебринаму царству; входя въ царство и видя, на паратномъ крыльцы сиди серёдава сестра. „Здрастуй, желаннай братецъ, какъ табя Богъ занесъ суды". Онъ и баитъ: „сперва нашой, накарми да пра все горя распраси". Яна накармила, напаила, пра все горя распрасила, патомъ и молвила: „братка ты мой любящій, куды я табя дѣну, въ меня мужъ-та сердитъ".—„А кто твой мужъ?"—„Мужъ мой Маланья".—„Ну, такъ спряцъ меня". Не успѣла харашенька спрятать, вдругъ застуцала, загрымѣла, и лети маланья; какъ вдарилася а паратный крылецъ и сладился добъ маладецъ. Входя въ хату: „фу, фу, бая, русьскаго духу была не слыхать, таперицка въ оцахъ верзится". Жена отвѣцая: „не самъ ли принесъ, желаннай муженецыкъ, лѣтавши вездѣ". Разбаявши жена загадала мужу: „а штобъ ты сдѣлалъ, кали пришелъ ба твой шуринъ, а мой братъ?" — „Ницаво не сдѣлаю, потомъ шта я радъ повидаться". Тагды яна пашла и привяла ево. Маланья встрѣтилъ яво ласкова и, баивши аба всякай всяцыны, промижъ басинъ и Маланья молвилъ ему: „да, Иванъ Пентелеицъ, умѣлъ ты умомъ жену нажить, а безъумьемъ пражить. Памогъ бы я табѣ дастать жану, да и мнѣ дѣлать нецава съ эвтымъ змѣемъ,—яво та я хыть съ каня и сабью,

да съ канемъ не справиться, енъ увезетъ яво". Распрашшавши братски, поѣхалъ дали. Долгаль, малаль ѣхалъ, наканецъ пріѣзжая къ залатому царству. Входя и види здѣ: малая сестра, сидѣвши, вышывая на крыльцы. „Здравствуй, желанный братецъ, какъ ты суда попалъ?" Енъ и отвѣцая: „перва напой, накарми, да пра все горя распраси". Яна накармила, напаила да пра все горя распрасила; патомъ и молвила: „братъ ты мой сердешный, рада я, што ты ка мнѣ пріѣхалъ, да въ меня мужикъ-та сярдитъ".—„Какъ же енъ празывается?"—„Птица надъ всѣми птицами и надъ всѣми рыбами и звярями набальшая, выключая змѣя, завутъ его Агей". Братъ папрасилъ спрятать яво. Толька шта скрыла, и лети птица Агей, вдарилась а паратный крылецъ и сладилась красивай маладецъ. Входи въ хату: „фу, фу, гавари, русьскаго духу была не слыхать, таперь въ ацахъ верзится? Жена отвѣцая: „муженецыкъ сердешный, на Руси леталъ, самъ русьскаго духу набралси". Разбаивши жена вспамянула мужу: „а штобъ ты сдѣлалъ маму брату, а тваму шурину, кабы енъ къ намъ пришелъ?" Тотъ отвѣцая: „ябы оцинь радъ былъ". Сестра тотъцасъ и привела брата. Птица Агей усердна принялъ шурина и середь басинъ бая ему:—„да, Иванъ Пентелеицъ, умомъ ты нажилъ жену, а безъумьемъ пражилъ. Памогъ бы я табѣ полуцыть жену, да немошна справиться съ канемъ явонымъ. Вотъ табѣ перо мое и клубоцыкъ, каторый куды пакатится, туды и ты ѣть, и кали пріѣдишь, гдѣ живе змѣй, въ каторава жена твая, то папраси бабу калдунью и постарайся пристать въ ей, штобъ она въ слуцаи тябя убье змѣй, зажгла въ поли мае перо, а па смороду тотъчасъ узнаю, што ты убитъ, и найду тебя". Иванъ Пентелеицъ попрашшался и паѣхалъ. Проѣхавши не мала, смертна захатѣлъ есть и видя: на дароги гладаются два волка; енъ падъехалъ къ имъ, взялъ това и другова за наги и давай исть. Волки и баютъ яму: „не ѣшь, Иванъ Пентелеицъ, мы табѣ пригадимси". Онъ бросилъ. Немнога отъѣхавши, и види: на берягу рѣки ляжи бальшенная шшука и ракъ; енъ, сграбивши ихъ, давай исть, и тыи гаваря: „не ѣшь, мы табѣ пригадимси". Хыть галодный, не сталъ исть. Ѣдя лѣсомъ и напалъ на пцѣлъ, хотѣлъ паисть мядку, и тыи прося аставить, бая: „мы пригадимси". Поѣхалъ галодный, дали и наканецъ пріѣзжая,

гдѣ живе змѣй, въ каторава жена евона. Присталъ въ бабушки колдовщицы и напрасилъ ею узнать, домаль змѣй. Тая узнала, што яво нѣтути; онъ тотъ часъ пашелъ, взялъ жену и уѣхалъ назадъ. Въ эвтава змѣя былъ галубокъ-вѣстунокъ, каторый какъ тольки увидилъ, што целовѣкъ взялъ жену змѣя, тотъцасъ палетѣлъ вѣсть дать яму, а змѣй палевалъ суки (такъ): услыхавъ необыцайную вѣсть, нацалъ спрахывать у сваво каня: „могишь ли дагнать вора?“ Конь и гавари: „сѣй пшаницу, кали вырасти, смяли, какоръ напеки, мы перехватимъ и дагонимъ ихъ“. Змѣй такъ и сладилъ; аны перехватили, паѣхали и скора дагнали Ивана Пентелеица съ женой. Змѣй сказалъ: „сматри, Иванъ Пинтелеицъ, перву вину я табѣ прашшаю и то за то, што ты избавилъ меня атъ муки, а впередъ кали евта сдѣлаишь, живова не аставлю“,—взялъ атъ Ивана Пинтелеица жену и поѣхалъ. „Што ни буди, бая Иванъ Пинтелеицъ промижъ себя, попытаю ешше“. Апять присталъ къ той же бабы и умалилъ ею узнать, домаль змѣй, и упрасилъ, атдавши перо птицы Агея, сжець въ полѣ, кали Богъ не помилуя; баба узнала, што змѣй опять уѣхалъ суки палевать. Иванъ Пентелеицъ другой разъ абаилъ жену и атправился, а галубокъ тотъцасъ подалъ вѣсть змѣю объ эвтомъ. Змѣй спрасилъ въ сваво каня: „могишь-ли дагнать“, тотъ отвѣцая: „кагды посѣишь пшаницы, намалотишъ, смѣлишь, какоръ напекешь“.—Змѣй тоцна такъ и паступилъ: пасѣялъ пшаницы, сжалъ, намалатилъ, смололъ, какоръ напекъ, аны перихватили и паѣхали. Какъ нагнали Ивана Пентелеица, змѣй тотъчасъ разрубилъ яво на мелки цастинки. Узнавши объ эвтомъ, бабушка калдовщица вышла въ поле и зажгла Агеево перо. По сморадy птица Агей тотъцасъ прилетѣлъ, нашелъ разрубленное тѣло Ивана Пинтелеица, собралъ всѣ костацки и кусоцки мяса, послалъ двухъ воронъ за живой водой и мертвай. Когда принесли вады, сперва спрыснулъ мертвой, тѣло съединилось, потомъ, какъ спрыснулъ живой вадой, Иванъ Пинтелеицъ вскацылъ и гавари: „ахъ, какъ я заспался“. Агей птица и замѣцая ему: „если бы не я, ты вѣкъ спалъ бы и не вздумалъ пра жену. Если ты еще хоцышь дастать ею, то сперва узнай отъ бабушки-калдовщицы, гдѣ взята лошадь въ таво змѣя и не можна ли тебѣ дабыть такой“. Онъ снова атправился къ

той же бабы; сталъ распрахавать, гдѣ змѣй дасталъ такова каня. Баба отъ сердца на другую подобную себѣ бабу расказала и наущыла, какъ ему полущыть ешше лущшую той лошади, какая въ змѣя. „Вотъ, кармилицъ, я-та хитра, а нашлась хитрея меня вѣдьма,—была у меня три доцки, а эта змѣя уташшила ихъ отъ меня и абаратила кабылицами, таперь и ѣздя на ихъ. На табѣ, глубоцыкъ и ступай, куда енъ пакатится, придешъ къ дѣвки-цернавки, пастушки бабы еги; скажи ей, што я табя паслала, она сдѣлая пра табя все, цаво ты ни папросишь". Пришелъ онъ къ дѣвки цернавки, расказалъ, отъ каво енъ и за цымъ пришелъ и просилъ наущыть яво достать жеребенка отъ кабылицъ бабы еги. Дѣвка цернавка и взялась наущыть, толька бая: „слухай меня; въ бабы еги завѣтъ таковъ: пропаси кто хошь тридни яиныхъ лошадей, тогды и бери любова жеребенка; если же не спасешь, галава буди на эвтомъ тыну". Тотъ заглянулъ, взабаль тынъ вѣсь обвѣханъ галавами, толька на адной тыцинкѣ нѣту,—онъ прося и подумалъ, вѣрна моей быть тамъ. Дѣвка пошла и сказала бабѣ, што хоца целовѣкъ сабѣ жирябенка атъ тваихъ кабылицъ. Тая приказала па абыцью прапасти лошадей три дни. На другой день отпускавши пасти лашадей, дѣвка и гавари Ивану Пинтелеицу: „жаль мнѣ табя, вѣдь никакъ не спасти табѣ; вотъ на табѣ маю дудку, приде вецерь, затруби въ эвту дудку, тагды всѣ соберутся къ табѣ". Паблагадарилъ ею и пашелъ къ бабы, баба сказала ему тоже, что галава буди на тыну, кали не спасетъ, и атпустила въ поле лошадей. Лошади какъ тольки вышли изъ канюшни, разбѣглись да адной. Приходи вецеръ, затрубилъ въ дудку, вдругъ всѣ собрались, перешшиталъ и погнался домой. Види баба ега, што пригналъ всѣхъ домой, больна разгнѣвилась на лашадей. На другой день не успѣлъ аттварить дверей, ушли всѣ со слуху; проходилъ и другой день одинъ. Приходи вецеръ, затрубилъ въ дудку, опять всѣ сабрались, перешшиталъ и пагналъ дамой. Види баба яга, што пригналъ опять всѣхъ, сильна разсердилась, какъ нацала ихъ бить да пригаваривать: „если завтра вы придети съ имъ, убью да смерти". На третій день, убѣжавши отъ яво, лошади хатѣли скрыться въ стѣпяхъ, тамъ напали на нихъ волки и прагнали, аттуда пустились въ лѣсъ, тамъ абле-

пили ихъ пцелы и варатили, бросились въ воду, въ вады абступили ихъ щуки и раки; не могши скрыться нигдѣ, прибѣжали безъ трубы къ Ивану Пентелеицу. Такимъ та манеромъ спасъ онъ и на третій день лашадей. Кагда пригналъ и на третій день всѣхъ, то по згавору могъ палуцыть жеребенка. Дѣлать нецава, баба яга назавтра велѣла придти за нимъ. Пришло утра, надаби идти ему полуцыть жеребенка, онъ и проси послѣдній разъ дѣвку-цернавку выбрать жеребенка, та и гавари ему: „сматри въ ей самый луцшій абароцынъ въ самый благинькай, таво и бери, къ тамужъ ешше праси запорнаго—шерсти пудъ“. Онъ такъ и сдѣлалъ: взялъ самаго на видъ худшаго и выпрасилъ пудъ шерсти. Поблагодарилъ дѣвку и атправился, на дарогу дѣвка сказала ему: „сматри, придешь къ змѣю, убѣй перва голубка-вѣстунка, а полученнаго жеребенка, небось, пусти въ заповѣдныи луга, онъ жива вырасти“. Такъ и слуцылась: пока енъ уговаривалъ да убаюкивалъ жену отправиться, жеребенка нельзя стала признать, потомъ шта енъ переросъ яво каня и такъ разладился, быдта на картины. Надѣясь самъ и развѣрилъ жену, что на эвтамъ кани уѣхать мошна отъ змѣя,—яна сагласья дала, и атправились. Спустя немнога, пріѣхалъ змѣй, и кагда не нашелъ ни жены, ни голубка, здагадался и пошелъ спрахивать въ каня, могишь ли дагнать ихъ. Тотъ отвѣтилъ: „дагнать-та мы хоть и дагонимъ, но мнѣ и табѣ не справиться съ таперишнимъ канемъ ево, аднака папробуимъ, либа панъ, либа прапалъ“. Справились и паѣхали, но такъ какъ Иванъ Пинтелеицъ, надѣясь на каня, ѣхалъ тиха, то змѣй скора дагналъ; дагнавши, нацалъ ругаться и только хатѣлъ рубить Ивана Пинтелеица, какъ конь Ивана Пинтелеица убилъ да смерти каня и самаво змѣя. Аставши живъ, поѣхалъ дамой. На дарогѣ напали на ихъ волки, онъ кинулъ пудъ шерсти, и волки, думая овца, погнались за ней, аны въ эвта время уѣхали и благапалуцна даѣхали да дому, стали жить и дабра наживать.

Псковскій у. Виделебскій приходъ. 1870 г.

109. Агафонъ-синій балахонъ.

Агафонъ-синей балахонъ ѣздилъ въ лѣсъ. У нево лошаденка дурная, оступили слѣпни и комары. Онъ взялъ полотномъ накрылъ и убилъ въ заразъ, взялъ перецокъ (исправлено со знакомъ? на „перецолъ“) 700 слѣпневъ, а комаровъ и смѣты нѣтъ. Пріѣхалъ домой и разсудилъ съ бабой: „ну, баба, побилъ съ однова разу 700 богатырей, а мелкой силы и смѣту (такъ) нѣту“. Она ему сказала: „ты самосильный богатырь“. — „Латька напитокъ, я поѣду воевать“. Она взяла свѣклы сырой съ капустнымъ разсоломъ и сладила напитокъ. Онъ влилъ въ боченокъ и подъ брюхо привязалъ коню. Самъ сѣлъ синій балахонъ, бабы говоритъ: „какъ же, баба, буде: я Агафонъ-синій балахонъ, касу за поясъ заторнулъ и касарь за поясомъ сталъ“. Сѣлъ на свою лошаденьку и поѣхалъ верхомъ воевать. Проѣзжаетъ по шессейной дороги, на станціи на столбу написалъ: „проѣзжалъ Агафонъ-синій балахонъ, касарь за поясомъ, сильный могучій богатырь, со однова маху побіяху 700 богатыревъ, а простыхъ и смѣты нѣту“. Послѣ ево проѣзжали богатыри, глядя на столбу, увидѣли: „проѣзжалъ Агафонъ-синій балахонъ, касарь за поясомъ, сильный, могучій богатырь, со однаго маху побилъ 700 богатырей, а простыхъ и смѣты нѣту“. Они поѣхали за нимъ и догнали ево. По писанью богатырь, а по виду вовсе не похожъ; они хотѣли его объѣхать, но онъ закричалъ: „не смейте объѣзжать, ступайте съ зади“. Они ѣхали вмѣстѣ, пріѣхали въ луга, раскинули шатры, стали нацевать и стали разсказывать, которому старшему быть; надо воевать, нашто воевать — надо напитковъ попробовать. Они поднесли своихъ напитковъ Агафону, онъ выпилъ и не сморщился, потомъ своихъ имъ налилъ (сыраго свѣклиннаго и капустнаго соку); они выпили, у нихъ сдѣлался поносъ, и они не могли воевать и Агафона старшимъ богатыремъ. Увидилъ царь, чьи луга, и прислалъ къ нимъ посланниковъ спросить, поцаму они тровятъ луги безъ спросу, они отвѣтили: „мы съ тобой хотимъ воевать“. Царь на утра выслалъ своего богатыря воевать, и Агафонъ младшаго своего богатыря выслалъ напротивъ его. Агафоновъ богатырь царева богатыря убилъ. Царь выслалъ другаго богатыря, и Агафонъ сред-

няго своего выслалъ богатыря. Агафоновъ богатырь и второва царева богатыря убилъ. Царь думалъ, гдѣ взять еще богатыря, и здумалъ, что былъ за провинку посаженъ въ тюрьму богатырь, сидѣлъ тамъ 30 лѣтъ, и этотъ богатырь нонешней войны не зналъ. Онъ пріѣзжая къ битвы, Агафонъ выѣхалъ самъ и глаза себѣ завязалъ платкомъ, а противъ одного глазу оставилъ дырку. Царевъ богатырь думалъ, что по новѣйшей войны такъ и нужно, и онъ себѣ вовсе глаза завязалъ. И стали съѣзжаться, одинъ противъ одново. Царевъ богатырь мохнулъ саблей, а Агафонъ приклонился и схватилъ, косой богатырю голову отрѣзалъ, его спихнулъ съ коня, а самъ сѣлъ на ево коня. Конь Агафона несъ по лѣсамъ и по горамъ и стременемъ березу захватилъ, и съ березой Агафона въ царевъ городъ потащилъ. На площади березой много народу побилъ. Царь и закрицалъ Агафону остановиться. Агафонъ кое какъ коня удержалъ. Царь Агафону половину царства отказалъ. Агафонъ и воевать пересталъ.

Псковскій у., Посадская волость. 1870 г.

---

110. Дурачекъ.

Жили въ одномъ селеніи три брата: двое умныхъ, а третій, Ванюшка, дуракъ; братья Ивана дурака хотѣли извести со свѣта. У сосѣда ихъ Тимохи было много посѣяно рѣпы, которая и была въ осеннее время складина въ глубокую яму на зиму, которая еще не была засыпана землею. Братья Ивана дурака послали къ этому Тимохи воровать рѣпу; онъ не отказался и пошолъ, а самъ имъ велѣлъ приходить съ мѣшками. Пришедши къ ямѣ и взлезши туда, сталъ рѣпу разбирать по сортамъ, которая побольше, себѣ за пазуху, а поменьше—братьямъ, и говоритъ: „эта брату, эта другому, а эта мнѣ!“ Въ то же время захотѣлось и сосѣду ихъ Тимохи рѣпы, и онъ послалъ жену свою, которая приходитъ къ ямы и слышитъ, кто-то въ ямы говоритъ: „эта брату, эта другому, а эта мнѣ, мнѣ!“ Жена, испугавшись, пришла къ мужу и говоритъ: „это брату, это другому, а это мнѣ, мнѣ!“ Мужикъ не медля сряду же сапоги на ноги и къ приходскому священнику, а у нихъ то въ деревни была при-

ходская церковь; приходитъ къ нему и говоритъ, что у него въ ямы чертъ рѣпу считаетъ, и просилъ его, чтобы онъ пришолъ къ нему выгнать черта изъ ямы. Попъ сперва отказывался, что грязно идти да и ночное время, а у попа то въ то время и сапоговъ не было, потому онъ и не хотѣлъ. Тимоха же сталъ просить усерднѣе и говоритъ, что я тебя снесу на крукишкахъ, на что онъ и согласился; мужикъ взялъ попа на крукишки и понесъ къ ямы. Дуракъ слышитъ и думаетъ, что его братья идутъ съ мѣшками за рѣпою, и говоритъ: „что, пришолъ, Тимоха?“ Отвѣчаетъ: „пришелъ!“— „Что, принесъ?“ — „Принесъ!“ А попъ думалъ, что его Тимоха хочетъ всадить въ яму къ чорту; устрашившись, соскочилъ съ крукишекъ Тимохи, побѣжалъ въ однѣхъ чулкахъ по грязи домой; и Тимоха, устрашившись, за нимъ, а дуракъ, набравши полну пазуху рѣпы, возвратился домой опять спокойно и никого не боялся.

Псковскій у., Логозовская вол. 1870 г.

---

111. **Сказка (объ Иванѣ Царевичѣ).**

Вотъ, братцы, разскажу я вамъ сказку: не любо—не слушай и начать—не мѣшать. Вотъ въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, а можетъ быть и въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жилъ былъ царскій сынъ, по имени Иванъ Царевичъ, который имѣлъ у себя шапку-невидимку и драчунъ-дубинку. Однажды онъ вздумалъ прогуляться по лѣсу и вдругъ нечаянно напалъ на огромный замкъ, который былъ обнесенъ желѣзной стѣною и у воротъ той стѣны двѣнадцатиголовой змѣй лежалъ, и изъ его двѣнадцати головъ всегда шесть спали, а другія шесть не спали; а на супротивъ воротъ никто и въ далекѣ остановиться не смѣлъ. Змѣй подымался, и отъ зубъ его ужъ не было спасенья. Онъ былъ и только самъ себя могъ умертвить; чужаяжъ сила сладить съ нимъ никакая не могла. Но конь былъ остороженъ: онъ подвезъ Ивана Царевича къ горѣ со стороны, противной воротамъ, у которыхъ змѣй не спалъ и караулилъ. Потихоньку Иванъ Царевичъ въ шапкѣ-невидимкѣ подъѣхалъ къ змѣю. Шесть его головъ во всѣ глаза по сторонамъ глядѣли, разиновши рты и оскаливши зубы;

шесть другихъ головъ, вытянувши шеи, крѣпкимъ сномъ спали. Иванъ Царевичъ толкнулъ дубинку и шепнулъ ей: „начинай!“ Дубинка кинулась на змѣя, и ну его по головамъ спящимъ и не спящимъ гвоздить. Змѣй озлился, началъ туда-сюда бросаться, а дубинка колотитъ да колотитъ; лишь только онъ разинетъ одну пасть, чтобы ее схватить, анъ нѣтъ, милости прошу не торопиться, посмотришъ— другую чешетъ морду; всѣ онъ двѣнадцать ртовъ разинулъ, чтобы ее поймать, она знаетъ да чиститъ по всѣмъ затылкамъ. Змѣй, какъ одурѣлый, кидался, кувыркался отъ злости, дышалъ огнемъ, грызъ землю и, наконецъ, самаго себя и когти въ грудь запустилъ и рванулъ такъ сильно, что разорвался пополамъ и съ визгомъ на землю грянулся и здохъ.

1870 г.

---

112. Лисица и дроздъ.

Шла лисица на дабыцу и папала въ яму; къ яинаму счастью въ той ямы были выведены дѣти у дразда; она ихъ и захватила. Кагда дроздъ сталъ ихъ просить, лисица сбаила: „вытащи меня съ ямы, тагда и отдамъ!“ Дроздъ нанасилъ въ яму хварасту, лисица вышла, но не отдавши дѣтей сказала: „накарми меня — отдамъ!“ Дроздъ павелъ ею. И идуть бабы на пагостъ съ блинамъ и съ кутьей; дроздъ сталъ то вѣхаться па бабамъ, то на дарогѣ тихо бѣць. Тогды бабы паставили на землю блины и кутью, а самы пагнались за драздомъ; лисица въ эвта время блины и кутью съѣла. Теперь лисица говоритъ дразду: „накармилъ, такъ напой меня!“ Жалѣя дѣтей, дроздъ взялся напоить. И ѣдя мужикъ съ боцкай пива; онъ то на лошадь, то на боцку, то на гвоздъ садился. Мужикъ разсердемши хотѣлъ убить его, но вдарилъ не по дразду, а по гвазду и погнался за нимъ, не замѣтивъ, что выбилъ гвоздъ, лисица и напилась. Не хоца лисица отдавать дѣтей, придумала еще вихлину; бая: „накормилъ, напаилъ, таперика разсмѣй: сряду дѣтей отдамъ!“ Дроздъ павелъ ее къ гумну, гдѣ малатили сыновья съ пляшатымъ атцемъ. Влетѣвши, сѣлъ прямо отцу на плѣшь; сынъ хотѣлъ убить дразда, а убилъ атца. Стаявши за гувномъ, лисица засмяялась и

побяжала. Замѣтивши лисицу, мужики науснули сабакъ, она, влещи (такъ) въ нару, стала спрашивать: „глазы, уши, ноги и хвостъ, што вы дѣлали, когда я бѣгла отъ собакъ?“ Глазы отвѣцали: „мы сматрѣли, што-бъ тябѣ не папасть опять въ яму!“ Уши отвѣцали: „мы слухали, далѣца-ль сабаки!“ Ноги отвѣцали: „мы старались уйти отъ нихъ“, а хвостъ сказалъ: „я валацылся по халмамъ и кустамъ, чтобъ ты зацапилась“. Лисица, высанувши хвостъ, сказала: „сабаки, сабаки, ѣшьти хвостъ!“ Аны схватили за хвостъ и, выташшивши ею, съѣли всю.

1870 г.

---

113. Ванюшка-Дуранюшка.

Жилъ мужикъ съ бабой, у нихъ было три сына: два умныхъ, а третій дуракъ. Дуракъ пошолъ за водой на пролубу, и попалась ему въ ведро щука, хотѣлъ онъ эту щуку бить, а щука ему отвѣчала: „не бей меня, Ванюшка-дуранюшка, я когда нибудь тебѣ пригожусь, только, что будешь дѣлать, скажи: по щучьему повелѣнью, по Божьему благословенью, все тебѣ будетъ сдѣлоно“. Онъ сказалъ: „по щучьему повелѣнью, по Божьему благословенью, идите, ведры, съ водой на гору“: ведры пришли домой и стали въ сѣняхъ на лавку, а Ванюшка-дуранюшка сзади поглядывалъ. Братья его видятъ, что онъ хитеръ, стали его посылать въ лѣсъ за дровами. Ванюшка, выходя и справляя себѣ дровни, сѣлъ на дровни и говоритъ: „по щучьему повелѣнью, по Божьему благословенью, ступайте, дровни, въ лѣсъ“; и пріѣхалъ въ лѣсъ и сказалъ: „по щучьему повелѣнью, по Божьему благословенью, топоръ, руби дрова“. Топоръ нарубилъ дровъ, и опять также сказалъ: „по щучьему повелѣнью, по Божьему благословенью, кладитеся, дрова, на дровни“, и положились; и опять сказалъ: „по щучьему повелѣнью, по Божьему благословенью, топоръ, отруби мнѣ дубинку“, онъ и отрубилъ. Содился Ванюшка-дуранюшка самъ на возъ и сказалъ: „по щучьему повелѣнью, по Божьему благословенью, ступайте, дрова, домой“. Ѣхавши Ванюшка помялъ нѣсколько народу; пріѣхалъ домой съ дровами и легъ на печку; между тѣмъ доложили царю, чтъ онъ много

народу помялъ, и прислалъ за нимъ царь нѣсколько народу, чтобы взять его. Ванюшка-дуранюшка говоритъ своей дубинкѣ: „по щучьему повелѣнью, по Божьему благословенью, дубинка, распорядись“. Она распорядилась и весь народъ побила. Царь опять къ нему посылаетъ и съ чести его зоветъ къ себѣ. Онъ и говоритъ печки: „по щучьему повелѣнью, по Божьему благословенью, ступай, печка, къ царю“, она и пошла вмѣстѣ съ нимъ. Царь Ванюшку-дуранюшку оженилъ на своей дочери, и они стали жить да поживать.

1870 г.

---

114. [О смѣлой дѣвицѣ].

У одного короля были прислуги дѣвушки, столъ имъ былъ готовый, а небольшое жалованье не хватаетъ имъ на одежду и обувь; ихъ стали понуждать, а имъ не съ чего было; онѣ и стали между собой толковать, что намъ пришло горе. Разговоръ ихъ услыхала королевская дочь и спросила ихъ: „какое вамъ горе, я не знаю, какое есть на свѣтѣ горе“. Служанки отвѣчали: „пойдемъ съ намъ, сударыня, мы покажемъ, какое есть горе“. Пошли они въ лѣсъ, тихонько и ушли отъ ней; она и ходила по лѣсу съ полдня до ночи, но не нашла пути, куда ей выйти вонъ изъ лѣса. Настигла ее темная ночь, и она говоритъ: „теперь я узнала, какое есть на свѣтѣ горе“. Ночевать въ лѣсу на низу убоялася, нашла маленькую площадку, слезла на высокую ель, близь самой этой ели проѣхалъ какой то охотникъ, разложилъ огонь, повѣсилъ маленькой котелокъ и началъ варить себѣ на ужинъ варку; и видитъ онъ въ кателкѣ на воды тень человѣческую, и говоритъ: „добрый или недобрый человѣкъ, лезь съ ели на зень“. Онъ разъ сказалъ и два, она голоса не подаетъ, онъ еще сказалъ: „ежели не слезитъ, пущу съ ружья“. Убоясь этого, она и слезла съ ели на зень и сряду же ему понравилась, потому что была красавица, и пригласилъ вмѣстѣ съ нимъ отъужинать, потомъ сказалъ: „давай ложиться вмѣстѣ спать“. Но какъ онъ былъ сильно замаевши, что онъ эту ночь заснетъ крѣпкимъ сномъ, то опасался, чтобы она отъ него не ушла, взялъ обнялъ ею

рукой и обвилъ косу ее около своей руки. Когда же онъ уснулъ, то она вынела изъ кармана ножичекъ и отрѣзала себѣ косу и удалилась отъ него. Онъ вставши стасковался объ ней, уѣхалъ домой и сдѣлался нездоровъ; онъ же былъ княжескій сынъ. Во время болѣзни пришла ему мысль сдѣлаться дѣвушкой, и когда сдѣлался, то послалъ по всѣмъ городамъ, селамъ и пригородамъ, чтобы пріѣхали къ ней на прощеніе, такъ она сильно больна, княжескія, дворянскія и купеческія дочери дѣвушки. И когда собравшись стали говорить одна по одной и спрашивать у ней, чѣмъ она больна, она отвѣчала, что ребенка родила, отцу съ матерью безчестье принесла. Нѣкоторыя на это отвѣчали, что и по двое родили и никто про это незнаетъ и не вѣдаетъ, а вы объяснили сами себя и своихъ родителей, а нѣкоторыя говорили, что и трехъ родили, и то объ этомъ не знаетъ и не вѣдаетъ. А когда пришла та самая прощаться, которая отрѣзала себѣ косу, говоритъ больной: „сударыня, какъ вы глупо сдѣлали, что лишили себя дѣвства и обезчестили себя и своихъ родителей; я когда не хотѣла этого сдѣлать, то сама себѣ отрѣзала косу и тихонько ушла отъ молодаго охотника изъ лѣсу“. Выслушавши ея рѣчи, больной княжескій сынъ встаетъ съ своей кровати, беретъ эту дѣвушку за руку и говоритъ: „будь ты моей супругой, а я твой супругъ“. Она согласилась и съ нимъ обвѣнчалась. Я на свадьбѣ былъ, вино и пиво пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

1870 г.

Словарь къ сказкамъ Псковской губерніи.

сады — ищи

цаша — чаша

Вятская губернія.

115. Московской портной.

Одинъ портной жилъ бѣдно, а былъ веселъ и пѣлъ пѣсни, отворивъ окно. Къ нему заѣхалъ царь и спросилъ: „отчего ты всегда веселъ, а домъ твой приходитъ въ ветхость?“ Портной отвѣчалъ: „я получаю въ мѣсяцъ двѣнадцать рублей; изъ этого числа плачу треть долгу, треть даю взаемъ, треть бросаю за окно и треть держу на себя“. Что это значитъ, онъ не сказалъ. Царь спрашивалъ бояръ, они не знали. Одинъ солдатъ, который сбѣгалъ къ портному и выспросилъ объ этомъ, отвѣчалъ: „первые три рубли онъ употребляетъ на прокормленіе отца и матери, вторые на сыновей, третіе на дочерей, послѣдніе на себя и жену“. Солдатъ этотъ показался мудрымъ; ему царь сказалъ: „поди подъ караулъ, я пошлю тебѣ двухъ рябчиковъ, ты отереби ихъ и съѣшь“. Вмѣсто того послалъ двухъ генераловъ, которые не могли отвѣчать на загадки царя. Солдатъ ихъ спросилъ: „за что вы посажены?“ Одинъ сказалъ: „меня царь спрашивалъ: высоко ли до неба?“ Солдатъ: „что дажь? я тебя научу отвѣчать“.—„Возми, говорилъ генералъ, все мое богатство, да скажи“. Онъ взялъ и сказалъ: „на небѣ стукнетъ, такъ на землѣ слышно, вѣрно не высоко“. Другой сказалъ: „меня спрашивалъ: глубока ли земля?“—„Ты что мнѣ дажь?“ говорилъ солдатъ.—„Возми мундиръ и шпагу“. Онъ сказалъ: „когда генералы, умершіе прежде насъ, выдутъ, то скажутъ“. Всѣхъ ихъ позвали къ царю. Солдатъ явился въ мундирѣ со шпагою и кошелемъ денегъ, а генералы нагіе.—„Угадалъ, сказалъ царь; точно ты отеребилъ этихъ рябчиковъ и съѣлъ!“

Вятскій у., с. Просницкое. 1847 г.

116. Бѣдной и богатой.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жили-были два брата, бѣдной и богатой. У бѣднаго родился большой баранъ и убилъ барана у богатаго. Сей пошелъ жаловаться царю. Онъ обѣщалъ разсудить ихъ, если они будутъ отвѣчать на его вопросы: 1) Что всего сильнѣе на землѣ? Имъ дано время для разсужденія. Бѣдной впалъ въ сильное уныніе и говорилъ дома, что его повѣсятъ. Дочь отвѣчала: „батюшко, лежись да спи сегодня. Воля Божія, не будетъ болѣе бадожья!“ Предстали братья для отвѣта; богатой говорилъ: „у меня есть быкъ, девяти лѣтъ; его, я думаю, нѣтъ ничего сильнѣе“. Бѣдной (по наученію дочери): „земля всего сильнѣе“. 2) „Что всего быстрѣе?“— Бѣдный говорилъ: „ой, что и будетъ, знать то, смерти не миновать“. Дочь говорила: „батюшко, лежись сегодня, да спи. Воля Божія, не будетъ болѣе бадожья!“—Богатой отвѣчалъ: „у меня есть ружье, которое въ одну минуту беретъ на сто саженъ“.—Бѣдный: „нѣтъ ничего быстрѣе твоего взора и человѣческаго“.—Царь узналъ о мудрости дочери, пріѣхалъ въ домъ бѣднаго и спрашивалъ навстрѣчу попавшуюся дочь крестьянина: 1) „Почему вы не встрѣчали меня?“—„У насъ нѣтъ собаки, которая бы предвѣщала о приходѣ людей“, говорила она. 2) „Гдѣ твой отецъ и мать?— „Отецъ ушелъ за живою смертію, а мать ушла взаемъ плакать“.—„Что это значитъ?“ „Отецъ ушелъ стрѣлять птицъ: птица, будучи жива и здорова, не знаетъ и не предполагаетъ своей смерти, какъ вдругъ засыпаетъ и падаетъ. Мать въ сосѣдяхъ у покойницы на выносѣ: когда она поплачетъ, то и къ ней послѣ придутъ и поплачутъ“.

Вятскій у., с. Просницкое. 1847 г.

---

117. Мотросилко.

Жили да были два брата, одинъ умный и кузнецъ, а другой не умный и не дуракъ. Первый ковалъ, а второй мѣхи раздувалъ. Сей усталъ или, лучше, залѣнился и захотѣлъ пошутить, а мимо ихъ вели двое крестьянъ быка. Онъ говоритъ: „братъ, надо ли, я этого быка украду?“ — „Какъ?“ — „Отпусти только пожалуста“. — „Поди!“ Мотро-

силко былъ въ новыхъ сапогахъ. Онъ забѣжалъ подалѣе тѣхъ крестьянъ, сбросилъ сапогъ и спрятался. Крестьяне посмотрѣли на сапогъ и оставили. Мотросилко подобралъ его и опять забѣжалъ далѣе къ лѣску и лужку, бросилъ сапогъ и спрятался. Крестьяне подобрали сапогъ и разговаривали: „ли-ко—другой, напрасно тотъ не взяли. Остановимся здѣсь, а ты поди сходи за тѣмъ“. Одинъ ушелъ, а другой зазѣвался. Мотросилко умчалъ быка, отрѣзалъ голову и воткнулъ въ болото, а самъ мычалъ по-бычьи. Крестьяне прибѣжали и тянули быка, думая, что онъ увязъ. Послѣ съ горести объявили о семъ купцу, которому они вели быка. Сей пошелъ жаловаться судьѣ. Мотросилко найденъ и сознался. Судья сказалъ: „я тебя прощу, только отмсти моему непріятелю такому-то, украдь хоть изъ подъ него перину“. Мотросилко начинилъ кишку и ночью ревѣлъ у дома того по-кошечьи. Лакей, не желая обезпокоить барина, сталъ, отворилъ двери и говоритъ: „иди, шельма, что ты ревешъ!“— Онъ прокрался, подошелъ къ кровати и испустилъ изъ кишки, наливъ подъ барина. Сей скоро пробудился и, нетерпя запаху, крычалъ: „лакей, убери перину“. Мотросилко унесъ и убѣжалъ съ нею. Его похвалили и просили сдѣлать еще шутку — унести со стола богатаго все кушанье при гостяхъ. Мотросилко запрегъ четверку лошадей въ карету, посадилъ въ нее и на козла наряженные снопы и подъѣхалъ къ дому. Самъ вмѣсто лакея убѣжалъ сказать, что пріѣхалъ генералъ N. Всѣ вышли встрѣчать, а онъ на столѣ все свернулъ и унесъ. Просили его сдѣлать шутку надъ духовнымъ. Онъ зналъ одного набожнаго человѣка; поддѣлалъ себѣ большія лубяныя крылья, на крыльца повѣсилъ большой коробъ съ сажею и ночью прилѣзъ къ окошку. Стучится, а тотъ спрашиваетъ: „кто и что надо?“ Онъ отвѣчалъ: „я духъ, посланъ съ неба за тобою. Молись—не молись, а иди сюда, садись и полетимъ“. Тотъ вышелъ и сѣлъ. Мотросилко говоритъ: „смотри не п...., а нето брошу“. Онъ тащилъ его на колокольню, оттуда бросилъ внизъ. Послѣ привязалъ коробъ на площадь и скрылся. Проѣзжалъ мимо этого мѣста знатной человѣкъ, открылъ коробъ, изъ котораго выскочилъ человѣкъ весь въ сажѣ и улетѣлъ домой, какъ черной воронъ.

Вятскій у., с. Просницкое. 1847 г.

---

118. [Какъ жена хотѣла взять верхъ надъ мужемъ].

О-днажды жо-нѣ по-надобилась боль-шина надъ мужамъ. О-на, ка-ждодневна у-прекая я-во въ лѣ-нности, ба-ила, ест-либа была о-на бальшой, то всё-ба у нихъ въдому бы-ло добро (лудше). Этѣмъ наску-чила о-на мужу, ко-торай таино отъ ее совѣтывался съ-своимъ кумомъ, што-ба какъ ни-есть про-гнать отъ-нѣе та-кіе дурные мысли. По-совѣтовались да-ипоѣхали въ правленья-на совѣтъ; отъ-туды мужъ, во-звратясь домой, при-творился пе-чальнымъ. На-вопросъ жо-ны о-причинѣ э-той мужъ баилъ, што чи-тали въ правле-ньи бумагу, жо-намъ быть большимъ. О-на э-таму бы-ла рада, за-ставила мужа съ-перва то-пить баню, а-потомъ посадила за-ручьныя жо-рнова ро-зма-лывать хлѣбъ, баила, што о-на не-станитъ тратить за-помолъ деньги. Про-шло немного время, начали ту-рить треть (подати), а-тотъ ихей (ихъ) кумъ былъ выбарнымъ, при-шолъ онъ подъ о-кно кри-чалъ, штоба кума не-сла треть. На э-та о-на баила, што о-на серебро пе-ременитъ на-гумашки и на-другой день при-несётъ треть. По-другой день при-шолъ о-пять кумъ по-дъокошка даину кричать, ибра-нить куму, што о-на о-дна только ужъ о-сталась не-плательщица. У-кумы нашой де-негъ нибыло ни-гроша, а-кумъ-та на-стаивая кри-чать, штоба вы-ходила изъ избы ибезъ-ее не-поидетъ къ-сборщику, а-естли до-лга невы-идетъ изъ избы, то придетъ туда, и при-таскаетъ куму за-ослушанье. Ёй не-чево бы-ла дѣлать, про-сила мужа, штоба её с-пряталъ въ-пустой мѣшокъ и-положилъ по-дълавку, баила, кумъ соштётъ за хлѣбъ. Мужъ её у-важилъ, посадилъ въ мѣшокъ да-иположилъ, а-кумъ ско-ра вбѣжалъ и въ избу, сыскивая ку-му, спра-шивалъ гдѣ о-на, гдѣ о-на. Мужъ съ тачьки была (такъ) съ кумамъ, указалъ на-мѣшокъ подъ-лавкой, кумъ вы-ташилъ яво и-зъ-подлавки, даину по-нёмъ плетью. Сколько доставалось мешку, не-меньше таво и-кумѣ-та, по-хвосталъ на-порядкахъ, баилъ, гдѣ о-на, гдѣ о-на, мужъ баилъ, што у-ехала и-скать треть. Кумъ баилъ: „ну мо-лись о-на Богу, то-перь я изнёсъ серсо на-мешкѣ, а-каба кума попала, то всюба эту плеть о-её изъ мочалилъ; топерь, кумъ, прошай“, и ушолъ, а-жо-ната и-застонала, и-когда мужъ сталъ ра-звязывать

мѣ-шокъ, о-на баила, невъ сенцахъ ли кумъ, а какъ баилъ мужъ што ушолъ, вы-шла и-зъ мѣшка, да-чу-бурахъ мужу въ ноги, баила: „возьми, му-женёкъ, на-задъ себѣ большину, я больше баить объ ей не стану“.

Елабужскій у. 1849 г.

---

119. [О лѣнивой женѣ].

О-дна жона звала мужа на-праздникъ въ-гости къ роднѣ въ со-седную деревню. Мужъ баилъ: „я тебя уважу, но-толька спро-сись соседей, вѣ-лятъ ли о-нѣ те-бѣ ехать въ гости“, на-эта о-на баила: „што имъ за-кручина меня держать“, ну да-исобиратца. Хвать, у жоны нетъ переменной ру-бахи, исарофана, та-кто и пла-тка, а-которыя носила на-себѣ за-всёгда, были дрянь дря-нушшая, хоть трубу за-тыкай, ѣхать въ нихъ была нельзя, стыдна вѣдь, въ гости. Пошла къ-соседкѣ по-просить, а-та ей баила: „сама ты лёнива, да-сонлива, хто тебѣ при-пасъ, по-ѣзжай эдакимъ чучаломъ, неумоей, за-тычькой трубеной, даишшо ивъ-гости, ка-кая непряха, за-сона, за-скала лакти(? локти), да-икъ соседкѣ занарядомъ,по-ди, поди, непряшиша, засона, лѣнишшо, за-тваю лѣнь, мало тебя мушъ-то взбубетениваетъ. Съ-ѣтемъ отвѣтомъ ну-ка домой, даи-напечь; мужъ запрявъ (такъ) лошадь, баилъ: „ну, жо-на, по-скорей“, а-она: „нѣтъ ужъ не-поѣду, ро-здумала“, амужъ баилъ: „што, видно, суседи те-бя неотпускаютъ, то-то, жо-на, баилъ я тѣбе, не-ленись, не-ленись, пряди, по-меньше спи, вотъ тебѣ ивъ-гости, посидика на печѣ“.

Елабужскій у. 1849 г.

---

120. Липунюшка.

Жилъ-былъ старикъ со старухой; у ихъ былъ сынокъ, Липунюшка. Однова накормила ево мать лепёшичкамъ, и поѣхалъ онъ рыбачить; а матери наказыватъ: „ты, мамынька, приди ко мнѣ, принеси поѣсть и рыбу-то возьмешь“.—„Ладно, ладно, приду“. И понесла она ему обѣдать. Приходитъ къ рѣчкѣ и кричитъ ему:

„Липа-Липунюшка,
Приплыви ко круту бережку!
Тутъ тебѣ каша масляна,
Пирожки горяченьки,
Лошечка красненька!“

Пріѣхалъ Липунюшка къ бережку; мать его накормила и рыбу у ево взяла. Пошла домой. — „Ну, поѣзжай, сынокъ“. — „Ну, ладно; завтра придешь, а я рыбачить поѣду, больно рыба ловится“.

Коли мать кричала Липунюшку, въ тѣ поры егибица (медвѣдица) подслушала ее и пришла на другой день къ бережку и кричитъ толстымъ голосомъ:

„Липа-Липунюшка,
Приплыви ко круту бережку!
Тутъ тебѣ каша масляна,
Пирожки горяченьки,
Лошечка красненька!“

— „Слышу, слышу, сказываетъ Липунюшка, не мамынькинъ голосокъ“. — „Экой собачій сынъ“, молвила егибица и ушла. А мать опять по скорости послѣ ее идетъ и кричитъ:

„Липа-Липунюшка,
Приплыви ко круту бережку!
Тутъ тебѣ каша масляна,
Пирожки горяченьки,
Лошечка красненька!“

Пріѣхалъ Липунюшка и говоритъ: — „Мамынька, мамынька! ко мнѣ егибица приходила“. — „Мотряй, ты не ѣздій къ ей, а то она тея съѣстъ“. А егибица сходила въ кузницу, перекова(ла) свой языкъ на тонкій голосокъ, пришла къ бережку и запѣла тонкимъ голоскомъ:

„Липа-Липунюшка,
Приплыви ко круту бережку!
Тутъ тебѣ каша масляна,
Пирожки горяченьки,
Лошечка красненька!“

Онъ и приплылъ. Она ево взяла и утащила подъ елку, да тамъ и съѣла. Вотъ пришла мать и кричитъ Липунюшку, да такъ и не могла докричаться ево. А егибица кататся подъ елкой и причитатъ:

„Поваляться было,
Покататься было
На тѣхъ костяхъ
На Липунюшкиныхъ....
Ужъ вы, косточки,
Недоросточки!“

А старуха услыхала это, заревѣла и ушла домой, и говоритъ старику: „видно, старикъ, егибица нашего Липунюшку съѣла, потому она поетъ:

„Поваляться было,
Покататься было
На тѣхъ костяхъ
На Липунюшкиныхъ....
Ужъ вы, косточки,
Недоросточки!“

— „Такъ пойдемъ, старуха, отрубимъ ей ноги“. Пошли. А егибица спитъ за колодой, а ногу положила на колоду. Пришли старики, отрубили ей ногу и унесли ее домой. Взяла старуха, привязала ногу къ пряхѣ и стала шерсть прясть на зипунъ старику. Идетъ егибица и кричитъ:

„Скрипи, скрипи, липова нога,
Недалеко до Филиппова двора...
Всѣ по селамъ спятъ,
По деревнямъ спятъ;
Одна бабушка не спитъ,
На моей кожѣ сидитъ,
Мою шерстку прядетъ,
Не допрядыватъ“.

А старуха слышитъ и говоритъ: „старикъ, куды спрятаться намъ, вѣдь егибица насъ съѣстъ?“ — „Куды мы спрячемся, старуха“, говоритъ старикъ. — „Ты полѣзай, старикъ, въ трубу, а я полѣзу въ залавокъ“. У ихъ былъ пѣтухъ и спѣлъ онъ: „ку-ку-ре-ку! егибица! старикъ въ трубѣ“. Егибица ево за ноги достала, съѣла да и ушла въ лѣсъ. Идетъ другой разъ за старухой и поетъ:

„Скрипи, скрипи, липова нога,
Недалеко до Филиппова двора....
Всѣ по селамъ спятъ,
По деревнямъ спятъ;
Одна бабушка не спитъ,
На моей кожѣ сидитъ,
Мою шерстку прядетъ,
Не допрядыватъ“.

Старуха взяла и залѣзла въ залавокъ. А пѣтухъ опять спѣлъ: „ку-ку-ре-ку, егибица! старуха въ залавкѣ!“ — Егибица нашла ее и съѣла.—И стала жить егибица съ пѣтухомъ и валять колпаки. Петру колпакъ, Ивану колпакъ, мнѣ шлыкъ, а тебя подъ воротню швыркъ. Вотъ и вся сказка.

Малмыжскій у., д Подосиновая. Запис. отъ крестьянки Анисьи Григорьевой. 1873 г.

---

121. Двѣ Марьи царевны.

Пошли двѣ Марьи царевны въ лѣсъ по ягоды и заблудились. Вышли на дорожку и плачутъ: не знаютъ, куды ити. Бѣжитъ зайчикъ и говоритъ: „о чемъ, Марьи царевны, плачете?“ — „Вотъ мы заблудились, не знаемъ домой дороги“. — „Садитесь на меня, я довезу васъ“. Вотъ онѣ обѣ и сѣли на него. Зайчикъ завелъ ихъ неладно и оставилъ.

Бѣжатъ овечки: „бя-бя! О чемъ, Марьи царевны, плачете?“—„Какъ намъ не плакать: не знаемъ, куды ити“.—„Садитесь на насъ, мы довеземъ“. Бѣжали, бѣжали, завезли ихъ неладно. Опять царевны слѣзли. Сидятъ Марьи царевны и плачутъ: кто насъ теперя домой довезетъ? Бѣжатъ быки. „О чемъ, Марьи царевны, плачете“, говорятъ. — „Мы не знаемъ, куды намъ ити“. — „Садитесь на насъ, мы довеземъ“.—„Мы медвѣдицы боимся: она насъ съ вами съѣстъ“.—„Не бойсь! говоритъ одинъ быкъ, я на нее носомъ фыркну, такъ убѣжитъ“. Сѣли онѣ обѣ и поѣхали. Стала ихъ медвѣдица настигать. Одинъ быкъ фыркнулъ и залѣпилъ медвѣдицѣ глаза. Она и осталась на дорогѣ слѣпая, а дѣвочки, Марьи церевны, благополучно пріѣхали домой.

Малмыжскій у., д. Старые Бакуры. Запис. со словъ кр-ки Авдотьи Липатовой. 1873 г.

---

122. [„Въ богатствѣ правды нѣтъ“].

Въ богатствѣ правды нѣтъ. Жилъ былъ плотникъ одинъ; добрый былъ человѣкъ, все раздавалъ нищимъ. Пойдетъ, что выработаетъ, и отдастъ имъ: „на-те, дескать, мнѣ не нужно“. Вотъ ладно. Святые отцы и просятъ у Господа: „дай, говоритъ, Господи, плотнику богатство“. Не знали, вишь, они, что будетъ, а Богъ вѣдь все это знаетъ; отъ Него не сукроешься. Ладно. Сидитъ плотникъ на бревнѣ; тукъ да тукъ—анъ хвать деньги и посыпались изъ бревна-то. Онъ сейчасъ подобралъ ихъ, богатымъ сдѣлался... въ Москву сичасъ, товаровъ разныхъ накупилъ, торговать сталъ; ну, и вѣстимо, домъ себѣ такой смахалъ, что, пожалуй, и у насъ въ Орловѣ не отыщешь. Только и приходятъ къ нему святые отцы. А у него у воротъ-то стоятъ, чтобы нищихъ никого не пропущать. Святые отцы прошли все-таки: еще бы, Божья сила тоже. Вотъ ладно. Они тутъ къ хрестьянину одному, что богачу прислугалъ. „Пустите, говоритъ, насъ переночевать; такъ и такъ, люди странные, издалека зашли“. — „Нѣтъ, говоритъ, нашъ господинъ не любитъ нищихъ, взашей васъ прогонитъ. А, вотъ, коли хотите, ложитесь здѣсь, въ клѣвѣ, со свиньями“. Встали какъ святые отцы на-утро́ да и взмолились Господу: „Господи, говорятъ, отними у него богатство“. Ну, и отнялъ Богъ, послушалъ ихъ. Онъ опять въ плотники пошелъ, милостивъ опять сталъ къ нищей братіи и такъ и прожилъ весь вѣкъ.

Орловскій у., деревня Торопова. 1882 г.

---

123. [Какъ мужикъ перехитрилъ чорта].

Увидалъ дѣшій мужика да и говоритъ: „поклонись мнѣ!“—„Нѣтъ, говоритъ, ты мнѣ поклонись сперва“. Чортъ и говоритъ: „ладно, только допрежь силами помѣримся, кому кланяться нужно“. Ну, вотъ хорошо. Чортъ взялъ чурку да какъ бросилъ — она такъ въ облако прямо и полетѣла да тамъ и засѣла. — „Ну, это, говоритъ (мужикъ), что! нѣтъ, ты вотъ посмотри, какъ я брошу—у меня въ небѣ засядетъ“.

Только замахнулся онъ да и бросилъ тихонько за себя. Чортъ глядитъ, куда это полетѣла чурка; глядѣлъ, глядѣлъ, — нѣтъ ея, нигдѣ не видитъ. — „Ну, говоритъ, ты, мужикъ, сильнѣе меня“. Такъ и ушелъ изъ нашихъ мѣстъ; больше ужь и не видать его съ тѣхъ поръ.

Орловскій у., д. Торопова. Зап. со словъ кр-на Александра Торопова. 1882 г.

---

124. Откуда медвѣди пошли.

Жилъ былъ злой помѣщикъ, у него была жена тоже злая. Они всячески у крестьянъ денегъ добивались, казнили ихъ. Крестьяне боялись ихъ пуще огня, бѣгали, какъ увидятъ ихъ. А имъ все мало было. Вотъ помѣщикъ и говоритъ женѣ: „жена, а жена! А какъ бы намъ сдѣлать, чтобы мужики насъ еще больше боялись и денегъ больше давали“? А жена и говоритъ ему: „давай сдѣлаемся звѣрьми, какихъ люди еще не видывали“. Вотъ и сдѣлались медвѣдями. Хорошо. Живутъ въ лѣсу. Вотъ и пошелъ туда одинъ мужикъ за ягодами да и увидалъ ихъ. Испужался очень, бросилъ коробицу, бѣжитъ въ деревню: „такъ и такъ, говоритъ, православные, видѣлъ въ лѣсу какихъ-то звѣрей; ходятъ на заднихъ лапахъ, малину сосутъ“. Мужики испужались. Уговорились идти въ лѣсъ, всей деревней посмотрѣть, каки-таки звѣри есть. Пошли и видятъ, медвѣди залѣзли на дерево, а тамъ борть была; къ меду, значитъ, они подбирались. Какъ увидѣли тутъ ихъ крестьяне, такъ и назвали ихъ медвѣдями: медъ, значитъ, вѣдаютъ.

Г. Орловъ. 1882 г.

---

125. О томъ-же.

[Золотая рыбка].

Медвѣди допрежь того были такіе же православные люди, какъ вотъ мы съ тобой. Жили, вишь-ты, въ одномъ селеньи дѣдъ да баба; жили они бѣдно-бѣдно. Домъ былъ у нихъ развалющій, коровки совсѣмъ не было, на дворѣ вѣтеръ гуляетъ. Только вотъ пришла зима, холодъ пошелъ, сиверко,

а у нихъ и дровъ нѣтъ. Только беретъ тутъ мужикъ топоръ и въ лѣсъ. „Дровъ, говоритъ, наколю, протопиться, по крайности, будетъ чѣмъ“. Пошелъ. Только кололъ, кололъ и подходитъ къ березѣ одной — бѣлая такая, заколдованая была. Тяпъ да тяпъ по ней, а береза и говоритъ ему: „зачѣмъ ты меня, старичекъ, рубишь? раѣ мало здѣсь деревъ другихъ?“—„А ты, говоритъ, что за барыня? У меня всѣмъ деревамъ честь-то одинаковая, что тебѣ, что сосенкѣ“. И опять тяпъ да тяпъ.—„Не руби меня! право слово, говоритъ, службу тебѣ сослужу, какую хошь службу... Скажи только, чего хочешь, все тебѣ и будетъ“.—„Ладно, говоритъ. Коли ты ужь такая добрая, такъ не оставь, сдѣлай милость, дай мнѣ богачества, лопоти тамъ, денегъ. А то я совсѣмъ бѣдно живу, нѣчѣмъ ни одѣться, ни что“... Береза и говоритъ: „поди домой, будетъ тебѣ богатство“. Вотъ пошелъ. Хвать, анъ домъ-атъ у него новый, на дворѣ то кони, а на крылечкѣ то жена разнаряженная сидитъ, дожидаетъ его изъ лѣсу. Вотъ ладно. Живутъ они хорошо, ѣдятъ, спятъ сладко. Только и думаетъ дѣдъ: „вотъ я теперь богатъ, ѣмъ, сплю сладко, а все какъ-то не то... почету мало, не то что старостѣ. Дай пойду къ березкѣ, не будетъ ли отъ нея чего!“ Взялъ топоръ и пошелъ въ лѣсъ. Приходитъ, тяпъ да тяпъ по березѣ. А она его и спрашиваетъ: „что ты, дѣдушка?“ — „Да вотъ, говоритъ, пришелъ къ тебѣ; соскучился на богачествѣ. Оно и все бы хорошо, да почету мало. Нельзя ли стать мнѣ старостой?“—„Можно, говоритъ, отчего же. Поди домой, будешь старостой“. Пришелъ—анъ тамъ ужь бумага лежитъ: быть ему старостой. Хорошо. Много ли, мало ли прошло, только и мекаетъ дѣдъ: лучше быть господиномъ; господа то ничего не дѣлаютъ и податей не платятъ. Онъ къ женѣ,—какъ тутъ быть. Подумали вмѣстѣ, подумали да и рѣшили идти опять старику къ березѣ. Пошелъ онъ опять въ лѣсъ, топорикъ съ собой взялъ. Приходитъ къ березѣ, тяпъ-тяпъ по ней. Она и спрашиваетъ: „что ты, дѣдушка?“—„Да вотъ, кормилица, не хотца мнѣ быть старостой, простымъ мужикомъ. Сдѣлай ты меня дворениномъ“.—„Ладно, говоритъ. Поди домой, будетъ тебѣ и дворянство“. Пришелъ мужикъ домой, глядь,—анъ домъ-отъ у него господской, каменной; у воротъ слуги стоятъ, спрашиваютъ: „чего угодно?“ А жена сидитъ въ горницѣ, шелкъ да бархатъ на ней. Онъ

сѣлъ съ нею рядомъ, и стали они барами. Вотъ хорошо. Проходитъ, можетъ, мѣсяцъ, али другой. Не хотца старику дворяниномъ простымъ быть; чина захотѣлось. Идетъ опять въ лѣсъ къ березкѣ. — „Такъ и такъ, матушка-березушка, спасибо тебѣ за все. Только нельзя ли мнѣ быть чиновнымъ?“ — „Ладно, говоритъ, будетъ тебѣ и чинъ. Ступай себѣ домой“. Не успѣлъ на порогъ ступить, приходитъ царевъ указъ: награждаетъ его царь чинами. Но ему и этого мало. Захотѣлось быть губернаторомъ. И пошелъ опять къ березкѣ. Она и спрашиваетъ: „что ты, старичекъ?“—„Надоѣло, говоритъ, мнѣ дворянство: все губернатору кланяйся. Хочу быть самъ губернаторомъ“. — „Трудно это сдѣлать. Ну, да ужь ладно. Поди себѣ; будешь и губернаторомъ“. Радъ мужикъ, домой трускомъ бѣжитъ. Хвать, а тамъ ужь гонцы отъ царя къ нему присланы. Ставитъ его царь губернаторомъ. Зажилъ мужикъ губернаторомъ, пиры, банкеты задаетъ, дѣлами ворочаетъ. А все скушно, потому у царя подъ рукой. — „Нѣтъ, говоритъ, пойду опять къ березкѣ. Пусть царемъ меня сдѣлаетъ“. Пошелъ. Тяпъ-тяпъ ее топоромъ. Она и спрашиваетъ: „что ты, говоритъ, дѣдушка? чѣмъ недоволенъ?“ — „Да все бы хорошо. Спасибо тебѣ, наградила всѣмъ, въ чины вывела. Только не хотца мнѣ быть губернаторомъ: нельзя ли въ цари попасть?“ — „Что ты, говоритъ, опомнись“, — „Всѣмъ тебя я ублаготворила, а ты все хочешь еще да еще. Ты подумай только, что былъ мужикомъ, дрова кололъ, а теперь губернаторъ сталъ. Будетъ съ тебя, а царемъ тебѣ нельзя быть, потому какъ царь — помазанникъ“. — „Нѣтъ, говоритъ, ты ужь меня сдѣлай царемъ, матушка-березушка. Я тебѣ въ ножки поклонюсь“, и бухъ въ ноги. Береза и говоритъ: „смотри, не проси: и останное потеряешь“. А дѣдъ все проситъ, не унимается, по землѣ ползаетъ: „сдѣлай да сдѣлай меня царемъ!“—„Ну, ладно говоритъ, коли ужь вы такіе, такъ вотъ вамъ—ты будешь медвѣдемъ, а жена медвѣдицей. И ходите вы по лѣсу отнынѣ до-вѣку“. Такъ и сталъ мужикъ съ бабой медвѣдями. А кабы не жадны были, и вѣкъ бы людьми, православными были бы.

Орловскій у., с. Великорѣцкое. 1882 г.

126. Объ Иванѣ, сынѣ крестьянскомъ, и Марьѣ-царевнѣ.

Жилъ царь и задумалъ онъ жениться. Заслалъ сватовъ, ну и женился. Вотъ ладно. Живетъ тамъ съ женой. И нужно ему ѣхать—тамъ на войну что ли, или куды. Уѣхалъ, жену бросилъ. А жена-то ужь беременна была; ему она это не сказала. Уѣхалъ онъ, пробылъ тамъ 7 годовъ, потомъ ешшо сколько-то. Ну и ѣдетъ домой, къ женѣ ворочается, значитъ. Питъ ему захотѣлось,—больно захотѣлъ и онъ самъ и лошадка. Подвернулъ къ рѣчкѣ, напоилъ лошадку и самъ пить сталъ. А тутъ Шумпало девятиголовое, большое, черное, схватило его за бороду да и держитъ его. И говоритъ ему: „отсули мнѣ, чего ты дома не знаешь, такъ отпущу тебя". Иванъ-царевичъ долго въ головѣ перебиралъ, чего не знать дома. „Все, говоритъ, помлю: и жена, и хозяйство—все какъ быть". А про робенка и не зналъ. Шумпало отпустилъ. Пріѣзжаетъ Иванъ-царевичъ домой. Ворота ему отворяетъ; вышла жена, робенокъ съ ёй. Ну, поздоровались, вѣстимо.—„Чей, говоритъ, это робенокъ у тебя".— „А это, говоритъ, твой робенокъ. Я забеременѣла тогда, тебѣ не сказала; а какъ ты уѣхалъ, онъ и родился безъ тебя". Вошли въ избу; она стала на столъ накрывать, уважала, величала его. Потомъ какъ отужинали, пошли въ клѣть спать. Сынъ подходитъ и говоритъ: „благословите меня, тятенька, мамонька". Благословили. „Поди, говоритъ, сынокъ, лягъ на кроватку". Ладно, пошелъ онъ спать. Только млится ему: прилетаютъ 31 птица съ булатными крыльями, зелѣзнымъ носáмъ; постучали въ кроватку крыломъ, обчистили носики и говорятъ ему: „не пора тебѣ, Иванъ, сынъ хресьянской, спать, пора на работу вставать, куда тебя отецъ отсулилъ". На утрѣ Иванъ-царевичъ всталъ, умылся бѣленько, одѣлся гладенько, Богу помолился, идетъ къ родителямъ. „Такъ и такъ, говоритъ, тятинька, мамонька, видѣлъ я, говоритъ, птицъ съ булатнымъ крыльямъ, зелѣзнымъ носамъ, прилетали, говорили: поди, слышь, куда тебѣ тятенька отсулилъ. Куда ты меня, тятенька, отсулилъ?" Отецъ ни гу-гу, помалкиваетъ.

Къ ночи сынъ опять къ родителямъ: „благословите, говоритъ, меня, тятенька, мамонька, мнѣ на покой". Ну, бла-

гословили. „Поди, говоритъ, съ Богомъ, сынокъ нашъ богоданной, лягъ на кроватку, спи до утре“. Пошелъ, лёгъ. Только опять прилетаютъ 32 птицы съ булатнымъ крыльямъ, съ зелёзнымъ носамъ. Постучали крыльямъ въ кровать, обчистили носики и говорятъ ему: „не пора, Иванъ-царевичъ, спать, пора на работу вставать, уды тебя отецъ отсулилъ“. Всталъ Иванъ-чаревичъ, идетъ къ тятенькѣ, мамонькѣ. „Такъ и такъ, говоритъ, кридилось (такъ, вм. грезилось?) мнѣ нонѣшней ночью, будто опять прилетали птицы съ булатнымъ крыльямъ, зелёзнымъ носамъ. Куды ты меня, тятенька, отсулилъ? Онѣ опять меня посылали...“ Отецъ все молчитъ.

Только вечеромъ спать нужно ложиться, сынъ опять и проситъ: „благослови, говоритъ, меня, тятенька съ мамонькой, мнѣ спать идти“. Благословили, ладно: „поди, говоритъ, теперь спать, сынокъ“. Легъ онъ на кроватку, заснулъ. Только и опять прилетаютъ 33 птицы съ булатными крыльями, съ зелёзнымъ носамъ; постучали въ кроватку, очистили носики и говорятъ ему: „не пора тебѣ, Иванъ-царевичъ, спать, пора на работу вставать, куда тебя отецъ отсулилъ“. Всталъ на утріе, умылся бѣленько, одѣлся гладенько и идетъ къ отцу: „благословите, говоритъ, меня, родители, въ путь дорогу. Я хочу идти, куда ты меня отсулилъ“. Родители даютъ ему свое благословенье. Попрощался онъ, пошелъ.

Ни близко, ни далеко, ни низко, ни высоко, шелъ, шелъ; видитъ: стоитъ избушка на веретенной пяткѣ. Онъ взошелъ въ нее. Видитъ, сидитъ старушка. Помолился онъ Богу и сѣлъ на присѣсткѣ. Старушка и говоритъ ему: „знаю я, Иванъ-царевичъ, куда ты путь держишь; только не могу помогчи тебѣ. А живетъ тамъ дальше моя сестра; къ ней и поди. Она тебѣ все поразскажетъ“. Ладно, пошелъ онъ дальше. Шелъ да шелъ, ни близко, ни далеко, ни низко, ни высоко, видитъ ешшо избушку на веретенной пяткѣ; стоитъ передъ нимъ да вертится. Онъ взошелъ, помолился Богу и сѣлъ на присѣстѣ. Старушка ему и говоритъ: „знаю я, куда ты идешь, добрый молодецъ; только не могу пособить тебѣ. А вотъ поди ты къ старшей сестрѣ: она тебѣ все и разскажетъ“. Пошелъ Иванъ-царевичъ. Шелъ-шелъ, ни близко, ни далеко, ни низко, ни высоко, видитъ, опять стоитъ избушка на веретенной пяткѣ; вертится кру-

гомъ, что мельница. Взошелъ въ нее, видитъ, сидитъ старушка. Онъ и спрашиваетъ ее: „куда, говоритъ, мнѣ, баушка, идти надоть? Мнѣ вотъ тѣ сестрицы-то твои сказали, что ты знаешь". —„Знаю, говоритъ, знаю, Иванъ-царевичъ. Я ужь давно ждала тебя. Поди ты вотъ по этой дорожкѣ, придешь въ царскій домъ. Тамъ живетъ Шумчело; онъ мой крестникъ, родной тоже. Только ты въ домъ-отъ самый не ходи, а поди туда дальше къ окошку. Увидишь красненькую лопотинку, туда и проберись, въ ту избу, значитъ, и ступай. Тамъ увидишь дочку его, Марью-царевну". Пошелъ онъ. Видитъ царскій домъ, большой такой. Онъ въ него не взошелъ, а пошелъ дальше. Видитъ, на окнѣ красная лопотинка виситъ, туда и пошелъ. Приходитъ, Богу помолился, въ ноги Марьѣ царевнѣ поклонился. Марья-царевна и говоритъ ему: „мотри, ты какъ пойдешь къ тятинькѣ, онъ тебя что дѣлать заставитъ, ты никому не разсказывай, а поди прямо ко мнѣ. Я во всемъ тебѣ помогу, сколько моей силы-мочи хватитъ. Только мотри, меня не оставляй". А Иванъ-царевичъ стоитъ, слушаетъ, ручки сложилъ; а потомъ и говоритъ ей: „гдѣ же мнѣ подыматься? что скажешь, все сдѣлаю". — „Ну, ладно, говоритъ Марья-царевна, а теперь пошолъ, отдохни". Ладно, пошолъ Иванъ-царевичъ. Только и зоветъ его Шумчело и говоритъ: „задамъ я тебѣ, Иванъ, крестьянскій сынъ, задачу. Коли угадаешь—жилечь, а не угадаешь—рѣжанечь".—„Ну, ужь, говоритъ Иванъ царевичъ, буду стараться передъ вашей царской милостью, сколь Осподь Богъ пособитъ и сколь силы моей хватитъ".— „Ну, слушай, говоритъ: что бы до пѣтуховъ ты вырылъ колодечъ, и срубъ поставилъ, и журавечъ золотой. А теперь пошолъ, работай. Опосля я приду, посмотрю".

Закручинился Иванъ-царевичъ, головку повѣсилъ, ходитъ самъ не свой. Пошелъ къ Марьѣ-царевнѣ. „Такъ и такъ, говоритъ, Марья-царевна, задалъ отецъ твой задачу, угадаю — жилечъ, не угадаю—рѣжанечъ". —„Ужь я, говоритъ, знаю: я вѣдь сильнѣе его. Ты не заботься, не тоскуй. Поди, помолись Спасу да лёжись спать". Вотъ она вышла на крылечко, махнула красной лопотинкой и зыкнула: „служеньки-маженьки (такъ), какъ тятенькѣ и мамонькѣ служили, такъ и мнѣ послужите". Всѣ къ ней собрались. Вотъ она и сказала имъ: „подите, говоритъ, выройте колодечъ, золо-

той журавечъ поставьте и срубъ, и все... Вотъ они всѣй семьей побѣжали и пошли строить: кто досточку, кто брёвнышко, кто съ кирпичемъ, кто съ журавчемъ, кто молотокъ тутъ несетъ. Сладили все и съ вѣсточкой къ Марьѣ-царевнѣ прибѣжали: „все, говоритъ, готово“. Она пошла и разбудила Ивана-царевича. „Вставай, говоритъ, Иванъ-царевичъ, сынъ крестьянскій, я все уладила: и колодечъ сдѣланъ и все. Поди теперь, выпатрайся въ глинѣ, а то онъ будетъ думать, что ты не работалъ“. Пошолъ Иванъ-царевичъ, опатрался глиной, обмазался весь и пошолъ къ царю: „все, молъ-де, готово, поди, погляди“. Ну, онъ пошелъ съ нимъ. Видитъ — колодечъ, и журавечъ золотой, и срубъ; схохоталъ, обвернулся. — „Ну, это, говоритъ, не ты дѣлалъ, а дочка, Марья-царевна, — это все ее хитрости. А ты вотъ что теперь: поди до пѣтуховъ, весь вотъ этотъ лѣсъ сруби, расчисти, сборони, спаши, посѣй, пожни да амбаръ сострой да смолоти да въ тотъ амбаръ и заколоти. А коли не сдѣлаешь, что я тѣ наказывалъ, такъ и не житель больше“.

Закручинился Иванъ-царевичъ, сынъ крестьянскій, голову повѣсилъ, ходитъ самъ не свой. Пошелъ онъ къ Марьѣ-царевнѣ, все поразсказалъ ей. „Вотъ, говоритъ, что онъ наказывалъ“. А Марья-царевна и говоритъ: „не сумлевайся, ложись спать да молись Спасу. Я ужь улажу“. Вышла на крылечко, махнула красной лопотинкой и сзычала: „служеньки-маженьки! какъ тятенькѣ, мамонькѣ служили, такъ и мнѣ послужите“. Всѣ собрались. Она и говоритъ: „подите, лѣсъ чистите, сѣйте тамъ, пашите, бороните, хлѣбъ убирайте, стройте амбаръ, все зерно въ него свозите“. Ладно, пошли бѣгать: кто топорокъ, кто молотокъ, а то съ косой, а то съ серпомъ; все обтяпали. Идутъ къ Марьѣ-царевнѣ съ вѣсточкой: все, значитъ построили. Ладно. Марья-царья (такъ) будитъ Ивана-царевича. „Вставай, Иванъ царевичъ, сынъ крестьянскій. Хлѣбъ ужь убранъ; я все сладила. Поди, вымарай лицо сажей, выпатрайся весь и ступай къ отцу“. Иванъ-царевичъ всталъ, выпатрался, пошелъ къ отцу: „все, говоритъ, сдѣлалъ. Подёмъ глядѣть“. Пошли. Видитъ царь, все, какъ есть, улажено: и лѣсъ расчищенъ, и хлѣбъ убранъ. Обвернулся, схохоталъ. „Это, говоритъ, хитрости дочки моей, Марьи-царевны. А ты теперь

церковь мнѣ сострой, въ одну ночь, чтобы къ обѣднѣ поспѣло освятить ее".

Закручинился Иванъ-царевичъ, голову повѣсилъ, ходитъ самъ не свой. Пошелъ къ Марьѣ-царевнѣ.—„Ну, что, говоритъ, онъ опять на тебя накинулъ". — „Да вотъ, говоритъ, церковь наказывалъ состроить". — „Ладно. Ты не заботься. Помолись Спасу да ложись спать. Я ужь устрою". Вышла на крылечко, взмахнула красной лопотинкой и сзычала: „служиньки-маженьки, какъ тятинькѣ, мамонькѣ служили, такъ и мнѣ послужите". Прибѣжали всей семьей. Марья-царевна и говоритъ имъ: „подите, церковь устройте, чтобы къ обѣднѣ святить поспѣло". Побѣжали, изладили. Марья-царевна пошла, разбудила Ивана-царевича. — „Вставай, говоритъ, поди, церковь излажена. Опатрайся въ известкѣ, выбѣлись весь да и ступай къ отцу". Пошолъ онъ, опатрался и идетъ къ отцу: „такъ и такъ, говоритъ, ваше царское степенство, церковь я изладилъ". Пошелъ царь, поглядѣлъ: точно—церковь. „Ну, ладно, говоритъ, въ этой церкви ты и вѣнчаться будешь. Я за тебя отдамъ дочь свою. Вотъ приходи, завтра я тебѣ ихъ покажу; выбирай любую". Иванъ-царевичъ и говоритъ: „это какъ вашему царскому степенству будетъ желательно, а я бы тово... женился, потому хозяйкой нужно все одно обзаводиться". — „Такъ вотъ, говоритъ, и приходи завтра, выбирай любую, какая поглянется".

Пошелъ Иванъ-царевичъ къ Марьѣ-царевнѣ: „такъ и такъ, говоритъ, завтра отецъ женить меня хочетъ; невѣсту буду выбирать". — „Ну, говоритъ, мотри, Иванъ-царевичъ, я тебѣ много службъ сослужила; мотри, не оставляй и меня. Онъ тебя поведетъ по тремъ горничамъ. Вездѣ будетъ по 11 красныхъ дѣвушекъ. Ты, мотри, въ первой не бери и во второй не бери: я буду въ третьей горничѣ. Коло лица у меня будетъ летать мушка, а я ее стану платочкомъ отганивать. Ты на меня и покажь. Скажи: вотъ де моя невѣста. А теперь пошолъ, спи". Ладно. Вотъ онъ всталъ наутрѣ, умылся бѣленько, одѣлся гладенько и пошелъ невѣсту выбирать.

Привелъ его царь въ первую горничу. Иванъ-царевичъ говоритъ: „нѣтъ, этихъ не надо". Царь повелъ его въ другую горничу. Иванъ-царевичъ и говоритъ: „нѣтъ, эти мнѣ

не глянутся". Царь повелъ его въ третью горничу. Иванъ-царевичъ и увидалъ тутъ: Марья-царевна отъ мушки бѣленькимъ платочкомъ отмахивается. „Вотъ, говоритъ, моя невѣста". Царь схохоталъ: „знаетъ, говоритъ, куда мѣтиться".

—„Ну, говоритъ, теперь пойдемте въ церковь". Пошли. Ну, Иванъ царевичъ и женился на ёй. Пошли пиръ пировать. Долго пировали. Потомъ на подклѣтъ привели, положили на кроватку, однихъ оставили. Только и говоритъ Марья-царевна Ивану-царевицу: „неужли, говоритъ, ты не стосковался по отцѣ-матери своёй?" — „Стосковался, говоритъ, какъ не стосковаться".—„Ну, такъ поѣдемъ къ родителямъ".—„Поѣдемъ", говоритъ. Ладно. Собрались, сѣли на коней и поѣхали. А Марья-царевна хитра и мудра была: она куколъ надѣлала, фигуръ, значитъ, эдакихъ, дьяволóвъ, да и разставила ихъ вездѣ: на шестóкъ, на постельку, на шкапчикъ, у порога. А сами взяли да и уѣхали.

Тутъ на утрѣ горшки стали бить, самовары ставятъ. А потомъ пошли молодыхъ поднимать. Поторкали, поторкали: „вставайте, говорятъ, пора ужь". А кукла имъ и отвѣчаетъ тоненькимъ голосомъ: „погоди-и-те, погоди-и-те маленько, я еще только встаю, платьицо оболокаю". Вотъ они опять ждать да пождать, нѣтъ молодыхъ да и все. Царь по горничѣ ходитъ, сердится. — „Подите, говоритъ, что они тамъ замѣшкались". Опять пошли. Стучатся, а кукла и говоритъ: „пóликъ вѣничкомъ мету, сорóкъ выбрасываю. Удѣлаюсь, такъ приду". Вотъ ладно. Царь по горничѣ походитъ, головой взвернетъ, сердится, а ихъ все нѣтъ. Царь заругался: „ахъ, вы, говоритъ, подлецы, сукины сыны, добудиться не могли... Постой-ко, я вотъ самъ пойду". Пошелъ—анъ тамъ куклы однѣ, камеди, значитъ.

Смекнулъ онъ, что убѣжали они, и погоню за ними послалъ. „Валите, говоритъ, лошадей не жалѣйте; въ мою голову дуйте". Поѣхали, жарятъ, стегаютъ лошадей, что на́ поди; а у лошадей искры изъ глазъ, дымъ подъ копытомъ.

Марья-царевна и говоритъ Ивану-царевичу: „не слышишь ли, Иванъ-царевичъ, погони?" А Иванъ-царевичъ и говоритъ: „да что, говоритъ, я? ты болѣ меня знаешь". Вотъ она слѣзла съ телѣги и приложила ухо къ землѣ.

Слышитъ—погоня.—„Ну, говоритъ, плохо: за нами гонятся". Скоренько слѣзла, Ивана-царевича голубемъ сдѣлала, а себя голубкой, а лошадокъ и телѣгу въ березку да осину передѣлала. Вотъ ладно. Наѣзжаетъ погоня и спрашиваетъ голубковъ: „голубки, голубки, не видали-ли молодого жениха съ невѣстой, не проѣзжали-ли здѣсь они?"—„А какъ отростать начала березка да осина, такъ тогда проѣхалъ молодой женихъ съ невѣстой". Посмотрѣли: березы старыя, давно ужь это было,--не догонишь. Взяли да и воротились. Только и спрашиваетъ ихъ отецъ: „ну что, догнали?" — „Нѣтъ, говоритъ, не догнали. Доѣхали до березки. Тамъ сидятъ два голубочка: голубь да голубка. Мы и спросили ихъ: „не видали-ли, молъ, вы, не проѣзжали-ли тутотка женихъ съ невѣстой".---„Какже, говоритъ, видѣли; какъ отрастать стала березка да осина, такъ они тогда и проѣхали. Мы взяли да и воротились". А царь и говоритъ имъ: „эхъ, вы—простокваши. Не знаете и тово: вѣдь эти голубки они и есть. Поѣзжайте, говоритъ, сейчасъ за ними опять, гоните, жарьте лошадей въ мою голову, догоните ихъ безпремѣнно". Поѣхали. Жарятъ, дуютъ коней, а у нихъ искры изъ глазъ сыплются да такъ во всѣ стороны и разлетаются.

Марья-царевна и говоритъ Ивану-царевичу: „охъ, Иванъ-царевичъ, не слышишь ли погони за нами?" А Иванъ-царевичъ говоритъ: „ты, Марья-царевна, и хитра и мудра, послушай сама: можетъ, чего услышишь, а ужь мнѣ гдѣ съ тобой ровняться". Только Марья-царевна слѣзла съ коней, припала ухомъ къ землѣ, слышитъ, ѣдутъ за ними, близко ужь. Вотъ и говоритъ Ивану-царевичу: „бѣда, Иванъ-царевичъ, сынъ хрестьянской, погоня близко". Взяла она, сдѣлала изъ коней часовню, а сама стала просвирней, Ивана-царевица подмаремъ оборотила. Ѣдетъ погоня и спрашиваютъ ихъ: „не видали-ли, не проѣзжали-ли тутъ молодой женихъ съ невѣстой?" А Марья-царевна и отвѣчаетъ имъ: „какъ часовня строиться начала, такъ проѣхалъ тутъ молодой женихъ съ невѣстой, а больше никого не видали". Глядятъ—часовня старая, давнишняя, мохомъ инда обросла.—„Нѣтъ, говоритъ, ужь не догонишь, поѣдемте домой". Марья-царевна и говоритъ имъ: „да вы отъ кого будете?"— „А мы, говоритъ, отъ царя, Шумпаломъ зовутъ его".—„Ну, такъ я, говоритъ, его знаю. Вотъ отвезите ему гостинецъ

просвирку я ему пошлю". Ладно. Взяла она, завертѣла въ грамотку г.... коневье. — „Вотъ, говоритъ, отдайте ему; это я за здравьё ему отслужила. Только мотрите, говоритъ, не развертывайте, такъ прямо ему и отдайте". Пріѣхали къ царю.—„Ну что, говоритъ, догнали ихъ?" А они ему и отвѣчаютъ: „нѣтъ, говоритъ, не нагнали. Только видѣли часовню, просвирня, съ ней монахъ, али тамъ подомарь, Богу молятся, стоятъ. Мы и спросили ихъ: „не видали-ли, не проѣзжали-ли тутотка молодой женихъ съ невѣстой"? А они намъ и отвѣчаютъ: „какъ часовня строиться начала, такъ тогда проѣхалъ молодой женихъ съ невѣстой". Мы посмотрѣли, а часовня-то инда мохомъ обросла, старая-престарая. Все равно, молъ, не нагонишь. Взяли да и воротились. Просвирня-то вотъ тебѣ просвирку послала. Знаетъ, вишь, тебя, наказывала кланяться". Развернулъ онъ—хвать, анъ коневье г.... Закричалъ разсердился. „Ахъ, подлянка, это и есть она. Чего вы тамъ глядѣли? Просвирня то и есть Марья-царевна, а подомарь—Иванъ, сынъ хрестьянской. Вотъ бы нужно привести ихъ. И тово ужь не съумѣли". Сѣлъ самъ на коней, въ погонь за нимъ поѣхали.

Только Марья-царевна и говоритъ Ивану-царевичу: „Иванъ-царевичъ, сынъ хрестьянской, не слышишь-ли погони?" — „Охъ, Марья-царевна, куда ужь тутъ мнѣ, ты и хитра, и мудра, — сама послушай". Только и припала она ухомъ къ землѣ; слышитъ—погоня въ запяткахъ.—„Ну, говоритъ, Иванъ-царевичъ, бѣда! самъ отецъ ѣдетъ погоней, ужь близко, въ запяткахъ". Взяла она, лошадей рѣкой съ берегами оборотила, сама щукой стала, а Иванъ-царевичъ окунемъ пошелъ. Вотъ ладно. Плаваютъ, играютъ въ водѣ. Отецъ и ѣдетъ на тройкѣ съ прозвонами; ружья у него, сабли и все. Подъѣзжаетъ къ рѣкѣ, видитъ: щука да окунь. Сичасъ узналъ, что это Марья-царевна и есть. И говоритъ ей: „чтобы тебѣ, дочка моя милая, вѣкъ ходить тутъ въ водѣ, не развернуться". Только Марья-царевна и говоритъ ему наоборотъ: „что-бы тебѣ, тятенька мой милой, вѣкъ ѣздить тутъ, никогда домой не добраться!" Вотъ ладно. Поѣхалъ отецъ домой. Ѣздилъ, ѣздилъ, — никакъ тебѣ не можетъ попасть на свою землю; все кружитъ мимо. Подъѣзжаетъ опять къ рѣкѣ и говоритъ Марьѣ-царевнѣ: „ахъ, Марья-царевна, дочь моя милая! ѣздилъ я, ѣздилъ, никакъ

не могу домой попасть. Сними ты съ меня заклятьё своё". „Ладно, говоритъ, сниму, только ты прежде сними съ меня". Ну, царь и говоритъ ей: „развернись, выдь на берегъ". Марья-царевна развернулась, на бережокъ вышла съ Иваномъ-царевичемъ подъ ручку. „Теперь, говоритъ, поѣзжай, тятенька, доѣдешь домой". Отецъ заворотилъ коней и поѣхалъ. Такъ и доѣхалъ благополучно. Марья-царевна и говоритъ Ивану-царевичу: „Иванъ-царевичъ, сынъ хрестьянской, зачѣмъ намъ ѣхать къ родителямъ твоимъ? Можетъ они померли, али что да и не рады будутъ: потому отбился отъ нихъ, все едино. Поѣдемъ лучше къ моему отцу назадъ. Онъ, чай, осерчалъ, разговоримъ его". Иванъ-царевичъ и говоритъ ей: „поѣдемъ, Марья-царевна, куда ты, туда и я. Ты спасла меня; теперь куда хошь поди — я не отстану отъ тебя". Ладно. Запрягли лошадей и поѣхали назадъ къ отцу. Только доѣхали до дворца, Марья-царевна и говоритъ Ивану-царевичу: „Иванъ-царевичъ, сынъ крестьянской, ты поди во дворечъ одинъ, а я вотъ подъ вересовымъ кустичкомъ посижу, подожду тебя. Отецъ тебя встрѣтитъ, какъ родного, будетъ почитать, угощать. Только мотри, много вина не пей, да кая выдетъ къ тебѣ старшая невѣстка, её сѣдуна не чалуй. А какъ почалуёшь, меня и забудёшь, не воротишься сюды больше". Вотъ ладно. Пошелъ Иванъ-царевичъ, сынъ хрестьянской къ царю. Царь обѣдаетъ, и его съ собой посадилъ, чествуетъ, поштуетъ.— „Кушай-де, Иванъ-царевичъ, у меня и винъ разныхъ, и всякаго меду, и пряниковъ довольно". Ладно. Только и напился Иванъ-царевичъ безпримѣтошно пьянъ, напился, что и знику нѣтъ. Такъ тутъ и повалился подъ столъ прямо. Старшая невѣстка подошла тутъ къ нему, сѣдуна подвела: „поцѣлуй, говоритъ, дяденьку". Какъ поцѣловалъ онъ Ивана-царевича, такъ онъ и забылъ про Марью-царевну.

Вотъ царь и говоритъ ему: „Иванъ-царевичъ, сынъ хрестьянской, не хочешь ли жениться?" — „Какъ бы, говоритъ, не жениться, хочу, вѣстимо, коли ваше царское степенство повѣнчаете меня". Царь и говоритъ: „повѣнчаетъ тебя попъ, а я тебѣ только невѣсту выберу". — „Выберите, говоритъ, ваше царское степенство". Стоитъ да кланяется царю, а самъ и позабылъ, что его Марья-царевна подъ вересомъ дожидаётся. Началось тутъ сватовство, пива наварили, вина

накурили, — все какъ быть. А Марья-царевна все сидитъ подъ вересомъ, дожидаетъ Ивана-чаревица. День прошелъ, другой, третій. „Нѣтъ ужь, говоритъ, видно не придетъ, идти самой нужно“. Пошла къ дому, зашла на задворки, нашла тамъ баушку-старушку и говоритъ ей: „подь, матушка, сходи, посмотри, что въ домѣ дѣлаютъ“? Баушка сходила, высмотрила все, приходитъ и говоритъ Марьѣ-царевнѣ: „тамъ сватовство идетъ. Отецъ просваталъ дочку старшую за Ивана-чаревича“. Марья-чаревна опять проситъ ее: „подь, матушка, сходи въ избу, тамъ на судницѣ квашенка стоитъ, пловётъ она. Ты ее уйми, тѣстичка отбавь да сюда въ карманѣ и принеси“. Ладно. Пошла баушка, взяла тѣстичка и несетъ Марьѣ-царевнѣ. Марья-чаревна взяла тѣстичка, сдѣлала изъ него голубку да голубочка и проситъ опять баушку-старушку: „подь, матушка, сходи въ избу; тамъ пиръ идетъ. Посади голубочковъ на жерновча, а сама суда приходи“. Баушка-старушка пошла въ избу, посадила голубочковъ на жерновча. Пиръ идетъ. Иванъ-чаревичъ впереди съ своей невѣстой сидитъ. Только голубочки и говорятъ на жерновчахъ: „уру, уру, голубчикъ мой! уру, уру, голубушка! Иванъ, сынъ хрестьянской, забылъ, покинулъ Марью-царевну подъ вересовымъ кустичкомъ. Она его оборанивала, отъ лихаго зла защищивала“. Иванъ-царевичъ не слышитъ голубочковъ, съ невѣстой чалуется, вино попиваетъ. Голубочки и ближе придвигаются, и спять: „уру, уру, голубчикъ мой! уру, уру, голубушка! Иванъ, сынъ хресьянской, забылъ, покинулъ Марью-царевну подъ зеленымъ кустичкомъ, подъ зеленымъ, вересовымъ. Она его оборанивала, отъ лихаго зла защищивала“. Тутъ ужъ Иванъ-чаревичъ услыхалъ, вздоганулся да и говоритъ: „у меня вѣдь хозяйка есть — Марья-царевна. Я покинулъ ее подъ вересовымъ кусточкомъ въ полѣ“. Пошелъ туда да и говоритъ Марьѣ-царевнѣ: „Марья-царевна, голубка ты моя, прости меня. Я, было, совсѣмъ позабылъ объ тебѣ, другую сосваталъ“. А Марья-царевна и говоритъ: „говорила я тебѣ: не пей вина, не чалуй сѣдуна. Вотъ ты испилъ вина, а старшая невѣстка и привела къ тебѣ сѣдуна свово; то и забылъ ты меня. А топере подёмъ во дворечъ“. Взяла она, знаешь ты, его подъ руку да и пошли къ отцу. Пришли, пировать стали — рѣка разливанная: пей, ѣшь,

чего хошь. Такъ и стали жить да поживать да добра наживать. И топере живутъ, сказываютъ старые то люди, живутъ да намъ поклоны шлютъ.

Орловскій у., д. Халтуриныхъ. Зап. со словъ Орины Халтуриной.

---

127. [Дѣвица и разбойники].

Жилъ богатой хресьянинъ. У него была дочка молодая, ужь такая ли красота писаная, что только на-поди. И бойкая была, страсть какая: николи ничего не боялась. „Чего мнѣ, говоритъ, я сама всѣхъ спужаю".

Ну и вотъ пришла ярманка, отцу съ матерью на базаръ поспѣло ѣхать. Запрегли лошадку и поѣхали. А дѣвка одна осталась, домовнича́ть—значитъ. Вотъ ладно. Ночь подходитъ. Дѣвка заперла вороты, косу, топоръ взяла, все, значитъ, припасла, какъ бы чего не было. а сама легла спать. А тутъ парень одинъ жилъ неподалечку. Онъ узналъ, что дѣвка то одна дома, отецъ съ матерью уѣхали, взялъ да и подговорилъ мужиковъ: „пойдемъ, говоритъ, ограбимъ ее: чай у нихъ много добра-то позапа́сено. А дѣвка одна—много ли ей нужно? далъ тычка, и съ ногъ долой". Ладно, пошли. Приходятъ въ самую полночь; темень такая, что хоть глазъ коли, а тутъ и дождикъ, и вѣтеръ, и все... Только ворамъ и ходить въ экую ночь. Вотъ онъ и давай окончо пробовать: трясъ, трясъ—нейдетъ тебѣ, да и полно. Онъ туды дальше руку то просунулъ, хотѣлъ выдрать, значитъ, его. А она, какъ встала, да какъ хватитъ его по рукамъ косой, руки такъ и отлетѣли. А онъ давай Богъ ноги, только бы поскорѣе убраться-то отъ нея. Такъ и убѣжали.

Много-ли, мало-ли проходитъ, только и пріѣзжаетъ онъ сватать ее. Ну и сваты съ нимъ, значитъ, какъ слѣдуетъ; а сваты то эти такіе же разбойники, какъ и онъ. Сладили дѣло, уговорились, что тамъ, пировать пиръ сѣли. У жениха рукъ то нѣтъ, онъ и надѣлъ перчатки черныя, а въ нихъ набилъ песку. Невѣстѣ и невдомекъ это, а отецъ и спрашиваетъ: „что это, говоритъ, у тебя, парень, перчатки на рукахъ?"—„А такъ, говоритъ, руки болятъ маленько".

Дѣвку совсѣмъ ужь засватали, домой поволокли... къ жениху, значитъ. А дѣвка все еще не знаетъ, что мужъ-отъ у ней разбойникъ. Ѣдутъ, ѣдутъ, а до дому было далёко. Къ ночи пріѣхали, тёмно стало, дождикъ мороситъ... Вотъ онъ и сбирается ее убить, што она руки отрубила ему. Велѣлъ ей баню топить, въ котелъ воды носить, чтобы сварить ее тамотка. Взяла она ведерцы да и пошла на рѣку воду носить. Носитъ, носитъ, а котелъ большущой, много въ него нужно, умаялась она. Тутъ люди были къ ей приставлены, возьми да и скажи ей: „вѣдь въ котлѣ, молъ, тебя варить хотятъ, для себя носишь воду; носи, не лѣнись“. Какъ услыхала это дѣвка, да давай Богъ ноги поскорѣе, какъ бы убѣжать. Бѣжала, бѣжала и спряталась на ёлку. Какъ узналъ женихъ, что она убѣжала, сичасъ въ погоню: „врешь, слышь, не уйдешь, сыщу“. И поѣхали съ пиками, съ ко́сами нагонять ее. Искали, искали, умаялись, обмочились всѣ (а въ тѣ поры дождикъ шелъ). Ну и пришли подъ елку, отдохнуть маленько захотѣлось. Дѣвка сидитъ ни гу-гу, пришипилась на ёлкѣ. Только женихъ взялъ пику да и ткнулъ въ ёлку и говоритъ: „вотъ бы нашелъ окаянную, такъ и испрокололъ-бы всю пикой!“ Кровь то у ёй такъ и льется изъ ножекъ; терпитъ да Бога молитъ, какъ бы уйти до свѣту. Женихъ и говоритъ: „что это, больно ужъ дождь льетъ здѣся, подёмъ, парни, далѣ“. Темно, вишь, было, и не сдоганулись, что это кровь льетъ. Такъ и ушли.

Дѣвка слѣзла съ ёлки да и побѣжала домой. Шла, шла, видитъ: мужикъ съ сѣномъ ѣдетъ. Она къ ёму и упала въ ноги: „такъ и такъ, дядюшка родименькой, спрячь меня въ сѣно: разбойники, говоритъ, меня ищутъ. Какъ привезёшь меня къ отцу, онъ тебѣ половину имѣнья отдастъ“. Ладно. Мужикъ спряталъ ее въ возъ. Ѣдетъ далѣ. Только и нагоняютъ тутъ его разбойники. Старшій-етъ атаманъ и говоритъ: „не видалъ-ли, говоритъ, здѣсь не пробѣжала-ли дѣвка?“ Старичекъ и отвѣчаетъ: „нѣтъ, говоритъ, не видалъ“. Разбойникъ и спрашиваетъ: „а не въ возу ли она у тебя?“ Старичекъ и отвѣчаетъ: „нѣтъ, говоритъ, не въ возу, ничегосеньки у меня тамотка нѣтъ“. Разбойники туда пиками и тычутъ; тыкали, тыкали—нѣтъ, не нашли. Дѣвку всю разпроназили, а она все молчитъ. Такъ и ушли: „видно“

говоритъ, и възаболь у его никого нѣтъ. Поѣзжай съ Богомъ, старичекъ, не обезсудь на насъ, што мы тебѣ сѣно то потыкали". Ну, а какъ они ушли, старичекъ поѣхалъ себѣ и дочку домой доставилъ. Отецъ ему половину богатства за это отдалъ.

Орловскій у., дер. Халтуриныхъ. Зап. со словъ Орины Халтуриной 1882 г.). Сказка эта самая распространенная въ здѣшнемъ уѣздѣ).

---

128. [О нечистой силѣ].

Однажды дѣвки слушать пошли (о Рождествѣ). Пустой домъ тутъ въ деревнѣ былъ,—такъ вотъ туда онѣ и забрались. Парни провѣдали это да и забились на полати запрежа еще, попугать дѣвокъ хотѣли. Вотъ ладно. Взошли дѣвки въ избу, а тутъ изъ подполу бѣсъ и вылѣзаетъ. Заганулъ имъ загадку: „что, баетъ, за три косы да что за три дуги?" Дѣвки спужались страсть. Парни тутъ и шепнули имъ: „вы, баютъ, не бойтесь, мы отгадаемъ". Вотъ и баютъ бѣсу: „а и три косы, баютъ, коса—у дѣвки, да коса, что косятъ, да коса — у пѣтуха; а и три дуги, баютъ: дуга запрегательная, да дуга—радуга, да дуга—бровь у красной дѣвушки". Чортъ видитъ: отганули.—„Бѣгите, баетъ, скорѣе, скорѣе, не то—худо будетъ". Онѣ сичасъ драло. Только у одной дѣвки сарафанъ спалъ; такъ тутъ въ избѣ и остался, голая домой прибѣжала. Посмотрѣли тутъ на другой день, а сарафанъ весь по клочьямъ такъ и разбросанъ по всей избѣ.

Орловскій у., д. Вилки Левинской вол. Зап. со словъ крестьянки Авдотьи Горевой. 1882 г.

---

129. Мужикъ и запойщикъ.

Мужъ съ женой жилъ. Жили страсть богато. Только ему, этому мужу-то, все въ уши вносятъ, про жону баютъ. Ну, а онъ не слушаетъ. „Что, баетъ за пустяки!" и бить николи жоны не билъ, пальчикомъ не тронулъ.

Только и поѣхалъ онъ по сѣмя въ городъ да и баетъ жонѣ: „я, баетъ, поѣду, а ты меня, мотри, не дожидай; се-

водни не пріѣду. Завтра, значитъ, али какъ-нибудь". Ладно, уѣхалъ. Жона сичасъ всего настряпала. Вотъ къ ней и приходитъ гость, вечеромъ-то. Сичасъ за столъ его посадила, почитаетъ всѣмъ. Тутъ и крысается въ дверь кто-то: стукъ, стукъ, стукъ! Она сичасъ ему и баетъ: „полѣзай въ печь". Пріостерегается, значитъ, виду не хочетъ показать. Вотъ и взошелъ въ избу другой, тоже гость, сѣлъ. А тутъ въ дверь опять крысается кто-то. Она сичасъ и другаго въ печь. Третей пришелъ, и онъ за столъ сѣлъ. Ну, она его почитать принялась, все вынесла на столъ: ѣшь, пей! А тутъ четвертый гость—мужъ на ворота пріѣхалъ. Она сичасъ его: „полѣзай въ печку". Такъ и спрятала; вѣрно другъ дружку знали, смирно сидятъ въ печкѣ. Пропустила мужа въ избу да и баетъ: „что, баетъ, пріѣхалъ, я ничего и не припасла, думала, до завтрева пробудешь". А мужъ попандерить захотѣлъ. „Поѣмъ, думаетъ, спать лягу". Взялъ лучинку зажегъ и полѣзъ въ печку; заглянулъ—анъ тамъ стряпни прибыло. Онъ и кричитъ имямъ: „вылазьте-ко изъ печи", а самъ сичасъ припасъ чѣмъ заобушить ихъ. Они выползли оттудова, а онъ сичасъ ихъ взялъ да убилъ. Убилъ да и обзаботился, куды, значитъ, ихъ дѣти. А жену и пальчикомъ не пошевелилъ. Ну, упечаталъ онъ ихъ да и спредѣлилъ покалѣ въ подпечь. А нужно подальше убрать. Самъ нести боится; какъ тутъ? закручинился, запечалился. — „Что, баетъ, я стану дѣлать теперь?" Вотъ день пришелъ, онъ и пошелъ на базаръ. Видитъ: тамъ запойщикъ, пьяница ходитъ. Запойщикъ его и спрашиваетъ: „что закручинился?" Какъ маленько тамъ ино попало ему, онъ и разсказалъ все: „вотъ, баетъ, такъ и такъ ночевалъ у меня манахъ, да вдругъ съ душой разстался. Не знаю теперь, какъ и быть". А запойщикъ и говоритъ ему: „есь объ чемъ заботиться! давай я упрячу, только ночи дождать". Вотъ онъ и приходитъ домой и выложилъ манаха подъ порогъ. Запойщикъ приходитъ, видитъ—мертвъ, околѣлъ, что и есть. Взялъ, свалилъ на плечи и понесъ. Несъ, несъ... Только тутъ солдаты были на обвахтѣ, караулили. Вотъ и спрашиваютъ его: „кто тутъ идетъ?" — „Чортъ, баетъ, идетъ, манаха несетъ". Салдаты дивятся промежь себя: „что, баютъ, это такое, гдѣ чортъ монаха взялъ?" Только приноситъ запойщикъ его на-рѣку, спехнулъ въ пролубь, падогомъ помѣшалъ да и пошелъ

опять къ мужику плату взять съ него. Ладно. Только приходитъ, а тутъ другой лежитъ подъ порогомъ, мужикъ его выбросилъ. Запойщикъ и говоритъ: „ишь ты: попередъ меня поспѣлъ!“ Взялъ опять, свалилъ на плечи и понесъ опять на рѣку. Солдаты его и спрашиваютъ: „кто тутъ идетъ?“—„Чортъ, баетъ, идетъ, манаха несетъ“.—„Да что это, баютъ, куды манаховъ-то таскаютъ? Все тащатъ, все тащатъ... Когды же это конецъ-отъ будетъ?“

Вотъ ладно. Спехнулъ онъ его въ пролубь, падогомъ помѣшалъ.—„Ну, баетъ, сиди топеря тутъ, не бѣгай“. Пошелъ назадь къ мужику. Подходитъ къ мужикову дому—анъ тамъ еще манахъ, мужикъ его подсунулъ.—„Да чтой-то, баетъ, это? долго-ли я съ тобой мучиться то буду, сукинъ ты сынъ? Ну, ужь, баетъ, я тебя топерь подальше стащу, не прибѣжишь“. Взялъ, опять и понесъ. Салдаты опять и спрашиваютъ: „кто тутъ идетъ?“—„Чортъ, баетъ, идетъ, манаха несетъ“.—Ну, баетъ, что, баетъ, это будетъ? Все манаховъ да манаховъ. Весь манастырь, баетъ, скоро сноситъ“.

Запойщикъ пошелъ, спехнулъ въ пролубь манаха. Идетъ назадь, къ заутренѣ зазвонили, попъ въ церковь пошелъ. Онъ за попа то и поймался. „Ахъ ты, баетъ, сукинъ сынъ, подлецъ экой! долго ли я съ тобой вошкаться стану? Что я те пять разъ што-ли носить то буду?“ А попъ молитву читаетъ: „я, баетъ, попъ, ты меня не трожь!“ А онъ взялъ да такъ его и умаялъ, въ пролубь тоже снесъ.

Тутъ разыскные пошли, стали, слышь, искать манаховъ, куды это они дѣвались; да и попъ тоже пропалъ. Солдаты видѣли это, нужно имъ обликовать. Вотъ они и разсказали все: „чортъ, баетъ, всю ночь манаховъ таскалъ“. Ну, такъ на чертей и положили: чортъ, баетъ, да и все тутъ.

Только запойщикъ все ходитъ къ мужику: деньги подавай! выдать хочетъ. Мужикъ давалъ, давалъ, да ужь и нѣчего стало: ничѣмъ ничего не осталось. Вотъ и баетъ онъ своей хозяйкѣ: „я, баетъ, умру, а ты меня въ гробъ положь да въ черковь отнеси да двѣ коробки спичекъ положь со мной“. Ладно, и умеръ, доспѣлъ, значитъ. Она его снарядила, въ черковь снесла, тамъ положила. Ночь пришла. Ну и пріѣхали тутъ къ черквѣ разбойники. Окно выломали, влѣзли въ черковь, шарпать стали вездѣ. Шар-

пали, шарпали, шарпали, шарпали, набрали много чего, тутъ и денегъ и золота. — „Ну, баютъ, будетъ, подемте домой“. А мужикъ исподтиха вылѣзъ изъ гроба, — онъ все слушалъ, что они тамъ дѣлали. Взялъ спичками обмаралъ лицо да и сталъ у стѣны. Какъ пошли разбойники, онъ и обворотился къ нимъ. Разбойники такъ тутъ и упали: спички то вѣдь свѣтятся, когда ими намажешь что, и у него морда то въ свѣту вся, а разбойники думали, что онъ святой. Такъ и умерли тутъ всѣ. Мужикъ подобралъ всѣ коробы ихніе да и ушелъ домой. Богато сталъ жить тогда.

Орловскій у., д. Вилки Левинской вол. Записано со словъ кр. Авдотьи Горевой. 1882 г.

---

130. [Мачеха и пасынокъ].

Жилъ царь, а у царя одинъ сынъ былъ. Мачиха не одѣваетъ и не жонитъ его. Вотъ онъ наклался и пошелъ вдоль дороги. А навстрѣчу ему идетъ Богъ. „Ты, говоритъ, что парень горюешь?“. Вотъ онъ и говоритъ: „забижаетъ, говоритъ, меня мачиха, не одѣваетъ и не жонитъ. Какъ тутъ мнѣ не горевать?“ Богъ ему и говоритъ: „ты отступись отъ ея, наплевать, а лучше сдѣлай вотъ что: возьми чарушку пшеницы и уйди на подсѣку и посѣй. Какъ выростетъ та пшеница, прибѣгутъ 3 куничи, онѣ не три куничи, а 3 дѣвицы. Ты пымай одну за хвостикъ, переломи хвостикъ и взади и впереди брось. Тутъ тебѣ и будетъ дѣвица; ты и женись на ней“. Ладно. Пошелъ Иванъ-царевичъ, взялъ чарушку пшеницы, ушелъ на подсѣку и посѣялъ. Только прибѣгаютъ тутъ 3 куничи, то не 3 куничи, а 3 дѣвичи. Взялъ пымалъ онъ одну за хвостикъ, переломилъ его и взади и впереди бросилъ, тутъ и вышла дѣвица. И говоритъ она Ивану-царевичу: „пымать то ты меня пымалъ, да только не совсѣмъ“.—„А какъ же, говоритъ, не совсѣмъ я тебя пымалъ“.—„Да вѣдь у меня, говоритъ, имѣнья то совсѣмъ нѣтъ ничего. Я живу одна, какъ барыня, за тремя морями, за тремя полями да за тремя лѣсами“. И стала она его просить: „отпусти меня, Иванъ-царевичъ, за имѣніемъ; я тебѣ приплавлю ево на корабляхъ“. Богатѣюща была вѣдь.—„Да ты, говоритъ, меня про-

манишь".—„Нѣтъ, поштё промануть, приплавлю. Только ты ужь отпусти, да мотри, у рѣки дожидай меня". Иванъ-царевичъ отпустилъ ее и пошелъ домой.

Наутрѣ всталъ, умылся, нарядился, волосы причесалъ и пошелъ на рѣку. У мачихи Ягѝбабы былъ сынъ, 10 лѣтъ ему было. Вотъ мачиха—Ягѝбаба и говоритъ ему: „возьми моего сынка съ собой погулять". — „Пойдемъ", говоритъ. Ладно, пошли. Онъ три булавочки въ голову воткнулъ и пошелъ. Сидятъ на рѣкѣ. Ягѝбабинъ парень сонъ и напущаетъ на жениха: мать-то его проводила съ этими фигурами. Женихъ заснулъ. А тутъ и невѣста пристала, три корабля приплавила, все имѣньичо свое. Видитъ: женихъ спитъ и безъ чувства. Она его будитъ, со слезами будитъ: „ты, говоритъ, вѣрно, осердился на меня. Топерь я только три корабля приплавила, а то на шесть кораблей имѣнья привезу". Она и говоритъ сыну то мачихи: „какъ проснется онъ, ты скажи ему, чтобы онъ не сердился, 6 булавочекъ воткнулъ въ голову. Я на 6 корабляхъ пріѣду. Неужь онъ не встанетъ? Можетъ, прочувствуется. Такъ и скажи ему", говоритъ.

Уѣхала она. Потомъ онъ проснулся и говоритъ: „была ли здѣсь моя невѣста?"—„Была". „Подлецъ, ты сукинъ сынъ! зачѣмъ ты меня не разбудилъ"? — „Ды сколь тебя будили, а ты все спишь. Кой прахъ тебѣ велѣлъ такъ крѣпко спать?" Вотъ и пошли домой. Наутрѣ удѣлалъ себя, какъ слѣдуетъ, головку вычесалъ, шесть булавокъ воткнулъ и идетъ къ рѣкѣ. А мачиха — Ягѝбаба и говоритъ своему сыну: „ты мотри, не робь, не оставайся отъ ёго"; туритъ его, туритъ, безъ чувства туритъ. Ну, онъ и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ. Иванъ-царевичъ и говоритъ ему: „да ты что, говоритъ, парнёшко, за мной увязался?". — „Да я, говоритъ, ничего: мнѣ мамка велѣла". — „Ну, такъ иди, говоритъ, сиди: мѣста то не жалко".

Вотъ пришли, сѣли. За полчаса время и сталъ парнишка сонъ напущать на Ивана-царевича. Онъ заснулъ. А тутъ и дѣвица пловётъ. Глядитъ, а онъ спитъ ужь. Она его будить: „встань, говоритъ, голубчикъ мой, полно тебѣ спать то!" И ужь, Господи помилуй, какъ она его будила. Будила, будила,—нѣтъ, не могла добудиться. Такъ и уѣхала, простилась, поцѣловалась: „прощай, говоритъ, не сердись: по-

ѣду, — еще больше привезу, коли ты этимъ недоволенъ". Наказала парнёшкѣ: „ты, говоритъ, скажи ему: завтра пріѣду на 9 корабляхъ, ошшо больше имѣньича привезу. Пусть въ головку воткнетъ 9 булавочекъ". Ну, и уѣхала.

Вотъ онъ просыпается, говоритъ: „была невѣста?" — „Была".—„А ты поштё меня не разбудилъ?".—„Я, говоритъ, будилъ, и она будила, да что тутъ сдѣлашь? мертво спишь"...

Вотъ онъ это дѣло смекнулъ, видитъ: не чисто, и говоритъ: „ты ради Христа не ходи со мной". Пошелъ и не беретъ его. Ягибаба ему и говоритъ: „его бери, нельзя не взять: рѣжанечъ будетъ—тебѣ али бы мнѣ". Ну, взялъ дѣлать нечего. Пришли на рѣку, парнишко и опять сонъ на него наводитъ. Онъ опять уснулъ. Пріѣзжаетъ дѣвица на 9 корабляхъ, а онъ спитъ опять. Она будить его зачала, будила, будила, будила, нисколь не чувствуетъ, что хошь дѣлай съ нимъ. Потрясла, его, на ж... посадила, говоритъ: „ради Бога, пожалѣй-же ты меня: близко-ли имѣньичо везла: изъ-за трехъ морей пригнала". Нѣтъ, все спитъ. Отступилась, говоритъ: „пущай теперь ищетъ меня за 3 морями, за 3 землями, за 3 рѣками. Коли хочетъ, пусть скуетъ 3 шляпы мѣдныхъ, 3 копья желѣзныхъ, тогда и поди. Когда истычетъ копья и износитъ шляпы, тогды и меня найдетъ".

Проснулся онъ, а парень ему и говоритъ, разсказалъ все. Вотъ онъ и пошелъ въ кузничу и сковалъ себѣ 3 копья желѣзныхъ да 3 шляпы мѣдныхъ, да и пошелъ вдоль дороги. Море перешелъ, землю перешелъ. Шляпа износилась, и копье одно истыкалось. Тутъ и пришелъ къ избушкѣ, а въ ней старушка. Старушка и говоритъ ему: „ты куда, молодечъ, поклался"? Иванъ-царевичъ и говоритъ: „да вотъ, баушка, пожениться захотѣлъ и то Богъ насъ лючки не свелъ. Што мнѣ теперь дѣлать, не знаю". А баушка ему и говоритъ: „ты поди, Иванъ-царевичъ, дальше. Тамъ есть — моя сестра живетъ. Ты къ ней и ступай. Она съ ёй гостичча. Ты какъ ей скажешь, она и залучитъ невѣсту въ гости. Тутъ ты и увидишь её. Ступай теперя". Вотъ онъ и пошелъ. Шелъ, шелъ, море перешелъ, землю перешелъ, рѣку перешелъ. У него шляпа износилась, копье истыкалось. Видитъ: стоитъ избушка, а въ ней старушка. Онъ и спрашиваетъ ее: „что, говоритъ, далеко ли мнѣ до моёй невѣсты? ты вѣдь, поди, знаешь, гостишься съ ёй".—„Нѣтъ,

Иванъ-царевичъ, я не знаю. А ты вотъ поди дальше, тамъ живетъ моя сестра старшая. Онѣ съ ней такъ гостячча. Ты и спроси у ней: „гдѣ, молъ, моя невѣста? Она тебѣ и разскажетъ, въ гости ее залучитъ, а ты спрячься да и слушай, что будетъ невѣста говорить. Тутъ ты и узнаёшь, сердчо то болитъ у ее али нѣтъ по тебѣ“. — Ладно, пошелъ онъ.

Шелъ, шелъ. Море перешелъ, землю перешелъ, рѣку перешелъ. Шляпу износилъ, копье изломалъ и пришелъ къ избушкѣ. Глядитъ, а въ ей старушка сидитъ. Онъ ей и говоритъ: „не знаешь-ли, говоритъ, баушка, гдѣ мнѣ-ка невѣсту найтить“? — „Знаю, говоритъ, она мнѣ креснича приходится“.—„Залучи, говоритъ, ты въ гости ее, я хоть бы посмотрѣлъ на нее, что она, любитъ ли меня ошшо“. Вотъ Ягѝбаба и послала за ей, наказываетъ, чтобы въ гости приходила. А сама Ивана-царевича въ подполъ посадила: „сиди, говоритъ, тутъ топерича, а какъ придетъ она, ты и слушай, что будетъ говорить. Тутъ и свою судьбу узнаёшь“. Иванъ-царевичъ сѣлъ тамъ и слушаетъ. Вотъ приходитъ невѣста. Ягѝбаба за столъ ее садила, почитала всѣмъ. То да сё, вотъ и спрашиваетъ ее Ягѝбаба: „ты, кресенка, за́мужъ выходила, да не вышла“.—„Да какъ ты, говоритъ, знаешь это?“ — „Да ужь знаю, говоритъ, и жониха твово знаю“.—„Да нѣтъ, говоритъ, быть не можетъ, штобы знала. Вѣдь онъ, чай, далеко: за 3 морями, да за 3 землями, да за 3 рѣками остался. Какъ тебѣ его знать“?—„Да ужь я знаю“, это Ягѝбаба то говоритъ. А невѣста и сказала: „я, говоритъ, вышла за него замужъ, пріѣхала къ ёму съ 3 кораблями приданаго — онъ меня не принялъ, осердился, знать, что мало привезла. Ну, я опять поѣхала, привезла шесть кораблей—онъ опять меня не принялъ. Я привезла девять кораблей—тоже не принялъ. Все спитъ, все ему мало. Эсколь близко-ли, далеко-ли везла — спаси, Господи! Топерь ужъ у меня сердце къ нему отпало“. И нисколичко не жалѣетъ его: „какъ, говоритъ, увижу его, такъ и съѣмъ. Пусть лучше и нейдетъ сюды“. Иванъ-царевичъ слушаетъ въ подпольѣ; видитъ—дѣло не рука, такъ и не вышелъ, просидѣлъ тамъ. Ягѝбаба и спрашиваетъ кресничу: „скажи, говоритъ, креснича, чѣмъ ему можно твое сердчо приворотить, чтобы, значитъ, ты опять его полюбила“. Креснича и

отвѣчаетъ: „Есть туть на морѣ дубъ, въ дубѣ кобылья голова, а въ головѣ—утка, а въ уткѣ—яичко, а въ яичкѣ—мое сердчо. Какъ достанетъ онъ его, такъ я опять его сполюблю, а то, дакъ нѣтъ, и не дожидайся". Сказала и сидѣть не стала больше, сичасъ вскочила и ушла.

Баушка сичасъ выпустила его изъ подполу, говоритъ: „ступай теперь, ищи дубъ, поди прямо на восходъ". Пошелъ Иванъ-царевичъ. Пришелъ въ городъ, видитъ: на площади стегаютъ слугу Василья калёнымъ прутьямъ, просятъ недоимку въ тридцать рублей, тридцать рублей податей. Иванъ-царевичъ и спрашиваетъ ихъ: „что, говоритъ, вы это дѣлаете"?—„Да вотъ выколачиваемъ тридцать рублей недоимки съ слуги Василья Петровича". Ладно, онъ взялъ, вынулъ изъ-за пазухи деньги, отдалъ имъ. „На-те, говоритъ, вамъ, только пустите его". Такъ и скупилъ. Хорошо. Василья пустили. Пошли они тутъ вмѣстѣ. Идутъ, идутъ, видятъ—волкъ. „Давай, говоритъ, застрѣлимъ его: жарёха добрая будетъ".—„Нѣтъ, погоди, говоритъ, онъ тебѣ, Иванъ царевичъ, пригодится". Послушалъ Иванъ-царевичъ, не застрѣлилъ волка, мимо себя пропустилъ. Летитъ коршунъ. Иванъ-царевичъ говоритъ: „ой, вотъ жареха то и есть; застрѣлимъ его". Василій опять сдержалъ его: „погоди, говоритъ, не бей, можетъ, пригодится на нужное время". Идутъ дальше. Видятъ: на пескѣ рыбка лежитъ, трепехается. „Ой, вотъ, говоритъ Иванъ-царевичъ, намъ Богъ посылаетъ, будетъ жарёха".—„Нѣтъ, погоди, Иванъ-царевичъ, можетъ, пригодится. Пустимъ-ка ее въ море; это лучше будетъ". Ладно, пустили. Вотъ и идутъ дальше. Глядятъ—анъ середь моря дубъ стоитъ, въ солнышко смотрится, облачкомъ закрывается. Василій и говоритъ: „вотъ этотъ дубъ и есть. Какъ бы намъ туды пробраться?" Стали строиться. Мостили, мостили, брёвенъ натаскали, вицами связали,—а до дуба далеко было. Ужь они мостили, мостили—нѣтъ, все далеко ошшо остается. Рубили, рубили—срубили таки. Дошли до дуба. Только Василей-слуга ножикъ вынимаетъ, говоритъ: „онъ у меня благословенный, отъ святителя Тихона", да какъ началъ рѣзать имъ, только щепки полетѣли. А тутъ и голова конска вылетѣла изъ дубу. Волкъ сичасъ тутъ и есть, теребитъ голову изо всѣхъ силъ-мочи. Изъ головы вывалилась утка. Тутъ коршунъ прилетѣлъ; какъ началъ клевать ее, какъ

началъ клёвать, сичасъ разхмысталъ. Яичко и вывалилось изъ ёе, покатилось, покатилось да въ море и свалилось. А тутъ рыбка доспѣла, выпехиваетъ яичко изъ воды. Выпехивала, выпёхивала и выворотила на бережокъ яичко. Иванъ-царевичъ сичасъ хватилъ и подобралъ яичко; говоритъ: „спасибо тебѣ, рыбка. Хотѣлъ я жарёху изъ тебя сдѣлать, а топерь ты добро сдѣлала мнѣ, такъ и будь же ты въ морѣ".

Пошли тутъ къ баушкѣ Ягибабѣ. Иванъ-царевичъ и говоритъ ей: „вотъ, говоритъ, мы достали яичко, топерь какъ быть?" Топерь она заперла ихъ опять въ подполъ, а сама чарушку яичъ принесла да на столъ поставила, а передомъ яичко съ сердчомъ положила. Потомъ послала за невѣстой. Ну, пришла она. Баушка садитъ ее за столъ, почитаетъ всѣмъ. Невѣста съѣла свое сердечко, облупила яичко и съѣла его какъ быть. Съѣла да и обзаботилась; такая ли сидитъ задуманная, страсть! Баушка ее и спрашиваетъ: „що ты, говоритъ, такая закручинная? що пуще не покушала?"— „Да что, у меня теперь горе есть".—„Какое же такое твое горе?" — Да какъ же, говоритъ, жаль мнѣ мово парня стало".—„Ну, такъ ты, говоритъ, не заботься, я тебѣ жениха достану".—„Неужля? говоритъ.—„Пра, говоритъ достану".— „Я, говоритъ, тебѣ много тысячъ денегъ тебѣ дамъ, только достань". — „Достану, говоритъ, кресненька, достану". — „Гдѣ ужь тутъ достать? Онъ топерь за тремя морями, за тремя землями да за тремя рѣками остался. Эсколь я плавала, эсколь долго... Гдѣ ужь тутъ!"— „Ты, вѣришь Богу, достану, говоритъ". — „Достань, говоритъ, достань пожалуста".—„А коли хошь, такъ давай сюды руку, чтобы тебѣ ничего ему вреднаго не сдѣлать". — „Ничего не сдѣлаю, вотъ те Микола-крестъ". Ну, ладно. Баушка тутъ отворила подполье да и говоритъ имъ: „выходите, говоритъ, невѣста больно хочетъ видѣть васъ". Вышли они. Невѣста и говоритъ Ивану-царевичу: „ахъ, говоритъ, душа, гдѣ ты взялся?"— „Я, говоритъ, за тобой пришелъ, три моря перешелъ, три земли перешелъ, три рѣки перешелъ, — вотъ тебя и нашелъ".—„А ужь я, говоритъ, это, значитъ, невѣста-то, сколько, говоритъ, я издержалась: вѣдь три разочка за тобой за милымъ ѣздила". Ну, хорошо. Вотъ она и говоритъ ему: „кмали тебѣ имѣньича приправить?"—„А мнѣ, говоритъ, ничего не надобе. Кабы ты была со мной—вотъ и ладно".—„Нѣтъ,

говоритъ, я тебѣ 12 кораблевъ приплавлю, ужь какъ хошь". Поѣхала сичасъ и приплавила 12 кораблёвъ. Иванъ-царевичъ и говоритъ ей: „поѣдемъ, говоритъ, на старину". Такъ и поѣхали. Василья то съ собой взяли, какъ онъ помогъ больно ему. А Яги́баба дома осталась: „куды ужь, говоритъ, мнѣ съ вами ѣхать—кости ломать". Поѣхали, значитъ. Какъ увидала мачиха, что плывутъ они, сичасъ запыряла, запыряла. Ну, они тутъ ее и разстрѣляли. Такъ и стали жить Иванъ-царевичъ съ своей невѣстой.

Орловской у., д. Калямова 1882 г.

---

131. [„По колѣна ноги въ золотѣ...."].

Жилъ царь, богатой-пребогатой, а у него была жена, беременна ходила. Растряслась она и принесла ему робенка; говоритъ: „поди ты, супругъ мой любезной, баушку мнѣ приведи". Царь сичасъ оболокся, пошелъ. Шелъ, шелъ, навстрѣчу ему и попадается Яги́-баба. „Ты куды, говоритъ, Иванъ-царевичъ, собра́лся? сказывай!"—„Да иду, говоритъ, по баушку: жена вотъ у меня растряслась...." Яги-баба и говоритъ: „а я, говоритъ, чѣмъ не баушка? сумѣю, небось, повить робенка. Возьми меня". — „Подемъ!" говоритъ. Ну, ладно, пришли они домой. Яги-баба баньку стопила, взяла робенка, сносила, помыла, попарила, красненьку рубашечку оболокла, на коня посадила, въ руки книжку дала, въ горку проводила. Взяла сама поросёнка да и несетъ въ избу, говоритъ: „не далъ Богъ сынка, далъ поросеночка". Посадила за столъ и ушла домой. Ладно. Годъ прошелъ. Только царица и опять понесла; растряслась, посылаетъ царя: „поди, приведи ты мнѣ баушку". Оболокся царь, пошелъ. Только и видитъ: опеть ему встрѣчу Яги-баба идетъ, куликаетъ. Остановила его и спрашиваетъ: „ты куда, говоритъ, царь, пошелъ, кака у тебя бѣда приключилась, сказывай?".—„Да вотъ, говоритъ, иду по баушку; жена, вишь, у меня растряслась". Яги́-баба и говоритъ ему: „возьми меня: чѣмъ я не баушка?" — „Такъ что, подемъ, говоритъ, все едино". Вотъ ладно. Пришла Яги-баба, баньку стопила, робенка сносила, попарила, помыла, красненьку рубашку оболокла, на коня посадила, въ руки книжку дала, въ горку прово-

дила. Взяла сама щенёнка да и принесла въ избу. „Вотъ, говоритъ, не далъ Богъ сынка, далъ Богъ щененочка“. Посадила за столъ, пошла домой. На другой годикъ царица опять понесла. Посылаетъ за-мужемъ. — „Поди, говоритъ, сходи, супругъ любезной, по баушку“. Царь скоро оболокся, пошелъ. Встрѣчь опять Яги-баба попадаетъ. „Зачѣмъ, куды идешь, Иванъ-царевичъ, сказывай“. — „Жена растряслась, по баушку иду“.—„Возьми меня, говоритъ это Яги-баба. Ужъ я бы тебѣ какъ помыла его“.—„Нѣтъ, говоритъ, куды. Поищу похуже“. — „Да нѣтъ, ты возьми, братецъ, видишь, рази я ни здоровая, ни сытая, ни красивая—уморю что-ли твово робенка“. Царь взялъ ее, потому какъ пристаетъ къ ёму. Повелъ онъ ее къ царицѣ. Яги-баба сичасъ баньку стопила, робенка сносила, помыла, попарила, красненьку рубашечку оболокла, на коня посадила, въ руки книжку дала, въ горку проводила. А сама взяла лягушу несетъ въ избу. „Не далъ, говоритъ, Богъ сынка, далъ лягушеночка“. Посадила за столъ и говоритъ царю: „пошто у тебя, царь-батюшко, жена носитъ эку погань, а робенковъ нѣтъ. Посади ты ее на дощечку да заколоти въ бочку да на рѣку и спусти“. Царь слушаетъ ее. Приказалъ заколотить царицу въ бочку, и щененочка, и поросеночка, и лягушу туда запятить. Пустили ихъ въ море. А Яги-бабѣ царь и говоритъ: „живи у меня Яги-баба, постелю стели, полъ мети, щи вари, а кашу будёмъ варить оба“. Такъ и осталась у ёво Яги-баба.

Вотъ бочка пловётъ по рѣкѣ, три ужь года пловетъ, а на землю не вскинется. Лягуша и говоритъ: „здѣся, мамонько, не баско — темно; а я скажу вотъ: „бочка, къ бережку приплыви,—она и припловётъ“.—„Что ты, говоритъ, эко чадушко, сдѣлашь? Нешто послушаетъ тебя бочка“. — „Да ужь, говоритъ, послушаетъ, да и говоритъ: „бочка, къ бережку плыви, плыви“. Бочка и приплыла къ бережку. Вотъ лягушка и говоритъ опять: „мамонька родима, я молвлю: „бочка, росколись, она и расколется“.—„Что ты, говоритъ, эко чадушко, сдѣлаешь? гдѣ тебѣ тутъ: бочка-то смолёвая, желѣзнымъ обручамъ скована“.—„Ничего, говоритъ, мамонька, ужь я сдѣлаю“. Говоритъ: „бочка, росколись, растреплись“. Бочка и раскололась. Они всѣ и вышли.

Идутъ дальше. Царица идетъ, и поросеночекъ, щенено-

чекъ бѣжитъ; лягуша отъ ихъ не отстаетъ: прыгаетъ передомъ инды. Вотъ ладно. Шли, шли; пришли, глядятъ, — батюшки, какъ баско: чисты́ поля, зелены луга, по́точки царски поютъ пѣсни арски (вм. райски). Идутъ, любуютча: „вотъ такъ баско!“ Видятъ: тутъ домъ стоитъ, большой такой, може вонъ съ черковь, али больше. Они туды заглянули; сидятъ тамъ трое дѣточецъ, ужь такихъ-то ли славныхъ да отважныхъ, въ красныхъ рубашечкахъ всѣ, ученые такіе, жаль поглядѣть. Царица и плачетъ, горько плачетъ: „у всѣхъ, говоритъ, дѣтки, какъ есть, а у меня ишь гàведа какая! Хоть бы провалились куды нибудь“. Лягуша и говоритъ будто ей: „не сбывай ты насъ, мамонька, не сбывай: твои вѣдь все, а въ домикѣ-то въ красныхъ рубашечкахъ-то братчики наши“.—„Какъ, говоритъ, такъ?“—„А такъ, говоритъ. Яги́-баба ихъ примыла, принарядила да сюды и пустила. Вишь, какіе умные теперь сдѣлались“.

Услыхала какъ это царица, какъ заплачетъ. Ужъ такъ-то плачетъ, такъ-то плачетъ, будто дождь большой идетъ. А лягуша ей опять и говоритъ: „да ты, говоритъ, мамонька, не плачь: мы ихъ достанемъ. Только вотъ ты нацѣди у себя груднаго молока, колобокъ замѣсимъ да имъ и отдадимъ. Сичасъ они и узнаютъ матушку свою“. Царица тутъ сичасъ молока у себя нацѣдила; замѣсили колобокъ, въ печку поставили; румяный вышелъ, скусный—такъ бы вотъ и съѣлъ. Лягуша и говоритъ: „привяжи ты его, мамонька, къ веревочкѣ да и пусти по водѣ. Онъ сичасъ припловетъ къ братцамъ, прямехонько къ нимъ. Они и поѣдятъ его“. Ладно. Царица привязала колобокъ къ веревочкѣ и пустила по морю. Поплылъ, поплылъ колобокъ—прямо къ братцамъ во дворъ. Видятъ братцы, колобокъ плóветъ; „давай, говоритъ, съѣдимъ его, больно онъ румянъ, скусный, чай, поди, сладкой“. Ну, и съѣли. Сичасъ у нихъ въ сердцѣ и зашевелилось: „это, говоритъ, безпримѣнно намъ матушка наша родная прислала. Гдѣ ни на есть она тутъ“. Снарядились, пошли искать. Хвать—анъ она тута и есть. Сичасъ они въ избу къ себѣ ее, стали почитать всѣмъ, въ передній уголъ засадили. Поросеночекъ, щененочекъ, лягуша все съ ней, не отстаютъ, и за столъ сѣли. Сынки и спрашиваютъ ее: „Что ты, говорятъ, матушка, водишься съ кѣмъ, развѣ не нашла кого получше?“ А мать имъ и отвѣчаетъ: „это, го-

воритъ, все мои сыночки; нельзя кинуть ихъ: свое вѣдь"; да и разсказала, все какъ есть разсказала, про лягушку, какъ она, значитъ, и изъ моря вынесла, и домъ нашла, и все. Только сынки и говорятъ: „мамонька ты, свѣтъ наша! больно намъ хотца на родителя посмотрѣть. Живемъ мы здѣся безъ разума, безъ родителева благословенія. Отведи ты насъ къ нему". Вотъ и пошли; чисты́ поля, зелены луга, поточки царски поютъ пѣсни арски — за ними идутъ. И поросеночекъ, и лягуша, и щененочекъ тутъ-же. Ну, и пришли они домой. Яги́-баба, какъ шальна́, бѣгаетъ съ угла на уголъ, стрѣляетъ по избѣ; видитъ, значитъ, плохо: рѣжанечъ ей будетъ. А царь увидалъ ихъ, сичасъ встрѣчать вышелъ. Привелъ ихъ въ избу. И стали они жить да поживать да добра наживать. Вамъ сказка, а мнѣ баранковъ связка; вамъ на поученье, а мнѣ на угощенье. Здоровы будьте, добры люди!

Орловскій у., дер. Калямова. 1882 г.

---

132. Маёрша.

Жила-была маёрша. Пошла она къ обѣднѣ. А она баская, красивая была, кто не йдетъ — заглядится. Вотъ и идетъ тутъ мимо татаринъ, баетъ ей: „миленька маёрша, полюби меня!" —„Ладно, баетъ, приходи, какъ стемняетъ". И опять, значитъ, своей дорогой пошла. Вотъ ладно. Навстрѣчу тутъ попадается дьяконъ: „миленька маёрша, полюби меня!".—„Ладно, баетъ, приходи, какъ стемняетъ, сладимся". Идетъ дальше. А тутъ попъ къ обѣднѣ пошелъ, увидалъ маёршу да и баетъ: „милёнька маёрша, полюби, баетъ, меня".—„Ладно, баетъ, приходи, какъ стемняетъ".

Вотъ ладно. Маёрша мужу и баетъ: „подь, баетъ, куды-нибудь на вечеръ, ко мнѣ гости придутъ". Онъ ушолъ. Только что ушелъ онъ, приходитъ татаринъ да приноситъ денегъ мѣшокъ; баетъ: „куды деньги то дѣвать, миленька маёрша?" — „Ну, баетъ, вали за печь". Сѣли тутотка они на печь, баяли, баяли. Татаринъ и сказалъ: „не пора-ли намъ, миленька маёрша, спать?"—„Ночь ищо долга,—насидимся, набаемся". Это будто маёрша-то баетъ. А тутъ дьяконъ стучится, въ калитку, значитъ, бухаетъ со всѣхъ силъ:

„пусти“, баетъ. Она сичасъ ему: „разболокайся, баетъ, вставай на лавку да держись за полицу“. Татаринъ сталъ тута Пустила дьякона, а онъ мѣшокъ принесъ съ деньгами. — „Куды, баетъ, деньги дѣвать?“ „Вали, баетъ, за печь“. Свалилъ за печь, сѣлъ самъ на печь; маёрша къ нему подсусѣдилась. Баяли, баяли.... Дьяконъ видитъ — поздно ужь; баетъ: „миленька маёрша, не пора-ли спать ложиться?“ — „Ну, баетъ, ищо налёжимся, наваляемся: ночь-то долга“. А тутъ попъ стучится. Дьяконъ сичасъ: „куды, баетъ, я дѣнусь?“ — „Прячься подъ коробъ, на полати полѣзай“. Залѣзъ туды дьяконъ; сидитъ, молчитъ. Она сичасъ калитку отворила, попа пустила. А онъ съ деньгами: кошель цѣлый припёръ. „Куды, баетъ, деньги дѣвать, миленька маёрша“? — „Валяй за печь да полѣзай на печь“; и сама туда же за нимъ. Сидѣли, сидѣли. Только попъ и баетъ: „не пора ли намъ ложиться, миленька маёрша?“ — „Налёжимся ищо, набаемся, ночь то вѣдь долга“. Ну, тутъ и мужъ идетъ, стукаетъ въ вороты. Попъ забоялся. — „Миленька маёрша, куды, баетъ, я дѣнусь“? — „Разболокись, батюшко, оболоки вотъ этотъ портяной старухинъ сарафанъ да подь, мели на жерновахъ“. Посередь избы жернова стояли; она и заставила его молоть рожь. Пришелъ тутъ мужъ. — „Что, баетъ, у тебя за баушка“? — „Была, баетъ, на базарѣ, купила дуру, дала грошъ да и велѣла молоть рожь: на посыпку свиньямъ пригодится“. — „А это, баетъ, чево у тебя?“ Татаринъ-отъ стоитъ, на него указываетъ. — „Это живопищики ѣхали, живопись написали“. Мужъ и баетъ ей: „а чево, баетъ, глаза бѣгаютъ, чего ребра не ровны? Надо скобелью поскоблить. Дай-ко тутъ у меня, баетъ, въ пестерѣ скобель была“. Какъ услыхалъ татаринъ это, да давай Богъ ноги. Такъ и убѣжалъ. А попъ да дьяконъ не сдоганулись, тутъ остались. Вотъ маёрша и баетъ: „возьми, баетъ, ружье да пострѣляй въ коробъ: что то тамъ елозитъ“. Мужъ какъ взялъ ружье да какъ началъ пулять въ коробъ, такъ и убилъ дьякона. Потомъ, значитъ, за попадьей послали; пожелали ее достать въ гости. Пришла попадья. Жалуется, что попъ пропалъ. „Пошелъ, баетъ, къ обѣднѣ да такъ и не бывалъ; запростился гдѣ-то, шатина!“ А мужъ и баетъ: „была вонъ жена на базарѣ, дуру купила, дала грошъ, чтобы мелила рожь, авось пригодится свиньямъ на посыпку“. Глянула она — анъ

это попъ. „Кабы не моя, баетъ, дура то эта“. Взяла да и увела домой. Тѣмъ и покончилось. Маёрша разбогатѣла на тѣ деньги: до-вѣку ей хватило. Жила да орѣшки все грызла́...

г. Орловъ. Записано со словъ Ѳедора Коротаева. 1882 г.

---

133. [Какъ крѣпостной живописецъ рисовалъ барину чорта].

Жилъ-былъ человѣкъ одинъ, а у него былъ рабъ живописецъ. Строгій былъ этотъ человѣкъ, спуску никому не давалъ. Муку мученску терпѣлъ отъ него рабъ; ни днемъ, ни ночью покою ему не было: все рисуй да рисуй, а баринъ себѣ въ карманъ деньги кладетъ. Одно слово — жидоморъ, [настоящій N](имя одного Орловскаго купца, отличающагося своею скупостью). Вотъ разъ призываетъ онъ раба своего да и говоритъ ему: „нарисуй, говоритъ, мнѣ чорта, да чтобы вѣрно было, точка въ точку чтобы“.—„Да какже, говоритъ, я нарисую, ваше благородіе, коли я не видалъ его никогда“. — „А ужь это, говоритъ, дѣло твое. Рисуй, какъ знаешь; только чтобы было непремѣнно, а то смотри—повѣшу“, говоритъ. Видитъ рабъ—смерть приходитъ; что тутъ дѣлать? а нарисовать не умѣетъ. Тогда еще на иконахъ-то этихъ чертей не было, православные не знали, какъ рисовать *его*. Сталъ онъ Бога молить, чтобы Богъ ему помогъ. Помолился крѣпко-на́-крѣпко, потомъ легъ и заснулъ. Вдругъ и слышитъ чей-то голосъ: „рабъ, встань, поди въ баню, тамъ увидишь чорта и патретъ съ него нарисуешь“. Всталъ онъ и пошелъ въ баню. Сѣлъ за столъ, грамотку взялъ, — вотъ какъ ты теперичко; сидитъ, дожидается. Вдругъ и слышитъ: въ передбанникѣ стукъ, вой поднялся. Онъ такъ и обмеръ. А тутъ кто-то крикнулъ, говоритъ: „рабъ Божій, не убойся!“ изъ-за двери выставилась рука по самое плечо, мохнатая, толстая такая... У-у! Рабъ дрожитъ, а самъ водитъ, водитъ по бумагѣ; ну, и нарисовалъ. Тутъ опять: „рабъ Божій, не устрашись!“ нога изъ-за двери выставилась. Онъ сей-

часъ и ее срисовалъ. „Рабъ Божій, не умри!“ и вся рожа высунулась. Онъ сейчасъ все и нарисовалъ. Только идетъ онъ изъ бани, а ему голосъ и слышится; говоритъ: „рабъ Божій, ты не гляди на картину, а сверни ее да барину отнеси. Да смотри у него тамъ недолго оставайся, а сейчасъ, какъ отдашь, вонъ выходи, а то худо будетъ“. Ладно. Пришелъ онъ, отдалъ барину, а самъ сейчасъ поскорѣе и вонъ, за двери. Только вотъ обѣдать пора, а баринъ все не йдетъ сидитъ тамъ у себя. Что за чудо? Ждали, ждали, пошли туда — анъ хвать, онъ мертвъ лежитъ, а передъ нимъ картина.

г. Орловъ. Зап. отъ здѣшняго уроженца-мѣщанина. 1882 г.

---

134. Какъ царь Соломонъ изъ ада вышелъ.

Господь пошелъ въ адъ послѣ смерти, освободилъ тамъ всѣхъ, вывелъ вонъ изъ аду, въ рай опредѣлилъ. Тутъ въ аду и царь премудрый Соломонъ былъ. Онъ и говоритъ: „Господи, а меня, говоритъ, что не взялъ? И мнѣ отсюда хочется выйти“.—„Ну ты, царь Соломонъ, и самъ хитеръ, и мудеръ, самъ выйдешь!“ И ушелъ. Царь премудрый Соломонъ видитъ, дѣло плохо: останешься, пожалуй, совсѣмъ. Взялъ онъ всю мудрость свою, думать сталъ. Ну, и надумалъ. Сажень взялъ да ну отмѣривать: „это, говоритъ, подъ соборъ, это подъ часовенку, это подъ колокольну“,— весь адъ измѣрялъ, плантъ, значитъ, произвелъ, весь какъ есть. Только черти и говорятъ: „онъ, говорятъ, весь адъ у насъ отниметъ; выгонимъ его лучше“. И выгнали: „поди, говорятъ, поди, убирайся: намъ такихъ не нужно“. Царь премудрый Соломонъ вышелъ сейчасъ догонять Господа. „Вотъ, говоритъ, Господи, ты меня не взялъ, а я самъ вышелъ. Спасибо, ты мнѣ мудрость далъ“.

Орловскій у., д. Торопова. Записана со словъ старика Тимофея Торопова. 1882 г.

---

135. Лѣшій въ благодарность за услугу служитъ мужику.

Однажды вышелъ водяной на берегъ драться съ лѣшимъ. Онъ одолѣлъ „дядюшку“ и повѣсилъ его на дерево. Дядюшка виситъ на березѣ, виситъ, качается. А тутъ одинъ крестьянинъ шелъ, Кузьмой звать его. Дядюшка какъ взмолится ему: „освободи, говоритъ, голубь, изъ петли; что хошь, сдѣлаю для тебя“. Кузьмѣ пожалѣлось, вынулъ его изъ петли. Чортъ: „я, говоритъ, не дамъ тебѣ деньги теперича; потому, куда тебѣ ихъ? сытъ, обутъ, работаешь хорошо. Я лучше за тебя въ солдаты пойду“. А тогда еще охотники были; за другого можно было служить. Ну, Кузьма говоритъ: „ладно, да только ты обманешь меня пожалуй“. „Нѣтъ, пошто обманывать? Ты мнѣ удружилъ, и я тебѣ тоже удружу“. Хлопнули по рукамъ, зипунами помѣнялись. Кузьма домой пошелъ.

Вотъ, слышно, царь наборъ собираетъ, на войну хочетъ идти. Дядюшка за Кузьму въ ратники пошелъ,— а ему наказываетъ: „сходи, говоритъ, ты, Кузьма, въ деревню ко мнѣ, провѣдай родниковъ моихъ; тоже у меня тамъ отецъ, мать осталась. Ты имъ поклонъ скажи да скажи еще, что я на царской службѣ теперь, черезъ 12 лѣтъ домой буду“. Кузьма пошелъ. Только онъ прямо то въ деревню не пошелъ, а зашелъ перво въ кабакъ. Деньги у него были, онъ и запировалъ тамъ. Пьетъ день, другой, шесть денъ прошло. „Нѣтъ, говоритъ, теперь будетъ; нужно идти къ свату въ гости“. Пошелъ въ чортову деревню. А чортъ ему допрежь все разсказалъ, какъ идти. „Ты поди, говоритъ, все на выходъ, все на выходъ. Дойдешь до перекрестка, влѣво сверни и ступай тутъ задомъ напередъ. Увидишь деревню, 9 домовъ, каменно строенье. Ну, и спроси тамъ, гдѣ мой отецъ; такъ и спроси: „гдѣ, молъ, тутъ найти Ивана Ваныча?“ Тебѣ сейчасъ укажутъ; ты и ступай въ тотъ домъ. Тамъ увидишь и мать, и отца“. Пошелъ Кузьма въ лѣсъ; шелъ, шелъ, видитъ—перехрестокъ. Налѣво взялъ, повернулся и задомъ пошелъ. Тутъ деревню увидалъ, 9 домовъ — все каменно строенье. Спросилъ: „гдѣ, говоритъ, тутъ Иванъ Ванычъ живетъ?“ Ну,

ему, вѣстимо, указали: „вотъ, говоритъ, гдѣ онъ живетъ“. Кузьма въ домъ взошелъ, видитъ Иванъ Ваничъ сидитъ за столомъ, впереди. А образовъ нѣтъ никакихъ, одни шишки елевыя торчатъ. — „Вотъ, говоритъ, такъ и такъ; сынъ вашъ, чортъ лѣсной, за меня охотой въ солдаты пошелъ, а я вамъ отъ него поклонъ принесъ. Все-ли по добру, по здорову живете?“ — „Ничего, говоритъ, здорово; садись съ нами, гость будешь“. Кузьма сѣлъ, обѣдать зачали. Пряниками его, канфетами угощаютъ; водки тоже поднесли. Что хошь, пей и ѣшь. Старикъ и говоритъ Кузьмѣ: „больно мнѣ здѣсь скучно безъ сына-то; гости, Кузьма, у меня“. Кузьма радъ, остался. Прожилъ шесть денъ, сталъ было домой собираться. „Пора, говоритъ, и честь знать, не все въ гостяхъ сидѣть“. А тутъ лѣшій и приходитъ... это сынъ-отъ значитъ. Онъ ужь всю службу прошелъ, теперь отъ царя отпущенъ, домой идетъ. А Кузьма и не вѣдаетъ, что 12 лѣтъ прошло, все ему кажется, что 12 денъ. Лѣшій ему и говоритъ: „собирайся, Кузьма, домой пойдемъ. Жена у тебя тамъ загулялась, за другаго за-мужъ хочетъ выходить. Завтра и дѣвишникъ будетъ“. Кузьма закручинился: „какъ, говоритъ, это такъ, жена моя за другаго выходитъ. До чего Господь меня, грѣшнаго, довелъ!“ „Лѣшій и говоритъ ему: „ты, говоритъ, не кручинься, я тому дѣлу помогу. Жена ни за кого не выйдетъ, у тебя останется. Поѣдемъ со мной“. — „Поѣдемъ, говоритъ. Чортъ какъ свиснетъ — сичасъ ихъ подняло и понесло вѣтромъ по воздуху. выше лѣса стоячаго, ниже облака ходячаго. Ѣхали, ѣхали; вдругъ Кузьма шапку обронилъ. — „Постой, говоритъ, дядюшка, я шапку обронилъ, надыть поднять“.—„Нѣтъ, ужь, говоритъ, теперь некогда подымать; шапка то твоя далеко осталась: за 500 верстъ позадь насъ. Да нишни, заѣдемъ въ Казань, новую купимъ“. Ну, и вправду, заѣхали, новую купили. Только пріѣзжаютъ въ деревню къ Кузьмѣ. Чортъ и посылаетъ его въ избу. „Поди, говоритъ, одинъ, а мнѣ нельзя: сусѣдко, пожалуй, разсердится!“ Кузьма пошелъ. А въ избѣ сидитъ впереди жена, съ женихомъ цѣлуется, а дѣвки пѣсни поютъ. Только Кузьма и говоритъ: „дайте, говоритъ, напиться, люди добры“. Дали ему пива, въ туесъ налили. „Нѣтъ, говоритъ, пусть молодка-сударушка, сама невѣста поднесетъ мнѣ“. Пошла къ нему невѣста сама:

честь требуетъ, какже. Только подходитъ ближе къ нему, видитъ, а на рукѣ то у него перстень обручальной. „Это, говоритъ, мой перстень". И мужа узнала сейчасъ; взяла его за рученьку, подвела къ столу: „вотъ, говоритъ, гости дорогіе, мужъ мой, а я ему жена". Тутъ и стали вмѣстѣ жить. А чортъ подарилъ Кузьмѣ 100 р. денегъ да полведра водки".

Орловскій у., с. Слудское. 1882 г.

---

136. [Теремъ-мухи].

Шелъ бурлака, рукавицу потерялъ. Залетѣла муха, прилетѣлъ комаръ, спрашиваетъ: „кто въ рукавицѣ?"—Я мати-матуха, а ты кто"?—„Я комаръ-пентюхъ". Прибѣжала мышка: „кто въ рукавицѣ?". — „Я мати-матуха да комаръ-пентюхъ, а ты кто?"—„Я мышка-шишокъ".—„Полѣзь въ рукавицу". Прибѣжалъ гоностарь, спрашиваетъ: „кто въ рукавицѣ?"—„Я мати-матуха, комаръ-пентюхъ, мышка-шишокъ, а ты кто?" — „Я подколодней смоктышъ". Пришелъ зайчикъ, спрашиваетъ: „кто въ рукавицѣ?" — „Я мати-матуха, комаръ-пентюхъ, мышка-шишокъ, подколодной смоктышъ, а ты кто?" — „Я черезпутики прядышъ". Пришелъ волкъ, спрашиваетъ: „кто въ рукавицѣ?—„Я мати-матуха, комаръ-пентюхъ, мышка-шишокъ, подколоднёй смоктышъ, черезпутики прядышъ; а ты кто? — „Я изъ-за куста тяпышъ". Пришелъ медвѣдь, спрашиваётъ: „кто въ рукавицѣ?" — „Я мати-матуха, комаръ-пентюхъ, мышка-шишокъ, подколоднёй смоктышъ, черезпутики прядышъ, изъ-за куста тяпышъ, а ты кто?"—„Я всѣмъ вамъ гнётышъ".

Слободской у., прих. Софьино-Спасской ц. (Рукоп. 50-хъ годовъ).

---

137. [Не любо—не слушай].

Когда я былъ у дѣдушкова у дѣдушка скодскимъ пастухомъ, выгналъ на поле скота, а самъ легъ спать. Прочнувшись видѣвши, что коровъ нѣтъ, и давай искать. Искалъ, искалъ, но однако не могъ найти, збѣжалъ на гору, гора

не устояла, разступилась, збѣжалъ на камень, камень развалился, сталъ на сухую стопку, вотъ стопка устояла. Видитъ, что коровы ходятъ, была кобыла нежеребята, а очутилась жеребёнкомъ. Вотъ на жеребёнка сѣлъ, а кобылу передъ себя посадилъ да ѣхалъ не до вырозшенаго куста. Вдругъ выскочилъ заецъ-пучеглазъ, у меня жеребёнокъ испугался этого пучеглаза; такъ меня жеребёнокъ оторилъ. Я не знаю, много ли лежалъ, часъ, или два, или три, однако прочкнулся, заецъ тутъ стоитъ. А у меня былъ нековáнной ножикъ,—поймалъ этаго зайца и закололъ и добылъ сорокъ батмановъ сала, зачелъ сапоги мазать. Одинъ сапогъ вымазалъ, на другой не достало и поставилъ ихъ сушить на сонцо. Мазаной сапогъ съ немазанымъ разодрались. Немазаной сапогъ упалъ въ озеро, это озеро слилось въ одинъ сапогъ. То, видно, озеро то мало больно было?—Какое озеро мало было: что птица не могла перелетать. —Видно, птица мала была?—Какóе птица мала была: что изъ-подъ правова крыла добывали перья да становили подъ матицу подпоры.—Видно, изба-та мала была? — Какóе изба мала была: что корову загонятъ въ кутъ, какъ закрычитъ, такъ въ переднёй уголъ не слышно. — Видно, корова-та мала была? — Какое корова мала была: если эту корову заколоть, такъ на всю имперію харцю достанетъ.

Слободской у., прих. Софьино-Спасской ц. (Рукоп. 50 годовъ).

---

138. [Лисица и дроздъ].

Воробышокъ на ребинкѣ гнѣздышко свилъ, выпарилъ шесть дитёнышковъ, пришла лисица, говоритъ: „ребину подсѣку, тебя, воробей, съѣмъ и дѣтей съѣмъ“.—„Нѣтъ, ты меня не ѣшь, я тибѣ дитёнышка отдамъ“. Лисица съѣла и ушла. По другое утро пришла, опять также говоритъ: „подсѣку, подсѣку эту ребинку, тебя, воробей, съѣмъ и дитей съѣмъ“.— „Ты меня не ѣшь, я тибѣ другаго дитёнышка отдамъ“, выбросилъ дитёнышка, съѣла, опять пришла, какъ то: третьяго четвертаго, пятаго и шестого. „Воробышокъ, ребинку подсѣку, подсѣку, тебя съѣмъ и дитей съѣмъ“. Отвѣчалъ воробей: „стой, лиска, меня не ѣшь, я тебя стрепнёй на-

кормлю. Старушка со мнучкой на повостъ идутъ родителей поминать". Лисица лежитъ, а воробей попередь дѣвицы летитъ, онъ отъ дѣвушки неподалёку по дорогѣ поскакиваетъ, дѣвушка бабушкѣ баетъ: „давай, бабушка, мы поймаемъ воробышка".—„Роскурва мнучка, гдѣ ты, баешъ, поймаемъ воробышка".—„Нѣтъ, бабушка, больно басокъ воробышокъ, какъ нибудь поймаемъ". Старуха, на мнуку гледя, сбѣсилася, стрепню на дорогу поставила, а воробей въ сторону старуху отъ стрепни отманиваётъ, старухѣ не даётся. Лисица пришла, стрепню съѣла. Воробей старуху отманилъ отъ стрепни, а лисицу накормилъ. Лисица приходитъ опять къ воробью и говоритъ: „спасибо, воробышокъ, накормилъ; еще напой".—Ѣдётъ мужикъ опять на повостъ, везётъ пива бочку. Воробей прилетѣлъ, на гвоздикъ сѣлъ, мужикъ осердился, махнулъ—кышъ! красной воробей спорхнулъ и опять сѣлъ. Хотѣлъ убить воробья, а наконецъ изломалъ гвоздь, а пиво бѣжитъ во всю мочь, на дорогѣ лывы и струи, а у мужика только изъ глазъ селезы (такъ!) потекли. Лисица опять напилась. „Ну, воробышокъ, спасибо, накормилъ и напоилъ, еще и росмѣши".—„Ступай, расмѣшу". Вотъ воробей летитъ, лисица бѣжитъ; на лету воробей усмотрѣлъ, видитъ, что два плѣшатые мужика молотятъ. Воробей прилетѣлъ, одному мужику на плѣшь сѣлъ, другой взялъ молотиломъ колонулъ по воробью. Воробей слетѣлъ, отмахнулъ по мужику; лисица катается да смѣётся. Смѣялась да смѣялась — пупъ сдёрнула. — „Миленькой воробей", говоритъ лисица, „слетай по бабушку". Онъ слеталъ, собакъ наустилъ, а собаки лисицу разорвали.

Слободской у., прих. Софьино-Спасской ц. (Рукоп. 50-хъ годовъ).

---

139. [Семь Агафоновъ безтолковыхъ...].

Седмъ Агафоновъ, всѣ безтолковы, поѣхали торговать. Въ которую сторону ѣдутъ, въ ту сторону и оглобли становятъ. Пришли въ избу спать, не лежатся, боятся вмѣстѣ легчи спать, ноги смѣшаются, а порозну лежиться, постель не набраться. Хозяинъ велѣлъ вмѣстѣ спать лежиться. Говоритъ: „разберу". Когда надобно ставать, взялъ вичьку

мяконькую да начелъ по ногамъ-то жарить. Они стали всѣ свои ноги дергать, всякъ свои растащили, домой оглоблямъ заворотили сани. Вышли Агафоны домой, поѣхали въ Вятку, пріѣхали и говорятъ: „что же, Агафонъ, городъ-отъ, будто точно Вятка наша“. Пріѣхали изъ Вятки домой. „Ну, Агафонъ, говорятъ, не забрала торговля, пойдёмъ лѣсовать“. Полѣсовали, упоздали въ лѣсу, смышляются начевать. На ёльку полѣзли, Агафонъ за Агафонъ, а послѣдней Агафонъ лѣзетъ и сучьё обчищаетъ. Переначевали, полѣзли назадь, а взяли у одного Агафона голову, въ рощамагу запихали и полѣзли другъ за другомъ. У Агафона голову оторвали, ведутъ Агафона безъ головы къ Агафонихѣ. „Агафёниха (такъ) была ли у Агафона голова?“—„Я не знаю, говоритъ, только знаю, что ротъ да борода была“.

Слободской у., прих. Софьино-Спасской ц. (Рукоп. 50-хъ годовъ).

---

140. [К о з а].

Пришелъ козелъ съ лыками, нѣтъ козы съ орѣхами. Добро же ты, ко́за, пошлю на те волка. Волкъ нейдетъ козу ѣсть,—пришелъ козелъ съ лыками, нѣтъ козы съ орѣхами. Добро же ты, волкъ, пошлю на тя люди. Люди нейдутъ волка бить, волкъ нейдётъ козу ѣсть,—пришелъ козелъ съ лыками, нѣтъ козы съ орѣхами. Добры же вы, люди, пошлю на васъ медвидь. Медвидь нейдетъ люди давить, люди нейдутъ волка бить, волкъ нейдётъ козу ѣсть, — пришелъ козелъ съ лыками, нѣтъ козы съ орѣхами. Добро же ты, медвидь, пошлю на те ножикъ. Ножикъ нейдетъ медвѣдь рѣзать, медвидь нейдетъ людей давить, люди нейдутъ волка бить, волкъ нейдетъ козу ѣсть,—пришелъ козелъ съ лыками, нѣтъ козы съ орѣхами. Добро же ты, ножикъ, пошлю на тя точи. Точи нейдетъ ножикъ точить, ножикъ нейдетъ медвѣдь рѣзать, медвѣдь нейдетъ людей давить, люди нейдутъ волка бить, волкъ нейдетъ козу ѣсть, — пришелъ козелъ съ лыками, нѣтъ козы съ орѣхами. Добро же ты, точи, пошлю на тя огонь. Огонь нейдетъ точи жжеччи, точи нейдутъ ножикъ точить, ножикъ нейдетъ медвѣдь рѣзать, медвѣдь нейдетъ людей давить, люди нейдутъ волка бить,

волкъ нейдетъ козу ѣсть, — пришелъ козелъ съ лыками, нѣтъ козы съ орѣхами. Добро же ты, огонь, пошлю на те воду. Вода нейдетъ огонь лить, огонь нейдетъ точи сжетчи, точи нейдутъ ножикъ точить, ножикъ нейдетъ медвидь рѣзать, медвидь нейдетъ людей давить, люди нейдутъ волка бить, волкъ нейдетъ козу ѣсть, — пришелъ козелъ съ лыками, нѣтъ козы съ орѣхами. Добро же ты, вода, пошлю на тя быковъ. Быки нейдутъ воду пить, вода нейдетъ огонь лить, огонь нейдетъ точи сжечи, точи нейдетъ ножикъ точить, ножикъ нейдетъ медвѣдь рѣзать, медвѣдь нейдетъ людей давить, люди нейдутъ волка бить, волкъ нейдетъ козу ѣсть,—пришелъ козелъ съ лыками, нѣтъ козы съ орѣхами. Добры же вы, быки, пошлю на васъ гору. Гора нейдетъ быковъ давить, быки нейдутъ воду пить, вода нейдетъ огонь лить, огонь нейдетъ точи сжечи, точи нейдетъ ножикъ точить, ножикъ нейдетъ медвѣдь рѣзать, медвѣдь нейдетъ людей давить, люди нейдутъ волка бить, волкъ нейдетъ козу ѣсть, — пришелъ козелъ съ лыками, нѣтъ козы съ орѣхами. Добро же ты, гора, пошлю на те черви. Черви нейдутъ гору точить, гора нейдетъ быковъ давить, быки нейдутъ воду пить, вода нейдетъ огонь лить, огонь нейдетъ точи сжечи, точи нейдутъ ножикъ точить, ножикъ нейдетъ медвѣдь рѣзать, медвѣдь нейдетъ людей давить, люди нейдутъ волка бить, волкъ нейдетъ козу ѣсть,—пришелъ козелъ съ лыками, нѣтъ козы съ орѣхами. Добры же вы, черви, пошлю на васъ гусей. Гуси нейдутъ червей брать, черви нейдутъ горы точить, горы нейдутъ быковъ давить, быки нейдутъ воду пити, вода нейдетъ огонь лить, огонь нейдетъ точи сжетчи, точи нейдетъ ножикъ точить, ножикъ нейдетъ медвидь рѣзать, медвидь нейдетъ людей давить, люди нейдутъ волка бить, волкъ нейдетъ козу ѣсть,—пришелъ козелъ съ лыками, козы нѣтъ съ орѣхами. Добро же вы, гуси, пошлю на васъ дѣвокъ. Дѣвки нейдутъ гусей гонять, гуси нейдутъ червей щипать, черви нейдутъ гору точить, гора нейдетъ быковъ давить, быки нейдутъ воду пить, вода нейдетъ огонь лить, огонь нейдетъ точи сжечи, точи нейдетъ ножикъ точить, ножикъ нейдетъ медвѣдь рѣзать, медвѣдь нейдетъ людей давить, люди нейдутъ волка бить, волкъ нейдетъ козу ѣсть,—пришелъ козелъ съ лыками, нѣтъ козы съ орѣхами. Добро же

вы, дѣвки, пошлю на васъ парней. Парни пошли дѣвокъ ловить, дѣвки пошли гусей гонять, гуси пошли червей брать, черви пошли гору точить, гора пошла быковъ давить, быки пошли воду пить, вода пошла огонь лить, огонь пошолъ точи сжетчи, точи пошли ножикъ точить, ножикъ пошелъ медвѣдь рѣзать, медвѣдь пошелъ людей давить, люди пошли волка бить, волкъ пошелъ козу ѣсть, пришелъ козелъ съ лыками ѣсть и коза съ орѣхами.

Слободской у., прих. Софьино-Спасской ц. (Рукоп. 50-хъ годовъ).

---

141. Сказка о Иванѣ Царевичѣ.

Жилъ да былъ царь съ царицой, не было у нихъ дѣтища, стали молиться Богу, и Богъ даровалъ имъ сына на старости лѣтъ—Ивана-Царевича. Когда онъ подросъ, пошолъ во чистое поле погулять, попала ему старая корга-баба, онъ пнулъ ее. Старая корга сказала: „ахъ, Иванъ-Царевичъ, сказала бы я тебѣ добро“... — „Скажи, скажи, бабушка“, взмолился Иванъ-Царевичъ. Старуха сказала: „есть на восточной сторонѣ подъ дубомъ желѣзныя двери за двенадцатью замками, тутъ стоитъ богатырской конь сто лѣтъ и мечь-кладенецъ“. Иванъ-Царевичъ пошолъ, взялъ стопудовую палицу, сбилъ шесть замковъ, а остальные конь сломалъ и палъ предъ нимъ на колѣни и обѣщался служить ему вѣрою и правдою. Иванъ-Царевичъ радостенъ былъ, взялъ мечь-кладенецъ и стопудовую палицу, сѣлъ на коня и поѣхалъ во чистое поле людей посмотрѣть и самъ себя показать. Ѣхалъ онъ долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Попадается ему избушка, на курьей ножкѣ повертывается. Иванъ-Царевичъ сказалъ: „избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ добру молодцу передомъ“, и избушка тотчасъ оборотилась къ нему дверями. Онъ вошелъ въ нее, Спасу Богу помолился, на всѣ стороны поклонился, и Егибоба лежитъ, уперлась изъ угла въ уголъ. „Тфу, фу, фу, русскія коски слыхомъ не слыхать, видомъ не видать, а русская коска сама на дворъ пришла, зачѣмъ ты Иванъ-Царевичъ?“—„Напой, накорми да тогда распроси!“ Эгибоба напоила, накормила и въ банькѣ выпарила да и

стала выспрашивать у него, отколь, зачѣмъ и куда пошолъ-поѣхалъ. — „Бѣлой свѣтъ посмотрѣть и самому себя показать“. У Эгибобы была дочь, ей больно захотѣлось выдать за Ивана-Царевича и она дала ему скатёрочку-самобраночку да пёрышко-фифилистъ яснова сокола и велѣла обратно заѣхать непремѣнно, и розпрощалась. Иванъ-Царевичъ поѣхалъ за тридевять земель, въ тридесятое царство, невѣрное государство, сватать себѣ прекрасную Марью-Царевну. И увидѣлъ, что тутъ стоитъ несмѣтная сила войская—поганая. И своею стопудовою палицею да мечемъ булатнымъ всю эту силу до единаго побилъ. Развернулъ свой бѣлъ шатеръ на чистомъ полѣ, взоткнулъ наверхъ перышко-фифилистъ яснаго сокола, ярчѣе солнца краснаго оно горитъ, свѣтлѣе мѣсяца полнаго оно блещетъ. Пустилъ своего коня богатырскаго на зеленой лугъ, взоткнулъ свое копье ратное подлѣ бѣлъ шатеръ, разкинулъ скатерть чудную посреди шатра, и явились всяки яствы, яствы сахарны, полились вина крѣпкія, вина заморскіе, взвеселился нашъ Иванъ, Царской сынъ, и заснулъ крѣпкимъ богатырскимъ сномъ. Невѣрной царь послалъ узнать: кто этотъ славной могучій богатырь, что побилъ силу несмѣтную, свободилъ его отъ неволи и „полóну“. Иванъ-Царевичъ сказалъ о себѣ и велѣлъ сватать за себя Марью-Царевну. Егибоба узнала это, взяла ступу, пѣстъ и помело и полетѣла къ Марьѣ-Царевнѣ, оборотила въ сѣрую утицу и пустила на синё море, а у Ивана-Царевича у соннова взяла скатерочку-самобраночку и перо фифилистово и воротилась домой. Въ обратной путь держитъ дороженьку мимо яги-бабы и видитъ у неё въ избушкѣ красныя полаты и прекрасную дѣвицу. Егибоба нарочно дочь свою оборотила для Ивана Царевича отдать въ жену. „Что, Иванъ-Царевичъ, твоя Марья-Царевна улетѣла за-сине море, возми мою большую дочь прекрасную, а не то—я съѣмъ тебя“. Согласился Иванъ-Царевичъ, обвѣнчался и съ Егибишной. Не по сердцу она ему пришла, не „по норову“. Сталъ Иванъ-Царевичъ думу думати, какъ бы доступить Марьи-Царевны. Сѣра утица на окно летала, золоты слёзки ронила... Пошелъ на море Иванъ-Царевичъ, попался ему старичокъ доброй и вопрошалъ о горѣ и кручинѣ. Иванъ-Царевичъ повѣдалъ ему сущую правду. Старичокъ велѣлъ взять калену стрѣлу и пустить въ правую сторону

во стадо сѣрыхъ утицъ. Подшибло одной сѣрой утицѣ правое крылышко, и упала она, бѣдная, на зеленую мураву. Старичёкъ взялъ ее, обернулъ три раза чрезъ свою буйную голову, почудилася прекрасная Марья-Царевна, и отдалъ ее Ивану-Царевичу. Радъ былъ онъ и повелъ во свое царство, а она ничево не говоритъ и не вымолвитъ. Привелъ домой и посадилъ во свой дворецъ... Дочь Егибобы заставила Марью-Царевну доить коровъ, а коровами у нее были медвѣди, чтобы съѣли. Тотъ же старичёкъ велѣлъ три раза вымолвить: „коровоньки, буріёнушки, вы сами подойтесь и молочко отдайте“. Коровоньки подоились сами и отдали молоко. Не удалось Егибишнѣ стравить Марью-Царевну медвѣдямъ. Опять послала овечекъ стричь, а овечки были волки. Старичёкъ опять научилъ вымолвить три раза: „маськи, овечушки, остригитесь сами и шорску отдайте“. Овечушки остриглись сами... Послѣ этова дочь Егибобы велѣла Марьѣ-Царевнѣ принести ножъ, чистить рыбу, чтобы ее зарѣзать и съѣсть. Принесла Марья-Царевна ножъ, сама разрѣзала щуку и въ брюхѣ у нее нашла свой обрученной перстень, тогда же все стала говорить. Донесли Ивану-Царевичу, и Марья-Царевна все разсказала, какъ ее сама Егибоба оборотила въ утку, какъ обронила въ море перстень и какъ каждую ночь прилетала къ окошку Ивана-Царевича и проливала золотыя слезинки, а Егибишна подбирала ихъ, казала матерѣ самой Егибобѣ, и обѣ вмѣстѣ журили Ивана-Царевича, что онъ не любитъ жену... Послѣ сего Иванъ-Царевичъ приказалъ Егибобину дочь вмѣстѣ съ матерью посадить на городскія ворота и разстрѣлять, а на Марьѣ-Царевнѣ обвѣнчался, и стали весело жить да быть, да и тепере живутъ.

Слободской у., прих. Софьино-Спасской ц. (Рукоп. 50-хъ годовъ).

---

142. **Сказка о Марьѣ прекрасной.**

Царь кликалъ кличь, кто бы съ ево дочерью проночевалъ, за того и выдастъ въ замужъ. Иванъ, крестьянской сынъ, сильно захотѣлъ взять ее за себя. Пошелъ къ доброму старичку и повѣдалъ ему свои мысли. „Не тужи, Иванъ,

крестьянской сынъ, твоя будетъ Марья прекрасная, только потерпи немного, молися Спасу да ложися спати: утро вечера мудренѣе". На другой день старичокъ поставилъ высокой столбъ подлѣ кровати Марьи прекрасной и посадилъ на него Ивана, крестьянскаго сына, и наказалъ: когда будетъ полночь, встанетъ Марья прекрасная, то ты не бойся, только молитву твори. Такъ и сдѣлалъ Иванъ, крестьянской сынъ... Въ полночь вдругъ стала Марья прекрасная, заскакала, залаяла, завизжала и начала грызть столбъ и до половины перегрызла, пропѣли пѣтухи, и упала... Также случилось и по другую ночь. На третью старичокъ велѣлъ ему смѣлѣе, когда подгрызетъ совсѣмъ столбъ, ухватить за волосы и трижды обернуть вкругъ себя и кликнуть его. Такъ и здѣлалъ Иванъ, крестьянской сынъ. Когда Марья прекрасная подгрызла совсѣмъ столбъ, то Иванъ, крестьянской сынъ, ободрился, поймалъ за волосы, обернулъ трижды вкругъ себя и позвалъ старичка. Онъ взялъ топоръ и началъ разсѣкать Марью прекрасную на части. Иванъ, крестьянской сынъ, жалѣя, сталъ уговаривать старичка не рубить ее. Старичокъ сказалъ въ отвѣтъ: „увидишь, такъ не пожалѣешь". Потомъ велѣлъ принести огонь и бросилъ кусочки Марьи прекрасной въ оной. Тутъ поползли изъ неё всякіе гады: змѣи, лягушки, ящерицы, мыши и проч. Послѣ сего этотъ старичокъ взялъ мертвой воды, збрызнулъ — срослося все тѣло, збрызнулъ живой — и оживилъ. Встала на ноги и стала прекраснѣе еще прежняго, и отдалъ Ивану, крестьянскому сыну. Царь обрадовался, и не пива варить, не вина курить, честнымъ пиркомъ да и за свадебку.

Слободской у., прих. Софьино-Спасской ц. (Рук. 50-хъ годовъ).

---

143. Сказка о Иванушкѣ и объ Олёнушкѣ.

Жилъ старикъ со старухой; у нихъ былъ сынъ Иванушко да дочь Олёнушка. Отецъ и мать померли. Они на печкѣ ѣли горошокъ да уронили одинъ подъ печку, искали, искали, не могли натти, такъ и попустились. Онъ росъ да росъ, и выросъ до неба; они по ему полѣзли и долѣзли до неба, тамъ меленка стоитъ. Они стали на ней молоть горошёкъ. Тутъ пришла Эгибоба: „тфу, фу, фу, кто на моей ме-

ленкѣ мелетъ". Она стала ихъ искати: „фу, фу, свернися, избушка въ три угла́, фу, фу, свернися, избушка, въ два угла". Избушка свернулася въ два угла, узко стало, и она ихъ поймала и посадила въ подполье и велѣла истопить печь и изпетчи ихъ да и съѣсть. Дочь Егибобы истопила печь и говоритъ Иванушку и Олёнушкѣ: „садитёсь на лопату"; они говорятъ ей: „поучи насъ, не умѣемъ". Егибишна сѣла сама на лопату учить ихъ, они взяли, пехнули ее въ печь и заслонили, а сами ушли въ подполье. Егибоба куда то слетала, вынела изъ печи изжареную дочь свою и съѣла, охрястала. Пошла на печь, стала жарить спину и приговаривать: „покататься было, поваляться было́ на Иванушковыхъ косточкахъ; покататься было́, поваляться было́ на Олёнушкиныхъ косточкахъ". Иванушко съ Олёнушкой и говорятъ изъ подполья: „покатайся, Ега, поваляйся, Ега, на дочерниныхъ косточкахъ". — „Охъ, они, плуты, живы. Фу, фу, фу!" Егибоба приказала другой дочерѣ какъ можно истопить печь жарчѣе и изжарить ихъ. Они и вторую дочь также обманули и изпекли, и Егибоба съѣла, не подавилась. Потомъ и третью. Наконецъ сама Егибоба какъ можно пуще накалила печь, навострила зубы и стала садить Иванушку и Олёнушку на лопатѣ. „Не умѣёмъ, поучи, мати Егибоба!" — „Вотъ какъ, фу!" и сѣла сама; мигомъ онѣ пехнули ее въ печку и заслонили накрѣпко. Взяли у Егибобы всѣ пожитки и деньги, слѣзли домой. Иванушко женился на царской дочерѣ, а Олёнушка вышла за придворнова, пригожова молодца, за московскаго купца, и стали жить да быть и тепере живутъ.

Слободской у., прих. Софьино-Спасской ц. (Рукоп. 50-хъ годовъ).

---

144. **Сказка о Иванушкѣ дурачкѣ.**

Жилъ да былъ старикъ, у него были три сына: два-те умные, трете-етъ — дуракъ. Отецъ померъ и заказалъ имъ: „три сына, схороните меня въ чистое поле, подъ зеленой дубъ и караульте по очерёдну по три ночи". Братья по первую ночь посылаютъ дурака и сами нейдутъ. Пошолъ дуракъ да взялъ съ собой ножикъ да лучинки и сѣлъ на могилу,

да спички востритъ, да подтыкаетъ подъ пазуху. Сказалъ отецъ изъ могилы: „кто меня караулитъ?“ — „Я“, сказалъ дуракъ. Вдругъ выбѣжала коней стая, Иванушко дурачекъ слѣзъ на дубъ, а отецъ сказалъ дураку: „слѣзь и погляди на коней во чистомъ полѣ“. Они какъ побѣжали, подъ собой ногъ не знаютъ, изъ ноздрей дымъ столбомъ, изо рту пламя, и ушолъ домой дуракъ. Спросили братья: не вид...

„Далѣе содержаніе до самаго конца все то же, что у Ершова: „Конекъ горбунокъ“.—Эта списана съ рукописи крестьянской“.

Слободской у., прих. Софьино-Спасской ц. (Рукоп. 50-хъ годовъ).

---

145. [Ѳома и Ерема].

Во городѣ во Ростовѣ,
У боярина толстова,
На широкомъ на дворѣ
Жили-были два братенника,
Два складенника,
Ерема да Ѳома.
Они жили болне славно,
Пили, ѣли сладко,
Ходили хорошо,
Ерема ѣлъ рѣдьку,
Ѳома чеснокъ,
Ѳому горе беретъ. 2.
Не полно-ли, брателко,
Сладко намъ ѣсти.
Станемъ-ко, брателко,
Щепетко ходить.
Ерема въ балахонѣ,
Ѳома въ шабурѣ,
Ѳому горе беретъ. 2.
Не полно-ли, брателко,
Щепетко ходить
И у барина жить.
Станемъ-ко, брателко,
Домъ заводить.
Топоръ купилъ Ерема,
А Ѳома долото.
У Еремы не рубитъ,
У Ѳомы не беретъ,
Ѳому горе беретъ. 2.
Да не полно-ли, брателко,
Домъ заводить,
Станемъ-ко, брателко,
Пашенку пахать,
Ерема впрегъ кота,
А Ѳома пѣтуха.
У Еремы не тянетъ,
У Ѳомы не везетъ,
Ѳому горе беретъ. 2.
Не полно-ли, брателко,
Пашенку пахать,
Станемъ-ко, брателко,
Рожь засѣвать.
Ерема та посѣялъ,
А Ѳома та не поспѣлъ,
Ѳому горе беретъ. 2.
Не полно-ли, брателко,
Рожъ засѣвать,
Станемъ-ко, брателко,
Рожъ зажинать.
Ерема та взялъ шило,

А Ѳома кодочигъ.
У Еремы то не рѣжетъ,
У Ѳомы то не беретъ,
Ѳому горе беретъ. 2.
Не полно-ли, брателко,
Рожъ зажинать.
Станемъ-ко, брателко,
Кладушеньку класть.
Склали же кладушку,
На печной на столбъ,
Котикъ скочилъ,
Кладушку уронилъ.
Не полно-ли, брателко,
Кладушку класть.
Станемъ-ко, брателко,
Рожъ молотить.
Ерема та съ бичемъ,
А Ѳома то съ кулакомъ.
У Еремы то не брызжетъ,
У Ѳомы то не летитъ,
Ѳому горе беретъ. 2.
Не полно-ли, брателко,
Рожъ молотить,
Станемъ-ко, брателко,
Рощицу мочить.
У Еремы прокисло,
У Ѳомы промзгло,
Ѳому горе беретъ. 2.
Не полно-ли, брателко,
Рощицу мочить,
Станемъ-ко, брателко,
Солодъ продавать.
Ерема продаетъ,
Ѳома такъ отдаетъ,
Ѳому горе беретъ. 2.
Не полно-ли, брателко,
За торговлею ходить,
Барыши приводить.
Станемъ-ко, брателко,
За охотою ходить,
Зайчиковъ ловить.
Ерема та съ котомъ,
А Ѳома съ пѣтухомъ.
У Еремы то не ловитъ,
У Ѳомы то не бѣжитъ,
Ѳому горе беретъ. 2.
Не полно-ли, брателко,
За охотою ходить,
Зайчиковъ ловить.
Станемъ-ко, брателко,
Въ церковь ходить,
Богомолиться.
Ерема пришелъ въ церковь,
А Ѳома въ олтарь,
Ерема запѣлъ,
Ѳома-то заревѣлъ.
Пришелъ строгій пономарь,
Ѳому въ шею протолкалъ,
Ѳому горе беретъ. 2.
Не полно-ли, брателко,
Въ церковь ходить
Богомолничати.
Станемъ-ко, брателко,
Рыболовничати.
Ерема купилъ сѣть,
Ѳома тенето.
Ерема купилъ лотку,
Ѳома ботникъ.
Лотка та утла,
А ботникъ безо дна.
Ерема закидалъ,
А Ѳома та замѣталъ.
Ерема говоритъ:
Ко Петрову дню имъ быть.
А Ѳома-та говоритъ:
Какъ намъ Господи велитъ.
Ерема-та зболтался,
А Ѳома-та сколыбался
Ерема упалъ въ воду,
Ѳома ко дну.

Отъ Еремы-то валы, По Еремѣ-то блины,
А отъ Ѳомы пузыри. По Ѳомѣ пироги. 2.

Яранскій у., с. Ижевское. 1847 г.

---

146. [О чудесной уткѣ].

Баснь.

Жили да были старикъ со старухой, жили бѣдно, не имѣли не лошади, не коровы. Старикъ однажды выпросилъ у сосѣда лошадь и поѣхалъ по дрова. Когда пріѣхалъ къ кучѣ дровъ, вдругъ вылетѣла изъ него уточка. Старикъ началъ раскладывать кучу и нашелъ золотое яичько и поѣхалъ въ городъ его продавать; и пріѣхавши продалъ, на деньги купилъ лошадь и сани, и пріѣхавъ домой. На другой день поѣхалъ надвосмъ къ той же кучѣ дровъ и въ ней нашли петь еичекъ и ихъ продали, каждое по 50 руб., и съ деньгами ворстились домой. Назавтра старикъ со старухой опять поѣхали къ той же кучѣ дровъ и въ оной поймали самую утку, привезли домой, посадили подъ шестокъ, съ тѣмъ отъ старика велѣніемъ, чтобъ утку не кололи, спустя послѣ поймания утки въ непродолжительное время; но когда же старикъ уѣхалъ изъ дому, старуха безъ старика взяла утку заколола. Объ этой уткѣ, между тѣмъ, узналъ царь, потребовалъ сыновей, сколь ихъ они имѣли, и допрашивалъ: „гдѣ у васъ уточка?“ Они отвѣчали: „у насъ ее матушка заколола“. Послѣ отвѣта ихъ сего имъ царь повелѣлъ старуху представить къ себѣ, и когда она была ему представлена, велѣлъ посадить на ворота и разстрѣлять. И старуха была посажена и разстрѣлена.

Сей басни смыслъ таковъ, что если не хотимъ подвергаться жестокому наказанію, то не должны дѣлать того, что воспрещаютъ намъ дѣлать старшіе.

Яранскій у., с. Ишлыкъ. (Рукоп. 50-хъ годовъ).

---

147. Споръ мороза съ морозомъ.

Побасенка.

Нѣкогда одинъ морозъ заморозилъ барина въ медвѣжьей шубѣ и похвалялся предъ другимъ морозомъ; а тотъ ему отвѣчалъ: „попробуй-ко заморозить бурлака въ чежалчешкѣ“. А первой морозъ сказалъ послѣднему: „вотъ ужъ не диво-ли; какъ муху заморожу бурлака“. И началъ его морозить. А онъ сталъ ему противиться, поскакивая съ ноги на ногу, и дошелъ до капернаума и въ немъ халепнулъ за нѣсколько грошиковъ съ четвертью, и послѣ сего вышелъ изъ капернаума, а морозъ началъ его морозить пуще стараго. Бурлакъ же поскакивалъ съ ноги на ногу, потомъ снялъ съ себя рукавицы и взялъ ихъ подъ пазуху. Когда же морозъ сталъ его тошнѣе и прежняго, бурлакъ и шапку снялъ—и морозъ отступилъ отъ него.

Яранскій у., с. Ишлыкъ. (Рукоп. 50-хъ годовъ).

---

148. Сказка о Маркѣ Богатомъ.

Жилъ-былъ Марко Богатый. Однажды Марко Богатый сдѣлалъ великій пиръ и на этотъ пиръ зазвалъ всѣхъ бояръ и князей, позвалъ и Самого Господа. И собрались къ нему всѣ князья и бояра, пришелъ къ нему на пиръ и Самъ Господь въ нищенскомъ платьѣ. Марко Богатый, почитая Господа за нищаго, вытурилъ Его отъ себя. Господь попросился ночевать у одной вдовы въ той же деревнѣ. Вдова Его пустила, принесла Ему на ужину небольшую краюшечку сухова хлѣба. Господь сколько ни ѣлъ, но краюшечки не убывало. Поужинавъ же Онъ легъ спать на соломку, которую послала Ему хозяйка. И вотъ ночью пришли къ окошку ангелы и стали спрашивать, не здѣсь ли ночевалъ Господь. И когда Господь откликнулся, то ангелы сказали: „во свѣтѣ народилось столько то душъ, кого какимъ велишь надѣлить счастьемъ“. Господь сказалъ: „надѣлите всѣхъ тѣмъ, что я вчера пилъ и ѣлъ, а только одного въ здѣшней деревнѣ вдовина сына надѣлите Марковымъ богатствомъ“. И когда разсвѣтало, Господь отъ вдовы ушелъ.

По уходѣ Его, вдова идетъ къ Марку Богатому, объявляетъ ему, что Господь ночевалъ у нее и велѣлъ ангеламъ надѣлить его богатствомъ вдовина сына. Марко Богатый, узнавъ объ этомъ, вознамѣрился погубить вдовина младенца, чтобы ему и въ самомъ дѣлѣ не досталось его богатство. И вотъ идетъ онъ ко вдовѣ, проситъ у ней младенца себѣ въ дѣти, обѣщается его сдѣлать своимъ наслѣдникомъ, отдаетъ за него вдовѣ деньги, беретъ его къ себѣ и воспитываетъ. Когда мальчикъ уже довольно выросъ, Марко Богатый сдѣлалъ дубовую бочку, набилъ на нее желѣзныя обручья, посадилъ въ нее этого ребенка, закупорилъ и отпустилъ по океану-морю. И прибило эту бочку къ одному острову, выбросило на берегъ, на которомъ стоялъ дѣвичій монастырь. Бочка отъ солнца разсохлась, обручи съ нее спукали, и мальчикъ изъ нее вылесъ, пришелъ въ монастырь. Въ монастырѣ его приняли и сдѣлали послушникомъ. Случилось же Марку Богатому пристать со своими кораблями къ этому острову. Онъ, привлеченный красотою монастыря, заходитъ въ него и находитъ въ немъ своего пріемнаго сына, выкупаетъ его изъ монастыря, посылаетъ его домой съ письмомъ къ своей женѣ, которой приказываетъ погубить его. Мальчикъ идетъ къ Марковой женѣ, и ему встрѣчу попадается старичекъ, спрашиваетъ его о родѣ и племени, узнаетъ отъ него, что онъ пріемный Марковъ сынъ, беретъ у него письмо, перемѣняетъ его и отдаетъ ему. Мальчикъ приходитъ домой, вручаетъ Марковой женѣ письмо, и она, получивъ письмо, выдаетъ за своего пріемнаго сына свою дочь. Между тѣмъ, пріѣзжаетъ домой самъ Марко, спрашиваетъ о своемъ пріемномъ сынѣ, узнаетъ, что онъ повѣнчанъ съ его дочерію, ужасно сердится на свою жену, а она оправдывается передъ нимъ его же письмомъ, въ которомъ заключалось вмѣсто погубленія приказаніе выдать дочь за пріемнаго сына. И вотъ Марко намѣревается опять погубить его, посылаетъ его на свои заводы, а между тѣмъ, своимъ заводскимъ прикащикамъ даетъ приказаніе, чтобы они бросили въ сальный котелъ того, кто къ нимъ напередъ всѣхъ придетъ, и первымъ посылаетъ своего пріемнаго сына и зятя. Онъ идетъ, и ему является опять тотъ же старичекъ и отводитъ его въ другое мѣсто. Между тѣмъ, Марко ѣдетъ самъ въ заводы вслѣдъ за сыномъ, прихо-

дитъ, и его схватываютъ и бросаютъ въ сальный котелъ, какъ онъ самъ велѣлъ бросить въ него перваго пришедшаго. И вотъ пріемный сынъ остается полнымъ наслѣдникомъ всего Маркова богатства, какъ Господь при самомъ его рожденіи наградить его велѣлъ своимъ ангеламъ онымъ богатствомъ.

Яранскій у., приходъ Улешскій. (Рукоп. 50-хъ годовъ).

Словарь къ сказкамъ Вятской губерніи.

Дядюшка — такъ называютъ пермяки лѣшаго.
Кма-ли — много-ли.
Лючки — по-людски, по-человѣчески.
На старину — домой, въ домъ.
Попандерить — поѣсть.
Чаруша — чашка для тѣста, сплетенная изъ ивовыхъ корней. Отсюда Чарушины, Чарушниковы — очень распространенная фамилія.
Шумпало, шумчело — (вѣроятно) чучело.

Казанская губернія.

149. [Золотая рыбка].

Жилъ-былъ старикъ со старухой, жили они очень бѣдно и дошли до того, что у нихъ не стало ни дровъ ни лучины. Старуха посылаетъ старика: „старикъ, поѣзжай въ лѣсъ, наруби дровъ и лучины“. Старикъ собрался и поѣхалъ. Пріѣхалъ въ лѣсъ, взялъ топоръ и тяпъ по дереву. Вдругъ изъ дерева выскакиваетъ птичка и говоритъ: „чивы, чивы, чивычокъ, чего надо, старичёкъ?“ Старикъ сказалъ: „мнѣ надобно дровъ и лучины“. Птичка сказала: „поди домой, не руби, у тебя много дровъ и лучины“. Старикъ послушался, не рубилъ. Пріѣзжаетъ домой и видитъ, что у него полонъ дворъ и дровъ и лучины, началъ разсказывать старухи, что съ нимъ случилось. Старуха сказала старику: „поди-ка опять въ лѣсъ, у насъ изба-то худа, не поправитъ ли эта птичка“. Старикъ опять послушался и пріѣзжаетъ въ лѣсъ, опять тяпъ по дереву, и опять выходитъ птичка. — „Чивы, чивы, чивы-чокъ, чего надо, старичокъ?“ — „Вотъ, матушка птичка, у меня больна плоха изба, не поправишь ты?“ — „Поди домой, сказала птичка, у тебя домъ новый и большой“. Старикъ подъѣзжаетъ и не узнаетъ, гдѣ его былъ домъ. Только увидалъ въ окошко старуху и входитъ въ домъ и говоритъ: „вотъ, старуха, у насъ теперь домъ лучше всѣхъ“. Старуха опять говоритъ старику: „старикъ, у насъ домъ та хорошій, а мы живемъ бѣдно: у насъ нѣтъ ни денегъ ни хлѣба, поди-ка опять къ птичкѣ“. Старикъ опять послушался, пріѣхалъ въ лѣсъ и опять тяпъ по дереву. Птичка выходитъ и говоритъ: „чивы, чивы, чивы-чекъ, чего надо, старичёкъ?“ — „Да вотъ, родима птичка, у насъ домъ-ытъ хорошій, да живемъ бѣдно; нельзя-ли этому горю помочь?“ Птичка сказала: „поди, у тебя много денегъ и хлѣба“. Старикъ приходитъ и видитъ, что у него всего

много; сказалъ: „ну, старуха, у насъ теперь всего довольно“. А старуха сказала: „хотя всего довольно, а всё таки мы крестьяне, поди-ка, попроси птичку, не сдѣлаетъ ли тебя чиновникомъ, а я буду чиновница“. Старикъ опять пошелъ. Приходитъ въ лѣсъ и тянъ по дереву. И выходитъ птичка: „чивы, чивы, чивы-чёкъ, чего надо, старичёкъ?“ — „А вотъ что, у насъ теперь всего много, а все таки мы крестьяне, насъ никто не уважаетъ, нельзя-ли меня здѣлать чиновникомъ?“ Птичка сказала: „поди, будишъ чиновникомъ“. Выѣхалъ изъ лѣсу и идетъ по деревнѣ, всѣ ему кланяются. Приходитъ къ дому и видитъ, что у него прислугъ много и всѣ его боятся. И говоритъ старуха: „вотъ теперь, старикъ, мы всѣмъ довольны, да, старикъ, этотъ чинъ-отъ — ладна, а все таки мы подвласны царю-та, поди-ка къ птичкѣ, не здѣлаетъ ли тебя царемъ?“ Старикъ опять пошелъ и опять по дереву. Выходитъ птичка: „чивы, чивы, чивычокъ, чего надо, старичокъ?“—„А вотъ чего, я хоть теперь чиновникъ, а всетаки подъ властью царской, не сдѣлаешь-ли меня царемъ“. Приходитъ домой и его выбрали въ цари, а старуха опять говоритъ старику: „теперь мы на землѣ-та никого не боимся, а страшимся теперь только Бога, поди-ка, старикъ, скажи-ка птичкѣ, чтобы она сдѣлала тебя Христомъ, а меня Богородицей“. Птичка сказала: „ладна, ступай, будь ты быкомъ, а твоя старуха свиньей“. Старикъ приходитъ въ село быкомъ и видитъ старуху свиньей.

Козмодемьянскій у., с. Чермышево. 1852 г.

---

150. [Котъ-Котовичъ, Волъ-Воловичъ и Иванъ-Царевичъ].

Жилъ-былъ царь съ царицей. Эта царица долгое время жила замужемъ и не одного не родила. Царь пошелъ искать докторовъ, и никто не выискался. Вздумалъ идти по кабакамъ: „не найду ли тамъ кого нибудь“. Одинъ въ кабакѣ выискался, сказалъ: „я сдѣлаю, она будетъ родить“. Царь его началъ спрашивать, что нужно дѣлать. Пьяница сказалъ: „сплети ты, царь, три рѣшета, волосяное, нитиное и шелковое, и поди ловить рыбу“. Царь сдѣлалъ это, и пошли съ пьяницей ловить рыбу. Начали ловить волося-

нымъ, попала рыба и розорвала рѣшето. Стали ловить нитянымъ и его разорвали. Начали ловить шелковымъ и поймали рыбу. Пьяница сказалъ: „поди, царь, вели сварить изо всей рыбы уху и ее поѣсть“. Царь принесъ рыбу, отдалъ дворовой дѣвкѣ, дѣвка сварила и поѣла прежде сама, потомъ отнесла царицѣ, поѣла и царица, и остатки вылила дѣвка на дворъ, и подлизала корова. Царица и въ самомъ дѣлѣ родила Ивана-Царевича, дѣвка родила Кота-Котовича, и корова родила Вало-Валовича. И назвались всѣ братьями, росли они ни по днямъ, ни по часамъ, а по минутамъ. Царь ихъ и послалъ въ свои луга искать для себя лошадей. Иванъ-Царевичъ и Като-Катовичъ выбрали себѣ по лошади, а Вало-Валовичъ не могъ найти по себѣ лошади: какъ на лошадь положитъ руку, такъ она и свалится. Приходитъ къ царю и сказываетъ, что не нашелъ по себѣ лошади. Царь говоритъ: „у меня есть лошадь за тридцатью дверями, за тридцатьми замками и тридцатью цѣпями, поди, посмотри“. Вало-Валовичъ пришелъ, началъ отбивать дверь; Вало-Воловичъ отобьетъ дверь, а конь пять (такъ!), и наконецъ конь выбился къ нему. Вало-Валовичъ положилъ на его руку, конь и не пошевелился. И конь заржалъ: „много лѣтъ я здѣсь стоялъ, и хозяинъ не находилъ по мнѣ ѣздока“. Вало-Валовичъ сѣлъ на него, и поѣхали всѣ три брата Иванъ-Царевичъ, Като-Катовичъ и Вало-Валовичъ путемъ-дорогой и под(ъ)ѣхавши къ Крашеному мосту, по которому никто благополучно не проѣзжалъ, привелось имъ тутъ ночевать. Они метнули жеребій, кому ночь не спать. Досталось Ивану-Царевичу. Иванъ-Царевичъ началъ плакать и просить Вало-Валовича снять жеребій на себя. Вало-Валовичъ взялъ саблю и всталъ на краулъ. Приходитъ полночь, и летитъ шестиглавой змѣй и говоритъ: „фу, фу, фу, не было ни слуху, ни духу, а нынѣче русскій духъ въ устахъ мечится“. Вало-Валовичъ сказалъ: „врёшь, душа погана, я самъ здѣсь добрый молодецъ“, и началъ Вало-Валовичъ съ змѣемъ биться. Изрубилъ змѣя въ мелки части и затопталъ въ тину. Вало-Валовичъ пошелъ по оврагу, и бѣжитъ Котища, вытращи глазища, и хочетъ его сѣсть. Вало-Валовичъ взялъ его за ноги, хлопнулъ объ камень. Шкурка снялась, надѣлъ шкуру на себя и пошелъ въ лѣсъ. Стоитъ избушка на куричьей голяшкѣ, повертывается.

Вало-Валовичъ сказалъ: „встань, изба, постарому, какъ тебя мать поставила, къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ“. Взошелъ въ избушку, Богу помолился, на всѣ стороны поклонился. Сидитъ Яга-Ягинишна, Овдотья Кузминишна, носъ въ потолокъ, титьки чрезъ порогъ, сопли чрезъ грядку, языкомъ сажу загребаетъ. Яга-Ягинишна говоритъ: „что, Котинька, гдѣ былъ-побывалъ?“ — „Я былъ-побывалъ за темными лѣсами, за высокими горами“. И потомъ ему же сказала: „ты, валовка, откуда появился?“ Вало-Валовичъ сбросилъ съ себя шкуру котову и сказалъ: „врешъ, душа погана, я самъ здѣсь добрый молодецъ“. Пнулъ избушку, и изба повалилась, а самъ пошелъ къ братьямъ и разсказалъ, что съ нимъ случилось. Опять на другую ночь метнули жеребій, кому другую ночь ночевать, и досталось Като-Катовичу. Като-Катовичъ заплакалъ и просилъ Вало-Валовича покраулить за него. Вало-Валовичъ сжалился, взялъ саблю и пошелъ на краулъ. Приходитъ полночь, и летитъ девятиглавой змѣй и говоритъ: „фу, фу, фу, не было ни слуху, ни духу, нынѣ рускій духъ въ устахъ мечится“. Вало-Валовичъ всталъ и сказалъ: „врешъ, душа погана, я самъ здѣсь добрый молодецъ“, и началъ съ нимъ биться; разрубилъ всего змѣя и затопталъ въ тину. Пошелъ по оврагу, бѣжитъ Котища, вытраща глаза, и хочетъ его с(ъ)ѣсть. Вало-Валовичъ взялъ за ногу, шкура снялась; взялъ шкуру и надѣлъ на себя. Пошелъ въ лѣсъ; стоитъ избушка на куричьей голяшкѣ, повертывается. Вало-Валовичъ сказалъ: „встань, изба, постарому, какъ тебя мать поставила, къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ“. Взошелъ въ избушку, Богу помолился, на всѣ стороны поклонился, видитъ—Яга-Ягинишна, Овдотья Кузминишна, носъ въ потолокъ, титьки чрезъ порогъ, сопли чрезъ грядку, языкомъ сажу загребаетъ, и говоритъ: „что ты, котинька-батинька, гдѣ былъ-побывалъ?“ — „Я былъ за темными лѣсами, за высокими горами“. Яга-Ягинишна говоритъ ему: „откуда ты, валовка, появился?“ Онъ скинулъ съ себя котову шкуру и сказалъ: „врёшъ, душа погана, я самъ здѣсь добрый молодецъ“, пнулъ избушку, избушка повалилась. Пришелъ къ своимъ братьямъ и разсказалъ; они со страху едва не умерли. На третью ночь досталось караулить самому Вало-Валовичу. Онъ взялъ саблю и пошелъ на караулъ на мостъ.

И летитъ змѣй двѣнадцатиглавый и говоритъ: „фу, фу, фу, слуху-духу не было, нынче рускій духъ въ устахъ мечится“. Онъ сказалъ: „врешь, душа погана, я самъ здѣсь добрый молодецъ“, и началъ съ змѣемъ биться. Долго съ нимъ бился, наконецъ, побѣдилъ змѣя. Опять пошелъ по оврагу, и бѣжитъ Котища, вытращи глазища, и хотѣлъ его сьѣсть. Вало-Валовичъ взялъ его за ногу, ударилъ объ камень, шкура слѣзла, онъ надѣлъ на себя шкуру и пошелъ въ лѣсъ. Стоитъ избушка на куричьей голяшкѣ, повертывается. Вало-Валовичъ сказалъ: „встань, избушка, по-старому, какъ тебя мать поставила, къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ“. Взошелъ въ избушку, Богу помолился, на всѣ стороны поклонился. Сидитъ Яга-Ягинишна, Овдотья Кузминишна, носъ въ потолокъ, титьки чрезъ порогъ, сопли чрезъ грядку, языкомъ сажу загребаетъ и говоритъ: „что, котинька, гдѣ былъ-побывалъ?“—„Я былъ-побывалъ за темными лѣсами, за высокими горами“. Яга-Ягинишна сказала: „откуда ты, воловка, появился?“. Онъ скинулъ съ себя шкуру и сказалъ: „врешь, душа погана, я самъ здѣсь добрый молодецъ“. Яга-Ягинишна сказала: „ну, валовка, поди на мостъ и дожидайся меня, посражаемся мы съ тобой“. Вало-Валовичъ пошелъ и легъ подъ мостъ съ братьями. Ѣдитъ Яга-Ягинишна по тому мосту, гдѣ лежитъ Вало-Валовичъ, и говоритъ межъ себя: „я первую дочьку сдѣлаю сахарной яблоньей: какъ онъ сорветъ яблоко и укуситъ, такъ его и разорветъ; другую дочь сдѣлаю колодцемъ, и будетъ тутъ золотой ковшикъ: какъ онъ тутъ воды исьпьетъ, такъ его и разорветъ; а третью дочь сдѣлаю постелью: какъ онъ на нее ляжитъ, такъ его разорветъ“. А Вало-Валовичъ лежитъ да слушаетъ. Вышелъ изъ-подъ моста и сказалъ Ягѣ-Ягинишнѣ: „врешь, душа погана, я самъ здѣсь добрый молодецъ“, и началъ съ ней биться. Бился долго и усталъ, и сказалъ: „дай мнѣ отдохнуть хоть три часа“.—„Не дамъ тебѣ три минуты“, сказала Яга-Ягинишна. —„Но хоть дай три минуты“. Она сказала: „пожалуй, даю тебѣ три минуты отдыху“. Онъ пошелъ подъ мостъ, а Яга-Ягинишна легла на мосту и уснула. Вало-Валовичъ вышелъ изъ-подъ моста и разрубилъ ее на мелкія части и затопталъ въ тину. Разбудилъ своихъ братьевъ, сѣли на своихъ лошадей и пустились домой. На дорогѣ попадается

имъ яблоня кудрявая. Иванъ-Царевичъ сказалъ: „братцы, остановитесь, поѣдимъ яблоковъ!“ А Вало-Валовичъ стегнулъ лошадей, и лошади полетѣли вихремъ. Проѣхали немного, попадается имъ на дорогѣ колодецъ и въ немъ золотой ковшикъ. Иванъ-Царевичъ сказалъ: „братцы, остановимтесь и напьемься воды“. Вало-Валовичъ опять стегнулъ лошадей, и лошади помчались вихремъ. Потомъ пріѣзжаютъ на постоялый дворъ и, выпарившись въ банѣ, и опять домой пустились. От(ъ)ѣхали немного, попадается на дорогѣ кровать съ пуховой постелью. Иванъ-Царевичъ сказалъ: „братцы, остановитесь, отдохнемте здѣсь на постели послѣ бани“. Вало-Валовичъ опять стегнулъ лошадей, и лошади еще ш(ибче) полетѣли. И пріѣзжаютъ къ отцу, начали ему разсказывать; онъ со страстей упалъ со стула и убился. Братья раздѣлили между собою царство и стали жить да быть да добра наживать.

Козмодемьянскій у., с. Чермышево. 1852 г.

---

151. [Баба-яга].

Былъ-жилъ старикъ со старухой, у нихъ была дочька. У этой дочери была крестна, Яга-Ягинишна. Дочька была мяниница и пошла къ крестнѣ пирогъ относить. Попадается ей навстрѣчу мужикъ на бѣлой лошади. И спросилъ: „куда идешь, деушка?“—„Къ крестнѣ, несу пирогъ“.—„Не ходи, сказалъ мужикъ, она тебя съѣстъ“. Отошла отъ него, и попадается другой мужикъ на черной лошади, опять тоже спросилъ. И она сказала: „къ крестнѣ несу пирогъ“. Онъ сказалъ: „не ходи: она тебя съѣстъ“. Приходитъ къ воротамъ—вороты заперты ногой; взошла—на дворѣ стоитъ въ кадкѣ кровь; взошла на крылецъ—валяются маленькіе ребятишки; сѣни заперты рукой; взошла въ сѣни—валяются на полу рука да нога; дверь заперта пальцемъ; взошла въ избу—лежитъ мохнатая башка, и сама идетъ Яга-Ягинишна и стала спрашивать; „что, дочька, не видала ли чего дорогой, какъ ко мнѣ шла?“—„Видѣла много“, сказала дочь. „Разсказывай же все“.—„Видѣла: ѣдитъ мужикъ на бѣлой лошади“. Сказала Яга Ягинишна: „это мое бѣлое небо“.—

„Видѣла: ѣдитъ мужикъ на черной лошади“.—„Это моя земля, это моя черная“.—„Видѣла: вороты заперты ногой“.—„Это мой запоръ, это мой железный“.—„Видѣла: на дворѣ стоитъ въ кадкѣ кровь“.—„Это мое сусло, это мое хорошее“.—„Видила: на крыльцѣ лежатъ ребятишки“.—„Это мои поросятишка“.—„Сѣни заперты рукой... — „Это мой запоръ, это мой золотой“.—Видѣла: въ сѣняхъ лежатъ рука да нога“.—„Это мои запоры, это мои хорошіе“.—„Видѣла: въ избѣ мохнатую башку“.—„Это мой вѣникъ, это мой кудрявый“, сказала Яга Ягинишна и разсердилась сказала: „хамъ-хамъ, съѣмъ тебя“. Такъ и съѣла дочь.

Козмодемьянскій у., с. Чермышево. 1852 г.

---

152. [**Мужикъ, медвѣдь и лиса**].

Былъ-жилъ старикъ со старухой. У нихъ зимой не было ни дровъ ни лучины, старикъ и поѣхалъ въ лѣсъ по дрова. Не успѣлъ еще нарубить дровъ, подбѣгаетъ къ старику лиса и говоритъ: „старикъ, а старикъ, это что лежитъ?“ указывая на медвѣдя. Старикъ говоритъ: „это пень лежитъ“. Лиса говоритъ: „кабы былъ пень, то на дровняхъ бы лежалъ“, и сама убѣгла. И медвѣдь говоритъ старику: „положи меня на дрова“. Старикъ положилъ. Лиса опять подбѣгаетъ и говоритъ: „старикъ, а старикъ, это что на дровняхъ лежитъ?“ Старикъ говоритъ: „пень лежитъ“. Лиса опять говоритъ: „кабы былъ пень, то бы привязанъ былъ“, и сама убѣгла. Медвѣдь говоритъ старику: „привяжи меня“, и старикъ привязалъ. Лиса опять подбѣгаетъ къ старику и говоритъ: „старикъ, а старикъ, это что у тебя на дровняхъ лежитъ привязано?“ Старикъ говоритъ: „это пень лежитъ“. Лиса говоритъ: „какъ былъ пень, то въ него бы ты воткнулъ топоръ“, и сама убѣгла. Медвѣдь говоритъ: „старикъ, а старикъ, воткни какъ нибудь въ меня топоръ“. Старикъ и давай его рубить, и отрубилъ ему голову и привезъ домой, изъ шкуры сшилъ старухи шубу. На другой день поѣхалъ старикъ опять по дрова. Попадается опять ему та же лиса и говоритъ: „ты хоть бы мнѣ, старикъ, за труды привезъ пироговъ да курочекъ“. Старикъ сказалъ:

„дожидайся здѣсь, я теперь же поѣду и привезу тебѣ“. Поѣхалъ и наклалъ въ мѣшокъ борзыхъ собакъ и пріѣхалъ въ лѣсъ къ лисѣ. „Спасиба, лиса, тебѣ за то, что ты помогла мнѣ изрубить медвѣдя, и я за твою услугу привезъ тебѣ куриць. На, развязывай сама мѣшокъ“. Лиса обрадовалась и начала зубами развязывать. И только успѣла развязать, выбѣгаютъ изъ него борзыя собаки и бросились за лисой. Но она успѣла влесть на дерево и начала спрашивать: „глазынки мои, что вы дѣлали, какъ я бѣжала?“ Глаза сказали: „что мы искали, глядѣли мѣсто, куда бы тебѣ убѣжать“. Стала спрашивать ногъ: „ноженьки, а вы что дѣлали?“—„Мы торопились, чтобы тебѣ скорѣе убѣжать“. Стала спрашивать хвостъ: „ты, хвостъ, что дѣлалъ?“—„Я переплеталъ ноги, чтобы ты упала и тебя загрызли собаки“. Лиса осердилась, спустила съ дерева хвостъ и сказала: „собаки борзыя, съѣшьте мой хвостъ“. Собаки подбѣжали, за хвостъ стащили лису и отнесли старику. Старикъ обрадовался и везетъ домой. Старуха увидѣла изъ окошка и бѣжитъ къ нему навстрѣчу и говоритъ: „вотъ тебѣ спасиба, сторикъ, догадался, что у меня шуба-та медвѣжья, а воротника-та нѣтъ“. Пришила къ шубѣ воротникъ, и стали жить да быть да добра наживать.

Козмодемьянскій у., с. Чермышево. 1852 г.

---

153. [Не любо—не слушай].

Была у меня кобыла пѣга; на ней было семдесятъ семь пѣжинъ. Пошла она въ лѣсъ валяться. Присталъ къ спинѣ жолудь. Этотъ жолудь разросся, доросъ до неба, сучистый! Я полѣзъ по нему. Лѣзъ, лѣзъ, долѣзъ и вижу: въ небѣ дыра, у дыры скоба. Схватился за скобу и махить туда. Тамъ была скотина дешева. У меня было 15 копѣекъ денегъ; я купилъ сто головъ быковъ, мясо продалъ святымъ, а кожу изрѣзалъ на ремни. Подхожу къ дырѣ, а кобыла ушла — слѣзь нельзя. Думалъ, думалъ, привязалъ ремень къ скобѣ и началъ спускаться по-ослиному. Спустился,— два ремня не достаютъ. Идетъ баба за водой, [illegible] —то поймалъ, да навиваю. Мужикъ вѣетъ овесъ, а шелуха

летитъ вверхъ: я ловлю да навиваю. Вдругъ бабій [illegible] порвался: я упалъ въ болото, увязъ по самую пазуху. Прилетѣла утка, гнѣздо свила, яица снесла. Идетъ волкъ яица ѣсь. Я схватилъ за его хвостъ, онъ меня и выволокъ. Ѣсь хочу, а нечего. Вижу — рѣчка не мелка, ни глубока: воробью по колѣнки, а перетти негдѣ. Я былъ догадливъ: нарѣзалъ прутьевъ, накидалъ и перешелъ. Вижу горѣлое дупло; въ дуплѣ жарены перепелки кричатъ. Я подошелъ. Совъ руку — не лѣзетъ. Я догадливъ былъ: разрѣзалъ да самъ ввалился. Напился, наѣлся, а вытти-то не могу. Побѣжалъ домой за топоромъ, взялъ топоръ, разрубилъ дупло, и вылѣзъ!

г. Лаишевъ. 1883 г.

---

154. [Варіантъ].

Обулъ топоръ на босу ногу, лапти за поясъ, пошелъ мимо лыкъ горы драть, липовы да еловы, съ которыхъ лыки сымаются. Пошелъ дальше и вижу, будто на трехъ уточкахъ озеро плаваетъ. Взялъ три палочки. Перву кинулъ — не докинулъ. Втору кинулъ — не докинулъ. Третью кинулъ— попалъ, да мимо. Мясо-то осталось, а пухъ весь улетѣлъ. Иду дальше и вижу: въ осиновомъ дубу жарены галчаты сидятъ. Я залѣзъ и съѣлъ всѣхъ и растолстѣлъ. Руку сунулъ — не просунулъ; ногу сунулъ — не просунулъ. Пошелъ за топоромъ да вырубился.

г. Лаишевъ. 1883 г.

---

155. О священникѣ.

Вотъ, видишъ ли, скажу тваёй милости. Былъ адинъ священникъ бяднѣющій, пребяднѣющій. Приходъ ли у нево былъ больна малый, али, какъ сказать тебѣ, правду молвить, не знаю, што иное, толька, слышъ, всё молился Богу, ка-бы, знашъ, въ дастаткѣ-та быть, пасправнея. Вотъ онъ всё малился ды малился, день и ночь, знашъ, всё малился и Николу Миласливава прасилъ, знашъ, всё, ка-бы спра-

виться. Анъ-нѣтъ, лихъ! Не даётъ Бохъ ему, слышъ, счастья. Вотъ онъ пашолъ изъ дому, слышъ, куды глаза глядятъ. Вотъ шолъ, шолъ, всё шолъ, слышъ, и увидалъ онъ возля дароги, сидятъ двоя съ сумками, знашъ, какъ и онъ, пѣшіе. Ну, знашъ, присѣли атдахнуть. Адинъ-атъ, видишъ, малодинькай съ бароткай, а другой-ятъ сѣдинькай старичокъ. Знашъ, адинъ-атъ былъ самъ Христосъ, а другой-ятъ, слышъ, Никола Милосливай. Вотъ онъ абрадавался, патшолъ къ нимъ. Патшолъ и гаваритъ имъ: „ну, слышъ, братцы! Вы, какъ и я же, пѣшкомъ идёте. Кто вы, дискáть, таковы?“ Ани, знашъ, ему сказали: „мы, слышъ, ворожецы, знахари, знашъ, варажить умѣимъ и лѣчимъ“.—„Ну, слышъ, незля ли взять, слышъ, вамъ меня съ сабой?“—„Пайдемъ, слышъ, ему гаварятъ, толька матряй, слышъ, всё пóровну дѣлить“.—Знáма дѣла, што пóровну“. Вотъ эвтимъ дѣламъта и пашли ани всё, слышъ, троя вмѣсти. Вотъ шли, шли они, шли, шли, устали и зашли, слышъ, начавать въ избушку. Попъ-атъ, слышъ, всё у себя съ вечеру съѣлъ, што, знашъ, была у нево съѣснова. А у Христа-та, слышъ, съ Николай Милосливымъ была адна лишъ прасвирочка и ту, слышъ, палажили ани на полочку у образовъ да другова дни. Наутро попъ, слышъ, всталъ, захатѣлась ему ѣсть, онъ взялъ украткой ту прасвирочку и съѣлъ, слышъ, её. Христосъ-атъ, слышъ, схватился прасвирочки, анъ-лихъ, ея нѣтъ! „Кто, слышъ, маю прасвирочку съѣлъ“, гаваритъ папу. Онъ, слышъ, заперся, не сказалъ,—„знать, слышъ, не знаю, я не ѣлъ её“. Вотъ такъ таму дѣлу и быть. Встали, вышли изъ избушки и пашли апять. Вотъ ани шли, шли и пришли, слышъ, въ адинъ горатъ. Вотъ малодинькай-ятъ съ бароткой, знахарь, знашъ, Христосъ-атъ и гаваритъ: „въ эвтомъ городý у багатава-де барина есть, слышъ, бальнáя дочь; нихто, слышъ, не смохъ её излѣчить, айда-те-ка мы къ нему“. Вотъ пришли ани къ таму, слышъ, барину, стали стучаться у нево подъ акномъ. „Пусти-ка насъ. Мы, слышъ, вылечимъ тваю дочь“. Вотъ пустили, слышъ, ихъ. Далъ имъ тотъ баринъ дочь свою, знашъ, лѣчить. Вотъ ани взяли, слышъ, её и павели въ баню. Павели въ баню, и вотъ Христосъ-атъ всеё её разрѣзалъ на части. Разрѣзалъ на части её, ана, слышъ, и не слыхала, и не плакала, и не кричала. Вотъ взялъ её, слышъ, всеё навсеё перемылъ въ

трехъ вадахъ. Перемылъ въ трехъ вадахъ и слажилъ её всеё, слышъ, вмѣсти па-прежняму, какъ, знашъ, была. Слажилъ вмѣсти и спрыснулъ разъ — ана, слышъ, сраслась; спрыснулъ въ другой — ана, слышъ, пашевелилась; спрыснулъ въ третій — ана, слышъ, встала. Вотъ привели её, знашъ, къ атцу. Привели къ атцу, ана, знашъ, и гаваритъ: „я, слышъ, ва всёмъ здарова папрежнему“. Вотъ баринъ тотъ ихъ вдоволь, слышъ, всѣмъ сыто-насыто накармилъ и напаилъ. Попъ, знашъ, ѣлъ, ѣлъ, насилу всталъ, слышъ, съ мѣста, а тѣ, знашъ, Христосъ-атъ ды Никола Миласливый немношка закусили, слышъ, и сыты. Вотъ пасля́ баринъ-атъ, слышъ, аткрылъ имъ сундукъ съ деньгами. „Ну, слышъ, берите, сколько, слышъ, душѣ вашей угодна“. Вотъ, знашъ, Христосъ взялъ горсточку ды Никóла Милосливай другую, а попъ началъ, слышъ, савать вездѣ себѣ: и въ карманы, слышъ, и за пазухи, и въ суму, и въ сапоги — и́льно вездѣ было поланъ. Вотъ эвтимъ дѣломъ-та пашли ани апять въ дарогу. Шли, шли, слышъ, и пришли къ рѣчки. Христосъ-атъ съ Никóлай Милосливымъ, знашъ, разомъ перешли легохонько, а попъ-атъ съ деньгами шолъ, шолъ, знашъ, па вадѣ-та и началъ было тануть. Вотъ, слышъ, съ другова-та берегу Христосъ-атъ съ Никóлай Милосливымъ кричатъ ему: „знашъ, брось, брось деньги, брось, слышъ, деньги, а то утонишъ“. — „Нѣтъ, слы́шъ, хоть утану́, не брошу ихъ“. — „Брось, брось, слышъ, а-то умрёшъ, слышъ, захлебнёшся“. — „Нѣтъ, слышъ, умру, не брошу, знашъ“, имъ говоритъ и каё какъ перебрёлъ и онъ, слышъ, съ деньгами-та чрезъ рѣчку. Перебрёлъ, вотъ и сѣли всѣ троя, слышъ, на бережокъ. Сѣли, вотъ Христосъ-атъ, слышъ, и говоритъ папу: „давай, слышъ, деньги-та дѣлить?“ А попъ-атъ, знашъ, не даётъ. „Эвто маи, слышъ, деньги. Вы што, слышъ, не брали себѣ больше, я, слышъ, чуть была не утанулъ съ ними, а вы гаварили, слышъ, брось ихъ“. — „А угаворъ-атъ, знашъ, сказалъ Христосъ, вить лутча денихъ“. Вотъ попъ-атъ сталъ, слышъ, выкладывать сваи деньги всѣ въ кучу, и Христосъ, знашъ, съ Николай Миласливымъ слажили сваи туды жа. Вотъ эвтимъ дѣломъ-та Христосъ, знашъ, сталъ дѣлить деньги и класть на четыре кучки, знашъ, на четыре доли. Попъ-атъ, слышъ, гаваритъ: „насъ-де троя, каму, слышъ, кладешъ ты ищо

четвертую долю“ — „Четвертая доля, слышъ, таму, знашъ, гаваритъ Христосъ, кто маю прасвирачку съѣлъ“. — „Я, слышъ её съѣлъ“, патхватилъ попъ. Вотъ Христосъ-атъ съ Никóлай Милосливымъ, знашъ, усмѣхнулись.—„Ну, коли ты мою прасвирачку съѣлъ, такъ вотъ тебѣ эвти двѣ кучки денихъ! Ды вотъ и маю, слышъ, возьми себѣ же, гаваритъ Христосъ“.—„И маю, слышъ, кучку вазьми себѣ“, гаваритъ Никола Милосливай. „Ну, таперь у тебя, слышъ, многа денихъ! Ступай, слышъ, дамой, а мы пайдемъ, слышъ, адни“. Вотъ попъ-атъ, взялъ, слышъ, всѣ деньги и пашолъ, слышъ, адинъ. Пашолъ, знашъ, и думаитъ: „чѣмъ, дискать, мнѣ дамой итти, лутча я пайду адинъ, слышъ, лѣчить: я таперь сумѣю; виделъ, какъ, слышъ, лѣчутъ“. Вотъ онъ шолъ, шолъ, пришолъ, слышъ, въ горотъ и просится къ аднаму багатаму купцу,—знашъ, узналъ, што у нево есть дочь бальнáя и нихто её не могъ, знашъ, излѣчить. Вотъ и просится къ нему. „Пустите меня, слышъ, я вашу бальную дочь вылѣчу“. Вотъ, слышъ, пустили ево. Онъ, знашъ, увѣрилъ ихъ, што вылѣчитъ. Ну, слышъ, хорошо. Такъ таму дѣлу и быть: вылѣчитъ, такъ вылѣчитъ. Вотъ выпрасилъ онъ балшой ношъ вострай и павёлъ бальнýю въ баню и началъ, слышъ, её рѣзать на части, знашъ, видѣлъ, какъ Христосъ-атъ рѣзалъ. Толька ну-ка кричать эвта бальнáя. Кричала, кричала, што ни есть мочи. „Не кричи, слышъ, не кричи, будишъ здарова“. Вотъ изрѣзалъ её, слышъ, замертво на части и началъ, слышъ, её перемывать въ трехъ вадахъ. Перемылъ, знашъ, началъ складывать опять, знашъ, какъ была, папрежнему, анъ—лихъ, ана не складывается папрежняму-та. Вотъ онъ мучился, мучился надъ нею, каё-какъ слажилъ. Слажилъ, слышъ, и спрыснулъ разъ, анъ, слышъ, ана не срастается; спрыснулъ въ другой—толку нѣтъ; спрыснулъ въ третій—всё, знашъ, безъ толку. „Ну, слышъ, бѣда мая, прапалъ я таперь! Угажу, слышъ, на висилицу, либа, матряй, въ Сибирь въ катаргу. Господи, памаги мнѣ и ты, Никола Милосливый!“ Началъ, слышъ, плакать и малиться Богу и Николѣ Милосливаму, штопъ, знашъ, паслалъ ему опять тѣхъ знахарей. Вотъ, знашъ, видитъ въ акошко, што идутъ къ нему въ баню тѣ знахари, малодинькой съ бароткай и сѣдинькай старичокъ. Вотъ какъ, слышъ, абрадавался имъ! Бухъ имъ въ

ноги: „батюшки маи, будьте атцы радные! Вотъ я по вашему, слышъ, взялся лѣчить, ды не выходитъ“. А эвти знахари, знашъ, апять были Христосъ и Никола Милосливай. Взашли, знашъ, и усмѣхнулись. Усмѣхнулись, знашъ, и гаварятъ: „ты, слышъ, бóльна скора выучился лѣчить-та“. Вотъ, знашъ, Христосъ-атъ взялъ всю её по частямъ перемылъ; перемылъ ды и слажилъ. Слажилъ, знашъ, папрежнему, какъ была, и спрыснулъ разъ — ана сраслась; спрыснулъ въ другой—ана, знашъ, пашевелилась; спрыснулъ въ третій—ана, слышъ, встала. Вотъ попъ-атъ, знашъ, перекрестился. Ну, слышъ, слава тебѣ, Господи, ужъ вотъ какъ ратъ, сказать нельзя! „Вазьми, слышъ, знашъ, сказалъ Христосъ, и атведи её таперь къ атцу. Ды матряй, больше не лѣчи, крѣпко-накрѣпко наказалъ ему, а не то, слышъ, пропадешъ“. Вотъ знахари тѣ, знашъ, Христосъ-атъ и Никола Миласливый пашли са двара, а попъ-атъ привелъ её, слышъ, къ атцу. „Вотъ, слышъ, я её излѣчилъ“. Дочь, знашъ, сказала атцу, што ана здарова таперь папрежнему. Купецъ ну-ка ево паить, кармить, уговаривать штопъ астался онъ, слышъ, у нево. „Нѣтъ, слышъ, не останусь!“ Вотъ онъ ему, слышъ, денихъ далъ вдоволь, лошать съ павоскай, и попъ ушъ прямо паѣхалъ дамой и палажилъ зарокъ, што лѣчить таперь не станитъ.

Чистопольскій у. (Рукоп. 50-хъ годовъ).

---

156. Баринъ и кучеръ.

Поѣхалъ баринъ съ кучеромъ въ гости къ свому тестю. Кучеръ взялъ съ собой калачъ, а баринъ ничего не взялъ. Вотъ они ѣдутъ. Навстрѣчу имъ попался мужикъ. Они его и спрашиваютъ: „далеко-ли до города?“ Онъ и говоритъ: „если тихо поѣдете, то сегодня доѣдите, а если шибко—не доѣдите“.—Айда, гоняй скорѣй, нечего дурака слушать“, говоритъ баринъ. Вотъ они гнали, гнали лошадей, лошади-то и устали и довелось имъ ночевать въ полѣ. Выпрягли они лошадей. Баринъ легъ спать, а самъ не спитъ, потому ѣсть хочетъ. А Афонька—кучеръ взялъ калачъ, обернулъ сѣномъ и ѣстъ. „Ты чево ѣшь“? спраши-

ваетъ баринъ.—„Сѣно“, говоритъ кучеръ.—„Дай-ка мнѣ“.—„Изволь“. Баринъ взялъ сѣно и говоритъ: „э, мужицкое брюхо! правду говорятъ, что мякиной набито“.—Вотъ поѣхали они дальше. Навстрѣчу имъ попался еще мужикъ. Они его и спрашиваютъ: „далеко-ли до города“?—Онъ имъ и говоритъ: „если тихо поѣдете, то доѣдете; а шибко—не доѣдете“.—„Вотъ дуракъ, мужикъ—гоняй“, говоритъ баринъ. На другую ночь они опять ночевали въ дорогѣ. Остановились у старухи, она и накормила ихъ киселемъ.—„Э, какой сладкій, говоритъ баринъ съ голодухи, эй, Афонька, говори всю дорогу: кисель“.—„Гдѣ, баринъ, мнѣ говорить: мое дѣло тпру да но, ты ужъ самъ говори“. Баринъ и тростилъ всю дорогу: кисель, кисель, да и забылъ.—„Ахъ, Афонька, забылъ!“ кричитъ баринъ. Кучеръ намѣсто отвѣта и кричитъ: „баринъ, волкъ!“—„Гдѣ?—„Вотъ тутъ около дороги“.—„Чево будемъ мы дѣлать“?—„Лай, баринъ, по-собачьи“.—„Я не умѣю“. Кучеръ ему показалъ да и говоритъ: „ты кричи шибче“. Баринъ кричалъ, кричалъ да и попалъ въ тину. Сталъ кучеръ вытаскивать барина и говоритъ: „тина-то какая, ровно кисель“.—„Вспомнилъ теперь, закричалъ баринъ, никогда не забуду. А пріѣдемъ мы въ городъ, я буду тамъ говорить: „тюкъ-тюрюкъ“, это значитъ, я ѣсть хочу“.—„Ладно“, говоритъ кучеръ. Вотъ и пріѣхали къ тестю. Баринъ и говоритъ: „тюкъ-тюрюкъ“. А тесть и спрашиватъ: „чево это онъ хочетъ“?—„Баню пужно ему истопить, да пожарче“. Барина выпарили въ банѣ: онъ опять кричитъ: „тюкъ-тюрюкъ“.—„Чево ему надо“? спрашиватъ тесть.—„Пить хочетъ“, говоритъ кучеръ. Баринъ опять: „тюкъ-тюрюкъ“.—„Баринъ спать хочетъ“, говоритъ кучеръ. Ево и уложили спать. Баринъ опять: „тюкъ-тюрюкъ“.—„Баринъ гулять хочетъ“, говоритъ кучеръ. Одѣли барина и повели гулять. Зашелъ баринъ въ кусты и поманилъ за собой Афоньку: „рази я тебѣ такъ говорилъ“, спрашиватъ онъ.—„Я, баринъ, забылъ“.—„Ну такъ помни: коли скажу—„тюкъ-тюрюкъ“—значитъ, ѣсть хочу“.—„Хорошо“. Выходитъ баринъ на дорогу и говоритъ: „тюкъ-тюрюкъ“.—„Чево ему надо?“ спрашиватъ тесть.—„Онъ велитъ меня накормить“. Осерчалъ баринъ и крикнулъ: „врешь ты, я самъ ѣсть хочу“. Тутъ только барина и покормили.

Чистопольскій у., с. Изгары. 1875 г.

Нижегородская губернія.

155.а Лошадиная голова.

Жилъ старикъ со старухой. Онъ былъ женатъ на другой женѣ. И была у него дочка отъ первой жены; у старухи тоже была дочка. Вотъ одноважды и говоритъ старуха старику: „отвези свою дочь въ лѣсъ: у насъ на нее много хлѣба идетъ“. Старикъ послушался и отвезъ. Вотъ идетъ дѣвка лѣсомъ и подходитъ къ избушкѣ.—„Избушка, избушка, повернись къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ“. Избушка повернулась. У порога лежитъ лошадиная голова и говоритъ: „отвори, дѣвка, дверь“. Дѣвушка отворила.—„Посади меня въ избу“. Дѣвка посадила—„Посади на лавку“. Дѣвка посадила.—„Накорми меня“. — „Да гдѣ у тебя ѣжа?“ спросила дѣвка.—„Въ печи“, говоритъ лошадиная голова. Дѣвка достала ѣжу и накормила лошадиную голову.—„Теперь сказывай мнѣ, дѣвка, сказки“. Дѣвка сказала. „Теперь полѣзай ко мнѣ въ лѣвое ухо и вылѣзай въ правое“. Дѣвка влѣзла въ лѣвое и вылѣзла въ правое и стала царицей. Явились кони съ бархатной каретой и увезли ее въ царевъ городъ. Мачиха узнала ее да и говоритъ: „я тебя, дочка, любила, вотъ ты и стала царицей“. Опосля говоритъ старику: „вези и мою дочь въ лѣсъ“. Вотъ онъ повезъ ее туда и оставилъ. Ждала, ждала дѣвка отца, не дождалась и приходитъ къ одной избѣ. Глядитъ: у порога лежитъ лошадья голова и говоритъ: „дѣвка, дѣвка, пересади меня черезъ порогъ“.—„Сама не барыня, говоритъ дѣвка, перелѣзешь“. Голова перелѣзла.—„Дѣвка, дѣвка, пересади меня на лавку“.—„Сама не барыня, пересядешь“. Голова сѣла.—„Дѣвка, дѣвка, накорми меня“.—„Сама не барыня, поѣшь“. Голова поѣла.—„Дѣвка, дѣвка, скажи мнѣ сказку“. — „И такъ обойдешься“.—„Дѣвка, полѣзай ко мнѣ въ правое ухо и вылѣзай въ лѣвое“. Дѣвка такъ и сдѣлала и стала она черной цыганкой. Пріѣхалъ отецъ за ней, взялъ ее и привезъ домой. Такъ эвта дѣвка и осталась черной цыганкой.

Балахнинскій у. Зап. отъ крестьянки Александры Герасимовой. 1874 г.

156.а Воры-разбойники.

Жили-были старикъ со старухой, и была у нихъ дочь. Вотъ они одинъ разъ поѣхали на праздникъ въ другую

деревню, а дома оставили дочь. Вдругъ, откуда ни возьмись, пріѣхали воры-разбойники, выставили окно, и одинъ сталъ лѣзть въ избу. Дѣвка сняла со стѣны саблю и срубила ему голову и кричитъ изъ избы: „полѣзь кто другой, и ему тоже будетъ“. Видятъ воры—дѣло плохо, и уѣхали домой. Опослѣ недѣлю, другую спустя, пріѣзжаютъ изъ другой деревни къ старику со старухой сваты дочь за парня взять. Покалякали и согласились. Справили сватьбу, и ѣдетъ старикова дочь съ мужемъ къ нему въ домъ. Ну, вотъ пріѣхали, вошла она въ избу и обомлѣла: коему она голову-то отрубила, сидитъ на лавкѣ съ вощаной головой. И говоритъ ей мужъ: „и тебѣ тоже будетъ“. Малость погодя, собрались всѣ парни на разбой, а мужъ потихоньку и сказалъ своей старухѣ: „ты безъ насъ скипяти котелъ воды и свари мою жену въ эвтомъ котлѣ и зарой: она мово брательника убила“. Услыхала эвто старикова дочь и не знатъ, что со страху дѣлать. И проситъ старуху: „бабушка, мила моя, не губи меня!“—„Мнѣ жаль тея, моя краля, да я сама боюсь ихъ“. А старикова дочь все проситъ.—„Ну, такъ и быть, говоритъ старуха, бѣги домой, и я убѣгу“. Вотъ они и побѣжали: старикова дочь въ лѣсъ, а старуха—куда глаза гядятъ. Только идетъ старикова дочь лѣсомъ и слышитъ, разбойники свистятъ и гайкаютъ. Она на березу и залѣзла. Побывали разбойники въ своемъ дому, не нашли въ емъ никово и поѣхали опять въ лѣсъ; увидали ту березу, гдѣ сидѣла старикова дочь, и говорятъ: „она здѣсь, давай, робята, стрѣлять“. И почали изъ ружей палить. Всѣ ноги изстрѣляли стариковой дочери, и кровь потекла по березѣ. Одинъ и говоритъ: „вонъ кровь течетъ“. — „Нѣтъ, сказываютъ другіе, эвто сокъ дерева“. Бросили они стрѣлять и воротились домой. Сошла старикова дочь съ березы и побѣжала домой. Дома взяли ее и спрятали. Вотъ на другой день и пріѣхали разбойники за ней къ старику, а старикъ запасъ народу и всѣхъ разбойниковъ переловили. Опослѣ ихъ послали въ Сибирь, а старикъ со старухой и дочерью стали жить да поживать и добра наживать, а худо проживать.

Балахнинскій у., дер. Пасконіха. Зап. отъ крестьянки Матрены Ивановой. 1874 г.

157. Три сестры.

Жили-были три сестры, всѣ молодыя да хорошія; онѣ вышивали золотомъ. Вотъ одноважды онѣ и говорятъ промежъ себя. Перва говоритъ: „я бы пошла замужъ за царскова прислугу, втора—за его повора, а третья, младшая—за самово царя“. Услыхалъ эти рѣчи царской камердинъ и сказалъ царю. Вотъ царь взялъ и женился на третьей, а двухъ отдалъ: одну за свово слугу, а другу—за повора. Опослѣ поѣхалъ на войну. Черезъ годъ пріѣхалъ и видитъ, что ево жена родила яму котенка. А это старши сестры по зависти перемѣнили робенка и отдали его утопить, а царской слуга пожалѣлъ да отдалъ на прокормленье рыбаку, у коево дѣтей не было. Ну, вотъ ладно, котенка забросили. На другой годъ пріѣзжатъ царь съ войны и видитъ, что жена яму родила кутенка, ровно собака. Царь и эвтаго велѣлъ бросить да и пристрастилъ жену: ежели она родитъ ему еще каку дрянь, то засадитъ ее въ каменной столбъ. Второва-то сына сестры опять велѣли утопить, а царской слуга опять отдалъ рыбаку. На третій годъ опять родила царица кутенка (щенка). Она и не родила кутенка, да сестры такъ поддѣлали, а сына царской слуга опять отдалъ рыбаку. Вотъ царь и посадилъ жену въ каменной столбъ. Довго-ли, коротко-ли она въ емъ сидѣла, сыновья подросли, а старикъ сталъ помирать и говоритъ мальчикамъ: „не мое вы дѣти, а царски“. Съ тѣмъ и померъ. Вотъ пошли они во царевъ домъ, а тамъ пиръ и ради пиру царь и ихну мать выпустилъ. И говоритъ одному царица: „дай мнѣ испить“. Онъ какъ сталъ подавать стаканъ квасу, она и увидала: у ево руки по локоть въ золотѣ. Тутъ скоро царь съ царицей признали своихъ дѣтей, взяли и къ себѣ во дворецъ, а сестеръ посадилъ въ столбъ намѣсто царицы, и стали жить да поживать.

Балахнинскій у., м. Жары. Зап. отъ крестьянина Александра Старикова. 1874 г.

---

158. Пѣтушокъ.

Жилъ-былъ одинъ хрестьянинъ, и былъ у ево чудно́й пѣтушокъ. Вотъ одноважды онъ и купилъ у свово барина

жерновки. Баринъ деньги то взялъ, а жернововъ не отдалъ. Прослышалъ про эвто пѣтушокъ и летитъ къ барину. Сѣлъ на заборъ и кричитъ: „кукореку, кукореку! баринъ, баринъ, отдай стариковы жерновки!“ Долго онъ кричалъ и надоѣлъ барину. Вотъ онъ велѣлъ его пымать и зарѣзать да сварить во щахъ. Ну, за обѣдомъ ево и смякалъ. Только малость посугодя, пѣтухъ и въ брюхѣ барина закричалъ: „кукуреку, кукуреку! баринъ, баринъ, отдай стариковы жерновки!“ да и вылетѣлъ. Видитъ баринъ—дѣло дрянь, велѣлъ пѣтушка пымать и опять ему смерть сдѣлать. Вотъ ево и бросили въ колодецъ утопить. А пѣтухъ кричитъ: „пей, мой задъ, воду!“ Стало сухо въ колодцѣ, онъ вылетѣлъ оттуда и опять сталъ донимать барина. Опять велѣлъ ево баринъ пымать и посадить на баню, а баню зажечь, чтобы пѣтухъ сгорѣлъ. Горитъ баня, а пѣтушокъ сидитъ на крышѣ и кричитъ: „задъ, лей воду!“ Огонь и залилъ и опять сталъ докучать барину. Видитъ баринъ—дѣло не минуче, и отдалъ хрестьянину жерновки. Съ эвтаго время пѣтушокъ и полно летать къ ему.

Балахнинскій у., дер. Никольское. Зап. отъ крестьянина Егора Иванова. 1874 г.

---

159. Желѣзный воръ.

Жили-были царь съ царицей, и былъ у нихъ сынъ, Иванъ-царевичъ. Вотъ одинъ разъ царь съ царицею и стали собираться на ярморку. И говоритъ имъ сынъ: „купи мнѣ, тятенька, яблоню съ золотыми яблоками“. — „Хорошо, сынокъ, куплю“, сказалъ отецъ и поѣхалъ съ царицей на базаръ. Долго-ли, коротко-ли царь съ царицей ѣздили и искали яблоню съ золотыми яблоками, только купили ее и привезли домой. Поставилъ Иванъ-царевичъ яблоню въ своей избѣ и любо ему. Только вдругъ сталъ день за днемъ замѣчать, что яблоки кто-то воруетъ. Вотъ и началъ онъ подкарауливать и поймалъ желѣзнаго вора. А онъ былъ тоже царь. Узналъ отецъ Ивана-царевича, что воръ нашелся и велѣлъ ево засадить въ каменной столбъ, а ключъ отдалъ царицѣ. Только одноважды и ходитъ Иванъ-царевичъ около столба и говоритъ ему желѣзной воръ: „выпу-

сти меня: я тебѣ пригожусь".—„Да какъ я тебя выпущу?"—„Возьми ключъ у матери".—„Она не дастъ".—„А ты скажи, чтобы она поискала у тебя въ головѣ, тутъ-то тихонько и вынь у ней ключъ". Иванъ-царевечъ такъ и сдѣлалъ и выпустилъ вора, а ключъ опять тихонько положилъ матери въ карманъ. Пріѣхалъ царь съ войны, узналъ, что вора выпустили, и сталъ приступать къ царицѣ, какъ эвто оно могла сдѣлать. А сынъ и говоритъ: „эвто я, тятенька, выпустилъ". Вотъ царь его и выгналъ съ дядькой изъ дому. Идутъ они путемъ-дорогою, и говоритъ дядька царевичу: „сними свою одёжу и дай мнѣ, а я тѣ дамъ свою, чтобы мнѣ объявиться царскимъ сыномъ, а если ты не сдѣлашь такъ, то я тѣ убью". Согласился Иванъ-царевичъ и отдалъ свою одёжу. Пришли они въ другое царство. Дядька пошелъ въ царски покои, а Иванъ-царевичъ въ кухню. И сказалъ про себя дядька, что его отецъ-царь выгналъ изъ дому за то, что выпустилъ желѣзнова вора. Тутъ они разговорились о лошадяхъ. Царь и говоритъ: „мое лошади осопатѣли, не знаю, чѣмъ лѣчить".—„Мой слуга, говоритъ дядька, коновалъ, онъ вылѣчитъ". Царь и велѣлъ ему лѣчить. Иванъ-царевичъ боялся, что ево убьетъ дядька, взялъ лошадей, вывелъ ихъ въ поле и сталъ кликать желѣзнова вора. Явился тотъ и говоритъ: „подь въ лѣсъ, увидишь тамъ большой камень и открой ево; тамъ увидишь моихъ сестеръ, и они тебя выучатъ, какъ вылѣчить лошадей". Вотъ нашелъ онъ сестеръ желѣзнаго вора. Она пошла лѣчить лошадей, а двѣ одѣли Ивана-царевича въ царскую одёжу, а тутъ и желѣзный воръ подоспѣлъ. И всѣ вмѣстѣ поѣхали въ гости къ царю. Царь удивился, что пріѣхалъ царевичъ съ воромъ и говоритъ: „а эвто хто?" и указалъ на дядьку. А Иванъ-царевичъ и сказалъ: „эвто мой слуга". Тогда выгнали дядьку въ кухню и стали пировать. Опосля царь отдалъ за Ивана-царевича свою дочь, далъ въ приданое полцарства, и всѣ отправились въ гости къ отцу Ивана-царевича. Царь простилъ сына, помирился съ желѣзнымъ воромъ и задали пиръ на весь честной хрестьянской міръ. И я тамъ былъ, медъ-сахаръ пилъ, по усамъ текло, да въ ротъ не кануло.

Балахнинскій у., с. Вершилово. Зап. отъ крестьянина Гаврила Иванова. 1874 г.

160. Три солдата.

Жили-были царь съ царицей, и были у нихъ три дочери. Вотъ одинъ разъ эвтихъ дочерей и унесло вихремъ. И сдѣлалъ царь кличъ: кто его дочерей найдетъ и приведетъ домой, за того онъ отдастъ ихъ замужъ. Послѣ эвтаго клича явились къ царю три солдата и говорятъ: „мы можемъ ихъ отыскать“. — „Ну, такъ идите, говоритъ царь, и получите отъ меня награду“. Солдаты и пошли. Шли они долго-ли, коротко-ли, пришли въ лѣсъ и увидали въ лѣсу большой домъ. Вошли на дворъ, а тамъ скотины видимо-невидимо. Солдаты проголодались, зарѣзали утку, гуся и барана, сварили ихъ, вошли въ избу и стали ѣсть. Поѣли, отдохнули. Одинъ изъ нихъ пошустрѣй другихъ былъ, и говоритъ товарищамъ: „вотъ што, братцы, надо дорогу искать, а сидѣть намъ тутъ не приходится“. Всѣ согласились, онъ и пошелъ съ другимъ искать дорогу. Малость спустя, идетъ мужичекъ съ ноготокъ, хозяинъ эвтаго дома, и кричитъ: „солдатъ, отвори дверь!“ Солдатъ отворилъ. — „Пересади меня“. Солдатъ пересадилъ, — „Покорми меня“. Солдатъ покормилъ. Взялъ мужичекъ съ ноготокъ и сунулъ солдата подъ лавку, такъ што вылѣзть ему нельзя. Приходятъ другіе солдаты, и какъ увидали солдата подъ лавкой и ахнули. „Ну, говоритъ храбрый солдатъ, я съ нимъ поправлюсь: вы идите искать дорогу, а я останусь“. Тѣ ушли, а храбрый сидитъ себѣ подъ окномъ и трубочку покуриватъ. И идетъ мужичекъ съ ноготокъ. „Пересади меня, солдатъ, черезъ порогъ“, кричитъ онъ.—„Самъ не баринъ, перелѣзешь“, говоритъ солдатъ. Онъ перелѣзъ. — „Солдатъ, посади меня на лавку“.—„Самъ не баринъ, перелѣзешь черезъ пень да и влѣзешь“. Мужичекъ влѣзъ. „Солдатъ, покорми меня!“— „Самъ не баринъ, поѣшь“. Вотъ мужичекъ нагнулся къ печкѣ, чтобы ѣжу достать, а солдатъ его и хватилъ топоромъ по спинѣ и разсѣкъ ее. Заревѣлъ мужичекъ, чтобы лягушки и змѣи шли къ ему. Они и пришли, запряглись въ телѣжку и увезли мужичка. Пришли солдаты, перерѣзали всю скотину, сдѣлали длинную ременную веревку изъ кожи и пошли дальше. Вотъ и пришлось имъ придти

къ большому двору, огороженному высокимъ каменнымъ заборомъ, а на томъ дворѣ стоятъ три дворца: мѣдный, серебряный и золотой. Перелѣзли солдаты черезъ заборъ и разошлись по угламъ; сѣли подъ деревья и начали играть на гармонику — таково хорошо. Вышли на дворъ три змѣя горыныча съ царевнами, коихъ они унесли у царя, послушать музыки и спрашиваютъ храброва солдата: „какъ ты сюда попалъ?“ — „Поиграть захотѣлось въ вашемъ саду, я и перелѣзъ съ товарищами черезъ заборъ“.—„Мучить васъ надо, али убить, штобы по чужимъ не лазили“.—„Нѣтъ, ты лучше позволь, говоритъ одному змѣю храброй солдатъ, мы тебѣ дворъ выметемъ и диковинку покажемъ“. — „Ну, метите, а если надуете, то не сносить вамъ головы“. Принялись солдаты мести садъ, вырыли три ямы, разложили въ нихъ огонь и говорятъ царямъ-змѣямъ: „у васъ изъ земли-то огонь идетъ“. Пошли они смотрѣть, ихъ солдаты столкнули и сожгли, а сами взяли царевенъ, обкатили вокругъ домовъ яичко: домовъ какъ будто не бывало; положили яичко въ карманъ и пошли домой. Дорогой пришлось влѣзать на высокую гору. Вотъ храброй влѣзъ, царевенъ поднялъ и товарищей обрѣзалъ на ремнѣ; они упали и убились. Пришли четверо въ царство, покатили около царева дома яичко, и явились спротивъ царя три дома: мѣдной, серебряной и золотой. Наутрѣ всталъ царь и дивится, хто ихъ построилъ. А какъ узналъ, хто эвто былъ, пошелъ съ царицей въ гости къ имъ; въ тотъ же день отдалъ Марью-царевну замужъ за солдата и сдѣлалъ честной пиръ на славу всему міру. И стали всѣ они съ той поры жить, поживать и добра наживать.

Балахнинскій у., дер. Шерьино. Зап. отъ крестьянина Ивана Иванова. 1874 г.

161. Старикъ и старуха.

Жилъ-былъ старикъ со старухой. Старуха-то мужа не любила. Старуха-то и говоритъ старику: „поди, мужъ, за моря по новы лѣкаря“. Старикъ и говоритъ: „да какъ я пойду?“—„Да я тебѣ лепешекъ напеку да квасу буракъ

налью“.—„Ну, говоритъ старикъ, пойду, какъ нибудь найду“. Сталъ старикъ собираться, вышелъ за вороты, а старуха-то и начала плясать. — „Ну, обманула я тебя, старый чертъ: лѣкарей-то, умрешь, не найдешь“. Купила она вина, послала за попомъ. Попъ пришелъ и принялись они плясать и пѣть пѣсни. Старикъ идетъ по дорогѣ и встрѣчаетъ знакомова чевёка Степана. — „Здорово, Степанъ!“ — „Здорово, Герасимъ“. — „Куды идешь?“ — „За моря по новы лѣкаря“. — „Хто у тея хворатъ?“ — „Старуха“. — „Я мимо шелъ: она съ попомъ пѣсни поетъ да пляшетъ“.—„Что ты съ ума-то сходишь: она насилу ноги таскатъ“. — „А пойдемъ-ка, я тебѣ покажу“. — „А какъ ты мнѣ покажешь“. — „Давай-ка, я тебя въ солому заверну да и попрошу къ ней на начевую“. — „Ну, заверни“. — Вотъ завернулъ Степанъ старика въ солому, положилъ его къ себѣ на плечи и пошелъ, И стучитъ къ старухѣ: „стукъ, стукъ!“ — „Кто тутъ?“ — „Пусти ночевать“. — „Не будешь-ли воровать?“ — „Нѣтъ, только меня не тронь“. Вотъ она его и пустила.—„Что это у тея въ соломѣ?“ — „Песцеръ“. — „Положь ево на печь да и будь гость: садись въ передній уголъ“. — „Что мнѣ садится въ передній уголъ, я, чай, не знатный баринъ“. — „Садись да спой пѣсню“.—„Я не знаю“.—„Какую-нибудь“.— „Пожалуй, такъ и быть, спою про солому“. Вотъ онъ сѣлъ въ передній уголъ и запѣлъ:

Солома, солома, развернись,
Ты не знашь, что дома:
Виситъ безмѣнъ на стѣнѣ,—
Попа бить по спинѣ!

Солома развернулась, старикъ выскочилъ и началъ попа бить по спинѣ. Отколотилъ старикъ попа, выгналъ ево изъ избы и съ эвтой поры не сталъ вѣрить своей старухѣ ни въ чемъ. И стали они жить да поживать да добра наживать. Разскасчику сказку, а мнѣ кринку масла, тебѣ камешокъ, а мнѣ денежекъ мѣшокъ.

Балахнинскій у., дер. Вашеево. Зап. отъ крестьянина Ивана Иванова. 1874 г.

162. Домокъ.

Ѣхалъ мужикъ да корчажку уронилъ. Летитъ муха-бурчага и говоритъ:

„Чей это домокъ,
Чей это хорошъ,
Кто въ тебѣ живетъ?“

Никого нѣтъ. Вотъ она туда и влетѣла. Летитъ комаръ-пищага и говоритъ:

— „Чей это домокъ,
Чей это хорошъ,
Кто въ тебѣ живетъ?“
— „Я муха-бурчага;
А ты хто?“
— „Я комаръ-пищага“.
— „Полѣзай сюда“.

Идетъ заяцъ косой и говоритъ:

„Чей это домокъ,
Чей это хорошъ,
Кто въ тебѣ живетъ?“
— „Я муха-бурчага,
Да комаръ-пищага;
А ты хто?“
— „Я заяцъ косой“.
— „Полѣзай сюда“.

Заяцъ влѣзъ. Идетъ лиса красна и говоритъ:

— „Чей это домокъ,
Чей это хорошъ,
Кто въ тебѣ живетъ?“
— „Я муха-бурчага,
Да комаръ-пищага,
Да заяцъ косой;
А ты хто?“
— „Я лиса красна“.
— „Полѣзай къ намъ“.

Лиса и влѣзла. Идетъ волкъ изъ-за куста и говоритъ:

„Чей это домокъ,
Чей это хорошъ,
Хто въ дому живетъ?“

— „Я муха-бурчага,
Да комаръ-пищага,
Да заяцъ косой,
Да лиса красна;
А ты хто?“
— „Я волкъ изъ-за куста“.
— „Полѣзай къ намъ“.

Волкъ и влѣзъ. Идетъ медвѣдь и говоритъ:

„Чей это домокъ,
Чей это хорошъ,
Хто въ дому живетъ?“
— „Я муха-бурчага,
Да комаръ-пищага,
Да заяцъ косой,
Да лиса красна,
Да волкъ изъ-за куста;
А ты хто?“
— „Я медвѣдь“.
— „Ну, полѣзай къ намъ“.

Вотъ медвѣдь лѣзъ, лѣзъ, никакъ не могъ влѣзть и говоритъ: „я лучше у васъ на крышѣ поживу“.

— „Да ты насъ раздавишь“.

— „Нѣтъ, не раздавлю“.

— „Ну, полѣзай на крышу“.

Не успѣлъ медвѣдь сѣсть на крышу, какъ раздавилъ домокъ. Успѣли изъ него выбѣжать только лиса и заяцъ, а другихъ всѣхъ онъ задавилъ. Вотъ и сказки конецъ.

Балахнинскій у., село Гордѣевское. Зап. отъ крестьянина Ивана Петрова. 1874 г.

---

163. **Медвѣдь и лиса.**

Жили-были медвѣдь да лиса; а на подловкѣ у медвѣдя стояла кадка съ медомъ. Вотъ лиса и придумала надуть медвѣдя, чтобы медъ у нево съѣсть. Она ему и говоритъ: „я бабушка-повитуха, меня придутъ звать на повой, такъ постучатъ. А ты меня разбуди“. — „Хорошо, говоритъ онъ лисѣ, я тебя, кума, разбужу“. Ну, и легли они спать. Вотъ лиса и стучитъ хвостомъ объ стѣну. Услыхалъ медвѣдь и

говоритъ: „кума, вставай, тебя на повой зовутъ“. Встала лиса и ушла на подловку медъ ѣсть. Поѣла и идетъ домой. „Что Богъ далъ?“, спрашиваетъ медвѣдь.—„Начатышка“.—„Ну, слава Богу“. На другую ночь лиса опять стучитъ хвостомъ. „Вставай, кума, говоритъ медвѣдь, опять пришли за тобой на повой“.—„Сейчасъ, куманекъ, иду“. И ушла опять на подловку и съѣла тамъ весь медъ. Пріиходитъ (такъ) она домой, ее медвѣдь и спрашиваетъ: „что Богъ далъ?“—„Поскребышка“, отвѣтила лиса и легла спать. Пришло время, захворалъ медвѣдь и проситъ онъ лису: „принеси, кума, медку, я поѣмъ“. Пошла лиса и воротилась. — „Меду-то нѣтъ, кумонекъ“. — „Видно, ты его съѣла?“ — „Надо быть вороны растаскали, али ты самъ съѣлъ“.—„Нѣтъ, я не ѣлъ. Давай вотъ что сдѣламъ: затопимъ печь, скутамъ ее и влѣземъ туда. Изъ ково медъ потечетъ, тотъ и съѣлъ ево“.—„Ну, хорошо“, говоритъ лиса. Истопили они печь и влѣзли туда; ихъ тамъ пораспарило, медъ изъ лисы и потекъ. Видитъ лиса — дѣло плохо, и удирай изъ печи; а медвѣдь узналъ, что лиса съѣла медъ, и прогналъ ее въ лѣсъ. Съ этихъ поръ онъ и сталъ одинъ жить да поживать.

Балахнинскій у., дер. Родителево. Зап. отъ крестьянки Матрены Ивановой. 1874 г.

---

164. [На судѣ].

Мужикъ вывелъ на базаръ продавать быка. Подходитъ покупатель, сторговалъ у мужика быка, далъ задатку, указалъ, куда вести его, въ такой-то вотъ, дескать, домъ. Ведетъ мужикъ быка; попадается ему навстрѣчу еще купецъ: „мужикъ, продай быка“. — „Изволь, господинъ купецъ“. Сторговались, и этотъ далъ задатку, указалъ, куда вести: „я, говоритъ, сейчасъ приду“. Повелъ мужикъ быка дальше. Подходитъ третій покупатель, и съ этимъ мужикъ сторговался, взялъ и у этого задатокъ, ведетъ съ нимъ къ нему быка, а тутъ и прежніе двое покупателей подошли: тотъ тащитъ къ себѣ покупку, другой—къ себѣ... Дѣло добромъ не уладилось, пошли въ судъ. Покуда просители объясняли

судьѣ свое дѣло, мужикъ стоялъ въ прихожей. Къ нему выбѣгаетъ чиновникъ и говоритъ мужику: „если дашь мнѣ на чай, я тебя научу, какъ оправдаться. — „Сдѣлай Божескую милость, батюшка, будь отцомъ роднымъ—заплачу!“— „Идетъ. Что бы тебя не спросили, сперва отвѣчай „ну, такъ что?“ а потомъ—„вотъ еще!“—Позвали мужика предъ судью.— „Ты, мужикъ, вотъ этому купцу продалъ быка?“, спрашиваетъ судья. — „Ну, такъ что?“ говоритъ мужикъ. — „А деньги получилъ?“—„Вотъ еще!“—„А этому продавалъ?“— „Ну, такъ что?“ — „А деньги получалъ?“ — „Вотъ еще!“ — „Ну, и этому продавалъ?“ — „Ну, такъ что?“ — „А деньги получалъ?“ — „Вотъ еще!“ — „Да что ты сумасшедшій что-ли?“ — „Ну, такъ что?“ — „Пошелъ вонъ, вотъ я тебя въ кутузку запрячу!“ — „Вотъ еще!“ Только мужикъ за порогъ вышелъ, какъ чиновникъ догоняетъ его: — „давай, мужикъ, обѣщанное, ты обѣщалъ мнѣ на чай“. — „Ну, такъ что?“ — „Давай, братецъ!“ — „Вотъ еще!“ Такъ и отбился этимъ мужикъ.

Лукояновскій у. 1887 г.

Ярославская губернія.

165. Прибаутка.

Пришелъ старикъ къ бабѣ пообѣдать, а у нее мужъ-отъ жаравля убилъ; она этова жаравля и сварила въ кашѣ. Этой каши и положила старику-то, што просилъ пообѣдать, и мяса покрошила да и говоритъ: „што, дѣдушко, я загану тибѣ загадку—отгадаешь-ли?“—„Загадывай“, говоритъ старикъ.

Баба. „Што до тово Скурлыханъ Скурлыханычь по поднебесью леталъ, а нонче Скурлыханъ Скурлыханычь въ Печинскомъ, въ Черепинскомъ, подъ Сковородинскимъ?“

Старикъ отвѣчаетъ ей: „дай, голубушка, подумать“. Какъ баба вышла изъ избы, старикъ вынялъ изъ горшка жаравля-то да и положилъ ево въ свою суму, а въ горшокъ положилъ липовой отопокъ. Вотъ баба приходитъ въ избу, старикъ и говоритъ ей: „ну, голубушка, слушай, такъ ли́ я угадалъ: ты мнѣ сказывала, што Скурлыханъ Скурлыханычь прежде по поднебесью леталъ, а нынѣчь онъ въ Печинскомъ-Черепенскомъ, подъ Сковородинскимъ; а я такъ слышалъ, што онъ топерь живетъ въ Суминѣ-градѣ, а въ Печинскомъ-Черепинскомъ подъ Сковородинскимъ — Оплетало-ковыряло ужъ живетъ“.—„Нѣтъ, дѣдушко, не угадалъ“. Отобѣдавши, старикъ ушолъ. Приходитъ хозяинъ дому изъ лѣсу и проситъ у жоны йись; та и положила ему каши. Мужъ сталъ какъ хлебать да и поддѣлъ на лошку-то липовоё лыко и говоритъ жонѣ: „какъ это у тебя лыко-то въ горшокъ попало?“

Жена.—„Приснилось видно тебѣ: это не лыко, а жаравлиноё перо“.

Мужъ.—„Ну, такъ подавай мнѣ мясо-то: я покрошу въ кашу-то“.

Жона-та какъ вытащила изъ горшка—анъ липовой отопокъ. Мужъ и ну ее колотить да спрашивать: „какъ въ горшокъ отопокъ попалъ?“ А она говоритъ: „не знаю“, и стала розсказывать: „севодни у меня старикъ прохожой обѣдалъ,—вотъ я и заганула ему загадку“.

Мужъ.—„Какую?“

Жена.—„Што, молъ, дѣдушко, до тово Скурлыханъ Скурлыханычь по поднебесью леталъ, а нонче ужъ Скурлыханъ Скурлыханычь въ Печинскомъ-Черепинскомъ, подъ Сковородинскимъ? А онъ сразу-то не угадалъ: дай, говоритъ, подумать. „Ну, молъ, подумай, говорю“, да сама и вышла ненадолго изъ избы-то. Какъ прихожу, а старикъ мнѣ и говоритъ: „нѣтъ, голубушка, не правду ты сказала; я лучше тебя знаю, гдѣ живетъ Скурлыханъ Скурлыханычь. То таки правда была, што онъ до тово по поднебесью леталъ, а тутъ жилъ и въ Печинскомъ-Черепинскомъ, подъ Сковородинскимъ. А теперь ужъ ево нѣтъ тамъ, а живетъ въ Суминѣ-градѣ; въ Печинскомъ-же, Черепинскомъ живетъ ужъ Оплетало-ковыряло“.

Мужъ.—„Эдакая ты дура-баба! Хотѣла ты озадачить старика своей дурацкой загадкой, а онъ и оплелъ тебя. Теперь онъ за твое здоровьё имѣтъ йись жаравля, а ты за ево кашу съ отопкомъ хлѣбай. Ай-да, старикъ, славно отгадалъ!“

Пошехонскій у., с. Ермаково. 1853 г.

---

166. Сказка о жерновкахъ.

Жили-были старикъ со старухой. Захотѣлось однажды старухѣ гороху. Принесъ старикъ гороху, и стали они лущить да гуторить. Только вдругъ одна горошинка и упади на полъ; покатилась она по полу и провалилась въ щель, оттуда покатилась въ подполье и закатилась тамъ въ землю. Долго-ли, коротко-ли лежала тамъ горошинка, только вдругъ она стала расти, росла, росла и доросла до полу. Прорубилъ старикъ полъ, а горошинка опять стала рости и доросла до потолка. Прорубилъ старикъ потолокъ, и горошинка доросла до крыши, а на самомъ верху у нея выросли чудные жерновка: какъ вернешь, — такъ блинъ да пирогъ, да каши горшокъ. И стали жить старикъ со старухой припѣваючи. Захотятъ они ѣсть: вернутъ жерновка, а блинъ да пирогъ, да каши горшокъ ужъ тутъ, какъ тутъ.

Прослышалъ о чудныхъ жерновкахъ баринъ и пришелъ къ старику со старухой. Показались ему жерновка: разговорился баринъ со стариками, а самъ тихонько и укралъ жер-

новка. Ничего не замѣтили старики, такъ и унесъ баринъ жерновка. Сѣли старики обѣдать, а жерновковъ-то и нѣтъ. Заплакали тутъ старикъ со старухой. Увидѣлъ это ихній пѣтушекъ и закричалъ имъ, что жерновки-то у барина, а самъ побѣжалъ поскорѣе доставать ихъ. Бѣжитъ пѣтушокъ по дорогѣ, а навстрѣчу ему волкъ.—„Пѣтушекъ, пѣтушекъ, куда ты идешь?“ — „Къ барину, жерновки доставать“. — „Возьми меня съ собой“. — „Полѣзай ко мнѣ въ ротъ!...“ Влѣзъ волкъ пѣтушку въ ротъ, и побѣжалъ пѣтушекъ дальше. Бѣжитъ пѣтушекъ по дорогѣ, а навстрѣчу ему медвѣдь.— „Пѣтушекъ, пѣтушекъ, куда ты идешь?“ — „Къ барину, за жерновками“. — „Возьми меня съ собой“.— „Полѣзай ко мнѣ въ ротъ!...“ Влѣзъ медвѣдь пѣтушку въ ротъ, а пѣтушекъ побѣжалъ дальше. Прибѣжалъ пѣтушекъ къ барскимъ хоромамъ, вскочилъ на окошко и закричалъ: „баринъ, баринъ, подай мои жерновка!“ Розсердился баринъ, приказалъ лакеямъ схватить пѣтушка и посадить въ конюшню, Посадили лакеи пѣтушка въ конюшню, а пѣтушекъ и выпустилъ изо рта волка да медвѣдя, переломали они всѣхъ барскихъ коней. Пришли поутру въ конюшню, отворили двери, а пѣтушекъ выпорхнулъ изъ конюшни, сѣлъ на барское окно и опять закричалъ: „баринъ, баринъ, подай мои жерновка!“ Пуще прежняго разсердился баринъ и приказалъ лакеямъ утопить пѣтушка. Бросили пѣтушка въ колодецъ, выпилъ пѣтушекъ всю воду, вылетѣлъ изъ колодца, сѣлъ на барское окно и закричалъ: „баринъ, баринъ, подай мои жерновка!“ Вышелъ баринъ изъ себя и приказалъ зажарить пѣтушка. Зажарили пѣтушка и подали барину. Всего до косточки съѣлъ его баринъ. Съѣлъ да и думаетъ: „ну, теперь, негодяй, не будешь больше кричать!“ А пѣтушекъ вдругъ и закричалъ въ барскомъ животѣ благимъ матомъ: „баринъ, баринъ, подай мои жерновка!“. Разсвирѣпѣлъ баринъ и приказалъ лакеямъ зарубить пѣтушка. Не смѣли лакеи ослушаться барскаго приказу и давай рубить топорами по барину, чтобъ достать пѣтушка. Разрубили барина, а пѣтушокъ выпрыгнулъ изъ него, схватилъ жерновка да и былъ таковъ. Принесъ онъ жерновка своимъ старикамъ, и стали старики съ тѣхъ поръ жить опять припѣваючи.

Пошехонскій у., 1889.

167. Глиняный Иванушка.

Жили-были старикъ со старухой. Не было у нихъ дѣтокъ; они взяли да и слѣпили себѣ глинянаго Иванушку. Сидѣла однажды старуха въ избѣ да пряла. И уронила она въ подполье клубочекъ да веретенце. Побѣжалъ за ними Иванушка, взялъ клубочекъ съ веретенцемъ да и съѣлъ. Пришелъ онъ наверхъ въ избу да и говоритъ: „баушка, баушка, я клубочекъ-отъ съ веретенцемъ съѣлъ да и тебя съ копылкомъ съѣмъ“. Съѣлъ онъ бабушку съ копылкомъ и пошелъ на улицу, а навстрѣчу ему дѣдушка съ топоркомъ. Иванушка и кричитъ ему: „дѣдушка, дѣдушка, я съѣлъ бабушку съ копылкомъ, клубочикъ да веретенце да и тебя съ топоркомъ съѣмъ!“ Взялъ и съѣлъ старика съ топоркомъ. Побѣжалъ Иванушка дальше, а навстрѣчу ему идетъ Катька съ ведрами.—„Я съѣлъ дѣдушку съ топоркомъ, баушку съ копылкомъ, клубочикъ да веретенце и тебя, Катька, съѣмъ!“ Съѣлъ Иванушка Катьку, а самъ побѣжалъ дальше. Бѣжитъ, а навстрѣчу ему идутъ бабы съ граблями. Иванушка и закричалъ имъ: „бабы, бабы, я съѣлъ дѣдушку. съ топоркомъ, баушку. съ копылкомъ, клубочикъ да веретенце, Катьку съ ведрами и васъ, бабы, съѣмъ!“ Съѣлъ Иванушка бабъ съ граблями, а самъ побѣжалъ дальше. Бѣжитъ, а навстрѣчу ему идутъ мужики съ косами.—„Мужики, мужики“, закричалъ имъ Иванушка, „я съѣлъ бабъ съ граблями, Катьку съ ведрами, баушку съ копылкомъ, дѣдушку съ топоркомъ, клубочикъ да веретенце и васъ, мужики, съѣмъ!“ Съѣлъ Иванушка мужиковъ, а самъ побѣжалъ дальше. Бѣжитъ, а навстрѣчу ему идетъ козелъ. И закричалъ ему Иванушка: „козелъ, козелъ, я съѣлъ мужиковъ съ косами, бабъ съ граблями, Катьку съ ведрами, дѣдушку съ топоркомъ, баушку съ копылкомъ, клубочекъ да веретенце и тебя, козелъ, съѣмъ!“ „Зачѣмъ тебѣ ѣсть меня, Иванушка“, сказалъ козелъ.—„Ставай-ко ты подъ гору, а я стану на́ гору: побѣгу я съ горы да прямо въ ротъ тебѣ и скочу́“. Раскрылъ Иванушка ротъ и сталъ подъ гору, а козелъ разбѣжался съ горы да и ударилъ Иванушку рогами прямо въ брюхо: разсыпался

Иванушка въ мелкіе кусочки, а изъ брюха у него вышли мужики съ косами, бабы съ граблями, Катька съ ведрами, дѣдушка съ топоркомъ и баушка съ копылкомъ, — вышли всѣ живы-живехоньки.

Пошехонскій у. 1889 г.

---

168. „Вотъ клубокъ!“.

Жили-были мужикъ да баба: мужъ съ женой. Мужъ былъ мужикъ степенной, работящій, жена—баба разгульная, лѣнивая: ни щей сварить, ни рубахи сшить: все бы ей по гостямъ ходить.

Крѣпко училъ её мужъ — ничего не помогаетъ. И захотѣлось ему узнать, что его жена, лѣнтяйка, будетъ дѣлать, какъ онъ помретъ. Сдумано—сдѣлано. Притворился мужъ больнымъ: лежитъ да охаетъ, умирать собирается. Подозвалъ онъ къ себѣ бабу свою да и сталъ её корить: вотъ, де-скать, мужъ умираетъ, а она и на саванъ новины ему не припасла. Задѣло за живое бабу, стала она передъ мужемъ вывертываться: напрядено-то де у нея много, да еще не соткано. Вынесетъ изъ-за перегородки клубокъ пряжи, покажетъ мужу: „вотъ клубокъ“, сходитъ опять за перегородку, вынесетъ опять тотъ же клубокъ и опять покажетъ мужу. Показала она такъ одинъ клубокъ разъ тридцать. А и всей то пряжи у нея было, что только одинъ этотъ клубокъ. Замѣтилъ мужикъ бабью хитрость и захотѣлось ему узнать, что будетъ дѣлать баба, какъ онъ и впрямь умретъ. Похворалъ мужикъ денька два-три, а тамъ притворился и мертвымъ.

Запричитала баба по мужѣ, причитаетъ, а сама думаетъ, какъ ей будетъ снаряжать покойника: въ домѣ ни куска нѣтъ новины, у сосѣдей просить стыдно. Пометалась баба по избѣ, какъ угорѣлая, схватила свой клубокъ нитокъ да и давай обматывать своего муженька и вдоль и поперекъ. Обмотала его нитками, сѣла и стала причитать: „голубчикъ мой, родненькій, на кого то ты теперь похожъ“. Не вытерпѣлъ мужъ, вскочилъ съ постели да и заоралъ: „на безструнную балалайку“. Крѣпко поучилъ онъ тутъ свою бабу, а только врядъ-ли выучилъ.

Пошехонскій у. 1889 г.

169. [Царевна, разгадывающая загадки].

Жилъ-былъ одинъ отставной капитанъ со своимъ деньщикомъ Петрушкой. Плохо жилось капитану: денегъ мало—перебивайся онъ съ хлѣба на квасъ. Думалъ, думалъ капитанъ и надумалъ ѣхать въ незнаемое царство, въ неизвѣстное государство искать себѣ счастья. Сдумано—сдѣлано. Вытащилъ капитанъ послѣдніе десять рублей, что у него остались, позвалъ Петрушку и приказалъ ему купить на десять р. коня и новое платье. Думалъ, думалъ Петрушка, какъ тутъ быть, наконецъ, купилъ онъ за девять р. клячу да на рубль-цѣлковый мочальныхъ рогожъ и явился къ барину. Одѣлись капитанъ съ Петрушкой въ рогожи, взгромоздились обоё на клячу и поѣхали въ незнаемое государство себѣ счастья искать.

Долго-ли, коротко-ли ѣдутъ они, вдругъ видятъ—ползетъ по дорогѣ змѣя. Взялъ капитанъ плеть, убилъ плетью змѣю и положилъ её подъ сѣдло.

Ѣдутъ они дальше, видятъ въ полѣ овесъ, въ овсѣ ходитъ быкъ. Взялъ капитанъ плеть и выгналъ быка изъ овса.

Долго такъ они ѣхали, наконецъ подъѣхали къ большой рѣкѣ, а на берегу той рѣки стоитъ лодка. Забрались они въ лодку да тамъ и переночевали. Проснулись они поутру, умылись студеной водой, утерлись конскимъ хвостомъ (больше нечѣмъ имъ было вытереться) и поѣхали дальше. Вскорѣ пріѣхали они и въ неизвѣстное царство. А у царя тамошняго была дочь красавица: любила она загадки. И сказала она царю, что только за того выдетъ замужъ, кто загадаетъ загадку, которую ей не разгадать. Если же она разгадаетъ загадку, такъ у загадчика голова съ плечъ. Объявилъ царь по всему государству объ волѣ дочери, да охотниковъ загадывать не находилось: всякому своя голова дорога. На ту пору пріѣхалъ въ тотъ городъ и капитанъ съ Петрушкой. Услыхалъ капитанъ о царской волѣ и прямо явился къ царю, что „такъ-де и такъ: онъ хочетъ загадать загадки царевнѣ“. Приказалъ царь отвести капитану комнаты во дворцѣ и на другой день велѣлъ загадывать за-

гадки до трехъ разъ. Три дня капитану слѣдовало загадывать загадки: каждый день по одной загадкѣ. Не отгадаетъ царевна загадки—выдетъ замужъ за капитана, отгадаетъ—у капитана голова съ плечъ.

Прошла ночь. Приходитъ поутру капитанъ къ царю, а царь съ царевной его ужъ дожидаются. И задалъ капитанъ такую загадку царевнѣ: „ѣхали мы, говоритъ, по дорогѣ встрѣтили зло, взяли зло да зломъ и убили". Задалъ капитанъ загадку и отправился въ свои комнаты во дворцѣ. На другой день приходитъ онъ опять къ царю, а тамъ ужъ царевна дожидается: всю ночь билась она, не могла отгадать загадки. Разсказалъ тутъ капитанъ, какъ встрѣтили они на дорогѣ змѣю — зло, какъ взяли плеть — зло да убили плетью змѣю—убили зломъ зло. Отгадалъ капитанъ загадку и задалъ царевнѣ новую: „ѣхали мы, говоритъ, по дорогѣ видимъ въ добрѣ добро, взяли зло да и выгнали зломъ изъ добра добро". Загадалъ капитанъ загадку и отправился къ себѣ въ комнаты. Всю ночь билась царевна, не могла отгадать загадки. Приходитъ къ царю поутру капитанъ, а тамъ ужъ царевна дожидается, отгадки спрашиваетъ. И разсказалъ капитанъ, какъ они встрѣтили быка въ овсѣ — добро въ добрѣ, взяли плеть — зло да и выгнали зломъ изъ добра добро. Загадалъ, наконецъ, капитанъ въ послѣдній разъ загадку: „ночевали, говоритъ, мы не на землѣ, не на водѣ, умывались водой студеной, а утирались не бранымъ, не тканымъ". Загадалъ капитанъ загадку, а самъ отправился къ себѣ въ покои. Наутро приходитъ капитанъ къ царю, а тамъ ужъ царевна дожидается, спрашиваетъ у капитана отгадки. Разсказалъ тутъ капитанъ, какъ ночевали они не на землѣ, не на водѣ, а на лодкѣ, какъ утирались не бранымъ, не тканымъ, а конскимъ хвостомъ. Такъ и не отгадала царевна ни одной загадки. Пришлось царевнѣ плохо: по уговору надо идти замужъ за капитана, а капитанъ былъ и некрасивъ да и въ годахъ — годковъ сорокъ съ хвостикомъ было ему. И приступила царевна къ отцу перемѣнить уговоръ. „Пускай, говоритъ, тотъ будетъ моимъ мужемъ, кто съумѣетъ розсмѣшить меня".

Сказано—сдѣлано. Помѣстили царевну въ одной комнатѣ, а капитанъ рядомъ въ другой, дверь изъ комнаты въ комнату не затворили. Приходитъ вечеръ, надо стлать постель.

„Петрушка!“ закричалъ капитанъ, „постели мнѣ постель“. Слушаетъ царевна, что дальше будетъ. А Петрушка принесъ тѣмъ временемъ большую, пребольшую охабку дровъ и грохнулъ её изо всей силы на полъ. „Готово, ваше б-родіе, спокойной ночи“. Не вытерпѣла царевна и разсмѣялась. Нечего дѣлать, пришлось царевнѣ держать свое слово, да только самъ капитанъ не захотѣлъ губить ея молодость, взялъ съ нея выкупъ и сталъ богатымъ, пребогатымъ.

Пошехонскій у. 1889 г.

---

170. [Волкъ дурень].

Жилъ-былъ на свѣтѣ волкъ старый, престарый: зубы у него поломались, лапы ослабли, глаза плохо видятъ. Плохо приходится волку: хоть ложись да помирай съ голоду. И пошелъ волкъ къ Егорью и завылъ жалобно, прежалобно: „Егорей, Егорей, я ѣсть хочу!“... Сжалился Егорей надъ волкомъ и велѣлъ ему идти въ поле, „тамъ встрѣтишь, говоритъ, жеребенка, возьми и съѣшь его“. Пошелъ волкъ въ поле, и вправду, тамъ жеребенокъ ходитъ. Подошелъ онъ къ жеребенку да и говоритъ: „жеребенокъ, жеребенокъ, я тебя съѣмъ“. — „Эхъ, ты старый, ты старый, гдѣ тебѣ съѣсть: у тебя и зубовъ то нѣтъ!“... — „Анъ, есть!“... — „А, нѣтъ!..“ — „Покажи-ка?“... Оскалилъ волкъ зубы, а жеребенокъ лягнулъ изо всѣхъ силъ по оскаленой его мордѣ да и былъ таковъ. Не взвидѣлъ волкъ свѣту Божьяго, упалъ наземь да такъ и пролежалъ часа два. Очухался наконецъ волкъ, поднялся кое-какъ на ноги: голова трещитъ, ноги еле держатъ, въ брюхѣ караси съ голоду ходятъ. Голодъ не тетка: побрелъ нашъ волкъ опять къ Егорью и закричалъ: „Егорій, Егорій, я ѣсть хочу!“... Сжалился Егорій надъ волкомъ и сказалъ ему: „ступай въ лѣсъ, а въ томъ лѣсу дорога, а по той дорогѣ идетъ портной-забулдыга домой на побывку—возьми и съѣшь его. Побрелъ волкъ въ тотъ лѣсъ, на которой указалъ Егорій, видитъ—въ лѣсу дорога, пошелъ волкъ по дорогѣ, а навстрѣчу ему портной. Остановился волкъ посередь дороги да и говоритъ: „портной, портной,, я тебя съѣмъ“. Остановился портной, посмотрѣлъ на волка да и говоритъ: „какъ тебѣ меня ѣсть? вѣдь я въ твое брюхо

не уберусь. Давай-ка, раскрой сначала ротъ, я помѣряю, войду ли я въ тебя". Роскрылъ волкъ пасть, а портной засунулъ туда руку глубоко, схватилъ за кишки да всѣ ихъ и вывернулъ вонъ. Такъ тутъ волкъ и духъ выпустилъ.

Пошехонскій у. 1889 г.

---

171. [Волкъ].

Жилъ-былъ старикъ со старухой, были у нихъ мальчикъ да дѣвочка, семь овецъ, восьмой жеребецъ. Разъ пришелъ къ избѣ ихней волкъ да и завылъ: „дворецъ, дворецъ, соломеной крылецъ, у тебя есть семь овецъ, восьмой жеребецъ,—дай мнѣ овечку.

Жалко было старику овечки, да нечего дѣлать, взялъ да и отдалъ волку овечку. На другой день пришелъ опять волкъ къ избѣ и завылъ: „дворецъ, дворецъ, соломеной крылецъ, у тебя есть шесть овецъ, седьмой жеребецъ, мальчикъ да дѣвушка, старикъ да бабушка, — дай мнѣ овечку". Нечего дѣлать, выкинулъ старикъ волку еще овечку. На третій день опять пришелъ волкъ и завылъ: „дворецъ, дворецъ, соломеной крылецъ, у тебя есть пять овецъ, шестой жеребецъ, мальчикъ да дѣвушка, старикъ да бабушка, — дай мнѣ овечку!" Выкинули волку опять овечку. На четвертый день приходитъ опять волкъ и поётъ старую пѣсню: „дворецъ, дворецъ, соломеной крылецъ, у тебя есть четыре овцы, пятой жеребецъ, мальчикъ да дѣвушка, старикъ да бабушка—дай мнѣ овечку!" Выкинули старикъ со старухой волку опять овечку. На пятой день приходитъ опять волкъ и поетъ старую пѣсню: „дворецъ, дворецъ, соломеной крылецъ, у тебя есть три овцы, четвертый жеребецъ, мальчикъ да дѣвушка, старикъ да баушка—дай мнѣ овечку!" Нечего дѣлать, выкинули волку овечку. На шестой день приходитъ опять волкъ и воетъ: „дворецъ. дворецъ, соломеной крылецъ, у тебя есть двѣ овцы, третій жеребецъ, мальчикъ да дѣвушка, старикъ да баушка--дай мнѣ овечку!" — Выкинули волку овечку. На седьмой день приходитъ волкъ и поетъ: „дворецъ, дворецъ, соломеный крылецъ, у тебя есть овца, другой жеребецъ, мальчикъ да дѣвушка, старикъ да баушка—дай мнѣ овечку!"—Выкинули

волку овечку. На восьмой день приходитъ волкъ къ избѣ и воётъ: „дворецъ, дворецъ, соломеный крылецъ, у тебя есть жеребецъ, мальчикъ да дѣвушка, старикъ да баушка— дай мнѣ жеребеночка!“... Отдали волку и жеребеночка. На девятый день пришелъ опять волкъ и завылъ: „дворецъ, дворецъ, соломеный крылецъ, у тебя есть мальчикъ да дѣвушка, старикъ да баушка, дай мнѣ мальчика!“ Отдали волку и мальчика. На десятый день пришелъ волкъ къ избѣ и запѣлъ: „дворецъ, дворецъ, соломеный крылецъ, у тебя есть дѣвушка, старикъ и баушка,—дай мнѣ дѣвушку!“ Отдали старики и дѣвушку. На одиннадцатый день приходитъ волкъ и поетъ: „дворецъ, дворецъ, соломеный крылецъ, у тебя есть старикъ и баушка,--дай мнѣ баушку!“... Жалко стало старику старухи — крѣпко-на́крѣпко заперся онъ въ своей избѣ, а волку старухи не отдалъ. Провылъ волкъ цѣлую ночь да такъ ни съ чѣмъ и ушелъ въ лѣсъ. Съ тѣхъ поръ и ходить пересталъ къ избѣ.

Пошехонскій у. 1889 г.

---

172. [Мальчикъ съ пальчикъ].

Жилъ-былъ мужикъ съ женой да семеро ребятъ, жили они бѣдно-пребѣдно. Рубила разъ баба капусту да и отрубила себѣ палецъ. Завернула палецъ въ тряпку и положила на залавокъ, а сама знай себѣ рубитъ да рубитъ капусту. Вдругъ услыхала она, что на залавкѣ кто-то плачетъ. Подошла къ залавку, развернула тряпицу, а тамъ лежитъ вмѣсто пальца „мальчикъ съ пальчикъ“. Удивилась баба, испугалась, кричать было хотѣла, да мальчикъ съ пальчикъ заговорилъ съ ней: „не бойся, баба, я мальчикъ съ пальчикъ, изъ твоего же пальца народился“. Подивилась баба чуду, пришелъ мужъ, и разсказала ему баба про диво-дивное, чудо-чудное да и „мальчика съ пальчикъ“ показала. Подивился мужикъ немало. И оставили они мальчика съ пальчикъ рости со своими дѣтками. Рости мальчикъ не выросъ, а разумомъ сразу умнѣе большого оказался.

Долго-ли, коротко-ли такъ пожилъ мужикъ съ бабой, только настала трудная тяжелая пора: хлѣба не уродилось, а дѣтокъ груда, что хочешь, то и дѣлай. Думали, думали

мужъ съ женой — ничего не придумали. Вотъ и говоритъ однажды жена мужу: „нечего дѣлать, ступай, поѣзжай въ лѣсъ, возьми съ собой ребятъ да и оставь ихъ тамъ въ лѣсу“. Подслушалъ это мальчикъ съ пальчикъ, подслушалъ, только никому не сказалъ ничего. На другой день собрался мужикъ въ лѣсъ, забралъ своихъ ребятъ и поѣхалъ. Ѣдетъ мужикъ, а мальчикъ съ пальчикъ еще раньше набралъ полные карманы каменьевъ: ѣдетъ онъ съ мужикомъ, а самъ камешекъ за камешкомъ кидаетъ на землю. Завезъ мужикъ ребятъ далеко, далеко въ лѣсъ, ссадилъ ихъ на землю и сказалъ, что скоро опять за ними пріѣдетъ, а самъ поѣхалъ домой.

Долго ждали ребята, скоро-ли пріѣдетъ батько, а батьки нѣтъ, какъ нѣтъ. Вотъ собралъ ихъ всѣхъ мальчикъ съ пальчикъ и повелъ ихъ домой, а дорогу онъ узналъ по тѣмъ камешкамъ, которые кидалъ онъ, какъ ѣхалъ въ лѣсъ.

Такъ и всплеснули руками мужъ съ женой, какъ увидали, что ребята цѣлымъ цѣлехоньки идутъ домой...

Пожили ребята дома недѣльку—другую, собрался мужикъ опять въ лѣсъ и захватилъ всѣхъ ребятъ съ собой. А мальчикъ съ пальчикъ раньше набралъ себѣ полные карманы хлѣба—зналъ онъ, что ихъ опять повезутъ въ лѣсъ да оставятъ тамъ.

Поѣхалъ мужикъ съ ребятами въ лѣсъ, а мальчикъ съ пальчикъ корочка за корочкой, кусочекъ за кусочкомъ, знай себѣ кидаетъ да кидаетъ хлѣбъ на дорогу. Завезъ мужикъ ребятъ въ дремучій, темный лѣсъ, ссадилъ съ телѣги и сказалъ, что скоро опять за ними пріѣдетъ, а самъ нахлесталъ лошадь да и уѣхалъ домой. Ждутъ ребятки часъ, ждутъ другой, а батьки нѣтъ, какъ нѣтъ. Собралъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ мальчикъ съ пальчикъ, собралъ да и повелъ домой по дорогѣ, по которой кидалъ кусочки хлѣба, только глядь—а кусочковъ то и нѣтъ: всѣ вороны склевали. Сбились ребятки съ дороги, долго путались они по лѣсу, наконецъ мальчикъ съ пальчикъ остановилъ ребятъ и полѣзъ самъ на высокую, высокую ель. Влѣзъ онъ на самую верхушку и увидалъ вдали огонекъ. Слѣзъ мальчикъ съ пальчикъ съ елки и повелъ ребятъ въ ту сторону, гдѣ свѣтился огонекъ.

Долго шли они лѣсомъ; наконецъ, пришли къ избѣ. Ве-

лѣлъ мальчикъ съ пальчикъ постучаться да попроситься ночевать, а самъ залѣзъ къ одному изъ нихъ въ карманъ и не велѣлъ про себя никому сказывать. Постукались ребята, и вышла къ нимъ старуха старая, престарая, страшенная, жена людоѣда великана. Самого людоѣда въ то время дома не было.

Разсказали ребята старухѣ, какъ они въ лѣсу заблудились, и просили ее пустить къ себѣ ночевать. Повела ихъ старуха въ избу, а у старухи было тоже семеро дѣтокъ, почти ровесники братьямъ мальчика съ пальчикъ. Привела старуха ребятъ въ избу, накормила, напоила да и спать уложила вмѣстѣ съ своими дѣтками. Спятъ ребятки, не спитъ одинъ мальчикъ съ пальчикъ. Въ полночь слышитъ онъ, какъ вошелъ въ избу и самъ людоѣдъ.—„Славная дичина привалила къ намъ“, сказала старуха людоѣду, будетъ намъ и на обѣдъ, и на ужинъ“... Поглядѣлъ людоѣдъ на спавшихъ, воротился опять къ старухѣ за перегородку и сказалъ: „ну, жена, накорми ты ихъ завтра хорошенько, чтобы поразжирѣли да въ банѣ вымой, а какъ улягутся спать и прирѣжь ихъ. Уйду я на всю на ночь, утромъ приду, зажарю ихъ да и съѣмъ“.

Поговорили людоѣдъ со старухой и залегли спать. Не спалъ только мальчикъ съ пальчикъ: думалъ думушку, какъ бы ему избавить братьевъ отъ бѣды неминучей.

Поутру рано ушелъ людоѣдъ въ лѣсъ и сказалъ старухѣ, что вернется только на другой день. Проснулись и дѣтки. Старуха накормила ихъ, въ банѣ выпарила и отпустила играть со своими дѣтками. Играютъ дѣтки, а мальчикъ съ пальчикъ все примѣчаетъ да все высматриваетъ. Замѣтилъ онъ, что въ избѣ у людоѣда много золота и серебра накладено, замѣтилъ онъ, что дѣтки старухи всѣ ходятъ въ шапочкахъ и шапочекъ этихъ они не снимали и прошлою ночью, замѣтилъ онъ, что у каждаго надѣты на ноги сапоги-скороходы, зашагаетъ мальчишка въ нихъ, не успѣешь взглянуть на него, а ужъ онъ и изъ глазъ вонъ... Вотъ насталъ и вечеръ, накормила старуха дѣтокъ да и спать уложила, а сама стала точить свой большущій ножъ. Уснули дѣтки, не уснулъ только мальчикъ съ пальчикъ. Взялъ онъ тихонько, снялъ со старухиныхъ ребятъ шапочки и надѣлъ на своихъ братьевъ.

Наточила старуха свой ножъ и пошла къ ребятамъ, чтобы зарѣзать ихъ, и огня съ собой не взяла: не захотѣла будить своихъ дѣтокъ. Подошла къ постели, ощупала одного: безъ шапочки—хватила ножемъ и не пикнулъ, потомъ другого, третьяго—такъ и прирѣзала всѣхъ своихъ дѣтокъ.

Вытерла старуха ножъ и пошла опять къ себѣ за переборку тихонько, чтобы дѣтокъ не разбудить, завалилась на печь и захрапѣла тамъ на всю избу. Слышитъ мальчикъ съ пальчикъ, что разоспалась старуха, разбудилъ тихонько своихъ братьевъ и велѣлъ имъ одѣться. Одѣлись тихонько ребята, надѣли сапожки хозяйкиныхъ дѣтокъ, наклали полные карманы золота и серебра и вышли тихонько изъ избы. Ничего не слыхала старуха: крѣпко размарило её на печи.

Вышли ребята изъ избы и побѣжали въ сапогахъ-скороходахъ быстрѣе вѣтра буйнаго, скорѣе птицы перелетной. Живо выбѣжали они изъ лѣса и выбѣжали по счастью прямо на то мѣсто, гдѣ жилъ ихъ батько съ маткой. А тѣ ужъ горевали о своихъ дѣткахъ, думали, что растерзали ихъ волки голодные. Пришли ребята въ избу, разсказали батьку съ маткой все, что съ ними было, и выложили изъ кармановъ золото да серебро, что взяли у людоѣда. Обрадовались мужъ съ женой. И стали они съ тѣхъ поръ жить въ достаткѣ, стали жить да поживать да добра наживать.

Сказка вся, и врать нельзя; тебѣ сказка, а мнѣ кренделей связка; тебѣ уголекъ, а мнѣ денегъ уголокъ; тебѣ курица, а мнѣ денегъ улица.

Пошехонскій у., 1889 г.

Словарь къ сказкамъ Ярославской губерніи.

Копылъ — то же, что донце, на которое навязываютъ пряхи ленъ.

Липовый отопокъ — изношенный лапоть.

Подполье́ — или „подъизбица“ — помѣщеніе подъ поломъ крестьянской избы, въ которое на зиму ставятся телята и овцы.

Владимирская губернія.

173. Лиса и Волкъ.

Вотъ въ одной деревнѣ на задворкѣ стояли стога сѣна зимой, и на одинъ изъ нихъ взобралась лисица, доставшая гдѣ то себѣ рыбки. А тутъ же случилось проходить ночью волку, увидавшему лису. Онъ сказалъ ей: „здорово, кумушка“! Она отвѣчала: „здравствуй, куманіокъ!“ Спросилъ:— „что ты ѣшь“? — „Рыбку“. — „Да гдѣ ты взяла“? „Наловила въ прудѣ“.—„Какимъ ѣто способомъ?“—„Коли хочешь, то научу“.—„Спасибо скажу; пойдемъ“. И повела кума къ пролуби. „Вотъ садись и хвостъ опусти въ воду, а рыбка и вползетъ на него грѣться“. Кумъ сѣлъ и хвостъ опустилъ въ пролубь, а кума ворчитъ: „ясни, ясни на небѣ, мерзни, мерзни, волчей хвостъ!“ — „Да что ты, кума, говоришь? — „И, батько, скликаю рыбку то тебѣ“—„Ну спасибо“. И она, увидавши, что уже пролубь замерзла, сказала: „побегу въ деревню за міодомъ и принесу, да и следъ простылъ. А обманутаго волка съ примерзшимъ хвостомъ оставила въ добычу мужикамъ, убившимъ его на прудѣ. Побасенка къ ней: я тамъ былъ да міодъ пилъ, по усамъ текло и въ ротъ не кануло“.

Г. Владимиръ, 1847 г.

---

174. [К о з а].

Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ каленымі.
Добро же ты, коза,
Нашлю на тя волковъ.

Припѣвъ:

Волки нейдутъ козы ѣсть,—
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ каленымі.
Добро же вы, волки,
Нашлю на васъ людей.

Припѣвъ:

Люди нейдутъ волковъ гонять,
Волки нейдутъ козы ѣсть,—
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ каленымі.
Добро же вы, люди,
Нашлю на васъ медвѣдь.

Припѣвъ:

Медвѣдь нейдетъ людей ламать,

Люди нейдутъ волковъ гонять,
Волки нейдутъ козы ѣсть,—
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ каленными.
Добро же ты, медвѣдь,
Нашлю на тя огонь.

Припѣвъ:

Огонь нейдетъ медвѣдь палить,
Медвѣдь нейдетъ людей ламать и т. дал. съ предыдущ. куплета.
Добро же ты, огонь,
Нашлю на тя воду.

Припѣвъ:

Вода нейдетъ огонь лить,
Огонь нейдетъ медвѣдь палить,
Медвѣдь нейдетъ людей ламать и проч.
Добро же ты, вода,
Нашлю на тя быковъ.

Припѣвъ:

Быки нейдутъ воду пить,
Вода нейдетъ огонь лить и проч.
Добро же вы, быки,
Нашлю на васъ тростникъ.

Припѣвъ:

Тростникъ нейдетъ быковъ бить,
Быки нейдутъ воду пить и проч.
Добро же ты, тростникъ,
Нашлю на тя топоръ.

Припѣвъ:

Топоръ нейдетъ тростникъ рубить,
Тростникъ нейдетъ быковъ бить и проч.
Добро же ты, топоръ,
Нашлю на тя камень.

Припѣвъ:

Камень нейдетъ топоръ вострить,
Топоръ нейдетъ тростникъ рубить и проч.
Добро же ты, камень,
Нашлю на тя червей.

Припѣвъ:

Черви нейдутъ камень точить,
Камень нейдетъ топоръ вострить и проч.
Добро же вы, черви,
Нашлю на васъ гусей.

Припѣвъ:

Гуси нейдутъ червей клевать,
Черви нейдутъ камень точить и проч.
Добро же вы, гуси,
Нашлю на васъ дѣвокъ.

Припѣвъ:

Дѣвки нейдутъ гусей гнать,
Гуси нейдутъ червей клевать и проч.
Добро же вы, дѣвки,
Нашлю на васъ парней.

Припѣвъ:

Парни пошли дѣвокъ гнать,
Дѣвки пошли гусей гнать,

Гуси пошли червей клевать,
Черви пошли камень точить,
Камень пошелъ топоръ востpить,
Топоръ пошелъ тростникъ рубить,
Тростникъ пошелъ быковъ бить,
Быки пошли воду пить,
Вода пошла огонь лить,
Огонь пошелъ медвѣдь палить,
Медвѣдь пошелъ людей ламать.
Люди пошли волковъ гонять,
Волки пошли козу ѣсть.—
Вотъ коза съ орѣхами,
Вотъ коза съ калеными.

Г. Владимиръ, 1856 г.

---

175. Сказаніе о сынкѣ Иванушкѣ.

Жили-были старикъ со старухой. У нихъ былъ одинъ сынъ Иванушка. Жили они ни бѣдно ни богато. Всего у нихъ было въ достаткѣ, а большаго не было. Жилъ сынъ Иванушко, приходилъ во лѣта; пришелъ въ пору, не понравилось ему житье у отца съ матерью. Пошелъ Иванушко въ чужу сторону поглядѣть, какъ другіе люди живутъ, погуливаютъ. Входитъ Иванушко въ одно смирно село, глядь—навстрѣчу ему мужики тащутъ на веревкахъ козла на конекъ избы. Остановился Иванъ да и спрашиваетъ, а самъ себѣ дивуется: „для чего тащутъ козла на конекъ избы?“ Отвѣчаютъ мужики Иванушкѣ: „тащимъ мы козла траву травить. На конькѣ избы трава выросла“. Дивуется Иванъ да и думаетъ: „а лучше бы скосить траву да и дать козлу“. Подумалъ Иванушко да и пошелъ далѣ. Идетъ по другому селу и видитъ—плотники бревно тянутъ. Остановился Иванъ да и спрашиваетъ, а самъ себѣ дивуется: „для чего плотники бревно тянутъ?“ Отвѣчаютъ мужики Иванушкѣ: „окоротили мы бревно, растянуть думаемъ, чтобы было бревно въ длину гоже“. Дивуется Иванъ да и думаетъ: „гожѣе бы друго бревно тамъ вставить, гдѣ бы нужно короченое, а короченое въ иную мѣсь“ (мѣсто). Подумалъ Иванушко и пошелъ далѣ. Шелъ, шелъ и завернулъ къ старухѣ въ избу. Поклонился Иванушко старухѣ, поздоровался и видитъ—старуха пѣсокъ сыплетъ, а сама въ пѣсокъ глядитъ и думаетъ. Спрашиваетъ Иванъ старуху,

а самъ себѣ дивуется: „для чего старуха песокъ сыплетъ?“ Отвѣщаетъ старуха Иванушкѣ: „сыплю песокъ, время мѣряю“. Поклонился Иванушко старухѣ и вышелъ вонъ изъ избы. Подивился, подивился и пошелъ домой, а самъ себѣ думаетъ: „нѣтъ умнѣе мово батюшки, нѣтъ умнѣе моей матушки“. Пришолъ Иванушко домой, разсказалъ, что видѣлъ, и остался жить съ отцомъ, съ матерью.

Владимирскій у., с. Баглачово (Запись 50-хъ годовъ).

---

176. [О калиновой дудкѣ].

Жилъ-былъ старичекъ. У него было двѣ дочки да сынъ. Сталъ онъ сряжаться въ городъ, а дѣти говорятъ: „батюшка, батюшка, что ты намъ купишь?“ — „Вамъ, дѣвки, куплю по платочку, а тебѣ, сынъ, серебреное блюдечко да золотое яичко. А вы мнѣ за то наберите ягодъ по кувшинцу“. И далъ имъ по кувшинцу-то. И пошли они въ лѣсъ. Мальчикъ-отъ набралъ ягодъ, а дѣвки все съ молодцами проиграли. Вотъ онѣ взяли да убили брата-то, схоронили подъ кочку у дороги, а ягоды его взяли къ себѣ въ кувшинцы и принесли домой. Пріѣхалъ отецъ. „Вотъ, батюшка, говорятъ, мы набрали ягодъ“.—„А гдѣ, говоритъ, парнишкото“?—„Да мы, говорятъ, кричали, кричали ему, не откликается“. Онъ и отдалъ имъ все, и золотое яблочко съ серебренымъ блюдечкомъ.

Долго-ли, коротко-ли, на могилкѣ-то у мальчика и выросъ дягилёкъ. Шелъ старичекъ дорогой, сломилъ этотъ дягилёкъ, сдѣлалъ дудочку и заигралъ на ней. А она и стала высвистывать:

„Ахъ ты, дѣдушка,
Ахъ ты, батюшка,
Ты не прытко свищи,
Потихохоньку,
Полёгохоньку.
Ужъ не ты меня губилъ,
Ужъ не ты меня давилъ.
Какъ губили меня
Двѣ милы сестры,
Двѣ голубушки,
За блюдечко серебряное
За яблочко золотинькое“.

Старикъ пришелъ въ деревню, попросился ночевать у отца этого паренька. Его пустили. Вотъ онъ вошелъ, помолился Богу, поклонился на всѣ четыре стороны, раздѣлся, разулся и полѣзъ на̀ печь.—„А сыграть-ли вамъ, говоритъ, на дудочкѣ?“ — „Охъ, намъ не до дудочки“, говоритъ отецъ.—„Нѣтъ, говоритъ старикъ, вы послушайте-ко!“ Да и заигралъ. А дудочка-то и засвистала опять:

„Ахъ ты, дѣдушка,
Ахъ ты, батюшка,
Ты не прытко свищи,
Потихохоньку,
Полегохоньку.
Какъ не ты меня губилъ,
Какъ не ты меня давилъ.
Какъ губили меня
Двѣ милы сестры,
Двѣ голубушки,
За блюдечко серебреное,
За яблочко золотенькое“.

И полюбилось отцу. И онъ взялъ дудочку и заигралъ а она и запѣла:

„Охъ ты, батюшка,
Ты родимой мой!
Ты не прытко свищи,
Потихохоньку,
Полегохоньку.
Вѣдь не ты меня губилъ,
Какъ не ты меня давилъ.
Какъ губили меня
Двѣ милы сестры,
Двѣ голубушки,
За блюдечко серебреное,
За яблочко золотенькое“.

Вотъ отецъ велѣлъ и старшей дочери на этой дудочкѣ заиграть. Дудочка-то и запѣла:

„Ахъ ты, сестрица,
Ты родимая,
Ты попрытче свищи,
Ты погромче свищи.
Ужъ какъ ты меня губила,
Ужъ какъ ты меня давила

Съ меньшой сестрой,
Со голубушкой,
За блюдечко серебреное,
За яблочко золотенькое".

Отецъ заставилъ и меньшую-то дочь играть; и у ней тоже пропѣла. Взялъ ихъ отецъ да на воротáхъ и разстрѣлялъ.—Вотъ тебѣ сказка, а мнѣ кринка масла.

(Слово въ слово съ разсказу 8-ми-лѣтняго мальчика). Переславскій у. 1848 г.

Тверская губернія.

177. [Чудесная птица].

Жилъ купецъ, богатой, пребогатой. Отправился онъ на охоту, три дня пробродилъ, ничего не убилъ. „Пойду съ горя жену прибью“. Выходитъ на край лѣсу, сидитъ диковинная птица. Онъ хотѣлъ ее убить, а она: „не бей меня, возьми живьемъ, я тебѣ пригожусь: если кто мою голову съѣстъ, тотъ будетъ царемъ; кто крылья съѣстъ, тотъ будетъ свѣтлѣйшимъ княземъ“. Купецъ съ радостью ее взялъ, принесъ домой, забылъ трехдневное горе и усталость, посадилъ въ клѣтку, давай за ней ухаживать. Чрезъ нѣкоторое время поѣхалъ на корабляхъ съ товаромъ заграницу, женѣ наказалъ: „если будетъ пожаръ, первымъ долгомъ старайся спасти Божье милосердіе и птицу, остальное все будетъ при насъ“. Чрезъ нѣкоторое время жена попросила себѣ отъ скуки отца дьякона въ гости, приготовила самоварчикъ и графинчикъ, сама давай за нимъ ухаживать.—„Полно хлопотать, садись!“ — „Какъ же не хлопотать, о. дьяконъ, мужъ наказалъ, отъ грѣшнаго случаю икону и птицу спасать“.—„Что за чудо? Дай я посмотрю“. Посмотрѣлъ, тоже прочиталъ означенныя слова.—„А что, вы меня любите попрежнему, началъ спрашивать дьяконъ, если такъ, то зажарьте птицу“. Она говоритъ: „никакъ не могу“.—„Если не можете, то я, значитъ, вамъ и не другъ“. Три дня думала она отъ мужа это дѣло сдѣлать, наконецъ согласилась птицу для дьякона зажарить, велѣла повару; двое дѣтей у нея училось въ сельскомъ училищѣ, пришли: „мамаша, кушать хотимъ“. Она спросила, какой имъ задали урокъ. Они разсказали, что задано. „Дѣточки, мнѣ некогда, ступайте къ повару, онъ дастъ вамъ кушать“. Они не застали повара въ кухнѣ; по дѣтской глупости, увидали жа-

реную птицу, разорвали пополамъ и съѣли, ушли гулять. Позвала она дьякона въ гости. „А что, птицу изготовили для меня?“ — „Готова. Горничная, вели подавать“. Поваръ хвать, похвать—птицы нѣту. „Какъ ты смѣлъ! куда же дѣлась?“—„Сударыня, безъ меня дѣти ваши скушали“.—„Ахъ, они проклятые“. Мать волосы драла на себѣ. „Если вы за такую дерзость ихъ не накажете, то я васъ любить не буду“. — „Что же вы мнѣ прикажете дѣлать съ этимъ?“ — „У одного вели отрѣзать руки, а у другаго вели ожарить голову“.—„Какъ это можно, о. дьяконъ?“—„Очень просто“. Затѣмъ посылаетъ повара за дѣтьми въ училище: „попроси дѣтей у учителя, что отецъ прислалъ письмо изъ-за границы, дабы мнѣ прочитать, а я выслушала“. Поваръ приводитъ ихъ на кухню и натачиваетъ ножикъ, а самъ плачетъ. „Поваръ, объ чемъ ты плачешь, что у насъ случилось?“ — „Да мать велѣла васъ зарѣзать обоихъ“. — „Дядинька родимой, отпусти насъ“. — „Дѣлать нечего, ребята, ступайте въ садъ и въ заднюю калитку, я васъ выпровожу, болѣе въ городѣ не показывайтесь, идите, куда глаза глядятъ, а то мнѣ и вамъ бѣда будетъ“. Проводя, поваръ снялъ съ цѣпи дворовую собаку, освѣжевалъ, какъ человѣчью голову и двѣ переднія лапы изрубилъ почастно и ожарилъ. Доноситъ хозяйкѣ, что жаркое готово. „О. дьяконъ, я не могу быть при этомъ“.—„Дѣло ваше“. Дьяконъ нѣсколько разъ закусилъ и сказалъ: „выбросьте собакамъ“. Дѣти съ плачемъ пустились бѣжать, сами не знаютъ куды. Бѣгли полями и лѣсами, нѣсколько дѣнъ перебѣжали, нѣсколько разъ случалось въ лѣсу ночевать. Наконецъ въ ночное время добрались до огня, пошли на огонь и много увидали огней. Это была столица, наподобіе Москвы. Тутъ они пристали въ ветхую лачужку, попросились ночевать у старика со старухой. „Откуда, дѣтушки, идёте, куды путь держите?“—„Бабушка, убѣгли мы отъ матери, хотѣла насъ зарѣзать въ удовольствіе своему любовнику-дьякону“.—„Боже мой, вотъ какія матери есть“. Напоили, накормили и спать уложили. Утромъ старуха спрашиваетъ: „куда же вы, дѣтушки, пойдете?“—„Да и сами не знаемъ, куды идти“. — „А что, старикъ, возьмемъ мы этихъ дѣтей себѣ, подъ старость хоть испить подадутъ, а можетъ быть, и кормильцы будутъ“.—„Да-къ что, старуха, давай не-то оставимъ“.

Поживши нѣсколько лѣтъ, не случилось въ той столицѣ царской фамиліи. Избирали въ цари такъ: проѣзжали всѣ чины въ ворота, тутъ передъ иконой стояла свѣчка; уговоръ былъ такой: надъ кѣмъ свѣчка затеплится, тому быть царемъ, а пропускали поодиночкѣ. Имъ было тогда одному лѣтъ 17, а другому 16. „Подите, дѣтушки, что тамъ такое, посмотрите и скажите, кого выберутъ въ цари“. Собрано многое множество народу; шли по порядку графы, и министры, и генералы, затѣмъ купцы, и мѣщане, и вся чернядь. Дошла очередь и до нихъ; старшій пошелъ, во время это затеплилась свѣчка. „Остановить ёво!“. Эту свѣчку сняли съ огнемъ, поставили другую, второй разъ велѣли идти, свѣча во второй разъ засвѣтилась. Всѣ провозгласили: „Богъ показалъ намъ Царя! Кто ваши родные?“ Указали на старика и старуху. Меньшой братъ съ обидчивостью говоритъ: „братъ, прощай!“.—„Что же ты меня хошь оставить, не хошь раздѣлить со мною моего счастія“.—„Прощай да и всё“. Затѣмъ скрылся, а братъ его сдѣлался царемъ.

Меньшой братъ пошелъ на произволъ судьбы, куда глаза глядятъ. Зашелъ въ лѣсъ и заблудился, напалъ на троихъ разбойниковъ. Дѣлили они краденое добро и межь себя спорили. Всѣмъ нравилося всё одно. „Что спорите, добрые люди“, подошелъ онъ.—„Да вотъ нажили добро, не знаемъ, какъ поровну раздѣлить“.—„Ахъ, господа, сдѣлайте вы себѣ лукъ, еще три стрѣлы по числу васъ троихъ, которая вамъ вещь нравится, стрѣляйте въ этотъ предметъ: кто попадетъ, тому достанется коверъ-самолетъ, а ниже его попадетъ, боченочекъ разводной, а выше этаго предмета попадетъ, кошелекъ-самотрясъ“. — „Ахъ, малый говоритъ правду, давай, ребята, сдѣлаемъ такъ“. Бросилися отъ вещей: кто стрѣлу дѣлать, кто лукъ. Въ это время онъ обобралъ эти вещи, потому что они были невелики, и убѣжалъ. Они его догнать не могли, потому что былъ лѣсъ, роса опала. Въ концѣ концовъ пришелъ онъ въ столицу. Правительница была принцесса. Онъ вздумалъ наняться въ кучера. Парень онъ былъ молодой, красивый, она его приняла за красоту, за ловкость въ кучера. Вздумалъ онъ кучеровъ попотчивать, т. е. сдѣлать литки при поступленіи на должность: „Извольте, я васъ угощу“. А тѣ и рады. Недолго думая, взялъ свой боченочекъ, повернулъ, яви-

лись двѣнадцать молодцовъ. „Что вамъ угодно, Иванъ, купеческій сынъ?“—„Заморскихъ винъ и разныхъ закусокъ“—„Извольте, всё готово, а музыку прикажете?“ — „Какже!“ Услышала принцесса разный шумъ, что такое значитъ? Молодой кучеръ угощенье дѣлаетъ. Это что за новости! Позвать его сюды: „какъ ты смѣлъ это дѣлать?“ Онъ сказалъ: „извините“. Недолго думая, разослалъ свой коверъ, посадилъ ее на коверъ и былъ таковъ. Долгое время летѣли но коврѣ, наконецъ она попросила кушать. „Что-жъ, можно, за этимъ дѣло не станетъ“. Приказалъ ковру середь лѣса спуститься, сѣли на траву, взялъ боченочекъ повернулъ, опять явились двѣнадцать молодцовъ: „что угодно, Иванъ, купеческій сынъ?“ — „Обѣдать хочу, на двѣ персоны“. Опять разныхъ винъ и закусокъ всего вдоволь.—„Музыку прикажете?“ — „Не надо“. Тутъ онъ съ радости напился до-пьяна. Принцесса остереглась, сдѣлала только видъ, что она пьетъ. Когда онъ заснулъ, она обобрала его три завѣтныя вещи и воротилась на коврѣ въ свое отечество. Онъ просыпается: ни вещей нѣтъ, ни принцессы, и, не зная гдѣ, середь лѣсу темнаго, долго блуждалъ. Наконецъ, ѣсть захотѣлъ. Замѣтилъ онъ плоды, подобіе орѣховъ-кремней, сталъ ихъ ѣсть и сдѣлался старикомъ; потомъ плоды въ родѣ кокосу, тѣхъ наѣлся—сдѣлался деревомъ, ноги его стали уходить въ землю, не могъ идти, изъ него пошли сучья рости. Стоитъ и плачетъ: „вотъ такъ попался!“ На его счастье прилетаютъ два голубя и говорятъ межъ себя: „по неопытности страдаетъ молодой человѣкъ, если-бы онъ при попутномъ вѣтрѣ могъ достать тѣхъ плодовъ, которые называются кремни-орѣхи, онъ бы былъ старикомъ, все бы ему лучше“. Онъ такъ и сдѣлалъ, сучья его опустились, и онъ изъ земли освободился, сдѣлался дряхлымъ старикомъ. Прилетаютъ два голубя и говорятъ: „есть тутъ ягоды, подобіе вишни, если бы онъ поѣлъ этихъ ягодъ, онъ бы сдѣлался молодымъ попрежнему, даже красивѣе. Да, какія здѣсь странныя деревья. А то есть дерево, взявши корень его, охлыснуть человѣка имъ и сказать: „будь звѣрь“, будетъ звѣремъ“. Тогда онъ досталъ этихъ ягодъ, поѣлъ и сдѣлался красавцемъ, молодымъ человѣкомъ. Набралъ этихъ всѣхъ вещей и съ трудомъ могъ выбраться изъ лѣсу. По счастію его, попалъ въ эту-же сто-

лицу. Тогда онъ забрался въ царскій садъ, въ завѣтный колодецъ пустилъ нѣсколько ягодинъ. Попадаются эти ягоды дѣвкѣ-чернавкѣ. Она, польстившись, ихъ съѣла, сдѣлалась неописанной красавицей. Гуляя, принцесса, по саду, спросила ее: „чья ты, голубушка?“—„Я ваша вѣрная прислуга, дѣвка-чернавка“. — „Какъ это я васъ не могу признать?“— „Виновата, я съѣла нѣсколько ягодинъ, которыя попались въ колодцѣ“. — „Ахъ, голубушка, поищи, нѣтъ-ли еще“. — „Кромѣ орѣховъ ничего не нашла, только плаваютъ они однѣ“.—„Давай ихъ сюды“. Она съѣла съ жадностью и сдѣлалась старою и малоумною. Тутъ не знали, что съ ней дѣлать. Начали ее лѣчить, но лекарства никакія не помогали. День ото дню все хуже. Тогда Иванъ, купеческій сынъ, назвался докторомъ.—„Я могу, говоритъ, вылѣчить за три завѣтныя у ней вещи; она ихъ сама знаетъ“. Министры предложили, что ему угодно за леченіе. Тогда онъ далъ ей съѣсть нѣсколько ягодинъ. Она сдѣлалась лучше прежняго, молодою красавицей и стала вполнѣ здорова. Тогда всѣ начали его благодарить и какой хотите награды? — „Есть у ней три завѣтныя вещи: коверъ-самолетъ, боченочекъ разводной и кошелекъ-самотрясъ“. —„Съ чего ты это взялъ? такихъ вещей у меня совсѣмъ нѣтъ“. Тогда онъ видитъ себя осмѣяннымъ, взялъ корень, который взятъ былъ отъ дерева, ударилъ имъ принцессу и промолвилъ: „была царь-дѣвица, а теперь будь пѣгая кобылица, а вы были сенаторы-молодцы, будьте вороные жеребцы“. Запрягъ кобылу въ корневые санки, а вороныхъ жеребцовъ на арканъ и затѣмъ уѣхалъ къ брату въ столицу, началъ тамъ хвастовать коннымъ заводомъ. Его спросили: „кто вы такіе, имѣете ли видъ?“ — „А вамъ какое дѣло“. Нѣкоторыхъ жеребцовъ попродалъ, а нѣкоторыхъ у него такъ взяли. Его предали суду, отправили въ острогъ. Первые дни, сидя въ острогѣ, напоилъ всѣхъ арестантовъ пьяными. Весь караулъ отдали невинно подъ арестъ. На другой день арестантовъ выпустилъ на коврѣ-самолетѣ, остался одинъ. Подозрѣніе пало на него, что онъ выпустилъ. Тогда объ этомъ преступникѣ донесли царю. Царь осудилъ его на смертную казнь. Царь захотѣлъ видѣть лично преступника, сказалъ ему: „какъ ты смѣлъ учинить оголовное преступленіе, ты повиненъ смертному суду“. — „А забылъ, какъ

ты самъ былъ повиненъ смертному суду?" — „Какому?" — „А не дожидаясь о. дьякона, птицу скушалъ". — „Да какъ тебя звать?" — „Иванъ, купецкой сынъ". — „Голубчикъ, Ваня! ить ты мнѣ братъ, кто тебя довелъ до такого положенія?" — „Ваше правительство отняли у меня жеребцовъ и кобылу". — „Такъ это всё? Вамъ возвратятъ". — „Я хочу, чтобы мое сейчасъ было при мнѣ". Всё было доставлено. Сѣли въ корневые санки и поѣхали во дворецъ. Царь приглашаетъ, пожалуйте! Тогда беретъ корень. „А что, впередъ будешь", говоритъ пѣгой кобылѣ. Лошадь ничего не отвѣчала, только падали у ней слезы раскаянія. Взялъ корень, охлыснулъ и сказалъ: „была пѣгая кобылица, будь постарому царь-дѣвица, а вы, вороные жеребцы, будьте постарому сенаторы и генералы-молодцы". — „Что ты, братъ, боишься ли Бога, на комъ ты ѣздишь, на людяхъ". — „Они сами до того довели, пожалуйста дайте мнѣ помѣщеніе". — „Прошу покорно!" Тогда онъ женился на царь-дѣвицѣ, сдѣлался великимъ княземъ. — „А отцу давали вы знать?" — „Нѣтъ, во время твоего отсутствія я самъ боялся за твою жизнь". Дали отцу знать, донесли на свою мать за ея злой поступокъ, приговорили ее въ заточеніе; а они остались жить.

Калязинскій у. 1886 г.

---

178. [Хитрая жена].

Жилъ-былъ одинъ крестьянинъ до старости лѣтъ въ бѣдности, имѣя бѣдность и одно (такъ) сына, сталъ предъ смертнымъ концомъ благословлять его. „Благословляю тебя, сынъ мой, чтобы ты жилъ справедливо, какъ отецъ твой; хоть живи бѣдно, но чужаго ничего не бери и не задерживай". Затѣмъ померъ. Сынъ его, молодой человѣкъ, послѣ отца вздумалъ жениться. По волѣ родительницы матери послали сваху къ невѣстѣ. Имъ дали отказъ; они въ другое, третье мѣсто—тоже отказъ; они послали къ богатымъ и бѣднымъ—вездѣ всё отказъ. Тогда говоритъ сынъ матери: „если ты настаиваешь женить меня, пойду я самъ искать себѣ невѣсту". Долгое время искалъ и странствовалъ, исходилъ много мѣстностей, наконецъ обночалъ и въ лѣсу,

найдя одное хижину. Въ ней жилъ пустынникъ. Онъ осмотрилъ въ оконцо, старецъ молился передъ распятіемъ на колѣняхъ. Онъ далъ ему кончить молитву, началъ проситься для ночлегу. Отвѣтъ былъ таковъ: „кто ты, рабъ Божій“.—„Я заблудился, прикрой меня отъ темной ночи и звѣрей“.—„Милости просимъ, сынъ“, старецъ отвѣчалъ. Помолясь иконамъ, старичку отвѣсилъ поклонъ. „Что тебя сюда, дитя мое, завлекло, чай ѣсть хочешь?“ Подалъ ему скудной отшельническій ужинъ. — „Вотъ, дѣдушко, ищу себѣ подругу въ жены, нигдѣ не могу найти, есть ли хоть она, рождена ли моя суженая невѣста?“ — „Ложись, мой сынъ, спать съ Богомъ; есть твоя невѣста, я тебя разбужу завтра рано“. Ему и ночь не спалось, все думалъ объ невѣстѣ. Старецъ утромъ будитъ, а онъ давно готовъ. „Ступай, дитя мое, по этой тропочкѣ, дойдешь ты—будетъ озеро, спрячься тамъ въ кустѣ близъ озера; на это озеро летаютъ купаться три родныя сестры - голубицы; когда раздѣнутся, будутъ купаться, ты у одной возьми платье и опять спрячься въ кустъ, протчія сестры одѣнутся и улетятъ, она же безъ платья не можетъ летѣть, будетъ съ плачемъ и причетами вызывать: „кто взялъ мое платье, старый человѣкъ, будь мой дѣдушко, среднихъ лѣтъ—батюшко, молодыхъ лѣтъ—будь мой суженый женихъ“, тогда ты помоги ей одѣться и приведи ко мнѣ; я тебя, свѣтъ, повѣнчаю, та будетъ твоя суженая невѣста, я имѣю чинъ пресвитера“. Какъ сказалъ, такъ молодой человѣкъ и сдѣлалъ. Идя по тропкѣ, замѣтилъ озеро, сѣлъ въ кустъ и сталъ дожидаться. Долго ждалъ, наконецъ прилетаютъ три голубицы, родныя сестры. На лету какъ бы ударились о землю, сдѣлались прекрасными дѣвицами, раздѣлись и стали купаться. Платья ихнія были все разноцвѣтныя. Онъ и унесъ голубое платье; та была меньшая царская дочь, принцесса. Когда выкупались, двѣ стали одѣваться, а третья еще купалась. „Сестра, долго ли мы будетъ ждать тебя?“ — „Очень хорошо здѣсь купаться, я бы все купалась“. — „Мы ждать тебя не будемъ, пора домой“. Когда вышла, она не могла найти платье.—„Сестрицы, не вы ли пошутили, взяли мое платье?“—„Мы не видали, гдѣ ты раздѣвалась“. Подождавъ тѣ улетѣли, а она осталась съ горькими слезами и причетамъ. Сжавъ дѣтскую стыдливость, начала искать платье и спра-

шивать: „если старъ человѣкъ взялъ, будь мой дѣдушка, среднихъ лѣтъ—батюшка, молодыхъ—мой суженый женихъ“. Тогда молодой человѣкъ выходитъ изъ куста, подаетъ ей платье, самъ ее рукою придерживаетъ, помогая ей одѣваться и ведетъ ее къ старцу отшельнику. Тотъ немедленно принялъ съ радостью, поставилъ свой молитвенный налой, обвѣнчалъ по долгу православному, предложилъ трапезы, потомъ отпустилъ съ молитвою и благословеніемъ въ родное жительство къ матери. Тихонько наказалъ молодому человѣку: „возьми голубое вѣнчальное платье, спрячь отъ нее, а то она улетитъ отъ тебя, тогда ты будешь не женатъ, ни холостъ“. Онъ такъ и сдѣлалъ, придя домой. Мать сильно обрадовалась такой снохѣ красавицѣ, не знала, что дѣлать, готова невѣстку на рукахъ носить.

Царевна распорядилась такъ: купила въ городѣ домъ, купила лавку съ разными товарами, мужа заставила торговать, а онъ не знаетъ, откуда она такое множество набрала денегъ. Имѣя много у себя приказчиковъ, чрезъ нѣкоторое время послала его торговать заграницу, сама же стала ходить съ матерью въ храмъ Богу молиться. Разъ въ праздничное время пришли деревенскіе родные гости, стали молодую выхваливать, какая у тебя невѣстка красавица. „Не такая бы я была красавица, если бы надѣть мнѣ вѣнчальное платье“. Свекровь говоритъ: „а ты отъ насъ, дочка, улетишь“.—„Куды же я улечу“. А ее родные говорятъ: „мы подержимъ, не дадимъ летѣть“. Одѣлась въ вѣнчальное платье, обратилась въ голубя и была такова. Закричали: „держите“, но уже поздо. Старуха свекровь чуть съ ума не сошла. Родные погоревали и ушли домой, оставили старуху одну горе мыкать. Пріѣзжаетъ сынъ на корабляхъ; первымъ долгомъ: „всё ли здорово“, нѣсколько разъ спрашивалъ мать, а та сидитъ, какъ безумная. „Ахъ ты, старый чортъ, кабы не мать, убить бы тебя слѣдовало. Оставайся, старая корга, живи одна“. Пошелъ, пригорюнился, куда глаза глядятъ, на то самое озеро, гдѣ первый разъ увидалъ ее. Долгое время дожидался, ничѣмъ не могъ дождаться. Пошелъ въ лѣсъ, замѣчаетъ: левъ дерется съ змѣемъ удавомъ; змѣй говоритъ: „молодой человѣкъ, заступись за меня“, а левъ говоритъ: „заступись за меня“.—„За кого мнѣ лучше заступиться?“ Взялъ рычажину,

думаетъ: „дай заступлюсь лучше за льва, онъ вреда менѣе дѣлаетъ человѣку“. Размахнулся, ударилъ по змѣю, змѣй съежился, левъ этимъ временемъ разорвалъ его. Началъ благодарить: „вотъ тебѣ изъ моей гривы нѣсколько волосъ въ знакъ памяти, когда постигнетъ тебя черный день или какая крайность, вспомяни, я къ тебѣ и явлюсь на помощь“. Пошелъ далѣе, смотритъ — заноситъ страшную тучу, сверкаетъ молонья и громъ, пускается градъ съ дождемъ. Онъ скрывается подъ вѣтвистымъ дубомъ, слышитъ, на дубу какія то птички-дѣти пищатъ, „дай я ихъ прикрою отъ непогоды“. Взялъ съ себя верхнюю одежду и прикрылъ дѣтей птицы. Погода прошла благополучно. Прилетаетъ ихній отецъ—орелъ. „Живы ли, дѣтушки мои, я леталъ добывать вамъ пищи“. — „Не были бы мы живы, ка-бы не молодой человѣкъ спасъ насъ“. — „Гдѣ онъ находится?“ — „Внизу подъ дубомъ“. Слетаетъ и благодаритъ его. „Вотъ тебѣ въ знакъ благодарности изъ моего гребешка три пёрышка, если тебѣ нужно, помяни меня: „орелъ-птица, явись ко мнѣ“, тогда я и тебя могу избавить отъ напасти“. Изъ лѣса выходитъ на море, смотритъ на мелководье; обмелѣла китъ-быба: „молодой человѣкъ, помоги мнѣ“. Взялъ вагу (большое дерево), началъ подъ нее подбивать, а она усиленно стараться. Наконецъ съ усиліемъ могла съ мели сплыть, три раза въ глыби окунулася, начала благодарить, а онъ началъ спрашивать: „не знаешь ли, китъ-рыба, гдѣ здѣсь живетъ царевна?“ — „Вонъ ступай на правую сторону“. Приходитъ въ столицу, спрашиваетъ: „гдѣ живетъ вашъ властитель?“ Показали. Онъ спрашиваетъ: „что тебѣ надо?“— „Здѣшняго властителя или царя дочь была моей женой“.— „А ты кто такой?“—„Я государственный крестьянинъ“.—„Ахъ ты, мужикъ-сипачъ, какъ ты смѣешь называться царскимъ зятемъ? Составить надъ нимъ судъ и казнить его“. Сенаторы заступились: „нельзя человѣка предавать смертной казни, не испытавши. Ваша дочь умѣетъ все на свѣтѣ видѣть и находить, а онъ можетъ быть отъ нее куда и спрячется“.—„Ну, можешь ты отъ моей дочери спрятаться, гдѣ бы ни на есть?“ — „Могу, Ваше Величество“! — „Ну прячься“. Тогда вспомнилъ онъ льва. „Левъ-звѣрь, спрячь ты меня, куда нибудь отъ смерти“. Тогда явился левъ, велѣлъ ему садиться на него и держаться. Завезъ его за

тридевять земель, въ дремучій лѣсъ, положилъ подъ сваленое дерево, колоду называемое, и самъ его заслонилъ своимъ бокомъ. Утромъ встаетъ какъ царевна или его жена, беретъ волшебное зеркало и отгадываетъ, гдѣ мужъ ея находится. Говоритъ: „посмотри-ка, гдѣ у меня мужъ находится? Царь звѣрей левъ унесъ его на своемъ хребтѣ въ дремучій лѣсъ, положилъ его подъ упавшее дерево и заслонилъ его самъ собой". Тогда левъ, узнавши это: „молодой человѣкъ, куда тебя доставить?" — „Доставь, гдѣ я былъ". Тогда спрашиваютъ его: „что, любезный, не умѣлъ спрятаться? ты находился подъ прикрытіемъ льва; если можешь, поди ты второй разъ спрячься, а если въ третій разъ не спрячешься, казненъ будешь смертью". Второй разъ помянулъ онъ орла-птицу. Тогда она къ нему явилась и велѣла сѣсть на спину и занесла его подъ облака, поставила надъ дворцомъ на воздухъ. Царевна опять посмотрѣла въ волшебное зеркало и узнала, гдѣ онъ находится. Птица орелъ извѣстила ему, что ты не могъ укрыться, по его произволу спустила на землю, тогда его уличили, что онъ не могъ спрятаться. „Вотъ тебѣ послѣдній разъ". Тогда онъ просилъ китъ-рыбу спрятать его. Былъ цѣльные сутки у ней въ утробѣ, по всѣмъ морямъ носила она его въ себѣ, наконецъ занесла его подъ землю и поставила подъ дворцомъ, и въ третій разъ былъ найденъ. Тогда сенаторы заступились за него сказавши: „пускай въ четвертый разъ спрячется". Не находя никакого исходу, куда спрятаться, пошелъ повѣся голову, самъ не зная куды спрятаться. Двѣ горничныя принцессы сжалились надъ нимъ и говорили такъ: „давай, молодого человѣка спрячемъ". — „Такъ что, давай, мы отъ его жены немного добра видали, а если когда достанемся мы въ приданое съ его женой, можетъ быть намъ лучше будетъ". — „Пожалуй, давай, спрячемъ". Тогда онѣ тихонько заманили его въ дѣвичью, накормили, напоили; послѣ во время поздой ночи тихонько проводили въ спальню его жены, тихонько спрятали подъ ее кровать. Тогда она возвращалася съ прогулки съ сестрами изъ саду. Прислуга раздѣла ее, и легла она въ постель. „Куда ты, мужъ мой, спрятался?" Онъ, лежа, помалчивалъ, и ей что-то не спалось. Наконецъ встаетъ рано утромъ, беретъ волшебное

зеркало, нѣсколько разъ кидала на землю на море и на воздухъ, нѣсколько разъ повторяла это же самое, такъ что нигдѣ не можетъ видѣть. Она начала со зла еще нѣсколько разъ повторять. Осердяся разбила зеркало, думая, что оно ей измѣнило; „выходи, мужикъ, негодяй, гдѣ ты?“ Онъ вылѣзаетъ изъ подъ кровати. „Каково, папаша! Тогда я не могла найти по зеркалу мужа“. Царь призналъ его законнымъ зятемъ, щедро наградилъ и отпустилъ во свояси.

Калязинскій у. 1886 г.

Московская губернія.

179. Какъ царская дочь захотѣла нужду узнать.

Рабочіе работали. Царская дочь слышала, что нужда есть въ міру, и захотѣла она узнать, что такое за нужда; пошла искать нужду. Взяла тамъ своихъ прислугъ: кучера, фрейлиновъ, всѣхъ няневъ забрала и поѣхала нужду искать. Долго съ ними ѣхала — никакой нужды не находить. Фрейлина сказала, что „я не могу ѣхать дальше“. Съ эстаго слова она ее уволила, а все нужды не видить. Много время ѣхала; никакой нужды не найдеть, все нѣтъ нужды. Потомъ няня тоже отъ ней отказалась, что, дескать, „и я не могу ѣхать“. Осталась она съ однѣмъ кучеромъ и все нужды не видить, все не находить ея. Кучеръ сталъ проситцы у ней, что „отпустите меня, я не могу ѣхать“. Такъ что она одна пошла. Долго шла, а все нужды не нашла. Издалека видала она ужъ оченно прекрасное имѣніе, хорошее, и „дай я, говорить, пойду туды. Во всѣхъ я, говорить, царствахъ перьбывала; а это что за мѣстечко такое красивое?“ Ну и пошла туды; подходить къ эстому мѣстечку: прекрасный большой садъ, и такихъ свѣтовъ, кажется, нигдѣ и нѣтъ; въ саду царскій дворецъ, и преотлично онъ состроенъ, оченно фигуристо. Кругомъ дому оченъ хорошая рѣшотка, и потомъ есть вороты; у воротъ презлые, лихіе львы. И она все этой нужды не найдеть. Проти воротъ паратное; у паратной стоять львы. И все она нужды не находить. Какъ она подошла къ паратному, львы ей поклонились. Опять она все нужды не видить. Подошла къ паратному—паратное отворилось; неизвѣстно, хто ее отворилъ. Всходить она въ эфтотъ дворецъ; ей захотѣлось чаю попить; неизвѣстно, хто (такъ, вм. кѣмъ) ей столы накрыты, и чай готовъ. Опять все она не находить нужды. И закусила, какъ

слѣдуить. Пошла по всему дворцу, приходить въ одну, къ примѣру, зало. Висить гробъ на 12 цѣпяхъ, и озлѣ гроба патретъ на стѣнѣ, раскрасавецъ (это былъ заколдованный царевичъ); на столѣ лежить книга, и сказано: „хто эту книгу прочитаить всю, тотъ этого себѣ въ женихи получить". Она эту книгу взяла и читала; и кажный ей день утромъ чай и завтракъ накрывается на столъ, и подаеть неизвѣстно хто. И все она нужды не видить. И сколько она время это читаить; въ одно прекрасное время—ей скучно было — пошла она на море погулять; и моряки увезли дѣвочку; и она сжалолась, стала стараться эту дѣвочку отбить, нѣкоторымъ кричала, чтобы помогли. Потомъ она эту дѣвочку къ себѣ взяла для охоты (своихъ денегъ много, да и готово все, дають ѣсть). Эту дѣвочку она растила и выучила грамотѣ; тогда она ей помогала эту книгу читать. И все нужды не видить. Сколько время читали; остается оченъ немного ее читать, этой книги. Царской дочери захотѣлось уснуть; она и говорить этой морячкѣ, что „ты до эдакаго мѣста дочитаешь — больше не читай". Дѣвочка-морячка не послушала ее: оченъ любопытно ей было: „что̀ такіе за листочки, что ихъ не читать, дай прочитаю!" Вотъ она остальны-то прочитала, гробъ-то и упалъ; гробъ упалъ, раскололси, и выходить царскій сынъ, изъ гробу изъ эстаго встаеть; значить, яво отчитала. Онъ встаеть и спрашиваить: „хто ты такая?" Она ямý отвѣчаить:—„я, говорить, царская дочь".—Онъ говорить: „что-жъ ты одна здѣсь живешь?"— „Нѣтъ, говорить, у меня есть дѣвочка-морячка". (Вотъ скоро нужду узнаить). Онъ съ ней — уговаривaться жениться; а дѣвочкѣ-морячкѣ,—она ходу не даеть ей; она сидить одна въ комнатѣ и говорить: „вотъ, когда я нужду-то узнала! Я слушала, что крестьяне говорять, про нужду-то". А онъ-то ходить мимо комнаты и говорить невѣстѣ своей: „что это твоя дѣвочка-морячка все про нужду упоминаить?" — „Да вотъ ее, говорить, мужички увезли, а я ее отбила, когда ходила гулять; вотъ она все про нужду и говорить". — Значить, этотъ царскій сынъ приданое все сготовилъ и жениться собирается. Объ этой дѣвочкѣ попомнилъ: „надо и ее, говорить, одѣть". И справили ей; а она (т. е. невѣста) и говорить: „что же ее оченъ-то и разодѣвать? Она—простая морячка; только что я ее обучила". Чѣмъ Богъ послалъ,

обули-одѣли ее, и потомъ — свадьбу играть. Пригласилъ всѣхъ своихъ друзей, царское все фамиліе. Играли свадьбу, а дѣвочка остаетцы съ нуждой.

Потомъ, въ одно прекрасное время задумалъ балъ собрать царскій сынъ, который былъ заколдованный. Всѣхъ приглашалъ царей опять, и царицѣ своей готовилъ платье самое лучшее и морячкѣ такое же: онъ видить, что — не царская дочь — никакого нѣтъ обращенія — и что морячка не простая; вотъ онъ и собралъ, все имъ сдѣлалъ одинаковое. А она очень дерзко поступала съ нимъ: „зачѣмъ ты такъ разодѣлъ морячку?“ А онъ сказалъ, что „я такъ хочу, чтобы на балу была дѣвочка не обижена мной“. — Началась танцыя; эта замѣчательно танцуить, а эта какъ мѣшокъ топчется. Онъ въ своемъ пылу-разгарѣ подходилъ къ своимъ друзьямъ и спрашивалъ-совѣтовалси: „какая, говорить, царская дочь изъ нихъ изъ обѣихъ?“ (Скоро нужда ее кончится). Тогда друзья показывали на царскую дочерю, что это — царская дочь. (Онъ ее скоро запи́каить, застрѣли́ть за ложное показаніе). А это, говорить,—не царская. Онъ совѣтовалси съ ними: „что мнѣ съ ней сдѣлать, что она ложно показала?“ Всѣ присовѣтали ее посадить подъ растрѣлъ. (Зачѣмъ она назвалась такъ). Онъ привелъ къ креслу и подчуить, угощаить. „Садись на кресло“, говорить. И вынимаить левольверъ, и выстрѣлилъ въ нее, и была такова. (И нѣту моей морячки). Извиняется проти царской дочери, береть ее за руку, называить своей невѣстой. (А этой ужъ кавырка подъ ахомъ была).

Онѣ женились, а всѣ люди удивились. Вотъ я тамъ была и медъ пила; по усамъ текло, а въ ротъ не попало; вся моя труда́ пропала!

Верейскій у., д. Мокѣиха. 1897.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Калужская губернія.

180. [Мужъ, обращенный собакой].

РАЗСКАЗЪ.

Въ нѣкытырамъ мѣсти (эта была въ старину) зжила адна вдава, у этай вдавѣ какъ глазъ ва лбу была адна дочькя, ва дномъ съ нею мѣсти зжила такжа другая вдава съ сынамъ, и савѣтавали ани съ ваймъ сынамъ: „а игдѣ намъ, сынокъ, взять дли тибѣ нивѣсту? вазьмёмъ Морькю“ (Марфу).—„Кајо?“ гварить сынъ.—„Да вонъ тамъ, гварить мать, какъ бишь на Маскјовскамъ канцу, у энтай вдавѣ-вѣдьми, кажись, дѣфка такая шустрая, угодница, хыть куда“. Вотъ взяли ихъ и обвинчали, какъ слѣтъ лѣжить; вѣдьма аддала маладымъ новинькяй свой домикъ, а сама астáлась въ старай избѣ. Вотъ ети маладыя стали зжить да пазживáть и анáбы харашо, ды ета маладая угарáздилась, какъ ејо мать, литать ва трубу, абарачиватца вóлкамъ. Бывала, какъ придёть ана къ мужу, а онъ, глять, анъ — ана вся въ грязи и въ сыпухѣ измазана. Вотъ онъ билса, билса съ ней, а посли этава давай ејо катать каждай день. Вотъ эта жинѣ нелюба стала, взяла и пабижала анá къ сваей матери жалитца: „мамушка, любезница, мине мушъ всјо бьёть, житья атъ невò нѣту, пришлось хуть въ оселъ лесь“, гварить маладая.—„Ахъ, óнъ шельма édакая, не удобнай—што ета онъ уродая съ табой (гварить вѣдьма), ну-ка, призави ево суда ка мнѣ, мы тутъ на нево пасматряимъ, пóлна ему блажничать“. Жина приходя, мужу дакладая: „пайдёмъ-ка, друхъ милай, къ мамушки въ гости“. Зять къ тёсши прихóдя. „Здарова, матушка“, гварить онъ. „Здарова, дititка, здравствуй, гость нибывалай, садись за столъ, будишь гость“, гаварить тёсща. Зять, памалјомши Богу, сѣлъ и начилъ ѣсть блины; папрашалъ этатъ зять напитца. „Дай, гаварить жинѣ, Марфа, напитца!“—„Што иму, мамушка, испить“, гаварить дочь.—„Ну-ка, кравезница, малоденькева кваскю, на падай“, гаварить дочери. Зять перехрестјомши испилъ, а апивки па-

далъ жинѣ; жина взяла, да какъ вдрухъ шастнить ему въ глаза; татчасъ онъ абратилса сабакай и пабежалъ нивѣсть куда. Вотъ онъ бижалъ, бижалъ и прибижалъ къ мельницы и жилъ тамъ цѣлыи три года. И ужасна етай сабаки мельникъ былъ ратъ, кармилъ, паилъ ejo за сваиво дѣтисша. Да и эта сабака была мастирица хать куда; бывала, какой паѣдя, а зы памолъ не платя, ана ни спущаить сы двара, вотъ едакъ рвёть мужика да и по́лна; мельникъ станя спрашать, онъ ни аддалъ зы памолъ. Аднажда пріѣзжаить купецъ на евту мельницу малоть пшиницу и спрашаить мельника: „гдѣ ты, братъ, взялъ ету сабаку?“—„Сама прибижала. Какая, говарить мельникъ, ета сабака; ну пра, и гаварить нечева: ни за што ни пустя са двара ни заплатjомши зы памолъ“. Купецъ, пасматремши на ету сабаку, да и давай ejo таргавать. Таргавалъ, таргавалъ да и старгавалъ за двыдцать рублёвъ. Привёлъ ejo дамой и пасадилъ въ лавку. Вотъ сидить ана въ лавки, карауля; зжила ана у купца такжа цѣлыи три́ гыда. Бывала, кто придя пакупать въ лавку и принесеть хфальшивыи деньги, она татчасъ ихъ аддвигая, а ушъ — онъ и смѣкай, што деньги ни вазмутъ. Наканецъ, дальши — больши; ушъ эта сабака стала на щатахъ ращитатца, дасть ли кто нибуть читвиртакъ иль цалковай, ана даёть сдачи, што нада, и сама свирнётца на стули, какъ нигдѣ ни была. Вотъ и пашолъ слухъ объ едакой весшіи. Што за штука? гаварять, сабака таргаваить въ лавки, — ни гаразда гутарить, а то ни уступя мужику.

Вотъ пришла въ ету лавку старуха (ана е́таму дѣлу кардтка знала, што ета ни сабака, а испорчинай чилавѣкъ). „Пайдёмка, друхъ, са мной“, гаварить старуха, и привила ejo дамой, взяла да и спрыснула вадой. „Пади-ка, галупчикъ, гаварить она́, вотъ на ету постелю усни, по́лна тибе мучитца“. Три дня́ и три ночи спала эта сабака и стала настоясшій чилавѣкъ. „Ступай жа типерь ты дамой, атмести свajой жинѣ ету хлѣбь-соль, штобы и ана утёрлась етай ширинкай, пади, папраси у нejò напитца, а апивки выплисни въ глаза“. Онъ пашолъ, сдѣлалъ, какъ вѣдьма вилѣла. Вдрухъ жина абратилась кабылицай и типерича ходя по бѣлу́ свѣту.

С. Недѣлино. (Рукопись 50-хъ годовъ).